

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТ ДОНСКОГО КОРПУСА

под редакцией М.К. БУГУРАЕВА

Издание
Кадет Донского Императора Александра III
Кадетского Корпуса

This Book Can Be Ordered From
RUSSICA BOOK
ART SHOP, INC.
799 Broadway New York, NY 10003 U.S.A.
(212) 473-7480

Printed in Spain

ISBN: 84-399-2662-6

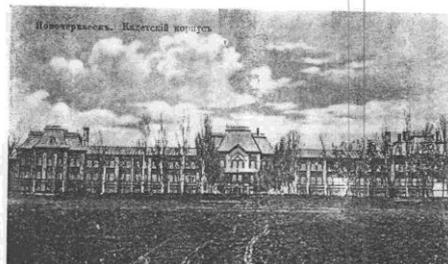
depósito legal: M. 28.185 - 1974

Talleres gráficos de Ediciones Castilla, S.A. - Maestro Alonso, 21 - Madrid-28

Государь Император Александр III — Основатель и Шеф Корпуса

ЖУРНАЛ ЗАВѢТАМЪ СТАРИНЫ,

1973 г.

Государь Император Николай II

К 90–ЛЕТИЮ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСА. ОБРАЩЕНИЕ К ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЕ

За многие годы, прошедшие со времени основания ДОНСКОГО КОРПУСА никто не предпринял шагов, чтобы в печати сохранилась о корпусе память.

Наконец, совершенно неожиданно для нас нашлись наши донские кадеты, образовавшие в г. Нью-Йорке Инициативную группу с целью издания книги о Донском Корпусе.

Мне хочется пожелать Вам полного успеха в этом тяжелом, но почетном труде и дать некоторые сведения об основании корпуса.

Замысел о создании Корпуса имеет глубокие корни среди Императорской Фамилии, когда взаимоотношения между Троном и Казаками были полны взаимного уважения и любви. Монархи любили и ценили казаков, а казаки платили такой же любовью, преданностью и верностью службы ЦАРИЮ и ОТЕЧЕСТВУ.

Несколько раз в 19-ом столетии Императоры и Наследники посещали Новочеркасск. При Императоре Николае I и Александре II началось усиленное создание кадетских корпусов, гимназий и различных военных школ.

Восприяв от своего отца Государя Императора Александра II любовь к Казачеству, Государь, еще будучи Наследником Цесаревичем и Атаманом всех Казачьих Войск, для ознакомления с бытом и нуждами казаков посетил 30 июня 1869 года столицу Войска Донского — Новочеркасск.

В 1877-78 гг. во время Турецкой войны, будучи командиром Рушукского отряда, Наследник имел возможность наблюдать действия как своего Л. Гв. Атаманского Наследника Цесаревича полка, состоявшего у Него в конвое, так и прочих армейских казачьих полков.

И здесь у Него зародилась мысль, что в настоящее время казачьему офицеру, помимо природной храбрости, необходимо и хорошее образование, и воспитание, и, что прошло то время, когда от офицера требовалось, чтобы он только «российской грамоте читать и писать умел».

После своей коронации в Москве, в 1883 году, Государь Император Александр III стал полным Самодержцем Российской Империи и повелел: «Для подготовки детей офицеров Войска Донского к военной службе основать в Новочеркасске Кадетский Корпус по образцу прочих корпусов Российской Империи».

В 1888 году Государь Император Александр III посетил Донской Корпус уже в его новом здании, и в честь Его посещения была прибита мраморная доска при входе в здание корпуса, в вестибюле на втором этаже.

Кадет XVI-го выпуска 1905 года, Л. Гв. Казачего Е. В. Полка

Генерал-майор К. Поздеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем писать предисловие мне хотелось бы сказать, что писать его трудно. Указать на недостатки или достоинства книги, как редактирующий ее я не могу. Невольно напрашивается вопрос, о чем я буду писать? Я знаю, что предисловие должно быть кратким, но в данном случае мне, может быть, придется отступить от общего правила. Я должен подробно объяснить, как донские кадеты пришли к мысли о необходимости издания книги «Дон. Имп. Александра III Кадет. Корп.», и как они это выполнили. Нам известно, что все кадетские корпуса были первой ступенью подготовки молодых людей к военной службе и защите своей Родины-России от врагов внешних и внутренних. Когда во время гражданской войны 1917 г. понадобилась эта защита, многие кадеты, почти еще дети, отдали свои жизни в борьбе с большевиками и мировым злом — коммунизмом. Всем безвинно погибшим, расстрелянным большевиками и убитым в бою — Вечная Память и Царство Небесное! Каждый кадет, окончивший свой корпус, любит его. Охотно вспоминает свои годы, проведенные в нем, своих товарищей-соучеников и многие события совместной с ними жизни. Мы знаем, что все Военно-учебные заведения находились под наблюдением особо назначенного Начальника. А для обучения и воспитания кадет существовала одна и та же программа. Хотя кадетские корпуса были разбросаны на необъятных просторах Российского Государства и находились далеко друг от друга, но традиции, устанавливаемые самими кадетами, во всех корпусах были почти одинаковы. Главные из них: «Любовь к Царю и Родине, защита Веры Православной и Вечное, ненарушимое Товарищество: «Сам погибай — товарища выручай!»»

ОБРАЗОВАНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

В конце 1971 года ко мне на квартиру в городе Нью-Йорке пришел Михаил Александрович Сарин. Его приход для меня был полной неожиданностью. До этого я встречался с ним только один раз. Пришел он ко мне на двух металлических костылях, пройдя от станции до моего дома пять кварталов, и поднялся по лестнице на пятый этаж. Учтывая все это, я подумал, что он пришел ко мне по какому-то важному делу. Он сказал, что после долгих и многократных разговоров со своим братом Дмитрием и постоянной перепиской с их другом Игорем Квятковским, они все трое пришли к заключению, что необходимо собрать данные о Донском Корпусе и издать книгу. Со дня основания корпуса прошло уже почти 90 лет, а в печати о нем нет никаких сведений. Конечно, в данное время за границей почти невозможно найти нужные нам документы и получить сведения о первых годах корпуса. Но мы обратимся к старшим кадетами и попросим их написать свои воспоминания. Все присланное нам мы используем и издадим книгу. Меня просят помочь в этом деле, главным образом, в редактировании. Я ответил, что как «старший донской кадет» не имею права отказаться от этого почетного предложения. И к этому добавил, что уже более десяти лет, как я собирал сведения о нашем Корпусе, и теперь охотно передам все собранное для книги.

Я сказал, что для книги в 500 страниц надо иметь больше ПЯТИ ТЫСЯЧ долларов, а их у нас нет. «Донских кадет за границей много», — ответил М. Сарин. «Если только живущие в Канаде и Соединённых Штатах Америки пришлют по СТО долларов, то денежный вопрос разрешится легко. Деньги соберём!» — уверенно заявил М. Сарин. «В таком случае, начинайте... В добрый час!» — ответил я.

Так, самочинно, образовалась инициативная группа: Максим Бугураев, Игорь Квятковский и братья Сарины, Михаил и Дмитрий.

Через два дня ко мне пришли оба брата Сарины. Они рассказали более подробно о своём решении издания книги. Сказали, что у Дмитрия Александровича собрано больше ста различных снимков, относящихся к жизни кадет, что они имеют много адресов своих товарищей, хорошо их знают и твёрдо верят, что с помощью всех донских кадет книга будет издана. «Только надо теперь же, не теряя времени, приступить к собиранию всего

нам необходимого», — сказал Д.Саринов. «Время не ждёт. Старых кадет осталось в живых немного, да и те в преклонных летах»...

Надо сказать, что и с Д.А. Саринным до этого я встречался только один раз, в 1943-ем году. Было решено написать и разослать донским кадетам обращение, в котором мы сообщали об образовании нами инициативной группы, и что при общей помощи донских кадет мы решили издать книгу о нашем корпусе. Просили всех, кто может написать свои воспоминания и прислать их М. Бугураеву, редактирующему книгу. Указали, кому присылать деньги, и сообщили свои адреса.

На этот призыв часть кадет отозвалась вполне благожелательно, и сразу прислали деньги. Некоторые в своих письмах критиковали нас, кое-какие даже не ответили на наши письма. А один — донской инженер, казак — стал доказывать мне ненужность и никчёмность издания этой книги. Для меня его заявление было совершенно неожиданно и весьма странно... На это я отвечаю русской пословицей: «В семье — не без урода». Можно спросить, почему же все военные люди пишут свои воспоминания о том, как и где проходила их служба. Кадеты многих корпусов уже издали свои воспоминания... Почему же мы, донские кадеты, имевшие счастье семь лет носить погон с вензелем Императора АЛЕКСАНДРА III и окончить корпус ЕГО Имени, не должны и не можем увековечить письменно память Царя-Основателя?

Ведь и для истории Дона и Российского Государства мы обязаны оставить правдивые, исторически точные сведения, помня пословицу: «Что написано пером — того не вырубить топором». Всем нам надо знать и никогда не забывать, что наш Донской корпус, был единственным из всех кадетских корпусов, сохранившимся в своём полном составе и принявшим кадет других корпусов, пробравшихся на Дон, в Новочеркасск.

Ни один кадет и никто вообще не знает тех сложных и трудных условий, в которых находились кадеты Донского корпуса. А мы должны это знать и узнаем только тогда, когда издадим книгу. Благодаря ей и следующие поколения русских людей смогут узнать все детали существования корпуса и причину его расформирования.

Когда же возродится Свободная, Великая, Православная Россия, во что мы твёрдо верим, тогда, в числе вновь открытых кадетских корпусов, будет и наш — Донской.

КАК ШЛА РАБОТА ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

После первого обращения денежных поступлений было мало.

А в половине 1972-го года заболел Мих. Алекс. Сариннов... и уехал на юг Америки. В октябре и я оставил работу: паралич разбил мою жену. Игорь Квятковский от Нью-Йорка жил далеко. Из всей инициативной группы остался один Д.А. Сариннов.

Работа по изданию книги могла прекратиться. Но все эти случайные неожиданности не смутили его. Он продолжал работу. Кроме того, часто приезжал ко мне и всячески старался оказать посильную и нужную мне помощь. Он часто писал письма кадетам и искал, кто бы мог помочь ему в редактировании книги, но найти не мог.

В начале 1973-го года в инициативную группу вступил Владимир Васильевич Казимиров, кадет сорок третьего выпуска. А в апреле я снова взялся за работу: мою жену поместили в Американский Старческий дом.

Инициативная группа, взявшись за работу, отлично знала, что она должна встретить различные препятствия. Но надо сказать правду, что она была уверена в поддержке донских кадет, а значит и в издании книги. Видя, что присылка денег идёт туго, а материала для книги поступает много, мы решили сокращать, присылаемые воспоминания. В них часто были излишне длинные рассуждения, не имевшие никакого отношения к жизни кадет; встречались и повторения при описании одних и тех же событий. А в некоторых воспоминаниях (по моему мнению) проскальзывала даже доля фантазии, что недопустимо, так как воспоминания — не роман, и в них необходимо соблюдать точность описываемых событий.

Чтобы усилить поступление денежных взносов мы разослали второе обращение. В нём подробно сообщали содержание книги и писали, что многие кадеты не только не внесли ни одного доллара, но даже не ответили на посланные им письма.

Предупреждали, что если не соберём нужную сумму денег, то не сможем издать книгу, и что мы уже начали переговоры с издательством в Испании.

После этого присылка денег увеличилась, но всё же собранная сумма для издания книги была недостаточна. Мы выпустили третье обращение в полной уверенности, что ещё получим деньги...

Считаю необходимым отметить ту отзывчивость и желание работать, которую проявили Д.А. Сарин и В.В. Казимиров. Они приезжали ко мне почти каждую субботу или воскресенье. (Дни, когда Казимиров не работал). Когда надо было сообща решить какой-нибудь вопрос, я просил их приехать вместе и тогда мы, трое, разрешали наши вопросы. Все эти частые поездки оплачивались ими самими из своих личных средств, а не из денег, собранных для издания книги.

Начиная с половины октября, каждую субботу или воскресенье за мной приезжал В. Казимиров. К нему же иногда приезжал и Д. Сарин.

Все вместе, мы окончательно подготавливали к печати присланный нам материал.

Для выяснения некоторых данных и точности описываемых событий, нам приходилось запрашивать других кадет. Своими ответами они оказали нам большую помощь.

Инициативная группа считает нужным высказать им глубокую благодарность. Сообщаю, их имена: Ген. м. Константин Ростиславович Поздеев — командир Лейб Гвардии Его Величества полка; профессор консультант-инженер Григорий Порфиринович Чеботарев; полк. артил. Петр Федорович Щетковский; артил. войсковой старшина Владимир Васильевич Шляхтин; сотник 6-ой Гвардейской батареи Владимир Александрович Поляков; редактор журнала «Родимый Край» — инженер химик Борис Африканович Богаевский; инженер Николай Иванович Басов и другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прием присланных воспоминаний, как и всего материала, решался инициативной группой, а не только одним редактирующим книгу.

Порядок помещения в книге всех статей — воспоминаний устанавливался решением всей инициативной группы (Игорь Квятковский приезжал для этого в Нью-Йорк из Бостона, Масс.).

Несмотря на то, что инициативная группа образовалась сама собой, она, с первых же шагов своей работы, встретила полную моральную поддержку со стороны бывших донских кадет, и это служило для нас источником духовных сил и дало нам возможность довести дело издания книги до успешного конца.

Инициативная группа считает своим долгом высказать особую благодарность всем кадетам, приславшим свои воспоминания и деньги, благодаря чему Донские кадеты выполнили свое обязательство и издали книгу памяти Царя — Основателя.

Мы знаем, что вся наша работа и то, как написана и отредактирована книга «в целом», будет подвержена критике чем-либо недовольных бывших кадет. Но, всем критикам надо помнить, что книга написана не одним человеком, а многими лицами, большинство которых не имели к журналистике никакого отношения.

В заключение, мы спокойно и с полным правом можем сказать: если бы не было самочинно образовавшейся инициативной группы, то не было бы и этой единственной, изданной за 90-лет, книги о Донском Императора Александра III Кадет. Корпусе.

М. Бугураев

Все кадетские воспоминания не могут являться всесторонне обоснованными, а также не являются историческим трудом, написанным на определенных и точных

документальных данных. Это лишь очерки, составленные на добросовестном воспоминании отдельных лиц, которые стремились восстановить свое далекое, полувековое и может быть забытое прошлое, не идеализируя и не преуменьшая его, но стараясь изобразить с реальной и правдивой стороны. Мы долго надеялись и ждали, что нам сообщат данные, дополняющие или опровергающие те или иные сведения; но материал с воспоминаниями поступал, все увеличивался, и мы должны были приступить к систематизированию для издания нашей кадетской книги, который мы имели.

Честь и хвала нашим старшим однокашникам по корпусу, которые отозвались на наши обращения и своими воспоминаниями запечатлели и заполнили тот пробел, который уже давно был забыт младшим кадетским поколением.

Как член инициативной группы я выражаю свою благодарность всем нашим Донцам, откликнувшимся на наш призыв и давшим нам необходимый материал, а так же денежные средства для издания книги Дон. Императора Александра III Кад. Корпуса.

Заканчивая свою статью, хочу добавить. Когда мой брат М. Сарин и я пришли к М. К. Бугураеву с предложением редактировать и издавать нашу дон. кадет. книгу, то мы считали, что в Нью-Йорке из донских кадет только он сможет успешно выполнить эту задачу. Мы знали, что М.К. Бугураев имел уже достаточный опыт в издании брошюр (Михайловское Артиллерийское Училище и Ген. барон П.Н. Врангель), и поэтому считали, что он, как имеющий опыт и как один из старших кадет нашего Корпуса, во всех отношениях подходит к редактированию нашей книги.

Низко кланяюсь и благодарю нашего уважаемого и престарелого и почтенного редактора Максима Константиновича Бугураева, который, несмотря на все его жизненные невзгоды и болезни, до конца руководил нами и дал нам правильное направление и возможность издать нашу Донскую (юбилейную) Кадетскую книгу.

Слава Донским кадетам и их Кадетскому Корпусу.

Д. Сарин

Донской Атаман ген. лейтенант А.П. Богаевский

ЧАСТЬ I

ОТКРЫТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Давно среди Донского казачества чувствовалась потребность духовной пищи, давно искра просвещения, упав на привольные степи тихого Дона, воспламеняла сердца славных его сынов, вселяя в них стремление к лучшей жизни.

Многие доблестные казацкие вожди сочувствовали этой святой жажде Дона и по мере сил поддерживали его на трудном пути самоусовершенствования.

Инициатором открытия на Дону кадетского корпуса был Войсковой Наказный атаман войска Донского Генерал-адъютант князь Николай Иванович Святополк – Мирский 2-й. Записка, поданная им Военному министру о необходимости открытия на Дону кадетского корпуса и о неимении на это средств, имела большой успех.

Государю Императору Александру III, после рассмотрения этого вопроса в Государственном Совете, благоугодно было 15 февраля 1883 года утвердить мнение Совета об открытии в Новочеркасске «Донского» корпуса.

Войсковой круг, во главе с Наказным атаманом, власти города, почетные гости, родители детей, принятых в корпус, и первые кадеты, — все возносили горячие молитвы к Богу, все радовались одной общей радостью, все были проникнуты в этот торжественный исторический день корпуса чувством высокой благодарности, беспредельной любви к Царю-Основателю.

На посланную Наказным атаманом Государю Императору телеграмму был получен следующий милостивый ответ:

«Благодарю вас и Войсковой круг за поздравление; очень доволен, узнав, что кадетский корпус открыт.

АЛЕКСАНДР»

В этом году в корпус было принято 60 кадет.

Первым директором корпуса был назначен полковник Илларион Михайлович Левачев. Суровый, неутомимый работник, не щадивший при выполнении служебного долга ни себя, ни подчиненных, Илларион Михайлович был неоценимым директором в первые трудные годы существования корпуса. Его речь, обращенная к первому педагогическому комитету, дышала сознанием тяжелого положения — неопытности и вместе с тем желанием преодолеть все препоны и выйти с честью из этого трудного дела.

«В виду того», — говорил Илларион Михайлович, — «что кадетский корпус в Новочеркасске открыт вновь и все лица, предназначенные на службу в нем, не знакомы на опыте с внутренним порядком ведения воспитательного дела в кадетских корпусах, следует быть крайне осторожными в своих действиях...»

Первый Директор корпуса ген. И. М. Левачев

Но, несмотря на тяжесть положения уже в первые 2-3 года честный и упорный труд Иллариона Михайловича дал плодотворные результаты.

Один из воспитателей, анализируя влияние корпуса на детей в первые 2 года, писал в своем отчете: «Как в физическом, так и в моральном отношении 2 года пребывания в корпусе произвели громадную перемену в мальчиках. Правильный образ жизни, ежедневные физические упражнения и хорошие гигиенические условия укрепили их тело и дали правильный ход их физическому развитию. Успех в нравственном совершенствовании заметен. Внешние достоинства, как то: вежливость, умение держать себя, привычка к порядку, опрятность привились уже в значительной степени.

Стремление к добросовестному исполнению правил религии, к усвоению правильных понятий о чести, чувстве долга и требований дисциплины прививаются заметно.

Дух товарищества, в лучшем значении этого слова, заметно укрепляется...».

Место для постройки корпуса было выбрано на краю города. Свежий, чистый воздух, не загрязненный городской пылью, сухость, благодаря высокому положению (корпус находится на горе), большое пространство свободной земли, — вот главные причины, побудившие Иллариона Михайловича избрать именно это место, на котором и назначена была 6-го мая 1885 года, в день рождения Наследника Цесаревича Николая Александровича, закладка корпусного здания.

После торжественного богослужения в кафедральном соборе, Войсковой круг, во главе с крестным ходом, двинулся к месту закладки. По прибытии на место Преосвященный архиепископ Митрофан отслужил молебен, окропил святой водой место постройки и Наказный атаман заложил первый камень и доску с надписью:

«В царствование Императора Александра III, при Августейшем Атамане Цесаревиче Николае Александровиче, Военном министре Генерал-адъютанте князе Святополк-Мирском 2-ом, Главном начальнике военно-учебных заведений Генерал-лейтенанте Махотине, Донской кадетский корпус учрежден 26-го февраля 1883 года и открыт 30-го августа 1883 года. Здание корпуса заложено 6-го мая 1885 года. Директор корпуса Генерал-майор Левачов, инспектор строительной части Полковник Покотиллов, строитель Полковник Залесский».

Постройка здания велась так быстро, что в августе 1886 года корпус перешел в первую совершенно законченную половину здания, а в 1887 году отстроена и другая половина.

С переходом в свое здание жизнь корпуса стала принимать все более определенную форму.

В силу некоторых обстоятельств не представляется возможности проследить постепенный рост корпуса, его усовершенствование в деле воспитания и образования, а потому ограничусь лишь перечислением некоторых официальных сведений, по которым вполне правильно можно судить о постановке учебно-воспитательного дела в корпусе.

Извлекая нужные нам сведения из общего свода сведений об успешности и поведении бывших кадет в младших классах специальных и военных училищ, составленного главным управлением на основании наибольшего влияния корпусного воспитания в течение первого года их пребывания в училищах, мы увидим, что в отношении учебного дела Донской корпус занимает 3-е место в ряду других корпусов, и что его бывшие кадеты, переходя из младшего курса в старший, имеют окончательный средний по всем предметам 8,9. Из тех же сведений мы узнаем, что корпус в отношении поведения занимает 1-е место, и что число записей в течение первого года пребывания кадет и училище приходится на каждого питомца Донского корпуса 2,94. Только питомцы одного корпуса имеют меньшее число записей — 2,76. Но если принять во внимание наивысший из всех корпусов процент состоящих в 1-м разряде за время пребывания молодых людей на 1-м курсе, то мы можем справедливо считать, что наш корпус в отношении поведения занимает 1-е место.

Таким образом, опираясь на выше изложенные сведения, можно справедливо считать, что в Донском корпусе учебно-воспитательное дело поставлено на должную высоту.

7-го мая 1888 года корпус осчастливлен был посещением Государя Императора Александра III, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Наследника Цесаревича Николая Александровича и Великого Князя Георгия Александровича.

Милостиво осмотревши корпус, государь Император осчастливил некоторых чинов корпуса и кадет беседой и в лице директора благодарил весь корпус.

14-го мая 1890 года корпус посетил Великий Князь Николай Александрович. Осмотревши корпус, Его Императорское Высочество, уезжая, обнял директора, поблагодарил его и весь корпус за честное, добросовестное отношение к делу и обещал доложить Государю о блестящих результатах, достигнутых родным нам корпусом.

16-го мая 1891 года назначен был директором (2-ым) корпуса Константин Николаевич Анчутин, опытный педагог, прослуживший много лет на трудном поприще воспитания.

С первых же дней вступления в должность, Константин Николаевич энергично принялся за продолжение начатого Илларионом Михайловичем дела. Его мягкое сердце, его простое искреннее обращение к кадетам, проглядывавшие во всех его действиях по устройству корпусной жизни, имели громадное влияние на восприимчивые, доверчивые детские души. Кадеты обожали своего директора, старались быть достойными его — их кумира. Память об этом директоре, так много потрудившимся для родного нам корпуса, всегда свято чтится среди его питомцев.

1894 году скончался в Ливадии Император Александр III. Смерть обожаемого Царя-Основателя произвела сильное впечатление на верных Ему детей. Много искренних слез пролил Тихий Дон, моля Бога об упокоении души в Бозе почившего Царя-Батюшки.

Государь Император Николай Александрович 18-го февраля 1898 года Высочайше повелеть соизволил присвоить Донскому корпусу наименование: Донской Императора Александра III кадетский корпус — это была лучшая награда корпусу, который и поверг к стопам своего Монарха глубокую благодарность.

1-го октября 1900 года Его Императорское Высочество Великий князь Константин Константинович изволил посетить Донской Императора Александра III кадетский корпус, в котором и пробыл 3 дня.

На другой день после отъезда Августейший Начальник осчастливил корпус следующей милостивой телеграммой:

«Все еще нахожусь под самым отрадным впечатлением трех суток, прожитых в Донском кадетском корпусе.

Шлю искренний поклон вам, служащим, передайте молодым станичникам-кадетам, что я полюбил их, как своих родных детей. Поправляется ли Попов Александр и другие больные кадеты? Прошу сообщить мне о их положении!

КОНСТАНТИН»

Великий Князь Константин Константинович

В этом же году корпус был осмотрен Военным министром Генерал-адъютантом Куропаткиным, который, найдя корпус в отличном порядке, изъявил свою благодарность в следующих словах: «Корпус мною найден в отличном порядке, благодарю вас господа!»

14-го ноября 1903 года Государь Император пожаловал корпусу воинскую святыню — знамя, а 6-го мая 1908 года оно было торжественно освящено и вручено директору корпуса, прибывшим по Высочайшему повелению старшим помощником Главного Начальника В-уч. заведений Генерал-лейтенантом Анчутиным.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович милостиво соизволил поздравить корпус с радостным событием следующей телеграммой:

«Искренно поздравляю славный Донской корпус с принятием Высочайше пожалованного знамени. Да послужит вручение святыни еще большему развитию в сынах тихого Дона чувства любви и преданности Государю Императору и Родине.

КОНСТАНТИН»

Вот те факты и сведения, которые дают нам ясное представление о результатах, достигнутых корпусом в образовательном и воспитательном деле за первую четверть века его существования.

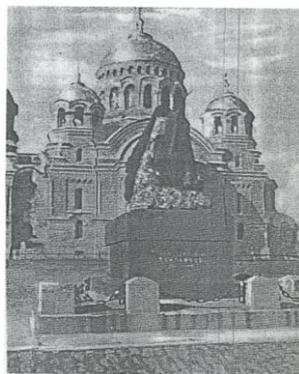
Нельзя не согласиться с трудностью великого дела — воспитание юношества, нельзя в то же время и не признать благородного отношения к делу наших наставников, благодаря которым корпус стал колыбелью возрастающих доблестных сынов Тихого Дона.

Дай Бог, чтобы и на будущее время Донской корпус стоял так же высоко, выпуская молодых казаков, достойных потомков Ермака, Платова, Бакланова и других героев Донского казачества.

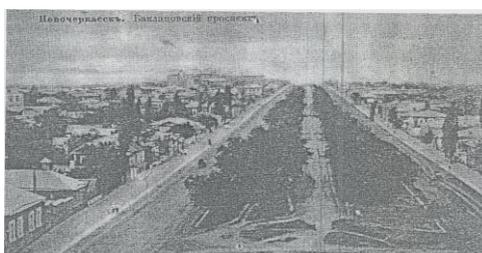
7 класс А. А. Д.

Журнал Донского Императора Александра III кадетского корпуса «Донец» 14-го января 1909 год. Номера 4 и 5, редактор, издатель И.Г. Чекунов (вице-урядник, 1-я сотня).

Журнал «Донец» начал издаваться в Донском корпусе с Октября 1906 года. Он так же продолжал издаваться и в Югославии с 1922 и по 1924/25 годы.

Собор и памятник Бакланова

Новочеркасск, Баклановский проспект

ГОРОД НОВОЧЕРКАССК

Столица Всевеликого Войска Донского, резиденция Донского Атамана и правительства, место собраний Войсковых Кругов.

В городе 80 тысяч жителей, в большинстве, казаков. Они организованы в станицу.

Железная дорога соединяла Новочеркасск с г. Ростовом на юге и с г. Воронежем на севере.

Среди достопримечательностей города можно указать на огромный златоглавый собор, являвшийся, по своим размерам, третьим во всей России; внутренняя роспись собора была выполнена художником В.М. Васнецовым. В гор. были: Донской музей, Атаманский дворец и памятники: Ермаку — покорителю Сибири, Атаману — графу Платову и ген. Бакланову.

В городе были высшие учебные заведения: Политехнический Институт, Высшие женские курсы. Офицерская стрелковая школа, 12 средних школ, среди них: Техникум, Сельскохозяйственное училище, Донской Корпус, Мариинский женский институт, Духовная семинария. Гимназии: женская и мужская; реальное училище; женское епархиальное училище; Атаманское Военное Училище. Низших школ — 35, четыре городских библиотеки, Военный госпиталь и шесть лечебниц. Пять больших церквей. В городе была и резиденция Донского Архиерея.

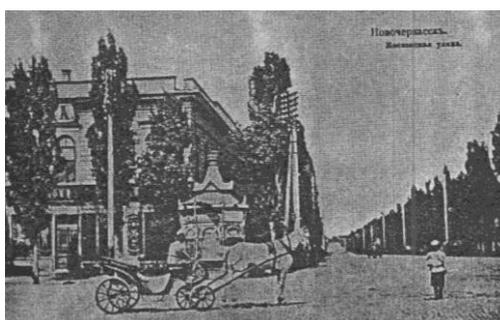
Новочеркасск начали строить при атамане Платове. В царском указе от 31-го дек. 1804 года Донскому Атаману предписывалось: «Призывая на помощь Бога Всемогущего, положить основание Новому Черкасску на месте между рек Тузлов и Окся, депутатами Войска Донского, избранном и как Вами, так и инженером де Воланом за удобное признаваемом».

Закладка города состоялась 18-го мая 1805 года.

В 1807 году управление Доном из Старо-Черкаска было переведено в Новочеркасск. Из Черкасского городка было переселено население пяти станиц и «базовые» татары, для которых основан пригород — Хотунок. Основательно заселить город удалось только через много лет.

Памятник атаману Ермаку

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

«Россия — для русских»...
Слова Импер. Александра III.

В текущем (1908) году 30-го августа исполнилось нашему корпусу 25-ть лет со дня его существования. Нравственный долг подсказывает вспомнить Державного Основателя, волей которого так много детей получило образование и воспитание в нём.

Император АЛЕКСАНДР III родился 26-о февраля 1845-го года. С самого дня рождения Великий Князь Александр Александрович был зачислен в списки л.-гв. Павловского полка и, будучи 6-ти лет, в 1851-ом году, при открытии памятника Императору Павлу 1-ому, нёс впервые службу, стоя на часах, в форме того же полка, у подножия памятника.

12-го апреля 1865 года, по случаю смерти своего старшего брата Цесаревича Николая, Он стал Наследником престола и был назначен Атаманом всех казачьих войск.

В 1877 году Наследник принимал участие в Турецкой войне и лично командовал Руцукским отрядом. Он блестяще выполнил свою задачу, оборону левого фланга наших позиций. Император Александр II пожаловал Ему орден св. Георгия 2-ой степени и золотую саблю, усыпанную бриллиантами с надписью: «За отличное командование Руцукским отрядом».

В мирное время Он командовал, последовательно, полком, дивизией и корпусом (Гвардейским). Он хорошо знал жизнь простого солдата и воочию видел все недостатки армии. Став Императором, Он много потрудился, чтобы улучшить быт военного человека.

Государь Император Александр III

2-го марта 1881-го года вступил на престол Всероссийский.

Вся программа Его деятельности сводилась к выраженному Им значению: «Россия — для русских»...

Император Александр III отлично понимал, что в данный момент Россия не нуждается в реформах, но нужно пересмотреть существующие законы. Он со своими помощниками это и выполнил.

Государь увеличил число школ, обратил внимание на промышленность и завёл специальные промышленные и ремесленные школы.

Учредил новое министерство земледелия. В заботах о торговле, Его приказом были построены новые железные дороги. Великий Сибирский путь, имеющий громадное стратегическое значение и оправдавший себя в Русско-Японскую войну, является вечным памятником Его забот о благосостоянии России.

В заботах о крестьянине Государь отменяет порядок взимания подушной подати и устраивает в 1882-ом году Крестьянский Земельный банк. Для дворян учреждает Дворянский Земельный банк.

Значительно были поправлены и финансовые дела после войны 1878 года.

Это дало возможность улучшить военный быт, увеличить армию, увеличить флот и почти заново построить Черноморский флот.

Во внешней политике Он сознавал, что нужно поддержать мир, что это даст Государству рост и развитие культуры. Ужасы войны, которые Он видел и перенёс, всегда отвращали Его от войны.

Союз России с Францией и заключение договора расстроили планы «среднеевропейской лиги» (это тройственный союз — Австрии, Германии и Италии).

Внешняя политика Европы всецело находилась в зависимости от воли русского Государя.

На престоле Императора АЛЕКСАНДРА III мы видим как олицетворение русского Царя. Это был истинно русский человек, как по душе, так и по виду.

Александр III был огромного роста, обладал богатырской силой, носил русскую окладистую бороду и имел добрую русскую душу.

Государь был высоко религиозный и много сделал для православной церкви. Он был истинным поборником русского просвещения: часто председательствовал в русском историческом, археологическом и других обществах, любил русскую литературу, давал пособия выдающимся русским писателям, поощрял русское искусство и устроил «Музей ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III», где собираются знаменитые произведения русских скульпторов и художников.

Император вёл простую семейную жизнь, в собственном Аничковом дворце, при полном отсутствии всякой роскоши.

20-го октября 1894-го года после долгой болезни в Ливадии Государь скончался, прожив, таким образом, 49-ть лет, а процарствовав только 13-ать лет.

Не только Россия, но и все государства мира, увидели великую потерю: они увидели, что лишились человека, который высоко нёс «знамя мира». За это Император АЛЕКСАНДР III получил славное имя «Царя-Миротворца»...

Мы, кадеты Донского Императора АЛЕКСАНДРА III кадетского корпуса, присоединим к нему ещё и имя «Царя-Основателя».

Кадет 7-ого класса... С. Б.

К КРАТКИМ СВЕДЕНИЯМ

По решению инициативной группы редактирующей книгу сделал очень короткие выписки, относящиеся к Его Императорскому Величеству Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III. Эти выписки указывают на то, какой характер имел Государь.

Сделаны выписки из дневника-книги «Собственный Его Императорского Величества Конвой» — под редакцией полк. Н. Галушкина, стр. 102-123. С. Франциско, 1961 г.

«14-го сентября 1866 года в Россию прибыла Высоконареченная Невеста Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, принцесса Датская Мария-Дагмар». Ей при приезде в Россию были оказаны все подобающие почести. «У Кронштадта Высокую путешественницу встретила Царская Семья, отправившаяся из Петергофа на яхте «Александрия».

«29-го октября, в честь Высоконовообрачных, дан был в Георгиевском зале Зимнего Дворца большой бал. Перед окончанием бала Государь и Государыня с молодой Августейшей Четой в торжественном поезде отбыли в Собственный Аничков Дворец».

«17-го августа 1868 года взвод терцев-конвойцев был вызван в Петергоф для участия в приёме Датской королевской четы. В саду Александрии взвод стал при спуске с горы к взморью, для конвоирования двух экипажей: Наследника Цесаревича и Его гостей. Поле, по которому предстояло следовать казакам, всё было изрыто глубокими канавами.

Конвойцы в стройном порядке брали эти препятствия, держась на одной высоте с экипажами, на что обратил особое внимание гость Русского Двора, Датский король. Заметив это, Государь Наследник Цесаревич остановил экипаж и приказал казакам Царского Конвоя произвести джигитовку, что окончательно удивило короля.

Августейший тесть... два раза подходил к выстроенному взводу казаков-конвойцев, подробно интересуясь их формой, снаряжением и оружием.

Когда приказано было спешиться и сесть тут же за приготовленный в саду обед, Датская королевская чета ещё раз подошла к казакам Императорского Конвоя и, приветствуя их, горячо благодарила за впервые виденную ими казачью джигитовку.

Государь Наследник Цесаревич пригласил своих гостей к казачьему столу. Так казакам Конвоя было оказано столь высокое внимание» (стр. 68-74). Мы сообщаем только исторические факты, не делая никаких выводов, чтобы читающие книгу сделали их сами.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ

Было около 2-час. дня, когда Государь Имп. Александр II из Михайловского манежа возвращался во Дворец по Екатерининскому каналу мимо Михайловского театра. Не успел Царский экипаж... поравняться с выходящими на канал зданиями Дворцовых служб, как под каретою Государя раздался взрыв. Полусломанный экипаж остановился в облаках дыма. Один из конвойцев, казак А. Малевич, получив тяжелые раны, упал позади кареты, близь тротуара. Ординарец-конвонец у-оф. К. Мачнев, сидевший рядом с кучером, был ранен. Невдалеке от царского экипажа упало несколько частных лиц. Дверцы кареты отворились и Государь Имп. Александр II вышел невредимый, спрашивая у своих казаков-конвойцев, что случилось... Осенив Себя крестным знаменем. Государь направился к тротуару. Раздался новый взрыв, но уже под Его ногами... «Смертельно раненого Государя посадили в сани», по прибытии в Зимний Дворец Государь Имп. приобщился Св. Тайн и в 3 часа 35-ть минут дня в Бозе почил. «Все казаки и их командир ротм-р Кулебякин были переранены и контужены. Второго марта Имп. Конвой принес присягу Государю Имп. Александру III-му Александровичу. После принесения присяги Их Величества выехали из Зимнего Дворца в закрытом экипаже, за которым следовало только три казака Конвоя. Население столицы с необычайным энтузиазмом приветствовало Государя и Государыню Императрицу Марию Федоровну». Осиротевшей семье каз. Малевича назначена пенсия в сто рублей. Все конвойцы раненые вышли в отставку, получив специально выбитые медали. Торжественное погребение состоялось 15-го марта, (Конвой стр. 102-105). В Дон. Имп. Александра III Кад. корп. в день убиения Государя, 1-го марта, бил барабан, вместо сигналов трубы.

15-го мая 1883 г. Москва, а с нею и вся Россия, праздновала Коронацию ИХ ВЕЛИЧЕСТВ. Весь путь Царского следования в Успенский Собор, охраняемый взводами полков гвар. кавалерии, был устлан алым ковром. Сотни тысяч народа наполняли Кремль, стояли за Кремлем, за Москвой — рекой и на набережной. С Красного Крыльца появились высшие государственные сановники с Императорскими Регалиями.

32 генерал-адъютанта несли коронационный Балдахин, под которым шествовали Государь Император Александр III и Государыня Императрица Мария Федоровна.

Ровно в 10-ть часов и 30 минут раздался орудийный салют и колокольный звон. Государь Император венчался на Царство!

Когда Император Александр III, при обратном шествии, появился в Короне и Порфире, со Скипетром и Державою в руках, стены Кремля дрогнули от приветствия народа.

За Государем следовала Императрица Мария Федоровна. Лицо Ее светилось ласкою и добротою.

Еще раз бурным порывом загредело «Ура», когда ИХ ВЕЛИЧЕСТВА взойшли на Красное Крыльцо и оттуда поклонились народу. (Собственный Е.И.В. КОНВОЙ, стр. 112).

Коронационные торжества закончились 28-го мая Высочайшим смотром всех войск, находящихся в Москве.

СМЕРТЬ ГОСУДАРЯ

Приведём мало известные факты из жизни Государя Императора АЛЕКСАНДРА III. Эти факты неизвестны не только Донским кадетам, но и вообще большинству русских людей.

В журнале «Православная Русь» — № 12, 1973 года, читаем следующее: «Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА была четвёртой дочерью Великого Герцога Гессенского Людвига 4-го и его супруги. Герцогиня Алиса родилась 6-го июня 1872 года. В числе восприемников при крещении были Император АЛЕКСАНДР III, тогда Наследник Цесаревич, и Его Супруга Императрица МАРИЯ ФЕДОРОВНА...

Шести лет от роду, принцесса Алиса лишилась своей матери, и Ее последующие годы протекали, главным образом, при дворе Английской Королевы. 12-ти летней девочкой. Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА в первый раз приехала в С. Петербург на свадьбу своей сестры, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, и познакомилась с Наследником Цесаревичем, которому в то время было 16-ть лет. С годами увлечение росло, но принцессе приходилось выдерживать борьбу со своим чувством, ибо, как при Английском дворе, так и при Гессенском, относились несочувственно к перемене религии. Однако к тому времени, когда принцесса Алиса сделалась невестою Наследника Цесаревича, колебаний уже не было; принцесса успела настолько глубоко познакомиться с православием, что перестала страшиться перемены религии.

Вот какими словами описывает А. А. Танеева первые впечатления принцессы Алисы, по приезде Ее в Россию в качестве Царевны: «В то время смертельно заболел Император АЛЕКСАНДР III, и её вызвали, как будущую Царевну, в Крым. Императрица с любовью вспоминала, как встретил её Император АЛЕКСАНДР III, как Он надел мундир, когда Она пришла к Нему, показав этим свою ласку и уважение.

Затем следует переход Её в Православие и смерть Государя Императора АЛЕКСАНДРА III. Государыня рассказывала, как Она, обнимая Императрицу-Мать, когда Та отошла от кресла, на котором только что скончался Император, молила Бога помочь Ей сблизиться с Нею. Потом длинное путешествие с гробом Государя по всей России, и панихида за панихидой». (Страница 3-я).

«17-го февраля 1893 года умер командир Конвоя Свиты Его Величества ген. майор В.А. Шереметьев. В 5-ть часов вся Семья Государя посетила вдову...

По окончании отпевания в Сергиевском соборе, Государь Император, Наследник Цесаревич, Великие Князья и лица Царской Свиты вынесли гроб из собора. Император АЛЕКСАНДР III поддерживал гроб с телом командира Своего Конвоя с правой стороны у изголовья» (стр. 118).

«8-го августа 1894 года Император АЛЕКСАНДР III произвёл общий смотр войскам Красносельского лагеря... Никто не подозревал, что это был последний смотр Царя-Миротворца». «17-го авг. ИХ ВЕЛИЧЕСТВА отбыли в Белосток, а затем в собственное имение Спаду». «21-го сент. ИХ ВЕЛИЧЕСТВА прибыли в Ливадию на крейсере «Орёл» (стр. 120).

«В конце сентября здоровье Императора АЛЕКСАНДРА III заметно ухудшилось: бюллетени врачей были неутешительны. В Ливадию прибыли все Августейшие родственники Государя. В октябре предполагался отъезд на остров Корфу... Однако Государь не хотел оставлять Россию и ехать в чужие края».

«10-го октября в Ливадию прибыла Высоконареченная Невеста Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, принцесса Алиса Гессенская».

«Во время болезни Государя со всего мира прибывали телеграммы, и пять казаков Конвоя едва успевали их доставлять, с телеграфной станции во Дворец.

Могучее здоровье Царя-Миротворца заметно ухудшалось; катастрофа видимо приближалась... 20-го окт. всем чинам Конвоя, находящимся на службе, было приказано надеть парадные мундиры... В 2 часа и 30-ть минут дня бывший в наряде урядник Переверзин вбежал в офицерский флигель... Урядник молчал... но и без его слов всё было ясно. Наконец, он тихо произнёс: «Государь Император только что скончался»... Офицеры бросились во Дворец, на флагштоке которого медленно спускался Императорский Штандарт.

Государь Император АЛЕКСАНДР III почил, сидя в кресле-коляске, поддерживаемый Государыней Императрицей МАРИЕЙ ФЕДОРОВНОЙ».

«С моря раздался траурный салют военных судов» (стр. 122).

После трогательной сцены прощания с в Бозе почившим Государем Императором, во время которой офицеры и казаки Конвоя становились на колени и целовали Его руку. Тело покойного Императора было перенесено в нижний этаж Дворца.

«В 4 часа 30-ть мин. дня чины Конвоя принесли присягу Государю Императору НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ».

Сообщаем с громадными сокращениями:

«25-го окт. тело было перенесено в большую Ливадийскую церковь.

У ступеней храма гроб от конвойцев был принят Государем Императором с Великими Князьями и Ими внесён в храм. У гроба усопшего Императора стала первая смена почётных часовых. Двое суток, днём и ночью, прощалось население Ливадии с умершим Царём-Миротворцем.

27-го октября, по отдании последних почестей, чины Конвоя снова приняли гроб от Государя и бывших с Ним Августейших Особ. Процессия направилась к Ялтинской пристани, по изгибавшемуся горному шоссе. Весь путь до моря был разделён на три участка. В первом, самом трудном, от церкви до границы с городом, гроб несли казаки-конвойцы; их сменили стрелки, а после, к пристани — моряки.

На молу была отслужена лития, по окончании которой гроб был установлен на крейсере «Память Меркурия», куда сошли для почётного караула два офицера и шесть урядников от Конвоя. Остальные чины Конвоя выстроились на молу. В 11 часов и 30 минут дня 27-го октября 1894 года «Память Меркурия», в сопровождении двух военных судов «12 Апостолов» и «Орёл», отбыли в Севастополь.

Всю дорогу при гробе находился караул Конвоя.

30-го окт. тело почившего Государя прибыло в Москву, 1-го ноября в Петербург. С Николаевского вокзала Царский гроб днём был торжественно перевезён в Петропавловский собор. Петербург был весь в трауре, а ноябрьский мелкий дождь придавал столице ещё более печальный вид.

7-го ноября в Высочайшем присутствии Государя и Особ Императорской фамилии, было совершено погребение Государя Императора АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Множество дорогих венков совершенно изменило внутренний вид Петропавловского собора (стр. 123-124)

ПОХОРОНЫ ГОСУДАРЯ

Воспользуемся историческими данными, взятыми из «Памятки Николаевского Кавалерийского Училища из статьи — В Училище — стр. 44 и 45.

В конце сентября 1894 г. младший курс присягал в церкви Училища Императору Александру III, а через месяц вторично, но уже Императору Николаю II.

На похоронах Имп. Александра III наш эскадрон в конном строю следовал за гробом. Около 7-ми час. утра мы выступили из Школы к Николаевскому вокзалу, где выстроились на вокзальной площади. По всем улицам города двигались войска. Одни полки становились шпалерами вдоль пути от вокзала до Петропавловской крепости, другие, назначенные следовать за гробом, собирались у вокзала и на прилегающих улицах.

Нас спешили и мы держали коней на поводу. Проезжало многочисленное начальство, постоянно раздавалась команда: «Смирно!» Около половины одиннадцатого мимо нас со стороны вокзала стало проходить духовенство по два в ряд, впереди шли певчие.

Я никогда в жизни не видел столько священников и высших иерархов церкви, как на этих похоронах. Не было конца колонны духовных лиц. Замыкали шествие епископы и митрополиты. В числе духовенства я заметил также представителей евангелическо-лютеранской и римско-католической церквей.

Полчаса тянулось шествие духовенства. Все время был слышен гул колоколов всех церквей С. Петербурга. Этот гул монотонно гремел, как отдаленный гром...

Прозвучали команды... раздались звуки «Коль Славен», все замерли: мимо эскадрона движется окруженный генерал-адъютантами лафет с гробом. За ним вели верховую лошадь Государя. Затем следовала большая группа членов Императорской Семьи, иностранных монархов, их представителей, а за ними — обшитые флером кареты.

В них Императрицы, Великие Княгини и Княжны...

Далее сотня конвоя Его Величества, наш эскадрон, другие военно-учебные заведения и части, шефом коих был почивший Император.

По Невскому проспекту шпалерами стояла гвардейская кавалерия: с левой стороны кирасирская дивизия, с правой — легкая кавалерия. Все в глубоком трауре.

Кортеж был такой длинный, что прямой путь от Николаевского вокзала до крепости не мог вместить всю следовавшую колонну, отчего процессия двигалась к крепости круглым путем. Шествие часто останавливалось у церквей и дворцов, перед которыми служили литии. Когда мы дошли до крепости, нас отвели дальше мимо, дабы дать возможность частям, следовавшим за нами, пройти мимо Петропавловского собора.

Гельсингфорс. 1943 г.

Барофон фон Э. МЕНД

ЗНАМЯ ДОНСКОГО КОРПУСА, НАХОДИВШЕЕСЯ В СТРОЮ

В течение 23 лет, с 1894 по 1917, наш корпус являлся одним из тридцати одного расадника офицеров Российской Императорской Армии, во главе которой стоял Государь Император Николай II.

14-го ноября 1903 года было Высочайше пожаловано Донскому Императора Александра III-го кадетскому корпусу знамя образца 1900 года, а 6-го мая 1907 года знамя было освящено и вручено директору корпуса Ген. М. Лазареву-Станицеву.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ:

Навершие знаменного древка украшено золоченым двуглавым орлом с поднятыми крыльями.

Ширина в крыльях — 64 и $\frac{1}{4}$ дюйма.

Диаметр яблока — 2 и $\frac{1}{4}$ дюйма.

Длина узорчатой части трубки под яблоком — 2 и $\frac{3}{4}$ дюйма.

Длина гладкой части трубки — 1 и $\frac{3}{4}$ дюйма.

Знамя образца 1900 года — Икона — цельно тканная, с золотым фоном.

Полотнище знамен, жалуемых Военно-Учебным заведениям, белого цвета с каймой по цвету прибора соответствующих заведений. Кайма — по цвету погон и украшена золотыми звездочками.

Икона с изображением «Нерукотворного Спаса», над изображением надпись: «С НАМИ БОГ».

Фон иконы золотой, плат белый с двумя золотыми полосами по низу.

Сияние и буквы на нем золотые.

На другой стороне полотнища в середине большой вензель Императора Николая II, вышит золотом, с двумя звездочками по сторонам, а по углам полотнища Государственные Гербы.

Количество гвоздей — 100 (золотых).

Темляк для привязывания чехла — серебряный.

Чехол из черной кожи.

ОПИСАНИЕ ПРИЕМА ЗНАМЕНИ

Знамя было передано Донскому корпусу 6-го мая 1907 года. Привез его Ген. лейт. Анчутин, бывший директор корпуса и теперешний помощник Главного Начальника Военно-учебных Заведений.

Помню, как после молебна в Сборном зале происходило забивание золотых гвоздей, вернее, добивали их специальным молоточком, привезенным со знаменем.

Первый удар сделал Ген. л. К.Н. Анчутин, за ним — директор корпуса ген. м. П.Н. Лазарев-Станищев, а затем — все офицеры, воспитатели. Потом вице-вахмистр, все вице-урядники и несколько кадет, лучших учеников. Ген. Анчутин передал знамя коленопреклоненному директору корпуса.

Он принял знамя, поцеловав его; встал и, в свою очередь, передал его коленопреклоненному вице-уряднику Григорию Чекину, первому знаменщику Донского корпуса. Чекин с офицером и двумя вице-урядниками ассистентами стали в строй 1-ой сотни. Под звуки духового, корпусного оркестра начался парад.

Весь корпус прошел перед ними, отдавая почести знамени.

Знамя хранилось всегда в церкви, в черном чехле, в специальной стойке у амвона, с правой стороны.

Знамя, с подобающими ему почестями, бралось на парады в город и возвращалось обратно. А так же выносилось по торжественным дням и всегда в день Корпусного Праздника.

Вскоре, после революции, из Главного Управления Военно-Учебных Заведений последовало распоряжение о переименовании кадетских корпусов в «Гимназии Военного Ведомства» и о сдаче корпусных знамен и отправления их в Петроград, что и было исполнено.

Второй Директор корпуса ген. майор К.Н. Анчутин

Третий Директор корпуса ген. майор П.Н. Лазарев-Станищев

Таким образом, 6-го декабря 1916 года, в день Корпусного Праздника, знамя выносилось последний раз.

Первым знаменщиком был вице-урядник Григорий Чекин.

Вторым знаменщиком был вице-урядник Хрисанф Бугураев.

Третьим знаменщиком — вице-урядник Георгий Красовский.

Сдача знамени, по всей вероятности, произошла в бытность директора, полк. Г.А. Семерникова (с марта 1917 года и по 27 ноября 1918 г.).

Ген. П.Н. Краснов, который после освобождения Новочеркаска был избран почти единогласно «Кругом Спасения Дона» (103 голосами из 130), Донским Атаманом, в первом же своем приказе Войску от 4-го мая 1918 года, в параграфе 2-ом по военному ведомству, среди других распоряжений, указывает: «Подготовить все для восстановления занятий в Донском кадетском корпусе» и восстанавливает наименование Корпуса — «Донской Императора Александра III кадетский корпус».

Таким образом, Донской Корпус снова начал свое существование, как единственный корпус — тогда, продолживший нормальное ведение занятий в европейской части России.

ФОРМА КАДЕТ ДОНСКОГО КОРПУСА

Повседневная форма: Сероватая полотняная рубаша с погонами и длинные темно-синие брюки без лампас, сапоги с короткими рыжими голенищами и кавказский узкий пояс с металлической головкой и металлическим наконечником. Бушлат темно-синий (старый мундир) без серебряных галунов. Это был ежедневный бушлат, который хранился в тумбочке кадета.

Черная шинель с погонами и с красными лацканами на воротнике. Шинель имела один ряд (6 штук) серебряных пуговиц. Висела она в умывалке на номерных крючках.

Фуражка с кокардой, с красными кантом и околышем с темно-синей суконной тульей, цвета донского казачества. Черный лакированный козырек (кадеты любили кожаный) можно было сгибать и он не ломался.

Парадная форма: темно-синий мундир с серебряными галунами (на воротнике и на рукавах), темно синие брюки с красными лампасами. Все было новое и хранилось у каптенармусов в цейхгаузах, а выдавалось на «парады, в праздничные церковные и в отпускные дни.

Черного сукна шинель, такая же, как и повседневная, только новая.

Вице-вахмистр 26-го вып. В.В. Шляхин — 1915 г.

Матерчатый широкий светло синий (почти голубой) пояс. Он застегивался крючком на пряжке и все закрывал поперечный, подворачивавшийся под пояс, отдельный кусочек материи, цвета пояса.

Парадный мундир и бушлат не на пуговицах, как в других корпусах, а на внутренних крючках.

Весь «прибор», т.е. галуны на мундире, пуговицы, нашивки у вице-вахмистра и вице-урядников, все было серебряное.

Зимой выдавались наушники, башлыки и перчатки (варежки с одним пальцем). Башлык, главным образом, служил для того, чтобы он аккуратно висел на спине у кадета, а два его длинных конца пропускались под погоны шинели, перекрещивались на груди и, подворачиваясь, заправлялись за пояс. Кадеты избегали носить башлык на голове.

Зимой, на прогулку, кадет обычно выпускали в мундирах и только в младших классах одевали шинели.

Когда кадеты ходили в отпуск в шинелях, то голубой пояс носился одетым сверху шинели.

Кадет Ермаков Н. 1913 г.

ПРИЕЗД И ПОСТУПЛЕНИЕ В КОРПУС

Отец привез меня в Новочеркасск в кадетский корпус. В вестибюле к нам подошел офицер, проверил по бумаге, которая была у него, попросил моего отца подождать немного, а мне сказал: «Ну, Максим идем в баню» Урядник повел меня по длинному коридору. Это был зал 3-ей сотни, пройдя который мы вышли на лестницу, этаж и попали в баню. В предбаннике за руку, подвел к парикмахеру и... он машинкой срезал мне волосы (под три нуля). Затем этот же служитель помог мне раздеться, открыл одну из дверей и я вошел в Баню, где от густого пара «было все, как в дыму — ничего не видно». Ко мне подошел уже другой служитель, раздетый, и хорошо, продолжительно обливая меня водой, вымыл.

В предбаннике меня уже одели во все казенное — (белье, серую полотняную рубашку с погонами и длинные брюки, закрывшие сапоги с короткими рыжими голенищами). После я узнал, что все это нам давал капитанармус 3-ей сотни. У него заранее было приготовлено все по росту кадет — малый, средний, большой.

Дали длинный, узкий, кавказский поясок с металлической, кавказского серебра головкой и наконечником. Этим пояском я и подпоясался.

После, глядя на старших кадет, мы учились, как надо собирать все складки рубахи на спине. А главное, где и на каком расстоянии от середины живота должен быть закреплен узлом конец длинного пояса.

Чтобы избежать ненужной «зависти», было принято по традиции своих поясов «с богатым набором» — не иметь, а всем пользоваться только казенными...

Опять урядник отвел меня к отцу, и я передал ему сверток с моей (штатской) одеждой, аккуратно завернутый в бумагу и перевязанный тонким шнурком.

«Ну вот, Максим...», — Сказал отец, — «теперь и ты стал кадетом. Настоящий казак и с погонями. Поздравляю! Учись хорошо, не шали много, слушай своих воспитателей и... не обижай своих приятелей». Поцеловал меня и... ушел.

Сильно хотелось мне заплакать, но... было стыдно — кадет, а плачет — и все же я не заплакал.

Офицер ввел меня в сотенный зал, где с правой стороны были классные комнаты. «Первый класс, 2-ое отделение», прочел я на доске сверх входа в двери класса, куда ввел меня офицер. Там было несколько мальчиков, как и я — в форме. Некоторых я уже знал по Дон. пансиону, где вместе учились, других я видел в первый раз. С этого момента началась моя новая жизнь, с семилетним учением и пребыванием в кадетском корпусе. Исполнилась моя мечта попасть в корпус и учиться — «на офицера», как говорили у нас на Дону.

В этом году в первом классе было три отделения.

На Рождество, Пасху и на летние каникулы каждый кадет, уезжая, получал все необходимое ему белье и обмундирование. Летом выдавали два белых чехла на фуражку. По возвращении — все сдавалось обратно. За утерянные вещи — платил кадет. В летнее время, повседневно, кадеты ходили в таких же полотняных брюках, как и верхняя рубаха.

Синий цвет тульи фуражки, погон и мундира был совершенно одинаков — темно-синий, как и в казачьих полках... погоны же, которые носились на рубахах, могли быть несколько темнее, но только потому, что «строились» в своей же корпусной швальне из мундиров старых сроков, которые были более темного цвета.

Кадеты, почему-либо не уезжавшие домой на летние каникулы, отправлялись в Персиановку, в кадетский лагерь, где и проводили все лето.

Лагерь был оборудован очень хорошо: кормили лучше, чем в корпусе. С кадетами были и воспитатели.

Когда 1-ая сотня в 1906 г. получила шашки с черными кожаными темляками и винтовки (казачьего образца), то кадеты этой сотни ходили в отпуск с шашками. Если в 1-ой сотне было одно отделение пятого класса, то и это отделение получало и винтовки и шашки. Портупея была черного цвета. Каждый кадет имел по 2 патронташа, 24 патрона в каждом. Эти патронташи носились перекрещенными на груди (М. Б.).

Незадолго до войны 1914-го года 1-ая сотня получила новую амуницию светло-желтой кожи: портупея, темляк, патронташи и погонные винтовочные ремни.

Такие же поясные ремни, как и в конных полках, но не с пряжкой, а с кадетской бляхой уменьшенного образца, по ширине ремня и с орлом Военно-Учебных заведений. Надевалась эта амуниция только на парады, да и просуществовала в Корпусе недолго. Вскоре, с началом войны, все это, как и винтовки, пошло на нужды армии. («Военная Быль», номер 118 — В. П.).

РАНЖИРОВКА

Как только оканчивался прием новичков, воспитатели трех отделений, 1-го класса и двух 2-го, выводили своих воспитанников в сотенный зал.

Начиналось построение, выравнивание всех по росту (по ранжиру). Очень долго, внимательно, с постоянной перестановкой кадет, воспитатели и командир сотни добивались точного распределения всех по росту. Расчет по порядку номеров, давал

каждому кадету его годовой номер, а четные номера составляли вторую шеренгу при построении.

В спальне распределение кроватей было по классам и отделениям, без соблюдения порядкового номера.

В последующие же дни шла постепенная пригонка парадного обмундирования. С первых же дней в лазарете шел подробный медицинский осмотр каждого кадета, с занесением всех данных его состояния здоровья в отчетную книгу. Этот медицинский осмотр производился ежегодно несколько раз (после Рождества, Пасхи, окончания и в начале каждого учебного года).

СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

В каждом отделении у новичков воспитатели назначали старшего в классе, объяснив всем его ежедневные обязанности. Один и тот же старший был в классе в течение семи лет.

В моем, 21-ом выпуске, был Петр Федорович Щетковский, кончивший вице-вахмистром.

С первых же дней воспитатели сразу обращали, значительную долю своего внимания, на строевую подготовку каждого кадета. Точная стойка, правильная походка. Отдание чести: стоя — на месте, на ходу по два и по три, становясь во фронт, идущему навстречу генералу. При этом вся точность заключалась в одновременных действиях: повороте с хода, приставлении каблука, отдавании чести с одновременным поворотом головы в сторону начальника. Согласовать все это было очень трудно. Но кадеты добивались этого красивого порядка.

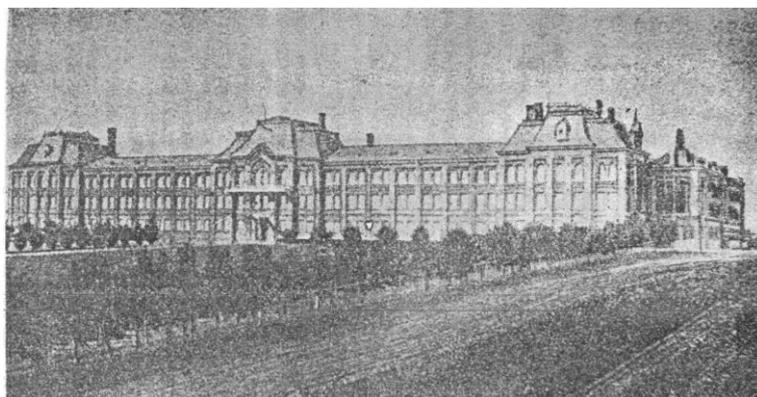
ЗДАНИЕ ДОНСКОГО КОРПУСА В НОВОЧЕРКАССКЕ

Мы уже знаем, что постройка здания Донского Корпуса была закончена в 1887-ом году.

Для того чтобы разобраться в описании отдельных частей этого здания, рассмотрим его план. Надо сказать, что постройка была расположена в виде буквы «Ш», своей фронтальной стороной, т.е. основанием, обращенной на юг. При этом все четыре части этой буквы — здания, по своей ширине и длине были равны и симметричны.

Ширина среднего основания делилась на две части: в первой была швейцарская, сравнительно неширокая комната, а за нею — прихожая или приемная комната, шире швейцарской раза в два и с потолком высотой всех трех этажей.

Главный вход в корпусное здание, с южного плаца, ведущий в швейцарскую, состоял из двойной двери, наружной и внутренней. Это был как бы закрытый коробок, через который вошедший попадал в швейцарскую. Благодаря такому устройству, в последней и зимою было тепло.

Здание корпуса

Двери до половины были сделаны из дуба, а верхняя часть из толстого стекла в широкой, дубовой раме.

Открыв внутреннюю дверь, надо было пройти несколько шагов через швейцарскую, подняться по двум ступенькам и, через проход, войти в приемную комнату.

Между фундаментом здания и полом первого этажа было пустое пространство, что сохраняло сухость деревянного пола.

Проход имел, справа и слева, барьер с парапетом. Парапет лежал на толстых, дубовых фигурных стойках. Вдоль барьера и западной стены стояли широкие и длинные дубовые скамейки. В приемные дни ставились добавочные скамейки. В швейцарской стояли переносные, круглые вешалки для пальто, приходящих посетителей.

Пол в швейцарской комнате был цементный, из больших квадратных пластин.

Швейцарская обслуживалась двумя швейцарами, имевшими соответствующую форму. Иногда, во время праздников и балов в корпусе, в помощь швейцарам, назначались урядники, жившие при корпусе. Эти же урядники, во всех трех сотнях, назначались, ежедневно, в помощь дежурному офицеру. Они, во время прогулок кадет, находились в дальнем, южном конце длинного плаца, где была, запретная для кадет, бакалейная лавка.

Кадеты очень часто бегали в эту лавочку за папиросами. Для этого кадеты подходили к дежурному уряднику, заговаривали его и старались отвести на другой конец плаца, а в это время кадет подлезал под проволочный забор и «пулей» летел в лавочку и обратно. Если его ловили, то он, конечно, лишался отпуска, попадал в журнал, а иногда сбавляли и балл за поведение. Но, несмотря на все эти строгости, кадеты не прекращали посещать запретную лавочку.

Стены и потолок приемной комнаты были выкрашены масляной краской бледно-розового цвета. Все лестницы имели деревянные, дубовые парапеты на чугунных, красивого узора, стойках.

Кадеты любили скатываться по этим парапетам вниз. Однако, со вступлением на должность директора корпуса ген. П.Н. Лазарева-Станицева, это скатывание прекратилось, т.к. он приказал установить на всех парапетах железные шишаки.

При входе в приемную комнату, сразу бросалась в глаза огромная стена, на которой отчетливо выделялся на верху стены, вылепленный из гипса, большого размера, герб Войска Донского, а под ним цифра «1883» — год основания корпуса. На противоположной стороне, к ребру чугунной площадки третьего этажа была прикреплена доска из белого мрамора с надписью, указывающей год посещения Корпуса Государем Императором Александром III с 1888.

Все части здания корпуса имели по три этажа. В средней части, являвшейся как бы продолжением приемной комнаты, были сотенные залы (западная сторона) и пять классных комнат с восточной стороны. В северной части была туалетная.

Над швейцарской и в восточной части второго этажа среднего отсека здания были кабинеты директора и инспектора классов, учительская, небольшая комната для писарей со всеми принадлежностями для них, и затем столовая, и корпусная церковь.

На третьем этаже были комнаты: корпусной библиотеки, музея и маленькая комната с полками для хранения различного рода запасных книг, классных журналов, тетрадей, писчей бумаги и прочих принадлежностей. Продолжением этих комнат был Сборный зал.

Для того чтобы пройти из одного этажа в другой, имелись чугунные площадки и лестницы с парапетами в приемной комнате или вестибюле.

Внизу, описанной выше стены приемной, была прикреплена узкая чугунная площадка, на которую вело несколько ступенек. С обеих сторон этой площадки поднимались лестницы ко второму этажу. Соединившись с площадкой второго этажа, и делая поворот в направлении боковых стен, лестницы поднимались к площадкам третьего этажа. Начинались площадки у дверей сотенных зал, и с них можно было пройти в столовую, спальни, сотенные залы и другие комнаты.

В прихожей, на первом этаже, было три двери: прямо в залу третьей сотни, налево — в спальню, и направо — в восточную часть фронтального здания. Эта часть делилась на

две половины: северную, в которой был гимнастический зал, и южную, где находились отдельные комнаты. В первой — комнате лаборанта — были различные инструменты, ... прикрепляли кнопками ватманскую или александрийскую бумагу и рисовали на ней. После окончания каждого урока рисования, все листы собирались одним из кадет и передавались преподавателю до следующего урока, когда на этих листах снова продолжали рисовать.

В рисовальной комнате имелось много различных предметов домашнего обихода, куски дерева, специально для срисовывания, орнаменты, человеческие головы из гипса и т.д.

Последняя комната была двойная: угловая и смежная с ней, бывшая как бы продолжением гимнастического зала. В этой, двухсторонней, комнате хранились инструменты для струнного и духового оркестров. Эти две комнаты, а также лаборанта и физический кабинет, имели сплошные деревянные двери, и их можно было замыкать. Двери всех остальных комнат были застекленными в своей верхней половине. Пол в этих комнатах был деревянный, выкрашен масляной краской, а гимнастическом зале — дубовый паркет.

Дверь из гимнастического зала вела в крайнюю, восточную часть здания. В первом этаже там находились (с юга на север): гимнастическая комната, с одним окном и цементным полом. Кроме гимнастических приборов, в ней, на высоких подставках, было круглое, длинное бревно, служившее для упражнения «расхождения» двух человек, встретившихся на бревне. Помнится, как преподаватель гимнастики (1909-1910 года) — чех, кроме гимнастики, учил нас также и французской борьбе.

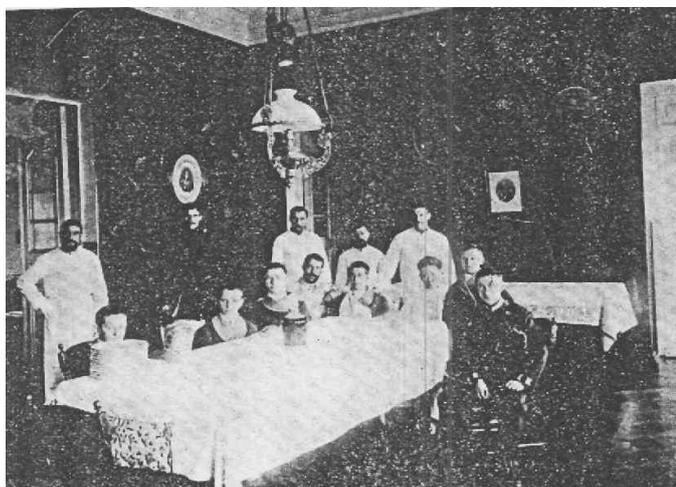
К северу от гимнастической комнаты, были помещения хозяйственной части.

Входные двери в эту часть здания были: одна — с восточной стороны, с Баклановского проспекта; другая — с западной стороны.

На южном углу со стороны проспекта висел почтовый ящик. Все свои письма кадеты должны были сдавать своему воспитателю. Он же, на вечерних занятиях, при подготовке уроков, и раздавал письма, получаемые кадетами от своих родных или знакомых.

На втором этаже восточной части здания находились (с юга к северу): церковный алтарь и часть церкви. Надо сказать, что корпусная столовая находилась рядом с церковным помещением, и при открытых церковных дверях образовывалось одно большое и длинное помещение.

К северу от церковного алтаря находилась кухня до 1905-го года, когда для кухни было выстроено отдельное двухэтажное здание, параллельно с внутренней стороной восточной части корпусного здания.

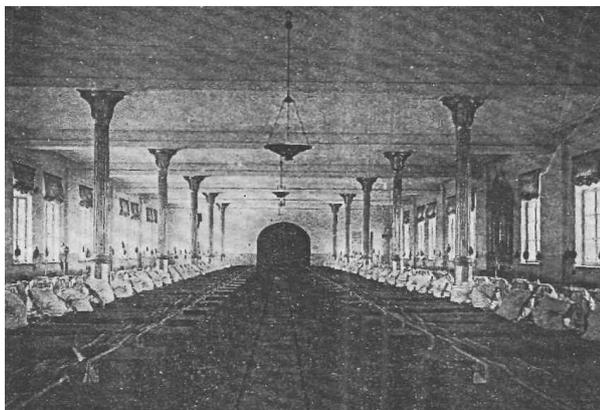
Корпусной лазарет (столовая)

Дальше шли комнаты для семейств директора и заведующего хозяйством. На третьем этаже были: церковный алтарь (алтарь двухсветный, занимавший два этажа) и рядом, к северу, большое помещение для лазарета.

Лазарет обслуживался двумя докторами, двумя «классными» фельдшерами, носившими военную форму и двумя сестрами милосердия.

За алтарем, восточная стена к Баклановскому проспекту, не было двух окон, а вместо них большое стекло с изображением Образа Спасителя. Спальни находились во фронтальном здании, от прихожей к западу во всех трех этажах: на первом — третьей сотни, на втором — второй сотни, и на третьем этаже — первой сотни. От входа в спальни, с правой стороны, на каждом этаже были две отдельные комнаты, служившие карцерами для наказанных кадет. Напротив, с левой стороны, через широкий проход, находилась комната дежурного офицера сотни.

За комнатой дежурного офицера и карцерами, отделенные стеной с широким проходом, шли спальни. На первом и втором этаже спальни имели в два ряда железные подпорные столбы.

Спальня 2-ой сотни

В каждой спальне было, примерно, по 150 кроватей и ковровая дорожка. Середина комнаты делилась на два ряда, имея проходы со всех сторон: у окон и у стен.

Каждый ряд состоял из 75 кроватей, сдвинутых по четыре вместе, голова к голове. Между этими блоками кроватей были проходы.

В ногах каждой кровати была тумбочка с верхним выдвижным ящиком и нижней частью, с закрывающейся, но незамыкаемой дверцей. Кровати были железные. Каждая из них имела, в головах, железный высокий прут с крючком для вешания полотенца. Выше крючка имелась закрепленная плоская железная планка с номером кадета, с начальной буквой его имени и фамилией (М. Иванов — 26; П. Попов — 24; С. Хохлачев — 14).

У каждого кадета, в головах кровати, висели маленькие иконочки — благословение родителей. Большие иконы были во всех комнатах.

При больших морозах — зимой, температура в спальнях была «бодрящая». Чтобы было теплее спать, кадеты делали «гробы»: две крайних доски кровати ставились ребром. Получалось углубление, как ящик, матрас проваливался. Спать было теплей. Однако эта комбинация начальством запрещалась. Надо отметить, что в первой сотне, при входе в спальню, с левой стороны первого ряда кроватей, стояла большая, длинная железная кровать, на которой, в один из приездов в Корпус, спал Великий Князь Константин Константинович. Над кроватью была соответствующая надпись, золотом на красном фоне.

Спали кадеты в длинных белых полотняных рубашках. При этом нательная рубашка должна была лежать на кальсонах, положенных на тумбочку. Носки, по одному, вешались в ногах, по обеим ножкам кровати. Сапоги должны были стоять по бокам тумбочек.

Дежурный офицер проходил ночью и проверял. Тех кадет, кто сложил неправильно, — безжалостно будил.

Все окна с двух сторон спален имели двойные занавески в дубовых широких багетах.

На снимке спальни справа у стены ясно видна большая икона, такая, как и в сотнях. Очевидно, что эти иконы были уже после 1910 года. К сожалению, точно год указать не могу (М. Бугураев).

Из спален небольшой и узкий коридор вел в умывальные комнаты. С правой стороны коридора — комната для любителей фотографии (за свой счет). Рядом — большая, чистая и светлая туалетная.

Вдоль коридора, слева: большие цейхгаузы с кадетским бельем и обмундированием, в отдельных ящиках с номером каждого кадеты.

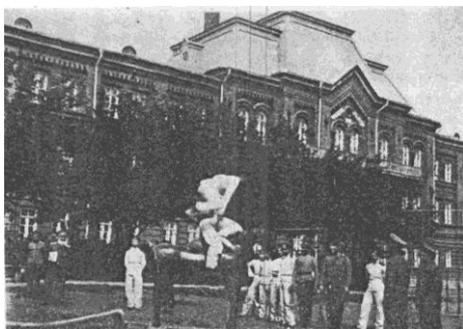
Умывальная комната имела оцинкованное, длинное, глубокое корыто, с отверстиями для стока мыльной воды. Над этим корытом была проведена водопроводная труба с медными кранами по обеим сторонам. Над трубой, во всю ее длину, была полочка для мыла и неглубокие чашечки для зубного порошка. Зубную щеточку каждый кадет имел свою.

Западная сторона умывальной комнаты имела ниши с замыкающимися дверцами, для запасных принадлежностей туалета и умывальной. Здесь же, в умывальной, вправо от корыта и перпендикулярно ему стояли длинные, низкие скамейки с ваксой и необходимыми щетками для чистки сапог. Кто из кадет не почистил сапоги с вечера — чистил утром

Здесь же была и комната «ручного труда» для желающих. В шестом и седьмом классах уже проходили начальный курс резьбы по дереву. Лучшие работы отбирались в корпусной музей.

Из умывальной комнаты был выход на лестницу трех этажей для прохода командиров сотен. Эта же лестница вела на чердак, куда кадетам был «вход запрещен».

В 9 часов вечера укладывалась спать 3-я сотня; вторая — в 9 с половиной и первая в 10 с половиной.

Призовая гимнастика на плацу корпуса

Первая сотня, обычно, упражнялась на гимнастических приборах и в прыжках через деревянную кобылу (М. Бугураев).

В 1912 году в Петергофском лагере состоялся гимнастический слет и состязания лучших гимнастов всех российских кадетских корпусов. Слет этот происходил в присутствии Государя и Наследника Цесаревича. На состязаниях особое впечатление произвели прыжки кадет Донского Корпуса через деревянную, в натуральную величину, оседланную лошадь.

(Журнал «Донец»)

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Нам уже известно, что форму здания корпуса можно считать похожей на букву «Ш»: ее основание смотрело на юг, а три других отсека смотрели на север.

Все стены, противоположные во всех трех этажах имели большие (высокие и широкие) окна, застекленные в двух открывающихся половинках оконных рам.

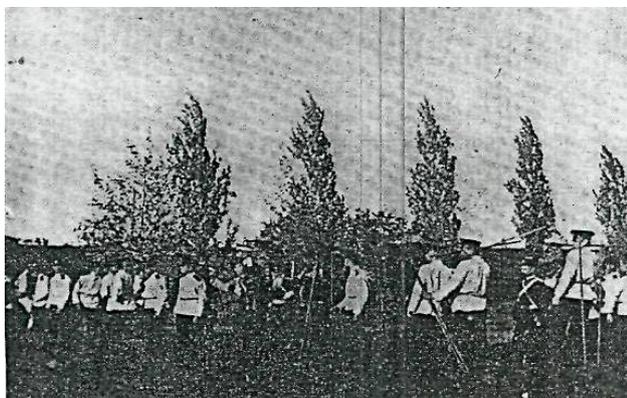
Только деревянные части окон были выкрашены белой масляной краской. Все здание было построено из кирпича. Крыша здания была жестяная, серого цвета, с массой вытяжных труб, очень высокая, и форма ее была очень оригинальная в виде усеченных трапеций.

Под крышей, на потолке, было много высоких, но узких баков для воды, которая и подавалась свободно во все комнаты здания. Железная дверь, ведущая в эту часть, была всегда замкнутой и имела надпись; «кадетам вход запрещен». Но мы, отмыкая замок согнутым гвоздем, неоднократно бывали там, чтобы знать, что же там хранится и почему крыша корпуса имеет такую причудливую форму.

Здание корпуса находилось в северной части города, высоко на горе, шедшей с небольшим подъемом с юга к северу.

К востоку здание корпуса упиралось в Баклановский проспект. К западу была Краснокутская роща, с большой пустой площадью между корпусным садом.

Фасад корпусного здания смотрел на юг. Длина фасада корпуса была 500 метров, такой же длины был и корпусной плац, а глубина его была равна 600 метрам.

Вел. Князь Константин Константинович
на плацу с кадетами 26-го вып. 1915 г.

По фасаду корпуса, с восточной и южной стороны был широкий цементный тротуар, а с западной стороны — короткий тротуар. К югу от фасада — булыжная улица — шириной примерно сажени в две. За ней посажен низкорослый декоративный кустарник, за ним — деревья шелковицы. Кадеты любители 1-го и 2-го классов рвали листья ее и, под наблюдением своих воспитателей, проходили курс развития шелковичных червей. За деревьями шелковицы шла утрямбованная, в сажень ширины, дорожка из мелкого желтого щебня, покрытая песком. Такая же дорожка шла вокруг всего плаца. Середина же плаца делилась широкой аллеей и растущими по ее бокам высокими серебристыми тополями. В северной части аллеи был большой, круглый действующий фонтан. Со всех сторон плаца были посажены деревья американского клена; эти деревья размножались вызревшими семенами — зернами, имеющими как бы два соединенных крыла стрекозы. Когда эти зерна созревали, они падали на землю, ветер разносил их далеко-далеко.

Весь плац был обнесен железной (мелко квадратной) решеткой, очень красивой, из широких и высоких звеньев, соединенных вверху и внизу между собой.

Широкие, из двух половин, въездные железные ворота были на южной стороне плаца, а также на восточной и западной стороне. Улицы и здания города были вокруг всего плаца.

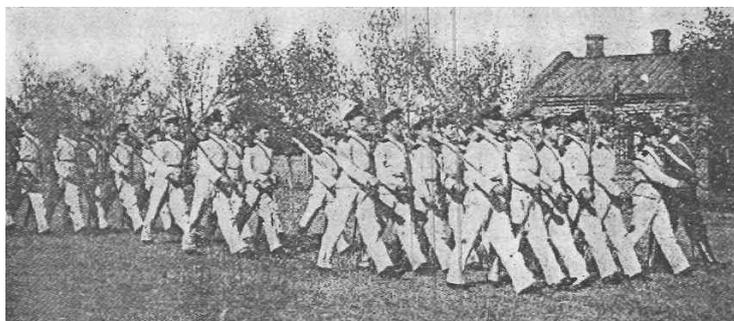
На западной стороне, вплотную к зданию корпуса, примыкал корпусной сад очень больших размеров, обнесенный высокой (1-1/2 роста человека) сплошной кирпичной стеной. Северная ее сторона выходила на Баклановскую улицу, западная — к площади у Краснокутской рощи, а с южной — была улица.

В левой, восточной половине плаца, в 1906 году был поставлен железный раздвижной высокий купол. Под ним был большой силы телескоп, Под присмотром учителя космографии, иногда ночами, кадеты наблюдали звездное небо.

Видели и кольца Сатурна. Наблюдали и комету Галлея в 1910 году.

На плацу имелась и метеорологическая станция. Наблюдения и все записи, по собственному желанию, вели два кадета пятого класса.

Зимой на плацу строили городки, делали «снежных баб», играли в снежки; а летом и осенью в большом ходу была игра в «лапту».

1-ая сотня — строевые занятия на плацу

Зимой иногда 2-я и 3-я сотни «жестоко» бились в снежки. Малыши «третьей» никогда не сдавались и не желали признать себя побежденными. Дежурные офицеры обеих сотен прекращали «снежный бой».

КОРПУСНОЙ САД

К западной стороне здания корпуса прилегал корпусной сад, за которым находились большая площадь и Краснокутская роща.

Надо сказать, что этот сад не имел фруктовых деревьев, но состоял из большого количества деревьев различных пород. В нем были трамбованные галькой и желтым песком аллеи-дорожки.

Помнится, как в один из приездов Великого Князя Константина Константиновича в саду, на этих дорожках, были поставлены столы и скамейки, и кадетам был устроен обед: жареный гусь с яблоками, фрукты, мороженое. Каждому кадету дали по фунтовой коробке шоколадных конфет и размером немного больше открытки, визитную карточку. На плотной глянцевой бумаге, золотым тиснением была напечатана корона с надписью: «Великий Князь Константин Константинович».

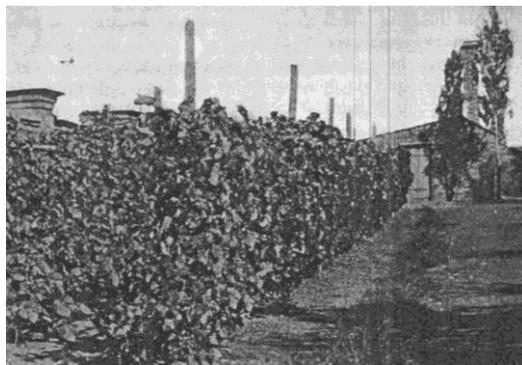
В саду была оранжерея, корпусной огород, в котором каждое отделение класса имело свою грядку с посаженными овощами: помидоры, огурцы, редиска, капуста и т.д.

В саду, также, были два тира, старый и новый. В новом тире велась стрельба кадетами, сперва дробинками, а последние годы — из винтовок настоящими патронами.

Ширина сада — больше 500 метров и весь сад был огорожен сплошной, высокой, в полтора роста человека, толстой кирпичной стеной. С внутренней стороны стена была засажена виноградом.

Вход в сад был с южной стороны через высокую, узкую и очень красивую чугунную калитку. На ночь калитка запиралась.

Выезд из сада был с другой стороны через двустворчатые деревянные ворота, в северной части кирпичной стены.

Корпусной виноградник — снято в 1903 г.

В северо-восточном углу сада была конюшня для двух вороных лошадей экипажа директора корпуса и еще одной лошади, запрягавшейся в «блонкарду», на которой по утрам отвозили в гимназию учившихся там гимназисток.

Там же были и постройки для хранения экипажей, конской сбруи и пр.

В саду кадеты рыли ямы, а весной или осенью, сажали молоденькие деревца. Недалеко от южного входа — калитки был насыпан искусственный курган.

На нем, обнесенный невысокой железной решеткой, рос дубок, посаженный в 1888-ом году Государем Императором Александром III, в Его приезд в Кадетский Корпус.

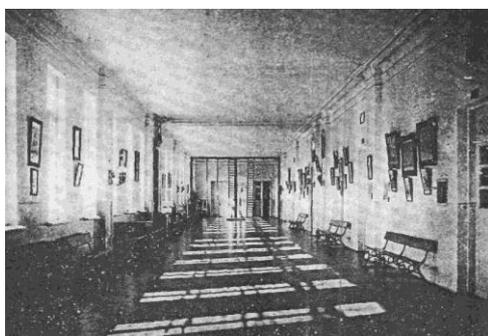
СОТЕННЫЕ ЗАЛЫ

Средняя часть здания Корпуса в каждом этаже делилась на две части: восточную половину занимали классы и туалетная. Западная часть — это узкий, но длинный сотенный зал с паркетным полом. У стен стояли большие, очень удобные для сидения, скамейки.

Сотенный зал служил кадетам местом для отдыха и времяпрепровождения в свободные часы.

При входе, направо — стоял большой шкаф с библиотечными книгами. Один из кадет (старших в сотне классов) менял книги, ежедневно.

Примерно, на половине западной стены, в богатых, хорошей резьбы киотах, орехового дерева, были прикреплены большие иконы. В третьей сотне: Покров Пресвятой Богородицы; во второй — Казанской Божьей Матери и в первой — Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Перед каждой иконой висели на цепочках большие красные лампы. Каждое утро один из кадет, ведающий этим, зажигал их, а вечером, тушил. Иконы имели предохранительную подвижную, деревянную полукруглую, довольно высокую стойку. При натирании полов стойка передвигалась.

Зал 2-ой сотни и классы

На обеих стенах висели портреты Особ Императорского Дома, выдающихся генералов Русской Армии и большие цветные фотографии подвигов, совершенных в

армии, например, матрос Кошка, смерть майора Горталова, Архип Осипов, взрывающий пороховой погреб.

В конце зала были закреплены (на потолке и в полу) два тонких шеста для лазания вверх; была висящая веревка для той же цели и две наклонных лестницы: одна с узкими перекладинами, другая — с широкими.

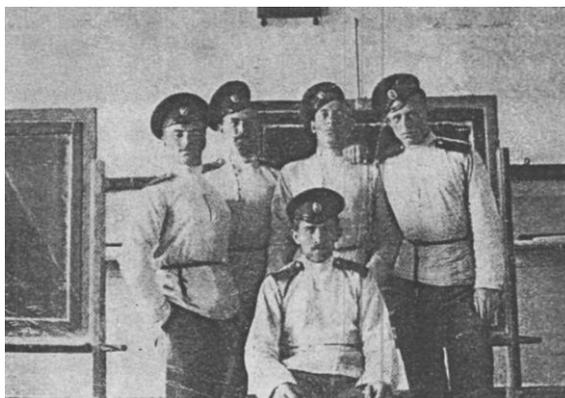
Во второй и первой сотне кроме этого были: кобыла, козел, параллельные брусья, кожаный матрац и небольшой трамплин для прыжков.

В первой сотне был большой деревянный конь, с головой, гривой и хвостом. Через этого коня многие кадеты с разбегу, оттолкнувшись от трамплина, свободно перепрыгивали его. Это был эффектный прыжок.

В северо-западном углу сотенного зала третьей сотни стоял большой медный бак с пресной, свежей водой. К нему на цепочке была прикреплена металлическая кружка. Под краном бака находился металлический таз, чтобы вода не проливалась на пол. В баке всегда была свежая вода для питья.

КЛАССЫ

Из сотенных зал, наполовину застекленные, двери вели в классные комнаты. Это были большие, светлые комнаты с тремя окнами.

Группа кадет 7-го класса (в Классе)

При входе в класс, направо стоял шкаф, в котором под замком хранились запасные принадлежности для писания и, когда надо было, старший в классе с разрешения своего воспитателя, выдавал новые тетради карандаши и пр.

К южной стене классов была прикреплена узкая доска с крючками (номерными). На них кадеты вешали свои фуражки и... балалайки (кто имел).

Немного отступя, стояли три больших, черных грифельных доски, установленных на шарнирах так, что, исписавши одну сторону доски, ее можно было повернуть на другую. Над досками, на стене висели большие настенные часы.

Глубже, к северной стене, стояли парты для кадет. В каждом классе их было по четыре ряда. Ряд состоял из четырех парт, каждая — на двух человек. Два средних ряда были соединены и не имели прохода. Между остальными рядами и возле стен были проходы. Впереди средних парт стоял небольшой стол и стул для преподавателя.

Парты имели откидные крышки и два глубоких, закрывавшихся ящика. В них хранились тетради, учебники, книги для чтения и все, что имелось собственного у кадета. Замков не было, но никто никогда не лазил туда без разрешения хозяина, даже и воспитатель. Когда ему надо было проверить ящик, он приказывал кадету: «Поднять крышку», — а затем говорил: «Вынимай постепенно все, что находится в ящике». Так шла проверка, нет ли папирос или каких-нибудь запрещенных книг.

Каждая парта по середине ее переднего ребра имела чернильницу.

В классах было по три больших, висячих лампы с жестяными щитами-тарелками, выкрашенными в белую краску и отражавшими свет вниз. Каждый месяц в класс

приходил офицер с контрольной световой лампой и проверял степень освещения класса, чтобы кадеты не портили свое зрение от напряжения глаз в случае недостатка количества свечей. На это обращалось очень большое внимание.

Для содержания ламп в порядке и чистоте, с необходимым количеством керосина, был специальный служитель — ламповщик. Он имел невысокую деревянную лестничку, «стремянку», становился на нее, снимал стекло и зажигал фитиль лампы. Когда надо было, ламповщик тушил лампы. Для этого у него была длинная, полая жестяная трубка. Конец ее был запаян под прямым углом к трубке. Стоя на полу, ламповщик направлял этот конец трубки в середину пустоты стекла и своим дуновением тушил лампу.

Полы во всех классах были постелены из обыкновенных досок, выкрашенных коричневой масляной краской.

Двери, снизу до стекла дверей, так же, как и все стены во всем здании, были выкрашены светло-голубоватой, переходящей как бы в зеленоватый цвет, масляной краской. Выше, до потолка и потолок были покрыты белой известковой краской.

В нишах, устроенных под окнами, находились радиаторы парового отопления. Все радиаторы были вровень с краем стены. Благодаря этому они не мешали проходить между стеной и партами.

СБОРНЫЙ ЗАЛ

Из спальни первой сотни, по верхней части чугунной лестницы можно было пройти в большой, светлый, широкий сборный зал, или, как его называли «танцевальный».

При входе в него, направо — у западной стены стоял большой, бронзовый бюст покойного Императора Александра III. Правее бюста, в углу, находился рояль.

Сборный зал Донского кадет. корпуса

В стенах двух сторон зала были большие, широкие окна. На окнах висели небольшие, короткие шелковые занавески с кистями. Занавески эти крепились на дубовых багетах. У стен в зале, вдоль южной и северной стороны, стояли низкие, продолговатые скамейки по две рядом, с небольшим промежутком между ними, а в этих промежутках были поставлены невысокие, дубовые столики, по своей длине равные размеру скамейки. Все вместе как бы заполняло пустоту зала и украшало его.

На восточной стене зала помещались три портрета во весь рост, прекрасно написанные масляными красками: по середине — Государь Император Николай Александрович, слева от Него — Государыня Императрица Мария Федоровна, а справа — Государь Император Александр III.

Все портреты были в золотых, широких, тяжелых и очень красивых рамах, наверху которых имелись большие, золотые короны. У подножия этих рам, в очень красивых дубовых, фигурных подставках (тоже в виде столиков) были помещены кадки с живыми декоративными растениями, таких кадок было четыре.

Позже, у северной стены был установлен портрет Наследника Цесаревича, Атамана всех Казачьих Войск.

1905-ый год был тревожным годом, бывали случаи саботажа. Поэтому, во избежание возможной порчи портретов Царственных Особ, по сборному залу назначался дежурный кадет от 7-го класса.

На рояле стояла лампа, с зеленым абажуром, для дежурного кадета.

Весь зал освещался, когда это требовалось, тремя большими, на несколько сот свечей каждая, висевшими с потолка, очень красивыми, бронзовыми люстрами. Все свечи были со стеклянными розетками, предохранявшими танцующую, во время балов, публику и пол от капель воска. Зажигались свечи на люстрах бикфордовым шнуром. Если некоторые свечи не зажглись, их зажигал специальный служитель, «ламповщик». Он имел длинную жердь с горящей свечей на одном конце.

Такое освещение было до 1912 года, когда во всем корпусе было установлено электрическое освещение и своя электростанция.

Пол — «паркет», в зале и во всех других помещениях (кроме классов, уборных, умывалок и других незначительных комнат) был сделан из отдельных тонких и продолговатых (12x5 сант.) пластинок прочного морёного дуба. Все они были уложены рядами в виде звездочек. В случае порчи менялись только испорченные пластинки.

Украшение кадетами ёлки в «Сборном зале»

Натирание паркетных полов было большим искусством. Все служителя сотни имели круглые щетки (свиной щетины, очень жесткие). Щетки имели полосы материи, прикрепленные к ним так, чтобы их можно было одеть на правую ногу. Щетки намазывались специальным раствором для натирания паркетных полов: желтый воск, канифоль и спирт. Служителя становились в ряд, равняясь на главного — правофлангового служителя и по его команде все, одновременно, сильным толчком правой ноги вперед, скользили по паркету (помогая и движением всего корпуса) и сейчас же нога шла назад... Таким образом, вся шеренга одновременно двигалась вперед, натирая паркет. Временами, по команде правофлангового, все останавливались и снова натирали свои щетки мазью.

Стены и потолок сборного зала были выкрашены в белый цвет.

Сборный зал служил для построения всего корпуса или для других торжественных случаев, как то парадов, балов и пр.

Все три сотни (около 500 человек с воспитателями) в двухшереножном строю (развернутым фронтом), сотни в затылок одна другой, занимали только одну треть сборного зала.

На стенах зала были прикреплены белые мраморные доски с золотыми надписями имен кадет, окончивших первыми.

О ПОРТРЕТАХ В СБОРНОМ ЗАЛЕ

По данным кадета 30-го выпуска (1919-1920) Владимира Александровича Полякова в Сборном Зале был «бронзовый» бюст Императора АЛЕКСАНДРА III. Он стоял справа у стены, при входе в Сб. зал — со стороны чугунной площадки главной лестницы из вестибюля. Бюст имел надпись «Царю Основателю»; стоял на красивом, высоком цоколе (подставке) из тёмного цвета дерева — морёного дуба. С обеих сторон бюста, параллельно стене, как украшение бюста, стояли невысокие дубовые кадки с вечно-зелёными растениями. Всё это было полуокружено подвижной балюстрадой, из того же дерева, как и цоколь. Балюстрада не была сплошной, а была составлена из точёных стоек, соединённых внизу широким сплошным, деревянным основанием. А сверху этих стоек шел сплошной дубовый парапет, в своём перпендикулярном сечении, формы разреза рельсы. Оба края балюстрады упирались в стену, но когда надо было эту балюстраду отодвинуть от стены — это делалось очень легко.

Если стать лицом к бюсту, то на стене с левой стороны были прикреплены доски, белого мрамора, с золотыми надписями имён кадет, окончивших корпус первыми по успехам в своём выпуске.

На стене, отделявшей Сборный зал от церковного балкона, портреты были и при мне. А во время торжества по случаю СТОЛЕТНЕГО юбилея войны 1812-го года, туда прибавились ещё и другие — написанные масляными красками искусным художником-кадетом VII-го класса ИНИЮТИНЫМ.

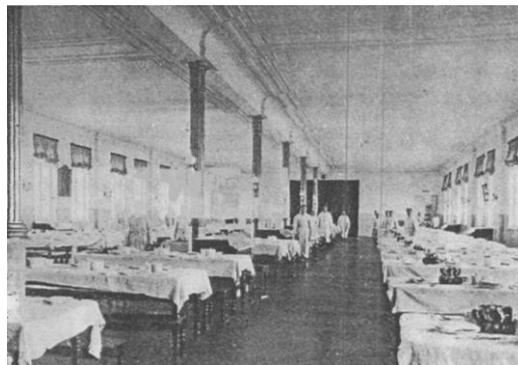
Эти портреты были: Императора АЛЕКСАНДРА I, фельдмаршала Кутузова, генерала Барклай де Толя и донского «вихрь-атамана» графа Матвея Ивановича Платова (каждый портрет был в широкой, красивой золочёной раме).

По окончании торжества эти портреты были перенесены на стену к бюсту «Царя-Основателя» (В. Поляков).

А во время 1-ой мировой войны были мраморные доски с именами и портретами бывших кадет кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, с описанием их подвигов.

СТОЛОВАЯ

Столовая находилась на втором этаже фасада в восточной половине здания корпуса. Вход в столовую был с западной стороны от кадетских спален. По своим размерам она равнялась танцевальному (сборному) залу и была точно под ним.

Корпусная столовая

Восточная стена столовой оканчивалась высокой, широкой, четырехстворчатой, дубовой дверью с накладными, украшавшими ее, планками, на которых были восемь конечные кресты. Это была церковная дверь, отделявшая церковь от корпусной столовой. Во время церковных служб эта дверь раскрывалась, и публика стояла при открытой двери в столовой.

Церковь посещали не только кадеты и служащие нашего корпуса, но и жители города, жившие вблизи корпуса.

При входе в столовую, направо, на стене висели часы. Под ними стоял небольшой стол для дежурного офицера. В столовой были упорные столбы для укрепления и поддержки, находившегося выше сборного зала.

Столы, покрытые длинными, белоснежными полотняными скатертями, стояли в три ряда с промежутками между ними, чтобы могли проходить служители, подающие кушанья и убирающие посуду. Столы эти стояли перпендикулярно длине зала. У каждого стола находилась табуретка для старшего кадета, раздававшего кушанья, а для кадет — длинные скамейки с обеих сторон столов. В каждом ряду было по 15 столов. За каждый стол садилось по 11 кадет.

Каждая сотня занимала один ряд: столы левой, северной, стороны занимали кадеты 1-ой сотни. Посредине — третья, и вторая сотня — справа у южной стены.

На окнах были двойные занавески в багетах: верхние занавески — короткие, а под ними — длинные, во все окно. В левом, восточном углу столовой, около церковной двери, находилась дверь, ведущая на кухню.

Первое время кухня находилась в крайней восточной части корпусного здания, на втором этаже. Но в 1905 году кухня уже была пристроена, отдельным двухэтажным зданием, прямо к столовой с северной стороны. В этом было большое удобство. Впоследствии, на кухню каждый день назначался дежурный кадет седьмого класса для контроля расхода продуктов.

Всегда, после прихода в столовую всех трех сотен, перед началом еды и после ее окончания, по команде дежурного офицера, все кадеты пели молитву. Я поступил в корпус в августе 1903 года. Нас кормили хорошо, вкусной пищей. Через два-три месяца ген. Анчутин получил назначение к Великому Князю. Директором назначили ген. Лазарева-Станицева. Он скоро уволил эконома и назначил нового, Федора Аполлоновича Силкина. Сразу же довольствие стало еще лучше. Особенно любили кадеты мясные котлеты и большие, сочные, продолговатые, с рубленным мясом, пироги, жарившиеся в кипящем масле. По большим праздникам обед всегда бывал улучшенным, а в Царские дни давали каждому, кто не ходил в отпуск, по фунтовой коробке конфет. На масленицу каждый кадет мог есть столько блинов, сколько хотел. На Пасху, в течение трех дней, к утреннему чаю давали по два яйца и большому куску кулича.

Обыкновенно, ежедневно, утром и вечером бывал сладкий чай и французская булка. К обеду — по куску пшеничного хлеба, иногда пеклеванный.

«Слабосильная команда», — только в третьей сотне, — выстраивалась на левом фланге этой сотни. Им давали к чаю по ложке рыбьего жира и по одной котлете.

Когда нас, иногда водили вечером в театр, то по возвращении (около часа ночи) мы получали чай и по котлете с хлебом.

Брать с собой что-либо из столовой запрещалось, но мы все же выносили в карманах пироги и котлеты с хлебом.

Вся фаянсовая посуда (чайные кружки, тарелки) были белые, с корпусным вензелем «А — III» посредине.

Некоторое время в обед дежурный трубач трубил нам поочередно кавалерийские сигналы. Делалось это для лучшего запоминания сигналов.

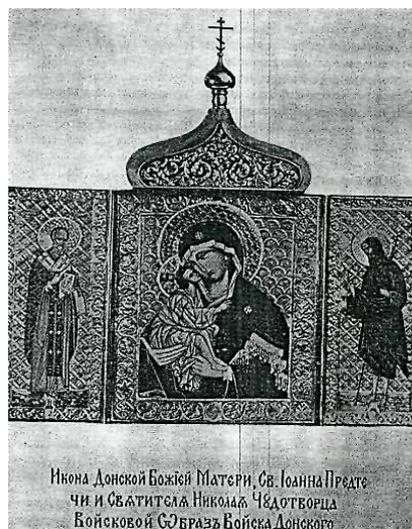
Корпус имел своего «квасника», выделявшего прекрасный хлебный квас. В 1915 году этот квасник праздновал 25-летие своей службы.

Бочки с квасом стояли в нижнем этаже под кухней. В столовой подавался всегда квас, а не вода.

КОРПУСНАЯ ЦЕРКОВЬ

Домовая корпусная церковь занимала помещение в два этажа и являлась, как мы уже писали, продолжением столовой. Главный вход в церковь был со стороны столовой.

Вторая и третья сотни, во время церковной службы, находились в помещении церкви на втором этаже. В дни больших праздников, когда на службе присутствовало много посторонних городских жителей, столы в столовой сдвигались, чтобы освободить место для посетителей.

Первая сотня и хор находились на специально сделанном балконе, расположенном на высоте пола третьего этажа и обхватывавшего помещение церкви с трех сторон. Балкон имел, в пол роста человека, круговой парапет на точеных дубовых стойках, похожих на фигуры шахматных пешек.

С правой стороны, при входе в церковь, был высокий, мореного дуба, красивый свечной ящик. Вправо, впереди, было место директора корпуса и его семьи. Третья сотня стояла с левой стороны, вторая — с правой. Между сотнями был широкий проход, где священнослужители совершали нужные службы. Амвон, две ступеньки и иконостас алтаря были сделаны из белого мрамора. У амвона справа было место для корпусного знамени.

С потолка свешивалась на толстой цепи большая, бронзовая люстра для сотен свечей.

Кадеты говели в Великом посту: 1-ая сотня на первой неделе, 2-ая сотня — на 4-ой, и третья сотня говела на 6-ой неделе. После причастия кадеты получали отпуск.

С 1909 года в корпусе появилось электричество; только в алтаре, зажигался большой крест из электрических лампочек. Во время вечерни, когда священник возглашал: «Слава Тебе, показавшему нам Свет», — освещенный сиянием крест, производил незабываемое, впечатление.

По некоторым данным, электрическое освещение всего корпуса было проведено в 1912 году, и имелась своя небольшая электрическая станция.

БАНЯ, ПРАЧЕЧНАЯ И СУШИЛЬНЯ

Баня, прачечная и сушильня находились в отдельном двухэтажном здании в продолжении средней части корпуса. На высоте его второго этажа был кирпичный соединительный коридор. Под коридором проходила булыжная мостовая, идущая из города, от Баклановского проспекта к западной части здания.

В нем помещались семьи: трех командиров сотен, заведующих цейхгаузами, многих старослужащих служителей, заведующего садом, урядников (9), назначавшихся в помощь дежурным офицерам, трубачей (4) и конюхов.

Вход в здание для ком. сотен был с южной стороны плаца. Можно было пройти и из сотенных спален по лестнице.

Для всех остальных, живших в этом здании, вход был только с восточной стороны.

Восточная часть мостовой имела высокую кирпичную стену. А к северной части прилегали различные хозяйственные, низкие постройки и ледник. Таким образом, внутри получался отгороженный плац для прогулок 3-ей сотни. Такой же плац имелся и с другой стороны средней части корпусного здания, где была кухня.

Зимой эти оба плаца заливались водой для устройства катка на коньках. Этот вид спорта в корпусе был поставлен очень хорошо. Многие кадеты имели собственные коньки для катания.

Прачечная и сушильня были в отдельных смежных комнатах. Сушильня состояла из нескольких длинных, продолговатых ниш в стене. В нишах находились высокие деревянные вешалки на роликах. Все вешалки выкатывались внутрь комнаты. На них развешивали все мокрое, закатывали в ниши, герметически закрывали дверцы и пускали пар. Через несколько минут все вынималось сухим. Сворачивали, укладывали в большие корзины с двумя ручками и разносили по своим местам: на кухню и в сотенные цейхгаузы.

ВОСПИТАТЕЛИ

Нужно сказать, что все корпусные воспитатели кончали специальные двухлетние воспитательские курсы.

Воспитатели не из донских казаков вначале (кажется, три года) числились прикомандированными. А затем, по прошествии этого срока, они зачислялись в штат корпуса, с правом ношения формы офицеров Войска Донского.

Первым моим воспитателем был подъесаул Михаил Иванович Латынин. Мы его сильно любили. Это был красивый человек, умевший носить свою красочную форму: черкеску с серебряно-золотым узором газырей на груди. С таким же богатым и красивым узором были у него и ножны кубанской шашки лучшей стали. Но уже во втором классе он оставил наш корпус.

Воспитателем в нашем отделении стал шт. кап. Владимир Иванович Буданов. Затем, непродолжительное время — есаул Константин Александрович Туроверов. А в четвертом классе — есаул Александр Николаевич Низовкин. Он и довел наше отделение до окончания корпуса.

Низовкин был добрым, внимательным к нам, особенно, в «переходной» наш возраст, и знающим воспитателем. Все кадеты его любили. На своих дежурствах он избегал записывать наши проступки в сотенный журнал. При вечерней подготовке уроков он всегда нам во всем помогал.

Полковник Туроверов – воспитатель

Во время вечерних занятий воспитатель раздавал кадетам полученные ими письма. Низовкин производил это таким образом: становился посередине своего класса, согнув левую руку в локте и сжав кулак, он сильно выставлял свое туловище вперед. Кладя письмо на сжатый кулак и назвав фамилию получившего письмо, он, сильным щелчком правой руки, посылал письмо кадету... Но весь фокус был в том, что при этом полете

письмо все время вертелось кругом по своей плоскости... Много упражнялись и мы в такой передаче писем, но никто не мог дойти до виртуозности воспитателя Низовкина.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Со времени окончания мною корпуса прошло шестьдесят четыре года, и я до сих пор помню многих преподавателей. Все они имели высшее образование (кроме нескольких офицеров-воспитателей, которые заменяли преподавателей). И я думаю, что имею полное основание, как и многие другие кадеты, быть благодарным за те основы наук, которые они нам дали.

Закон Божий преподавал о. Тихон Донецкий. Это был особенный человек. Имел высшее богословское образование. В старших классах часто говорил с нами на отвлеченные темы — о жизни.

О. Тихон был единственным из всех преподавателей, ставившим кадета в угол за случайные шалости и невнимание даже и в 7-ом классе. Кадеты ему подчинялись. Обычно же у всех других преподавателей подобное наказание применялось только до пятого класса, а выше этого — удаляли с урока. Однако, по выходе из класса, провинившегося встречал дежурный урядник, всегда находившийся в помещении сотни. Он отводил кадета под арест, выпуская его на следующий урок. Иногда же воспитатель еще «пришпиливал» провинившемуся добавочные дни ареста.

О. Тихон был замечательный проповедник. Когда он говорил проповеди в Соборе, в очередном порядке всех городских священников, то собиралось много народа. На всех церковных службах в корпусе всегда было очень много молящихся. Проникновенно, благоговейно и с большим чувством любви к Богу служил о. Тихон, передавая свое настроение молящимся.

До третьего класса Закон Божий преподавал о. диакон Александр Козырев. Состав преподавателей в мое время был очень хороший. Не буду описывать всех, но остановлюсь на некоторых лицах.

Преподаватель истории — Сергей Платонович Кузьмич. «Звериада» о нем гласила: «Сутуловатый и горбатый, с утиным носом и в очках, без шеи, толстый и пузатый, и на искривленных ногах...».

Ходил он, переваливаясь с ноги на ногу, как утка. Обращаясь к нему, мы, по указу старших кадет, никогда не называли его полным именем, а только «Сергей Пла..., объясните, пожалуйста...».

До 4-го класса историю преподавал есаул Донской артиллерии Александр Николаевич Плетнев, окончивший Юридическую Военную Академию. Преподавал очень интересно и увлекательно.

В старших же классах — Госп. А.И. Абрамцев, «застегнутый на все пуговицы».

Преподавал он очень сухо. Его уроков мы не любили. Все же иногда он умел нас заинтересовать приведением точных старинных фраз из писем, приказов, решений Соборов и других исторических документов.

В течение года — больше десяти баллов (по 12-ти бальной системе) никому не ставил. Но на экзамене он был очень добрым и легко оценивал за хорошие ответы полным баллом.

Как мне говорили, Александр Иванович Абрамцев был одним из самых старых и постоянных преподавателей; он продолжал преподавать и в Югославии в Донском корпусе, почти до закрытия последнего. Но в Югославии он уже ставил и 11 баллов, а не 10, как в Новочеркасске.

Французский язык преподавал Федор Павлович Ратмиров, каждое лето ездивший во Францию для собственной практики.

Немецкий язык — Николай Васильевич Струве, плохо говоривший по-русски. Кадеты часто использовали этот его недостаток.

В старших классах немецкий язык преподавал герр Мюллендорф (герр Мюллер), носивший всегда преподавательскую форму. Русского языка — почти не знал. Если к

французскому языку кадеты относились почти безразлично, то немецкий не хотели учить принципиально, хотя и сознавали, что этот язык им будет нужен в случае войны.

Географию преподавал командир 3-ей сотни полк. В. Васильев. Преподавал по книге «Отселева, до селева», отчеркивая ногтем заданный урок. Сильно придирался к тем кадетам, которые не знали «немой карты».

Алгебру, геометрию и, в старших классах, аналитическую геометрию — преподавал Иван Николаевич Лимарев, бывший всегда в форменном сюртуке. Несмотря на то, что его предметы были трудными (и нудными), — он объяснял их настолько хорошо и понятно, что сумел внушить даже любовь к своим наукам. Часто, при этом, говорил: «Артиллеристы должны знать мои предметы отлично, т.к. в Артиллерийском Училище главное — Математика, а «вызубрить» в ней всего нельзя, надо понимать».

В корпусе были очень хорошие по тому времени кабинеты: физический, а позднее и химический. А также, класс естественной истории, с массой цветных картин различных народов, хлебных злаков, растений, жуков и пресмыкающихся.

Был очень хороший, долго прослуживший, лаборант госп. Карпенко. Умел набивать чучела птиц и животных. Он же был и слесарь, и токарь по железу. Вообще, был способный лаборант и, когда какой-нибудь опыт не удавался, а Карпенко в это время отсутствовал, то кадеты говорили: «Опыт не удался, Карпенко заболел».

Естественную историю и физику преподавал Иван Васильевич Васильев. Он недавно окончил университет, занимался различными изобретениями и производил у себя много опытов, держа нас в курсе дела. С кадетами обращался «по-братски», никогда не ставил пятерку или меньше, в худшем случае ставил шестерку с условием, чтобы кадет ее исправил позднее. Умел двигать кожей на лбу и каждым ухом в отдельности, или сразу обоими. Пробовали и мы этому научиться, но... ничего не получалось. Изобретал он и какую-то жидкость, которая, будучи сброшенной с аэроплана, должна была бы загореться. На краю города, недалеко от корпуса, были глубокие ямы, в которые мы и сбрасывали колбы с этой жидкостью. Однако колбы разбивались, жидкость вытекала, но не загоралась. Все же он не унывал и испытания продолжались.

В 1909 году во всех корпусах была введена «начальная химия», сугубая химия, как ее окрестили кадеты.

Химию преподавал войск. старшина Тимофей Абрамович Семерников, артиллерист, Михайловской Артил. Академии. Предметом этим он умел заинтересовать и мы химию знали. Ко всем кадетам в. ст. Семерников относился дружески и большим вниманием и заслуженно пользовался у нас уважением.

Русский язык преподавал Яков Павлович Ратмиров. Человек очень серьезный и требовательный, но умевший хорошо объяснить. Сочинения на разные темы начинали писать с шестого класса. Время давалось — два-три месяца.

Требовал от нас не только начисто переписанные сочинения, но и все черновые тетради. Говорил: «Пишите, оставляя большие, чистые поля; обдумывайте фразы, подбирайте, постепенно заменяя, точные слова, выражающие ваши мысли, переписывайте все снова начисто. Опять думайте, исправляйте, заменяйте слова... Русский язык — красивый, точный, богатый язык».

Лучших два сочинения Яков Павлович отделял, приносил в класс и делал их разбор.

Кадеты писали, но... кто же будет так сидеть и «коптить над сочинением», подбирая точные слова?! Ведь надо было и походить, и погулять, да и в город пройти. «Гоголем или Толстым все равно не будем», — говорили некоторые. Но, вообще, наше отделение писало сочинения неплохо, т.к. Яков Павлович был доволен и говорил об этом. А Николай Букин писал даже и стихи, которые печатались в нашем корпусном журнале «Донец».

Рисование преподавал, молодой учитель Сергей Александрович Ушков. К нему кадеты относились с большим уважением и любили рисовать. С 5-го класса учитель отбирал шесть лучших учеников, с которыми переходил на акварель, а затем и писание масляными красками. Фехтованием с кадетами занимался войск. старшина А.Н. Низовкин. В пятом классе — на рапирах, а в шестом и седьмом — на эспадронах. Фехтование кадеты любили.

Преподавание шло два часа в неделю. Но любители могли упражняться с преподавателем, от понедельника до пятницы, во время вечерней прогулки (час).

РАСПИСАНИЕ ДНЯ **и добавочные объяснения к расписанию**

Только Николаевский (Петербургский) и Донской (Новочеркасский) считались кавалерийскими кадетскими корпусами.

Поэтому у нас все происходило по сигналу трубы. Только один раз в году, 1-го марта, в день убийства Государя Императора Александра II-го, бил барабан.

В корпусе числилось четыре трубача: вахмистр, один младший урядник и два приказных. Они были прикомандированы к корпусу из Новочеркасской Местной Команды. По отбытии срока службы все увольнялись домой. Жили в корпусном здании.

В вестибюле на стене висели большие часы и по ним, когда надо было, трубачи подавали сигналы. Первый утренний сигнал — трубили «парсель» (5 час. 45 мин. утра). По этому сигналу, во второй и третьей сотне поднимались дежурные, — офицеры и кадеты, а в первой сотне — дежурный офицер и вице-урядник.

По второму сигналу — «заря», в 6 час. утра, должны были подниматься все кадеты.

Но, так хотелось спать... полежать еще хоть несколько минут под теплым одеялом... Громкие, пронзительные звуки сигнала кавалерийской трубы назойливо звучали в ушах и не давали спать. Да и дежурный кадет кричал: «Вставать, вставать, — довольно спать»... и, проходя по спальне, стягивал одеяло с тех, кто еще не поднялся. Вскоре за дежурным кадетом шел и проверял дежурный офицер.

Проснувшись, быстро одевались и с полотенцем и зубной щеткой торопливо шли в умывалку. Здесь же были и низкие скамейки с ваксой, где кадеты чистили свои сапоги, до лакированного глянца (голенища на сапогах были длинные и рыжие и никогда не чистились). Умывшись и одевшись, все спешили в сотенный зал на молитву (6 час. 30 мин.). Сотня выстраивалась перед иконой с уже зажженной лампадкой. Один кадет постоянно зажигал ее и вечером, после вечерней молитвы он ее тушил.

К этому времени лампы в зале уже бывали зажжены специальным «ламповщиком». Дежурного офицера встречал командой дежурный кадет старшего класса, а в первой сотне — вице-вахмистр. Сотня была выстроена в две шеренги.

Офицер здоровался. И подавал команду: «Первая шеренга — вытянуть руки вперед». Затем медленно шел по фронту, проверяя чистоту рук — нет ли «траура» под ногтями. В это же время, он осматривал и носки сапог, хорошо ли вычищены.

Дойдя до правого фланга шеренги, офицер командовал: «Первая шеренга — опустить руки. Два шага вперед — шагом марш». После этого, он повторял первую команду для второй шеренги и осматривал руки кадет второй и каблуки сапог первой, не забывая взглянуть и на носки второй.

Затем, по команде, вторая шеренга делала два шага вперед, и офицер осматривал каблуки сапог у второй шеренги. Сотня делала два шага назад.

«Пойте молитву», — командовал офицер. После молитвы дежурный офицер вел сотню в столовую на утренний чай. В первой — вел вице-вахмистр. Чтобы не задерживаться на подробном описании обычного дня, приведем его расписание:

7 час. 15 мин. до 8 час.	— утренняя прогулка
8 час. 30 мин. до 8 час. 50 мин.	— подготовка уроков
9 час. 00 мин. до 9 час. 50 мин.	— 1-ый урок
10 час. 00 мин. до 10 час. 50 мин.	— 2-ой урок
11 час. 00 мин. до 11 час. 50 мин.	— 3-ий урок
12 час. 00 мин. до 12 час. 30 мин.	— завтрак
12 час. 30 мин. до 13 час. 00 мин.	— прогулка
13 час. 00 мин. до 13 час. 50 мин.	— 4-ый урок
14 час. 00 мин. до 14 час. 50 мин.	— 5-ый урок
15 час. 00 мин. до 15 час. 50 мин.	— 6-ой урок

16 час. 00 мин. до 17 час. 00 мин.	— обед
17 час. 00 мин. до 17 час. 30 мин.	— вечерняя прогулка
18 час. 15 мин. до 20 час. 15 мин.	— вечерние занятия
20 час. 30 мин.	— вечерняя молитва
21 час. 30 мин.	— вечерняя заря

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА

Перед окончанием корпуса, кадеты, под руководством своих отделенных воспитателей, проходили начальный курс верховой езды.

Отделение, которое должно было ездить, приходило на обед, одетым в серо-синие шаровары, заправленные в высокие сапоги.

После обеда, захватив фуражки, все бежали на плац, где их уже ожидали лошади, приведенные казаками Новочеркасской Местной команды.

За каждый час езды, хозяин лошади получал от корпуса пятьдесят копеек. Обычно, езда заканчивалась короткой проскачкой. Насколько я помню, у нас было всего четыре-пять раз езды на лошадях.

МУЗЫКА И ПЕНИЕ

В корпусе некоторые желающие кадеты со второго класса начинали изучать (бесплатно) игру на различных музыкальных инструментах: скрипка, виолончель. Для духовых инструментов необходимо было и разрешение старшего врача корпуса.

При успешном учении, хорошем поведении, кадет, независимо от класса, начинал играть в духовом оркестре, благодаря чему оркестр всегда имел полный состав музыкантов.

Попутно, скажем и о пении. Сразу же, в первом классе, преподаватель пения Иван Яковлевич Жихор пробовал голоса и слух у всех «новичков». Подходящих ему он отбирал в церковный хор. Но с третьего класса, преподавателем, вместо добровольно ушедшего И.Я. Жихоря, стал Федор Иванович Попов.

Не буду задерживаться на подробном описании, укажу только, что кадеты любили пение, знали и охотно пели многие песни.

Ф.И. Попов был хорошим и талантливым регентом и капельмейстером.

При нем была даже поставлена полностью с музыкой и пением, увертюра «1812 год», П.И. Чайковского.

Всем корпусом, еженедельно, пели «Братя, все в одно моленье». Слова, каждый кадет должен был знать. Мы всегда пели ее в день поминовения всех павших в поле боевом, в Дмитриевскую Субботу.

В Сборном зале устраивались концертные выступления для городских приглашенных, два раза в году. Один раз в середине года и второй — при выдаче аттестата зрелости кадетам седьмого класса, окончившим корпус.

ИГРЫ

Небезынтересным будет для будущих поколений, да и для еще живущих участников старых времен, взглянуть на то, а как же кадетская молодежь проводила свое свободное от учения и казенных занятий время? Чем занималась, какими играми увлекалась? Особенно это интересно на фоне тех событий, свидетелями которых мы являемся сейчас, когда молодежь так часто стоит на распутье, не зная, чем заполнить свое свободное время, склоняясь сплошь и рядом, к душевной и духовной пустоте. Вопрос этот, конечно, очень сложный. Надо помнить русскую поговорку, что «всякому овощу свое время», не только в возрастном отношении, но и в отношении переживаемой эпохи. Если до первой мировой войны жизнь текла размеренным, установленным порядком, то дальнейшие события смешали хорошо налаженный уклад жизни, многое выбили из привычной колеи и

наложили свой отпечаток также и на развитие, и, до какой-то степени, на развлечения молодого поколения.

В корпусе до 1910 года кадеты развлекались игрой в шахматы, шашки, игрой в чехарду и лапту. Это игры известны всем кадетам. Я хочу описать некоторые, уже ушедшие в область преданий.

ПЕРУШКИ. Как известно, перья для письма были многих сортов: имелись для обыкновенного, тонкого писания и для «готического письма». Были перья и цветные: светлой и темной стали и желтые. Некоторые имели номера: 84, 86, 96 и другие. При игре, за новое перо противника, в случае проигрыша, давалось два старых пера. Процесс игры заключался в том, что перо клалось на выпуклую сторону. Второй играющий сильным и резким нажимом своего пера ударял по одному из боков пера, положенного противником так, чтобы, подскочив вверх, оно перевернулось и легло вогнутой стороной. При этом считалось, что выиграл перо тот игрок, который его переворачивал. Если же перо легло так же, как оно лежало и раньше, то выигрывал хозяин этого пера. Каждый раз для удара пером игроки сменялись.

Игра в перышки требовала немалого искусства. Были такие специалисты, которые имели выигранными сотни перьев.

КАВАЛЕРИЯ. Классное отделение выбирало двух арбитров, честных, беспристрастных кадет, следивших за игрой. Затем отделение делилось на две части. В каждой — один из кадет (повыше ростом и посильнее) служил конем. Другой кадет — являлся наездником. Такого рода «кавалерия», устремившись друг на друга, начинала сражение. Боролись так, чтобы стащить наездника с коня. Арбитры наблюдали за правильностью схваток. Подножка запрещалась. Победившие (и арбитр) ездил верхом на побежденных, заранее условленное расстояние.

ИГРА В СЛОНА. Отделение делилось на две части. Один кадет одной половины становился лицом к стене, другие, подогнув голову и согнувшись в пояснице, становились один упираясь в другого так, что получался, как бы сплошной помост из спин. Другая половина кадет, один за другим, разбежавшись и оттолкнувшись руками о спину последнего из помоста, вспрыгивали на спины согнувшихся кадет. При этом каждый следующий из прыгающих старался очутиться на спине своего предыдущего товарища, чтобы увеличить тяжесть на того, кто находился в этом месте в помосте.

Цель игры заключалась в том, чтобы прыгающие своей тяжестью могли сломать этот мост.

Выигравшие катались верхом на проигравших.

АЙДАНЧИКИ. Косточка в колене животного (овцы) имеет четыре стороны, Называвшиеся: чик, бук, айдан и тал.

Игра в айданчики имела две разновидности. Первая — бралось одинаковое количество айданчиков. Хорошо смешав их, сильным встряхиванием они выбрасывались из рук. Играющие по предварительному уговору смотрели, например, у кого больше айданчиков легло вверх на «чик» или на «бук», — тот и выигрывал.

Вторая разновидности игры: надо было на большом расстоянии сбить с кона айданчик противника. Для этого служили специальные «битки айданчики». В них для тяжести, чтобы айданчик летел далеко и точно, просверливались дырки и заливались расплавленным свинцом.

МАЛАЯ КУЧА. Этот род развлечения служил иногда и наказанием для незначительно провинившегося товарища.

Два приятеля, заранее сговорившись, сбивали с ног провинившегося кадета, и с криком «Малая куча» наваливались на сбитого и, тот же час, услышав крик, наваливалось на сбитого с ног и все отделение.

Ощущения находившегося в самом низу кучи были, надо полагать, не из особенно приятных.

КАПЫРОК. Играющих — двое. В земле делалось небольшое, но довольно широкое и глубокое углубление. На землю заостренным краем клали небольшой кусочек палочки — «капырок», по-казацки. Затем, один из играющих своей другой палкой (тонкой

и примерно метр длиной) бил по краю «капырка». Он подскакивал вверх, и в этот момент подхватывался ударом палки играющего, и, пролетев известное расстояние, падал на землю. То же самое проделывал другой играющий. Выигрывал тот, чей «капырок» падал дальше. Садился верхом на проигравшего и ехал на нем до места упавшего своего «капырка».

ЛАПТА, чехарда, городки с фигурами... все это было играми кадет до пятого класса. К этому же времени кадеты уже более серьезно относились к своим научным занятиям и детские игры отпадали. С пятого класса многие кадеты думали об окончании корпуса, о дальнейшем поступлении в военные училища и о своей будущей карьере.

В 1908 году появился футбол. А 1909 году и теннис, только для любителей седьмого класса.

НАГРАДЫ

До 1909 года включительно, двоим лучшим гимнастам, окончившим корпус, выдавались как награда — двое часов вороненой стали, с именем и фамилией получившего награду и годом. В 1910 приказом Военно-Учебных Заведений, во всех кадетских корпусах были введены жетоны. Золотые, на золотой цепочке, ромбовидные, вензельные (накладные) погоны. На обратной стороне надпись: кому и за что.

Получивший приз носил жетон на парадной юнкерской форме, на верхней левой пуговице. Если же юнкер, оканчивая училище, получал первый приз по той же дисциплине, то это заносилось в его послужной список, и офицером он сохранял право ношения этих двух жетонов на парадной форме.

В 1910 году жетоны получили: за фехтование — вице-урядник Максим Бугураев; за рубку глины и лозы — вице-вахмистр П. Щетковский; за бег (пять раз кругом плаца) в определенный промежуток времени — вице-урядник Л. Данилов; за общую гимнастику — кадет Николай Букин.

НЕОЖИДАННЫЕ ИНСПЕКЦИИ

Для проверки пройденных наук иногда в корпус неожиданно приезжали лица, назначенные Главным Инспектором Военно-Учебных заведений. Имея расписание занятий, они вместе с директором корпуса посещали урок того класса, который хотели проверить.

Они присутствовали и на гимнастических упражнениях, и на танцах. Ходили между нами на переменках, присутствовали и в спальнях по вечерам и по утрам.

Потом рапортом доносили все по начальству.

НАКАЗАНИЯ

В младших классах, во время урока провинившегося кадета преподаватели иногда ставили к стенке. «Кадет X, станьте к стенке». Кадет вставал и становился у стенки, лицом к классу.

В старших классах (от пятого) во время урока преподаватель мог сказать: «Кадет X, выйдите из класса», таких кадет урядник — помощник дежурного офицера по сотне, немедленно сажал под арест. Если преподаватель говорил об этом воспитателю провинившегося кадета, то воспитатель прибавлял ему наказание:

а) арест,

или

б) без отпуска.

Арест был двух видов: с посещением всех уроков или без выхода на уроки. У кадет существовало наказание — «темная». Но это за очень большие провинности по отношению «товарищества». Наказуемый не знал, что кадеты, обсудив его проступок, приняли решение всем классом устроить ему «темную», т.е. ночью набросить на него

одеяло и всыпать ему хорошо кулаками. При мне, такого случая не было ни в одном классе.

ТАНЦЫ

Танцы преподавал нам г. Карсавин, отец знаменитой балерины Императорского театра (были и другие за 7 лет). Он говорил нам, что каждый офицер должен уметь хорошо танцевать и знать все танцы.

Урок он начинал с обучения поклонам. Сначала объяснял, как надо кланяться «правильно, но и не умаляя собственного достоинства». Затем показывал, неоднократно, кланясь сам. Был он всегда во фраке и при каждом поклоне фалды фрака отходили назад, что придавало его фигуре очень комичный вид: как крылья ласточки.

Каждый из нас в отдельности, под его наблюдением, выполнял поклон, а он поправлял. Потом все отделение, 30 человек в одну шеренгу, с интервалом в один шаг, — делали два шага вперед и кланялись.

На уроках всегда присутствовал воспитатель, иногда, приходил и директор. Затем преподаватель переходил к объяснению различных танцев. И мы начинали танцевать, сначала по одному, исполняя различные «па», а потом — парами. «Маэстро», — обращался преподаватель к скрипачу, — «пожалуйста, прошу вас, — вальс»... И, так, постепенно, мы заучивали «па» всех танцев. Особое внимание обращалось на полонез, вальс, мазурку, котильон, кадрили... Мы должны были знать все фигуры этих танцев и их порядок. Особенно трудно это было для нас в кадрили и котильоне.

Учили нас и дирижировать танцами, но... нужно было хорошее знание французского языка и правильное произношение.

Учили нас и тому, как надо приглашать «даму» на танцы: «не бежать, не спешить, не семенить ногами; идти спокойно, свободно. Подойдя к даме на один шаг, остановиться (не стучать каблуками), глядя прямо в глаза дамы. Поклон для приглашения на танец должен быть вежливым, изящным и, в то же время и выжидательным. Если дама почему-либо не желает танцевать и отказала вам — сделать опять поклон, спокойно, молча... повернуться и... уйти с сознанием и сохранением своего полного достоинства». Можно сказать, что «отказа» в танцах и не бывало никогда. Ведь для танцев «дамы и барышни» и шли на бал.

Как общее правило, на балах в Новочеркасске можно было приглашать и незнакомых. Но, прежде, чем пригласить «незнакомку», кадет много думал над этим вопросом.

Учитель говорил: «Если дама соглашалась танцевать, вставала и подавала руку, принимайте ее корректно, не пожимая, и ведите к танцующим. Не задерживая других танцующих, выждав темп, начинайте танцевать с того же «па», как и все. Руки должны держать точно, как полагается, не нужно жать сильно руку дамы, или обнимать ее за талию и прижимать к себе. Помните, что вы танцуете с нежным созданием и... на вас смотрит не только начальство, но и много-много посторонних глаз. Вы всегда должны помнить, что вы воспитанный молодой человек — кадет. Закончив танец, правую руку «кренделем», предложите даме. Отведя на место, подождите, пока она сядет, сделайте опять поклон — прощальный; если дама улыбнется... улыбайтесь и вы и... спокойно — уходите».

Когда бывали балы в Донском Мариинском Институте или женской гимназии, из корпуса всегда посылали 15–20 лучших танцоров под командой воспитателя. Кадеты охотно шли, да и кормили их там хорошо. Необходимо указать, что были кадеты, которые к танцам относились весьма скептически (хотя и умели танцевать).

Балы устраивались: на Корпусной праздник, 26-го ноября и Рождество. Во время бала играл Войсковой духовой оркестр за плату от корпуса. В перерыве танцев их угощали в столовой ужином, выдавая по бутылке пива на человека.

Для каждого отделения, один раз в неделю, был урок танцев. Урок этот не был похожим на другие уроки, так как на него мы шли, как на парад: нам выдавали новое обмундирование, мундиры, брюки; мы переодевались, начищали свои сапоги и, когда все

были готовы, воспитатель осматривал нас и вел в «Сборный — танцевальный» зал. (Это было после 1910 года).

ПАРАДЫ

В городе, иногда по приказу начальника гарнизона, корпус принимал участие на всех парадах.

В 1908-ом году первая сотня получила шашки и винтовки, казачьего образца, с двумя нагрудными патронташами, по 24 патрона каждый.

Корпусное знамя всегда, со времени его получения, выносилось на все парады.

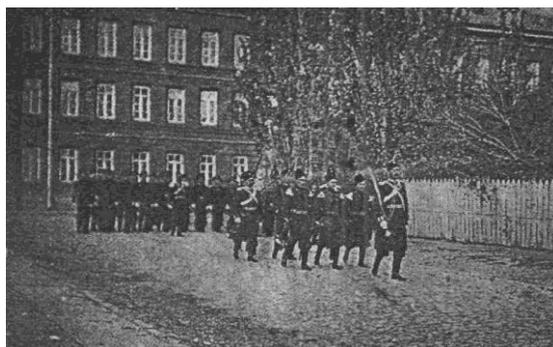
Началом движения всех парадующих войск, было движение третьей сотни корпуса. Обычно, проходили двухшереножным развернутым фронтом, на интервалах сотенной дистанции. Кадеты проходили «очень хорошо», удостаиваясь всегда похвалы. Третья сотня считала, конечно, что она прошла лучше всех.

Иногда на парад назначался только взвод со знаменем. В таком случае корпусной оркестр не принимал участия, а были трубачи.

Гарнизонные парады бывали всегда на площади перед собором.

Здесь, на точно установленных приказом по гарнизону местах, выстраивались все участники парада. Строевые части, составив винтовки в козлах (по три), оставив своего часового, вводились в собор.

После архиерейской службы, весьма торжественной, начинался парад. По окончании парада Кадетский строй, со знаменем и под оркестр, возвращался в корпус.

1-ая сотня со знаменем идет на парад

Устраивались также и домашние парады, которые всегда бывали после церковной службы. Назначались по разным поводам, по приказу директора корпуса, когда не было парада в городе.

Кадеты выстраивались в сборном зале; летом, в хорошую погоду, — на плацу. Соблюдая уставной строй, проходили церемониальным маршем, под игру своего кадетского, духового оркестра, перед директором корпуса, или же перед лицом, приехавшим специально для инспекции кадет. Обычно это были генералы — директора других кадетских корпусов.

КОРПУСНЫЕ БАЛЫ

Их было два: в день праздника корпуса 6-го декабря, и на второй день Рождества Христова, после разборки елки. За ее украшение охотно бралась одна из жен воспитателей (помогали ей и другие).

Украшения покупались, а картонажи лепили кадеты третьей сотни, не уезжавшие на праздники домой.

Оставшимся на праздники кадетам от корпуса делались дешевые подарки.

Корпусные балы — лучшие балы в городе, и каждый хотел попасть на них.

Корпусное начальство приглашало всех лиц и их семейства, занимавших в городе ответственные должности, а также жен воспитателей и преподавателей, институток (Дон. Марин. Института) и гимназисток по выбору их начальниц, и знакомых кадет старших классов.

Для каждого бала из Войскового духового оркестра выделялось 10–15 музыкантов.

Один из кадет 7-го класса, обычно в.-урядник и хорошо танцующий, назначался распорядителем бала; в 9 часов вечера он открывал бал «полонезом».

Музыканты имели два раза перерыв; во время этих перерывов они приглашались в столовую, где им сервировали бутерброды и каждый раз по бутылке пива. От корпуса музыканты получали также и платное вознаграждение.

Третью сотню уводили спать в 11 часов ночи. Бал заканчивался казачком в три часа утра.

ЭКЗАМЕНЫ

До 1908 года экзамены производились каждый год при переходе из класса в класс, когда они были отменены с сохранением только одного выпускного экзамена по окончании 7-го класса. Перевод же из класса в класс стал производиться по годовым отметкам.

Экзамены по всем предметам были главным образом устные, но по рисованию, алгебре, аналитической геометрии — производились и письменные.

На устном экзамене присутствовали: инспектор классов, отделенный воспитатель, преподаватель данного предмета и еще два преподавателя, как ассистенты, по назначению инспектора. Часто, во время экзамена, приходил и директор.

Перед экзаменом кадеты между собой тянули жребий для установки порядка ответов.

Инспектор распределял весь пройденный годовой курс по билетам, и воспитатель разбрасывал их на столе, покрытом зеленым сукном. Перед началом экзамена читалась молитва и к классным доскам выходили первых два экзаменующихся кадета. Они брали со стола по одному билету и показывали его преподавателю. После небольшой подготовки, кадет объявлял, что он готов к ответу.

Первоначально требовалось ответить все, касающееся билета, а затем задавались дополнительные вопросы каждого экзаменуемого в неограниченном числе. Это указывает на серьезное отношение к экзаменам со стороны преподавательского персонала, заставлявшее и кадет относиться соответственным образом. Обычно по ответам сразу было видно, знает ли кадет данный предмет.

Все экзаменующие, включая и воспитателя, ставили балл за ответ. Средняя арифметическая сумма всех этих оценок являлась окончательным баллом экзамена для перевода в следующий класс.

Все письменные экзамены происходили в сборном зале. Далеко один от другого ставились небольшие столы. Преподаватель раздавал каждому написанные вопросы, на которые надо было ответить. Присутствовал также и отделенный воспитатель.

Написав ответ, каждый кадет передавал преподавателю свой лист с ответами или сочинением по русскому языку.

Балл за письменную работу шел в общую отчетную сумму.

ПОСТУПЛЕНИЕ В ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА

Всем Донским кадетам надо знать, что до 1883-го года — открытия нашего корпуса, своих детей донцы родители отправляли в Михайловский Воронежский кад. корпус. Для доказательства приведём данные из Юбилейного Сборника на 1845-1895 гг., что этот корпус окончил отец братьев Сариновых и их три дяди.

После, по окончании Никол. Кавал. Училища, а один Мих. Артил. Уч., все вышли в Гвардейские казачьи полки.

При окончании Кадетского корпуса бывали только единичные случаи, когда кадет не шел в Военное Училище.

К концу года, когда уже знали приблизительно порядок окончания корпуса по баллам, каждый намечал себе то училище, в котором хотел бы продолжать свое образование. Это, конечно, касалось лишь лучших учеников по баллам.

В книге «Памятка Николаевского Кавалерийского Училища», в статье «Четверть Века Сотни» — А. Баженов, напечатано: «Давно ощущавшаяся необходимость поднять уровень образования в среде казачьих офицеров вызвала открытие в 1883 году Донского Кадетского Корпуса в г. Новочеркасск.

Ко времени первого выпуска 1890 года был решен вопрос, где именно выпускаемые из этого корпуса кадеты должны получить специальное военное образование.

Приказом по Воен. Министерству от 4-го июня 1890 года за номером 156 объявлялось Высочайшее повеление об учреждении в Николаевском Кавалерийском Училище Казачей Сотни на 120 юнкеров всех Казачьих Войск. Впоследствии к ним присоединились 15 стипендиатов кубанцев и штат Сотни стал в 135 юнкеров.

За 25 лет Сотня выпустила 1498 офицеров. Из них — Войска Донского — 605, Кубанского — 350, Терского — 103, Оренбургского — 158, Уральцев — 74, Сибирцев — 71, Забайкальцев — 54, Уссурийцев — 22, Амурцев — 20, Семиреченского — 27, и за время Первой Германской войны — 163 хорунжих и 166 прапорщиков» (стр. 117 — 118).

В Донской Кадетский Корпус поступали по выдержании специального конкурсного экзамена.

При этом вакансии были Государственные, Войсковые и своекоштные.

Хорошо выдержавшие экзамен, считались казеннокоштными (на всем готовом — бесплатно). Своекоштные должны были платить 400 рублей в год (золотом). Кадеты, учившиеся на Войсковой счет, обязаны были отслужить Войску два года. С разрешения Наказного Войскового Атамана они могли быть освобождены от этого обязательства. И кадетам разрешалось продолжать свое высшее образование не в Воен. Училищах.

Во время Первой Мировой войны дети офицеров, убитых на фронте, освобождались от платы за учение (если они таковую платили), с зачислением их на Войсковой счет.

По окончании корпуса первый ученик, как общее правило (по традиции), брал вакансию в Николаевское Инженерное Училище, затем шли — Михайловское и Константиновское, Артиллерийские Училища и Николаевское Кавалерийское — в Сотню.

Следует отметить, что в 1869-ом году, в Новочеркасске, было основано, первоначально для подготовки офицеров, «Новочеркасское Урядничье Училище», переименованное в 1870 г. в «Новочеркасское Казачье Юнкерское Училище», с двухгодичным курсом в составе одной конной сотни. В 1901-1902 гг. был введен трехгодичный курс с классами: общий, и 1-ый и 2-ой — специальные. В 1908-ом году Училище было приравнено в правах к Военным Училищам и стало называться «Новочеркасское Казачье Училище» (Е.Е. Ковалев, «Родимый Край», номер 66, стр. 18).

В 1916 году оно развернулось в трехсотенный состав (конный).

РАЗЪЕЗД КАДЕТ ПО УЧИЛИЩАМ

Окончившие кадетский корпус в 1904-ом году разъезжались по училищам.

Вице-вахмистр 14-го выпуска Эраст Эрастович ШЛЯХТИН писал: «В моём послужном списке, который каким-то чудом у меня сохранился, записано следующее: «На службу поступил по окончании курса наук в Дон. Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпусе в Михайловское Артиллерийское училище, юнкером рядового звания 1904 г. авг. 31-го».

Так давно это было и свидетелей этому почти уже нет, все ушли в лучший мир, но тогда жизнь наша только начиналась. Я окончил корпус вице-вахмистром, по баллам первым, в Сборном Зале записан на мраморную доску, а в награду получил маленький эмалевый корпусной жетон и прекрасно изданные книги «Путешествие Наследника Цесаревича и Великого Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА по Дальнему Востоку».

Жизнь казалась такой заманчивой и прекрасной и никто не предполагал, что она пошлёт нам в будущем такие беды и потрясения.

Быстро и весело пронеслись последние кадетские каникулы в станице Каменской и, в конце августа, все мы, выпускные кадеты, прибыли в Новочеркасск, где собрались в последний раз в стенах родного корпуса перед отъездом в Петербург. Перед каникулами у нас была разборка вакансий. В Инженерное, в Михайловское и Константиновское артиллерийские училища могли выйти — 6, иногда — 7 человек в каждое, а остальные около — 40 человек направлялись в сотню Николаевского Кавалерийского училища. Существовал такой порядок: первый по баллам из числа выходящих в Николаевское Кавалер, училище, при производстве в офицеры получал от Войска подарок в размере ТЫСЯЧИ рублей. Сумма большая и заманчивая, на которую можно было хорошо обмундироваться, а главное приобрести хороших лошадей. Мне казалось, что этот порядок был не совсем справедлив. Я был первым по баллам и выходил тоже в казачью часть, только не в полк, а в батарею, и был лишён этого подарка.

После молебна и прощания мы, наконец, отправляемся на вокзал. Раньше, говорят, бывало так: подходивший поезд подвозил к нам Тифлисец и Владикавказец, в Новочеркасске присоединялись мы, а там дальше — Воронежский-Михайловский корпус и образовывалась чересчур шумная, боевая компания, поэтому, во всяком случае, уже в моё время каждый корпус путешествовал самостоятельно и спокойно.

В Новочеркасске на вокзале нас провожала многолюдная толпа родных и знакомых, протиснуться на маленькой платформе было невозможно; остановка поезда всего 10 минут, которые прошли мгновенно...

Под громкое кадетское «Ура», сначала медленно, потом быстрее и быстрее, мы отплываем на север. Не одно кадетское сердце осталось там — на платформе. Разлука в лучшем случае, до Рождества, но мы утешаемся тем, что на Рождество приедем в отпуск уже блестящими юнкерами, что подтверждается и несущейся из окна вагона песней: «Прощайте иксы, плюсы, зеты, шинели чёрного сукна, теперь мы больше не кадеты, а Славной Школы юнкера». Езда поездом, около двух суток. К Петербургу подъезжали рано утром 31-го августа и чем ближе к нему, тем серьезней мы становимся: в душу закрадываются тревоги, сильнее сжимается сердце: как он примет нас, что ждёт нас на пороге вступления в новую, самостоятельную жизнь? Особенно переживали мы, маленькая группа в 6 человек, поступающие в специальные военные училища. Сопровождающий нас из корпуса войск. старш. Куров при выходе с Николаевского вокзала отправлял нас самостоятельно, уплачивал извозчику, указывая, лишь кого куда везти: в Инженерное, в Михайловское или Константиновское артиллерийские училища. Потом уже собирал остальных, около 40 человек (своих птенцов) и отправлялся с ними в лихую Сотню Николаевского Кавалерийского училища.

Проезжая Литейный мост, мы увидели справа, на берегу красавицы Невы белые здания: Михайловской Артиллерийской Академии и Михайловского Артиллерийского училища. У подъезда красовались две старые пушки. Мы поднялись по лестнице в комнату дежурного офицера, попросили разрешения войти и отчётливо отрапортовали о прибытии. Дежурный офицер просмотрел, лежащий перед ним, список и сообщил: Шляхтин, Упорников и Кульгавов — в 1-ую батарею, Тарасов, Какурин и Грузинов — во вторую... Через несколько минут мы были уже у предназначенных нам кроватей».

Ген. штаба полковник Э. Шляхтин

(бывш. в.-вахмистр 15-го выпуска 1904 года).

Скоропостижно скончался во Франции 9-го дек. 1973 г.

До 1909 года Морской Кадетский корпус считался «привилегированным военно-учебным заведением». Он был основан по приказу Императора Петра Великого в 1701-ом году в Москве, как Школа Математических и Навигационных Наук. Это старейшее военно-учебное заведение.

Приказом Государя Императора Николая II с 1909 года Морской Кад. Корпус стал всесословным. В этом же году из Донского Кад. корпуса вышли в Морской — вице-вахм. Михаил Крыгин и вице-урядник Хрисанф Бугураев.

Окончив Морской кад. корп., М. Крыгин вышел в Черноморский флот.

В гражданской испанской войне Крыгин прославился, как военный лётчик на стороне ген. Франко. Имя «коронеля Мигэль» гремело по фронту.

Мичман Х. Бугураев взял вакансию в Балтийский флот. Окончив курсы подводного плавания, он получил в командование подводную лодку «СОМ». При точно невыясненных обстоятельствах подлодка погибла в море. А с нею — вся команда и её командир. Царство небесное всем, положившим живот свой за Веру, Царя и Отечество.

В 1910-ом году в Морск. кад. корпус вышел кадет Иван Черевков. А по окончании этого корпуса стал корнетом гусарского полка. М. Бугураев.

ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫМИ ЛИЦАМИ

В жизни каждого Кадетского корпуса проезд Высокопоставленных лиц являлся знаменательным событием и навсегда оставался в памяти кадет. Хотя Государь Император Николай II-ой и не посетил Донского Корпуса, но мы считаем нужным отметить, что в 1904 году в сентябре месяце, 4-ая Донская Казачья дивизия с приданной ей Донской артиллерией, была выстроена в Персиановке на огромной пустой площади для представления Государю Императору по случаю отправления их на Японскую войну. Здесь же на площади были выстроены все Военно-учебные и частные заведения города Новочеркаска.

Наш кадетский корпус был перевезен поездом из Новочеркаска в Персиановку часам к десяти утра. Отлично помню этот день, когда я в первый раз увидел обожаемого нами кадетами Государя Императора.

День был ясный, солнечный и очень жаркий. Малышам кадетам выдали по полкружки воды.

Долго и часто нас выстраивали и равняли. Затем давали команду: «Стоять вольно, — с мест не сходить».

Кадетский корпус занимал место в строю сейчас же после частей 4-ой дивизии. Мы, малыши, горели нетерпением увидеть нашего обожаемого Монарха и боялись только того, что, может быть, мы не сможем видеть Его хорошо.

Наконец, пронесся слух, — пришел поезд и приехал Государь. Снова началось выравнивание наших рядов, и, вдали, на площади, послышались звуки духового оркестра Войска Донского. Ответы на приветствие Государя и громовые раскаты «Ура», продолжительные, нескончаемые клики.

Государь объезжал Свои Войска и училища верхом на светло-рыжей кобылице, у которой все четыре ноги, по колено, были в белых чулках.

Красиво сидел Государь в седле, правой рукой упершись в свое колено. Двигался он «шагом» очень медленно. Примерно, на половине двухшереножного фронта второй сотни, Государь громко и отчетливо выкрикнул: «Здорово — мои кадеты!»

Дружно, как один человек, ответил весь корпус на Его приветствие и сразу понеслось «Ура».

Долго и много еще после этого мы обсуждали эту нашу первую встречу с Государем, когда каждому из нас казалось, что «Он смотрел — только на меня».

Церемониальным маршем, перед Государем, принимавшим парад, прошли все учебные заведения, вплоть до женских. После них, начался парад войск. М. Б.

ПРИЕЗД В КАДЕТСКИЙ КОРПУС ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

«14-го дек. 1908-го года корпус в третий раз был осчастливлен пребыванием в нём Главного Начальника военно-учебных заведений Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича.

Нужно видеть ту радость, то необыкновенное состояние духа, которое проявляется в человеке только в редкие исключительные для него в жизни моменты, охватившие кадет при виде обожаемого Августейшего Начальника...

Он прибыл в корпус в 10 час. 17 минут утра и... проследовал прямо в церковь, где совершалась литургия».

По окончании службы кадеты выстроились в Сборном зале. Здесь же выстроились и служащие корпуса.

«Под звуки Преображенского марша Великий Князь в форме л. гв. Измайловского полка, в сопровождении директ. корпуса и своей свиты, вошёл в залу и, обойдя сотни, поздоровался с кадетами (1-ая сотня — «здорово станичники»). Сделаю небольшое добавление к этому описанию редактора журнала «Донец». Кадеты знали, что ожидается приезд Великого Князя. Я был в 5-ом классе. Нас интересовал вопрос, как Вел. Кн. будет здороваться с учителями и публикой. Они все большой группой стояли в сев.-западном углу Сборного зала.

Великий Князь держал головной убор в правой руке, левой рукой он поддерживал свою шашку — в ножнах. Как только Он вошёл в Сборный зал, раздалась команда... и заиграл оркестр... Великий Князь, пройдя шага три, остановился и... повернувшись налево (точно по уставному) лицом к публике, сделал общий поклон.

Дамы, бывшие в публике, сделали глубокий реверанс: мужчины — поклонились Великому Князю. М. Б.

Продолжаю выписки... «Приняв парад, Вел. Кн. поговорил немного с музыкантами и прошёл в лазарет. Милостиво беседовал с больными об их болезнях и пожелал всем полного и скорейшего выздоровления».

В первый свой приезд Он снимался с самым маленьким первоклассником — кадетом Ворониным. «Узнав, что он в 7-ом классе, пожелал опять сняться с ним».

«Обходя сотни, Великий Князь милостиво беседовал с кадетами, расспрашивал об успехах в науках, поведении, шутил, смеялся, в младших сотнях заставлял играть на балалайках, танцевать казачка и т.п. и между тем зорко присматривался к виду кадет, прислушивался к их ответам, делал замечания и, за что следует, поощрял и порицал.

Особенно долго оставался в строевой сотне, где расспрашивал выпускных кадет о выборе училищ, при чём оставался доволен, если хорошие ученики изъявляли желание выйти в казачью сотню Николаевского Кавалер. училища».

«Во время завтрака, обходя столы, Вел. Кн. пробовал пищу, справлялся, достаточны ли порции и всегда ли кормят так, как сегодня» (т.е. в тот день. М. Б.).

В 4 часа Вел. Кн. выбыл из корпуса на обед к Войсковому Атаману и для посещения Юнкерского училища. Кадет уволили в отпуск до 7-ми с половин. час. вечера.

В 9 час. вечера в присутствии Великого Князя, Атамана, многих представителей от города и военных частей, начался концерт. Программа концерта была очень разнообразной: пение, оркестр и хор вместе с оркестром. Хор повторил гимн на 25-тилетие корпуса — слова кадета М. Борисова, музыка — Ф. И. Попова.

Весь концерт прошёл прекрасно. По окончании концерта Августейший Начальник заставил кадета Борисова прочитать наизусть его гимн и... сделал в нём некоторые поправки».

После чая, предложенного директором Великому Князю и гостям, Его Императорское Высочество зашёл в спальню кадет 3-ой сотни, чтобы проститься. Кадеты других сотен уже спали. Великий Князь отвергнул просьбу первой сотни проводить его на вокзал ввиду того, что поезд приходил рано утром. Пожелал кадетам успеха в науках,

простился с ними и дал в распоряжение директора ТРИ ДНЯ ОТПУСКА для кадет всего корпуса.

«Своим обхождением, простотой в обращении, близостью Его Императорское Высочество очаровал всех кадет. Надолго останутся в памяти их эти светлые, полные возвышенных, восторженных чувств минуты пребывания в корпусе обожаемого Августейшего Гостя, надолго, навсегда запечатлеется Его образ, внесший столько новых сильных, неотразимых ощущений в повседневную серенькую жизнь кадет». («Донец», № 6, 31-й январь 1909-го года, стр. 129-134. Редактор И.Г. Чекунов).

ТОРЖЕСТВО ПРАЗДНОВАНИЯ 25-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-ГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

30-го августа 1908-го года корпус закончил первую четверть века своего существования. Основанный в 1883 году по воле в Бозе почившего Государя Императора АЛЕКСАНДРА III и по ходатайству представителя Войска Донского, Наказного Атамана ген.-лейт. князя Сятополк-Мирского II-го, корпус, благодаря неустанному труду первого своего директора г.-м. Левачёва, скоро принял определённые формы, быстро развивался и в недолгий промежуток времени занял третье место в ряду корпусов;

Поставив своей целью дать правильное серьёзное образование и хорошее воспитание своим питомцам, чтобы приготовить из них искренне и деятельно верующих христиан, самоотверженно преданных престолу, строго повинующихся законной власти и одушевлённых сознательным чувством долга, верных слуг России, добрых и почтительных сыновей; честных, трудолюбивых, образованных, дельных и крепких духом и телом воинов, серьёзно смотрящих на службу государству и обществу и при том, как на благороднейшую цель своей жизни, с полной готовностью жертвовать ею на защиту Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних... Корпус с первого дня своего существования неукоснительно руководствовался этими началами, воспитывая порученных ему детей.

И труды, затраченные педагогическим персоналом корпуса на воспитание и образование наших предшественников-кадет, не пропали даром.

«Оглядываясь на пройденные 25 лет своей жизни», — говорил полковник Вечеслов в историческом очерке о корпусе, — «Донской Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпус может с чистой совестью сказать, что в меру своих сил и разума он выполнил свой долг».

В тяжёлые минуты испытания нашей дорогой Родины питомцы корпуса оказались верными своему долгу и присяге; они, не дрогнувши, бестрепетно, под градом оскорблений, издевательств, бомб, убийств из-за угла, смертных приговоров революционных комитетов, служили Царю своему и Родине, не щадя сил и жизни.

«На боевом поприще, в Китайскую войну и тяжёлую Японскую, многие питомцы корпуса отстаивали честь и интересы Родины, некоторые жизнь свою положили при исполнении святого долга воина, а другие оказали подвиги воинской доблести».

«Вот, дорогие кадеты, то славное мнение, которое создалось о нашем корпусе за истекший промежуток времени и наша священная обязанность, начиная новую четверть века, оставить неприкосновенным это славное прошлое корпуса, укрепить, увековечить его за родным гнездом, не довольствуясь этим, стремиться к большему, показать, что и мы не хуже наших предшественников, что и в нас живёт любовь к родному Дону и корпусу, рассаднику просвещения и доблестных воинов. Дай Бог, чтобы по выходе из корпуса и у вас, дорогие кадеты, сохранились такие же светлые воспоминания, как и у ваших предшественников, чтобы потом, через десятки лет, вспоминая своё прошлое, вы с любовью останавливались на возрастившем вас корпусе, где вы провели безвозвратные прошлые светлые дни вашей юности, где вы были полны надежд на лучшее будущее, которое представлялось вам, может быть, в розовом цвете с несбыточной мечтой и когда все жизненные пути только раскрывались перед вами».

Празднование юбилея по случаю позднего съезда кадет (1-го сентября) было перенесено на 6-ое декабря и совершилось в этот день, совпав с храмовым праздником корпуса.

Корпус деятельно готовился к этому празднику: устраивались репетиции и парада, и будущего концерта и т.п.

5-го декабря в 6 час. вечера в присутствии всех кадет, всех служащих в корпусе и многочисленном стечении публики перед всею ночью была отслужена панихида по почившем Государе АЛЕКСАНДРЕ III. Священник о. Тихон Донецкий сказал прочувственное слово о Царе-Основателе корпуса.

По окончании богослужения кадеты, пользующиеся правом хождения в отпуск с ночлегом, были уволены в таковой.

6-го декабря в 8 час. утра все кадеты были в сборе. В 8 три четверти час. кадет выстроили в Сборном Зале для встречи знамени. В 9 час. началась литургия при довольно большом стечении публики, бывших питомцев корпуса, родителей кадет... К началу молебна (после литургии) прибыли: Войсковой Наказный Атаман ген. лейт. А.В. Самсонов, Окружной предводитель дворянства г.-лейт. Г.А. Павлов, начальник Донск. Артиллерии ген. лейт. Забусов и другие представители многих войсковых частей в гор. Новочеркасске.

В краткой, но весьма красивой речи священник указал присутствующим на значение события вспоминаемого в этот день.

По окончании молебна сотни были вновь выстроены в Сборном Зале для встречи Наказного Атамана. На правом фланге строевая сотня имела бывших питомцев корпуса офицеров, студентов, инженеров и пр.

Поздоровавшись с кадетами и поздравив их с 25-летним юбилеем, Наказный Атаман провозгласил здоровье обожаемого Монарха, Августейшего Атамана всех казачьих войск — Наследника Цесаревича, Августейшего начальника всех военно-учебных заведений Велик. Князя Константина Константиновича и всего Царствующего Дома. Дружное, долго несмолкаемое «Ура» в сопровождении духового оркестра кадет было ответом Наказн. Атаману.

Пройдя церемониальным маршем справа по шести с питомцами корпуса на правом фланге, сотни выстроились во взводной колонне в спальне 1-ой сотни, очищенной от кроватей кадет и убранной к этому дню.

Первый взвод первой сотни сопровождал отнесение знамени в церковь, где оно находилось постоянно.

Оставшиеся — снова прошли мимо Наказн. Атамана церемониальным маршем и разошлись по своим помещениям.

Наказн. Атаман отбыл в город для принятия парада войск гарнизона, а все гости были приглашены к специально приготовленному завтраку.

Кадеты завтракали в 12 час. дня. Меню завтрака было сильно улучшено. Во время завтрака директор корпуса провозгласил тосты: за драгоценнейшее здоровье Государя Императора, Августейшего начальника всех воен.-учебн. заведений, старшего кадет нашего корпуса, бывшего директора корп. ген.-лейт. Анчутина, бывших сослуживцев корпуса, приславших поздравительные телеграммы, за присутствующих бывших кадет и за нас настоящего момента кадет. Громкое, восторженное «Ура» кадет — покрывало каждый тост.

В ответ вице-вахмистр Михаил Крыгин предложил тост за здоровье директора корпуса и командира 1-ой сотни полк. Леонтьева. Радостное «Ура» кадет поддержало эти тосты. Старшими кадетами остальных двух сотен были предложены тосты за своих командиров сотен.

Затем — до 2 часов был перерыв.

К двум часам прибыли: Наказный Атаман, нач. войскового штаба, нач. артил., окружн. предводит. дворянства, нач. Юнкерск. училища, и представители многих войсковых частей, директора средне-учебн. заведений, начальница института и женской гимназии, почётные гости, питомцы корпуса и родители кадет.

Акт был открыт гимном, исполненным духовым оркестром и хором кадет.

Наказный Атаман провозгласил здоровье Государю.

Директор корпуса прочитал «историческую записку» о корпусе, при чём память кадет погибших на поле брани была почтена всеобщим вставанием и молчанием — одной минуты... В конце — директор говорил о славном прошлом Войска Донского и провозгласил ему «Ура» и настоящему его представителю — Наказному Атаману ген. лейтенанту Александру Васильевичу Самсонову. Могучее «Ура» всех гостей и кадет раздалось в ответ на тост директора.

Наказный Атаман в лице директ. корп. ген.-м. Павла Николаевича Лазарева-Станицева пожелал корпусу благоденствия и процветания на многие годы. Громко звучало ответное «Ура» всех присутствующих.

Затем кадетами под управлением Ф.И. Попова был дан концерт.

1) Гимн на 25-ти ление Дон. Корпуса, слова кадеты 7-го класса М. Борисова. Музыка Ф.И. Попова.

2) «Дон», слова А.С. Пушкина, муз. Свечиной-Кишенской

3. «На заре было да на утренней», старинная донская песня

4. «Всколыхнулся-взволновался православный Тихий Дон».

5. «Концерт увертюра»... в исполнении струнного оркестра кадет

6. Полонез — исп. духовой оркестр

7. «Боже Царя храни» — исп. хор и оркестр.

Первые четыре номера программы исполнял хор...

Концерт прошёл очень удачно, доставив присутствующим большое удовольствие. Особенно сильное впечатление оставили номера: 1-ый, 3-ий и шестой.

По окончании концерта (4 с половиной часа) отпускные кадеты до 8 с половиной час. вечера были уволены в отпуск.

Празднование торжества 25-летия корпуса закончилось блестящим балом до 2 с половиной часов ночи.

Громадные портреты, писанные масляными красками, Царствующего Дома украшали Сборный зал. Здесь же находился и портрет — в Бозе почившего Императора АЛЕКСАНДРА III. Несколько меньшие по размерам такие же портреты были и в спальне первой сотни, где были расставлены столы с фруктами, конфетами, прохладительными напитками и т.д. Всё это было украшено богатейшей гирляндой из живых цветов, а поверх них изящно выделанные и переплетённые теми же живыми цветами римские цифры, обозначающие 25. Инспекторская комната и музей были обращены в гостиные и тоже украшены живыми цветами.

Всё было очень хорошо. Всё прошло прекрасно. Единственно, что недоставало — это отсутствие Великого Князя Его Императорского Высочества Константина Константиновича.

Редактор И.Г. Чекунов («Донец», 14 янв. 1909 г., № 4 и 5)

ПОЛУЧЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

К сожалению, мы не можем привести дословно полученные телеграммы с поздравлениями. Укажем только от кого они получены: от Его Император. Высоч. Велик. Князя Константина Константиновича, ген. Анчутина, Подполк. Левачёва, Офиц. атаманцев — ген. Евреинова, офиц. лейб-казаков — ген. Понамарёва, от всех находящихся в Петербурге кадет — полк. Чеботарёва, подполк. Сумцова.

Получены из Петербурга: кадет Соколова и Черевкова, донцов-михайловцев, донцов-константиновцев, донцов-инженеров, войск. старш. Артамонова, кадета — Жирова из 1-го кад. корп. роты Его Величества. Из Москвы: от Александровцев, из Канавины — хорунж. Еремеева, из Сысертского завода — корнетов Васильева и Фомина, из Самары, Курска, ст. Нижне-Чирской — подъес. Кундрюцкого и Ипполита Калмыкова, из Ковны, Юзовки, Оренбурга, Сумы, Киева, Полоцка, Седлеца и Владивостока.

От кадетск. корпусов: 2-го Московского, Нижегородского графа Аракчеева, Владимирского-Киевского, Ярославского, Воронежского, Петровского-Полтавского, Николаевского. Хабаровского, Императора Александра II, 1-го Московского, Орловского-Бахтина, Псковского, Омского, Одесского, 2-го Оренбургского, Владикавказского и Полоцкого. Принесём, друзья кадеты, всем вспомнившим нас в этот день, искреннюю, сердечную благодарность.

Редакция журнала «Донец» — Номера 4-ый и 5-ый, 14 янв. 1909 года.

ГИМН НА 25-ТИ ЛЕТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Ликуй кадет! Греми ура!
Пусть сердце радостью забьётся,
Во славу Родины, Царя
Наш гимн могучий пронесётся.
Мы в день великий и святой
Забудем стоны и рыдания,
Одною общею душой
Сольёмся в мирном ликованье.
Пусть гимн в величье прозвучит
Донского Корпуса кадета
И вольно в честь их прогремит
По всей России многи лета!
В час роковой мы за Царя,
За Русь святую вступим в битву —
Так грянем громкое ура!
Сольёмся в общую молитву...
Ликуй кадет! Греми ура!
Пусть сердце радостно забьётся,
Во славу Родины, Царя
Наш гимн могучий пронесется.

7-го кл. М. Борисов
«Донец».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАДЕТ

Дисциплина в корпусе была строгая.

В глазах кадета воспитатель был его начальником. Большинство воспитателей кадеты уважали, а некоторые даже и любили.

Отношения между кадетами-сверстниками и одноклассниками всегда были весьма дружественными. Если кто-нибудь из кадет совершил какой-нибудь проступок и воспитатель не знал, кто его совершил, то никогда и никто из кадет не выдавал виновника. И никакие угрозы воспитателя (оставить весь класс без отпуска) не помогали: Виновный не был обнаружен.

Кадеты были очень чутки к горю своих соучеников (и даже воспитателей) и всячески старались им помочь и облегчить их горе.

Отношения старших кадет к их младшим товарищам по учению, всегда были ровными и дружественными. Никогда старший кадет не обидит младшего и всегда ему поможет.

Старшие кадеты служили примером для младших. При поступлении новичков в корпус, старшие кадеты (чаще всего братья) «просвещали» новичков, знакомя их со всем,

что они должны были делать, чтобы не уронить достоинство кадет. Каждый кадет должен помнить, что он носит погон, и по поступку одного люди будут судить обо всем корпусе.

Если кадету младшего класса надо было пойти в старший класс, то он всегда останавливался у входной двери в класс и просил кого-нибудь из первых-попавших ему на глаза позвать того, кто ему был нужен. Когда приходил позванный — они оба вместе шли в класс, если это было нужно.

Также поступали младшие кадеты, если им надо было пойти в старшую сотню.

Приветствие, отдание чести друг другу было обязательно. Причем младший старался приветствовать старшего — первым.

Большим уважением всех кадет пользовался вице-вахмистр, а также и вице-урядники. Строго преследовалось и запрещалось (по уставу) разговаривать в строю. Я вспоминаю следующий случай: кадет 7-го класса Иван Фролов, сидевший по два года в некоторых классах, был очень непослушным и своевольным. На праздник Св. Пасхи он сказал при других кадетах, что по случаю большого праздника он может и будет разговаривать в строю. Кадеты ему сказали: «Зачем ты нам это говоришь, пойди и скажи вице-уряднику» (которой вёл сотню в столовую). Он храбро пошёл и сказал это же в.-ур. Тот, ответил, что Вы знаете, что разговоры в строю строго воспрещаются, а поэтому, если Вы будете разговаривать в строю, то и на праздник я прикажу Вам выйти из строя. Фролов ответил: «Посмотрим», — и ушёл.

Когда сотня шла по сотенному залу, Фролов молчал. При входе в столовую, он начал разговаривать и... все кадеты услышали: «Кадет Фролов — выйдите из строя... за разговоры»... Из строя вышел тотчас же и дежурный по сотне и препроводил И. Фролова под арест. Я был свидетелем данного случая...

Разбираясь в присланных нам воспоминаниях кадет различных выпусков, мы увидим ту разницу, которая постепенно появляется во взаимоотношениях кадет младших и старших классов.

Из приведенных описаний мы увидим, что во взаимоотношениях кадет Донского корпуса не было «цука», а просто время вносило необходимые изменения в корпусной жизни.

В Донском корпусе к «цуку» было крайне отрицательное и отталкивающее отношение, но у нас были традиции, определявшие и обуславливавшие кадетские отношения. Одна из характерных сторон этих традиций — было отношение старших кадет к младшим: младший кадет не должен был бояться старшего, а должен был смотреть на него, как на старшего друга, слушать и уважать его. Старшие кадеты всегда «подтягивали», делая младшим замечания по существу поведения или показывая пример своим поведением. При этом всегда чувствовалась взаимная ответственность в сохранении доброго имени донского кадета. М. Бугураев.

Старшие кадеты следили за младшими, особенно, когда последние находились вне корпусной черты (в отпуске, в городе) и, если младший кадет вел себя неподобающим образом или был неряшливо одет, то старший мог сделать ему замечание; бывали случаи, когда он отправлял младшего кадета в корпус и иногда с приказанием явиться дежурному офицеру.

Как старший, так и младший кадет обязаны были приветствовать друг друга отдаванием чести, но в этом случае младший не должен был зевать, здесь традиция переходила в дисциплину.

Младший кадет, проходя в старшую сотню, должен был явиться дежурному офицеру и спросить у него посетить своего брата, или кого-либо другого. После разрешения дежурного офицера, он шел в сотню или нужный ему класс, в котором находился его брат или знакомый.

При входе в класс, он останавливался у дверей и, обращаясь к кому-нибудь из старших кадет, громко говорил:

«Разрешите войти!» Следовал ответ вопрос: «Ты, к кому?» Младший кадет называл фамилию. Иногда его спрашивали:

— «Видишь икону на стене?»

— «Так точно, вижу».

— «Крестись!»

И, после этого, младший кадет беспрепятственно шел к тому, кого он пришел посетить. В данном случае, это не был «щук», а постоянное напоминание младшим о вежливости, дисциплине и уважении к старшим. Вообще, нужно сказать, что отношения между кадетами всегда были весьма дружественными. Мы, «младшие кадеты», всегда брали пример со «старших». Относились к ним с должным уважением и мечтали о том дне, когда и мы примем это ответственное старшинство и приблизимся к окончанию корпуса.

Д. Сиринов, 37 вып.

ЧАСТЬ II ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА ПЕРВОГО ВЫПУСКА-1890 г.

4-ая донская казачья батарея в 1893-1894 гг.

В виду особого интереса данных этой статьи мы делаем выписки, хотя они и очень короткие. Статья написана ген.-лейт. А.В. Черячукиным.

Директор корпуса в Египте ген. А.В. Черячукин

Свои детские годы я провел на Дону в стан. Константиновской и начал учение в 1882-ом году в Новочеркасском Реальном Училище. В 1883-ем году я перешел во вновь открывшийся Донской Кадетский Корпус, который и окончил в 1890-ом году (первый выпуск). Лучшие из окончивших попали в числе трех в Михайловское Артиллерийское Училище, которое считалось пределом мечтаний каждого кадета, хотя нас пугала серьезная 3-х летняя программа этого училища.

Из нашего корпуса, вместе со мной, в Михайловское Училище были приняты: Порфирий Григорьевич Чеботарев и Федор Андреевич Афанасьев, с которым я провел неразлучно училищные годы (описание 3-х летнего пребывания в училище опускаем). По переходе на старший курс, я был произведен в старшие портупей-юнкера назначен «правлящим» младшего класса, правящий — это порт.-юнкер, который обязан следить за младшими юнкерами... их поведением, соблюдении всех училищных традиций и на его же обязанности было и объяснение этих традиций. Все это шло помимо начальнического персонала, а только между самими юнкерами (М. Б.). Ген. Черячукин продолжал: «Из жизни училища особенно сохранился следующий случай... В 1893 году по окончании экзаменов (13-мая) батарея выступила в лагерь под Красное Село. Перед выступлением батарея построилась на плацу, перед главным подъездом, для молебна, на который

прибыл Генерал Фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Николаевич, всегда любивший училище и всегда нас баловавший.

По окончании молебна Великий Князь, поздравивший нас с окончанием классных занятий, совершенно неожиданно для всех нас, громким голосом, сказал: «А теперь подайте мне сюда Чеботарева, Черячукина и Афанасьева». Не понимая в чем дело, мы с большой тревогой подошли к Великому Князю. «Это совсем не хорошо с вашей стороны», — сказал сурово Великий Князь, но тотчас же Его напускная строгость сменилась настоящей, постоянной добродушной улыбкой: «Вы, казаки, забрали все премии за классные успехи. Поздравляю вас и надеюсь, что вы будете скоро такими же прекрасными офицерами-артиллеристами, какими вы были и Юнкерами».

Эта выписка показывает насколько хорошо учились наши кадеты Донского корпуса. Порфирий Григорьевич Чеботарев окончил училище первым, записан золотыми буквами на мраморной доске и вышел в 6-ую Л. Гв. Донскую Его Величества батарею. («Материалы к истории Донской Артиллерии» — составил в. старшина В.М. Нефедов и есаул Е.Е. Ковалев. Том — 2-ой, стр. 30).

ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В НОВОЧЕРКАССКЕ

«После окончания мною Корпуса прошло 75 лет». — Так начал свои воспоминания бывший кадет 9-го выпуска, окончивший корпус в 1898 году, в настоящее время генерал-лейт. Е. БАЛАБИН.

Родился я в Сальских степях на зимовнике, где были конные заводы, в ста верстах от г. Новочеркаска. Первый раз взяли меня родители в Новочеркасск, когда мне было 7 лет. Проезжая на извозчике по городу, я увидел крошку — кадета, ставшего во фронт проходившему мимо него генералу. Я был в восторге и решил непременно тоже стать кадетом. Тогда я и железную дорогу увидел впервые в жизни, и то издали. В это время на Дону была страшная жара, засуха. Несколько месяцев не было дождя, земля потрескалась — было очень душно. В Новочеркасске, на главной улице при большом стечении народа священники служили молебен, прося у Господа Бога дождя... И еще не окончился молебен, как пошел сильный дождь: люди стали разбегаться и прятаться, кто куда мог. Это явление произвело на меня огромное впечатление — я как бы почувствовал БОГА. Мать, видя это, сказала: «Чтобы поступить в Корпус, надо не только учиться, но и молиться. Без Бога не поступишь, многие желают попасть в корпус, но всех не примут».

В 1890 году был вступительный экзамен в корпус. Прошений было подано много, но после тщательного медицинского осмотра подавших заявление было допущено к вступительному экзамену только 400 мальчиков. Мне Господь помог... Я выдержал экзамен четвертым и был принят в 1-ое отделение первого класса. Первое время в корпусе я очень скучал: все кадеты были чужие и сердце мое сжималось от одиночества... Помню первую ночь... Я проснулся и понял, что я не дома и мне сало так грустно-грустно... Но я сразу вспомнил, что скоро надену военную форму: брюки с красными лампасами и гимнастерку с погонами. Мне стало веселей, а вскоре я совсем освоился с моей новой жизнью: мне стало легко и хорошо с моими новыми друзьями и я больше не грустил...

18-го февраля 1898 года, по Высочайшему Повелению, наш корпус получил название «Кадетский. Корпус Императора АЛЕКСАНДРА III-го» и на погонах, вместо букв «Д. К». стала теперь буква. «А» с короной и под ней три палочки.

Здание корпуса было выстроено в три этажа, в виде буквы «Ш».

Левее главного входа в здание были спальни кадет. В нижнем этаже — спальня третьей сотни, младшие классы. На втором этаже — спальня второй сотни, средние классы. На третьем этаже — спальня первой сотни, старшие классы.

Правей главного входа, внизу, был гимнастический или фронтальной зал, в котором, кроме строевых занятий были спевка хора, сыгровки оркестра и обучение кадет на всех музыкальных инструментах, кроме рояля. Их было несколько и стояли они в других комнатах. В этом же фронтальном зале по средам происходили свидания кадет со своими родственниками и знакомыми. На втором этаже над главным входом была учительская и

физический кабинет, а выше их на третьем этаже — инспекторская. На втором этаже здания, над гимнастическим залом, была стоковая, в которой одновременно обедали все три сотни — 450 кадет, с тремя дежурными воспитателями, а дежурный командир сотни гулял по столовой и смотрел на обедающих кадет. Из столовой (на восток) был вход в церковь. Церковь была очень уютная с мраморным иконостасом, в которой помещались все кадеты и часть корпусного персонала, а остальной персонал и приходящие на церковную службу из города, стояли в столовой у широко открытых дверей.

Корпусной праздник был в день Св. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА — 6-го декабря. На третьем этаже, над столовой, был «СБОРНЫЙ ЗАЛ». В нем устраивали балы, концерты, парады. Зал был широкий и длинный, и кадеты имели место для прохождения церемониальным маршем во взводной колонне. В этом же зале было обучение кадет с пиками и уроки танцев.

Из Сборного Зала был вход на хоры в церковь и проход в лазарет. Лазарет занимал весь верхний этаж (правой палочки буквы «Ш»). Под лазаретом, на втором этаже, была квартира директора корпуса и канцелярия. В нижнем этаже находилась кухня.

Классы были против главного входа в здание (средняя палочка буквы «Ш»). Классы были большие, теплые и сухие. В корпусе во всем здании было проведено паровое отопление. По выходе из классов, здесь же, рядом с ними, были Сотенные Залы, куда выходили кадеты во время перемен между уроками. В этих залах у западных стен стояли образы, перед которыми были утренняя и вечерняя молитвы.

В 3-ей сотне был образ Покрова Пресвятой Богородицы, во 2-ой — образ Казанской Божией Матери, и в 1-ой — образ Св. Георгия Победоносца.

В конце каждого зала (в северной части) стояла гимнастическая лестница и турник и кадеты могли упражняться гимнастикой на каждой перемене.

Командиры сотен жили в левом крыле корпуса (смотреть с южной стороны — левая палочка буквы «Ш»). Воспитатели и преподаватели все жили на частных квартирах. Звонков в корпусе не было. Вместо них были сигналы по трубе. К корпусу были прикомандированы трубачи — казаки из Местной команды. Им служба в кадетском корпусе засчитывалась, как действительная служба в полках. Эти трубачи жили и довольствовались в корпусе. После окончания каждого урока, давался кавалерийский сигнал «ОТБОЙ» (всадник, перестань отбой был дан, остановись). По классам, после перемен, трубач трубил «СБОР» (Соберитесь, сомкнитесь...) Без десяти минут — в шесть часов утра трубач играл «повестку». Все дежурные вставали по этой повестке. В 6 часов игралась «Утренняя заря». С последним звуком трубы, из комнаты дежурного офицера, которая была здесь же в спальне, выходил дежурный воспитатель и громко командовал «Вставать»! И все 150 кадет сразу принимали «вертикальное положение». Нельзя было задержаться хотя бы на одну минуту. Кадеты начинали одеваться. Шли в умывалку, мыться, чиститься... И затем, без строя, по одному, постепенно собирались в свои сотенные залы, где выстраивались перед сотенным образом. Приходил дежурный офицер-воспитатель, здоровался с кадетами и, проходя по фронту — осматривал у каждого кадета, — лицо, уши, шею (как вымыты), одежду и чистоту сапог. После осмотра командовал: «На молитву». Некоторые молитвы читались дежурным по сотне, некоторые вся сотня пела. Потом строем шли в столовую. Когда в столовой собрались все три сотни, дежурный кадет 1-ой сот. (седьмого класса) читал: «Очи всех на Тя Господи уповают»... и по окончании молитвы все садились и начинали пить чай с французскими буллами. По пятницам вместо французской булки давали серый пеклеванный хлеб с маслом. После чая читалась молитва: «Благодарим Тя Христе Боже наш!» и сотни строем разводились по своим классам. До 8-ми часов утра, без своих воспитателей, кадеты повторяли, выученные накануне вечером уроки. Затем от 8 и до 11-ти часов было три урока с переменами между ними по 10 минут.

В 11 часов шли строем в столовую на завтрак. Завтрак состоял только из одного блюда. Но оно было вкусное и сытное: наши повара готовили все кушанья очень хорошо. Часто в понедельник на завтрак давали котлеты с рисом. Я рис не любил и не ел, а все

отдавал своему приятелю-соседу. А он в четверг не ел мясо с хреном и все отдавал мне. И оба мы были довольны этим.

От 12 до часу каждое отделение под руководством своего отделенного воспитателя имело строевые занятия. От часа до трех было еще два урока. От 3 до 4 — прогулка, общая по плацу. После нее шли строем в столовую на обед. Обед из трех блюд, очень вкусный и сытный. После обеда — опять прогулка до шести часов вечера. От шести часов до 8-ми — приготовление уроков на завтрашний день в присутствии своих воспитателей. В 8 часов шли в столовую и пили чай (вечерний). Немного позже, в сотенных залах перед образами святых была вечерняя молитва. Первый и второй классы шли спать, а 3-ий класс и все кадеты старших классов могли заниматься еще до 10 часов вечера. При мне командирами сотен были: в 1-ой сотне — полк. Пантелеев, в 7-ом классе преподавал Законоведение.

Во 2-ой сотне был полк. Качура. В одном из классов преподавал русский язык. Командиром 3-ей сотни был полк. Трусневич. Лазарет. войс. стар. Котельников.

У меня в первом классе воспитателем был поруч. Кирсанов. Во 2, 3, 4 и 5 — подьесаул Орлов, а в 6 и 7 классах — войсковой старшина Власов. Все воспитатели у меня были хорошие и симпатичные. Подьесаул Орлов любил читать нотации. Когда спросили кадета С. Захаревского: «Что он так долго говорил тебе?» — «А я не слушал, я смотрел в землю и читал про себя Отче наш».

Офицеры «не казаки» могли быть воспитателями только До 5-го класса включительно, а в 6 и 7 классах — казаки, т.к. в этих классах были уроки езды и занятия с пиками. Преподаватели, в общем, были тоже хорошие. Закон Божий преподавал священник отец — протоирей Лаборинский. Он обладал даром слова и так хорошо все нам разъяснял, что его уроки были для нас большим наслаждением. В церкви он служил тоже очень хорошо...

Русский язык преподавал: Яков Павлович РАТМИРОВ и полковник КАЧУРА и еще один — его фамилию, к сожалению, я забыл. В пятом классе кадеты учили церковнославянскую грамматику. Математику преподавали: Николай Иванович Дьяков и Иван Николаевич ЛИМАРЕВ. Оба хорошо все умели объяснять. Французский язык преподавал Статский Советник Гаушильд. Милый человек, но кто знал до поступления в корпус французский язык, в корпусе забывал его.

Когда я был в 5-ом классе, Гаушильд поймал меня читающим «Анну Каренину». Он возмутился и сказал: «запишу в журнал». Все начали просить за меня и Гаушильду видимо не хотелось записывать. Но как выйти из положения? Спас голос одного кадета: «Да ведь Балабин переводил Анну Каренину на французский язык...» — «А так». Гаушильд захлопнул журнал — «Расскажите про Анну Каренину по-французски». Мне по-русски трудно было что-либо сказать, а по-французски и подавно, и я молчал. Опять голос: «Балабин стесняется рассказывать про такую женщину». — «И такие книги читает кадет пятого класса»? — «Да ведь это же замечательное произведение великого Л.Н. Толстого». В это время благодатный сигнал: «Всадник, перестань, отбой был дан, остановись». Гаушильд, как всегда быстро выскочил из класса, не успев меня записать.

Преподавателей немецкого языка было два: ШМИТ и ШВЕХ. Они все-таки старались выучить нас своему языку, хотя мы и не хотели его учить.

Географию преподавал войсковой старшина ЛЕПИЛИН, он был и воспитателем. За грубый голос его прозвали «Солдатом»... Географию любили. Скучна была «минералогия». Милейший был преподаватель, но он так скучно все рассказывал, повторял все время «так сказать», что его никто из кадет не слушал. Рисованию учил старик — художник Иван Павлович (фамилия).

Великий Князь Константин Константинович

Долго мы рисовали по клеткам, потом по точкам... а затем различные орнаменты, и много позже начали рисовать модели рук, ног и пр.

Гимнастику любили. Преподавал ее Захаров, сам отличный гимнаст.

Бой на «эспадронах» — войсковой старшина СМИРНОВ, он был и воспитателем. Смирнов так хорошо защищался во время вольного боя, что никто не мог нанести ему удар. Однажды мне это удалось. Он расsvирепел и буквально избил меня. Он со страшной силой наносил мне удары по голове, так что искры сыпались с маски. Кадеты говорили, что страшно было смотреть. Преподаватель боя на рапирах был спокойнее и хорошо учил нас, все объяснял, как мы должны ею владеть. Смирнов учил желающих играть на балалайках и создал целый оркестр из балалаечников. Этот же Смирнов лечил заик. Был кадет Захаров, он так заикался, что нельзя было разобрать что он говорит, особенно, когда он плохо знал урок. Смирнов так его вылечил, что на музыкально-вокальном вечере Захаров говорил длинное стихотворение и ни разу не заикнулся.

Оркестров в корпусе было два: струнный и духовой. Оркестр был так хорош, что некоторые не верили, что играют только кадеты и думали, нет ли в оркестре, переодетых в кадетскую форму, музыкантов из Воен. Войскового оркестра. Я играл в струнном оркестре на скрипке, а мой младший брат Филипп — на кларнете.

Помню я посещение корпуса Войсковым Наказным Атаманом. Я был во втором классе. Во время одной из перемен, когда кадеты вышли в сотенный зал и играли там... Кое-кто занимался гимнастикой, какой-то первоклассник «гонял кубарь», другие кадеты шалили и гонялись друг за другом. Вдруг, совершенно неожиданно, в зал вошли Директор корпуса и Войсковой Атаман — генерал Князь Святополк-Мирский. Раздалась команда: «Смирно!» Все кадеты замерли, став смирно там, где их застала команда. Князь поздоровался с нами. Хотя все мы стояли врзсь и далеко друг от друга, но ответили ему очень дружно: «Здравия желаем, Вашему Сиятельству». Он посмотрел на нас и скомандовал: «Садись!» Кто где стоял там и сели... кто на скамейке, кто прямо на пол. «Ну, дисциплина у вас есть». «Встать!» — сказал Князь. Все вскочили. Князь заметил, что некоторые первоклассники неправильно держат руки по швам и, обращаясь к Директору, сказал: «Вы не стесняйтесь сажать воспитателей под арест, если они плохо учат». Так неприятна была всем эта фраза. И грозный Атаман вышел. Потом мы узнали, что этот грозный Атаман в этот же день объехал все мужские и женские учебные заведения и на всех нагнал страх и трепет.

С западной стороны здания корпуса был очень большой сад, загороженный высокой кирпичной стеной. В саду были и «гигантские шаги». А у самого здания было сделано помещение для развода кадетами шелковичных червей. Надо знать, всем кадетам Донского корпуса, что в корпусной церкви занавес на ЦАРСКИХ ВРАТАХ был из корпусного собственного шелка. На одной из выставок в городе Новочеркасске наш корпус получил почетный диплом за шелковичные коконы и виноград, который разводили сами кадеты в этом же саду.

Певчих часто водили на концерты приезжающих певцов и певиц. Один раз весь корпус водили в городской театр на «ВЕЛИЗАРИЯ». Это произвело на меня громадное впечатление, и к тому же я первый раз в жизни был в театре. Я долго жил под впечатлением этой пьесы. Однажды всех кадет повели в цирк смотреть приехавшего знаменитого ДУРОВА. Коронный номер был с козлом. На арену выехала собака, запряженная в маленький экипаж. Затем важно вышел козел. Дуров приказывает козлу сесть в экипаж, козел не хочет. Дуров начинает бить его — козел не слушается. Дуров берет его за рога и силой тянет в экипаж. Козел упирается. Дуров отходит в сторону, на минуту задумывается и говорит: «А я и забыл, что теперь со всякой скотиной надо обращаться вежливо». Подходит к козлу, снимает цилиндр со своей головы и говорит козлу. «Господин козел! Будьте так добры и сядьте в экипаж». Козел важно шел к экипажу и... сажился в него. Собака, при сильном и продолжительном рукоплескании публики, медленно везла козла по арене цирка.

Я помню к нам приезжал знаменитый хор СЛАВЯНСКОГО. Он был приятелем нашего директора, и директор устроил весь хор жить в корпусе. Славянский давал концерты у нас в корпусе и в городе. Один раз он управлял нашим корпусным хором и сам запевал и некоторые песни я до сих пор помню.

Посещение нас хором Славянского было для кадет сплошным праздником.

В мое время переходы из класса в класс были только по экзаменам. Когда я был во втором классе, многие кадеты боялись экзамена по арифметике. Начался экзамен и вдруг, неожиданно, входит в класс директор. Слабо знающие арифметику совсем перепугались. Директор, не вызывая к доске, стал у преподавательского стола, начал задавать кадетам всякие вопросы по арифметике. Вызванные вставали и отвечали с места. Проэкзаменовав так минут десять, директор сказал: «Спасибо дети, вижу, что арифметику усвоили хорошо. Все выдержали экзамен и за отличные ответы, сегодня за обедом, все получите по апельсину». Поблагодарив и преподавателя, директор вышел. Восторгу нашему не было конца.

В корпусе имелась «ЗВЕРИАДА» — пасквиль на преподавателей и на воспитателей. Эту Звериаду тщательно скрывали, но все-таки ее обнаружили и господа педагоги ничего не придумали лучше, как прочитать эту ЗВЕРИАДУ вслух на педагогическом совете. Один кадет очень плохого поведения, думая, что на этом педагогическом совете его исключат из корпуса и, желая знать, что о нем будут говорить, заранее проник в учительскую, где должен был быть совет, и спрятался за оконными портьерами. За одно это он подлежал бы исключению, но все прошло для него благополучно, его не исключили. Он слышал все, что говорилось на совете. Помощник инспектора классов, Генерального Штаба Подполковник Барон Крюденер читал вслух Звериаду. Все молча выслушали на них пасквиль. Только директор на стих «Прощай Романс, ты в жизни светской, актрис своих не забывал и дар одной из них от брюк кадетских полулампасы оторвал». — «Какой вздор! Я только исполнил Высочайший приказ». Раньше у казаков лампасы были в три пальца шириной, а после Высочайшего приказа стали в полтора пальца. Да еще на Звериаду возразил С.П. Кузмич, где его высмеивали за постоянное «Нус». Барон Крюденер остановился, думая, что С.П. еще что-либо скажет и С.П., видя остановку, сказал «Нус» — все рассмеялись.

Преподаватель пения и музыки был Иван Яковлевич Жихор. Он был Большой Труженик. Терпеливо разучивал вещи на спевках и только иногда, рассердившись, кричал: «Дисканты, дисканты, как пьяные бабы на «подушках». В классе проходили теорию музыки по его программе. Часто пели песни классом и чтобы не мешать соседним классам, И.Я. вводил свой класс в столовую или Сборный зал. Иван Яковлевич играл на всех духовых инструментах и хорошо играл на виолончели и на скрипке. Хорошо управлял хором и оркестром. Меня учил играть на скрипке итальянец Стаджи. На струнных инструментах кадеты могли учиться с первого класса, а на духовых — с третьего.

Езду преподавал в каждом отделении свой воспитатель. Ездили только семиклассники. Лошадей приводили из местной казачьей команды. Уроки езды, конечно,

очень любили. Одевали высокие до колен сапоги и чувствовали себя настоящими кавалеристами. Уроки езды были весной и осенью, один час в неделю.

Директором при мне был Генерал Майор Анчутин. Он был очень вежливый, гуманный, заботливый. Он оставил после себя самую лучшую память, при нем, в корпусе, прекрасно пел хор и был отличный оркестр.

Инспектором, классов был полк. артиллерии Линевиц, симпатичный и очень строгий. Помню случай: трубач, по ошибке, дал сигнал из классов (отбой) на 20 минут раньше. Инспектор спустился по лестнице и строго говорит трубачу: «Почему раньше времени дал сигнал?» — «Обмяшулился, Ваше Высокоблагородие». Инспектор засмеялся и возвратился в свою инспекторскую комнату.

Помощником инспектора был Генерального Штаба Подполковник Барон Крюденер. Он ушел из строя, потому что на изысканиях, где-то в Памире, ему свело шею и он уже не мог оставаться в строю.

Курение в корпусе строго преследовалось, пойманный в курении сажался в карцер на 10-ть часов с предупреждением об исключении, если еще раз будет замечен в курении.

Масленицу справляли, обедаясь блинами по русскому обычаю, кто сколько может съесть и некоторые поедали их невероятное количество. В Великий пост давали постное на 1-ой, 4-ой и на Страстной неделях, а в остальные недели постное давали только по средам и пятницам, Мой младший брат Филипп, когда был в 1-м классе, не пожелал есть скоромное в Великом посту и уговоры воспитателя, мои и товарищей не могли сломить его желание. К нему присоединились еще пять человек и им весь пост готовили отдельно, постное. По окончании учебного года кадеты разъезжались на каникулы, а шестые и седьмые классы шли на один месяц в кадетский лагерь у станции Персиановка. Хотя пребывание в лагере и отнимало у нас целый месяц каникул, но кадеты любили этот лагерь и с удовольствием его вспоминали.

Через весь город шли на вокзал в походной форме и громко пели песни. Публика останавливалась и любовалась стройно идущими кадетами. Мальчишки толпой бежали по сторонам. До Персиановки, где был наш лагерь, поезд шел пол часа. В лагере бараки находились в огромном парке-лесу на берегу реки ГРУШЕВКА. Они были светлые, сухие, отдельно была кухня и столовая, и маленькая уютная церковь. По праздникам служили Литургию, накануне всенощную. Значные места были далеко от барачков. В лагере учили уставы, название частей, сборку и разборку винтовки и строго требовали, придираясь к малейшей ошибке.

Один кадет вместо «рукоятки» затвора, сказал «ручка» — Смирнов прогнал его, сказав: «Ничего не знаете и ничего не понимаете — ручка бывает у барышни, и то, у хорошенькой». В лагере производили съемку местности, знали все условные знаки по топографии и вычерчивали их. Каждый день производились строевые занятия и не маршировка, которая хорошо была усвоена, а маневры — наступление, оборона, атаки и пр. Совершали походы с ночевкой, вне лагеря. Можно было купаться, и воспитатели учили нас плавать. Катались на кад. лодке и в этой же речке ГРУШЕВКЕ ловили удочками рыбу.

Однажды кадеты нашли подбитую ворону принесли ее в барак, окружили и начали учить говорить. Все говорили: «Чичико, Чичиков». И вдруг громкий голос, незаметно подошедшего деж. офицера Лепилина: «Вы что здесь делаете»? Все вскочили и после минутной паузы ответили: «Учим говорить Вороненка». «Выпустить в лес и не смей приносить в барак». Приказание было исполнено, но после этого Войсковой Старшина Лепилин сказал: «Меня прозвали Чичиковым и я горжусь этим — Чичиков был гениальный человек». В роще была масса соловьев, и они все ночи напролет пели свои чудные напевы и не давали спать, некоторые — вставали и отгоняли их от барачков.

В праздники кадет отпускали в отпуск в город. От барачков станция Персиановка была в полуверсте. Чтобы не идти такое большое расстояние, кадеты, возвращаясь из отпуска, спрыгивали на ходу поезда против главной аллеи лагеря. Железнодорожники пожаловались и дежурный воспитатель подходил к месту, где спрыгивали и кто спрыгнет, оставался без отпуска. Через месяц все разъехались в отпуск.

Из 60 кадет, окончивших корпус в 1898 году, десять отказались от военной службы и пошли в гражданские высшие учебные заведения. Несколько человек пошли в Артиллерийское и Инженерное училище, а большинство и в том числе я, пошли в Николаевское Кавалерийское училище.

Быстро пролетели каникулы и мы, окончившие, в последний раз собрались в родном корпусе, чтобы вместе ехать в Петербург. На минутку стало грустно, что мы покидаем родной корпус. Что-то нас ждет впереди?

В Воронеже к нашему поезду прицепили вагон Воронежских кадет. Дальше присоединялись другие корпуса, а из Москвы до Петербурга почти весь поезд состоял из кадетских вагонов.

Генерал Лейтенант Е. Балабин — окончания 1898 год
(9-выпуск).

В следующих описаниях все увидят, как постепенно изменялась жизнь Корпуса; некоторые упражнения, а также пребывание в лагере — были упразднены.

ДОНСКОЙ КОРПУС

Мой родной Донской Императора Александра III Кадетский Корпус, когда я в 1897 году 10-летним мальчиком поступил в 1-й класс, считался одним из молодых корпусов. Основан он был в 1883 году. Мой выпуск в мае 1904-го года был по счету 15. Много времени прошло с тех пор, и вот теперь, на 86 году жизни, пишу эти свои краткие воспоминания и вновь переживаю далекое прошлое, свои детские годы.

В Корпусе было 3 сотни, в каждой по 5-ти отделений из 30-ти кадет. 1-я сотня — старшие классы, 2-я — средние и 3-я — младшие. Один раз в каждом семилетии бывал прием не в 60 человек, как обычно, а 90. Когда я поступил в Корпус, наш 1-й класс состоял из 2-х отделений, а во 2-м классе было 3 отделения, и мы вместе составляли 3-ю сотню во главе с ее командиром полковником Вечесловым. Во 2-й сотне было 2 отделения 3-го класса, 2 отделения 4-го и одно отделение 5-го класса. Возглавлялась она полковником Красовским. И, наконец, первая сотня состояла из одного отделения 5-го класса, двух отделений 6-го и двух отделений 7-го. Командиром был полковник Проциков.

Третья сотня размещалась в нижнем этаже, вторая — в среднем и первая — в верхнем. Я выдержал вступительный экзамен примерно сороковым из 60, попал в первое отделение, воспитателем которого был войсковой старшина Семашко Петр Францевич, а вторым отделением заведовал войсковой старшина Дубровинский. Быстро пробежало время, закончилась первая четверть года, и я, к своему удивлению, оказался первым учеником, имея по двенадцатибалльной системе всего только 8,86 в среднем. Преподаватели, по-видимому, к нам присматривались, и наши знания оценивали скромно. Я был назначен старшим в отделении и принял в свое ведение классный шкаф с письменными принадлежностями, которые находились под замком в верхнем отделении, а нижний шкаф, более широкий, всегда был пустой и в будущем сделался скрытым убежищем одному, а в опасном случае даже и двум, прятавшимся от уроков, кадетам. Не думаю, чтобы там было удобно и приятно сидеть в полусогнутом положении, притом сидеть тихо, ни чихнуть, ни кашлянуть. Вылезали оттуда красные, вспотевшие и уставшие. Если не ошибаюсь, это продолжалось чуть ли не до четвертого класса включительно. Скажу уже сразу, что мне очень повезло: все семь лет удалось быть первым учеником, быть вице-вахмистром 15-го выпуска и попасть на мраморную доску в Сборном Зале. Вышел я в Михайловское Артиллерийское Училище, трехлетнее пребывание в котором скромно описал в Обще-Кадетском Журнале «Военная Быль» (№№ 96 и 97). Там же я подробно упомянул о том, как после каникул в конце августа 1904-го года мы в последний раз собрались в стенах родного Корпуса, о наших променах на небольшом нашем Новочеркасском вокзале и нашем отъезде в Петербург в сопровождении одного из воспитателей, войскового старшины Курова.

В первом классе, вне занятий, кадеты обычно вели себя хоть очень шумно и крикливо, иногда и с детскими шалостями, но более или менее прилично. Малыши присматривались, а более старшее поколение постепенно их просвещало, вводило в курс повседневной кадетской жизни с ее достоинствами и недостатками. Прежде всего, на первых же порах определялся класс силачей: первый силач, второй силач и т.д. Кадеты силу уважали, и ей всегда, хочешь или не хочешь, отдавалось предпочтение, иначе получишь тумака, а жаловаться — Боже сохрани, по кадетским законам навсегда запрещено! По-моему, вторая половина года для второго класса, весь год для третьего и первая половина года для четвертого класса, не все, конечно, но тут была группа головорезов, возраст забияк. Они устраивали бенефисы нелюбимым воспитателям, это обыкновенно производилось вечером в спальне, когда все уже лежали в кроватях. Поднимался шум, воспитатель, выходил из своей дежурной комнаты, тут около него была полная тишина, слышался даже тихий искусственный храп, но в дальнем конце спальни орали. Когда он подходил к ним, там была гробовая тишина, но зато орали около дежурной комнаты. Воспитатель, иногда, долго спокойно ходил, пока все потихоньку успокаивалось. Бывало и такое «молодечество», как унос варенья и сладких булочек со стола дежурной комнаты, когда дежурным бывал воспитатель войсковой старшина Васильев, сын нашего корпусного эконома. В порядке вещей было изводить на уроках преподавателей, которые не сумели себя поставить. Нам рассказывали, что раньше был такой случай: приклеили преподавателя немца к стулу. Намазали стул клеем, немец просидел 50 минут спокойно, не вставая, хорошо приклеился к стулу и с ним ушел в инспекторскую. Рассказывали, что этот безобразный проступок был наказан жестоко. При мне такими делами не занимались.

В 5-ом классе мы вступали уже в юношеский возраст, ковбойные нравы, постепенно исчезали и заменялись поведением благовоспитанных молодых людей. Нас начинали интересовать уже танцевальные вечера, балы в корпусе, в Мариинском Донском Институте, женской гимназии. Не помню точно, в каком это было году, 1903 или 1904, я был уже в старших классах, по какому-то поводу у кадет произошла большая ссора с гимназистами, а к ним присоединились реалисты и даже взрослые семинаристы, по-видимому, из-за барышень, уделявших больше внимания кадетам. Некоторое время, пока все не успокоилось, возвращавшимся вечером из воскресного отпуска кадетам, высылались из Корпуса охрана из наших служителей. Помогали в этом и два наших силача-кадета Еманов, моего отделения и Горбачевич второго отделения. Оба они были среднего роста, но выжимали ежедневно тяжелые гири.

Директором Корпуса у нас сначала был ген. Анчутин, мы его видели не очень часто, главным образом в высокочестные дни. Он казался нам недостижимой величиной. Кадетская звериарада его отметила так: «Наш Анчутин, генерал любитель танцев и балов, он много денег профонтанил на украшение садов». В 1904 году, когда я был в седьмом классе его сменил полковник Лазарев-Станицев. На нас он произвел невыгодное впечатление. Высокого роста грузный, с угрюмым видом из-под очков, с большими выпуклыми стеклами, он в противоположность ген. Анчутину, ежедневно, и то с утра, появлялся и ходил по всему зданию Корпуса. С кадетами обращался грубовато. Помню такой случай. В сотенном зале стоит застывшая в строю 2-я сотня после утренней молитвы Казанской Божией Матери, ожидая команды для отправления в столовую к утреннему чаю, и вдруг, совершенно неожиданная, команда дежурного офицера «Смирно». В наш сотенный зал входит директор. Поздоровался, сотня дружно ответила: «Здравия желаем, господин полковник!» С места в карьер директор начинает грозным голосом, немного картавя, свою речь. «Один молодой человек, фамилию его называть не буду», и вдруг, совершенно неожиданно: «Господин Тарасов, три шага вперед!» И тут пошла головомойка. А в сущности, он был, по-видимому, человеком сердечным и даже добрым, в чем я убедился гораздо позже. Я был в 7-ом классе, вице-вахмистром и решил вместе со своим большим другом вице-урядником Васей Грузиновым обратиться к директору от имени всего отделения с просьбой заступиться за нашего воспитателя Войскового Старшину Семашко. Он любил иногда «загулять», а тут узнали, что ему

грозит большая неприятность и даже увольнение из корпуса из-за какого-то скандального недоразумения, происшедшего в Новочеркасском Офицерском Собрании.

Утром после чая мы прошли в пустой в это время Сборный Зал и стали ждать директора, который всегда, идя из своей квартиры, проходил здесь. Увидя нас в такое неурочное время, он с удивлением остановился. Когда мы ему все доложили, то Лазарева-Станицева мы не узнали, он как-то размяк, а на глазах, за стеклами, заметили крупные слезы. Он подал нам руку, похлопал по плечу и сказал, чтобы мы не беспокоились, он постарается все сделать, что возможно, по-хорошему. Он действительно все умиротворил, а нашего воспитателя по его собственному желанию, перевели подполковником на Дальний Восток.

Учебная часть в Корпусе была поставлена в общем прилично, а такой предмет, как математика — просто хорошо. Это я сразу почувствовал, когда в Михайловском Артиллерийском Училище прикоснулся к серьезному его математическому курсу. Там, в декабре, весь младший курс держал экзамен по математике, невыдержавшие переводились в другие училища. Их называли «декабристами».

Математику у нас преподавали Лимарев и Дьяков, оба отличные педагоги. У меня был всегда Лимарев и я постоянно вспоминал его с большой благодарностью. Русский язык хромал. Такой интересный предмет преподавался слабо, в 1-ом классе этим делом ведал преподаватель — Тяпкин, он же преподавал и чистописание. (Тяпкин — был уже дряхлый старик и ушел на пенсию в 1905 г. М. Б.)

Он требовал писать четко круглыми буквами; от него очень попадало кадету Филиппову, который привык писать какими-то штрихами. Потом учили нас Ратмиров и Алексей Иванович Золотарев. Ратмиров — высокий, крупный и серьезный, его кадеты побаивались, а Золотарев — маленький, рыжий, лысый и вертлявый, его кадеты изводили тем, что когда он выходил из класса, шли сзади и дули ему на лысину. Он быстро оборачивался, но видел перед собой лишь спокойные, невозмутимые и невинные физиономии.

Свою слабую литературную подготовку я испытал в 1910-ом году, когда держал вступительные экзамены в Императорскую Николаевскую Военную Академию. В журнале «Военная Быль» № 103 я описал, как, хотя и выплыл, но плавал на «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

Иностранные языки: Французский мне преподавал огромнейшего роста и колоссальной силы француз, бывший оперный певец, Гаушильд, в других отделениях француз Лизнард. Звериада пела:

Наш Гаушильд артист был русский,
Но осvistали бедняка,
Теперь на лекциях французских
Играет роль он простака».

Мы были во втором классе, на передней парте рядом с учительским столиком сидел маленький, толстенький кадет Бойков и что-то ляпнул несурзное по отношению к Гаушильду, последний побагровел, быстро встал, поднял Бойкова за шиворот на воздух и медленно опустил его на место. Мы все ахнули от неожиданности и смотрели на Гаушильда с почтением, кадеты силу уважали, а тем более в данном случае мы были на стороне Гаушильда.

Самым слабым из французского языка был кадет Ханженков и потому был у Гаушильда на высоком положении его ассистента.

Урок проходил весело. Окончив кого-нибудь спрашивать, Гаушильд обращался с вопросом к Ханженкову: «Ханженков, сколько?» То есть, какую отметку заслужил отвечавший? Ханженков вставал и всегда начинал с 12-ти. Гаушильд показывал ему кукиш, тогда Ханженков, получая кукиши, постепенно, снижал по одному баллу и там, где-нибудь, около восьмерки, а то и шестерки, они приходили к любовному соглашению. Ханженков «колатырился», как говорили кадеты на своем жаргоне, выторговывал каждый балл, иначе рисковал после урока получить кадетскую потасовку.

Много раз Гаушильд пел в Великом Посту у нас в церкви трио: «Да исправится молитва моя!» Голос у него был еще хороший.

Немецкий язык преподавали худенький Швех и толстенький Шмидт. Изучение языков у нас ограничивалось чтением, зубрежкой слов, переводом и довольно хорошим знанием грамматики. Говорить мы, конечно, без практики не могли.

Закон Божий преподавал наш корпусной батюшка, протоиерей Ляборинский, строгий и наблюдательный. На последней парте сидит кадет Семенченков и на его уроке занят своим делом, приподнял немного крышку парты и что-то шьет. Батюшка давно заметил и вдруг тоненьким мягким голоском говорит: «Семенченков, прежди, пожалуйста, ко мне и пришей мне оторвавшуюся на рясе пуговицу!» Взрыв хохота всего класса, смеется и батюшка, а Семенченков стоит красный и смущенный. После его смерти нашим священником был отец Тихон Донецкий.

Географию преподавал, и довольно хорошо, преподаватель Захаров. Предметом мы интересовались, знали его и, отвечая по немой карте, не ошибались. Почему ему часто кадеты писали на доске мелом: «куркульчик, мальчик 50-ти лет отроду», не знаю. Может быть, потому, что, несмотря на свой солидный возраст, был юрким, худым и хотел быть молодым.

Физику преподавал высокий, худой и молодой Леонид Павлович Гуковский. На его уроке кадеты всегда спрашивали, будет ли он сегодня показывать фокусы (т.е. опыты); он всегда сердился.

Припомнился мне случай на выпускном экзамене по физике. Кадет Тихонович, сын жандармского полковника в Новочеркасске, великовозрастный, два раза оставался в классе и заканчивал корпус со мною. Вытянул билет, касающийся Лейденской Банки. Отвечая, он только и сказал: «Лейденская банка это такая склянка, наверху крышка, а на крышке шишка!» Спросили его что-то еще и поставили удовлетворительный балл — шестерку, зная, что он не идет в военное училище, а мечтает быть земским начальником.

Наш историк был Сергей Платонович Кузмич. Мне его очень жаль. Он был один из тех, кто не умел себя поставить. В каждом классе, особенно в средних, всегда имеется сплоченная и беспощадная группа школьников, подмечающая слабые стороны преподавателя. Они изводили его непрерывно. Кузмич сердится, все время отвлекается, занят исключительно тем, что происходит в классе, совершенно не слушает, что говорит отвечающий урок вызванный кадет, а тот мелет, вместо истории, всякую чушь, какая ему взбредет в голову и, наконец, замолкает. «Что, кончили?» Спрашивает Кузмич и ставит ему тот балл, который был у него раньше, а если отвечавший начнет торговаться, прибавит, но только на одну единицу. Рисованию нас учил Иван Павлович — глубокий уже старичок. С желтыми пальцами от свертыванья и курения папирос — крученок.

Поставит он нам, обыкновенно, в физическом зале внизу какую-нибудь голову или еще что-нибудь и сидит себе спокойно, а мы пыхтим и стараемся изобразить из себя художников, срисовываем. Как сейчас вижу, сидит на передней парте перед самым столиком Ивана Павловича мой большой друг Коля Попов, что-то размазывает на бумаге и довольно отчетливо поет песенку: «Вниз по матушке по Волге...» «Попов, Поешь?», — заикаясь, спрашивает Иван Павлович. «А?», — отвечает, не глядя на него, Попов. «Попов, поешь?», — уже сердито спрашивает Иван Павлович, и такой же ответ «А» следует от Попова, который продолжает свою песенку. Наконец, Иван Павлович, окончательно рассердившись, кричит: «Попов, поете?» «Ага» отвечает Попов и с песней своей замолкает. Иван Павлович понял, что нельзя говорить «ты», а надо говорить «вы».

Рабочий день в Корпусе начинался с раннего утра. Трубач — казак на кавалерийской трубе, в вестибюле внизу, играл «Утреннюю Зарю». Насколько «Вечерняя Заря» была красива и мелодична, настолько «Утренняя» была резка и неприятна, к тому же может быть и потому, что так не хотелось вылезать из под теплого, хотя и тонкого казенного, но с простыней, одеяла, а температура в помещениях не больше 14 градусов по Цельсию. Резонанс был прекрасный. Хорошо было слышно во всех трех этажах, казалось, что труба играет прямо над твоим ухом. Вставать надо скорей, дежурный воспитатель сейчас выйдет из своей дежурной комнаты. Потом сотни выстраиваются в своих этажах в

сотенных залах на молитву, и после молитвы строем идут в столовую, находящуюся в среднем этаже к утреннему чаю, с 3-х копеечной вкусной французской булкой. В 3-й сотне часто дежурный воспитатель просматривал у малышей, когда они построятся для молитвы, как у них почищены сапоги. Им в спальне помогали специально приставленные дядьки, главным образом, постелить кровать. После чая маленькая прогулка на плацу, затем утренние занятия — подготовка к урокам и от 9-ти до 12-ти три классных урока. Потом строем шли завтракать. Какими вкусными были большие кадетские котлеты с разными гарнирами, фасолью, макаронами, картофелем. Иногда замечательные пироги с мясом, большие куски, и к ним еще придавался вкусный мягкий бублик, посыпанный маком, и большая кружка чая. Какой превосходный хлебный квас был и за обедом, и завтраком. От часа до 2-х строевые занятия или гимнастика под руководством своего воспитателя, или урок танцев, которым ведал «танцмейстер» поляк г. Идзяковский. От 2-х до 4-х часов дня — еще два классных урока, обед и, в сущности, день кончен. Остаются еще вечерние занятия для подготовки уроков в присутствии своего воспитателя.

На урок танцев отделение входило строем в Сборный Зал под звуки одинокой скрипки музыканта Донского Войскового струнного оркестра. Играл он всегда и всем под шаг: «Не для меня придет весна, не для меня Дон разольется, и сердце радостно забьется, не для меня, не для меня!» Умолкал, когда отделение останавливалось и по команде воспитателя поворачивалось во фронт. Начиналось с обучения поклону, а потом переходили уже к танцам. По собственному выбору мы разбивались по парам и танцевали «шерочка с машерочкой». Я почти всегда танцевал за даму с кадетом Каргальсковым, мы с ним как-то спелись, оба любили танцы и танцевали хорошо все танцы того времени: венский вальс, мазурку, падекатр, падепатинер, разные польки, хиавату и т.д. Урок заканчивался «казачком». Если кто-нибудь не мог или мало танцевал, Идзяковский подходил к нему и спрашивал: «Что же Вы не танцуете?»

Танцевальными вечерами большинство из нас начали интересоваться с 4-го класса, знали уже твердо значение разных котильонных бантиков, алый — пылкая любовь, розовый — нежная и т.д. Танцевали сначала у себя на кадетских балах, которые устраивались отдельно для 1-ой сотни и отдельно для 2-ой в день их сотенных праздников. Приглашенных было много, вечера проходили весело и с большим подъемом, желающих попасть на наши балы было много. На бал в Донском Мариинском Институте, а так же в Женской гимназии кадеты ходили по наряду, человек 8 от 7-го класса и 2-3 от 6-го. Я всегда попадал в это число, в 6-м классе, как старший в отделении и к тому же там учились две моих сестры, одна старше меня, а другая моложе. В 7-м классе всюду бывал, как вице-вахмистр. Кадет, желавших попасть на эти балы было много и иногда, в отместку своим более счастливым товарищам, они им устраивали своего рода бенефисы. Когда те возвращались поздно ночью в Корпус, уставшие и только мечтавшие скорее лечь, так тут их ожидал сюрприз, они проваливались в кровати почти до пола, доски были вынуты и спрятаны. Другие радовались, что кровать у них была в порядке, зато, когда они утром просыпались, то соседи спрашивали, почему он после бала поседел? Оказывается подушка у него была посыпана зубным порошком. Будучи в 6-ом классе я попал со старшими 7-го класса на бал в Атаманский Дворец, кажется Войсковым Атаманом был тогда генерал Максимович. Были приглашены и пепенерки Донского Института. Мы веселились, танцевали, ужинали во Дворце и когда начался разъезд, провожали пепенерок, помогая находить для них извозчиков в такое позднее время, а чтобы нам самим не идти до Корпуса пешком, мы сговорились с извозчиками, что мы пробежим быстренько вперед, там станем на подножки коляски, отвезем институток, а потом продолжим путь до корпуса и они вдвойне заработают. Извозчики с удовольствием согласились. Все было исполнено безукоризненно, пепенерки смеялись, ехали весело при таком необычном путешествии, но беда была в том, что кто-то заметил, когда мы перед Институтом соскакивали с извозчиков. Начальница пожаловалась Лазареву-Станицеву, но как-то все обошлось благополучно. Курить, конечно, запрещалось, но многие кадеты старших классов и даже из средних, втихомолку покуривали. Проходя по Московской улице во время отпуска, внимательно предварительно осмотревшись вокруг, быстро влетали в

небольшой табачный магазин «Константинопольского» и там приобретали все необходимое на неделю. Старшие классы курили просто в уборной, а средние у себя в классе, во время переменок. Двое, трое торопливо пускали дым вверх в дальнем углу, под вентилятором у потолка, а один в это время стоял вне класса «на махалке» и по временам заглядывал в класс с возгласом: «Черти оставьте и мне затянуться!» Редко, но все-таки попадались, отсиживали под арестом и продолжали более осторожно дальше. Обычно, приходя укладываться спать в нашу огромную спальню, с 4-мя длинными параллельными рядами кроватей с большим проходом посередине и двумя вдоль наружных оконных стен, мы не сразу ложились спать. Большинство занималось еще гимнастикой, прыгали через кобылу, которую ставили в небольшой четырехугольной передней при входе в спальню, против дверей комнаты дежурного офицера, где был только трамплин и мягкий кожаный тюфяк, когда делали «сальто-мортале», причем двое кадет стояли по бокам, чтобы при неудачном прыжке оказать помощь и предотвратить несчастный случай. Одни кадеты были уже только в нижнем белье, другие еще не успели снять брюки, в числе этих последних оказался и Володя Калинин. Он разбежался, оттолкнулся от трамплина, перевернулся через голову и побежал назад, уступая место следующему. Происходило все это очень быстро, один бежал за другим. И вот при прыжке из кармана брюк у Володи выскочил кожаный портсигар с папиросами и подкатился по полу мимо ног стоявшего у дверей дежурной комнаты воспитателя Войскового Старшины Дубровинского, который сразу бросился за этим портсигаром. Толстый, неуклюжий, с большим животом, пока он его нашел, нагнулся и схватил, уже несколько человек пробежало через трамплин. Дубровинский не заметил, у кого выскочил портсигар, опросы и допросы ни к чему не привели, все категорически отказывались и дело закончилось только тем, что до отпуска Володя Калинин остался без портсигара и папирос.

Не помню точно, в каком году приезжал к нам наш, всеми кадетами любимый, Августейший Инспектор Военно-Учебных заведений Великий Князь Константин Константинович, оставивший у нас неизгладимое впечатление своей лаской и добротой. У нас ему понравился Артиллерийской Академии подьесаул Алексей Михайлович Максимов, который, если не ошибаюсь, занимал у нас должность помощника инспектора классов и Великий Князь взял его в Петербург, кажется воспитателем своих сыновей. На этом заканчиваю свои скромные воспоминания о своем родном Корпусе.

Генерального Штаба Полковник Эраст ШЛЯХТИН —
(Вице-вах. 15-го выпуска 1904 г.)

Сделаем необходимое пояснение.

Я поступил в корпус в год окончания его Эрастом Э. Шляхтиным.

В это время мой старший брат Хрисанф был во втором классе.

Мой отец привез меня в Новочеркасск и со мною был на квартире подьесаула А.М. Максимова, т.к. он был воспитателем моего брата в первом классе.

Он сказал моему отцу, что едет в С. Петербург. Вызывает его Великий Князь Константин Константинович в качестве воспитателя его сыновей (М. Бугураев).

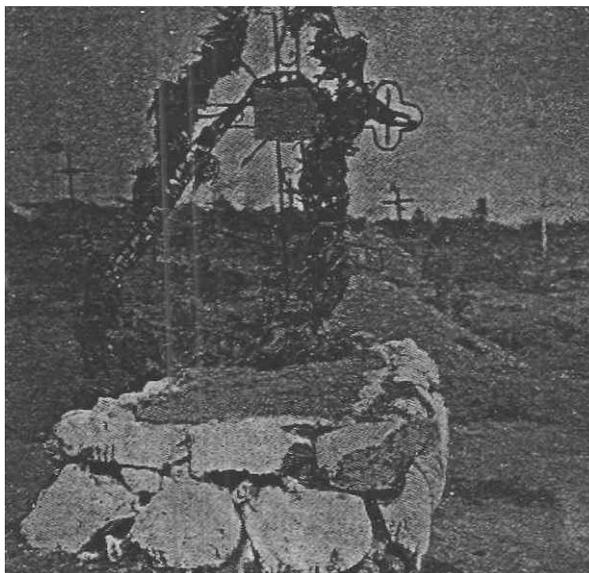
Полковник Ген. Штаба Э. Э. Шляхтин скончался 9-го дек. 1973 года.

Царство ему небесное!

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА 25-ГО ВЫПУСКА ВАДИМА КАЛИНИНА 1905 ПО 1914 ГГ.

Я поступил в корпус в 1905 году, когда наша Родина переживала смуту и волнения в результате неудачной войны с Японией. Помню, как на плац перед зданием корпуса приходили группы патриотов с портретом Государя. Нас выводили им навстречу, и все вместе пели «Боже, Царя храни». Кто тогда мог предвидеть, что через двенадцать лет на нашей земле российской поднимется ураган, который сметет не только Престол, но уничтожит и нашу страну — Россию.

В корпусе я пробыл не семь положенных лет, а девять. Будучи в 5-м классе, я простудился и заболел суставным ревматизмом и меня отправили лечиться в Сальский Округ на Вагнеровско-Манычскую санаторную станцию. Оставшись по болезни, на второй год в пятом классе я получил переэкзаменовку по русскому языку, а срезавшись на экзамене, остался еще на год в том же классе.

Могила ген. Лазарева-Станищева на острове Лемносе

Все девять лет моего пребывания в корпусе директором был Павел Николаевич Лазарев-Станищев, да упокоит Господь его душу и пусть будет ему пухом земля сурового и безлюдного острова Лемноса, где он похоронен.

После гражданской войны Донская Армия (ее корпуса) находились на острове Лемносе (Греция). Донские офицеры (бывшие кадеты) среди других могил на каменистом кладбище обнаружили и могилу нашего бывшего директора П.Н. Лазарева-Станищева. Кадеты подновили крест и надпись на нем, собрали груды больших камней, уложив их в виде надгробной плиты. Отслужили панихиду по умершем и украсили его могилу большим венком из живых цветов, состоявшим большей частью из бессмертника. Этот венок был переплетен широкой (и длинной) лентой из русских национальных цветов: белый, синий, красный (М. Бугураев).

После отречения Государя директор заявил перед строем корпуса, что не может служить двум богам и ушел в отставку с производством в генерал-инженеры.

Павел Николаевич очень часто в поздний час обходил сотенные спальни кадет. Однажды во время такого обхода он упал и повредил себе ногу и с тех пор не расставался с палкой.

Инспекторов классов за мои годы было несколько. Я не помню точно, но, кажется, в пятом году был полковник Формаковский, затем Никонов, и последним был Антонов.

Полковник Формаковский, очень добрый, при встрече с кадетами всегда ласково разговаривал. Он был единственным офицером, носившим на груди орден Св. Владимира 4-ой степени с бантом за 25-летнюю службу. Полк. Формаковский заболел туберкулезом и, поболевав несколько месяцев (к зиме), скончался. Я помню, как нас, весь корпус, водили прощаться с ним. На кладбище мы не ходили. Он был очень хороший человек, царство ему небесное... (М. Б.)

Никонов был с университетским образованием, а Антонов окончил Николаевскую Военную Академию. К нам он прибыл из Первого Кадетского Корпуса. В Петербурге Антонов долгое время имел большие связи и, в частности, был в тесных отношениях с тайным советником Петровым, преподававшим русский язык в Первом Кадетском Корпусе и в то же время Наследнику Цесаревичу. У нас Антонов преподавал географию. Как-то, во время урока он сказал, что аккуратно посылает Петрову наш журнал «Донец» и

недавно получил от него одобрительный отзыв о его сотрудниках, среди которых он выделял «Вадима» (мой псевдоним), стихи которого ему понравились. Я, конечно, был польщен такой оценкой.

На следующий год, в 7-м классе я был редактором «Донца». Журнал выходил на правах рукописи, примерно, в количестве 300-350 экземпляров. Перед посылкой материала в типографию он подвергался директорскому просмотру.

Командирами сотен у нас были: 3-ей — полк. Васильев, умер от тифа в Новороссийске; 2-ой — полк. И. И. Рыковский. Позже в Крыму — генерал-майор и директор 2-го Донского Корпуса, с которым выехал в Югославию, где и умер. Был очень хороший человек, и кадеты его любили, как «отца». Командиром 1-ой сотни был полк. Ф.И. Леонтьев, по прозвищу «деревня», небольшого роста, с черной бородой, (лопатой). До начала его службы в Кадетском Корпусе он служил в Стародубовском драгунском полку. Во времена Атамана ген. Богаевского был произведен в генерал-майоры. Ф.И. Леонтьев был большой добряк, и кадеты его любили, но иногда он заговаривался. Однажды с ним случился «казус», который долго потом смешил кадет.

Зимой в одну из суббот был сильный мороз. Сотня построилась, чтобы идти на завтрак в столовую. Пришел «деревня», поздоровался, и говорит: «Сегодня — сильный холод... Поэтому, те, которые, ходящие в отпуск — башлыки в рукава, а шинели на уши»... Вся сотня сразу «покатилась от смеха». Дежурный воспитатель Н.В. Суворецкий громко закричал: «Что за смех в строю?» Полк. Леонтьев продолжил: «Ну, что смеетесь? Вы все, конечно, поняли, что я хотел сказать — Башлыки (пауза) — на уши, шинели в рукава». Затем обратился к Н.В. Суворецкому: «Пожалуйста, ведите сотню!» Славный был человек — царство ему небесное (умер в Болгарии в г. Ямбол).

Моими воспитателями были: С.М. Ушаков, Н.В. Суворецкий и есаул Биркин. Войсковой старшина Степан Михайлович Ушаков, Гундоровской станицы, окончил наш Корпус в 1890 году в 1-ом выпуске вместе с Африканом Петровичем Богаевским, будущим Донским Атаманом. Он окончил корпус первым по старшинству баллов с занесением его имени на мраморную доску (в Сборном Зале). Ушаков был брюнет среднего роста, с козлиной бородкой, с длинными усами и прозвище у него было «Длинноус». Он не расставался с маленькой записной книжечкой, в которую заносил все свои наблюдения. И результат этих наблюдений появлялся в аттестациях кадет за четверть, которую получали родители. Например: за минувшую четверть, Ваш сын совершил 32 проступка, из коих — 10 выдающихся. Обращают на себя внимание следующие: разлил квас, обозвал портного пьяницей, ел в церкви конфеты. Отец мой конечно недоволен: «Ведь это же богохульство... Нашел место, где есть конфеты, почему ты ел их в церкви?» — «Папа у меня першило в горле, а в кармане был один леденец я его и сунул в рот»...

Отец что-то бурчит себе под нос, очевидно, размышляя о том, будет ли богохульством сосать леденец в церкви или нет? Он, конечно, мог не иметь понятия о той атмосфере неумолимой строгости, которая царила у нас в корпусе. Скажу, к примеру, что у нас церковная служба длилась часа полтора, иногда и больше, если наш священник отец Тихон, увлекался своим красноречием, произнося длинную проповедь. В это время все кадеты должны были стоять смирно на вытяжку. Боже упаси, если кто-нибудь отставит одну или другую ногу. «Длинноус», немедленно, доставал свою книжечку. После виновный оставался без отпуска или шел в карцер, или же ставился на штраф. Последний раз я его встретил незадолго до оставления нами Новочеркасска. Я служил в Конвое Атамана и был дежурным офицером по Атаманскому Дворцу.

Из Войскового Штаба мне звонят — спрашивают, может ли Атаман принять полков. Ушакова, который прорвался из Астрахани? Конечно, Атаман был рад встретить своего товарища по Корпусу, с которым, если не ошибаюсь, был в одном отделении. Вид у Степана Михайловича был печальный: давно небритый, в старой солдатской шинели без погон, на ногах не то туфли, не то штиблеты.

Второй воспитатель, Николай Васильевич Суворецкий, был офицером конной Артиллерии с университетским образованием. Он был и воспитателем, и преподавателем

истории. Метод его преподавания был довольно странным — приходя в класс, он начинал диктовать, а мы все записывали. Возможно, что Суворецкий помнил русскую поговорку: «что написано пером, того не вырубишь топором», и все записанное должно остаться в голове на веки вечные. Умер Николай Васильевич в Нью-Йорке. Да упокоит Господь его душу в далекой заокеанской стране.

Третий воспитатель — есаул Биркин (сапер). Он не обладал счастливой наружностью: щедушный, белобрысый, скуластый, красный как вареный рак, с выпуклыми стеклянными глазами, не имевшими никакого выражения. Он был на японской войне, носил на шашке «клюкву» — красный анненский темляк.

Я вспоминаю и войск. старшину Тимофея Абрамовича Семерникова, нашего донского артиллериста, бывшего бессменным помощником инспектора классов. Он блестяще окончил Артиллерийскую Академию. У нас преподавал химию и по своим дарованиям был, бесспорно, исключительным человеком. Вообще же, химию, по глупой несправедливости, кадеты недолюбливали и в «Звериаде» о ней пели: «Чтобы Химию учить, идиотом надо быть».

Пели и о разложении воды:

«Воду током разлагали, подкисливши наперед,

И два газа получали:

Кислород и водород».

Сожалею, что мы относились к этой науке столь легкомысленно. В последующие годы, и особенно в наше время, химия приобрела первенствующее значение. И нет сомнения, что она даст нашей планете или невероятное изобилие в жизни человека, или конец мира. Семерникова кадеты прозвали «Телемак». Я встретил его во время гражданской войны в Екатеринодаре.

Он работал по снабжению армии боевыми припасами. Очень был озабочен их нехваткой.

Относительно полковника Тимофея Абрамовича Семерникова необходимо добавить: Полковник Т.А. Семерников после ухода Ген. Лазарева-Станицева временно занимал должность директора Корпуса, и то, от марта 1917 года по 27 ноября 1918 г., когда прибыл вновь назначенный директор Корпуса Ген. Лейтенант П.Г. Чеботарев (Д. С.).

Из педагогического персонала я с особой благодарностью вспоминаю нашего законоучителя отца Тихона Донецкого. Он был нашим кадетом первых выпусков (кажется, 2-го вып.), окончившим Духовную Академию. Многие в Новочеркасске называли его «донским златоустом». Для нас же он был поистине пастырь духовный. Я слышал, что он умер в Новочеркасске, заразившись тифом, навещая и исповедуя больных.

Помню преподавателя немецкого языка Мюллендорфа. Его не могу вспомнить без улыбки. Он плохо говорил по-русски и думал, что кадеты помогают ему исправлять его ошибки. Как-то во время урока он кому-то сказал: «Вам молчать» (ударение на «Л» с мягким знаком), и сейчас же на задней парте, со стороны Бакланова и Хоперского, он услышал: «Раз». Доверчивый Мюллендорф решил, что «раз» надо ставить в конце фразы, точно так же, как у немцев «цу» (которое ставится на конце). Мюллендорф немедленно блеснул своими успехами в русском языке: «Кто там говорит, «раз»? — «Вам молчать, раз». Мы сильно крепились, чтобы не расхохотаться и не навести его на сомнения. У меня был будильник, который лежал в парте. Часы шли, но будильник не работал. И вот однажды среди урока немецкого языка мой будильник неожиданно поднял трескотню. Мюллендорф вскочил со стула и закричал: «Ага, ага, запишу в журнал, раз». В это время раздался сигнал трубы «отбой» — конец урока. Я подошел к Мюллендорфу и стал просить его: Гэрр Лэрэр, он больше не будет (и прибавил после паузы) «раз». Мюллендорф ничего не ответил и ушел. Но на вечерних занятиях этого же дня есаул Биркин прочитал нам в журнале: «Кто-то на подобие кузнечика трещал, раз. Когда я вышел из класса, товарищи просили за одного... Но я ушел, не приняв это заявление, раз». Пришлось объяснять, как все произошло. Я отделался двумя неделями без отпуска.

Из преподавателей вспоминаю еще следующих лиц: Ивана Николаевича Лимарева — преподавал нам космографию, Жокпаса из Донского Политехнического

Института — Анализ бесконечно малых величин, Гуковского — преподавал физику, Васильев — был сыном нашего эконома, вышедшего в отставку.

Прошло более 58 лет, как я покинул стены Донского Корпуса. Большинство моих товарищей давно уже спят последним сном или на просторах Родины, или же в чужих краях. Я часто думаю о них, о нашей борьбе с большевиками и обо всех наших жертвах. Хочу вспомнить своих погибших товарищей: первым погиб Анатолий Желтухин, через несколько недель по окончании сотни Николаевского Кавалерийского Училища, в декабре 1914 года на германском фронте. Ему не было еще 18-ти лет.

А последним (по моим сведениям возможно — ошибочным), но, говорят — точным — Володя Сержников. Он нашел смерть в Лиенце, когда англичане выдали казачий корпус большевикам.

И с А. Желтухиным, и с В. Сержниковым я был в одном отделении в кадетском корпусе. В одной смене в Николаевском Кавалерийском Училище, а с Сержниковым и на войне, и в одном полку с 1914 по 1918 год.

Оба мои друга были балалаечниками в корпусе. Недурно пели... В духовом оркестре Сержников играл на геликоне.

Он был Семикаракорской станицы, и его любимая песенка начиналась куплетом:

Не в стране какой заморской,
А в станице Каракорской
В день осеннего тумана
Выбирали атамана...

И Анатолий, и Володя иногда пели дуэтом под балалайку казачий полковой марш, слова которого я очень хорошо помню, но не знаю, кто был его автором. Вот его слова:

К Царю любовь моя!
В полку казачьем я
Служу стране родной,
Всегда готовый в бой.
Горцуя на коне,
Казак счастлив вполне,
И с маршем полковым
Готов в огонь и дым.
Вот полк» казачий наш
Отчизны верный страж.
Нам нипочем война,
Она утех полна.
Не трусим мы врагов,
Ни пушек, ни штыков.
И знает целый свет,
Что нас храбрее нет!

По окончании корпуса я написал «Песню донских кадет», чтобы закончить мой очерк о нашем корпусе, привожу ее в своей оригинальной редакции.

ПЕСНЯ ДОНСКИХ КАДЕТ

Дружно донские кадеты
Песню свою мы споем,
Наши ль сердца несогреты
Юности жарким огнем?
Годы промчатся стрелою
Будут нам крылья даны
И улетим мы весною

Вдали родимой страны.
Много степей в ней без края,
Много лесов в ней и рек,
Должен, Творца прославляя
Вольно здесь жить человек.
Если ж порой он устанет,
Тяжким увидит свой путь
Время и наше настанет
Руку ему протяну ь.
В мирной ли жизни, иль в битве
Вспомним мы корпус родной,
С верою в Бога, в молитве
Каждый пусть будет герой.
Дружно донские кадеты
Песню свою мы споем,
Наши ль сердца не согреты
Юности жарким огнем?
Вадим Калинин (25-го выпуска, 1914 год) Франция

XXX – ВЫПУСК

Дорогому Борису Васильевичу Суворецкому, воспитателю XXX-го выпуска, с любовью и признательностью за вместе прожитые годы.

В мое время Донской Императора Александра III Кадетский Корпус собирался к началу учебного года 15-го августа.

К 6-ти часам вечера съезжались «малыши», к 8-ми — являлись старшие классы. Отремонтированные за время летних каникул, помещения корпуса быстро наполнялись гудением голосов.

Среди кадет за последние месяцы происходили перемены: заметно увеличивался рост, шире раскрывались плечи, менялся голос, увереннее становились движения, походка; кой у кого намечался уже пушок на губах. Каждый привозил с собой много новых впечатлений, и ими хотелось, возможно, скорее поделиться с друзьями — одноклассниками.

В корпусе же все оставалось по-прежнему: посередине просторной двухсветлой спальни та же большая икона Божьей Матери с мерцающей перед ней лампадой, те же строго выровненные в четыре ряда кровати под серыми одеялами и с черными тумбочками для белья; в сотне — образ Георгия Победоносца; на прежних местах — портреты Государей, Державного Шефа Корпуса; подвиги Архипа Осипова, взрывающего пороховой погреб; майора Горталова, принимающего атаку турок на редут; рядового Василия Рябова накануне казни... таблицы форм полков гвардии и армейской кавалерии, сонеты К. Р... В глубине зала заседанный конь в нормальный рост, трамплин и длинная дорожка для разбега, предназначенная для самых убийственных прыжков...

Всюду знакомые лица служителей, трубачей, старого швейцара. Однако при съезде 1917 года как-то не ощущалось общего возбуждения и радости предыдущих лет...

Конечно, за минувшее лето мы слишком возмужали, но, думаю сейчас, были и другие причины для подсознательного беспокойства: встреча наша оказалась на этот раз спокойной, несмотря на то, что все мы находились под впечатлением февральских событий, очень тревожных вестей с фронта и потому что, не высказываясь, мы чувствовали себя сильно осиротевшими после драматического ухода из Корпуса нашего директора, генерала Лазарева-Станицева, отказавшегося служить Временному Правительству после отречения Государя от престола. Помимо этого, кругом чувствовалась растерянность, недоговоренность, неопределенность и нам эти настроения тоже передавались.

И мог тогда, 15-го августа 1917 года, кто-нибудь предполагать, что именно нашему ХХХ-ому выпуску — сплоченному и выправленному строю кадет 6-го класса уже было уготовано судьбой оказаться несколько месяцев спустя в самом центре грозных и беспощадных событий гражданской войны?

«Ажинов Владимир, Антонов Павел, Бородин Авраамий, Брызгалин Николай...» так начинался подряд в течение нескольких лет список кадет моего 2-го отделения. Он был одинаков в продолговатых черных книжках отделенного воспитателя есаула Б.В. Суворецкого, всех преподавателей Корпуса и в большом классном журнале, где ставились нам отметки за успехи и за нерадивость в науках. Теми же фамилиями открывался список 2-го отделения 6-го класса и 15 августа 1917 года. Увы, дальнейшее внесло в него значительные изменения.

Новый учебный год начался, как и всегда, сначала разбивка по ранжиру, распределение по кроватям и партам, потом новые книги, общий молебен, первые уроки, первые отпускные дни.

В городе было нехорошо и нездорово: в нем появилось много незнакомых лиц военных разных чинов, то в походной форме, то в форме мирного времени, порой блиставших боевыми орденами, а часто только пестротой своих полковых цветов.

Каждый раз кадеты приносили из отпуска все новые и новые неутешительные слухи о том, что творилось в Петрограде и в других местах России, об увеличивающемся разложении на фронте, о тревожных настроениях на Дону и на Кубани.

Занятия шли вяло, уроки слушались невнимательно и так постепенно подошла со свинцовым небом, дождями, а потом и с холодами, суровая поздняя осень.

Россия быстро стекалась на Дон. И вдруг, как гром, пронеслась весть об октябрьском перевороте, о широкой волне бунтов, восстаний, расстрелов, катившихся по всей стране.

Один из бывших кадет, юнкер Елизаветградского Училища, рассказывал, как в Знаменке его и других юнкеров выбрасывали из вагонов озверевшие солдаты и матросы. Другие старшие кадеты, юнкера Николаевского Училища, подробно объясняли, как они спасались из разъяренного Петрограда и пробирались на Дон... Эти рассказы стали единственной темой разговоров кадет и в классах, и на прогулках, и поздней ночью в затихших спальнях.

А в ноябре, под Ростовом и Таганрогом зазвучали первые выстрелы восставших большевиков. Из старших классов сразу исчезла небольшая группа кадет: во время дневной прогулки они перелезли через чугунную решетку плаца и прямо направились на фронт под Ростовом. В воспитательском составе Корпуса произошло смятение. Оставшимся кадетам было объявлено, что все бежавшие будут исключены из Корпуса и что такой же драконовской мерой будут пресечены все дальнейшие попытки.

Однако, некоторое время спустя, после ликвидации ростовского восстания, побывавшие в боях кадеты, вернулись с повинной в Корпус и были благополучно приняты обратно без всяких тяжелых для них последствий. Мы это очень оценили и приняли к сведению. Конечно, понюхавшие пороху под Нахичеванью, обстоятельно рассказывали нам обо всем виденном и пережитом, и это еще больше взбудоражило сердца и умы. Кадеты старших классов теперь только и говорили о предстоящих новых боях и сговаривались, как и куда уходить вместе, когда наступит час.

Уйти из Корпуса стало, в общем, не трудно, так как надзор за нами ослабел, как в городе, так и в самом Корпусе. В это тревожное время войск в Новочеркасске почти не было и кадеты строевой сотни, помимо кое-как продолжавшихся занятий, несли вместе с юнкерами гарнизонную службу в ответственных местах. Исчезнуть было очень просто, но страшно было быть непринятым в часть или быть захваченным начальством во время бегства.

Но как только Чернецов приступил к операциям в Донецком бассейне, в его отряд двинулась большая группа наших кадет. Вскоре после этого Корпус был закрыт и оставшиеся кадеты разъехались по домам. Запоздавшие из старших классов, одиночками и небольшими группами продолжали исчезать из Новочеркасска в партизанские отряды. Уходили с ними на фронт и студенты, и гимназисты, и реалисты, вся молодежь!

6 января 1918 года Марией Петровной Калединой, женой Донского Атамана, в помещении Офицерского Собрания давался последний бал. Под аккомпанемент рояля играл виртуоз-балалаечник, худощавый высокий брюнет есаул Д. Туроверов. Слегка загулявший есаул Л. Гв. Атаманского полка Жиров смешно дирижировал музыкантами на хорах. Вавочка Грекова, убитая позже под Екатеринодаром, с восторгом танцевала мазурку. В буфете, на лестнице и в зале было много парадных мундиров, кителей, доломанов. В этой пестрой толпе офицеров привлекали общее внимание ротмистр текинец, ординарец генерала Корнилова, и красивый с румянцем во всю щеку, подполковник Черниговского гусарского полка, георгиевский кавалер и однофамилец генерала.

А потом в Новочеркасске еще больше падал снег, крепче трещали морозы. Жизнь как-то оборвалась и растворилась в массе походных шинелей и папах, заметенных мятелями.

События гражданской войны понеслись как в калейдоскопе, с изумительной быстротой...

После окончательного освобождения Новочеркасска восставшими казаками и подоспевшим во время отрядом полк. Дроздовского, Донской Кадетский Корпус был снова открыт. Кадеты, находившиеся в армии, постепенно начали возвращаться в Корпус для продолжения образования.

Когда мы расселись в классах по партам, оказалось много пустых мест: впереди не хватало нашего «козла» Вани Дьяконова, постоянного вдохновителя общих проделок и свалок, убитого в Корниловском Походе. Не было на обычном месте и Павлика Антонова, тяжело раненого в Чернецовском отряде и зверски добитого большевиками на койке больницы Общества Донских врачей. Пусто было и там, где сидел милый и горячий Володя Ажинов, скошенный двумя пулями под Выселками. Незанятым оставалось место тихого и набожного Бородина, лихого пулеметчика, скончавшегося от тяжелого ранения, полученного под Кореневской. Другие места пустовали из-за того, что целый ряд раненых кадет оставался еще на излечении, среди них Николай Брызгалин, только что начинавший ходить на костылях, и «Халыба» Гриша Иванович, бессменный в бою до своего первого ранения, ординарец поручика Курочкина.

В 1-ом отделении была та же картина: не хватало Пети Кутырева, убитого в голову в одном из первых боев Чернецова, и целой группы раненых кадет.

В остальных классах недосчитывались Леонида Козырева, Аркадия Семашко, Егорова, Андропова, убитых в разных отрядах, и других не вышедших еще из госпиталей.

Когда наш добрый батюшка Тихон Донецкий, которого казаки Новочеркасска называли не иначе как «наш донской Златоуст», придя на урок, сел после молитвы за преподавательский столик, он медленно обвел класс глазами и тихо заплакал: «Бедные мои дети... Ведь здесь еще так недавно сидел Ваня..., а там Володя... и Павлик...» Утирая слезы, он долго молча слушал рассказы очевидцев о смерти и о ранении каждого кадета.

Корпусное начальство, однако, нас быстро «взяло в оборот» и повседневная жизнь снова заполнилась, отвлекая наши мысли от недавних тяжелых воспоминаний. Потеряв четыре месяца учения, мы проходили теперь форсированным темпом курс учебного года, сокращенный стараниями преподавателей до минимума.

Вскоре пустые места в классах стали заполняться кадетами других Корпусов, стремившихся закончить свое образование в единственном в то время действовавшем в Европейской части России нашем Донском Корпусе. В сотне среди синих с красным кантом с вензелем Александра III погонов запестрели погоны 1-го кадетского, 1-го Московского, Суворовского Корпусов, черные Орловского Бахтина, синие — одесситов, белые — Сумского и т.д. Мы, донцы, широко и любовно приняли новоприбывших в нашу семью и быстро подружились с ними. Многие из них тоже побывали на фронте, были среди них и раненые. От них мы узнали, как был заколот штыками наш донской казак Денисов — кадет Воронежского Корпуса, как в Корниловском Походе несчастный Кикодзе Одесского Корпуса продолжал идти в атаку с оторванными ногами, волочась на руках по паханому полю крича «ура!» и многое другое...

В Корпус вернулись и наши офицеры-воспитатели, не оказавшиеся безразличными к событиям гражданской войны: из Корниловского Похода войсковой старшина и есаул братья Суровецкие, войсковые старшины Биркин и Тусевич, есаул Аренд; из Степного Похода — войсковой старшина А. Какурин.

Потом стали прибывать из лазаретов выздоравливающие раненые кадеты. Сел на свое обычное место и маленький Брызгалин, тот самый, что в станице Ольгинской стоял на левом фланге Чернецовского отряда, только что присоединившегося к Добровольческой Армии, когда кап. Курочкин представлял чернецовцев ген. Корнилову. Когда генерал подошел к 3-ему (кадетскому) взводу, кап. Курочкин: доложил ему: «Кадеты всей России». Корнилов, поравнявшись с Брызгалиным, спросил его: «Сколько вам лет?» Брызгалин, старясь отвечать самым низким басом, произнес: «Шестнадцать, Ваше Превосходительство», — на что ген. Корнилов, улыбаясь, заметил: «О, да... у него уже бас»...

Общий строй постепенно приобретал все более и более однородный характер: кадеты других Корпусов надевали наши погоны и от этого еще крепче становилась общая спайка и дружба. Но не обошлось без инцидента: один из кадет 5-го класса упорно продолжал носить форму своего Николаевского Корпуса. Ему, красивому мальчику, видимо, было приятно щеголять в отпуску своим красно-черным поясом и драгунской шашкой, отличавшими его от других кадет. Одноклассники несколько раз дали ему понять, что таким поведением он высказывает явное пренебрежение к Корпусу, принявшему его. Они подчеркивали ему, что его казачье происхождение обязывает быть особенно корректным к своему Донскому Войску и нашему Корпусу, и что на ношение шашки он вообще не имеет права. Но, так как этот кадет не обращал внимания на эти слова, они решили дать ему урок военной этики без участия начальства.

Когда он как-то вернулся из отпуска в своей форме, отделение растянуло виновного плашмя и «покачало пузом вниз», объяснив ему во время экзекуции причину наказания.

В Донском Корпусе это было высшей карой, применявшейся по постановлению всего класса за отступление от кадетских традиций. Наказание было болезненное и опасное для провинившегося. Оно очень преследовалось начальством. Но наказанный кадет не пожаловался, полностью прочувствовал, что ему объяснили, немедленно одел наши погоны и сейчас же после этого стал полноправным членом общей семьи.

В XXX-ом выпуске появилось много знаков: Чернецовского отряда, за Корниловский и Степной походы, георгиевских крестов, медалей. Человек десять было произведено за боевые отличия сначала в прапорщики и позже в хорунжие или подпоручики. Новоиспеченные офицеры носили в Корпусе кадетские погоны, но, уходя в отпуск, одевали офицерскую форму. Такое парадоксальное положение, наверно, было стеснительно для начальства. Однако это нисколько не помешало моему однокласснику Володе Полякову прочитать на своей письменной работе по математике отметку преподавателя Ивана Николаевича Лимарева, убитого большевиками в Новочеркасске в 20-ых годах «Единица прапорщику».

Несмотря на все пережитое, юность брала свое, а с ней возвращались кадетские привычки. Нелегко было и раньше бороться с ними преподавателям и воспитателям, после партизанских отрядов и походов справиться с ними стало еще труднее. Нужно отдать справедливость, кадеты других Корпусов держались, по крайней мере, в начале, в стороне от общих проделок. Наша же «буйная вольница» все время придумывала что-то новое. Так, однажды, по отделению прошла таинственная инструкция начать ловлю мух. В свободное время закипела работа вдоль подоконников, и пойманные мухи были запрятаны в спичечные коробки в глубине парт. Потом пришел приказ выдергивать из парусиновых рубах ниточки и подвязывать их к лапкам заключенных мух. Операция эта была весьма деликатная и очень занятая: подготавливалась большая авиационная атака на противника. Мухи с подвязанными ниточками были возвращены в «арсеналы», то есть в спичечные коробки, а потом весь наличный авиационный состав был разбит на эскадроны и парки.

Наконец, было собрано общее совещание с целью наметить «противника». Таковым, после обмена мнениями, был избран Федор Вениаминович Мюллердорф, преподаватель немецкого языка. Мы его очень любили за добродушие, обожание немецких поэтов и смешной акцент. Полный, маленького роста, с большой лысиной и светлыми навывкат глазами, он был очень вспыльчив и именно поэтому-то мы и остановились на нем. Он умер в Новочеркасске от голода в 20-ых годах.

Когда Мюллердорф вошел в класс, и мы замерли «смирно», ожидая конца рапорта дежурного, шепотом побежал на задние парты сигнал: «1-ый и 2-ой эскадроны истребителей... Контакт...»

Из приподнятых крышек парт начали появляться выпущенные из коробочек мухи с белыми ниточками на лапках. Сначала медленно, потом все быстрее, они брали разгон по наклонному пюпитру и потом, «Ура»... мухи поднимались вверх...

«2-ой, 3-ий парки... Контакт!» — из соседних парт появились новые эскадрилии.

Федор Вениаминович еще не успел разложить перед собой папки и книги, как перед его глазами прошла белая вертикальная черточка. Мюллердорф оцепенел, видимо, ничего не понимая. Надо было видеть выражение его лица в этот момент! Потом перед ним прошла другая белая черточка, третья, четвертая... Мюллердорф сидел как зачарованный и медленно багровел... Внезапно он замер, взмахнул рукой и стащил со своей лысины за нитку, снизившуюся туда муху. Он внимательно рассмотрел техническое оборудование этого бомбовоза и потом, трясушейся рукой записал в штрафной журнал весь класс. Попутно он поставил на нем большую кляксу и, ставя последнюю точку, сломал перо...

Конечно, как только о нашей авиационной атаке Мюллердорфа стало известно начальству, началось дознание. Как всегда, оно ничего не дало, виновных мы не выдали и мужественно отбыли наложенное наказание.

Еще позже, выпуск был взволнован важным событием: один из кадет, вернувшись из отпуска, передал нам от имени «шпаков» вызов на общий бой. Провожая вечером гимназистку, за которой он ухаживал, он был окружен группой гимназистов Платовской гимназии. Среди них оказался безнадежно-влюбленный в ту же девушку неудачный и ревнивый ее поклонник. Гимназисты стали задирать кадета, видимо, намереваясь его побить. Но кадет был не из робких, да еще при шашке. Поэтому возбуждение гимназистов выразилось только в ругани, угрозах, и, в конце концов, в предложении помериться силами в укромном месте всеми способными элементами Донского Корпуса и их противников. Кадет торжественно пообещал представителям «шпаков» передать их вызов своим братьям и дать ответ по указанному адресу.

Дело в том, что в Новочеркасске еще с давних времен существовала вражда между учениками Платовской мужской гимназии, «шпаками», как их называли кадеты, и нами. Кадеты дружили с реалистами, защищая, порой друг друга, и были в приятельских отношениях с Петровской гимназией. В последнее время к нашим врагам примкнула еще группа семинаристов, носивших у кадет кличку «свечкодуев». В основе вражды лежала затаенная к нам зависть гимназистов. Им никогда не присылали общих приглашений на торжественные вечера и балы; от них уходили предметы их обожания — гимназистки, отдававшие предпочтение подтянутым и всегда веселым кадетам, хорошо носившим свою форму и четко отдававшим честь направо и налево в военном Новочеркасске. И сколько, таким образом, было разбито сердец «шпаков» на балах, концертах, на прогулках по Московской и в Александровском саду!

Период совместных испытаний в боях кончился и теперь «шпакам», видимо, хотелось свести по настоящему счеты за прошлое с особенно ненавистными им кадетами.

«Атаман» выпуска, Федя Чирков, собрал заседание. На нем вызов «шпаков» был принят единогласно. «Штаб выпуска» взялся за разработку плана общего боя, другие занялись фазой сближения с противником и прочими деталями. Когда все было готово, «шпакам» был послан ответ: им назначалась встреча и обмен любезностями на Детской площадке Александровского сада; в определенный день и час. Место это было выбрано чрезвычайно удачно: Детская площадка, со всеми ее выходами и входами, была известна

нам до мельчайших подробностей по концертам, бывавшим ней в летнее время, и, как каток в течение всей зимы.

Боевые элементы выпуска, отстранив хилых и очень усердных, в назначенное время, исчезли из Корпуса. Поодиночке, чтобы не привлечь внимания, мы сосредоточились на детской площадке к заходу солнца и заняли там указанные, по плану сражения, места. Когда смерклось, разведчики донесли, что «шпаки» ждут нас толпой наверху. Выпуск начал обходное движение с обоих флангов, резервы укрепились в засаде, все выходы и входы были перехвачены заставами.

По сигналу ударная группа «силачей» пошла наверх и быстро там завязала кулачный бой. Враги наши, видя перед собой немногочисленный ряд кадет, решили быстро справиться с ним и насели всей массой. Последние, отбиваясь, перешли в отступление, «затягивая «шпаков» в «платовский вентерь», то есть к подножью площадки, где в густых кустах были сосредоточены главные силы. Когда сражающиеся достигли нижних аллей, оттуда выскочили со всех сторон наши свежие подкрепления. Бой был короткий и горячий. «Шпаки» быстро дрогнули, рассыпались и обратились в бегство, ища возможности выйти. Но там их перехватывали наши заставы и на прощание всыпали дополнительную порцию горячих. Вскоре поле сражения было очищено от врагов.

В городе быстро узнали, что на Детской площадке творится что-то необыкновенное. Наш часовой у главного входа сумел перехватить известия, что на Детскую площадку уже мчится плац-адъютант из Комендантского Управления и с ним офицер нашего Корпуса. Боевой отряд кадет моментально рассыпался и разными путями, понесся обратно в Корпус. Плац-адъютант и наш офицер нашли Детскую площадку пустой. В сотне же серьезные спокойные лица, ни одной заметной ссадины, все на местах: поди, отыщи виновных. И скандала никакого. Так это и прошло.

К сожалению, в общей перепалке оказались и невинные жертвы. Одной из таких стал симпатичный и очень любивший кадет, молодой парикмахер, у которого мы часто стриглись «под польку». В день битвы он случайно попал со своим флиртом на Детскую площадку. Там, в темноте, его приняли за «шпака», сильно помяли и потом, как некоторых других врагов, раскачали и перебросили через решетку сада на улицу. Милый парикмахер очень горевал о происшедшем, мы же долго утешали его и извинялись, стараясь загладить роковую ошибку.

Так мы дошли к концу учебного года. В один прекрасный день Б.В. Суворецкий объявил, что по постановлению Педагогического Комитета экзамены отменяются, и поздравил всех нас с переходом в последний 7-ой класс. Кадеты разъехались на летние каникулы. Белое движение крепло, и Юг России очищался от красных. Новочеркасск сильно оживился. Появилась вера в светлое будущее, а с ней и радость жизни.

Осенью 1918 г., когда мы съехались вновь, Корпус оказался переполненным из-за прибывших к нам отовсюду кадет разных Корпусов. Вместо нормального штата человек 50-ти в выпуске, в обоих отделениях моего 7-го класса теперь насчитывалось больше 100. Младшие классы тоже были расширены до пределов возможности. Всюду было произведено уплотнение пространства и, чтобы облегчить создавшуюся обстановку, кадетам, у которых были родители в городе, было предложено стать приходящими.

Список моего отделения, конечно, сильно пополнился. Как выяснилось, однажды на общей переключке в старших двух классах оказались представители всех российских кадетских Корпусов. Пажеский — был представлен графом К. Ребендером, 1-ый Кадетский — Орловым, Тарасевчем, Косяковым, 2-ой — Кострюковым, 3-ий Московский — Алтуховым, Орловский — Сомовым и Бересневичем, Одесский — Романцевым, Яковлевым, Тифлисский — Либисом, Петровым, Воронежский — Донсковым и т.д. Это была большая, веселая и однородная по духу семья. Никого ничему не надо было учить: все были своими, так же как и в нас во всех было заложено одно и то же воинское воспитание. Новый директор, генерал лейтенант Чеботарев, бывший офицер 6-ой Л. Гв. Донской каз. ЕВ, батареи, окончивший Михайловскую Артиллерийскую Академию, очень умело взял Корпус в свои мягкие, но уверенные руки. Помимо проявляемого им большого интереса к нашему учению, к строевой и гимнастической подготовке, он всячески

старался оживить повседневную жизнь кадет, часто устраивая концерты, балы. Сам талантливый поэт, ген. Чеботарев принимал близкое участие в издании корпусного журнала «Донец» и читал на вечерах свои стихи. Мы сразу оценили его и даже не старались ему придумать кличку.

6-го декабря, в день Корпусного Праздника, в Сборном зале, после церкви был парад. Перед Атаманом проходили церемониальным маршем бывшие и настоящие кадеты. В шеренге 1-го выпуска шел Африкан Петрович Богаевский, в одной из следующих старался попасть в ногу путавшийся в рясе и разучившийся ходить по-военному батюшка. Много дальше, звеня шпорами, отчетливо заходил плечом строй юнкеров Новочеркасского Училища и, наконец, мы все, остальные.

Потом в сотне неожиданно появился Атаман П.Н. Краснов и объявил о том, что производит полковника Леонтьева в генерал-майоры. Мы грянули «Ура!» и бросились к нашему командиру. Но смущенный и растроганный Леонтьев угрожающе затряс бородой и руками: «Не смей! Тут есть и постарше!» Не тут-то было: сразу сзади нажали несколько десятков сильных рук, подхватили его и «деревня» стал подлетать под самый потолок... Леонтьев продолжал с возмущением что-то кричать и жестикулировать в воздухе. Петр Николаевич Краснов смотрел на эту сцену с благодушной улыбкой.

Однажды вечером в класс на занятия пришел Суворецкий и... о, удивление! В новых штаб-офицерских погонах. Это было для нас приятной неожиданностью, но мы были сильно смущены тем, что не успели его поздравить с производством. Во время короткой перемены класс быстро сговорился и, когда на втором часу вечерних занятий Борис Васильевич сел на свое место, минут пять спустя, мы без команды отчетливо вскочили и замерли смирно. Суворецкий в недоумении посмотрел даже на дверь, предполагая, что пришел кто-нибудь из высшего начальства. Но старший отделения Митяй Косоротов в коротком слове объяснил, что кадеты просят принять их общее поздравление. Суворецкий был тронут и расцеловал Митяя.

В праздничные дни выпускному классу разрешалось после вечернего чая переходить в Сборный зал. Там шли нескончаемые разговоры и воспоминания о жизни разных Корпусов, о недавних боях и походах. Кто-нибудь садился за рояль, смыкался круг и пелись хоровые песни, кончавшиеся общей «звериადой». Порой играл балалаечный оркестр или просто гудели гребешки, и мы лихо танцевали друг с другом. Устраивались и настоящие концерты. На них читались стихи, орловец Берфневич рассказывал солдатские истории, одессит Романцев смешил до боли в животе еврейскими анекдотами и т.д. Ставились иногда целые пьесы, подчас весьма веселого характера. Одна из таких «драм» читалась на 14 разных языках, благодаря наличию представителей Корпусов всей России, знавших самые разнообразные провинциальные наречия и европейские языки. Это было очень смешно и мы веселились от души.

В один из таких вечеров выпуск устроил свой закрытый парад. К нему мы подготовлялись довольно долго, устраивая себе кивера, доломаны, расшитые шнурами от оконных штор, собирая в городе погоны, оружие и шпоры. Никто из воспитателей теперь нас больше не тревожил, поэтому в назначенный день мы одели пестрые разнообразные формы и с хором «трубачей», т.е. балалаечников, выстроились всем выпуском в зале.

Раздалась команда. «Генерал» выпуска, Гриша Иванович, в генеральском артиллерийском мундире своего отца, с саблей, важной походкой вошел в зал, поздоровался с парадом и, медленно обойдя фронт, обратился к выпуску со словом. Но вдруг, к нашему ужасу, отворилась боковая дверь и на пороге ее показался командир сотни ген. Леонтьев, возвращавшийся, случайно, из лазарета. Он опешил, замедлил шаги и издали с изумлением разглядывал шеренги «странных офицеров»... Гриша Иванович, однако, не растерялся и сразу подошел к «деревне» с рапортом. Леонтьев довольно серьезно выслушал его и прошел к середине строя. От Иванoviча отделился его адъютант Володя Поляков, в белых «лосинах» иначе говоря, в кальсонах и в экзотическом доломане, и, прыгая козлом, на воображаемой кровной лошади, передал командующему парадом приказание проходить церемониальным маршем. Леонтьев не удержался, улыбнулся и даже спросил: «А это что же, гусар что ли?»

«К церемониальному маршу! Повзводно... на одну взводную дистанцию!» — раздалась команда.

«Хор трубачей» грянул марш, и выпуск стал проходить перед начальством. Гриша Иванович, держа руку под козырек, почтительно склонялся к «деревне», представляя ему части... Легкая кавалерия шла курц-галопом.

Но вместо ожидаемой нами похвалы за старание, мы расслышали слова Леонтьева: «Дураки... Жеребцы...» и «деревня» смеялся себе в бороду.

После рождественских каникул, стали серьезно нажимать на занятия. Дело в том, что выпускные занятия были объявлены обязательными по всем предметам. С другой стороны, в то время как кадеты-неказаки могли выбирать между нашим Юнкерским Училищем, где было открыто четыре отдела: пластунский, конный, артиллерийский и инженерный, Кубанским, Киевским пехотным и Сергеевским артиллерийским, мы, коренные донские кадеты, были обязаны поступать только в наше Новочеркасское. Число вакансий на его артиллерийский, инженерный и даже конный отделы было довольно ограничено, предвиделась конкуренция со стороны, и поэтому стало необходимым срочно выравнивать и поднимать свои отметки. Развлечения были заброшены. Мы надели на книги. Повседневная жизнь стала серьезной, сосредоточенной и, благодаря этому, даже посыпались прибавки баллов за поведение. Б.В. Суворецкий нередко приходил теперь из города в вечерние часы, чтобы помогать отстающим. Лучшие математики собирали вокруг себя слабых учеников, разбирали с ними задачи и натаскивали их по самым трудным вопросам. Кончить Корпус должны были все, и на этом сосредоточилась воля выпуска.

И вот наступили экзамены. Пусть останется тайной, как именно мы подготовились к ним. Но, верно, для ныне здравствующих наших бывших воспитателей и преподавателей будет необыкновенным сюрпризом узнать, что, хотя экзаменационные темы и хранились под ключом в кабинете инспектора классов, тем не менее, главные из них стали нам известными в самый последний момент. Каюсь в этом от лица всего XXX-го выпуска и даю слово, что совершилось это без всякого участия или попустительства кого-либо из воспитателей, преподавателей или служителей Корпуса.

За темы по математике сразу засело несколько самых лучших учеников. Быстро решив задачи, они спрашивали каждого: «Сколько у тебя по этому предмету?» И, если у кадета выходило шесть, ему давали решение на восемь баллов, если у него было восемь, то на десять и т.д. Эта умеренность была совершенно необходима, дабы у начальства не появилось бы подозрения в самостоятельности экзаменуемых. В общем же, все оказались довольны, клянчившим же больше, сообщая порекомендовали уменьшить претензии.

Гораздо хуже вышло с темами по русскому языку: тут уже корпорация помочь ничем не могла, но все же открылась возможность проштудировать заранее намеченные вопросы. В конце концов, после математики остальное было маловажно.

Когда на экзамене были объявлены темы, лица кадет угнетали сосредоточенностью. Самые сильные математики, как и следовало ожидать, сдавали работы первыми. Более слабые относили их с приличным опозданием, сделав тревожное или немного разочарованное лицо. Плохим же ученикам было приказано дотянуть до того момента, когда экзаменаторы начали сами, почти силой, отбирать решение задачи у оставшихся. Улыбки не было ни одной. Но зато, вернувшись в сотню, экзаменовавшиеся особенно резво неслись в курилку, хлопали по плечу и щекотали друг друга. Царила полная радость, но причина ее должна была остаться секретом решительно для всех, кроме кадет XXX-го выпуска.

Преподавательский и воспитательский состав, видимо, был доволен ходом экзаменов. Правда, кадеты подметили, что на некоторых устных экзаменах Суворецкий подкладывал знакомые билеты кое-кому из наиболее слабых учеников, но страдные дни, затянувшиеся на добрый месяц, все же подходили к концу. Самое страшное — анализ бесконечно-малых, аналитическая геометрия, тригонометрия, русский — были сданы.

Оставшиеся экзамены не пугали уже никого: на них, в крайнем случае, даже плохим ученикам, можно было теперь провалиться с полным чувством собственного достоинства.

Явившись как-то, как «приходящий» из дому на один из экзаменов, я узнал, что накануне в Корпусе произошло необычайное событие. Воспользовавшись дежурством скромного и неискушенного в кадетских проделках есаула Шерстюкова, XXX-ый выпуск в темную безлунную ночь, целиком, в сапогах и фуражках умудрились выскользнуть из постелей, спуститься вниз и через оставленное открытым окно выбраться на плац перед Корпусом. Один из кадет прихватил с собой трубу урядника. Два же другие неизвестными средствами проникли на колокольню корпусной церкви и подняли там трезвон во все колокола. Услышав его, патруль домовой охраны из местных жителей решил, что это набат и что в городе где-то замечен пожар или какая то другая тревога. Трезвон кадетской церкви был подхвачен соседними церквями и так пошло по всему Новочеркаску. А в это время строй голых кадет слушал с энтузиазмом несколько пламенных прощальных речей, обращенных к XXX-му выпуску. Один из поэтов, взобравшись на тумбу, вдохновенно читал свои стихи, потом другой кадет, на трубе урядника начал играть боевые сигналы. По ним повелось учение, закончившееся наступлением и смелой общей атакой метеорологической будки. Все благополучно вернулись прежним путем в спальню. Набат же еще долго продолжал звучать в городе, где, видимо, никто ничего не понимал и обыватель беспомощно метался с пожарной кишкой или винтовкой в руках.

Начинать кампанию новых дознаний ввиду кончающихся экзаменов было невозможно. Конечно, на мое лицо «зачинщика» лишний раз было обращено особое внимание, но тут-то, при всем желании, меня подцепить никак было нельзя, так как в эту ночь я, действительно спал дома, да еще на собственной кровати. Воспитатели ограничились каменными выражениями лиц, неприятными намеками и фразами: гроза бурлила где-то на неизвестной глубине.

И вот наступил день: последний экзамен был сдан. Заниматься стало нечем. Кадеты готовились к разъезду и проводили время в классах и в Сборном зале в долгих разговорах.

Потом Суворецкий сделал нам полный отчет о результатах экзаменов. В порядке старшинства по окончанию Корпуса был прочитан список выпуска и отметки, шедшие в аттестат. Поздравив нас с окончанием Корпуса, Суворецкий перешел ко второй части своего сообщения, объявив, что по приказанию свыше, весь выпуск, с вахмистром во главе, вместо каникул прикомандировывается на один месяц к юнкерскому Училищу, отбывающему летний сбор в лагере на Персияновке. Он пообещал нам, что там нас хорошо «возьмут в шоры» и с улыбкой просил этому нисколько не удивляться.

Одиночных наказаний за недавний ночной выход никто не получил. Постановление начальства, хотя оно многих и не устраивало, мы приняли бодро и даже с улыбкой.

Осенью, для окончивших, во Фронтовом зале был устроен прощальный обед с воспитателями и преподавателями. Мы сидели в разбивку с ними и, непринужденно, разговаривали и с Федором Павловичем Ратмировым, и с милейшим «лаптем» Александром Ивановичем Абрамцевым, и с Федором Вениаминовичем Мюллендорфом, с нашим общим любимцем Иваном Николаевичем Лимаревым, с «деревней» и другими. Мы сами теперь объясняли им детали наиболее нашумевших наших проделок. Воспитатели и преподаватели казались совсем иными: не строгими, имевшими права на все наши радости и горести, а добрыми, достигаемыми, отечески приветливыми, тоже по-своему переживающими грусть прощания. Они сами заботливо угощали нас едой, подливали в стаканы вина. Произносились тосты, от которых наворачивались слезы, и шире расправлялась наша грудь: Мы — XXX-ый выпуск!

А в голове неясно мелькало: «Спасибо вам за все, дорогие наши церберы и экзекуторы, семилетние терпеливые жертвы нашей юности, строгостью, внимательностью и преданностью своему делу сумевшие обуздать и довести до конца нашу трудную и бурлящую семью. Прощай, родной, до смерти запечатленный в душе, Донской Императора Александра III, мой Кадетский Корпус».

После прощания, поступившие в Новочеркасское Военное Училище кадеты, строем, под командой своих офицеров, покинули навсегда корпусные стены. Это была последняя с нами служба Бориса Васильевича Суровецкого.

В Училище нас приняли под свое покровительство бывшие донские кадеты — Миша Данилов, вахмистр 1-ой конной сотни, и Володя Поляков, вахмистр 2-ой пешей сотни.

С этим перевернулась последняя страница нашей юности и началась другая жизнь.

Иван Сагацкий
(«Военная быль» №№ 39 и 40)

Приезд кадет Одесского Корпуса в г. Новочеркасск и их размещение в Донском Корпусе

Точно не помню, когда все это произошло. Мне помнится в начале 1918/19 учебном году нас, кадет, живших в Новочеркасске, имевших родственников или знакомых неожиданно сделали приходящими, т.к. нам было сообщено, что ожидается прибытий части кадет Одесского Корпуса и для них необходимо освободить помещение.

Сколько их было, точно не знаю и не помню. Помню, что кад. Одесского корпуса была освобождена спальня 3-ей сотни, гимнастический зал и прилегающие к нему классы. Кадеты имели своих воспитателей, а также преподавателей (конечно не полностью), Форма одежды у кадет была Одесского Корпуса.

Как я слышал и как мне говорили, другая их группа была расположена в городе Ростове.

Д. Сарин

ЧАСТЬ III УХОД КОРПУСА ИЗ НОВОЧЕРКАССКА

Я поступил в корпус осенью 1917 года уже после революции, но эта «великая бескровная» особенно серьезных изменений в жизнь корпуса не внесла. Об этой жизни я уже знал от моего старшего брата. Строгий распорядок дня: утренний подъем по сигналу, чистка самим кадетом сапог и явка дежурному воспитателю перед выходом из спальни. Он осматривал не только блеск сапог, но и хорошо ли вымыты руки, шея и как почищены зубы.

Порядок и чистота, царившие во всех помещениях, а в особенности Сборный зал, привели меня в восхищение. Не имея в Новочеркасске близких родственников, я в отпуск не ходил, и первые недели сиденье весь воскресный день без занятий тяготило... Но постепенно, крепко сдружившись с другими такими же «несчастливыми», не замечал, как проходил день, и даже начал забывать писать письма родным.

Учебная программа те казалась мне трудной, а строевые занятия и гимнастика с таким воспитателем, как войс. стар. Низовкин, сделали из нас к ноябрю «заправских» кадет. В ноябре корпус в полной парадной форме, с оркестром впереди вывели «Старые Друзья» на военную прогулку. Под марш корпус прошел по Михайловскому пр., Московской ул., Платовскому пр., Соборной площади, Ермаковскому пр., Баклановскому и снова в корпус. Наше второе отделение замыкало колонну и, очевидно, мы прошли не плохо, т.к. в. ст. Низовкин остался нами доволен. Мы от этой прогулки были в восторге. Она запечатлелась в моей памяти так ярко, что теперь, спустя более полувека, я помню всё, как если бы это было вчера.

Сидя безвыходно в корпусе, мы только краем уха слышали о происшедшей в октябре новой большевистской революции. По малости лет ни смысла, ни значения этих революций мы не понимали.

Но вот в конце ноября, вернувшись с послеобеденной прогулки, мы услышали орудийную стрельбу. В спальне и вестибюле со звоном дрожали стекла. Дежурный по третьей сотне поручик Семенов, почти бегом, направился по лестнице наверх узнавать, в чем дело, сказав нам, чтобы не волновались и шли по классам. Это было начало большевистского восстания в Ростове, а стреляли по Нахичевани военные суда, прибывшие с матросами из Севастополя на помощь восставшим.

На следующий день группа кадет первой сотни сбежала из корпуса, чтобы принять участие в подавлении восстания. После ликвидации этого восстания они вернулись и были снова приняты, не понеся за это наказания.

Через несколько дней в столовую во время завтрака совершенно неожиданно вошел ген. Каледин. Раздалась команда: «Встать! Смирно!» Приняв рапорт, атаман поздоровался с кадетами и сказал, каким-то приглушенным голосом, краткую речь, из которой я только запомнил, что мы еще дети и нам нужно учиться, а повоевать еще успеем.

12-го декабря, на неделю раньше срока, корпус распустили на Рождественские каникулы. Потом их продлили вплоть до особого распоряжения, так и не последовавшего. Вернулись снова лишь после занятия Новочеркасска восставшими казаками. В этом году нас ждали большие перемены. Все наше обмундирование во время большевистского владычества было разграблено. Перешли на новую форму: фуражки защитного цвета, шинели серые, рубахи защитного цвета, брюки темно-синие из полотна плохого качества, сапоги с высокими голенищами, в которые заправлялись брюки. Носки заменили портянками.

Ношение шашек было упразднено. Первая сотня выходила на строевые учения и на парады с винтовками пехотного образца с трехгранным штыком.

Принято было много кадет из других корпусов и благодаря этому все жившие в Новочеркасске стали приходящими. В спальне сдвинули кровати почти одна к одной; в классах добавили в каждый ряд по одной парте. В столовой вместо 11 человек сидели по 13. Кормили в этом году плохо. Занятия возобновились усиленным темпом. Нужно было наверстать потерянное полугодие. Вскоре прибыл новый директор корпуса ген. лейт.

Чеботарев, артиллерист-академик и бывший кадет первого выпуска нашего корпуса. Полк. Семерников, временно исполнявший должность директора, был переведен в артиллерийское управление Дона. Корпус посетил атаман П.Н. Краснов. Он награждал участников Степного похода и отличившихся кадет в других партизанских отрядах. Многие кадеты уже имели георгиевские кресты и медали, а участники Ледяного похода были даже произведены в офицеры. У меня появилось три друга с черными крестами (Степного похода) на георгиевской ленте: Вася Гугняев, Ваня Суляев и Аркашка Попов 109-й. На корпусной праздник парад снова принимал атаман Краснов, а среди бывших кадет в первом ряду маршировал А.П. Богаевский, окончивший корпус первым выпуском. Атаман произвел командира первой сотни, полк. Леонтьева, в генералы и некоторых воспитателей, в том числе и нашего, в следующий чин. Ген. Чеботарев быстро завоевал расположение кадет. Простой в обращении, в меру строгий, прекрасный оратор, никогда даже при выговорах не возвышавший голоса, в котором чувствовалась и доброта и теплота. Помимо этого, мы еще и гордились им, как бывшим нашим кадетом первого выпуска. Он окончил корпус вторым. Ген. Чеботарев проявлял в отношении кадет чисто отеческую заботливость: устраивал балы, спектакли и концерты войскового хора. Его смерть в Новороссийске была нами воспринята как истинное горе, и, следуя за его гробом к месту последнего упокоения, мы чувствовали себя осиротевшими.

Рождественские каникулы в этом году были нормальные по сроку. Вернувшись из отпуска, кадеты принялись снова за учебу. Однако к концу зимы на фронте начались неудачи, и к весне красные снова подходили к Новочеркаску. Корпус уже начал готовиться к эвакуации.

Атаман Краснов ушел в отставку, и Войсковой Круг выбрал его заместителем ген. А.П. Богаевского. Фронт удалось удержать, а потом и отбросить красных. Эвакуация была отменена, но ввиду огромных потерь на фронте весь нижний этаж корпуса был отдан под госпиталь для раненых. Третья сотня перебралась в Сборный зал, где мы и спали и занимались. Первая сотня каждый день высылала наряд нести караулы на гауптвахте.

К началу нового учебного года все помещения снова были предоставлены кадетам, и занятия начались нормально. Кормить стали гораздо лучше. Во время летних каникул полк. Рыковский был командирован на Украину и закупил для корпуса громадное количество всяких продуктов, недобор которых остро чувствовался на Дону. Время проходило незаметно, и нам уже казалось, что гражданская война подходит к концу.

На корпусной праздник парад принимал атаман А.П. Богаевский. Был устроен блестящий бал до утра для старших, а нас, третью сотню, уложили спать в 11 часов.

Так же, как и прошлой зимой, фронт снова покатился на юг, и на этот раз гораздо быстрее. 21-го декабря было объявлено, что корпус покидает Новочеркасск походным порядком. После обеда прошел слух, что в арсенале можно получить винтовки. Недолго думая (не особенно в это веря) у нас собралась небольшая группа и, почти бегом, направилась в арсенал. Но к удивлению, нас там встретили благожелательно и, не спрашивая наш возраст, сейчас же выдали по винтовке кавалерийского образца и по 4 обоймы патронов. Около семи часов вечера вторую и третью сотни выстроили перед зданием корпуса, и после проверки двинулись в путь.

Первая сотня выходила на следующее утро по другому маршруту, сопровождая корпусной багаж.

После двух освещенных улиц, где еще встречали прохожих, свернули направо и в темноте выбралась на дорогу, ведущую в гор. Старочеркасск. Шли «вольно», не спеша, делая частые привалы, чтобы подтянулись отставшие. Всю дорогу до Старочеркаска рядом с полк. Низовкиным шел быв. директор Лазарев-Станищев. Он опирался на костыль, и идти ему было очень тяжело. На следующем переходе его уже не было. В Старочеркасск пришли после полуночи и расположились на ночлег в монастыре. Спади недолго. На рассвете, слегка подкормившись в монастырской трапезной, двинулись снова на Хомутовскую и дальше на Кагальницкую. Идти становилось все труднее. Недоедание начало давать себя чувствовать. В Хомутовской мы получили на весь день по два ломтя

хлеба и по кружке кипятку с конфетами вместо сахара. Да и винтовки на тринадцатилетних плечах с каждым переходом становились все тяжелее.

В сочельник вечером, продрогшие от холода, добрались до Кагальницкой. Расположились в станичном правлении в большой, чистой и хорошо натопленной комнате. Здесь нас накормили досыта и объявили на завтрашний день дневку — отдых. Настроение у всех нас сразу повысилось, слышались веселые шутки и вскоре затянули песни.

На следующий день в виде рождественского подарка получили по пригоршне конфет и... горькую пилюлю: винтовки нам приказали сдать, что мы и сделали, кто с сожалением, а кто и с облегчением.

26-го декабря (ст. ст.) утром выступили по направлению на Куцевку. На этот раз для малышей наняли несколько подвод. Все на них не могли разместиться и садились, чередуясь. День был очень холодный, а когда выехали в открытую степь, ледяной ветер заставлял нас отказываться от подводы. Шли, держась кучкой и похлопывая все время друг друга по спине. Ветер буквально пронизывал насквозь наши серые шинелишки. К счастью, никто не простудился.

В этой станице, не помню уже название, нам отвели под ночлег курень зажиточного казака: просторный, чистый и хорошо натопленный. Казачка, увидя такое «войско», сейчас же предложила нам садиться за стол, а сама захлопотала около печи, вынимая из духовки чугунок, махотки, горшки. Накормила нас «на славу», а утром напоила горячим молоком и дала на дорогу сдобные булочки (пампушки). В последнем, перед Куцевкой, селе или слободе Ильинка разместились на ночлег в школе, но спать не пришлось; тех, кто уже улегся, подняли. Учитель пришел предупредить, что на нас готовится нападение. Кадеты пятого класса всю ночь несли караул и патрулировали на улицах, безоружные. Вот когда бы нам пригодились винтовки! С рассветом, не достав ничего для питания, тронулись в последний переход. С восходом солнца резко потеплело, снег таял и вскоре начал спускаться густой туман. Снег вскоре превратился в слякоть, сапоги промокали.

По сторонам ничего не было видно, и приходилось отдыхать, стоя на дороге, чтобы не сбиться с пути. Время от времени, нас обгоняли всадники в бурках. На наш вопрос «Далеко ли еще до Куцевки?» первый ответил: «Верстов 5, с гаком», — а часа через полтора — двое других на тот же вопрос ответили: «Верстов 7, с гаком»... Слякоть на дороге превратилась в липкую грязь, ноги увязали, и идти становилось все трудней. Наконец из тумана нам навстречу вынырнул всадник, спросив, кто мы, представился полк. Низовкину «Старший урядник Галушко, присланный к вам проводником». Мы были уже в двух верстах от Куцевки. Это нас ободрило, и мы зашагали немного быстрее. Скоро слышали лай собак, и в кромешной тьме подошли, следуя за Галушко, к мосту через р. Ею. Мост был забит застрявшей посередине повозкой, а перед мостом скопилось много людей и лошадей какой-то части. Все же по обочине (тропе) можно было протискиваться гуськом по одному человеку, правда, с опасностью, т.к. во многих местах не хватало перил. В настиле тоже были дыры; в одну из них попал первоклассник Скопиченко, провалился и застрял, сам никак не мог выбраться. Шедшие следом второклассники из-за темноты или нарочно его не замечали, и он начал громко кричать: «У вас каменное сердце. Спасите! Погибаю!» Двое из нашего класса взяли его за руки и вытянули. Перейдя мост, увидели невдалеке светившийся фонарь, направились к нему. Это было местное правление. У входа нас встретил командир второй сотни полк. Рыковский. Он посоветовал «прикорнуть» и подождать до утра, а потом уже идти на станцию. Но помещение было нетопленное, а мы все промочили ноги, полы наших шинелей были в мокрой грязи. Полк. Низовкин предпочел идти прямо на вокзал. Там было столько народу, что в помещение для ожидающих нельзя было войти. Начальник станции предложил переждать в помещении рядом. Направились туда. В первой комнате, холодной и плохо освещенной, было полно спящих на полу солдат. Прошли во вторую — пустую с горящей посередине печкой. Отогрелись, просушили обувь и начали потихоньку клевать носом.. Но вот кому-то захотелось пойти в уборную. Входя обратно, он заметил, что все спящие накрыты с головой и не слышно дыхания. Он приподнял слегка шинель

над головой одного, другого, третьего... Все они были мертвы, без признаков ранений, очевидно, от тифа. Доложил воспитателю, и мы спешно вышли снова на платформу. На рассвете прикатил бак с кипяченой водой, и мы стали согреваться, наполнив кружки и закусывая, кто сахаром, кто оставшимися конфетами, не обращая внимания на странный вкус этой воды. Утром нам указали на несколько товарных вагонов, единственных еще не занятых. Было ясно, что эти вагоны жили для перевозки тифозных, но выбора не было, и кадеты принялись за их дезинфекцию домашними средствами: прокуривали соломой... Неподалеку от них стоял вагон, закрытый и охранявшийся часовым-кубанцем. К нему подходил комендант станции. Полковник Низовкин справился у него, что в нем за груз и нельзя ли вагон использовать для нас. Вагон был загружен наполовину тюками с одеялами, направлявшимися для какого-то лазарета (в сопровождении двух казаков) и должен был следовать с тем же составом, что и те пустые вагоны. Комендант отдал распоряжение очистить середину вагона, разложив тюки вдоль стен в два яруса, и принять нас. Казаки, с нашей помощью, выполнили это в два счета, и таким образом мы устроились с полным комфортом. У казаков был обильный харч, и они поделились с нами. К вечеру вагоны прицепили к товарному составу, направлявшемуся в Тимашевскую. В Тимашевской простояли три дня, не получая ни откуда распоряжений. Питание получали один раз в день от комендантского управления. Уходить со станции не разрешалось, так как состав мог уйти в любую минуту. Воспитатели куда-то исчезали, и мы бродили вдоль составов. Недалеко стоял под парами бронепоезд, и перед его отходом небольшая группа кадет четвертого и пятого классов сбежала и была принята его командиром. К вечеру третьего дня стало известно, что вторая сотня едет в Новороссийск, а третья в Екатеринодар. В Екатеринодаре нас поместили в кинематографе «Шантеклер» на Красной улице. Спали первые дни на полу на соломе, а потом саперы выстроили нары в три ряда, и нам выдали новые одеяла. Кормились в какой-то дешевой столовке с входом со двора, и нужно было подниматься на первый этаж по деревянной лестнице без перил. Из-за малого размера столовой ходили небольшими группами и в неопределенные часы. Столовка чистотой не блистала, и еда была «соответственной». Среди кадет начались заболевания тифом, и когда мы уезжали в Новороссийск, больные были оставлены в Екатеринодаре.

Сопровождал нас присланный атаманом член государственной думы Аладьин. Ехали снова в теплушках с товарным поездом, долго стоявшим на всех промежуточных станциях. В Новороссийск приехали ночью и разместились в старой, николаевских времен, казарме с маленькими окошками, глинобитным полом и нарами в два яруса. Вторую половину казармы уже занимала вторая сотня. Гигиеническое оборудование состояло из бочки воды при входе, и точка...

В Новороссийске мы каждый день получали от соседней роты горячую пищу: порцию борща с кусочком говядины и половник пшенной каши, сваренной на пару и заправленной ложкой подсолнечного масла. После екатеринодарской бурды это нам казалось «лукулловым пиром». По утрам, когда не дул норд-ост, выходили на строевые занятия.

Почти регулярно ночью с гор спускались в город «зеленые», и мы по тревоге выстраивались на площади перед казармой и ждали, пока их не выдворят восвояси.

Прибывшая вскоре после нас первая сотня в малом составе — один 6-й класс — принимала участие в борьбе с зелеными, как боевая часть гарнизона. 7-й класс на станции Сосыка был зачислен в Атаманское Военное Училище и стал уже 31 выпуском. Первая сотня размещалась в другом месте, города, около комендантского управления. Собрались мы все вместе только в день похорон умершего от тифа директора корпуса ген. лейт. Чеботарева. На его похоронах присутствовал и ген. Черячукин, заменивший его потом на посту директора.

Как-то раз, когда мы стояли строем на площади, подошел английский капитан и, проходя перед строем некоторых кадет, о чем-то спрашивал, улыбался и шел дальше. Попал ли он случайно на строевые занятия, или нас специально выстроили для его встречи, мы не знали и не поинтересовались. Об этом визите забыли, и никому тогда в голову не пришло, что этот человек сыграет такую гнусную роль в жизни корпуса и нашей

личной. Кроме строя, других занятий не было, и мы проводили время после завтрака в разговорах или читая вслух какую-либо книжонку. По вечерам казарма освещалась двумя фонарями с керосиновыми лампами, которые больше коптели, чем светили, и нельзя было читать.

Обычно в эти часы во второй сотне начинали потихоньку запевать песни. Хорошие голоса из третьей шли присоединяться, а остальные, лежа на нарах, слушали за душу берущие песни, как например: «Поехал казак на чужбину далеку» или «Ты подуй, подуй ветерочек низовый»... Эпидемия тифа продолжалась, и наши ряды постепенно сокращались. Со середины февраля пошел слух о нашем отъезде за границу. Приказов по корпусу не читали, и мы не знали, заменил ли кто-либо ген. Чеботарева. 22-го февраля нам официально объявили, что мы после завтрака отправляемся на пристань около цементного завода грузиться на пароход «Саратов». На пристани нас встретил новый директор ген. штаба ген. лейт. Черячукин. Объявив о своем назначении, сказал несколько приветственных слов и приказал начинать погрузку, так как «Саратов», уже готовый к отплытию, задержался, чтобы забрать нас сверх нормы.

Разместили нас в трюме, в проходах между тюками с какими-то товарами. Все каюты на пароходе были уже заняты, и капитан «Саратова» любезно уступил свою ген. Черячукину.

Под вечер пароход вышел из Новороссийска и только на следующий день стало известно, что мы идем в Константинополь. Погода стояла великолепная, и пароход не качало, что бывает очень редко в Черном море.

Кормили нас во все время плавания английскими консервами: полбанки корнедбифа, несколько галет и кусок грубого, плохо очищенного шоколада. Шоколад выдавали большими плитами прибл. 40x40 и сант. 6-7 толщины, вроде нашей макухи, и его приходилось рубить на палубе топором. В Константинополь пришли утром и, простояв дня два или три, вышли в Мраморное море к какому-то маленькому живописному острову. Простояли весь день и снова вернулись в Константинополь. Простояли еще несколько дней и снова вышли в море, прошли Дарданеллы, но куда плыли, не знали. Говорили, на Мальту или на Майорку. Через несколько дней подошли к Кипру и стали на рейде против Фамагусты. Отстояв и здесь два-три дня, вошли в порт, но к пристани пришвартовались только на следующий день. Начали выгружать багаж, потом выгрузку приостановили, простояли ночь у пристани, а наутро багаж начали грузить обратно, добавив порядочное количество апельсинов, огромных, размером приблизительно в два кулака. На рейде показался пароход «Херсон». Мы вышли в море, а «Херсон» занял наше место. Сказали, что идем в Африку, но никто уже этому не верил. Пароход сильно качало, и почти все лежали в трюме. Наконец показалась земля и начал вырисовываться порт Александрия. Постояли и здесь один день в порту. Александрийский огромный порт и видневшиеся здания города совсем не соответствовали нашим представлениям об Африке. На следующий день мы с радостью сходили на берег, до того нам это плаванье в неизвестность надоело. Здесь же на набережной уселись в старенькие вагоны, и паровоз-кукушка потащил нас прямо в огромное круглое здание, окруженное двумя рядами деревьев, — карантин. После двухнедельного пребывания в карантине корпус перевезли в беженский лагерь Тель-Эль-Кебир. Этот лагерь находился в пустыне около бедной арабской деревушки, и из-за соседства с беженцами для корпуса не подходил, и поэтому ген. Черячукин сразу предпринял хлопоты о переводе корпуса в другое место. Через месяц корпус перевели в другой лагерь около города Измаилия на берегу Суэцкого канала. Этот лагерь оказался достаточно благоустроенным, чтобы возобновить, наконец, занятия. Не хватало, главным образом, преподавателей. Почти все они остались в Новочеркасске. Пришлось многим воспитателям их заменять, кто на что горазд. Вскоре приехала группа выздоровевших кадет с острова Лемнос и группа кадет других корпусов, очутившихся на острове Кипр. Из беженского лагеря приехали 6 человек преподавателей и доктор Александров. Учебные пособия были собраны при помощи американской ИМКИ, а тетради мы фабриковали сами из катков типографской бумаги, предназначавшейся для печатанья газет. К нашему приезду англичанами было уже

выстроено 6 больших барачков со стенами и крышей из камыша. В них даже в большую жару можно было заниматься. Один был оборудован под церковь, причем все внутреннее устройство и украшение было сделано самими кадетами. В другом помещалась столовая, со сценой в глубине, на которой потом устраивались спектакли. Позади столовой была оборудована кухня, Из младших классов ежедневно назначался наряд для помощи повару. Кормили очень хорошо, обильно. Мы получали из английского интендантства нормальный солдатский паек вплоть до сигарет. Старшим классам первой сотни разрешили курить. За провизией в интендантство, в другом конце Измаилии, назначался наряд от 5-го класса. Жили мы в небольших конусообразных палатках по 4 человека. Спали на низеньких деревянных кроватях с матрасами, набитыми соломой. Была уже готова умывалка с приспособлением для стирки белья, только душ еще не был закончен и достраивался при нас. К осени кадеты 7-го класса провели электрическое освещение во все бараки. Полковник Биркин достроил, с помощью кадет, еще два небольших барака: один для классного помещения, а другой для кап. Крега, о котором будет сказано дальше. В середине июля занятия закончились, и всех перевели в следующий класс. К этому времени представители ИМКИ подарили корпусу огромную палатку-шатёр под клуб для развлечений. В ней установили столы для пинг-понга и всяких других игр. Вдоль футбольного поля были уже установлены параллельные брусья, турник и другие гимнастические снаряды. Английский комендант лагеря лейтенант Гаррисон, совершенно непохожий на своих соотечественников — надменных флегматиков — всегда веселый и общительный, организовал две команды для игры в футбол и снабдил их, на свой счет, всем необходимым: мячами, фуфайками, чулками, бутсами. Сам играл в первой команде центрхавбека и, подтенировав, начал вызывать на матчи (состязания) команды стоявшего в Измаилии английского полка. Это было субботним развлечением. Помимо футбола, процветали и другие виды спорта. Метанье диска, ядра, копья. По утрам после побудки, вместо четверти часа гимнастики вольных движений, шли на пляж на получасовое купанье. Вскоре все без исключения умели плавать. Вернувшись с пляжа, выстраивались на молитву и церемонию поднятия флага. В столовой нас уже ждали котлы с горячим кофе с молоком или какао и белый вкусный хлеб. На обед обычно давали суп и две большие котлеты, а вечером кружку сладкого чая и по две столовых ложки варенья. На таком режиме кадеты пополнели, набрались сил и, загорелые на солнце, прекрасно выглядели. За это время из Лейпцига пришли недостававшие нам учебники и много книг для библиотеки.

Сапожник успел перешить с помощью нашего класса, посылавшегося ему в помощь на три часа в день, тяжелые английские солдатские ботинки с гвоздями на подошвах (танки) на нормальные, на деревянных шпильках и по размеру ноги, а не на 3-4 номера больше, как это было у малышей. Портной успел перекроить и перешить, полученное нами летнее желтое, обмундирование по размерам кадет. Компания Суэцкого канала подарила кадетам легкие летние рубахи и нитяные чулки. И вот, хоть и в иностранной форме, все же наш корпус выглядел, до некоторой степени, настоящим кадетским корпусом. Все это благодаря энергии, заботам и неустанным хлопотам ген. Черячукина. В его лице корпус нашел достойного заместителя покойного ген. Чеботарева. Такой же добрый и простой в обращении с кадетами.

С первых же дней кадеты дали ему прозвище, в котором не было ничего насмешливого или обидного: «Дедусь». Перед иностранцами генерал держал себя с большим достоинством и пользовался большим авторитетом у англичан. Начальник английского гарнизона приглашал его экспертом на маневры и гостем на все празднества. Благодаря знанию французского языка он завязал знакомство с дирекцией Суэцкого канала и все директора отделов тоже приглашали его на балы, приемы, вечера, а малышам часто присылали в подарок сладости. Владелец единственного кинематографа предложил, бесплатно, три ряда мест каждую среду. Это дало нам возможность, раз в три недели, посещать сеансы. Но вот каникулы кончились, и в сентябре начался новый учебный год почти в совершенно нормальных условиях. В это время в лагере появился кап. Крег, тот самый, который в Новороссийске так мило улыбался. Только теперь он был штатским, а

не военным и назывался просто мистер Крег. Приехал он на автомобиле с шофером, молодым человеком, весьма женственным, «Васенькой», как он его называл.

Официальная миссия м-ра Крега была ни больше ни меньше, как представитель Русского Красного Креста в Лондоне.

Неофициально — ген. Черячукину уже было известно, что в России Крег был прикомандирован к военной миссии как агент Интеллидженс Сервис.

Крег сразу заявил директору претензию о зачислении его шофера «Васеньки» кадетом в корпус, на что последовал категорический отказ. Улыбка с его лица исчезла, и взгляд стал откровенно злобный. Потом он предложил устроить для кадет автомобильные курсы вне классных занятий, на что последовало согласие. Чтение лекций поручили полк. Невядомскому, однокласснику генерала по Михайловскому Арт. Училищу. Крег снова исчез и появлялся в лагере только изредка и на короткий срок. У нас шли усиленные занятия, так как пришлось снова наверстывать потерянное время похода и эвакуации. На корпусной праздник после литургии и молебна ген. Черячукин произвел в вице-вахмистры Сергея Климентова и вице-урядников, а затем принимал парад. После завтрака на футбольном поле состоялся гимнастический праздник. Из города приехало масса посетителей. Малыши, задолго до этого, подготовленные полковником Низовкиным, отчетливо проделывали вольные движения, а старшие показали гимнастику на снарядах. Успех был большой, а публика долго им аплодировала. Была почти целиком вся европейская колония Измаилии. Рождество встречали в американской палатке. Приехали английские офицеры. С ними — шотландский оркестр.

Были произнесены приветственные речи англичанами и ответная — ген. Черячукиным. Играл шотландский оркестр на своих «сопелках», а в перерывах хорошо пел корпусной хор. Англичане подолгу аплодировали.

Нам роздали пакеты с апельсинами, орехами, инжиром, печеньем и по плитке шоколада. Пение хора, очевидно, очень понравилось гостям, и на Пасху хор был приглашен в Иерусалим. Это дало возможность кадетам, в сопровождении корпусного священника отца Дмитрия Троицкого, посетить Святые Места и Гроб Господень.

Учебный год закончился в нормальный срок; 7-й класс стал 32 выпуском, но автоматического перевода в следующий класс не было, и многие остались на второй год. Начались каникулы.

К прошлогодним развлечениям прибавилось новое — оркестр.

С Дальнего Востока шел в Бизерту крейсер «Орёл». Бросил якорь против Крокодильего озера. Командир пригласил ген. Черячукина на борт. Узнав, что у нас нет оркестра, подарил излишки своего оркестра и еще одну шлюпку. Трубы оркестра были в плачевном состоянии, но их быстро починили в Измаилии. Недостававшие флейты и кларнеты докупили в Порт-Саиде на дар какого-то богатого измаильца. Капельмейстера не было, но его с успехом заменил кадет седьмого класса Григорий Толоконников. Начались сыгровки, которые тоже были своего рода развлечением. На шлюпке плавали по очереди на рыбную ловлю километров за 20 с лишним, на Пресные озера. Уезжали на несколько дней, а улов отдавали офицерской столовой: для корпусной не хватало. В лагере снова появился Крег, но не с одним только своим автомобилем. К нему арабский гаражист из Измаилии начал привозить старые испорченные автомобили. Крег предложил окончившим курсы теоретически работать для практики. Иначе говоря, стал эксплуатировать кадет, как бесплатную рабочую силу. Заодно начал пропагандировать среди воспитателей идею о никчемности дальнейшего существования корпуса. Предлагал план переименовать корпус в ремесленное училище, заарендовать около Каира громадный участок земли под огороды, на которых кадеты будут днем работать, а по вечерам желающие будут учиться. Воспитатели превратятся в простых надзирателей, но зато будут получать хорошее жалованье. Такие огороды приносят большие доходы. При их согласии он добьется смещения ген. Черячукина с поста директора. Никто из воспитателей на эту удочку не клюнул, за исключением полк. Свечникова, начальника приготовительного пансиона, оставшегося не у дел, т.к. все пансионеры были приняты в первый класс. Этот последний даже не постеснялся написать атаману донос, обвиняя ген.

Черячукина в том, что он якобы на деньги, полученные на нужды корпуса, успел купить в Батуме целый пароход чаю, вывез его в Константинополь и там продал. Деньги, конечно, положил в свой карман. В ответ получил приказ об увольнении в отставку с предписанием немедленно покинуть лагерь.

Крег заинтересовался оркестром и просил пройти с ним по аллее. Сделал несколько снимков и послал счет в Красный Крест, преувеличив раза в три его стоимость. Там ненормальная цена вызвала подозрение, и запросили, наконец, директора. Тут выяснилось, что все, что нам дарили Гаррисон, компания Суэцкого Канала и другие, Крег выдавал за свои благодеяния и посылал на все счета с фотографиями в доказательство. На требование Кр. Креста дать отчет с представлением подлинных документов, Крег нашел очень простой выход. Как-то утром, минут за десять до подъема, часовой зазвонил тревогу, и выскочившие из палаток кадеты первой сотни увидели дым, идущий из Креговского барака. Схватили противопожарные ведра, стоявшие около всех барачных, и, устроив цепочку к озеру — шагов сто примерно — быстро потушили начало пожара. Крег отписал, что вся отчетность, хранившаяся в его канцелярии, сгорела. И вскоре снова исчез, как думали, навсегда — после такого скандала.

На корпусной праздник был обычный парад и производство, но вице-вахмистра в этом 33-м выпуске не было, оставался один Климентов, произвели только вице-урядников. Перед Рождеством командир английского полка Ysserey, переведенного из Измаилии в Каир, прислал директору приглашение для сорока кадет провести праздник в Каире, предоставляя ночлег и питание в казарме полка. От каждого класса выбрали по пять лучших учеников, и этим счастливым удалось провести волшебную неделю. Встреченные на вокзале полковым оркестром, кадеты под музыку прошли в казарму, которая по сравнению с Новороссийской казалась роскошным отелем. В первый же день посетили цитадель и в ней мечеть Магомета Али, его дворец и даже гарем. Второй день пришлось просидеть в казарме. В городе происходили противоанглийские демонстрации и беспорядки. Из окон казармы мы наблюдали, как на огромном дворе играло сразу по три команды с каждой стороны в футбол. Время от времени ворота открывались, въезжал грузовик, и из него на землю сыпались арабы. Грузовик уезжал, а наблюдавшие за игрой в футбол зрители-солдаты окружали арабов и давали им «урок бокса», после которого они бегом вылетали за ворота. Эта сцена повторялась несколько раз. На следующий день побывали на пирамидах Хеопса и Хефрена. Сфинкс был в то время занесен песком по шею, и мы легко взобрались на его спину и засняли на фотографию. Долго прислушивались, как он поет. О пирамиде Хеопса мы уже подробно все знали из лекций русского ученого египтолога профессора Лукьянова, приехавшего в Измаилию. В следующие дни посетили зоологический сад, археологический музей, французский лицей и даже побывали в театре на опере «Евгений Онегин», исполнявшийся киевской оперной труппой, оказавшейся в Египте. Пишу всюду «мы», потому что я был в числе этих сорока кадет. Археологический музей в то время не был открыт для публики, но нам удалось там побывать, благодаря содействию проф. Лукьянова. Пирамиды и музей оставили неизгладимое впечатление. Гробница Тут-Анк-Амона еще не была открыта, но и без этих сокровищ музей был полон всяких предметов домашнего обихода и утвари и драгоценных украшений. Профессор Лукьянов запросто читал иероглифы на барельефах саркофагов и переводил содержание папирусов. Перед нашими глазами проходила жизнь людей, живших многие тысячелетия тому назад. Поразила мумия одного фараона, не помню уже какой династии, у которой была размотана повязка, — широкий бинт на логове и на правой руке. Лицо было белое, породистое, нос с легкой горбинкой и рыжая бородка и волосы до плеч. Рука была маленькая с тонкими пальцами и хорошо сохранившимися ногтями. Невдалеке стояли большие чаши с зернами пшеницы и белые круглые хлебы. Хлебы были такого же цвета и размера, как мы получали из интендантства. Посеянная же пшеница проросла и дала урожай, как если бы она пролежала всего несколько лет. Другая забавная деталь: нашли счета фараоновских строителей пирамид. В статье расходов была указана огромная цифра, истраченная на покупку чеснока для евреев, работавших на постройке пирамид.

Но всему приходит конец, и вот мы вернулись в лагерь и начали снова заниматься... Все пошло своим чередом до марта месяца, когда в лагере снова появился Крег. Он ликвидировал свои автомобили и, уже никого не представлявший, начал предлагать ген. Черячукину свои планы. Он берется перевезти корпус в Канаду, при условии его переименования в гимназию и предоставления ему поста административного директора, упирая на то, что корпус все равно дальше существовать не сможет. Английское правительство передает находящихся на его иждивении беженцев (гости английского короля), в ведение Лиги Наций, которой уже отпущены кредиты на расселение их и устройство в славянских странах. Зная моральный облик этого пастора, генерал Черячукин отказался входить с ним в какое бы то ни было соглашение. Пригрозив, что ему придется в этом раскаиваться, Крег убрался. В апреле пришло официальное распоряжение о переезде корпуса в Александрию для погрузки на пароход «Сити оф ОКСФОРД» и дальнейшего следования через Кипр в Болгарию и перехода в ведение Лиги Наций.

Пароход «Сити оф Оксфорд» был раза в три-четыре меньше парохода «Саратов», а нас уезжало теперь раза в два больше (вместе с беженцами). Верхняя палуба парохода была очень маленькой, и мы по утрам не выстраивались на молитву, как это было на «Саратове».

На Кипре пароход зашел в Лимансоль. Там к нам присоединились семейные беженцы и отплыли в Константинополь. Пароход был старый, небыстроходный. Погода стояла хорошая, и не было качки. На пароходе воцарилась веселая, беспечная атмосфера. Среди пассажиров были родители кадет, приехавших к нам с Кипра. Во многих семействах были барышни, завязались знакомства, и по вечерам на верхней палубе танцевали под корпусной оркестр. Не заметили даже как прошли Дарданеллы, вот и Константинополь и дальше по Босфору к Черному морю. Перед выходом из Босфора на легком повороте, около местечка Тэрапия пароход стал отклоняться к левому берегу и остановился, бросил якорь. От берега к нам подошла небольшая баржа, и на борт парохода поднялся Крег.

Он объявил директору, что Лига Наций поручила ему всех кадет, которым еще не исполнилось 16 лет, определить в английскую школу «Бритиш скул фор рашин бойс», помещавшуюся в Буюк-Дэрэ в летней резиденции Российского Императорского Посольства, против которой мы как раз и стояли. Черячукин ответил вполне резонно, что у кадет есть родители, которые их доверили ему, а не Крегу, и что Лига Наций не в праве ими распоряжаться без его согласия.

Приказание высаживаться он не отдаст. Крег начал вызывать кадет по списку, который у него уже был, и спрашивать, хотят ли они поступать в эту школу? Желающих не нашлось, и Крег уехал в Константинополь... На следующий день он вернулся в сопровождении первого секретаря английского посольства в Константинополе Кристи и наряда вооруженной полиции. Попросил снова Черячукина воздействовать на кадет, чтобы они слезли добровольно. Генерал снова отказал. Тогда полицейские начали хватать самых маленьких и тянуть их к сходням. Пассажиры парохода попросили Черячукина приказать оркестру сыграть «гимн», чтобы продемонстрировать свою солидарность. Раздалось — «Боже ЦАРЯ Храни», и все замерли на своих местах. Остановились и полицейские. Все это было видно и слышно на берегу. А когда первая баржа отошла, оркестр снова заиграл «Коль Славен». На вернувшейся к пароходу пустой барже прибыл Симмонс и упросил Черячукина поехать с ним и осмотреть все здания и парк, уверяя, что все смогут закончить образование в хороших условиях, так как директором по учебной части является он, а Крег всего лишь помощник Черчворда, директора административного, и вся его миссия состоит в сборе денег и пожертвований для школы в Англии. Генерал согласился и съехал посмотреть здания и расположение будущей нашей школы. Когда нас при участии не турецкой, а английской полиции, высадили с парохода на баржу, то, подъехав к маленькой пристани против главных ворот летней резиденции Русского Посольства, мы высадились на пристань, немного прошли по набережной до крайнего слева прекрасного трехэтажного дома. (Позже мы узнали, что в нем раньше

помещалась канцелярия Рус. Посольства и семьи лиц, служивших в этой канцелярии). Повернув направо, мы обошли этот дом с левой его стороны и через калитку вошли во двор. Пока ген. Черячукину показывали все будущие наши помещения, мы успели облазить и осмотреть весь большой двор. Когда-то все это было великолепно — сплошная Эллада: портики, громадные вазы, много мраморных статуй, различных древних греческих богов... Теперь (когда мы осматривали) все это было запущено: только задняя стена дома была вся в цветущих розах.

После осмотра расположения школы генерал вернулся к нам. Мы выстроились фронтом к лицевой стороне дома. Наш 5-ый класс рыл на правом фланге, против входной калитки. Генерал стал посредине, против нашего фронта, рядом с ним (справа) стал мистер Симмонс, а позади него — мистер Черчворд (административный директор и его будущая жена, София Александровна, в то время экономка). Крег «маячил» где-то на нашем левом фланге, стоя вполоборота. Ген. Черячукин наш «Дедусь», обратился к нам с прощальной речью. С тех пор прошло очень много времени. Передать точными словами эту речь, конечно, я не могу. Но, приблизительно, я ее еще помню.

«КАДЕТЫ! По воле неизвестных нам темных сил, Вы воспитанники Славного Донского Кадетского Корпуса (Подчеркнуто голосом) попадаете в руки международных дельцов, выполняющих неизвестные нам, чьи-то тайные распоряжения. Воспротивиться ЭТОМУ и Вашему распылению и как я хотел сохранить весь корпус целиком — я не мог: это было не в моих силах. Единственным для меня, хотя и весьма слабым утешением, может послужить то обстоятельство, что Вашим учебным директором, новой для Вас школы будет мр. Симмонс, известный в России преподаватель английского яз. в Пажемском Корпусе. Верьте мне, что я Вас никогда не забуду... На прощание с Вами, в лице одного кадета, Вашего приятеля, целую Вас всех...» «Наш Дедусь» поцеловал, стоявшего перед ним Виктора Беликова.

Резко повернулся и быстро пошел от нас. Все мы, конечно, видели слезы на глазах у «нашего доброго Дедуся»... Так мы его прозвали с первых дней его появления у нас в Новороссийске.

Герасимов

35-го вып. Донского Корпуса Париж

ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА 34-ГО ВЫПУСКА А. ФИЛИНА

В 1916 году я поступил в первое отделение первого класса Донского корпуса. В этом году первый класс имел три отделения.

До 1919 года воспитателем у нас был войсковой старшина Туроверов. После его назначения на фронт, в действующую армию, наше отделение принял полк. Греков, бывший воспитателем включительно по 1921 год, когда он стал командиром сотни, вместо умершего в Египте полк. Артамонова.

Объяснение. Когда в 1903 году я поступил в корпус, в это же время воспитателем третьего отделения был подьесаул Греков, уральский казак, носивший желтый лампас. Небольшого роста, кругленький, толстенький, с брюшком, — был очень похож на птичку и... из-за желтых лампас его прозвали «канарейкой». Курил он папиросы и любил обманывать кадет. «Максим, хочешь потянуть разок», — спрашивал он, — «Так точно, хочу», — отвечал Максим. — «На, кури, но только раз», — говорил Греков и протягивал папиросу Максиму. Не ожидая никакого подвоха со стороны Грекова, Максим (или другой кадет) готовился «потянуть» раз, другой. И... в последний момент «канарейка» подставлял свой указательный палец правой руки... Результат — общий смех. (М. Бугураев.)

Место полк. Грекова занял пор. Карнажицкий и вскоре (в 1921 г.) его заменил полк. В.Н. Биркин, вернувшийся из больницы.

Биркин был последним воспитателем этого класса, т.к. Египетская часть корпуса (1-ый Донской корпус) была расформирована в начале 1922 года. Восьмой класс (32 вып.), седьмой класс (33-ий вып.) и шестой класс (34 вып.) были перевезены в Болгарию.

Младшие же классы (до 5-го класса) были влиты в Британскую Школу для Русских детей в Буюк-Дэрэ на Босфоре, в Турции.

Из моего шестого класса, при перевозке в Болгарию, семь человек было оставлено в Буюк-Дэрэ, образовав таким образом седьмой класс школы. Эти кадеты были: Н. Беляев, К. Голубинцев, А. Косоротов, Н. Котовросов, А. Лавров, А. Филин и А. Хохлачев. К ним присоединился Раевский (не кадет).

Эти восемь человек закончили семиклассную школу в 1922/23 году. Привожу список кадет 4-го класса 1-го отделения в 1919/20 году в Новочеркасске.

- *1. Александрин
2. Белоусов
3. Бугураев, Глеб
4. Васильев
- *5. Говорухин
6. Герасимов, Иван
7. Губарев, Павел
- *8. Долгопятов
9. Донецкий, Леонтий
- *10. Духопельников, Борис
11. Иванов, Борис
12. Ключев, Александр
- *13. Котоврасов, Николай
14. Крапивин, Анатолий
15. Ленивов
16. Мануйлов
- *17. Миронов
- *18. Наполов
- *20. Никулин
21. Персидсков
22. Пивоваров, Арсений
23. Попов, Василий 105-ый
- *24. Попов, Михаил
25. Писарев
26. Раздоров
- *27. Рындин Александр
28. Савальев
29. Семерников
- *30. Талалаев, Владимир
31. Тарасов
32. Титов
33. Трофименков, Александр
- *34. Филин, Аркадий
- *35. Хохлачев, Андрей
- *36. Чернозуков
37. Ярон

Из этого става прибыло в Египет всего лишь четырнадцать кадет (отмечены в списке *) с воспитателем, полк. Грековым. Остальные из приведенного списка, попавшие в Египет, прибыли позже с островов Кипра и Лемноса, а также из других мест. Полк. Греков стал командиром третьей сотни.

Из Новочеркасска корпус выступил, в составе второй и третьей сотен, приблизительно, в шесть часов вечера, 22-го декабря 1919 года (ст. стиля).

Директор, ген. Чеботарев, жена которого умерла от тифа незадолго до отступления, имел в своем распоряжении небольшую коляску. К нему присоединилась семья его

родственников и бывший директор ген. Лазарев-Станищев. Имелось несколько подвод, на которые подсаживали усталых малышей кадет. Остальные кадеты шли походным порядком в строю. До станицы Кагальницкой и я шел в строю, а затем все время похода до ст. Куцевки находился при отце. Отец, как казначей, делал закупки провианта и разыскивал помещения для остановок корпуса. Фактически он исполнял должность и эконома Попова, который прихварывал.

Корпус выступил походным порядком, а не эвакуировался поездом, т.к. директор боялся, что красные могли отрезать нам путь.

Последний Директор корпуса в России
ген. П.Г. Чеботарев (1918-1920)

В Куцевке корпус погрузился в товарные вагоны и прибыл в Новороссийск 3-го января 1920 года.

В Новороссийске корпус расположился в старой казарме. Помещение было в плохом состоянии. Кормили нас из солдатского котла и пища была хорошая, за исключением хлеба, который вообще отсутствовал в Новороссийске.

Директор, канцелярия корпуса, казначей, ген. И. Рыковский, преподаватель Рая с сыном, расположились в частном доме недалеко от казармы. Я тоже перешел к отцу.

Директор, ген. Чеботарев, занимал одну комнату; вскоре заболел тифом и умер. Все остальные занимали вторую комнату; канцелярия была внизу. В ту зиму дул небывало холодный норд-ост и кадеты сильно мерзли в каменной казарме.

При отходе из Новочеркасска к нам присоединился г-н Аладьин, депутат Государственной Думы. Он прекрасно говорил по-английски и был очень расторопный человек, и сыграл значительную роль в устройстве эвакуации корпуса из Новороссийска. Он разыскал и привел к нам в канцелярию англичанина Роланда Крег, который и помог корпусу, в последний момент, втиснуться на пароход «Саратов».

22-го февраля 1920 года утром корпус был доставлен на пристань, где под наблюдением английских солдат мы все выкупались в горячей русской бане и отдали свою одежду для дезинфекции, получили кое-какое английское обмундирование и под вечер, взошли на палубу парохода. Расположились, частично, в трюме, а большей частью на палубе. Перед сумерками, при тихой, прохладной погоде, корпус покинул Родину.

Первым вышел пароход «Херсон», а за ним «Саратов». В Константинополе стояли несколько дней; на берег сходили только новый директор ген. Черячукин, переводчик Г. Чеботарев и казначей.

Затем останавливались на два дня в бухте острова Кипра и прибыли в город Александрию 11 марта 1920 года.

По прибытию были отправлены в карантинный лагерь Сиди-Башр возле Александрии. Тифозные были отправлены в больницу под командой полк. В. Биркина,

остальные прошли снова карантинную процедуру в прекрасно устроенном помещении (не хватало только горячей воды) и на следующий день погрузились на поезд.

Через несколько часов прибыли в беженский лагерь Тель-ель-Кебир. Некоторое время прожили в общем лагере, встретили там Пасху, а затем директор, при помощи англичан, получил для корпуса отдельный лагерь с маленькими круглыми палатками и двумя бараками. Эти бараки были употреблены как столовые и классы, — здесь мы снова начали занятия.

Так как почти все преподаватели остались в Новочеркасске или отстали, то с нами в Египте оказались лишь Рая (немецкой) и Фофанов (географ). Поэтому педагогический состав был пополнен из беженского лагеря.

Через пару месяцев английские власти перевели корпус в новое место: гор. Измаилию на берегу озера Тимзах и Суэцкого канала. Разместили нас в лагере «Ферри-Пост» в километре от самого города.

Список моего класса (34-вып.) в Египте:

1. Александрин
2. Беклемишев (млад.)
3. Белопольский
4. Белоусов (ост. в 4 кл.)
5. Беляев
6. Будников
7. Букин, Петр
8. Вениосов, В.
9. Голубинцев, К.
10. Говорухин
11. Демидов
12. Денисов
13. Долгопятов
14. Дуброво, Вл.
15. Карлов
16. Кононенко
17. Косоротов, Андрей
18. Котоврасов, Н.
19. Лавров, Артемий
20. Левчак
21. Лукьянов
22. Матвеев
23. Миронов
24. Наполов
25. Никулин
26. Пивоваров, Арсений
27. Писарев
28. Полковников (стар.)
29. Полковников (млад.)
30. Попов, Михаил
31. Похлебин (млад.)
32. Процыков
33. Родионов, Вл.
34. Родионов, Сергей
35. Романецков (ост. в 4 кл.)
36. Рындин, Андрей
37. Савин, Юрий
38. Сочивец
39. Талалаев, Вл.
40. Трофименков, Александр

41. Филин, Аркадий
42. Харламов
43. Хохлачев, Андрей
44. Хрипунов
45. Чернозубов, М.
46. Духопельников, Бор.
- 47.

Служащие корпуса в Египте:

Директор — ген. А. В. Черячукин (с женой, сыном и дочерью).
Переводчик — Хорнунжий Г.П. Чеботарев.
Адъютант — штаб-капитан Барановский.
Инспектор классов и препод. истории полк. Н.В. Суровецкий.
Командир 1-ой сотни ген. Ф. И. Леонтьев
2-ой — полк. Г.Ф. Филин (после смерти п. Артамонова).
3-ей — полк. Греков.

Воспитатели:

Полк. В.Н. Биркин
Есаул Бирюков (восп. 35-го вып..)
Ген. П. Еманов (уехал в Югославию)
Пор. Карнажицкий (восп. 34-го вып.)
о Пор. Карташев
Полк. Катарский
Есаул Крюков
Полк. Л.М. Кутырев
Полк. А.М. Низовкин
о. Ген. Свечников
Есаул Соковников
В. стар. П.Д. Хмарин
Преподаватели:
Н. Верушкин — пение
Полк. Кумшацкий — математика
М-ме Ляшиш — французский
Полк. П.Р. Невядомский — английский.
Рая — немецкий
Полк. Н.В. Суровецкий — история
Фофанов — география
Проф. Черевков — ест. история
Щепкина-Куперник — рисование
О. Петр. Голубинцев — Закон Божий

Административные служащие:

Александров — доктор
Ольга Павловна — сестра
о. Дора Карташева — сестра
Маноцков — эконоом
Мельников — портной и повар
Степан — повар
Толокновы (мать и дочь) — швеи
Крег Роланд — предст. Англ. власти.
Англ. сержант и два солдата
Жизнь в Египте уже описана другими. Мой класс (поступления 1916 г.) закончил программу 4-го и 5-го классов
Примечание: о Уехали в Абиссинию.

В фамилии «Карташев» не уверен, также не уверен в фамилии «Черевкова».

И будучи в 6-ом классе, весной 1922-го года, покинул Египет на пароходе «Сити оф Оксфорд» для высадки в Болгарии. Причина вывоза была официальное окончание военного положения английской армии и потому ее сокращение. Армия не могла больше отпускать средства на содержание корпуса. Поэтому, власти при помощи благотворительных организаций образовали в Турции две школы для русских детей: для мальчиков в Буюк-Дэрэ на Босфоре, а для девочек на острове «Проти» в Мраморном море. Кадеты корпуса до 5-го класса были высажены в Буюк-Дэрэ и влиты в эту школу. Это было сделано вопреки требованию директора Черячукина, который хотел вывести корпус целиком в Болгарию или же в другую (славянскую страну) и сохранить таким образом корпус. Но сила была на стороне мистера Крега, и пять младших классов остались в Турции, а 6-ой, 7-ой и 8-ой классы, вместе со служащими корпуса, отправились в Болгарию. Из 6-го класса были оставлены в Буюк-Дэрэ семь кадет, а из учителей Л. М. Кутырев, Кумшацкий, Фофанов, доктор Александров, повар Степан и Мельников (портной). В Болгарии, служащие и 8-ой класс были переведены на иждивение Международного Красного Креста с весьма скудной помощью. Многие перебрались в Чехию, Францию и Бельгию, где закончили высшие заведения. 7-ой и 6-ой классы устроились в гимназию для русских в г. Шумене (Болгария). Воспитатели и служащие были предоставлены самим себе и устраивались, кто как мог. Мой отец, полк. Г. Филин переехал в Югославию в г. Билечу. В начале устроился как заведующий пекарней, а затем был сотенным командиром 2-ой сот. до 1931 г., а в 1932 г. по болезни ушел в отставку.

А. Филин

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Офицеръ-воспитатель Донского ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го кадетскаго корпуса, Войсковоу старшина Георгій Ѳеогніевичъ ФИЛИНЪ состоялъ съ 1-го сентября 1903 года по 1-ое июня 1904 года на Педагогическихъ курсахъ при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, учрежденныхъ согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного, 1-го мая 1900 года, постановленія Военнаго Совета, объявленнаго въ приказе по военному ведомству отъ 15 июня 1900 года № 213, и въ теченіе своего пребыванія на курсахъ, во-первыхъ, изучалъ физиологію, школьную гигиену, начала логики и психологіи и исторію развитія педагогическихъ идей; во-вторыхъ, изучалъ действующія ныне инструкціи по учебной и воспитательной частямъ для кадетскихъ корпусовъ; въ-третьихъ, изучалъ некоторыя спеціальныя сочиненія по психологіи и педагогике, реферируя ихъ въ соединенномъ засѣданіи конференціи курсовъ и всехъ слушателей оныхъ, и, въ-четвертыхъ, ознакомился съ практическими занятіями, входящими въ пригготовительный курсъ физики и естественной исторіи для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

По произведенному въ конце учебнаго года испытанію, согласно ст. 18 Положенія о курсахъ, объявленнаго въ приказе по военному ведомству 1900 года № 213, знанія Войскового старшины ФИЛИНА по указаннымъ въ ст. 15 того же Положенія предметамъ оценены:

По физиологіи Отлично.

По школьной гигиене Отлично.

По началамъ логики и психологіи Хорошо.

По исторіи развитія педагогическихъ идей Удовлетворительно.

Принимая во внимаше, что и все рочія занятія на курсахъ исполнены войсковымъ старшиною ФИЛИНЫМЪ удовлетворительно, конференція постановила признать его успешно окончившимъ Педагогические курсы для подготовленія къ воспитательской деятельности въ кадетскихъ корпусахъ.

«6» сентября 1904 года.

№ 118.

Главный Начальникъ

военно-учебныхъ заведений,
Генераль-Адъютантъ КОНСТАНТИНЪ

Председатель конференціи курсовъ,
генераль-лейтенантъ (неразборчиво)

Начальник 2-го отделения,
генераль-маіоръ (неразборчиво)

Печать Круглая съ Императорскимъ гербомъ

УХОД КОРПУСА ИЗ НОВОЧЕРКАССКА

Эти воспоминания были присланы Мих. Алекс. Саринуву, который, при своём отъезде на юг Америки, передал их мне. Они печатаются в книге с большим сокращением.

«В 1919 году накануне Рождества стало известно, что наш фронт сильно откатился и Новочеркасску грозит эвакуация. Занятия в корпусе полностью прекратились. Кадеты 1-ой сотни несли постовую службу на перекрёстках ближайших улиц к корпусу. Их обязанность состояла в проверке документов у прохожих в вечерние часы. На 21-ое декабря была назначена погрузка в поезд кадет младших классов и корпусного имущества из складов. Но в этот день погрузка не состоялась.

22-го декабря 2-ая и 3-я сотни, частью на подводах, а частью пешком, покинули столицу Всевеликого Войска Донского. 1-ую сотню назначили охранять архивы и склады Войскового Штаба. Это был длиннейший, чуть ли не в 10 вёрст, обоз.

22-го декабря 1-ая сотня выстроилась на Соборной площади, перед памятником Ермаку. Стоял трескучий мороз с сильнейшим ветром. Никому не думалось, тогда, что до самых седин не увидят они больше дорогой им силуэт, вливавший столько гордости в сердце каждого донца.

«Правое плечо вперёд, шагом марш!», — раздалась команда, и сотня двинулась пешим строем в направлении станицы Ольгинской... Около 20-ти вёрст удалось проделать на подводах. От Мокрого-Луга до самой Ольгинской все шли пешком.

Здесь встретили невеселое, полуголодное Рождество и двинулись на Кубань, в направлении ст. Екатерининской. По дороге едва избежали возможности боя. Кубанцы, объявившие нейтралитет и опасавшиеся репрессий со стороны большевиков, хотели разоружить сотню... Но увидев, что сотня оцетинилась штыками и готова к бою... попросили кадет как можно скорей очистить станицу. Сотня двинулась на Павловскую, где в то время сосредоточивалась Донская Армия. В Павловской простояли месяц. По приказу Донского Атамана все 7-миклассники, с их офицерами, были откомандированы в Атаманское Военное Училище. А кадет 6-го класса поездом отправили в Екатеринодар. Там пробыли около двух недель. В одном из госпиталей, в это же время, умер донской герой ген. К.К. Мамантов. (Это было 1-го февраля. М. Бугураев).

Ещё по дороге к Екатеринодару среди кадет начал свирепствовать сыпной тиф, который косил налево и направо. Переболели около 50%, многих похоронили: в одном Екатеринодаре осталось шесть могил.

Поход наш был очень трудный: без денег, без походной кухни, голодные, не раздеваясь, обмёрзшие, сплошь больные, с растёртыми ногами... А самое ужасное из всего — это масса вшей...

Теперь вернёмся немного назад и скажем о наших малышах...

Как мы уже знаем, 2-ая и 3-я сотни выступили походным порядком из Новочеркасска. Часть пути — между Ростовом и Кушевкой месили грязь, а часть пути проделали на подводах. Холода стояли невообразимые, а грязь была невылазная. Где-то в пути нас догнал Атаман и сказал о безвыходном положении отступающих институток «смолянок»... (О донском Мариинском — позаботились). Девочкам приходилось шагать по грязи. После разговора с Атаманом кадеты часть подвод уступили институткам.

Кадеты 6-го класса в первой половине февраля прибыли в Новороссийск и соединились с «малышами» — 2-ой и 3-ей сотнями. Разместили нас в здании Городской Управы.

Мы, малыши, спали в каком-то, похожем на казарму, помещении. Почти все стёкла в окнах были выбиты, и внутри разгуливал новороссийский норд-ост. Этот милый ветерочек иногда способен согнать с горы в море под воду с лошадьёю и возницей вместе. В этом же помещении лежали и больные тифом... и на всю казарму была одна печка: дров нам давали очень мало. Все жались под одеялами, и шинелями, согревались, кто как мог. К тому же все были подавлены смертью директора ген.-лейт. П.Г. Чеботарёва. Его любили все кадеты. Он заменял нам всё! Для нас он был и командир, и отец родной. Как человек, говоривший на нескольких языках, он особенно нам был нужен в это время, когда приходилось вести переговоры с иностранцами.

При его погребении первая сотня отдала последний салют из винтовок...

В Новороссийске нам пришлось пережить и «тревогу», когда на город неожиданно напали «зелёные». (Это просто сказать — дезертиры из воинских частей. М. Б.)

Как после выяснилось, целью их нападения была городская тюрьма, где сидели их арестованные сотоварищи. Комендант города вынужден был обратиться за помощью к 1-ой сотне. Сотня вышла «на линию», многие кадеты еле держались на ногах после тифа, но всё же решили лучше идти в бой, чем попасть в руки неприятеля. Всё обошлось благополучно... «Зелёным» удалось освободить своих товарищей и уйти в горы... Часов в восемь утра продрогшие кадеты возвратились в помещение к себе.

Эвакуация Новороссийска, несмотря на ходившие о ней слухи, началась, в общем, неожиданно. 22 февраля было приказано построиться, со всеми вещами и быть в полной готовности... На грузовики были погружены: склад, цейхгауз и денежный ящик с нарядом кадет, под командой ген.-м. Ф.И. Леонтьева. Остальные в пешем строю должны были двигаться в неизвестном направлении. Выздоровливающие после тифа тоже плелись кое-как со строем. Привели всех на набережную. Приказано было раздеться, оставить свои вещи и идти принимать горячий душ в портовой бане. Этой операцией пришлось заниматься при всём честном народе, которого в тот день на набережной было много. Сразу же после душа приказали пригонять новое английское обмундирование. Душ оказался очень холодным, а погода стояла совсем не тёплая и можно себе представить, какая была пригонка обмундирования: надевали что попало и как попало, лишь бы спастись скорее от страшного холода. После этого все должны были пройти английскую медицинскую комиссию. Многие из кадет боялись показать комиссии свои, истощённые голодом и сыпняком физиономии и, надеясь на кадетское братство, просто стояли за углом и комиссии не показывались. Всё прошло благополучно...

Наспех сделали какую-то прививку. Некоторым «ловчилам» удалось сохранить своё кадетское обмундирование.

Пароход «САРАТОВ» с утра разводит пары.

Наконец, кадеты по сходням поднимаются на «Саратов». Сбоку стоит наш новый директор ген. А.В. Черячукин. Кадеты грузятся в полном порядке, а вокруг шум и суматоха... Окончив погрузку «Саратов» медленно отшвартовывается... и всё дальше уходит в Черное море... Кончается Февраль 1920-го года.

НА «САРАТОВЕ»

Кадеты и беженцы-старички, женщины, дети, раненые и больные, заполнили все уголки... Кормят коряво. Галеты червивые. Малыши с завистью поглядывают на «богачей», у которых какими-то судьбами завелись вдруг большие банки австралийских консервов с зайчатинной: хочется есть. Ходят слухи о том, что команда парохода настроена большевистски и, будто, не желает вести судно в Константинополь. Поговаривают, будто взводу кадет, во главе с энергичным генералом Черячукиным удалось «переубедить» команду. Новые впечатления, море, многими дотоле невиданное, общее состояние возбуждённости и слухи, слухи, слухи... И вши, вши, вши...

За кадетами присмотра почти никакого, да и какой тут может быть присмотр? Чуть ли не половина персонала в постели, больны. Кроме того, за каждым не усмотреть. Ведь это только вначале думали, что спать будем по классам, да не вышло. Произошли перемещения. Беженцы, почему-то, оказалась в нашем трюме, а некоторые малыши перебрались на палубу и спят в самых невозможных местах, как например, в спасательных шлюпках, откуда их гонят, но они, как ваньки-встаньки, снова оказываются там, как будто ни в чём не бывало.

Морская болезнь уложила многих в постель. А на малышей морская болезнь, как будто, и не действует, им нипочём.

В ПУТИ

Вскоре стали говорить, что мы уже недалеко от Босфора. Некоторые думали, что нас повезут в Крым — исчезла и последняя надежда. Значит всякая связь с Россией пока что прервана.

Приближается берег. Кто-то бывалый объясняет — вот летняя резиденция русского посольства, Буюк-Дэрэ, а вот там дальше — Еды-Кей, семибашенный замок...

Это и есть Стамбул... Беготня на палубе, суматоха. «Сейчас в город поедем!» — «Как, по классам, что ли, отпускать будут?»

На «Саратове» взвился жёлтый, карантинный флаг. У борта вода кишит лодками. На них «кардаши» — турки торговцы в фесках: кричат, надрываются, предлагают хлеб, фрукты, сласти... Мы спускаем им деньги на верёвочке. «Керенки» почти не идут, а «колокольчики» и царские (деньги) в почёте. Но много у «кардаша» не получишь. Сотни рублей уходят на плитку шоколада, какую-нибудь связку винных ягод и пачку сигарет.

Сколько времени мы там стоим — не помню. Помню, что на берег спускают только директора корпуса и его переводчика, хорунжего Чеботарёва, он же и адъютант.

Тут же выясняется, что он сын покойного директора, ген.-лейт. П.Г. Чеботарёва. Ночью проходим Дарданеллы. Стою у борта, силуюсь рассмотреть, что они собой представляют, но ничего не видно... темень.

А утром светит чудесное, яркое солнце... Давно пройдены Принцевы острова. Мы уже стоим около острова Кипра. Но жёлтый флаг — плохая визитная карточка: с ней не пускают никуда. Гостеприимные жители швыряют на борт апельсины, размером в добрую дыню, но со слишком толстой кожурой. Таких апельсинов раньше мы не видали. Набираем воду, уголь, ещё какие-то припасы. Вдруг распространяется слух, что губернатор острова решил нас разоружить. Старшие кадеты возмущаются: «Не отдадим оружие, с ним пробивались!» Некоторые — с возмущением и руганью бросают винтовки и шашки в воду. Кто-то кричит, что англичане оружие отбирать не будут, но кадеты успели бросить три шашки и пять винтовок.

«Саратов» снимается с якоря, мы снова в открытом море. Совсем скоро перед нами вырисовываются очертания берега и белого города. Это Александрия...

Оказывается, и здесь нас просто так принять не могут, сначала повезут куда-то дальше. Нас выгрузили и кадеты караулят поезд с нашими вещами. Остальных везут в какой-то лагерь недалеко от города. Это местечко Сиди-Башр. Здесь обычно держат в карантине грязных арабов и богомольцев из Мекки. Нам надо сбрасывать с себя всё обмундирование и все вещи сдавать в дезинфекцию.

Мы бродили в больничных белых халатах из барака в барак. Мечтали, что нас потом отпустят в Александрию.

В Вербное Воскресение лагерь посетил сам патриарх Александрийский. Торжественная служба шла под открытым небом. Прекрасно поёт кадетский хор, греки с изумлением слушают. Патриарх лично оделял всех пальмовыми ветвями. Как необычно после наших вербочек.

Не помню, сколько времени мы пробыли здесь, в Сиди-Башре. Туманным утром шла погрузка, в вагоны. «Господин есаул, куда повезут?» — спрашивали кадеты.

«В Высокое Солнце!» весело объявлял есаул. Недоуменные рожицы... «А это — с арабского. Так называется местечко-Тель-Эль-Кебир...»

ТЕЛЬ-ЭЛЬ-КЕБИР

«Высокое Солнце». Солнце жестокое, немилосердное. Наш лагерь в Ливийской пустыне. Мы располагаемся в палатках. Беженцев с нами уже нет. Солнце палит нещадно...

Через несколько дней весь корпус выстроен и встречает группу Англичан. Впереди небольшого роста генерал, за ним адъютанты, наш директор, а с ним хорунжий. Чеботарёв, Григорий Порфиорович. Генерал здороваётся, обходит по фронту... Как видно доволен: на лице улыбка, что-то говорит своим адъютантам, потом горячо пожимает руки генералу Черячукину и хорунжему Чеботарёву. Все улыбаются... Только из книги профессора Принстонского Университета Чеботарёва «Россия — моя родина», выпущенной в США на английском языке, я узнал (писал Н. Воробьёв), что именно этому посещению Главнокомандующего Британскими вооружёнными силами в Египте, ген.-лейт. Сэра Уолтера Норрис Конгрив, мы обязаны были тем, что из малоприветливого оазиса в Ливийской пустыне нас вскоре перевели в благодатный край на берега Суэцкого канала, поблизости от города Измаилии.

А позже нам стало известно, что Лэди Сесилия, жена ген. Конгрив всемерно помогала нашим соотечественникам, приискивая им работу и всячески облегчая их участь. Евгения Анатолиевна Селенс-Маркова, дочь кадета, николаевца, офицера и писателя — была председателем благотворительного английского общества. (В Египте в июле 1921 года насчитывалось более трёх тысяч русских беженцев).

ИЗМАИЛИЯ

В Измаилию, вернее в лагерь Ферри-Пост, что означает «Паромная станция» мы прибыли под вечер, когда уже темнело. Переспали кое-как в палатках... Проснувшись, увидели вокруг стройные ряды палаток. С удивлением я узнал, что с сегодняшнего дня каждый будет счастливым обладателем двух одеял и подушки. Все осознали, что нет больше вшей, что ярко светит солнышко и что жизнь — не плохая шутка в 12 лет. Завтрак был непривычно-обильный: оказалось, что теперь мы получаем полное довольствие английского солдата. Неплохой кусок бейкона, достаточно хлеба, варенье, чай — живём!

Палатки были расположены по сотням, по классам. Лагерь — почти правильный квадрат, лежащий на берегу Лэйк-Тимсах (Крокодилье озеро). Никаких крокодилов в наше время в озере не водилось. В пяти минутах ходьбы — Суэцкий канал, разрезавший Крокодилье озеро на две части. В одной половине лагеря, за палатками 1-ой сотни — тростниковые бараки. Там кухни, столовые, библиотека, портняжная, учебные, бараки, церковь, дальше штабной барак (большой), в нём же английский склад обмундирования. Дальше — палатки персонала, палатка госпиталь и примыкающая к нему палатка адъютанта корпуса — хорунжего Чеботарёва. Вдоль лагеря и озера вьётся шоссе, одним концом упирающееся в паромную станцию на канале. Здесь, возвышаясь над каналом, стоит красивое здание во французском, колониальном стиле — французский госпиталь, обслуживавшийся сестрами-монашками. Вдоль шоссе, почти сразу же за лагерем, по ту сторону канала, шли лагеря британских полков. Там стояли полки Суррийский и Миллсекский. В первые же дни непосредственно к нашему лагерю примыкал ещё лагерь индусов и бурмийцев. Интересно было слушать по ночам окрики часовых: «Гач хабудариан!», и немного погодя, русское: «Стоять! Кто идёт?»

Вечером следующего же дня (после разгрузки) мы, компания малышей, по собственному наитию решили отправиться в гости к соседям-индусам. Любопытно было разглядывать их безулыбочные бронзовые лица, их тюрбаны и слушать их гортанную речь... Отправились туда мы не с пустыми руками: несли сахар, сыр, ещё что-то, надеясь разжиться табачком... Наши продукты, вероятно, не были особенно нужны, но из

вежливости индусы их взяли. Мы получили и табак, и сигареты. А меня и приятеля ещё и похлёбкой своей угостили индусы. Похлёбка оказалась очень горькой: с массой перца. В лагере всё пока шло хорошо. Были сыты, одеты и обуты. Нос в табаке был только в первой сотне. Мы, малыши, прибежали к куренью эвкалиптовых листьев — Боже, что это за пакость! Вскоре должны были нам выдать и новое тропическое обмундирование. Казалось бы, всем мы должны были быть довольны... Но, у нас не было кроватей.

А каждый вечер копать в песке, чтобы добраться до более тёплого, за день нагретого слоя, скучно было. Через несколько дней почти во всех палатках у шалашей появились кровати, зато у Англичан исчезло целое стрельбище. Малыши-кадеты по прибытии в лагерь успели всё обшарить кругом и нашли в пустыне, километрах в двух, странное сооружение — какие-то мешки с песком и металлические листы, а рядом ещё куча пустых банок, из под бензина, кажется. Мы ни на каком стрельбище в своей жизни не бывали, а потому сочли сооружение никчёмным... В каких-нибудь два часа от стрельбища остался лишь курган: всё мы притащили к себе в лагерь и... соорудили себе кровати. Теперь уже бояться скорпионов и прочей нечисти не придётся. Но наша радость была кратковременной. На следующее утро английская рота пришла на стрельбище... а потом по следам, ведущим в лагерь, пришла и к нам... Нам пришлось «волокти» тяжёлые листы обратно на стрельбище... Но нет худа без добра — вскоре были привезены всем кровати.

Для большего порядка в палатках, генерал Черячукин придумал остроумный метод — ввёл переходный русский флаг. Его получала самая чистая и аккуратная палатка. И кадеты лезли из кожи вон, чтобы заработать, заслужить флаг. Порядок стал не хуже, чем в Новочеркаске.

Выдали новое обмундирование песочного цвета. Кроме фуражки нас «возглавлял» ещё и тропический шлем с замысловато свитым на нём красивым шарфом, далее — упомянутая фуражка с дырочками по бокам, рубашка с галстуком, френч, бельё, брюки, длинные парадные, и трусики. Для медных пуговиц с британским львом специальный прибор для «надраивания». Далее — обмотки, ботинки. Одним словом — полный комплект обмундирования английского солдата в Египте.

Всё шло хорошо до тех пор, пока из-за различных лакомств, фиников, апельсинов и прочего не началась мена с арабами различного обмундирования... Всё, постепенно, начало перекочёвывать в тот квартал Измаилии, где жили скупщики, которые и сами начали подкрадывать из склада, пользуясь доверчивостью английского сержанта. В результате жители названного квартала, к изумлению англичан, начали щеголять в самых невозможных комбинациях англоарабской одежды...

Чтобы прекратить обмен, директор корпуса пробовал действовать через местную арабскую полицию, но эти попытки не привели ни к чему... Тогда энергичный генерал отправился со взводом кадет, вооружённых винтовками, в упомянутый уже квартал, здесь я (писал Н. Воробьёв) ссылаюсь всецело на воспоминания профессора Чеботарёва — и произвёл осмотр и отнял краденое и скупленное и наказал виновных. Они были жестоко избиты, а их тележки выброшены в канал. Англичане оказались шокированы: в этот период их отношения с египетской администрацией были особенно натянутыми. Зато ген. Черячукину вся французская колония Измаилии рукоплескала. Надо сказать, что администрация Суэцкого канала состояла по большей части из французов с небольшим числом итальянцев. По их словам — вот именно только такой способ и понятен арабам...

Чуть ли не на следующий день по прибытии в Измаилийский лагерь, несмотря на всякие проволочки, вроде выдачи обмундирования, устройства палаток и пр., мы уже кое-как начали заниматься. А немного погодя занятия вошли в нормальную колею. Одним из пионеров просвещения был хорунжий Г. П. Чеботарёв. Ему удалось упрямить капитана «САРАТОВА» уступить корпусу громадные рулоны типографской бумаги, почему-то сложенные в трюмах. Из этого материала были нарезаны и сшиты тетрадки и блокноты. Но когда ещё не было тетрадок хор. Чеботарёв стал обучать нас английскому языку по своему, довольно странному, но, как оказалось, эффективному методу. Он рассадил нас вдоль корпусной линейки с палочками в руках. Он диктовал нам английские слова, мы

записывали их на песке и заучивали с ним произношение этих слов. Когда это было уже достаточно вбито в наши головы, мы должны были разровнять песок и писать на нём новые слова, и т.д. Так, постепенно, мы продвигались вперёд и ни на что не жаловались. С гордостью вспоминаю, что от своего учителя я получил тогда маленькую книжечку в синем коленкором переплёте — Евангелие на английском языке, с надписью на первой странице: «Юному инструктору»... А весь мой инструктаж заключался в том, что я, получив зачатки английского из дому, старался помочь моим соседям. Конечно,, это была незаслуженная награда в то время, но именно благодаря ей я особенно приналеж на английский язык, стараясь его усвоить. Запоздалое спасибо ему, в то время молодому хорунжему Донской гвардейской батарее, а теперь заслуженному профессору в пенсии и учёному консультанту нескольких университетов. Спасибо ему за его искреннее рвение!

Через некоторое время мы распрощались с нашим «университетом под открытым небом», и занятия продолжались уже в тростниковых бараках. Наши занятия носили случайный характер, так как нам зачастую преподавали люди лишь из доброго желания помочь молодёжи, но вовсе не по профессии. Стройная педагогическая система Новочеркаска была в корне развалена — гражданская война и тиф покосили часть педагогического персонала.

За палатками 3-ей сотни в конце лагеря простиралось обширное поле. Нам оно послужило футбольным полем, плацем для строевых занятий и для гимнастических упражнений... Рядом с полем были установлены снаряды: турники, шведская лестница и параллельные брусья.

А в центре лагеря установили громадную палатку-маркизу, которую нам пожертвовали американцы. Там устраивались различные игры в меньшем масштабе, как например настольный теннис (пинг-понг); там же висели пробковые щиты для метания стрел, было приспособление для набрасывания колец на крючки, и всякие другие игры... Наш утренний, подъём был по сигналу трубы. Мы бежали в строю на Суэцкий канал купаться. После этого, обычно, бег по плацу и купанье в душевой, устроенной в длинном тростниковом бараке между второй сотней и шоссе.

Сейчас же, после этого, вне строя, шли в столовую на завтрак. После завтрака через полчаса — утренние занятия, и затем обычные уроки.

Жара не способствовала настроению учиться. Тянуло опять купаться. Суэцкий канал был так близко. Трудно было устоять перед искушением...

Мы проделывали в тростнике дырку «на Камчатке» и подчас благополучно улепётывали на канал... Но надо спешить на следующий урок. А иногда, может, быть даже и на обед или ужин. У каждого кадета в палатке был свой столовый прибор — миска, нож, ложка и вилка. В столовой их не оставляли и забирали с собой.

В столовой во главе каждого стола — старший, наблюдавший за порядком. Обед сытный, хотя, пожалуй, однообразный. Повар дальше котлет не шел. Котлеты были в добрую тарелку — размера устрашающего. Перед этим суп, а к котлетам либо рис, либо картофель жареный. К столу подавались также «пикули», т.е. различные маринады, в горчице (французской) или в уксусе. Хлеба давалось достаточно, а к ужину давали ещё довольно большой треугольник сыра и порядочную порцию варенья.

Вечером, после того, как трубач протрубит зорю и дежурные кадеты, а за ними и дежурный офицер, обойдут лагерь с приказом тушить огни и прекращать разговоры, приятно бывало собраться тесным кружком у своих приятелей и... слушать различные рассказы-фантазии о мумии фараона...

Иногда перед вечерней зарёй собирались и пели различные песни...

Вспоминаются густые лиловые сумерки. На линейке необычное оживление. С одной стороны — кадеты 1-ой сотни, там 2-ая, а мы отдельно, ещё дальше. Было это по случаю приезда каких-то высоких гостей. Идёт соревнование в пении между сотнями. Мы пыжимся изо всех сил, помогает нам и кто-то из наших вице-урядников. Потом вступает 2-ая сотня, а всё завершает мощный хор первой сотни... В тот вечер и мы заработали немало аплодисментов и «утешительный приз» — груды апельсинов. Весёлые и возбужденные, мы расходились по палаткам и этот вечер долго не могли уснуть. Песни

оживили воспоминания, всюду были слышны рассказы о родных хуторах и станицах, и никто не пытался гасить это пламя сухим приказанием: «Тушить огни, прекращать разговоры!» Чуткое было у нас начальство — небось и самих разобрало!

За время пребывания в Египте, большая часть кадет побывала в Каире. Покатались на верблюдах, снимались группой на пирамидах и около СФИНКСА. В Каире осматривали знаменитый музей с десятками мумий и громадный Эль-Альхар, мусульманский университет.

Кадеты Донского корпуса на верху «Сфинкса» — 1921 г.

Ездили в Палестину, в Иерусалим. В этой поездке принимал главное участие кадетский хор. Управлял им господин Верушкин, прозванный впоследствии «Сарацином».

Хору выпала редкая честь — петь литургий в Храме Гроба Господня.

По приезде малышей разместили в женском монастыре на Елеонской горе. Перед отъездом, почти каждый из них получил от русских монашек по подарку, главным образом, вышитые гладью, самими монашками, думки. Для монашек приезд кадет — был большим событием, и они снова слышали русскую речь.

Где размещались старшие кадеты — не помню. На литургию хор немного запоздал и должен был начать с «Херувимской». До прихода кадет, пели греки... Служил сам патриарх Иерусалимский в сослужении с несколькими митрополитами и архиепископами.

Кадетский хор был уже готов вступить с «Херувимской», но снова «завыли греки» на левом клиросе. И тогда, в полной тишине, нарушаемой только их воплями, громким полусшепотом (как говорили потом) сам патриарх обратился к левому клиросу и... наш хор запел «Херувимскую», После службы патриарх отколол от Гроба Господня кусочек, специальным золотым молоточком, и преподнёс его представителю нашего корпуса с тем, чтобы он был вложен в основание иконы. Впоследствии этот образ Воскресения Христова был передан 2-ому Донскому кадетскому корпусу, перенявшему и наше шефство. Этот образ всегда находился в центре храма на аналое.

В лагере была устроена и выставка предметов кадетского «производства». Тут были мастерски исполненные географические карты, и шахматы, выточенные из местного мелового камня, много различных рисунков, картин, деревянной посуды... Особенно тогда отличалась 2-ая сотня.

Старшими кадетами в лагере был создан театральный кружок.

Почти всё свободное время от занятий, купанья — кадеты занимались спортом.

Устраивались спортивные праздники. Вспоминается мне особенно один из них. Его устраивали на футбольном поле. Съехалось много гостей — англичане, французы, итальянцы и греки. Стоявшие поблизости полки прислали свои делегации, а шотландцы — свой оркестр волынщиков. Был у нас свой хор трубачей, особенно обогатившийся духовыми инструментами, полученными в подарок от Морского корпуса, который приблизительно в это время был расформирован.

Шотландцы перед началом празднества прошли по полю церемониальным маршем. Затем следовали кадетские вольные движения всем корпусом, под наш оркестр. Как всё это было красиво и чётко! Я и до сих пор помню мелодию — да разве можно забыть всё то, что связано с жизнью родного корпуса? Затем последовала работа кадет на снарядах...

Мускулы, казалось, не участвовали в ней (работе), настолько она была плавная и невесомая.

Здесь же — около снарядов — гости стреножили своих коней или же дали их подержать малышам... Какое это было счастье для маленьких степняков! Степняки жались к коням и интересовались ими, пожалуй, больше, чем тем, что происходило на поле. Самым популярным видом спорта у нас был футбол. «Гоняли» мяч буквально все и чуть ли не всегда, даже идя в класс. Самые крохотные (был у нас и приготовительный класс из Донского пансиона) гоняли всякое подобие мяча, сооружая его из тряпок. А когда кадеты приехали, то имели довольно слабое понятие о футболе. В Новочеркасске хотя и играли, но очень мало.

Кадеты играли и с индусами бурмийского полка... Состязались с французскими, греческими и арабскими командами.

Всем, или почти всем, пришлось переболеть в Египте «куриной слепотой», или чем-то вроде этой болезни. После этой болезни долго носили специальные очки с тёмными стёклами, с частой сеткой сбоку, защищавшей глаз. А потом зрение становилось нормальным, и никогда больше эта болезнь к нам не возвращалась.

Очень сильно донимали нас москиты! Но нам выдали потом особые сетки, закрывавшие пологом всю кровать и подвешивавшиеся к потолку палатки. Вспоминается трагический случай, когда Костя Греков покончил жизнь самоубийством. Несчастливая любовь к одной даме. Иногда кадеты приглашались в дома служащих Компании Суэцкого канала. Хор трубачей и кадеты провожали несчастного друга на кладбище.

Была и ещё одна печальная история, закончившаяся смертью моего однокашника Артёменкова. Мы дразнили его «Мартышкой» — как-то весь заросший волосами, узколобый и длиннорукий... По всем данным смерть последовала от укуса бешеным шакалом, ночью — в палатке во время сна. Был укушен (тогда же) и кадет 3-го класса Крюков. Были и другие случаи укусов. Всех пострадавших и санитаров, обмывавших им раны, всех скопом отправили в Каир, в клинику для получения серии уколов сыворотки против бешенства. «Мартышка» умудрился отделаться, кажется тремя уколами (как он сам говорил). Он очень гордился этим.; Но оказалось, что этих уколов было недостаточно, чтобы спасти человека от смерти.

С арабским населением у нас контакта не было, кроме одного араба-христианина Айята — лет 16-ти. Он доверчиво тянулся к нам, кадетам... немного говорил по-английски, и как ни странно, мы понимали друг друга...

Изредка ходили в городское кино. Шли строем, должны быть одетыми по форме, надраивали до блеска пуговицы мундиров.

Хочется отметить и манёвры, устраиваемые по инициативе нашего директора. Это были, так называемые, военные игры, но мы малыши любили их называть манёврами. По окончании их, нас малышей отправляли спать, а старшие сотни оставались на разборе задания и его выполнении.

Часто я задавал себе вопрос (писал Н. Воробьёв) «А любили ли мы нашего директора?» Твёрдо знаю, что генерала Чеботарёва, умершего от тифа в Новороссийские, мы искренне любили. В случае же ген. Черячукина, я на этот вопрос сразу, пожалуй, даже ответить не могу. Чувство было довольно сложного порядка. Прежде всего, мы, малыши, его побаивались, и старались избегать с ним встречи, так как за малейшую провинность он имел обычай угрожать нам своей суковатой палкой, крича, что разделается с нами «историческим костылём». Упоминание этого «костыля» без фактического его применения, наводит на мысль, что эта угроза была скорее шуточного характера. Как относились к нему наши старшие кадеты — не знаю. Но все мы, безусловно, восхищались его неукротимой энергией и решительностью. Он всегда помнил, что он офицер русской армии и требовал по отношению к себе уважения. Случалось, что он намеренно подчёркивал своё звание в присутствии иностранных офицеров, которые уже были не прочь относиться к русским изгнанникам с известной снисходительностью. Этого генерал не прощал и всегда ставил таких господ на своё место.

Особенно это было заметно в последние дни нашего пребывания в Египте, когда уже становилось ясным, что англичане не желают больше содержать корпус. Заметно это было и ранее, когда ему на голову сажали какое-то гражданское полуначальство, в виде разных «суперинтендантов» и заведующих.

Ген. Черячукин был безусловно строг, но мы знаем, что он заботился о нас, а о своих личных выгодах заботился мало, что и доказал своим поведением до самой смерти.

С любезного разрешения воспользуюсь данными хор. Чеботарёва из его книги «Россия — моя Родина». Профессор Чеботарёв писал, что ген. Конгрив, командующий британскими войсками в Египте, очень благосклонно относившийся к русским, находился, тем не менее, в крайне затруднительном положении — с одной стороны ему не хотелось ставить русского генерала в неудобное положение при разных конфликтах с местными и английскими властями, так как все эти лица, и гражданские и военные, были младше ген. Черячукина по положению и званию. С другой стороны, британские войска стояли в Египте уже только одной ногой, переложив значительную часть административных дел на египетскую администрацию. В то же время они всё ещё несли ответственность за все поступки нашего корпусного начальства. Поэтому разбор жалоб, поступавших в связи с энергичными мерами нашего генерала, как например, в случае со скупщиками обмундирования, был для ген. Конгрива очень щекотливым делом. И тут, на перепутье, ему явился шестикрылый серафим в образе английского пастора и представителя Англо-Русского Красного Креста г. Роланда Крега. Генерал Конгрив убедил Крега обосноваться в нашем лагере, перенеяв на себя ответственность с тем, однако, чтобы не вмешиваться во внутренние дела корпуса. Крег, очень интересовавшийся русским вопросом и когда-то ездивший в Россию в составе духовной миссии по вопросу соединения англиканской и русской православной Церквей, согласился на это предложение и, переехав в наш лагерь, открыл в нём свою канцелярию. Наш лагерь был переименован в Русский школьный лагерь, а мистер Крег взял на себя обязанности суперинтенданта. В очень скором времени между ним и ген. Черячукиным начались трения. Хорунжий Чеботарёв старался уладить это и предлагал компромиссные решения, но обе стороны, как говорится, лезли на рожон и отклоняли его предложения. Дошло до того, что, в конце концов, хорунжий сложил с себя звание адъютанта, согласившись остаться только переводчиком и преподавателем английского языка.

Вскоре положение осложнилось с прибытием нового действующего лица — священника и представителя Общества христианской молодёжи, американца Артура Симмонса. Судя по словам проф. Чеботарёва, именно благодаря стараниям Симмонса и его жены, мы получили ту громадную палатку для комнатных спортивных игр. Этот подарок сыграл большую роль в популярности супругов Симмонс среди кадет, и в то же время это расхолодило отношения Симмонса с Крегом. Тот чувствовал в этом большое несоответствие — то, что давалось англичанами каждый день, т.е. довольствие, обмундирование, палатки, содержание всего огромного лагеря (было нас около 450-ти человек) — всё это, казалось, не вызывало такого энтузиазма среди кадет, как злосчастная маркиза (палатка), сразу завоевавшая их сердца. Обмен мнениями между Симмонсом и Крегом был не особенно дружеским и Симмонс решил покинуть лагерь.

Настоятелем нашего корпусного храма и законоучителем сначала был кубанский казак (фамилию не помню). Именно ему мы были обязаны тем, что была организована поездка в Иерусалим и приглашен талантливый регент Н. Верушкин. Когда он (почему-то) уехал в Европу, на его месте был о. Пётр Голубятников. Во время манёвров, проводимых британскими войсками, был на них приглашен в качестве почётного гостя и наш директор. Бывший наместник Египта, лорд Алленби, по окончании манёвров, во время прохождения войск церемониальным маршем стоял с женой ген. Черячукина, а ген. Черячукин стоял с женой лорда Алленби.

Вскоре после этого был устроен парад нашего корпуса в присутствии бригадного генерала, командира Измаильской бригады. Помню, что у него не было руки и вместо неё висел стальной крючок, которым он ловко оперировал. Ему почему-то понравился один из

малышей, кадет Зуев (между прочим, говоривший без акцента по-арабски) и генерал по окончании парада прихватил Зуева своим крючком, притянул к себе и увёз на обед.

Однажды корпусу приказано было выстроиться на берегу Суэцкого канала, при впадении его в Крокодилье озеро. В этот день встречали высокого гостя — принца Уэльского, который должен был проследовать на английском военном судне. Все британские войска были построены шпалерами вдоль канала, в парадных формах, со своими оркестрами. Мы стояли на правом фланге Измаильской бригады, за нами — бурмийцы, сипаи, гурки и английские полки... На нашем правом фланге стоял кадетский хор трубачей... Ждали мы не долго: вскоре показался громадный дредноут «Император Индии», кажется, тот самый, что был и в Новороссийске при эвакуации.

На берегу слышались отрывистые команды командиров английских частей, гремели оркестры. А через пять минут огромное тело дредноута выросло перед донскими кадетами. Помню громовую команду генерала Черячукина...

На капитанском мостике виднелась группа, английских морских офицеров, и среди них можно было разглядеть принца — будущего короля Англии. Он сначала рассматривал нас в бинокль, а потом вытянулся и отдал честь. В это время сотни молодых глоток кадет Донского Императора АЛЕКСАНДРА III Кадетского корпуса — корпуса названного в честь его же двоюродного дяди — разнесли над каналом громовое русское «Ура»!

Вскоре после этого наше существование омрачила ещё одна смерть: погиб под грузовиком общий любимец, кадет Полковников. Для получения продуктов изредка отряжался наряд из кадет на склад, находившийся в Измаилии. Иногда при возвращении, желая выиграть время, кадеты на ходу грузовика спрыгивали, и прямо бежали в свою сотню. Бедному Полковникову не повезло: вместо прыжка в сторону и вперёд, он попробовал слезть с задней части грузовика, сползая постепенно в сторону колеса. В результате ногу затянуло под колесо, которое и разорвало его в паху.

Всему приходит конец, пришел он и нашему пребыванию в Египте, Английское правительство решило не тратить больше денег на русских беженцев, англичане от нас отделались, и наш отъезд из Египта был уже предрешен заранее. А так как содержать 450 кадет и значительное число персонала довольно хлопотно и накладно, то и решено было вообще расформировать корпус. Часть кадет (младшие классы) было решено передать английской школе в Турции, а старших — отправить в Болгарию, откуда потом часть их попала в Чехословакию. Последние дни были очень грустными. Нам не хотелось расставаться с насиженным местом, с благодатным климатом и пальмами, с Суэцким каналом и Крокодилым озером.

Мы, кадеты ничего не знали о том, что корпусу грозит расформирование. Возможно, что директор корпуса и знал об этом, Но что он мог поделать? Впоследствии мы узнали, что он всеми силами старался предотвратить эту катастрофу и вывезти корпус целиком в одну из славянских стран, как например, в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где в это время находились казачьи воинские части.

Настал день, когда пришлось покинуть Измаилию. Мы выстроились на линейке и затем «левое плечо вперёд» двинулись по шоссе, по направлению к железно-дорожной станции. Хор трубачей заиграл марш.

Погрузили нас на английский пароход «Сити оф Оксфорд». Нас сопровождал неизменный суперинтендант мистер Крег, который уже знал заранее, что сдаст младшие классы по приходе в Константинополь в английскую школу: школа эта была создана на частные средства религиозного благотворительного общества в Англии, и ей грозило также расформирование из-за недостаточного числа учеников. Все были обозлены на мистера Крега, прежде всего потому, что он англичанин, что он начальство и, очевидно, каким-то образом причастен к нашему отъезду из Измаилии и Египта. Когда он хотел поговорить с кадетами и попросил их выстроиться на палубе, его просьба была удовлетворена ген. Черячукиным. Крег в своей полувоенной форме появился перед строем. Прежде всего, подражая нашему начальству, громко поздоровался со строем по-русски. Кроме конфуза из этого ничего не вышло. Ответом ему было гробовое молчание. Затем раздался громкий выкрик кадета, Колесникова: «Здравия желаем, господин

суперинтендант!» И это всё. Ему стало ясно, что кадеты не желают его видеть. Он перешел на английский, что-то кричал и доказывал, но кадеты, позабыв всякую дисциплину, покинули строй и разошлись. Теперь уже открыто поговаривали, что корпус будет по вине англичан расформирован. Какое впечатление произвела эта весть на кадет на нашу большую сплоченную семью — говорить не стоит. Это был самый жестокий и подлый удар в спину, который был нам нанесён из-за угла.

К этому надо добавить и ещё безобразное отношение коменданта парохода к кадетам. Директор корпуса написал жалобу на коменданта заместителю Египта, лорду Алленби, и, по слухам, лейтенант куда-то был переведён. Говорили, что он был послан в Палестину, где его убили арабы.

По нашим сведениям, при расформировании корпуса английское правительство передало нас в ведение Лиги Наций и ассигновало на нашу перевозку из Египта и на содержание кадет пятьдесят фунтов стерлингов — тогда это была большая сумма денег. Младшие кадеты были спущены на берег в Константинополе, оттуда их перевезли в здание летней резиденции Русского посольства в местечко Буюк-Дэрэ, что означает «Большой ручей». Это — было на самом берегу Босфора. Остальные кадеты были перевезены в Варну (Болгария), что стоило 21 фунт.

На эти же деньги, переданные Русскому Красному Кресту, кадет некоторое время и содержали в Болгарии. На обед они получали суп, на ужин также суп, изредка что-то добавлялось, но в общем жили впроголодь. Оттуда часть отправилась в Шуменскую гимназию, а другая часть кадет, постарше — в Чехословакию, в город Моравско-Тршебовле, где тоже была русская гимназия. Седьмой же и восьмой классы были отправлены в Атаманское казачье училище. Таким образом, Донской Императора Александра III кад. корпус перестал существовать. Однако, шефство и полное наименование были сейчас же приказом Войскового Атамана, ген.-лейт. Богаевского переданы 2-ому Донскому Кадетскому Корпусу.

Из описания Н. Воробьева о пребывании кадет в новой школе возьмем только небольшую часть: это начало и вечерний «бунт» кадет.

Суперинтендант английской школы, английский пастор Базиль Черчуорд, директор школы, бывший секретарь английского посольства в Петербурге, мр. СИММОНС объявил о том, что отныне мы являемся британскими школьниками.

Нас ввели в гигантский вестибюль посольства, где, за неимением кроватей, мы должны были провести первую ночь на каменном полу, подстлав одеяла.

Темнело, когда нас повели в столовую. На столе уже ожидал ужин. Мы насмешливо переглянулись. Ужин готовился, очевидно, для младенцев: по два крошечных биточка, по куску хлеба и немного гарнира из свеклы. Приготовлено все было очень вкусно. Но для нас этого было мало, после пайка английского солдата.

Мы, в несколько секунд проглотили содержимое на наших тарелках, вопросительно поглядывая на обслуживающих нас официанток. Нам принесли еще хлеба, но котлет и бурачков уже не было... Наши нервы, взвинченные в те дни расформированием корпуса, необходимостью снять форму (которой мы дорожили) и стать несчастными «Шпаками», настоящими, или же воображаемыми кознями англичан против нашего директора, персонала и вообще против всех нас — не выдержали... И, как по команде, всего лишь через полчаса по прибытии в Британскую школу разразился кадетский «бенефис». Он продолжался недолго, но мы орали, лупили вилками и ножами по тарелкам — крича, что мы голодны... Нам принесли еще только хлеба и отвели нас обратно в вестибюль, где вскоре, усталые, улеглись спать на голом полу. Новому начальству сразу же стало ясно — с кем они имеют дело, и что им с нами будет трудновато. Начальство не проявило больше чуткости. Оно не стало разбираться во всех сложных наших чувствах, нашей горечи, обиды, огорчения и протеста в нашей душе. Если бы они могли хотя бы отдаленно почувствовать, что означает для кадета снять погоны — многое могло бы быть иначе. Пока же новое наше Начальство убедилось в одном: что мы — недисциплинированная, распущенная орава, продукт революции, и что эту ораву следует приструнить... не считаясь со средствами.

Начались занятия, после нашего распределения по группам. Но не все шло гладко и спокойно. Расформирование нашего корпуса на всех нас отразилось сильно. Результаты сказались очень скоро. Не помню точно причину неожиданных событий, но помню, что наше нервное состояние вылилось в чем-то похожем на бунт. Но англичане действовали решительно. Прежде всего, они приступили к порке тех, которых почему-то считали зачинщиками. Пороли жестоко. Порол чопорный англичанин, отец двоих очаровательных детей (барышень). Помогал ему пороть вернее, перенял на себя почти всю работу, бывший ученик той же школы — Авситидийский. Мы его звали «Митрадотом», почему — не знаю. Поговаривали, что он садист. Позже он уехал в Сов. Союз. Поркой дело не окончилось. Мистер Черчуорд собрал нас в парке и грозил отправить в какой-то Тузлов. Часть кадет исключили. Мы же, оставшиеся, «согнули шею», как не стыдно признаться в этом.

Н. Воробьев кад. 40-вып. Дои. Корпуса

О генерале А.В. Черякуине

На мой вопрос, как редактирующего книгу, для выяснения точности события, любили ли кадеты директора корпуса ген. Черякуина, М. Герасимов ответил: «Писать, что мы, малыши, его боялись и старались избегать с ним встреч, т.к. за малейшую провинность он имел обычай угрожать нам своей суковатой палкой, крича, что разделается с нами «историческим костылем»...

Это не точно. Так называемая «сучковатая палка» — ничто иное, как обыкновенный кавалерийский стэк: тонкая бамбуковая тросточка с маленькими по ней узловатыми утолщениями. Один конец этой тонкой тросточки имел небольшую серебряную ручку, согнутую в форме нижнего коленца лошадиной ноги, с копытом на ней.

Ген. Черякуин этой тросточкой никогда никому из кадет не угрожал. Носил он ее подмышкой левой руки, когда был в полной форме.

Если он обращался к нам (кадетам) с обыкновенной речью или же «отчитывал нас» за какой-нибудь проступок, то тогда он брал свой стэк в правую руку и, держа его на весу ручкой (копытом) вверх, иногда во время речи встряхивал им вниз, как бы подчеркивая этим некоторые места своей речи. Несмотря на эти «отчитывания», мы, малыши, любили его. Очень любили и ген. Чеботарева. Гордились им, как нашим кадетом первого выпуска родного корпуса, окончившим его вместе в Африканом Петровичем Богаевским и ген. Черякуиным. Любили мы также и сына ген. Чеботарева — Григория Порфиновича.

Он был с нами в Египте: преподавал нам английский язык, занимая в корпусе должность адъютанта и в то же время, как владеющий иностранными языками, был переводчиком при ген. Черякуине. Мы любили его занятия с нами и к нам, малышам, он относился как старший брат. В его отсутствие в разговоре между собой мы его называли «наш Хорунок» или просто «Гриша».

Если можно было в чем-нибудь упрекнуть ген. Черякуина, то только в отсутствии строгости по отношению к нам, кадетам — шалунам.

И он действительно был для нас «наш Дедусь».

М. Герасимов

ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС

После почти 3-х летнего пребывания кадет в Египте, на Суэцком канале вблизи города Измаилии, корпус эвакуировался на английском пароходе «Сити оф Оксфорд» в Югославию.

В те дни нам не были еще знакомы политические интриги. Мы не задумывались над вопросами: КТО? ЗАЧЕМ? ПОЧЕМУ? и лишь единственное, что нам было понятно и чем фактически мы объясняли наш переезд, — это желание быть как можно ближе к нашей Родине, мыслью о которой мы жили и вернуться куда надеялись если не сегодня, то завтра. Мы шли через Константинополь.

Многое и многими уже писалось о Босфоре, Золотом Роге, Константинополе с его величественной Аи-Софией, о бесконечных минаретах, о прямых, натянутых, как струна, тянувшихся к небу кипарисах. О «шаркетах», снующих от берега к берегу, перевозящих бесконечных пассажиров, о пароходах и кораблях военного флота всевозможных наций и, наконец, «кардашах» — лодочниках, снующих среди кораблей, старавшихся продать свой незаурядный товар: хлеб, халву, всевозможные восточные сладости и, между делом, всякую иную дрянь, которую покупатель обнаруживал уже тогда, когда продавца и след простыл. Все это писалось, но все же, всегда найдется что-то еще, о чем хотелось бы сказать хотя бы пару слов.

Вход из Мраморного моря в Босфор был естественным, как бы самой природой продуманным заслоном Турции от возможного вторжения в ее пределы неприятельского флота. На высотах отвесных берегов были установлены батареи, которые, кажется, и по сию пору существуют, пристреленные к любой точке, а в свое время под воду, от берега к берегу, был протянут соответствующей толщины трос, или цепь, порвать которую не мог ни один корабль того времени.

Войдя в Босфор, «Сити оф Оксфорд» бросил якорь. Это было вполне естественно, принимая во внимание погрузку угля, наливку питьевой воды, пополнение продуктов питания и многого другого, что всегда связано с долгодневным плаванием парохода. Ничто не предвещало надвигающейся трагедии. Как по команде все, начиная от кадетского персонала и кончая малышом-кадетом, высыпали на палубу.

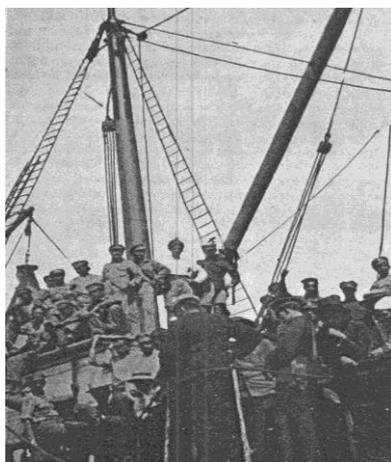
Знать Босфор только по рассказам, или только читая о нем совершенно недостаточно, чтобы «ЗНАТЬ» его. Босфор надо видеть. Насколько мог уловить глаз, по обеим сторонам Босфора, почти у самого берега, протянулись великолепные виллы, утопающие в зелени садов и парков. Выше на склоне гор дома намного беднее, но эта заметная разница несколько не портит общего колорита, а, наоборот, служит будто для того, чтобы выделить красоту первого плана.

На правом берегу, что и привлекло наше общее внимание, выделялось громадное величественное здание, позади которого уходил далеко вглубь красивый парк, как видно давно никем не поддерживаемый. Со слов матросов, которые не раз совершали рейды через Босфор, мы узнали, что здание это принадлежит русскому посольству, а место это называется «Буюк-Дэрэ».

Не прошло и часу времени, как мы заметили со стороны Константинополя приближающийся к нашему пароходу катер под английским флагом. На палубу по боковому трапу весьма бодро, несмотря на немолодой возраст, поднялся господин явно английского типа и на хорошем русском языке, но с английским акцентом, обратился к одному из кадет, прося проводить его к директору корпуса.

Долго шли какие-то переговоры при закрытых дверях каюты директора. Надо ли говорить о том, что все то, что там говорилось, уже сразу было известно всему корпусу. Капитан английской армии м-р Крег вел переговоры с ген. Черячукиным относительно того, что все кадеты до 5-го класса должны будут высадиться в Буюк-Дэрэ и влиться в русскую школу, находившуюся в здании русского посольства. Школа, как он сказал, основана и содержится на средства группы богатых англичан, взявших на себя заботу о «русских детях». Ввиду того, что количество русских мальчиков в Константинополе весьма ограничено, он, от лица группы организаторов, находит, что, влив к ним кадет 5-го класса включительно, даст школе возможность начать функционировать, немедленно. Школа, по его словам, будет приравнена к правам любой английской гимназии и кончившие ее смогут, по своему усмотрению, или продолжать дальнейшее учение в высших учебных заведениях Англии, или, пользуясь правами английского гражданина, устраивать свою дальнейшую жизнь, где и как им заблагорассудится. Ген. Черячукин подобное предложение отклонил и капитан Крег, обиженный и разочарованный, покинул пароход. В то время, как директор корпуса, собрав персонал, обсуждал с ними вопрос, предложенный кап. Крегом, кадеты твердо решили не допустить выполнения подобного предложения и сопротивляться всеми возможными мерами. Приблизительно часа через два после того, как кап. Крег покинул наш пароход, он снова возвратился, но на сей раз

уже не один, а сопровождаемый членами турецкой полиции в форме и в штатских костюмах. На этот раз разговор с директором корпуса был уже не в форме просьбы или предложения, а в виде угрозы. Полиция требовала и угрожала не пропустить пароход до тех пор, пока предложение кап. Крега не будет удовлетворено. Все возможное, дабы предотвратить эту трагедию, было использовано ген. Черячукиным, но... «сила солому ломит», а защиты искать было НЕ У КОГО. На мою долю выпала участь присутствовать и вместе с другими пережить ту последнюю главу истории Донского Императора Александра III кадетского корпуса, которая по праву должна будет войти в нее как глава под заглавием «ТРАГЕДИЯ ДЕТСКОЙ ДУШИ». ТРАГЕДИЯ.

Летом 1922 г. английский пароход «Сити оф Оксфорд» стоит в Босфоре — происходит высадка кадет младших классов в Английско-русскую школу в Буюк-Дэрэ

Действительно, все то, что произошло в эти несколько часов, то, что и послужило РАСФОРМИРОВАНИЮ КОРПУСА, назвать иначе, как ТРАГЕДИЕЙ — нельзя. Кадеты прятались всюду, где это только было возможно, вплоть до угольных ям. Забирались в места, где их могли сыскать только служащие парохода, знающие все его закоулки. Спротивлялись, как могли. Слезы, бесконечные слезы перед беспомощностью человеческой несправедливости. Горькие слезы неизвестности за будущее. Слезы утери дорогого, любимого корпуса, в котором прошли незабываемые годы дружбы и надежды на светлое будущее, и, наконец, слезы прощания кадет, когда, как писал один из нас, «жалися братские руки, быть может, на несколько лет...» ТРАГЕДИЯ. Да, это ТРАГЕДИЯ, описать которую я не берусь. Вероятно, найдется кто-нибудь, кому данный Богом талант позволит глубже коснуться психологии детской души и, базируясь на этом, описать все то, что происходило в те дни.

В последний раз на борту парохода выстроился весь корпус, и директор ген. Черячукин, не будучи в состоянии сам сдерживать слез, сказал свое последнее слово, прощаясь с кадетами. Я уверен, мало кто из нас запомнил все то, что он говорил из-за того нервного, напряженного настроения, которое чувствовалось в рядах кадет. Помню одно. Он говорил просто, понятно, доступно пониманию любого малыша-кадета, дабы оставить в нем на всю жизнь память той горькой минуты, свидетелем которой ему пришлось быть. Он благодарил кадет за все то хорошее время, что он провел, будучи директором, с ними и среди них. Он вкратце напомнил всю историю корпуса ничем и никем незапятнанную. Он просил принять случившееся, как факт, который невозможно было предотвратить. Просил и на новом месте продолжать быть теми же дисциплинированными ДОНСКИМИ КАДЕТАМИ, какими мы были и до сих пор. Прощался и, со слезами на глазах, желал нам всем счастья в будущем.

Гулко от слез за великое прошлое корпуса и за будущее кадет пронеслось по борту парохода «УРА!», и команда: «РАЗойТИСЬ, ГРУЗИТЬСЯ НА БАРЖИ», была последней, что мы еще слышали КАДЕТАМИ. Одна за другой баржи, груженные кадетами до 5-го

класса, стали отчаливать от борта парохода. Кадеты 6-го и 7-го классов и до 5-го все те, у кого родители были в Югославии, провожали нас, стоя на борту парохода. Кадетский оркестр играл нам в последний раз родной и любимый марш, с которым мы выросли, сроднились и услышать которого больше нам никогда не довелось.

Закончилась глава. Закрылась история ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА. НЕТ БОЛЬШЕ КАДЕТ.

Мы стали «РУССКИМИ МАЛЬЧИКАМИ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ».

Александр Кунаков (кадет 37-го выпуска, Египет)

16-V-1972 года. Апвэй, Виктория, Австралия

БУЮК–ДЭРЭ

{Бритиш скул фор Рашин бойс...}

Всех нас, теперь учеников «Английской Школы для Русских Мальчиков», разбили на три группы и разместили в трех различных домах.

ПОСОЛЬСКИЙ ДОМ. Самый большой из трех, где, как нам говорили, жил раньше русский императорский посол и где многочисленные комнаты этого дома занимались персоналом посольства, имевшего там свои конторы. Количество комнат и их расположение были весьма удобны для того, чтобы из них устроить и спальни, и классы.

ШКОЛЬНЫЙ. В нем, вероятно, помещались раньше служащие (персонал посольства со своими семьями). Теперь в нем жил с семьей директор школы, м-р Симсон, многие из школьного персонала, часть учеников школы; в нем находилось большинство классных комнат и в нижнем его этаже, вернее в подвале, была наша общая столовая.

ЦЕРКОВНЫЙ. Надо ли говорить о том, что дом этот назван так был потому, что в нем находилась наша церковь. Была ли она сооружена для нас или обслуживала персонал бывшего посольства, этого я не могу сказать, да фактически это и не так важно. Судя по тому, что этот дом стоял на отлете и уступал первым двум по размерам и по имеющемуся там комфорту, можно предполагать, что в свое время там жили служащие, миссия которых была следить за чистотой посольства, поддерживать огромный парк, прилегающий к нему и вообще обслуживать посольский персонал.

В этом доме довелось жить и мне. Классов там не было. В нем были наши спальни, как я уже сказал, церковь, жили: священник Церетели (бывший полковник одного из гвардейских полков) с семьей, регент хора, пор. Гринко с супругой, заведующий хозяйством ген. Кац с женой, работающей в бельевой, и двумя дочерьми, учившимися в аналогичной школе, но только для девушек, которая находилась на острове ПРОТИИ, и много других школьных преподавателей холостяков и с семьями.

Заведующим домом (хауз-мастер) у нас был пор. Хлебников (преподаватель русского языка), а помощником его был (преподаватель немецкого языка) пор. Сухов. Им в помощь были выделены, из учеников старшего класса, старший префэкт и его помощник. Фактически на них и было возложено следить за порядком дома. В двух других домах рутина жизни и порядка были те же, что и у нас. Утром молитва. Строем шли в столовую. После завтрака — было некоторое время свободное, для личных нужд. Занятия. Обед. Снова занятия. Ужин. Молитва в каждом доме отдельно. Мыться и спать.

Казалось бы, что при желании можно было разместить всех учеников в одном доме, хотя бы посольском, как самом большем. Школьный оставить для занятий, квартиры директора и столовой, а школьный персонал поместить в церковном доме, но в подобном случае дирекция не достигла бы той цели, которую она достигла, разбив нас на три группы, то есть на три различных дома.

Получив кадет, как будирующий и явно протестующий элемент, оставил их жить в одном месте, в одном доме, дирекция школы явно ставила перед собой проблему вечного недовольства, подрыва авторитета и, весьма возможно, какого-либо даже саботажа. Разбив нас на три группы и пополнив каждую влившимися, как мы их называли, «маменькиными сынками», попавшими к нам из русских семейств Константинополя, умиротворить ненависть кадет, которая в нас жила со дня расформирования корпуса, было

более доступно и не требовало особых усилий. Одним из мероприятий «разбить и властвовать» было устройство различных состязаний: футбол, гимнастика, всевозможный спорт и даже конкурс хорового пения между домами. Состязаясь, брали призы, но эти призы не так оценивались теми, кто их брал, как в заслугу ставился тот дом, которому принадлежал тот или иной взявший приз. Этот факт дирекция явно поддерживала. Само собой разумеется, что подобные соревнования вносили зависть, разжигали страсти и натравливали один дом на другой. Если все это можно было объяснить желанием дирекции приучить нас жить не кадетской дружной, спаянной, дисциплинированной семьей, а жизнью будущего гражданина, которому надлежало войти в жизнь готовым приспособиться к любому окружению, то был и другой на это ответ, которого если мы не понимали ТОГДА, то поняли намного ПОЗЖЕ.

Возможно, под давлением кого-либо извне задача организации школы была разбить и разложить «гнездо военщины», которое в те годы, начала новой власти на Родине, было НЕЖЕЛАТЕЛЬНО И ОПАСНО.

Базируюсь на двух главных примерах:

1-ый. РАЗБИЛИ КОРПУС и

2-ой. ОБЕЩАННОЕ м-ром КРЕГОМ ДИРЕКТОРУ КОРПУСА будущее для каждого из нас НЕ БЫЛО СДЕРЖАНО, и вместо предполагаемого гражданства и возможности продолжать дальнейшее образование в одном из желаемых нами учебном заведении Англии, нас очень скоро (о чем, вероятно, напишет более подробно кто-либо другой) оптом и в розницу разогнали на физические работы в различные страны, преимущественно в Канаду и Францию.

Всех едущих во Францию ощупывали, оглядывали не только как рабочую силу, но, главным образом, как производителей крепкого и здорового будущего населения Франции, которая утратила большую часть мужского населения во время 1-ой мировой войны.

Я говорил о будирующем и протестующем элементе.

С первых дней нашей «школьной» жизни кадеты не разрешили из себя сделать «мальчиков» и везде, где только представлялся случай, показывали это. Нам были розданы на каждый дом барабаны, под которые нам надлежало ходить. Почему-то эти барабаны начали очень скоро, один за другим, лопаться. Заменяв их несколько раз новыми, которые опять-таки лопнули, дирекция прекратила их возобновлять, и мы начали опять ходить с песнями, как это и было в Корпусе.

По утрам к завтраку нам начали давать овсянку, которая убиралась со стола нами не тронутая; решив, что кадеты ее не ели из-за каких-либо недостатков в ней вкусовых ощущений, ее щедро начали удобрять маслом и после того, как и на этот раз она не была тронута, нас предупредили, что в случае, если мы не будем ее есть в дальнейшем, кого-либо из нас в назидание исключат из школы. Овсянку не ели и на следующий день, и мы лишились одного из наших лучших друзей — кадета; но не нашего корпуса, Бурлакова. После этого случая овсянку давать нам перестали.

За явное нежелание подчиняться правилам школы, а нежелание заключалось в том, что противоречило кадетским традициям, из школы исключили несколько кадет, выслав их в Сербию, а кое-кого — во Францию.

Мы сумели отвоевать себе кадетские традиции и устои, но не стали «мальчиками», и это продолжалось до последних дней, когда мне пришлось быть там.

Наша форма одежды была такова: летом — синие трусики и рубаха с отложным воротником цвета хаки. Зимой — из госпитальных зимних пижам серого, вернее, цвета окраски военных кораблей, нам были сшиты брюки и русские рубахи; вместо фуражек у нас были нечто вроде ермолок, что обыкновенно носят в английских школах. Это маленькая шапочка с матерчатым козырьком, поверх которого белыми буквами было вышито: Б. Ш. Ф. Р. Б., т.е. Бритиш Скул фор Рашин Бойс (английская школа для русских детей). Носилась она нами, в большинстве случаев, ввиду протеста — козырьком назад. В каждом доме были кто-либо из певчих, которые пели утренние и вечерние молитвы, а в общем пели всем строем.

Церковным и светским школьным хором управлял пор. Гринко. Кадеты его любили и как человека, и как хорошего регента, и он мог поставить хор на должную высоту, что и не было уж так трудно, если принять во внимание то, что он получил хористов, которые пели в кадетском хоре в Египте. Во время спектаклей он всегда выдумывал что-либо новое и это новое постоянно пользовалось заслуженным успехом. Он ценил голоса — моего друга по классу Павлика Крипакова и мой, и не обходилось ни одного спектакля, где бы мы оба не участвовали. Пели мы с ним и в «Братьях Зайцевых» и в «Четырех Испанцах», и в оперетте, написанной регентом хора и, наконец, к каждому спектаклю он нас подготавливал для сольного выступления.

Кадеты скучали по духовому оркестру, а в школе его не было. Как-то после спевки регент просил остаться нескольких хористов, с которыми хотел кое о чем поговорить. Дело в том, что при посольстве был большой, запущенный парк, где некогда проходил водопровод из свинцовых труб. До нас парк зарос, никем не поддерживаемый, а водопровод давным-давно утерял свое назначение и теперь оголенный, разбитый, повсюду торчащий, как ребра сгнившего животного, представлял плачевный вид. Регент просил нас принести ему всевозможные отрезки труб, по возможности разного диаметра, длины и толщины. Ждать ему пришлось, конечно, недолго. Вечерами мы часто слышали из его квартиры странный звук молотка, но особого значения, конечно, этому никто из нас не придавал.

И вот, в один прекрасный день, когда окончилась спевка, регент просил нас остаться. Все те трубы, что были нами принесены, были регентом извлечены из-под одеяла, которым они были прикрыты и лежали в углу, на что никто не обратил внимания до того времени. Зрелище было достойное и удивления, и гомерического смеха. Гнутые во всевозможные причудливые формы, со всевозможными раструбами из банок простого листа тонкого кровельного материала для крыш, даже старого погнутого и дырявого ведра, всевозможной длины и вида, они аккуратно лежали под одеялом, и к каждому инструменту были положены ноты.

Здесь же стояли две банки, обернутые в куски старого одеяла. Одна большая, на которой лежала палка, на одном конце которой в виде теннисного мяча было что-то накручено, а другая поменьше, тоже обернутая одеялом с двумя короткими палочками, конец каждой из них с одной стороны заструженный. Это и был наш оркестр, а банки... большой и малый барабаны.

Главным, ведущим мелодию инструментом были короткие трубочки, на одном из концов которых были привязаны папиросные бумажки и на них от этих концов были проделаны разрезы, куда и надлежало дуть и выдувать каждому свою партию — мелодию. Звук этих инструментов был такой же, как если бы кто-нибудь играл на гребешке. После раздачи инструментов и нот принялись за дело.

Поверить тому, что из всего этого можно было что-то сделать, было трудно, но французы говорят: «вулуар, сэ пувуар» — хотеть, значит мочь — и это вскоре было вполне доказано. Немало приложил стараний наш регент, немало и мы постарались, и уже очень скоро репертуар нашего горе-оркестра пополнился маршем, полькой и парой вальсов.

Басы выдували полагаемые им ноты. Барабаны отбивали и ритм, и нужную дробь, а маленькие трубки вели мелодии. Готовились к одному из больших спектаклей, на который было приглашено много гостей: родителей, живущих в Константинополе, и англичан из английского флота, стоявшего в Босфоре. У многих из них были свои «любимчики», которых они как бы усыновляли.

Усыновление, конечно, было временное и заключалось в том, что этого усыновленного брали в отпуск, подкармливали его, покупали ему костюм, давали денег, баловали, как могли — до тех пор, пока корабль не снимался и не уходил из Босфора. Корабль уходил и временный счастливчик снова возвращался в рутину нашей жизни, и как только расходовались полученные им от «папаши» лиры, то скоро и заканчивался его гардероб, который сплавлялся туркам. В конечном результате, полученные от продажи деньги шли на покупку табака.

В программе стояло: «Духовой оркестр. Марш. Полька. Вальс». Многие были заинтригованы «духовым оркестром», и т.к. все это готовилось в полном секрете, очень и очень мало кто знал, в чем же, наконец, дело.

Настал долгожданный день спектакля. Громадный вестибюль посольства едва мог вместить всех гостей и всех нас, что в общей сложности составляло больше тысячи человек.

Занавес опущен. Третий звонок. Вместо того, чтобы занавесу подняться, со сцены бурно зазвучали трубы оркестра и забили, во всю, оба барабана. Проиграли два колена марша, и занавес тихо поплыл вверх. Описать то, что творилось в зале, нужно действительно иметь талант, которым я все же не обладаю...

Сначала все открыли рты, не веря ни глазам, ни ушам, и как только пришли в себя, восторгу не было предела. Хлопали, смеялись «о слезами на глазах, кричали «браво», «бис» и больше всего, безусловно, проявляли восторг англичане, которые уже и не знали, как иначе можно проявить свой восторг. Цель была достигнута. Вскоре у нас появились, кажется, кем-то подаренные балалайки и, сменив наши трубы на них, при школе образовался балалаечный оркестр, которым также искусно управлял наш регент пор. Гринко.

Трудно объяснить почему, но как жизненное правило, многие из юношей-ребят до определенного возраста мечтают быть пожарными. Не минуло это правило и многих из нас, а почвы тому был хоть отбавляй.

В те далекие времена культура Турции была если и не низкая, то, во всяком случае, среднего уровня. Большинство домов в окрестностях города были многоэтажные и построены не из камня или кирпичей, а из деревянных досок, покрашенных, вероятно, из-за климатических условий, дегтем. Само собой разумеется, что, пользуясь таким примитивным способом отопления, как «мангал», пожары начинались очень легко, и сухие, пропитанные дегтем, доски горели, как свечи. Любой пожар не ограничивался одним или несколькими домами, а выгорали целые кварталы.

Безусловно, в городе и в ближайших к нему предместьях были приспособления тушения пожаров, но чуть дальше, даже там, где были мы ничего подобного не было.

В кальсонах, в майках, летом босиком, а зимой в легких теннисных туфлях человек пять-шесть, с маленькой, на несколько ведер, ручной помпой на пожар бежала эта, простите за выражение, комбинация, которая называлась «пожарной командой». Дом, который уже горел, не имел никаких возможностей быть спасенным, так как пожарная команда и не пробовала его спасать, а бежала за три-четыре дома вперед и там начинала торговаться с владельцами дома и не то, что обещая его затушить, а обещая постараться его заглушить. Если сговор состоялся, работа команды распределялась так: двое лили воду ведрами в помпу, двое воду качали, один или поливал кишкой, или раскладывал мокрые одеяла, принадлежащие владельцу дома. Возможно ли было надеяться на что-либо положительное от подобной пожарной команды?

Дома горели до тех пор, пока или не прибывала пожарная команда из города, или не причаливал катер, на котором работала, и весьма успешно, английская морская пожарная команда.

Видя все это и имея поползновение быть пожарными, многие из кадет организовали группу, и, пользуясь большой помпой, принадлежавшей посольству, тушили пожары, рассчитывая в любую минуту иметь человек двадцать, если не больше, любителей сильных ощущений. Эта группа, наши школьные пожарные, проявляла чудеса тушения пожаров.

Как только слышалось дикое «янгинвар», т.е. пожар, наша команда, будь это даже и во время классных занятий, срывалась с места и неслась, толкая перед собой помпу, увешанную ведрами и всевозможными инструментами тушения пожаров к месту, где пожар начинался. Подобная организация для турок, живущих вблизи Буюкэ-Дэрэ, была наградой, посланной им самим Аллахом.

Как только они видели и слышали, что бегут наши, восторгу и радости не было конца. Не ошибусь, если скажу, что если мы были желанными для тех, кто горел, то уже

наверняка не были желанными для тех, кто должен был бы тушить, т.е. этих турецких бесштанников. Я помню, однажды наша команда тушила пожар. На катере вскоре появилась английская команда, которая к нашему удивлению стояла бездейственно, не проявляя никакого желания нам помочь. Хотя это и показалось нам странным, но, во-первых, задумываться над этим не было времени, а, во-вторых, решили, что если не помогает, значит, тому есть причина. Пожар потушили. Мы: покатали домой, а катер ушел в город. Через несколько дней, перед всем строем, было прочитано письмо от капитана Английской Пожарной Команды, в котором писалось: видя, что делала наша команда и не найдя ни одной ошибки в нашей работе, им стыдно было принять участие в тушении, тем самым отбирая от нас всю заслугу, успешно законченной операции. В конце он благодарил нас и от себя и от членов своей организации.

Горели и мы пару раз, но это продолжалось не долго, затушили в два счета. Ходили слухи, что это были поджоги со стороны советов, которые нажимали со всех сторон, чтобы выкурить нас из Посольства и самым водвориться там.

До некоторых пор дирекция отстаивала школу от поползновения передать ее советам, но в конце концов, а в особенности после поджогов, дальнейшие усилия становились невозможными и школу пришлось перевести из БУЮК-ДЭРЭ в ЭРЕНКЕЙ. В первый раз горел флигель возле Посольского дома, уже не помню, кто в нем жил, или что там помещалось, а во второй раз — угол Посольского дома.

В маленькой, угловой, неудобной и темной комнате, которая служила для склада щеток, тряпок, лопат, кирок, граблей, держался в бидонах керосин для ламп, на случай, если что-либо случится с электричеством. А пустые от керосина бидоны, были расставлены по всем углам школы, наполненные водой, а случай пожара. Там же, в этой комнате помещался и школьный карцер. В этот день, в нем проводил свой досуг один из провинившихся кадет. Дело было ночью.

Проснулся он от запаха гари и дыма. Спросонья, видя бидон и думая, что он с водой, как к этому мы все привыкли, он схватил его и выплеснул на горевший уголь. К сожалению, этот бидон был почти полон керосина. Пожар к этому времени был уже кем-то замечен и из пылающей от подожженной керосином комнаты, быстро извлекли бедного мученика. Пожар быстро затушили, не дав ему разгореться.

Из Кадетских воспитателей и преподавателей, попавших в БУЮК-ДЭРЭ, вспоминаю только двоих и думаю, что не ошибусь, если скажу, что это и все: Полк. Кутырев и в. вах. из Египта С. Климентов. Будучи много позже в Платовском хоре, с которым мы были в Чехословакии, я повстречал Климентова, умирающего от чахотки, или рака, уже не помню, в одном из казачьих общежитий.

Все остальные преподаватели и воспитатели, бывшие в школе, были для нас новыми, попавшими к нам из колонии Константинополя. Пор. Сухов (пом. Хауз-Мастера) решил вводить в нас спартанский дух. Несмотря на то, что у него была только одна рука, а вторую он потерял во время гражданской войны, плавал он как рыба и заплывал далеко в Босфор пренебрегая тем, что там много различных течений и плавать там очень опасно. Летом, по утрам, до завтрака, он заставлял всех нас, после гимнастики, бегать 15 минут и потом 5 минут окунаться в Босфоре. Хотя сам он и уплывал далеко, нам разрешал плавать только до определенного места. В одно из таких утренних плаваний, мы, строясь к завтраку, не досчитались одного из нашего класса славного и доброго товарища БАЙДАКА. Он не был из кадет. Попал он к нам из Константинополя, где жили его родители. Тело его нашли. Хоронили всем классом. Не забуду как убивалась бедная мать, потеряв своего единственного и любимого сына.

Летом, во время каникул ходили на прогулки за много миль от школы и целый день пикником проводили где-либо на пляже. Тренировались, к состязаниям по гимнастике, бегу и всевозможным отраслям спорта. Много тренировались футбольные команды. По части спорта, нами заведовал и тренировал полк. Жуковский.

При входе в Посольский дом, по правую руку, в этом крыле помещался лазарет, в котором орудовал, проф. Кудрявецкий, добродушный старичок, понимающий наши нужды.

Во время письменных экзаменов все свободные койки заполнялись симулянтами.

По левую сторону, «виз-а-ви» лазарета, находилась комната, куда в определенные дни недели приезжали из города по очереди муж и жена, оба дантисты. Замечательны они были тем, что он ростом был футов 5, или и того меньше, а она, его благоверная жена, выдалась ростом, в шесть с гаком футов.

В те дни, когда принимал он, к нему шли все малыши, но зато, когда принимала мадам, приемная ломилась от клиентов старших классов.

На остров Проти, или как его называли «СОБАЧИЙ ОСТРОВ», некогда Турки свезли всех расплодившихся в Константинополе собак, заставив их перегрызть друг друга и поздыхать.

Здесь находилась аналогичная нашей школе, школа для русских девочек. Выискивая всевозможные причины, как храмовой праздник, Пасха, Рождество, какие-либо спектакли и т.д., старшие классы девочек приезжали на несколько дней к нам; или наши старшие классы, или наш хор ездили в гости к ним. В эти дни все симулянты изгонялись из госпиталя и в нем размещались наши гости.

Лучшего места, чем старый, запущенный парк Русского Посольства нельзя было сыскать для влюбленных парочек, а таковых было немало, если принять во внимание года старших классов, как с одной, так и с другой стороны, которые доходили до 18-ти лет, а это ли не возраст для влюбленных?

За неимением испанской гитары, или итальянской мандолины, влюбленные довольствовались родной, сделанной из березы балалайкой и под нее распевали, своим пассиям нечто вроде серенад. Подобное пение продолжалось до тех пор, пока кто-либо из госпитального персонала не выгонял их, обещаясь доложить воспитателю. Зная, что та или иная парочка удалялись «страдать» в парк, а обыкновенно это случалось вечерами, когда сама природа способствовала влюбленным, декорируя все вокруг лунным, успокаивающим и таким многообещающим светом, какой-нибудь отвергнутый любовник, возмещая свою злость, — пугал этих «старальцев» всевозможными привидениями, дикими звуками и вообще всем тем, от чего влюбленные бросались друг другу в объятия от страха, или неслись, очертя голову по добру – по здорову подальше от всего таинственного.

Изо всех учениц на острове ПРОТИ самым большим успехом пользовались две дочери заведующего нашим хозяйством ген. Кац, жившего, в нашем Церковном доме, окна квартиры которого выходили на наш задний дворик.

Их именами назывались футбольные команды, всякие благие начинания и имена их произносились с достойным почитанием. Будучи участником на всех спектаклях, где доходило дело до пения, я неизменно пользовался успехом, а как говорят, и если не ошибаюсь, сказал так наш великий писатель Донец ген. П.Н. Краснов: «Мужчины любят глазами, а женщины ушами», — старшая дочь ген. Каца питала ко мне некоторую симпатию, ну а что я был в нее влюблен по уши, об этом и говорить не приходится. Долго продолжалась такая скрытая любовь, но, Его Величество СЛУЧАЙ положил всему конец, поставил точку над И, я же — крепко и навсегда водворился в сердце моей тайной любви Л.К.

«Нет худа без добра!» О! как правдива эта народная мудрость... При школе имелась большая гребная лодка, которой с разрешения начальства, в большинстве случаев, пользовались старшие классы. Дело было во время летних каникул.

Обе дочери генерала были в отпуску у родителей и частенько высиживали у окна, якобы занимаясь рукоделием, или чтением книг. На самом же деле, а в этом не могло быть и сомнений, они следили за теми, кто «гнули» различные стойки, крутились на турнике, или работали на параллельных брусьях, которые были у нас на заднем дворе, будто нарочно поставленные около самых окон квартиры генерала Каца.

В этот период Н.Ч., кадет старшего класса, хороший гимнаст, хорошо сложенный, иными словами, как у нас говорили: «тонняга парень» занимал первое место в сердце Л.К. Его идея была покататься на лодке. Идею приняли с большим энтузиазмом. Пригласили и Л.К., что и была главная причина поездки.

Выехали уже далеко от берега, во всяком случае за черту, до которой нам разрешалось плавать и вдруг, по причине одному ему известной, Н.Ч. схватил меня за руки, кто-то другой за ноги, раскачали и выбросили за борт.

Что же мне оставалось делать?

С, вероятно, глупой и испуганной физиономией, я начал плыть по направлению лодки, а Н.Ч., а с ним и другие, довольные своей умной выдумкой, стали грести в противоположную сторону.

Словно пантера накинулась Л.К. на доморощенного Стеньку Разина, схватилась за весла и стала грести ко мне. Подобного поворота всей этой истории никто из сидящих в лодке не ожидал, а тем паче я.

Несколько минут спустя, меня выудили из воды и вместо того, чтобы продолжать дальнейшее катание, возвратились домой.

С этой минуты шансы Н.Ч. упали до нуля, а мои, наоборот, поднялись на все 100%. Простил ли он себе когда-нибудь эту выходку, — я не знаю, но эта глупость, мальчишеский задор, желание показаться, — были для него хорошим уроком и быть может на всю жизнь.

Вскоре после этого случая Н.Ч. вместе с другими кадетами старшего класса были высланы на работы во Францию и (большинство) в Канаду на рубку леса. Этим и закончилась первая фаза обещаний мистером КРЕГОМ: Дальнейшего нашего ОБРАЗОВАНИЯ В ЛЮБОЙ ЧАСТИ АНГЛИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В ЛЮБОМ ЕЕ ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ.

С их отъездом, мы стали старшим классом в школе, еще не предполагая, что в недалеком будущем и нас ожидала та же участь.

Теперь, став старшими, нам надлежало занять места префектов в домах. В ПОСОЛЬСКОМ доме ее занял мой друг, одноклассник Павлик Крипак, в ШКОЛЬНОМ уже не помню кто, а в ЦЕРКОВНОМ старшим префектом был выбран я.

В тот период Хауз-Мастерами в домах были: полк. ПАВЛОВ в Посольском, полк. Муженков в Школьном и пор. Хлебников в Церковном.

После всевозможных вымогательств, угроз и, наконец, поджогов, оставаться в БУЮК-ДЭРЭ было уже больше невозможно и, подыскав подходящее для школы место в ЭРЕНКЕЕ, школа была переведена туда.

Утеряв родной, любимый Корпус с переездом в ЭРЕНКЕЙ, мы теряли последний клочок Русской земли, которым, мы считали, было РУССКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Мы становились бесправными гражданами без какой-либо защиты, судьба лишила нас родного гнезда и всего того, к чему она нас готовила, и единственно чего не смогли нас лишить и по сию пору, это безграничной любви к РОДИНЕ, ДОРОГОМУ НАМ ДОНУ и глубокой веры в то, что РОССИЯ воскреснет и в ней сыщется место новому «ДОНСКОМУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСУ».

Кадет (37-вып.) Александр Кунаков
Австралия. АПВЭЙ (1-VI-1972 года)

ПРЕБЫВАНИЕ ДОНСКИХ КАДЕТ В СИМФЕРОПОЛЕ

Не Александр крестил ли Третий
Начало корпуса тогда,
Когда текли в своем расцвете
России лучшие года?
Не эта верная основа
И славы будущий залог
Тебе, мой корпус, что ты снова
Родиться в грозной буре смог?

А. Туроверов — (35 вып.)

Краткая история 2-го донского Кадет. Корпуса уже была описана другими, и все же было очень мало или почти ничего не сказано о его фактическом основании и пребывании в гор. Симферополе в Крыму, а также о дальнейшем его переезде в Евпаторию — Стернице (Югославия).

Мне хотелось бы внести небольшое добавление или подробность в описание нашего пребывания в Крыму в частности (Симферополь — Евпатория).

Нам всем уже известно, что Донской Императора Александра III Кад. Корпус 22-го февраля 1920 г. с вновь назначенным директором Ген. Черячукиным, погрузился на пароход «Саратов» и покинул навсегда Родину.

В то же время многие кадеты, отставшие от корпуса по разным причинам (были в госпитале, выздоравливали или же находились еще в рядах армии) очутились в бедственном и безвыходном положении.

В этот момент на помощь им пришел бывший командир 2-ой сот. ген. Рыковский. Он сам был болен тифом и еще принадлежал к команде выздоравливающих, но, видя такое критическое положение кадет, а также своих сослуживцев по корпусу, он обратился за помощью к Донскому Атаману Ген. А.П. Богаевскому. При его содействии ген. Рыковский успел собрать 20 человек персонала и всех оставшихся больных кадет в Новороссийске. Эту отставшую группу (Дон. Корпуса) ген. Рыковский при помощи Донского Атамана вывозит в первых числах марта 20 г. в Крым — гор. Симферополь. Поскольку мне не изменяет память, в Симферополь попали следующие лица: Ген. майор И.И. Рыковский, который был назначен Донским Атаманом временным директором; инспектор классов ген. Ерофеев; ком. 3-ей сотни полк. А.И. Васильев; полк. А.П. Какурин; В. стар. Н.И. Попков; В. стар. Б.В. Суровецкий; полк. В.П. Фицхелауров; есаул Кирсанов; полк. Лукьянов; преподаватель истории А.И. Абрамцев, протодиакон о. П.Цуканов; эконоом Н.Д. Попов; трубач ур. Лисицин (был трубачом в Новочеркасске) и портной Иван Петрович Гусев (Петрович). Кадеты: И. Лобачев (будущий в.-вах. 34-го выпуска), В. Сизякин, В. Селиверстов, А. Афанасьев, Е. Дубенцев, А. Лошкарев, Н. Попов, Ф. Полковников, А. Севастьянов, М. Гнилорыбов, С. Донсков, В. Иловайский, М. Горелов, В. Попов, А. Попов, М. Линников, П. Маслов, Ф. Маслов, И. Суляев и единственный из Дон. Пансиона Андрей Ефремов.

В Симферополе вся отставшая группа, Дон. Императора Александра III Кадет. Корпуса была помещена в небольшой, но красивой вилле на Суворовской улице в так называемом Новом Городе. Раньше здесь помещалось отделение Симферопольской «чрезвычайки».

После перенесенных болезней, переезда, холода и голода, кадеты жили очень дружно. Первоначальное пребывание в Симферополе всецело сводилось к еде и сну — и это продолжалось до тех пор, пока у кадет не были восстановлены силы. Утром (в 8 час), трубач Лисицин давал сигнал «Подъем». Повестки для дежурного и дневального не было. Все поднимались одновременно: умывались, одевались, и в том же помещении, где спали, выстраивались на молитву. В хорошую погоду молитва была снаружи в небольшом дворике. После молитвы пили чай и, если не предвиделась какая-нибудь лекция, на которой кадеты засыпали, то до обеда все были свободны. Занятий в Симферополе не было и не могло быть — в этой скученной, болезненной и ненормальной обстановке.

Нас старались развлекать: водили в город. Мы осматривали музеи, памятники и знаменитый Воронцовский парк. Но эти хождения по городу утомляли кадет и они старались от них избавиться: удирали или прятались. Ходить по городу в нашем старом и, зачастую, порванном обмундировании, нам было стыдно. Хотя с нами выехал портной Гусев, но за неимением машины и починочного материала, он пришивал только пуговицы.

Кадеты любили уходить за город и там, на маленькой и любимой нами речушке «Салгирь» мы проводили все свободное время. Эта речонка была не шире 15-20 метров, а глубина ее редко где доходила до колена.

Мы, как бобры, строили на речке запруды из веток, земли и камней и устраивали себе бассейн, в котором купались, плавали и вообще, вдали от города, наслаждались природой.

Конечно, для нас это было более полезно и приятнее, чем бродить по городу. Кадеты любили заниматься и рыбной ловлей.

Как уже было сказано мною раньше, наш «Салгирь» был очень мелководный и поэтому в нем не водилась большая рыба, но всякой мелюзги как (пискарки, бубыри) было достаточно для нашего развлечения.

Мы смастерили самодельные удочки, накопили червей и ловили эту мелкую рыбку. Затем, здесь же на берегу реки поджаривали свой улов на железных листах и, посолив, съедали его.

Все это было интересно, вкусно и вызывало у нас своего рода спортивное соревнование — кто больше наловит рыбы.

В Симферополе, недалеко от нас, были расположены «Бой — скауты». Они помещались в очень хорошем двухэтажном особняке с большим двором, обнесенном высокой каменной стеной. Скауты всегда были хорошо одеты в защитную форму. Носили на шее различные цветные платочки: имели и различные значки на груди. Конечно, их пищу — нельзя было сравнивать с нашей — кадетской...

Скауты жили своей, я бы сказал, замкнутой средой: никого не трогали и не мешали жить. И как ни странно, для нас кадет, они были, как бы враг № 1-ый. Мы их, почему-то сильно недолюбливали. Но все было тихо и спокойно... Пока не произошел следующий случай. В один из наших обычных дней мы пришли купаться на нашу речушку «Салгирь». И, о ужас! Вся запруда была разрушена. Наш бассейн для купания был уничтожен и воды в бассейне не было... Мы не знали причину этого... Мы не могли и предполагать: кто бы мог сделать это? Но, кто-то из кадет сказал, что он видел группу скаутов, шедших в этом направлении к речке. Конечно, нас обуяло негодование и желание отомстить виновным.

Хорошо помню, как мы сманеврировали: будто, возвратились домой, а сами спрятались в кустах и... ждали прихода скаутов. Наконец они вышли и двинулись в направлении нашей разрушенной запруды; нам оставалось только ждать, когда они приблизятся к нам. Затем, по данному сигналу нашего начальника, мы дружно и внезапно бросились на нашего врага.

Нас было меньше, чем скаутов. Но наша подготовленность и внезапность атаки давала нам большое преимущество. Хотя с большим трудом, но мы загнали скаутов в их подворье.

С тех пор, когда наша группа кадет проводила время на реке «Салгирь», скауты больше никогда не появлялись. Вероятно, им запретили иметь дело с нами — «дикарями».

С нашей речонки мы возвращались домой веселые и жизнерадостные: сразу попадали на ужин. Я уже не помню, что было на ужин. Думаю, что очередная «шрапнель» или фасоль.

После ужина всегда была переключка, затем молитва и большинство укладывалось спать. Спали мы все в большой комнате, вероятно раньше служившей как гостиная: спали на полу рядом один к другому, подстелив под себя одеяло. Если имелось другое одеяло, то им укрывались, если же — не было, то укрывались шинелишкой. Пока было 20 кадет, то можно было помещаться в этой большой комнате, но после приказа ген. Врангеля и ген. Богаевского об отчислении из рядов армии всех несовершеннолетних, в корпус стали прибывать все больше и больше кадет, и на нашей даче, несмотря на летнее время (некоторые спали снаружи), стало очень тесно. В корпус стали прибывать кадеты: Донского и других корпусов: Л. Греков, М. Сарин, Д. Сарин, П. Косоногов, А. Поляков, В. Данилов, М. Соседов и др. Их прибытие очень уплотнило эту маленькую виллу.

Когда в корпусе было собрано около 50-ти кадет, то по приказанию Донского Атамана ген. Богаевского корпус был переведен в гор. Евпаторию. Это произошло летом 1920 года. К нам в Симферополь совершенно неожиданно приехал ген. Богаевский. Мы все были выстроены в большой комнате. Атаман вошел, поздоровался с нами. После, осмотрев помещение, он убедился, что мы не можем оставаться в этой вилле. Она уже была мала для нас. Летом, того же 1920 года, мы были переведены из Симферополя в

Евпаторию. Всех кадет разместили в вилле богатого купца — ТЕРЕНТИЕВА. Там находился трехэтажный особняк, на берегу Черного моря, с флигелем во дворе, в котором помещались младшие классы. Там же был сад, обнесенный каменной стеной и в центре сада фонтан (недействующий), все было запущено: многие деревья засохли, а дорожки в саду — занесены песком. И все же кадеты очень любили, по вечерам, собираться в саду на террасе и петь песни. Эти песни были необходимы нам: они, как-то переносили нас в далекие, покинутые нами родные края и, в то же время, вносили в нашу обыденную, серую и неопределенную жизнь, какое-то маленькое, временное разнообразие. Хором, обычно, управлял наш кадет Сима Родионов. В саду дачи во флигеле были размещены питомцы Донского Пансиона, которых было около 20-ти человек.

Итак, из отставшей группы персонала и кадет Донского Императора Александра III Кадет. Корпуса, перевезенных при помощи ген. Рыковского в Крым (гор. Симферополь), образовался «Новый Донской Корпус», который уже в августе 1920 г. начал свое существование (получив позже, при эвакуации за границу, имя 2-го Донского Кадетского Корпуса). При всем этом должен добавить: мы старые кадеты, а также и вновь поступившие — никогда не снимали темно-синий погон с вензелем Императора Александра III-го.

Пользуюсь словами из стихотворения Александра Туроверова:

Второе корпуса начало...
Смерч не сорвал у нас погон.

Вскоре начали прибывать в корпус бывшие кадеты, стали принимать в корпус и со стороны. Таким образом, уже в августе 1920 года в корпусе насчитывалось до 120 кадет и в приготовительном пансионе около 50 питомцев.

Директором Корпуса был ген. майор И.И. Рыковский; инспектор классов ген. Ерофеев, командир 1-ой сот. и единственной, т.к. мы, за малочисленностью, были сведены в одну сотню, был полк. А.П. Какурин, воспитателями были: В. стар. Б.В. Суворецкий, ес. Кирсанов, В. стар. Н.И. Полков и В. стар. Пахомов. Начальник пансиона — В.П. Фицхелауров, а воспитатель — сотник П. Земцов.

В Евпатории впервые была выдана одежда (так называемая форма): парусиновые серые гимнастерки, такие же брюки и белые парусиновые ботинки, кроме того, перед самой эвакуацией мы получили: полушубки (кожухи) и высокие папахи. Выдали нам и синие сумочки, в которые, как сказал ген. Рыковский: «Положим сахарок, сольце и хлебушек и пойдем грузиться на пароход».

И действительно в таком виде: в высоких черных папахах, полушубках и парусиновых туфлях с синенькими сумочками, наш юный Донской Корпус, рано утром 2-го ноября 1920 года после молитвы, совершенной о. В. Боцановским в присутствии Директора и всего персонала, походной колонной пошел для погрузки на ближайшую пристань для того, чтобы навсегда покинуть свою Родину. Погрузили нас на пароход «ДОБЫЧА», который, из-за мелководности порта, стоял на внешнем рейде и нас перевозили на баркасах.

«Добыча», старый торговый пароход, принадлежавший Австро-Венгрии, но в период первой Мировой Войны был захвачен русскими и вот на нем, хотя и с одним котлом, мы дошли до Константинополя. Наше пребывание на пароходе уже описано другими, но мне, все же, хочется добавить: дорогой кадеты, буквально, голодали, нашли где-то муку и из нее, с соленой водой, делали лепешки, их прилепливали и поджаривали на пароходных трубах и такими, полусырыми, ели и было вкусно (голод не тетка)... А с водой было, еще, хуже. Пили воду, смешанную с фасинным маслом, которую доставали из пароходных котлов. В Константинополе пробыли около месяца, нас перебрасывали с одного парохода на другой и, наконец, перевели на океанский грузовой пароход «ВЛАДИМИР», который доставил нас в «БАКАР» — северную бухту Королевства С.Х.С. Там, на берегу бухты Бакар, как уже описал В. Данилов, нас ожидала дезинфекция, затем нас накормили, а утром на ближайшей железно-дорожной станции мы погрузились.

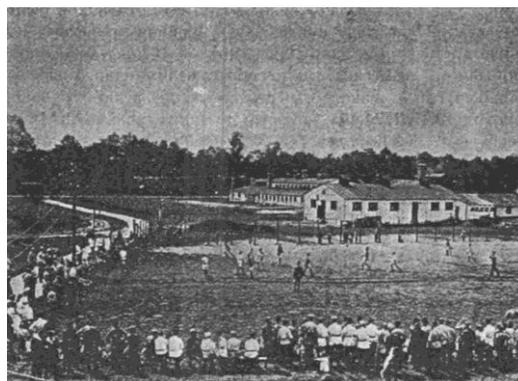
27-го декабря 1920 года Донские кадеты отправились в дальнейший путь, но уже по территории Королевства С.Х.С. Ехали в товарных вагонах (теплушках) — было холодно, но легко: мы были сыты и без насекомых. Нам было сообщено, что едем в Словению в лагерь «Стернице при Птую».

Первая остановка была в городе Загребе (столица Хорватов). Здесь у нас произошла небольшая неприятность. Дело в том, что Хорваты, вообще, недолюбливали русских, а в частности военных, и когда мы приехали в Загреб, наш состав был поставлен на запасный путь, и вдруг началось улюлюкание и крики: «Эй Ви Врангелевци, идите натрак за Русию», — и начали бросать в нас камни. Тогда кадеты выскочили из вагонов и, хотя нас отделял забор, бросились на эту группу рабочих. Чем бы кончилась эта схватка — я не представляю? Но, внезапно появившиеся жандармы быстро разогнали всех рабочих. Этим все было закончено; мы, получив горячий чай и хлеб с салом, тронулись дальше.

ЛАГЕРЬ СТЕРНИЦЕ

Нам не пришлось быть долго в пути и уже рано утром мы прибыли на полустанок Свет Лавренц на Дравском Полю. Это была ближайшая станция от Стерница, куда мы и отправились походным порядком.

Весь лагерь состоял из сотни белых деревянных продолговатых барakov (с небольшими окнами под самой крышей), выстроенных на ровной местности, с правильным линейным расположением и с большими прямыми улицами перед передней линией барakov. Вокруг лагеря, как бы окружая зеленым кольцом, был высокий, строевой сосновый лес и только в западной своей стороне лес прорывался. Там были крестьянские поля, а за ними – широкая и быстрая река ДРАВА.

Вид лагеря Стернице и футбольное состязание

Лагерь Стернице во время Австро-Венгерской монархии был лагерем для военнопленных и ими же был выстроен. При нас пленных уже не было, но след их тяжелой и незавидной жизни остался: это громадное кладбище с тысячами могил. Мир праху доблестным Русским Воинам, погибшим в лагере за свою Родину.

По прибытии корпуса в лагерь Стернице, мы были размещены в двух деревянных бараках, оббитых толем, с протекавшей насквозь крышей, так что нужно было подвешивать железные банки или котелки, чтобы вода не капала на голову. Температура в бараке всегда была немного выше нуля, т.к. согреть барак, особенно, в первые дни нашего пребывания в лагере, не представлялось никакой возможности. Помещение было большое, длинное, а, главное, у него не было потолка. Кроме того, было много окон, из которых некоторые не имели стекла, а самое главное и необходимое — это печь: большая, высокая, железная и единственная — на все громадное помещение деревянного барака. Печь находилась в центре барака, у которой мы грелись, как у костра, но как только отходили от нее к своим кроватям, печь переставала согревать и не давала тепла.

Правда, все это было в первое время нашего пребывания. Вскоре стекла были вставлены, крыши забиты толем, чтобы вода не проникала во внутрь и вообще, как-то все сгладилось и приняло более нормальный вид.

Кровати наши представляли не что иное, как деревянные раздвижные козла с натянутыми поперек матерчатыми полосами, на которые клались соломенные матрасы и, такие же, подушки. Покрывались одеялом и шинелью, у кого она имелась, но все равно ночью многие вставали и шли греться к железной печке, огонь в которой поддерживался всю ночь очередным дневальным кадетом.

Пилка и рубка дров, обычно, производилась кадетами, вступившими на дневальство: они с утра заготавливали дрова на весь день и ночь. Бараки, за неимением электричества, освещались, довольно тускло, керосиновыми лампами, но все же подойдя ближе к лампе, можно было читать.

В бараке было две двери: одна — главная, выходившая непосредственно на улицу, а вторая была на противоположном конце барака и выходила в помещение, где мы имели уборную и умывалку (с ледяной водой), а дальше в сосновый лес. Были и другие двери (боковые), но они всегда были наглухо закрыты.

Началась зима 1921 года, выпал глубокий снег и при всех житейских и барачных недостатках, кадеты все еще ходили в своих парусиновых туфлях и только в середине зимы были выданы английские военные ботинки больших размеров и кадеты младших классов ходили в них, как на лыжах.

Я написал два барака и две сотни, т.к. в Стернище мы уже имели две сотни: Первая сотня: 4, 5 и 6-ой классы. 7-го класса у нас еще не было, и вторая сотня: 1, 2 и 3-ий классы. Старший класс пригготовительного пансиона был переведен в первый класс.

Директором корпуса все еще был ген. И.И. Рыковский, хотя уже ходили слухи, что он будет заменен, кем-то другим. Командиром 1-ой сотни — полк. А.П. Какурин, а 2-ой Н. И. Попков (Войск. стар.), он же был и воспитателем 3-го класса. Воспитателями были: полк. Лукьянов, Ес. Кирсанов, Полк. И.Ф. Сулацков, Войск. стар. Б.В. Суровецкий, Ес. Болотин, С.В. Болдырев (полк.), Полк. В.П. Фицхелауров и сотник П. Земцов. Законоучитель был о. Василий Бошановский.

Вскоре прибыл новый директор Ген. майор А.И. Бабкин. Приказом от 3-го декабря 1920 года по Войску Донскому он был назначен директором Донского Корпуса. Ген. Бабкин родился в 1882 г. в станице Мигулинской Области В.Д.

Директор корпуса ген. майор А.И. Бабкин (1921-1922)

В 1893 году 18 августа был определен в Дон. Императора Александра III кад. Корпус, который и закончил В-ур. в мае 1900 года (11-ый выпуск). По прибытии ген. Бабкина жизнь корпуса изменилась в корне.

Многие воспитатели и преподаватели покинули корпус с нашим и нами любимым Директором Ген. майор И.И. Рыковским.

Ген. А.И. Бабкин был заслуженным офицером и Офицером Генерального Штаба. Всегда подтянут, хорошо одет, в прекрасной николаевской шинели (стар. времени) с аксельбантами и небольшой бородкой, все это производило на кадет большое впечатление, я бы сказал положительное, т.к. мы сразу увидели в нем офицера, с малиновым звоном его шпор.

Вначале он присматривался к корпусной обстановке, а затем начал действовать. Он сразу же сменил нашего заслуженного и доброго командира 1-ой сотни полк. А.П. Какурина, а на его место был назначен Ген. А.М. Сутулов — бывший сменный офицер Николаевского Кавалерийского Училища, и, конечно, все изменилось. Возможно, ген. Бабкин был прав, т.к. в корпусе, после всего перенесенного нами, был большой упадок во всех отношениях: моральном, учебном и дисциплинарном; все это надо было поднять и урегулировать заново.

Этого требовала сама внутренняя сторона жизни нашего корпуса. И несмотря на все это, необходимо было принять во внимание то, что мы были еще, только, юноши и дети и как ученики не виноваты во всем случившемся, а окружающая обстановка и сама жизнь привели нас в такое ненормальное положение (отступление, болезни, голод и армия). Фактически, это была общая болезнь времени, к которой нужно было, по возможности, отнестись осторожно и внимательно, не нарушая внутренний уклад жизни корпуса. К сожалению, это не было учтено, и кадеты, особенно старшие классы, стали в оппозицию новому и, по всей вероятности, талантливому и энергичному директору. Вскоре к нам прибыли новые воспитатели на место ушедших: ген. Кучеров, ген. Еманов и полк. Золотов (военный юрист). Как уже было сказано ком. 1-й сотни был назначен ген. А.М. Сутулов. Бывший сменный офицер Ник. Кав. Училища, он привык иметь дело со взрослыми юнкерами. Став ком. 1-ой сотни, он держал себя так же, как в училище кадеты 1-ой сотни были для него юнкерами. Когда ген. Сутулов входил в барак, подавалась команда «Смирно». Затем подходил дежурный по сотне с рапортом; выслушав рапорт, Сутулов проходил по бараку и осматривал чистоту помещения, как застелены кровати и, не дай Бог, если замечал какой-нибудь окурок на полу — сразу кричал: «Дежурный портупей юнкер, ко мне». Дежурный по сотне кадет подбегал — он указывал рукой на окурок, спрашивал: «Что это?» Дежурный отвечал: «Не могу знать» — «А Вы не знаете, два наряда в неочередь».

Затем опять повторял свой вопрос, дежурный кадет молчал — «Вы молчите, значит, не знаете, возьмите еще два наряда»... Затем шел дальше, продолжал свой осмотр барака. Своей строгостью он достиг того, что при его появлении и при приходе ген. Бабкина все кадеты, если имели на это возможность, уходили в лес, оставляя барак пустым. Это ненормальное положение вылилось в открытую борьбу по отношению к директору, которая продолжалась с 1921 г. по 18 мая 1922 г., когда ген. Бабкин по болезни был отозван Державной комиссией, а директором был назначен инсп. клас. ген. Е.В. Перрет. При ген. Бабкине из корп. ушли: ген. Рыковский, ген. Ерофеев, Полк. Сулацко, в. В.С. Попков, ес. Кирсанов, ес. Болотин, преподаватели А. Васильев, Маргаритов и др., а также были исключены кадеты: В. Селиверстов, В. Сизякин. А. Севастьянов, Ф. Полковников, П. Косоногом, В. Тришкин, С. Донсков, В. Иловайский, С. Бегинин, П. Меходуй. Почти все кадеты были приняты в 1-ый Русский кад. корпус, который позже закончили в Сараево. Но все же корпус начали приводить в надлежащий вид: было выдано обмундирование из Австрийского-Мариборского корпуса, а также первой сот. — американское. Настала весна, и стало много легче с отоплением и с питанием. Появились отпечатанные учебники, начались регулярные занятия, и к осени 1921 г. нас перевели в следующий класс. Число кад. возрастало, принимали кадет со стороны и к зиме, когда наш корпус был переведен в гор. Билече (ноябрь 1921 г.) — нас уже было три сотни со

старшим 7-ым классом и с Вице-вах. И. Лобочевым. Корпус начал опять нормальную жизнь, а в августе 1922 г. приказом Донского Атамана наш корпус получил вензель «Донского Императора Александра III-го Кадетского Корпуса».

Д. Сарин — (37-вып.)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 2-ГО ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Ид предыдущего изложения уже известно, что многие кадеты не смогли выехать на «Саратове» — тифозная вошь уложила многих в новороссийские госпитали. Были среди них и чины персонала корпуса - в званиях вошь не разбирается. Оказался в числе больных и генерал И.И. Рыковский. Это был на редкость добрый человек, горячо любивший кадет и любимый ими. Оправившись от сыпняка, он собрал полтора десятка выздоравливающих кадет и полубольных преподавателей и воспитателей, и собранная им группа с благословения Донского Атамана ген. Л. П. Богаевского и как, отдельная, отставшая группа Донского Кадет. Корпуса была перевезена в Крым — в одиночном порядке ни кадеты, ни чины персонала не выбрались бы из Новороссийска.

В Крыму отставшая группа Донского кад. корпуса, в составе 15 кадет и около 20 человек персонала, была помещена в одном доме на Суворовской ул. (в Нов. Городе) в г. Симферополе. В качестве военно-учебного заведения корпус получал из Донского казначейства денежные средства, а персонал — жалование, соответствующее его чинам и положению. Когда летом 1920 года все Донские тыловые организации, как напр. интендантство, лазареты, швальни и проч., были сосредоточены в г. Евпатории, туда же был переведен и корпус. Разместился корпус на 5-ой Продольной ул. в вилле известного сахарозаводчика Терентиева. Вилла представляла собой роскошный трехэтажный особняк с флигелями и полузанесенным песком садом с фонтанами. Все это пустовало. История этой виллы такова: Терентиев, миллионер-сахарозаводчик и позже — министр финансов во Временном Правительстве, не жалея средств, построил барскую виллу для своей семьи, почти у самого берега моря. Семья приезжала сюда на лето. Евпаторийский пляж тянется на десятки верст. Море около Евпатории мелкое: нужно пройти полверсты, чтобы глубина достигла двух метров. Вода здесь хорошо прогревается солнцем и всегда теплая. Семья Терентиева увлекалась купанием, но случилось так, что его любимый сын утонул. Как он умудрился это сделать, мне до сих пор непонятно; может быть, судорога его схватила или же потерял сознание, во всяком случае, исключая это, там утонуть трудно. Утрата сына так подействовала на Терентиева, что он покинул Евпаторию и больше туда не возвращался.

Летом 1920 года ген. Врангель издал приказ об отчислении из рядов Русской Армии (так при нем стала называться Добровольческая армия) всех несовершеннолетних, не окончивших средне-учебные заведения. Несколько позднее подобные же приказы были изданы Донским, Кубанским и Терским атаманами. Удаляемых из Дон. армии направляли в Евпаторию «в распоряжение директора 2-го донского кадетского корпуса». Таковым, как я уже говорил, был ген. майор Иван Иванович Рыковский. При корпусе был создан руководимый полковником В.П. Фицхелауровым Донской Пансион, куда попадали неграмотные вояки лет 8-10. Среди пансионеров была большая прослойка калмыков. Было достаточно калмыков и среди кадет: Бурульдушов, Цуглинов, Тепшинов, Алексеев и др. За вояками посылались от корпуса в воинские части трубач Лисицын, привозивший упирающихся бойцов. Были и групповые зачисления, как напр., когда из Атаманского военного училища были отчислены в корпус юнкера: Иван Фастунов, Николай Букин, Семен Бегинин и Николай Басов. Трое из них попали в третий класс, а Басов — в четвертый. После выхода армии в Сев. Таврию в корпус прибыл кадет Киевского кадетского корпуса Захаржевский. Тому не повезло — он попал сначала в плен к махновцам, и с трудом ему удалось оттуда удрать к белым. Я лично попал в корпус вместе с сыном генерала Готуа, Жоржем-Гигулей, как его называли в семье. До того я был в

команде огородников 7-го Запасного батальона, которым ген. Готуа командовал. 6 августа 1920 года я был зачислен на все виды довольствия и получил порядковый номер 106. Из этого следует, что состав корпуса за это время успел достаточно вырасти. Из корпусного персонала я застал в Евпатории следующих: директор корп.-ген. М. И.И. Рыковский, директор Пансиона полк. Фицхелауров, воспитатели: стар. 5-го класса — полк. А. Кукурин (Шелопут), 4-го — ес. Кирсанов, 3-го кл. — войск. ст. Н.И. Попков, 2-го и 1-го кл. — войск. Ст. Пахомов; преподаватель математики — Чекамасов, преподаватель истории — А.И. Абрамцев.

Других не помню, хотя били еще преподаватель русского языка и «француз», но их фамилии просто выветрились из памяти.

Занятия — облегчённые и укороченные. Ни учебников, ни пособий не было. Помню, писали мы диктовку на листках бумаги огрызками карандашей. Преподаватель обходил, указывал ошибки, затем тщательно резинкой стирал написанное, чтобы использовать эту же бумагу в другом классе. «Чекамас» и «Ну-те», т.е. математик и историк, преподавали по памяти. Кроме того, занимались мы, конечно, и строевыми занятиями, и войсковой старшина Попков гонял нас, как строевую смену в манеже, меняя аллюры до намёта включительно. Этот вид обучения назывался «пеший по конному».

Пока было тепло (в августе и сентябре) купались три раза в день. Это — официально, а неофициально — и чаще. Позднее, осенью, когда началась общая стрижка под нулевой номер, две машинки сломались — настолько они были забиты песком.

Форма одежды, питание, ночлег. Вначале ходили все в «своём», кто что имел, то и носил. Позднее, из Донского интендантства мы стали получать светло-серые рубашки и такие же брюки из «чёртовой кожи»; материал был действительно чертовской прочности, но все расползлось, так как сшито было слабо. Форму дополняли белые парусиновые ботинки и английские фуражки с донской кокардой (у кого она была). Основу питания составляла «шрапнель» (перловая каша) и «сечка» — дроблёная пшеница, сильно напоминавшая плохо проваренный клейстер. Иногда баловали нас ржавой камсой — мелкой, густо засоленной рыбёшкой, или же сушёными бычками; последние отличались обилием песка. Столовой у нас не было. Во дворе были врыты столбы и на них лежали плохо отструганные доски. А когда заходило, каждый класс ел в своем помещении и на них лежали плохо отструганные холодало, каждый класс ел в своём помещении — там же спали и занимались. Летом все спали под открытым небом. Каждому выдали по одеялу и подушке, а спальня — по вкусу; хочешь — на веранде, а хочешь — под деревцом в саду. В дополнение к питанию утром и вечером нам давали «чай». Пишу в кавычках, так как сам Дмитрий Иванович Менделеев на смог бы точно определить его состав. «Чай» этот, конечно, был без сахара. Позднее выдали по два фунта сахару на нос — прямо на руки, и большинство свой сахар сейчас же благополучно «загнало». Деньги пошли на добавочный хлеб, а «чай» пили с сахаринром. Было дополнение и к обмундированию: выдавали нижнее бельё из какого-то материала вроде бязи. А в день эвакуации выдали недубленные полушубки и высокие папахи чёрной смушки - так в Евпатории, через семь столетий после исчезновения снова возродилось племя «чёрных клобуков». Это справка крайне важная для грядущих историков.

Добавим кое-что о ночлеге. Когда сильно заходило, выдали нам набитые соломой матрацы — вернее, просто большие мешки — по три мешка на двоих. Матрацы укладывались в ряд на полу, и на них, один к одному, ложились кадеты. Не было ни электричества, ни даже карбидных ламп. Взамен этого на каждую спальню выдавался один «каганец» (несмотря на древнюю Евпаторию, это был вовсе не греческий светильник, а коптилка с подсолнечным маслом). Было очень весело, так как сажа от этого каганца заполняла воздух на манер паутины во время бабьего лета, оседала на лица спящих и забиралась в носы. Вставали африканцами. К тому же умывание стало «буржуазным атавизмом», и мы очень напоминали негрятят. Бани не было и в помине, и отечественная вошь плодилась и размножалась, никем не тревожимая. Уборной служила вырытая в саду канавка с бревном. Но кто же будет ночью бежать за триста шагов, когда «маленькая нужда» может быть совершена и с крылечка спальни? Так обычно и бывало.

По воскресеньям весь корпус водили в местную греческую православную церковь. В корпусе же богослужений не совершалось. Да даже и священника вначале вообще не было. Два раза в неделю весь корпус «справа по шести» шёл на прогулку в город. По дороге пели. Пели хорошо. Пели и по вечерам, когда собирались либо на веранде, а когда заходило, в спальне 4-го класса. Регентом был человек с абсолютным слухом Сима Родионов, бывший семинарист. Пели казачьи песни, пели и добровольческие: «Вспоили вы нас и покормили», «Слышали деды — война началась», «На берег Дона и Кубани», «Пусть свищут пули, льётся кровь», и многие другие.

Книг для чтения не было. Правда, в городе была общественная библиотека, но она была закрыта. Зато рассказы о боевом прошлом с успехом заменяли книги. Каждый повидал достаточно и «хлебнул горячего до слёз». Были и мастера-рассказчики, целыми вечерами передававшие своими словами содержание когда-то ими прочитанных книг. Одним из таких мастеров был Сёма Бегинин (быв. гимназист из Новочеркасска, бывший юнкер-Атаманец, а в 1920 — кадет 3 класса). Он в течение двух недель рассказывал «Графа Монтекристо», передавая, в общем, правильно содержание книги (я её читал раньше), но, уснащая рассказ такими словечками, что Дюма-пер, наверное, вертелся от зависти в гробу. Скажем короче: живое устное вытеснило печатные труды.

Картина наших досугов была бы неполной, если не упомянуть о всеобщем увлечении шашками. Все столы и скамьи были расчерчены как шашечные доски, белые и чёрные камушки заменили шашки, и турниры велись во всё свободное время.

Эвакуация

Зима 1920 года была исключительно суровой — Сиваши (Гнилое море у Перекопа) замерзли, что случалось раз в тридцать лет. К концу октября по городу поползли тревожные слухи: фронт откатился к Перекопу. Потери велики. Красные жмут, а задержать их некому. Кадеты заволновались — каждый хорошо понимал, что его ожидает, если он живьем попадёт в лапы РККА. «Ванюша» Рыковский собрал всех кадет и, подтвердив, что положение на фронте угрожающее, пообещал, что корпус пойдёт походным порядком на Севастополь, где будет погружен на пароходы. Однако этот поход не состоялся; 1 ноября стало известно, что для эвакуации казачьего населения Евпатории придёт целая флотилия, которая вывезет всех желающих. На следующий день, 2 ноября, нас разбудили задолго до рассвета, накормили «шрапнелью», выдали полушубки и папахи и повели в порт. Когда мы входили на мол, мне бросился в глаза серебряный полковничий погон, вырванный «с мясом» и втоптаный в грязный снег. Вот тут-то я понял, что дело наше — табак. Евпаторийский порт — мелководный. Прибывшие для эвакуации суда стояли на внешнем рейде, а у молов сустились рыбацьи парусные баркасы, перевозившие людей и вещи на пароходы на рейде.

Дошла очередь грузиться на баркас и мне. Вместе со мной были там и калмыки из пансиона. Как и подобает истым степнякам, они уже на пути к рейду стали «кормить рыбку». Баркас причалил к высокому серому борту с надписью «Добыча». Между прочим, краткая история «Добычи» такова: военный транспорт в 8 тонн водоизмещения, из-за устарелости был продан Турции; во время Великой войны взят нашим флотом в качестве военного трофея, а по приходе в 1918 г. немцев в Крым снова возвращен в Турцию. Но когда союзники заняли Константинополь, они вернули «Добычу» России. Так вот эта самая «Добыча» была флагманским кораблём лихой евпаторийской флотилии. Скорость её — 4 узла! Под командой «Добычи» находились суда: колёсный донской пароход «Румянцев», донской речной пароход, чуть ли не парамоновского флота, «Эльпидифор» и какие-то посудины «212» и «214» тоже, по-моему, из донского пароходства. Для охраны эвакуации прибыло два «балиндера» — самоходные баржи с двумя шестидюймовками типа «Канэ» и на дизель-моторах. А горючего для них не было. В результате, когда погрузка на пароходы была закончена, военные катера «Язон» и «Работник» вынуждены были затопить балиндеры с помощью своих «гочкисов». Но... в трюмах балиндеров была питьевая вода и галеты, а один из них стоял борт о борт с нашей «Добычей». И вот я,

недолго думая, перескочил на балиндер и юркнул в трюм. Нашёл галеты и набрал в крышку от орудийного снаряда воды, а потом стал карабкаться наверх. Люк оказался задраенным толстыми досками. Оставались считанные минутки до взрыва. Руки были заняты, готовой же поднять доски люка я не мог. Но зато поднял такой дикий рёв, что кто-то из матросов услышал и, наградив меня парой затрещин, переправил на «Добычу», куда я и явился со своей добычей. После этого балиндер «отдал продольный», и катер деловито потянул его взрывать.

Последнее, что я видел в Евпатории и вообще в России было: вытянувшаяся вдоль берега белая панорама города, освещенная зимним солнцем, свинцовое, штилевое море. И это последнее видение сопровождалось гулкими взрывами на балиндерах. Один из них «свиньёй» пошёл ко дну, а другой загорелся и стал уходить в море. На «Добыче» заскрежетали якоря, и она двинулась в неизвестное. За ней в кильватерной колонне поплелась и вся евпаторийская флотилия. К моменту ухода появилась в качестве охраны французская канонерка. По пути в Константинополь, а шли мы трое суток, нам два раза выдавали корн-биф с немолотым овсом и по три чашки воды. И это — всё. К счастью погода была штилевая, иначе вся наша бравая флотилия пошла бы за Садко в гости к морскому царю. Калмыки пробовали пить морскую воду, но их выворачивало и сверху, и снизу. Я же пил воду из лебёдок — отработанный пар вместе с мазутом.

Медленно вползла наша старушка «Добыча» в бухту Золотого Рога и заняла своё место на плавучем городе «врангелевцев». Кораблей была уйма: от сверхдредноута «Генерал Алексеев» (бывший «Александр III») до портовой землечерпалки, не говоря уже о различных парусниках. И на всех судах развевались желтые, карантинные флаги и флаги с требованием воды и хлеба. Англичане широко откликнулись и стали развозить суп из сушёных овощей (который мы называли «английским борщом»), с картошкой «в мундире» и морские галеты. Есть это поило никто не мог — вылавливали картошку и галеты, а все остальное выливали за борт. Около кораблей сновали каяки «кардашей» — торговцев-турок. За золотые часы давали два кило хлеба, связку инжира и литр воды. За наган — тоже давали столько же плюс полкило халвы. Тут для корпуса начались бесконечные перегрузки, а надо сказать, что к моменту эвакуации нас было уже свыше двухсот человек — следовательно перегрузки были делом довольно сложным. Пришлось побывать на разных судах, покуда не попали на «Великого князя Владимира». А до того перебрасывали нас сначала на «Витим», потом на плавучие мастерские «Кронштадт», «Шилку» и «Саратов». На «Владимире» находился и Крымский кадетский корпус, составленный тогда, главным образом, из кадет Полтавского и Владикавказского корпусов. «Владимир» взял курс на Сербию, шёл не торопясь, и только через десять дней мы прибыли в Бакар (Порт Рэ) — самый северный порт на Адриатическом море, принадлежавший Королевству сербов, хорватов и словенцев. А всего мы пробыли на кораблях ровно месяц. Помню как священник о. Василий Бошановский отслужил по этому случаю молебен.

В Бакаре нас накормили белым хлебом и вареным мясом (я ухитрился получить дважды) и, после дезинфекции, нас на следующий день отправили на железнодорожную станцию.

Но сначала — о дезинфекции: она производилась в железных вагонетках, где был налит раствор сулемы. Вещи сдавали в вошебойку. Я сдуру сдал свой кожух — получил обратно хорошо зажаренный «шницель».

Итак, на следующий день мы пошли за пять километров на станцию. Сутки в пути. Остановка в Загребе. Там сербская женская организация «Коло српских сестара» покормила нас салом и хлебом, и мы поехали дальше. Рано утром поезд остановился на полустанке «Св. Лаврентий на Дравском поле» (Шент Ловренц на Дравском полю) — около бывшего лагеря для военнопленных — «Стернице при Птуи». Бесконечные аллеи саженого сосновоу леса, глубокий — по колено — снег, и со щелями бараки. Заботу о нашем пропитании взяли на себя католические монахини — мы их сейчас же прозвали «аэропланами» за головные уборы. Монахини готовили также и для беженцев из Истрии, тоже размещенных в лагере. Питание было: мамалыга, суп из пареной репы, жидкая

фасоль и чай. Прости им, Господи, но чай они почему-то варили как суп: он имел вкус разваренного веника, а сверху плавал густой слой жира, так как мытьем котлов себя не утруждали и все варили в тех же котлах. Короче говоря, было и мало, и скверно. А «лопать» хотелось сильно. Ведь во время нашего мореплавания мы получали кило хлеба на четырёх и фунт корн-бифа на восемь человек.

Вшей было «несть числа», но мы с ними справились довольно быстро — просто каждую неделю баня и перемена белья. Но вот было другое обстоятельство — малокровие, развившееся на почве недоедания. Оно давало о себе знать довольно долго; почти все мучались от фурункулов, и потребовались месяцы правильного питания, пока от этого отделались. Кухня перешла в наше ведение, и главным поваром стал есаул Телухин, или, как мы его называли, «дядя Вася». К нему были приставлены помощники — «отцы, старики» — донцы, приставшие к корпусу во время наших скитаний по морям. Готовили они добротню, как уж то повелось исстари на Дону. И вот тогда все наши болячки стали проходить.

Кое-как всё постепенно утряслось: бараки были слегка зашпаклёваны, созданы классы и началось обучение. Но тут начались и новые волнения. Дело в том, что генерал-майор И.И. Рыковский был отстранён от директорства, а вместо него директором был назначен генерал-майор Бабкин. О нем я могу сказать очень мало. Знаю, что он был адъютантом Войскового Атамана и, когда ген. Богаевский в сентябре 1920 года объезжал Донские части и попал в засаду, Бабкин перестрелял наиболее наседавших на автомобиль будёновцев и таким образом Атаман был спасён. По своему внешнему виду генерал Бабкин был строевым щеголеватым офицером, умел импонировать, а с кадетами всегда здоровался, называя их «Донскими орлятами». Это подкупало. Он очень заботился и о внешнем виде кадет, доставая откуда только можно было обмундирование. Помню, как-то зашёл у нас разговор с директором о том, что «крымцы» одеты лучше нас. Кто-то вставил: «Ну что ж, что плохо одеты. Зато мы — Донцы!» На это ген. Бабкин ответил: «Быть Донцом — хорошо. Но надо, чтобы и внешний вид соответствовал казачьей сметке...»

Короче говоря — Бабкин был очень неплохим директором, но вся беда в том, что отчисленного ген. Рыковского и тех воспитателей, которые были отчислены от корпуса вместе с ним, кадеты очень любили и никак не могли примириться с мыслью об их уходе.

Я говорил выше о том, что ген. Бабкин доставал обмундирование, как только мог. Укажу некоторые источники, откуда он его доставал. В г. Мариборе, в тридцати километрах от Стернище, на австрийской границе стоял австро-венгерский кадетский корпус, который вскоре был расформирован. В 1921 году в нем оставались кадеты 6 и 7 классов. На Пасхальной неделе 1921 года выпускники-мариборцы приехали в гости к русским кадетам в Стернище. Был парад обоих корпусов — Донского и Крымского, а вечером — общий бал. Вскоре после этого визита всё обмундирование младших классов австро-венгерского корпуса было передано донским кадетам. Мундиры, правда, нам не подошли, но светло-синие брюки и голубые рубашки стали парадным обмундированием второй сотни. Летом 1921 года ген. Бабкин получил откуда-то пижамы, и, как бы забавно это ни звучало, пижамы стали повседневным обмундированием. Наконец, осенью 1921 года было получено обмундирование: френчи, галифе, шинели и краги из парусины.

В течение лета 1921 года преподаватели составили учебники по своим предметам, а кадеты на шапирографах их размножили. Тем же летом, взамен уволенных воспитателей, в корпус прибыли: генерал-лейтенант А.М. Сутулов, ген.-майор Кучеров и полк. Еманов. Наш 3-ий класс принял полк. А.Ф. Золотов, по образованию военный юрист; Сутулов стал командиром 1-й сотни, Кучеров и Еманов — воспитателями старших, 5 и 6 классов. Инспектором классов, взамен бывшего в Евпатории инспектором генерал-майора Ерофеева, стал полк. Чернокнижников.

Летом 1921 года дошли до нас сведения о сильном голоде в Поволжье и было получено воззвание митрополита Антония о сборе помощи голодающим. Донцы решили голодать один день, а деньги, сэкономленные на этом, выслать на помощь голодающим. Мы честно голодали весь день, а наши соседи не выдержали и, не получая ничего с кухни, «обнесли» все огороды местных жителей-словенцев. В результате, пришлось им заплатить

чуть ли не вдвое того, что было корпусом сэкономлено на кухне. Надо понять: голод не тётка.

С соседями у нас были в общем, как и полагается, добрососедские отношения, но в особенности с владикавказцами — там было много кубанцев и терцев, так что «кунацкие» отношения наладились сразу, по «сродству душ». Если что-либо нас разделяло с полтавцами, так это, пожалуй, наличие у них «цука» — против этого восставала казачья натура.

Хочется мне теперь рассказать об одном случае, который связан с нашим пребыванием в Стернище. Я озаглавил бы его «Дама в черном», так как именно она играла в нем главную роль. Наш реальный — трёхмерный — мир какими-то своими гранями соприкасается с миром более высших измерений. Это соприкосновение настолько тесно, что иногда в наше привычное, земное существование входят вдруг явления иного мира, чем наш. И каждое подобное вторжение необъяснимого, в какой бы форме оно ни происходило, неизменно вызывает в людях страх перед непонятным. Вот об одном таком «вторжении» я и хочу рассказать вам.

Закончился 1920-21 учебный год. Я благополучно перешёл в следующий класс и передо мной открывалась заманчивая перспектива целого, свободного от уроков лета. Правда, денег у меня не водилось, но и без денег молодой и предприимчивый юнец в 16 лет мог найти в жизни много интересного. Присущая мне склонность к бродяжничеству могла найти свой выход в долгих прогулках по лесу, где каждый уголок манил «неизведанным».

В один из тёплых вечеров поздней словенской весны, после вкусного ужина — помню, «дядя Вася» угостил нас тогда добротной донской сюзьмой — я и двое моих дружков отправились побродить по лесу. Солнце еще не село, и до сумерек было далеко. Мы шли по лесной просеке, весело болтая обо всём, что может прийти в голову весёлым ребятам, когда они чувствуют себя свободными и здоровыми. За шутками и анекдотами мы не замечали времени — оказалось, мы уже забрались довольно далеко от корпуса и подошли к перекрёстку трёх лесных дорог. И тут мне вспомнилось поверье, будто на перекрёстках трёх дорог появляются души погребенных без отходной молитвы, а также всякая лесная нечисть. Я рассказал о поверье ребятам. Один из них гордо заявил, что ему приводилось не раз бывать в конных атаках, так что ему — бывалому фронтовику — никакая чертовщина не страшна: он самому чёрту, коли встретится, мигом рога обломает...

Перекрёсток был от нас шагах в 20-25, когда на него вышла с боковой дороги, одетая во всё чёрное, женщина. Несмотря на то, что она была неподалеку от нас, разобрать черты её лица мы не могли: мешала густая чёрная вуаль, а длинное, до земли, платье скрывало ее фигуру и ноги. Помедлив на перекрёстке, с минуту, она медленно удалилась по одной из дорог. Ничего страшного в ней не было: женщина как женщина, хотя и нарядившаяся в траурные одежды. Наше весёлое настроение продолжалось — миновав перекрёсток, мы стали острить, что она, мол, забралась в лес на свиданье с кем-нибудь, а мои друзья стали наперебой, уверять, что этот «кто-то» были именно они. Прошли мы так, зубоскаля, шагов с сотню. Я обернулся. В двадцати шагах за нами шла медленно женщина в черном. Когда она заметила, что я обернулся, она сошла с дороги и потерялась в лесу. Я сказал о виденном ребятам. Нам стало, как-то, не по себе, мы замолчали... Прошли еще немного, и все трое обернулись. Дама в черном опять была невдалеке от нас. И снова сошла в сторону, в лес. Мы невольно стали

прижиматься друг к другу. Снова обернулись — она опять за нами... И опять ушла в лес. Надо сказать, что лес был посажен правильными рядами, шедшими параллельно дороге.

Когда дама исчезла в лесу, мы сейчас же кинулись смотреть на аллею, через которую она должна была бы пройти. Красное заходящее солнце светило меж рядами стволов — аллея была совершенно пуста. Дама как бы растворилась, сойдя с дороги.

Мы решили вернуться в корпус. Нарочно замедляя шаги, мы прошли мимо того места, с которого исчезла наша незнакомка, и поспешили домой. Вблизи перекрёстка мы

еще раз обернулись. И, конечно, «она» была за нами. Ну, тут у нас нервы не выдержали, и мы пустились наутек. Мои дружки были на голову выше меня, и они буквально «пожирали пространство своими циркулями». Но... когда я, обернувшись, увидел, что дама без особых усилий, как бы скользя над землёй, сопровождает нас, бегущих во всю мальчишескую прыть, то я сразу перегнал своих спутников.

Запыхавшись, мы выбежали из леса и, с разгона, влетели в барак второй сотни, в которую входил и наш класс. Наш перепуганный вид мигом собрал вокруг нас уйму желающих узнать, в чем дело. Искренность нашего рассказа была настолько явной, что нам не только поверили, но и, не на шутку, испугались возможности «визита» дамы в черном. Кадеты младших классов сбились в кучу в середине барака и ни за что не хотели спать около входных дверей. Массовая истерия была прекращена мудрым решением дежурного по сотне офицера-воспитателя, сразу же назначившего меня, «за внесение беспорядка», на ночное дневальство. Мне лично эта мера наказания была не по душе, но зато внесла успокоение в умы других ребят. Слух о «дам и в первую сотню. Рано утром на другой день один из старших кадет, лучший бегун корпуса, Борис Л., отправился на перекрёсток. И... встретил там «даму в черном». Л. повернулся и побежал, а «дама» его провожала. Неподалеку от опушки леса, Л. развил максимальную скорость — бег на финиш... Дама проводила его до самой опушки и исчезла.

Для прекращения возникшей паники один из воспитателей второй сотни повёл нас «переменным аллюром» — 50 шагов бегом, 50 шагов шагом — на перекрёсток. На перекрёстке никого не было. Очень возможно, что после этого мы бы успокоились, но совсем вскоре после инцидента с «дамой в черном» мы снова были взволнованы: в Крымском корпусе произошла серия самоубийств. Разными способами из жизни ушли три кадета. Начатое начальством расследование установило, что у них в корпусе есть «клуб самоубийц». Организатор клуба — молодой офицер, кокаинист, использовал неудовлетворённость бывших фронтовиков «пресной» нормальной жизнью и подогревал эту неудовлетворённость кокаином. Его арестовали, и клуб прекратил своё существование.

Позднее мы слышали от местных жителей, что «дама в черном» появлялась и раньше, когда возникала возможность насильственной смерти в округе. По их словам, одна из графинь Герберштейн, чьи замки были и в городе Птуй, и в его окрестностях, покончила жизнь самоубийством и часто, с тех пор, своим появлением предупреждала о чьей-либо преждевременной смерти. Так ли это или не так — я не знаю, но для меня «дама в черном» была такой же реальностью, как и самоубийства крымских кадет.

В ноябре 1921 года Донской кадетский корпус было решено перевести из Словении в Герцеговину. Оказалось, что там нашлись подходящие помещения, и что корпус будет размещён в старой австрийской крепости «Билек» вблизи городка Билече. В том же месяце, в составе трех сотен, корпус был погружен в вагоны и отправлен на юг, в Герцеговину. В Сараево нас дружески встретили кадеты-одесситы, полочане и киевляне, объединённые в так называемом Русском кадетском корпусе, который впоследствии был назван Первым Русским Великого князя Константина Константиновича кадетским корпусом. Из Сараево нас повезли в городок Требинье, где кончалась железная дорога и откуда нужно было идти пешком в Билечу. Заблудиться было невозможно — дорога никуда не сворачивала и вела непосредственно туда.

Итак, начинался новый период жизни 2-го Донского кадетского корпуса, в невероятной глуши, в границе Черногории и Герцеговины.

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ В БИЛЕЧЕ

Первое время нашего пребывания в Билече пошло на внутреннее устройство лагеря. Были сооружены примитивные парты, починен водопровод, были сделаны попытки наладить и электроподачу и созданы мастерские — швальная, сапожная и столярная. В это время я был кадетом второй сотни, и поэтому все то, что происходило в первой сотне, мне толком было неизвестно. Знали мы, что там не все в порядке, что происходят какие-то трения с директором корпуса, генералом Бабкиным. В общем, в результате этих неладов директору пришлось уйти и уступить место генерал-лейтенанту Евгению Васильевичу Перрет, в прошлом офицеру гвардейской артиллерии. Е.В. Перрет был лично известен Донскому Атаману, так как сам ген. Богаевский был женат на сестре генерала Е.В. Перрет.

Директор корпуса ген. майор Е.В. Перрет (1922-1933)

Понемногу жизнь корпуса налаживалась, все входило в нормальное академическое русло. Кадеты и офицеры продолжали работы по благоустройству лагеря — ими были сооружены: корпусная церковь, в которой иконы были написаны все тем же Гришей Самойловым, и театральный зал. Были приобретены гимнастические снаряды: турник, параллельные брусья, кобыла и козел. Гимнастическое дело сразу взял в свои руки полк. Ганн, который, не теряя времени, тотчас же организовал группу соколов. Затем был создан хор трубачей. Вначале капельмейстером был есаул Скачков, а потом полк. М. Мигузов. Были налажены хлебопекарня и кухня. Продукты корпус получал от сербского военного интендантства в гор. Требинье. Также сразу был организован лазарет, старшим и единственным врачом в котором стал доктор М.С. Попов. Фельдшером же и делопроизводителем в лазарете стал кубанский казак Шаповалов.

Начались учебные занятия, а помимо этого кадеты были заняты и ручным трудом, проходя наглядное обучение в различных мастерских.

Вскоре появилась еще одна мастерская — переплетная. Помню, что столярной мастерской руководил полк. Решиков Владимир Николаевич, одновременно и воспитатель 36-го выпуска. Короче говоря, корпус не ограничивался академическими занятиями, но и старался приучить кадет, на всякий случай, к «ручному труду» — кто мог предположить, что его ожидает в будущем?

Кроме этого в такой работе вырабатывалось и ещё нечто — это навык к какому бы то ни было труду, что в жизни бывает крайне важным.

С местным населением особых связей не было. Правда, в корпусе стали учиться несколько местных жителей — черногорцев и герцеговинцев (впоследствии ставших офицерами югославской армии), а, кроме того, местные учителя-сербы начали преподавать у нас сербскую историю, язык, литературу и географию страны — все на сербском языке. Бытовых же связей не было. Корпус жил своей обособленной жизнью, и кадеты только время от времени встречались с местным населением. Еще были попытки устраивать общие вечера с представлениями на сербском языке, но это дело как-то заглохло.

В конце 1922 года (в августе-сентябре) произошло событие, имевшее для корпуса большое значение. 2-ой Донской кадетский корпус приказом Войскового Атамана ген. Богаевского получил Державное Шефство, вензель на погоны и наименование «ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III кадетский корпус», потому что в это время старый корпус прекратил свое существование.

Несколько позже Первая сотня получила наименование «АТАМАНСКОЙ» и уже неофициально кадеты Атаманской сотни стали носить на левом плече так называемые «атаманские погончики — голубого цвета с белым кантом — т.е. цветов Лейб. Гв. Атаманского полка и Атаманского училища в Новочеркасске.

Кадеты гордились полученным шефством, но всем было несказанно обидно за старый корпус, который, волей судеб, должен был прекратить свое существование.

Начинался новый период в жизни нашего корпуса.

М. Залесский — (37-вып.)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЧУЖБИНЕ

Ранним утром 8 декабря 1920 года грузовой пароход Российского торгового флота «ВЛАДИМИР» стал на якорь в бухте Бакар, на севере Адриатического моря, где сходились границы Королевств: Сербов, Хорватов, Словенцев и Италии.

На пароходе прибыли кадеты эвакуированных из России кадетских корпусов: Второго Донского, Сводного Полтавско-Владикавказского или Крымского. На берег никого не выпускали, стояли в карантине. Всем очень хотелось поскорее сойти на берег. Наконец, желанный момент наступил, объявили, что на следующее утро будет разгрузка парохода и все пассажиры покинут его.

Рано утром раздался сигнал подъема Второму Донскому Кадетскому Корпусу; играли трубачи кадеты. Все быстро вставали, приводили себя в порядок и по сигналу «сбор», взяв свой скромный багаж, поднялись из трюмов на палубу, построились на перекичку и утреннюю молитву. Директор Корпуса, поздравившись с кадетами, объявил, что корпус сегодня утром сойдет на берег, где должен будет пройти некоторые формальности, а затем поездом будет отправлен на север Словении, и, временно, размещен в бараках лагеря.

Трубачи вышли перед строем и заиграли «Утреннюю Зарю», затем команда «На молитву шапки долой» и кадеты запели молитву, последний раз на пароходе у берега чужой, неизвестной страны... Кончилась молитва. «Накройсь! Разойтись!» Кадеты, оставив свой багаж, разбрелись по палубе. Все с нетерпением ожидали начала выгрузки.

Наконец, раздалась команда: «Строиться», кадеты быстро выстроились в две шеренги, взяв свой багаж, и замерли в ожидании следующей долгожданной команды.

«Справа по одному, шагом марш!», — и вытянувшись в цепочку, кадеты стали сходить по трапу с парохода. Странное состояние было на берегу, казалось, что земля под ногами качается, голова кружится и ноги не слушаются..

С пристани повели строем к каким то зданиям, расположенным невдалеке. Это были здания, как после узнали, брошенного цементного завода, разбитого во время войны. Большинство зданий было без крыш, окон и дверей и громадные дыры зияли в стенах.

Кадет ввели в одно из зданий. В большом помещении, в глубине, находилась группа штатских и военных, в русской и иностранной форме.

Вблизи у входа стояли походные кухни, столы, и около них суетились сестры милосердия, очевидно, заканчивая приготовления. Из котлов шел пар и помещение наполнялось приятным ароматом, предвещавшим вкусный завтрак. На столах лежали груды белого хлеба и котелки с ложками были выстроены ровными рядами.

Кадеты выстроились, положили перед собой вещи. От группы, стоящей в глубине помещения, направились к строю два офицера, один из них в иностранной форме. Директор Корпуса и командир первой сотни сопровождали их. Офицер в иностранной форме приветствовал кадет и поздравил их с благополучным прибытием в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Строй разбили на отделения, для прохождения медицинского осмотра, а затем купания и дезинфекции обмундирования и вещей. Каждое отделение, под командой старшего, уходило в соседнее помещение, где кадеты раздевались, складывали обмундирование вместе с вещами, связывали поясами, оставляли на скамье и затем шли на медицинский осмотр. После беглого медицинского осмотра направляли в баню. Медицинский персонал был в восторге от физического развития и состояния здоровья молодежи.

Импровизированная «баня» была устроена в длинном помещении, похожем на широкий коридор с высокими кирпичными стенами, бетонным полом и без крыши. Посредине, по всей длине, тянулся ряд стоящих на небольшом расстоянии друг от друга вагонеток, наполненных водой; темные пятна лизола, предназначенного, по-видимому, для дезинфекции, плавали сверху. Под вагонетками пылали костры, около стояли жестяные банки, заменяющие шайки. Дым, смешиваясь с паром, поднимался к небу.

Кадеты вбегали в «баню». Вид «бани» их удивил, но не смутил. Окружив вагонетки по пять-шесть человек, ни один не решался начать «обряд купания»... Но вот из озорства, один из группы, зачерпнув банку воды, плеснул на соседа... Этого было достаточно, чтобы началось «общее купание»... поднялся невероятный шум, кричали, визжали, свистели, выражая дикий восторг от получаемого «удовольствия». Картина была потрясающая своей необычностью: на фоне зарева костров, дыма и пара, между высокими кирпичными стенами, под открытым небом, выплясывали голые люди дикий танец, поливая друг друга водой. Это веселое купание продолжалось минут десять и, по команде, все купальщики, прекратив эту веселую игру, стали в одну шеренгу и направились к выходу. Некоторым удалось избежать «купания» и остаться сухими и чистыми.

Вернувшись в «раздевалку», кадеты не нашли своих вещей, их задержали в дезинфекции. В ожидании одежды, чтобы не замерзнуть, кто стал бегать, кто скакать на месте, размахивая руками. Принесли одежду, она оказалась вся перепутана и так измята, будто ее жевали коровы. Разбирая одежду с ужасом обнаружили, что все кожаные пояса перегорели, лопались и не держали штанов. Счастливыми оказались владельцы матерчатых поясов. С трудом одев помятое обмундирование, а некоторые, поддерживая штаны рукой, захватив свой багаж, направились обратно в помещение, где так вкусно пахло супом и свежим хлебом.

Следующее отделение пошло на смену... И так все должны были пройти через «чистилище».

Время ожидания возвращения отделений из «чистилища» тянулось, досадно, медленно. Все с нетерпением ожидали начала раздачи пищи.

Ходили в сторону, быстро съедали свою порцию и становились снова в хвост очереди, за добавкой. Сестры продолжали выдавать подходившим, очевидно намеренно,

не замечая движения очереди, конца которой не было видно; получался замкнутый круг. Когда же был выдан последний кусок хлеба и опорожнены все котлы, сестры выразили сожаление, оставшимся в очереди кадетам, а их было тоже количество, что и в начале, что у них, к сожалению, больше ничего нет. Очередь разошлась и кадеты делились впечатлениями об обеде и хвастались успехами, кому сколько раз удалось получить добавку. Оказалось, что более проворным удалось проделать эту операцию два раза.

После сытного и вкусного обеда кадет перевели в другое здание, мало отличавшееся от прежних; тот же бетонный пол с углублениями и возвышениями, разбросанными в хаотическом беспорядке, очевидно, служившие для установки машин; кирпичные голые стены с окнами без стекол и широкими проймами без дверей; крыша перекрывала все здание, но в ней были громадные дыры, через которые проглядывало голубое небо и гулял свежий морской воздух, наполняя неуютное помещение, и слегка продувал ветерок.

Кадетам предложили устраиваться на ночлег. Место каждый выбирал себе в одиночку или располагались группами, а некоторые спускались в углубления, надеясь устроиться в них уютнее. Избегали устраиваться под дырами крыши, боясь, что ночью может быть дождь. Аккуратно раскладывали на полу свои шинели, которые заменяли матрацы, а вещевой мешок служил подушкой. Спешили устроиться на ночлег до наступления темноты. Здание не имело освещения. День неожиданных переживаний приходил к концу. Время быстро шло. На дворе спускались сумерки. Наступал вечер.

Звуки сигнала «сбор» разнеслись по помещению, призывая кадет строиться на вечернюю молитву. Кадеты стягивались к дежурному офицеру и становились в строй, образуя незамкнутое каре. Директор, командиры сотен и воспитатели стали перед строем. Трубачи вышли вперед. «Корпус смирно! На молитву шапки долой! Трубачи Зарю!» — раздалась команда дежурного офицера. Звуки «Вечерней Зари», казалось, особо торжественно, разливались в пустом здании, отдаваясь эхом в далеких углах, унося мысли кадет на далекую, недавно покинутую Родину. Замолкли трубы... Команда «На молитву» вернула кадет к действительности. Запели молитву. Первую вечернюю молитву на чужой земле. Молились о даровании им хлеба насущного... о спасении их... о победе православным людям... и последние слова молитвы «и сохрани крестом Твоим жительство», унеслись в высь и растаяли в пространстве. Наступила торжественная тишина, длившаяся, казалось, очень долго.

«Завтра утром», — нарушив тишину, обратился к строю директор корпуса — «после завтрака будем грузиться на поезд. Станция находится в нескольких верстах. Больные и женский персонал будут перевезены на автомобилях. Остальные отправятся пешим порядком. Вещи перевезут на грузовиках. Подробный план погрузки на поезд будет сообщен завтра утром. Нас перевезут на север Королевства в Словению и разместят в бараках лагеря». Пожелав спокойной ночи, директор приказал распустить строй. После сигнала «отбой» и команды «разойтись», кадеты направились к своим импровизированным кроватям укладываться на ночлег. Через короткое время все погрузилось в глубокий сон.

В громадном, нежилом, холодном помещении воцарилась мёртвая тишина. Абсолютный мрак ночи покрыл всех спящих, отдыхающих от необычайных переживаний первого дня на чужой земле.

В.С. Данилов

Ноябрь 1970 г.
Сан-Франциско

БИЛЕЧА — ДЕКАБРЬ 1921 ГОД ПО СЕНТЯБРЬ 1926 ГОДА

На плоскогорье Герцеговинских гор, на высоте 1.400 метров над уровнем моря и в двадцати семи километрах от железнодорожной станции Требинье, находится лагерь-крепость бывшей «лоскутной» империи. По вершинам окрестных гор грозной цепью, как и когда-то, как часовые, стоят форты. Правда, теперь они лишь безмолвные свидетели ушедших времен и только орлы свивают свои гнезда на неприступных крепостных стенах.

1-ая сотня — приезд ген. Врангеля 1925 г.

На юг от лагеря, над Требинским грунтовым шоссе — форт, а на восток, на каменном хребте — три форта: под средним из них, из камней выложен гигантский вензель «П-1»; до 1918 года был вензель «Ф-1». За хребтом, на восток, в долине проходила прежде граница между Австро-Венгрией и Черногорией.

В четырех километрах к востоку находится маленький городок Билече. Сам лагерь состоял из двух частей: западной — «верхний двор», находившейся на склоне горы, и восточной — «нижний двор», расположенной на ровном месте. Западная оборона верхнего двора состояла из трех однотипных двухэтажных казарм, метров 150 длиной, тянувшихся с юга на север. Крылья их, по два у каждой, делали выступ, образуя по две добавочных спальни на каждом этаже. Длинный коридор с цементным полом соединял оба крыла. Окна в коридоре на запад были маленькие, под потолком, с решетками; под окнами — ряд ружейных бойниц, к прибытию корпуса уже замурованных. В спальнях окна были большие и без решеток.

Помещения верхнего этажа служили спальнями. В нижнем этаже три помещения были приспособлены под классы. Одна из спален в нижнем этаже каждой казармы была обращена в сотенную столовую, где у глухой стены стоял киот с образом сотенного праздника... В третьей сотне — Покров Пресвятой Богородицы, во второй — Казанской Божьей Матери и в первой — Св. Влчч. Георгия Победоносца. В столовой были грубые столы и по две скамейки к каждому столу.

На переключку, утреннюю и вечернюю молитвы сотня строилась в коридоре. В небольших, на две кровати, комнатах казармы были квартиры воспитателей — холостяков, комната дежурного офицера (она же и учительская), сотенный цейхгауз и карцер. Между казармами, с запада, была двухметровая соединительная стенка с бойницами. За казармой первой сотни были ворота из колючей проволоки, через которые проходила дорога на стрельбище. Назовем ее первой северной. За дорогой с юга на север были три конюшни с соединительными стенками между ними. Из этих конюшен уцелела только средняя, которая была обращена кадетами в театральный зал. За последней конюшней стена поворачивала под прямым углом на восток, образуя стену северной стороны верхнего двора. Ниже театрального зала были еще две уцелевших конюшни. В одной из них устроили гимнастический зал, а во второй был зубоврачебный кабинет д-ра Кохлевского («зубаря») и квартиры полк. А.М. Гвахария и кавалера Ордена Почетного Легиона, ген. Готуа. Однажды летом генерал решил спать при открытом окне, а на утро обнаружил исчезновение двух чемоданов с вещами. По этому поводу в журнале «Донец» была помещена соответствующая карикатура с надписью под ней: «Не спи, чечен, во тьме ночной братушка ходит под окном».

Перед восточным фронтом казарм и конюшен проходила четырехметровая грунтовая дорога, обсаженная деревьями белой акации, душистые гроздья которой доставляли кадетам нужные витамины.

За дорогой, к востоку, перед всеми тремя казармами, было учебное поле метров 30-40 ширины; за полем «справа по три» параллельно казармам тянулось шесть рядов

бараков. В двух уцелевших помещался караул сербских солдат. Между бараками вдоль и поперек были улочки, а на них местами лежали штабеля бревен. Зимой, когда казенного рациона дров не хватало, дневальные с темнотой подбирали эти бревна и тащили в казарму, нередко под грозный оклик часового: «Стой, пузачу» (стой, буду стрелять).

Южной обороной верхнего двора была ступенчатая стена с ружейными бойницами. Стена отходила от казармы третьей сотни к юго-западному углу флигеля Сербской больницы.

Верхний и нижний двор разделяла «Китайская стена», состоявшая из западного фасада сербской больницы и кухонно-пекарного флигеля. К ним примыкали южные ворота этой стенки. За воротами — две четырехугольных двухэтажных казармы, в которых жил кухонный персонал.

37-ой вып. 7 класс с ген. Врангелем — 1924 г.

На восток от казарм «Китайской стены» проходила дорога, а за ней простирался плац-парад, на котором мог свободно развернуться полк. На этом плацу устраивались парады в день корпусного праздника и когда приезжали в корпус ген. Врангель и Донской Атаман ген. Богаевский.

Особенно привлекательными были парады 6-го декабря, когда церемониальный марш начинал взвод кадет Георгиевских кавалеров (из 1-й сотни), а на его левом фланге, стараясь не отставать от больших, шагал кадет 3-ей сотни (42 вып.) Виталий Шапошников, получивший Георгиевскую медаль за спасение знамени в гражданскую войну. Взводом всегда командовал офицер — георгиевский кавалер.

Северной обороной «нижнего двора» была стена, шедшая с запада на восток. К ней примыкали шесть конюшен. Из них уцелевшей была только первая, в которой помещались породистые свиньи директора корпуса. Метрах в двадцати от последней конюшни стояла баня, которая состояла из «топки», раздевалки и многих душей. На юг от бани, через дорогу, стояло здание корпусного лазарета, в котором была и квартира врача Митрофана Семеновича Попова и фельдшера Андрея Харитоновича Белецкого. За лазаретом дорога со стрельбища поворачивала на юг и шла к главным воротам.

От последней восточной конюшни северная стена тянулась еще метров пятьдесят и переходила закруглением в стену «восточной обороны». На закруглении было три орудийных бойницы. Снаружи буйная растительность закрывала их от всякого взора. Стена восточной обороны шла от закругления до южной обочины третьей северной дороги, за которой расположились две казармы в затылок казармам «китайской стены». Одна из них обыкновенно пустовала, но к началу занятий, в нижнем ее этаже, складывалась свежая солома, которая шла на набивку кадетских матрасов и подушек. Из года в год можно было наблюдать, как кадеты вереницами, точно муравьи, ткнули на головах туго набитые соломой матрасы.

В другой казарме были квартиры: шофера П. Белкина, воспитателя полк. Б.В. Суворецкого, преподавателя французского языка капитана 2-го ранга Ивана Николаевича Казнакова и Чеботова. После Чеботова, там жил законоучитель и настоятель

храма (1925-26 гг.) архимандрит Иоасаф, впоследствии архиепископ Аргентинский. В нижнем этаже находились главный цейхгауз и склады.

За казармой, к югу, была стена в два метра длины, которая примыкала к северному углу наружных главных ворот. Снаружи, вне лагеря, у этой стены росло большое дерево черной шелковицы, простиравшее свои развесистые ветви над лагерными воротами. Как-то, в шелковичный сезон, на ветку, раскинувшуюся чуть выше ворот, забрались двое кадет: Вучинич Ефто, который стоял на ветке, и К. Иконников, сидевший верхом. Ветка не выдержала, сломалась и полетела вниз с обоими «пассажирами». Ефто оказался стоящим на земле на коленях, а Кронид лежал на земле под веткой. Очухавшись, оба подхватили злополучную ветку и бросились бежать.

Перед восточной обороной нижнего двора было трехрядное проволочное заграждение. К югу, в четырех-пяти метрах от здания лазарета, было большое обгоревшее двухэтажное здание, а еще дальше — фруктовый сад, в котором никто никогда не видел фруктов, т.к. «двуногая саранча» сжирала плод в самом его зарождении. На запад от лазарета и обгоревшего здания простирался все тот же сад, до дороги, отходившей от «1-ой северной», и шедшей на юг, к башне — цитадели, около которой она раздваивалась: на восток — к главным воротам, и прямо — к западным воротам «Странного двора». По обе стороны этой дороги, до ее раздвоения, росли деревья белой шелковицы; сама же эта дорога отделяла сад от плац-парада.

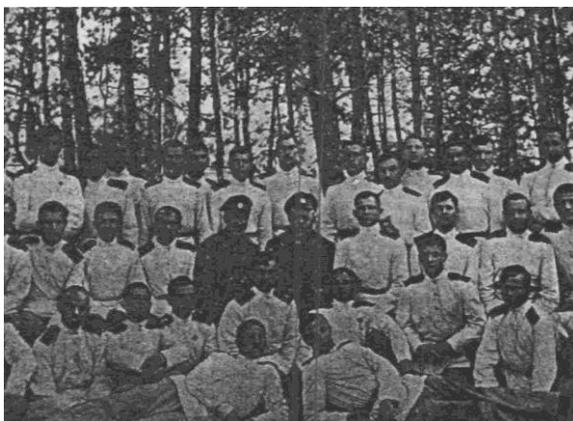
Северный фасад кухонно-пекарного флигеля, и через дорогу от него прачечная, ограждали плац-парад с юга.

Ежедневно, четыре раза в день, в них входили и выходили наряды от сотен за пищей. В баках несли чай или обед в сотенную столовую. Тащить полные баки приходилось в гору. Конечно, пока принесут в сотню обед или чай, все было уже совершенно холодное. Нести ведра в гору, зимой по обледенелой дороге, было хотя и не особенно приятно, тем не менее за обедом все шли охотно, т.к. повар Герасимович — донец, щедро наделял дневальных косточками (называвшимися у нас масолами). Он не считался, кто был станичником. Все кадеты для него были донцы.

Дверь из кухни, с крыльчком на пекарню, вела в «Странный двор». Отсюда несли мешки с хлебом для раздачи в сотне. Особенно тяжела была эта работа для малышей 3-ей сотни.

К углу этого флигеля примыкали западные ворота «Странного двора»; за флигелем, на расстоянии 50-ти метров — высокая стена со стальными, всегда закрытыми воротами — двора цитадели. Над воротами была вывеска: «Стовариште дувана» (склад табака). За этой стеной, в линию ей, шли восточные ворота «Странного двора», примыкавшие к северо-западному углу «карцерного» флигеля.

«Странный» двор, несмотря на немецкую аккуратность, по-видимому, намеренно был усыпан торчащими из земли камнями, на которых можно было легко поломать ноги и конному, и пешему, даже днем.

36-ой вып. 7 класс Билече

К юго-восточному углу пекарни примыкали ворота в Сербскую больницу, а к ним — двухэтажное здание в три окна, шедшее с запада на восток. Затем была «проездная» арка в «Маленький двор», — двухэтажный флигель с квартирой «Царской кумы» наверху. К северо-восточному углу примыкала высокая стена «Трехъярусного двора», ворота и поперечный фасад «Карцерного здания» — это закрывало «Странный двор» с востока.

От северо-восточного угла западных ворот «Странного» двора шла высокая стена на север, которая была стеной цитадели, и затем переходила в трехэтажное здание самой цитадели. Там была башня, на которой были часы с боем. Провод громоотвода с крыши башни вниз, дал возможность «Колумбам 20-го века» проникнуть во внутрь цитадели и вынести оттуда «трофейный колокол» и пожертвовать его корпусной церкви.

Затем стена цитадели поворачивала на юг и, не дойдя до восточных ворот «Странного» двора метров на двадцать, под прямым углом поворачивала на запад, упираясь в восточную стену двора цитадели.

Пространство между восточной стороной цитадели, северным фасадом «карцерного» здания, южной границей фруктового сада и главными воротами с востока представляло сравнительно большую площадь, на которой выстраивались сотни для встречи приезжавших высоких гостей.

Около карцерного флигеля образовался закоулок, который назывался «брехаловка». Здесь вдоль стен стояли скамейки, на которых летом в хорошую погоду сидели обитатели лагеря. Здесь можно было узнать все новости корпуса, так же, как и мировые события, т.к. в ту пору газеты мало кто выписывал.

Во флигеле — наверху, посередине был коридор, по обе стороны которого — однокомнатные квартиры персонала.

В карцерном здании были камеры с толстыми дверьми и маленькими решетчатыми окнами. Кадеты сюда попадали редко, только за серьезные проступки, или при «перенаселении» сотенных карцеров. Почти в каждой камере стены были исписаны «литературными перлами», вроде:

«Сюда попал по воле рока за то, что спал в конце урока».

«Сюда попал не волею богов, а по капризу простаков».

«Дитя, ловчи, но не ловись».

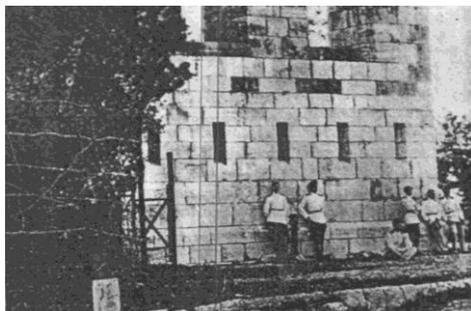
«Скорей погаснет мира свет, на землю явится Создатель, чем прав останется кадет, а виноватым — воспитатель».

«Жена — подруга жизни».

Дальше, после уступа, наверху: коридор с окнами на север и ряд комнат с окнами на юг. Затем лестница вела вниз к поперечной стене, с двумя дверьми: одна дверь — на ступеньки лестницы однокомнатной квартиры ген. Татаркина. Другая дверь — в многокомнатную квартиру с удобствами, которую, обыкновенно, занимали контролеры государственной комиссии. В 1924/25 учебном году в ней жил законоучитель и настоятель храма, епископ Вениамин с келейником иеромонахом Марком.

Длинный церковный коридор соединял первый этаж «карцерного» флигеля со вторым этажом «южного» флигеля.

В середине коридора с одной стороны был широкий выступ, с окнами в «трехъярусный двор». Выступ держался на аркообразных колоннах. Это была «офицерская кантина». С другой стороны коридора было два помещения, соединенных между собой дверьми. Окна из этих помещений и другие двери выходили в коридор, приводивший на открытую веранду, на которой летом устраивались танцевальные вечера. В одном углу веранды была церковная колокольня, где висел «трофейный» колокол и три разной величины бидона из-под кислорода. Искусные звонари из кадет услаждали слух молящихся трезвонами.

Артиллерийский форт и бойницы (Билече)

В конце веранды была лестница, которая раздваивалась: в кухню и в прифортный дворик. Здесь находился форт «вздохов». Стены самого форта имели тупые углы и на каждом изгибе было по две орудийных бойницы. В нижнем помещении форта были бойницы пулеметные. Там, где кончался подъем на верхнюю площадку, внизу были решетчатые вторые ворота, а внутри фортного дворика у этих ворот были двери в нижнее помещение двора. Подъем на форт начинался под верандой. В десяти метрах от наружной стены форта «вздохов» тянулась однорядное проволочное ограждение, обсаженное внутри деревьями белой шелковицы и белой акации. К двадцатым годам эти деревья закрывали снаружи бойницы форта.

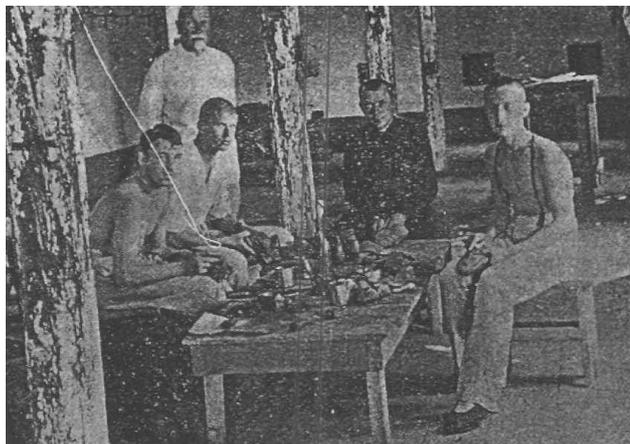
Двойные ворота форта «вздохов» выходили на запад в «директорский» сад. А на Требинское шоссе выводили ворота из колючей проволоки, примыкавшие к форту с одной стороны, а с другой — к однорядному проволочному ограждению, тянувшемуся с востока на запад до конца «Южного» флигеля. В этом месте и Требинское шоссе шло в том же направлении, поворачивая в конце сада на юг.

Фасад «Южного» флигеля тянулся с востока на запад во всю длину «Нижнего» двора. На втором этаже этого флигеля окна были большие и без решеток, а на первом — с решетками. Западная половина флигеля принадлежала сербской больнице. В половине, принадлежавшей корпусу, были квартиры персонала и директора корпуса.

В южном флигеле нижнее помещение было занято столярной мастерской. В другом здании на верхнем этаже была швальня, в ней работали: заведующий Иван Петрович Гусев, донец; швеи — Евдокия Семеновна Дмитриева, «княжна Джаваха» — Фельковская, Татьяна Георгиевна Казнакова и Листратова. В нижнем этаже — переплетная мастерская, заведующим которой был ген. Фицхеллауров. С севера этот двор замыкали: здание в «три окна», проездная арка в «Странный» двор и терем с квартирой «царской кумы». Под лестницей, ведущей в верхний этаж к куме, — квартира преподавателя математики Александра Ивановича Чекомасова и преподавателя русского языка Александра Николаевича Перцева. Внизу сапожная мастерская и квартира ее заведующего и инструктора гимнастики — полк. Гана.

С уходом директора ген. Бабкина бывший инспектор классов ген. лейт. Перрет стал директором корпуса. Он немного заикался. Однажды он зашел в сапожную мастерскую, когда там учились ремеслу кадеты. В это время там работал кадет Клишкин, тоже заика. Директор подошел к Клишкину и спрашивает: «Ска-ска-ска-жи-жи-те, по-по-пожа-луй-ста, что вы-вы тут дя-дя-дя-лаете?» Кадет вытянулся а струнку и отвечал: «Ба-ба-батинки па-па-пачиняю, ва-ва-ше пре-пре-во-схо-ди-ди-тельство». Разгневанный директор уже хотел разнести «озорника», но вмешался заведующий и объяснил директору, что кадет — заика.

В восточной стене «брехаловки» находились внутренние, решетчатые главные ворота; от них на расстоянии тридцати метров к востоку — вторая пара ворот главных, наружных, броневых. В их левой части вырезана калитка для пешеходов, которая закрывалась броневой дверью. Эта пара ворот находилась под аркой, на которой был прикреплен Российский орел с донским погоном на груди.

Сапожная мастерская (полк. Ган)

При выходе из наружных главных ворот, слева на стене, была прикреплена медная дощечка с обозначением высоты лагеря над уровнем моря (1.400 метр.).

При выходе из ворот, перед вами расстиались три дороги. Дорога на север прямая, как стрела, вела к кладбищу, на котором донцы похоронили своих товарищей: Шургучинова, умершего от чахотки, Баттезата, приехавшего с Дальнего Востока, и Михаила Иванова, а также в 1924 году был похоронен о. Петр Цуканов — наш корпусной диакон.

Неподалеку от дороги стоял маленький барак со скамейками и длинным столом — это была «кафана Алексы». Здесь можно было выпить ароматное черное кофе, а кто хотел — мог получить и «мерзавчик» ракии. Как рассказывали в первые годы, зашел к Алексе крестьянин зимой — погреться, а коня привязал к дереву. Пока он грелся, волки съели его коня...

По второй дороге — в город — стояла мазанка с беседкой, тоже кафана, — любимое местопребывание корпусного начальства.

Третья дорога, — прямо на восток, расходилась вскоре на две: налево — сокращенная дорога в город, а направо — на реку Требинку. Эта дорога сначала шла прямо, а потом начинала виться к восточным фортам на хребте и вела в Черногорию. Дорога у форта «вздохов» расходилась: верхняя, огибая форт, вела в город Требинье; нижняя — шла еще немного прямо и подходила к дверям лавки «Новицы», где можно было купить папиросы, вино, ракию, хлеб, керосин, чернила и многое другое, необходимое для первобытного человека. Там же была квартира запасного воспитателя войскового старшины Деомиды Архиповича Логинова, того самого, в квартире которого на Пасху 1925 года диакон, в присутствии архиерея, отплясал с хозяйкой дома казачка. Эта же дорога далее спускалась в долину к реке. Река Требинка всей своей шириной выходит из пещеры под холмом. Пробежав по лощинам до гор Требинье, она снова исчезает в пещере.

Требинке был посвящен вальс «Требинские волны» и в «Звериаде» она оставила по себе память:

«Как странно создан Божий мир,
Мы в нем набиты, как селедки.
Как жаль, что корпус — не трактир,
И что Требинка не из водки.
Тогда бы я прильнул к брегам,
Устами жадно прикоснулся
И все тянул, тянул, тянул,
Пока бы сам не растянулся!»

На требинском шоссе, возле форта «вздохов», там, где начиналась ограда директорского сада, стоял шлагбаум, а в образовавшемся треугольнике между шоссе и рекой стояла будка сборщика проездного налога.

Здесь летнею порой, с заходом солнца рассаживались исполнители русских романсов под гитару. По пыльному же трябинскому шоссе проходили группы гуляющих кадет, распевая песни. По этому же шоссе, до атаманской площадки, на которой устраивались традиционные парады, кадеты из года в год провожали окончивших корпус маршем «Перед разлукой». Это была одна из трогательных традиций донских кадет в Билече.

Корпусной пикник 1924 г.

С десяток километров от лагеря, в Трябинку впадала река Чепелица, со стоячей водой, покрытой белыми водяными лилиями, с берегами, поросшими густым тростником. За лилиями приезжали на лодке, спускаясь вниз по течению Трябинки. В Чепелице было очень много змей, разноцветных и разнокалиберных. В шестнадцати километрах от лагеря, вниз по реке были два монастыря, на левом берегу, разграбленный австрийцами, Черногорский, а на правом — Герцеговинский. Летом кадеты ходили туда на экскурсию. Как-то в корпус приехал профессор Колюбакин и посетил вторую сотню во время обеда в сотенной столовой. Он был поражен быстротой работы кадетских челюстей. Ему тоже дали котлету и он, отламывая ложкой маленькие кусочки, тщательно их пережевывал. Кадеты расправились со своими порциями и с любопытством наблюдали за профессором. Но вот, кадет, по прозвищу «живоглот», не выдержал. Взял целую котлету в руку и подошел к профессору со словами: «Так есть — вечно голодным будете подниматься от стола. Время у нас ограничено. Вот, так надо...», с этими словами «живоглот» положил всю котлету в рот и, можно сказать, не разжевывая ее, проглотил. Профессор чуть не подавился от такой демонстрации.

Утром дневальные приносили из кухни сладкий чай, а из пекарни — хлеб. Кадеты пили чай из эмалированных кружек, а хлеб резали перочинными ножами и делили по очереди. Обед, ежедневно, состоял из двух блюд. Дневальные приносили его из кухни в ведрах и раздавали: сперва суп, а потом второе, в один и тот же эмалированный котелок. И первое, и второе блюдо «уничтожалось» исключительно ложками.

После обеда, каждый торопился помыть свой котелок и ложку, а дневальные мыли еще ведра и корцы. Все это мылось холодной водой, с помощью песчаной земли. Дневальные убирали столовую, классы, пилили дрова, заправляли карбидные лампы, топили печи.

Белье сдавали в стирку, но верхние летние рубахи и летние брюки стирали сами, т.к. из стирки их получали только через семь дней, да и то неглаженными, а белая рубаха за день-два уже требовала стирки. Стирали в холодной воде. Из постельного белья выдавалась простыня и наволочка. По утрам каждый кадет убирал свою кровать сам. За неаккуратно прибранную можно было получить пару нарядов вне очереди.

Первая и вторая сотня носили американские шапки, френчи, шинели, галифэ брюки, краги, ботинки грубые, кованные гвоздями. Третья сотня донашивала обмундирование австрийского кадетского корпуса из г. Марибора. Затем появились у нас фуражки русского образца, зеленые шерстяные брюки и рубашки, — только у первой и второй сотни, третья — опять донашивала на этот раз мундиры приехавших омичей и хабаровцев.

Летом, в будние дни, третью сотню «разоружали», отбирая все обмундирование, кроме трусиков. А ну, попробуйте голыми пятками по раскаленным камням попрыгать! Это побуждало кадет с утра уходить на реку, на «подножный корм», ловить раков, благо их было полно, и возвращаться в лагерь с заходом солнца.

Если рассматривать директоров и директрис русских учебных заведений, как «удельных» князей, а Державную (государственную) Комиссию, как «Золотую орду», в которой действительно заседали «золотые деятели 1917 года», то ген. Адамович был самый – самый зависимый.

«Золотая орда» держала Донской корпус в «черном теле». Не за те ли нагайки, которыми донские казаки в свое время потчевали представителей «орды» на родной земле? — Только этим и можно объяснить то, что на одинаковые суммы для всех кадетских корпусов, отпускавшихся югославянским правительством, кадеты в Сараево и в Белой Церкви жили много лучше материально, чем донцы в захолустном Билече или Горажде. Как в 16 и 17 веках, ходили самые невероятные фантастические рассказы на западе о «дикой Московии», так и в 20-ом веке в других местах скопления русских в Югославии, ходили самые неправдоподобные рассказы о донцах, где-то на краю света...

Учебное дело в Донском корпусе было поставлено очень хорошо. Много труда в нашем образовании приложила канцелярия инспектора классов и сам инспектор полк. Чернокнижников, постоянный и несменяемый инспектор классов. В 1913 году он окончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. В корпусе было много старых учебников, поэтому с имевшихся учебников списывали и размножали, делая копии на шапирографе, потом своя же переплетная мастерская делала учебники.

До 1924 года работал в инспекторской канцелярии протоиерей корпусной церкви о. Цуканов (умер в 1924 г.). Помимо своей работы он выдавал мел. Бывало, придет кто-нибудь из кадет за мелом и скажет: «Отец диакон, дайте мел». Протоиерей и головы не поднимет, занят своей работой, только чуть слышно, шепчет: «Прото, прото...» И пока просящий не скажет: «Отец протоиерей, дайте мел», — до тех пор мела не получит. Цуканов будет делать свое дело и шептать: «Прото, прото...»

Когда корпус приехал в Билечу, то кадет повели в городское управление и там показали породы ядовитых змей, за которых убивший их получал десять динар за штуку. Показали также и американских полезных змей, за которых убивший платил 150 динар штрафа.

В первый же сезон в городское управление было принесено столько убитых ядовитых змей, что там не оказалось денег, чтобы все оплатить. После этого случая Управление отказалось оплачивать убитых змей, а кадеты стали бить змеи всех пород подряд.

Культурная жизнь корпуса была я театре. Заведующий пекарней, он же и режиссер, генерал Александр Иванович Васильев. Его незаменимыми помощниками были преподаватели Чекомасов и Перцев. Артисты — любители из кадет и персонала. Ставили: Островского, Гоголя, Пушкина, А. Толстого. Костюмы или занимались у персонала корпуса, или шились из крашенных хлебных мешков. Декорации, как и отделка конюшни под театр, было делом рук исключительно кадет, среди которых нашлось не мало талантливых артистов и художников.

Регент корпусного хора Я.И. Шпилевой выступал с хором в театре. В его репертуаре были песни народные, военные, казачьи. Танцоры — тоже кадеты. Лезгинку в Билече танцевали А. Беломестнов и Георгий Назаров, одетый черкешенкой. Небольшого роста, худенький шатен в женском костюме выглядел как девушка.

Церковь также была отделана руками кадет, под руководством полковника Владимира Николаевича Решикова и по иконописи генерала Карпова, который преподавал в корпусе рисование. Помнится, как нам, малышам, на уроках рисования генерал иногда доставал золотые карманные часы и давал послушать какую-то особенную музыку, производимую этими часами. При росписи церкви отличался неутомимый Григорий Самойлов, кадет 35-го выпуска, ныне живущий в Белграде.

Облачения были недорогие, простенькие; стихари для прислужников и ковровая дорожка в церкви были сделаны из крашенных хлебных мешков.

Часть церковной утвари была привезена с Родины, недостающее создавалось в корпусе.

Алексей Верендс, 43-й выпуск

ХАБАРОВЦЫ В ДОНСКОМ КОРПУСЕ

Во время гражданской войны на Дальнем Востоке старшие классы Хабаровского кадетского корпуса вместе с армией с боями отходили под давлением красных войск. После революции пути Хабаровцев и Донцов скрестились в сентябре 1921 года, когда во время переброски англичанами Донского корпуса из Египта (Измаилия) в Болгарию, семь человек донцов: Попов, Ляшенко, Черешков, Григоров, Вальков, Алимов и Яковлев, вследствие расформирования Донского корпуса, отправились из Константинополя на Дальний Восток и попали в Хабаровский корпус.

Григоров и Вальков, окончив Хабаровский корпус с 18-м выпуском, поступили в Кавалерийский взвод Владивостокского Воен. Училища. В бою с красными 7-го октября 1922 года, под разъездом Духовским, училище понесло большие потери. Из сорока трех юнкеров младшего курса кавалерийского взвода, в пешем бою, осталось только девять юнкеров. Григоров, тяжело раненый и оставленный в цепи (думали, что мертвый), был добит красными. Валькову — везло. В трех боях до этого за Приморье он не был даже ранен. Не попал и на «Лейтенанта Дыдомова», который затонул 3-го декабря 1922 года. На этом корабле было 110 человек, из них четырнадцать хабаровцев и пятнадцать — Омского кадетского корпуса. Алимов и Яковлев остались во Владивостоке. О Попове, Ляшенко и Черешкове сведений не имеется.

Корпус из Владивостока попал в Шанхай. Делались попытки получить разрешение на переезд в Югославию, где в это время были уже другие русские корпуса. Российский посланник в Сербии и военный агент наотрез отказались хлопотать о перевозке кадет в Югославию. Но хлопоты велись бывшим вице-председателем Государственной Думы — Варун-Секретом и агрономом Окуличем. Было получено разрешение Короля Александра I на приезд Хабаровского и Омского корпусов.

Девятого декабря 1924 года корпуса высадились в Сплите и были размещены в казарме 53-го югословенского полка. Здесь представители Державной Комиссии по делам русских беженцев производили отбор. Никаких документов у кадет не было, т.к. во время переезда на пароходе «Байкал», во время шторма, почти весь архив корпусов был выброшен за борт. На пароходе, в числе пассажиров, было не больше двухсот человек кадет. Среди хабаровцев имелось около семидесяти человек, уже окончивших корпус. Директор, пользуясь тем что нет документов, доказывал, что «все остальные родились в 1907 году».

В Донской корпус было отобрано и направлено приблизительно сто двадцать кадет Омского и Хабаровского корпусов.

Первая большая партия приехал перед Рождеством. Вторая, под командой полк. Магденко, — 2-го февраля 1925 года. Из Требинье в Билечу нас перевезли на автомобиле и мы сразу попали в 1-ую сотню. Приятно было видеть заботливую руку донцов в том, как нас сразу провели в столовую, где уже был приготовлен завтрак, а затем — в спальню, указав каждому его кровать.

Не будем описывать всех подробностей пребывания в Донском корпусе, — это сделают другие. Только считаем нужным указать, что за время революции боев и других переживаний свободной жизни, которую пришлось перенести хабаровцам, — многое из наук было перезабыто. Это показали первые же проверки наших знаний. От нас требовали фанатической усидчивости, особого прилежания и старания. Но этого-то как раз у нас и не было после той жизни, которую нам пришлось пройти. К сожалению, никто из

воспитателей не поинтересовался узнать о нашей прошлой жизни, чтобы понять нас и знать, как к нам приступить.

Месяца через два, не помню, по какому случаю, хабаровцев построили в столовой, и директор сказал речь о том, что сибирские кадеты являются довольно тяжелым бременем для Донского корпуса, ибо на них отпуска денег не было. И потому советовал нам быть спокойней и прилежней. Нас опросили, желаем ли мы продолжать образование по новой программе с восьмью классами для получения аттестата зрелости с включением сербской истории, географии и литературы, или же желаем окончить только семь классов, как было в России. Выпуск разделился: пятнадцать человек решили заканчивать по старой программе, а восемь — по новой. Из последних, кадет Попов вскоре тоже перешел на старую программу. Наша жизнь пошла по-иному: для семи человек отвели маленький класс, а для остальных дали помещение шестого класса, в котором вместо двери было приспособлено окно, для входа и выхода из класса.

В половине октября 1925 года пожелавшие получить аттестат за семь классов были отправлены в г. Сараево для сдачи экзамена. В ноябре был экзамен, который выдержало только девять человек. Немного позже всех отправили в г. Крагуевац на слесарно-монтажные курсы.

С Половины октября началась обычная жизнь хабаровцев и омичей в Донском корпусе, уж как донских кадет. Учебный год шел ровно и гладко.

Жить в Билече было невесело: вокруг голые горы серо-голубого цвета. Кое-где лишь чернели пятна терновых кустов и чахлых акаций, объедаемых овцами. Пошли дожди, переходившие в снег, довольно быстро стаивавший. Прохладная погода вынуждала кадет сидеть в классах в шинелях, — дрова для отопления выдавались только вечером. Все же помещение согревалось намного керосиновыми лампами для освещения.

В город ходить нам было незачем, да и не с чем. Городишко был маленький, не больше полутора тысяч жителей.

Для жителей Билечи корпус был большим культурным оазисом: своей интеллигенции в городе не имелось. В корпусе был создан театр, переделанный из помещения для склада. Стены этого театра были расписаны хорошими художниками-любителями, кадетами предыдущих выпусков. Театральные постановки, устраиваемые иногда кадетами, были для жителей города целым событием.

Донской корпус, как и все другие, продолжал обучение кадет по старой программе. Из преподавателей следует отметить таких, как полк. Христианович, преподававший нам физику и химию. Сам бывший кадет, он понимал нашу кадетскую психологию и стремился подготовить нас к будущей университетской жизни. Преподаватель русского языка Перцев, математики — Чекомасов, естественных наук — проф. Строев, инспектор классов Чернокнижников, — да и все преподаватели были на высоте и заслуживают внимания.

В конце учебного года за громкое поведение, из нашего класса, в двадцать семь человек, было исключено из корпуса двенадцать человек; главным образом — донцы. Наступившее лето прошло без особых событий, но стало известно, что осенью корпус будет переброшен в гор. Горажде.

Летом, как всегда, для тех кадет, у кого не было родных и которые, поэтому, не уезжали в отпуск, устраивалась поездка на две недели в Боку-Которску, на Адриатическое море. Эта поездка была целым событием и, можно сказать, не из особенно приятных. Ночью надо было пройти 27 километров пешком до станции Требинье, откуда выходил поезд в восемь часов утра. С собой кадеты не имели ничего, кроме одного одеяла, а в августе месяце ночи в горах были очень и очень прохладные.

Уныло тащился поезд узкоколейки до двух часов дня, когда мы, наконец, приезжали в Херцегнови. Здесь, в 1925 году кадет поместили в гостинице «Бока». На верхнем этаже, в комнатах, мы, по десять-двенадцать человек спали вповалку на полу. И все время поездки провели в этом городишке. В 1926 году нас разместили на станции Иголо в нескольких домах. Спать приходилось на каменном полу, имея только одно одеяло. В этот раз нас прокатили на моторном катере по всей бухте Боки Которской. Затем проехали в

Котор, и отсюда на грузовиках нас провезли в г. Цетинье, когда-то столицу Черногории. Эта столица не произвела на нас никакого впечатления: маленький захолустный городишко. Надо добавить, что эти летние поездки были и достаточно голодными. Нам выдавали на руки по 14 динар в день. Когда были в Иголо, там из инвалидного дома нам отпускали по порции борща за четыре динара. Хлеб стоил... килограмм — четыре динара, литр молока — два динара, столько же и килограмм помидор. При постоянном движении, частом купании, для нас, молодых, еды было мало. Но денег ни у кого не было и поэтому мы должны были довольствоваться тем, что имели. После возвращения из Херцеговины поезд приходил в Требинье в шесть часов вечера. Опять предстоял марш пешком по уже подмерзавшей дороге в холодную ночь. Однако, большим утешением было сознание, что к утру мы будем в своем корпусе и войдем в нашу обычную жизнь.

Стали готовиться к переезду в Горажде. Также, как и Билече, это был маленький городишко с полутора — двумя тысячами жителей. Наше переселение далось в начале сентября. Погрузка прошла довольно дружно и весело и было достаточно времени, чтобы закупаться в последний раз в Требишнице. Переспав в вагонах, мы утром тронулись в дальний путь-дорогу.

Город Сараево проехали ночью. На рассвете остановились на станции Усти-Прача, от которой до Горажде было еще двенадцать километров. Над рекой Дриной плыл холодный туман. Река текла и гремела по камням, а мы стали разгружаться... К вечеру пришли в Горажде.

Корпус был помещен в казарме австрийского (бывшего) гарнизона, на берегу реки Дрины. Через дорогу были приземистые бараки, в которых разместили первую сотню, столовую, рисовальный зал, помещение для сыгровок оркестра и кухню.

Еще дальше, в гору, был другой ряд бараков, где устроили церковь, лазарет, зубоврачебный кабинет, мастерские. Театр, оборудованный из конюшни, позже сгорел. Все было размещено и устроено довольно быстро и вскоре начали прибывать отпускные и переведенные из других корпусов кадеты. Потом начался учебный год.

Учение шло довольно гладко применительно к сербской программе.

Постепенно отдалялось влияние войны и всего пережитого. И, если в 1924 году на шестое декабря числилось до сорока георгиевских кавалеров, то в 1926 году их оставалось только четыре.

В начале июня кончались занятия в корпусе. На последнем уроке из каждого предмета «отбой» играл оркестр. Преподавателя кадеты выносили из класса на руках, неся впереди него грифельные доски с изображением всех годовых мук кадет и истязания их науками великой премудрости.

Наступало самое ответственное время для выпускных кадет: подготовка к экзаменам на аттестат зрелости.

Наконец, экзамены окончились. Кончились и все тревожения. Началось раздумье: куда направлять дальше свои стопы? На какой-нибудь факультет университета или же в Югославянское Военное училище.

Донской Императора Александра III кадетский корпус становился для каждого из нас уже отрезком пройденного жизненного пути. В 1927 году, в 38 выпуске, и числе получивших аттестат зрелости, было шесть хабаровцев. (Из них три георгиевских кавалера: Малыгин, Третьяк и Еленевский).

Теперь, при догорающих вечерних огнях жизни, оглядывая пройденный путь, пусть немного и путанный, с грехами и ошибками, но верный по направлению, с двумя войнами с красными, на которые ушли семь лет молодой жизни, — меня всегда наполняет горделивое сознание, теплой волной затопляющее душу, что у меня было счастье: два года носить донские синие погоны с гордым вензелем Великого Императора — Миротворца.

А. Еленевский, 38 вып.

**Список кадет Хабаровского корпуса,
влитых в Донской корпус в феврале 1925 г.**

7-ой класс:

1. Пономарев Игорь (В-ун. оф.)
2. Ватезат Ал-др
3. Вердников Глеб
4. Викентьев Всеволод
5. Дронов Леонид
6. Иванов Петр
7. Клисурич Владимир
8. Кончаловский Евгений
9. Костромин Владимир
10. Клеймюк Юлиан
11. Комаркевич Владимир
12. Мезген Георгий
13. Попов Петр
14. Саянский Владимир
15. Третьяк Дмитрий
16. Синявин Сергей
17. Фицковский Ал-др
18. Фицковский Евгений
19. Щербаков Константин
20. Юмашев Владимир

Прикомандированные:

21. Еленеевский Ал-др
22. Малыгин Николай
23. Шавров Валериан

6-ой класс:

1. Быков Артамон
2. Ватезат Георгий
3. Боровский Михаил
4. Боровский Николай
5. Бердников Ал-др
6. Викентьев Вячеслав
7. Глущенко Павел
8. Ирошников Петр
9. Кузнецов Лев
10. Клисурич Николай
11. Костромин Виктор
12. Люткевич Николай
13. Мячкин Владимир
14. Попов Владимир
15. Перфильев Георгий
16. Черевков Трофим
17. Чипизубов Михаил
18. Яковлев Ефдем

5-ый класс:

1. Бебешко Иван
2. Берегулько Петр
3. Боровский Анатолий
4. Гаттенбергер Петр
5. Копинский Ростислав
6. Костромин Валентин
7. Лазарев 1-ый Лев
8. Лазарев 2-ой Евгений
9. Лупалов Иосиф
10. Любимов Георгий
11. Пстроцкий Георгий
12. Сладковский 1-ый Аркадий
13. Солдатов Павел
14. Худолей Борис

4-ый класс:

1. Ватезат 3-ий Константин
2. Крузе Андрей
3. Крузе 2-ой Эраст
4. Магденко Юрий
5. Сладковский 2-ой Алексей
6. Супронович Георгий
7. Чекальский Константин

3-ий класс:

1. Блинов Андрей
2. Моллер 1-ый Всеволод
3. Пстроцкий 2-ой Анатолий

2-ой класс:

1. Боровский Борис
2. Гаттенбергер 2-ой Борис
3. Гаттенбергер 3-ий Георгий
4. Квятковский Игорь
5. Морозко Игорь
6. Пустовойтенко Алексей
7. Храмов Константин

1-ый класс:

1. Б. Ватезат 4-ый
2. Вериге Виктор
3. Левченко Ал-др
4. Левченко 2-ой Константин
5. Извеков Павел

О НЕКОТОРЫХ КОРПУСНЫХ ТРАДИЦИЯХ

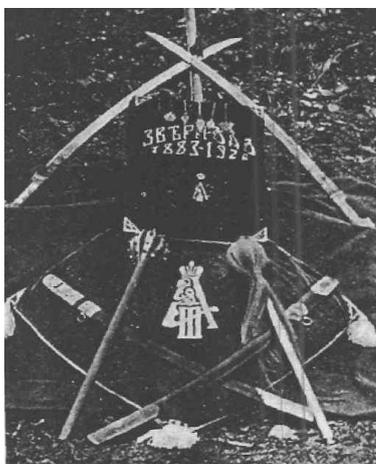
Приведём короткие выписки о традициях из воспоминаний Н.Н. Воробьёва. После этих данных, редактирующий книгу, как старший кадет, находит нужным дать дополнительные объяснения, чтобы все кадеты увидели и знали, создавшуюся с годами, разницу, которая существовала между традициями первых и последующих годов.

Н. Воробьёв писал: «Останься мы на Родине, и почти с уверенностью можно сказать, что в соблюдении кадетских традиций (я говорю о ритуалах, о «звериаде», о похоронах анатомии и всех наук и прочем) главным элементом была бы милая озорная шутка, быть может, иногда и не совсем цензурная.

Так было, вероятно. В те времена, когда «традиции» только зарождались в военно-учебных заведениях. Очень возможно, что это были «лермонтовские времена», так как именно ему и его однокашникам в Школе гвардейских подпрапорщиков приписывается введение многих традиционных ритуалов. Не имея под рукой солидных исторических материалов, трудно говорить об этом безапелляционно. Можно только высказывать предположения и излагать то, чему сам был свидетелем. Но рассказать об этом нужно, хотя бы уже по одной причине: пусть об этом знают грядущие поколения в будущей свободной России, на возрождение которой политический эмигрант не имеет права терять надежду.

ЗВЕРИАДА

Традиционная кадетская песня, на определенный мотив и определённого стихотворного размера, в которой обычно высмеиваются корпусное начальство и вообще весь учебно-педагогический персонал данного корпуса.

Звери-Ада Донск. корпуса (1883-1933 гг.)

Происхождение самого слова становится ясным при разделении его на два слова «звери-ада». В нашем корпусе на книге, которая также как и песня называется звериадой, название писалось через тирэ: «Звери-ада». Возникает, конечно, вопрос: а о каких же «зверях» идет речь? Ведь почти во всех кадетских корпусах «зверьми» или «зверьями» называли младших, в особенности кадет 3-ей роты, т.е. «сугубцев».

А в «Звериаде» описывается и высмеивается прежде всего персонал корпуса. В чём же дело? Обратим внимание на то, что в Донском Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпусе название «звери» исстари применялось только к директору, воспитателям и преподавателям корпуса (подчёркнуто М. Бугураевым), но никак не к младшим кадетам. Те назывались просто «сугубцами».

Кроме того, я вспоминаю пояснения своего дядьки, кадета Николаевского корпуса в Санкт-Петербурге, от которого я впервые узнал о «звериаде».

Все стихи-куплеты звериады были вписаны в книгу, огромную книгу на застёжках и с серебряными украшениями на бархатной обложке. Каждый выпуск считал своим долгом внести и свою лепту и вписать в звериаду свои собственные куплеты. Некоторые выпуски этого не делали.

Что случилось с нашей Новочеркасской звериадой — не знаю.

В моё время «звериад» было две: одна старая и вторая, созданная уже трудами 39-го и 40-ого выпусков. «Старая» вовсе не была старой — её старшинство восходило всего лишь к 35-ому выпуску, т.е. к классу, кончившему корпус в 1923-1924 учебном году, если не ошибаюсь. Выпуск 34-й, несмотря на прекрасный по духу и способностям состав, не имел большого влияния на жизнь корпуса. Это тот выпуск, где были: Лёвушка Греков (впоследствии протоиерей собора в Сан-Франциско, там же и скончался), Костя Долуханов (инженер, скончался в Белграде или Загребе в прошлом году (1969)), Женя Марков (в сов. концлагере), Ваня Лобачев (судьба неизвестна) и другие. Твёрдые основания заложил лихой непромокаемый выпуск 35-ый: это Александр Беломестов, Борис Кундрюцков, Александр Ротов, Григорий Самойлов, Жорж Сысоев, Макар Сафронов, Александр Туроверов (статьи которого мы часто читаем в зарубежной прессе) и многие другие. Помимо корпусного значка (жетона) были тогда введены и выпускные жетоны. У ушедшего 34-го вместо значка было кольцо. Значок 35-го (проект Григория Самойлова) представлял собой круглый щит, сверху которого была голова Ермака в шеломе, а волосы бороды его, как бы растекались по щиту, главным образом, по ободу. На щите стояла надпись-девиз корпуса: «Верны заветам старины».

В то же, приблизительно, время создавалась и первая заграницей «Звериада». Вернее она была начата 35-ым выпуском, а окончательное оформление и сооружение синего бархатного переплёта было делом рук кадет 37-го выпуска. Влетело это в копейку — триста с лишним динар, что по тогдашним временам сумма была немалая. Кадеты Атаманской сотни получали, правда, по 10-ть динар в месяц, и это шло всё на Звериаду. Пришлось также частично продавать крестьянам порции хлеба (герцоговинцы — народ бедный), а кадетам — «богачам» (у кого и из дому водились деньжонки) и котлеты.

Таким же путём выплачивались и выпускные жетоны. В моё время первая книга уже была заполнена, и надо было заказывать вторую. Размер первой книги: двадцать на пятнадцать дюймов, вторая была чуть поменьше, но зато потолще. На тёмно-синей бархатной обложке были серебряные (фактически из белого металла) украшения, застёжки. Наверху стоял год основания корпуса «1883», над этим — были прикреплены выпускные жетоны разных выпусков, ниже крупными буквами надпись: «Звериада». Бумага в обеих книгах была веленевая высшего сорта и достаточной плотности. Страницы были затейливо украшены инициалами и заставками, что уже представляло собой художественный интерес, как хорошая орнаментальная композиция. Рисовали неплохие художники. Во второй, новейшей Звериаде, был интересный фронтиспис: портрет Державного Шефа, окружённый замысловатым орнаментом.

В текстах Звериады выпусков 39-го и 40-го уже мало места уделялось шутовому высмеиванию начальства, «зверей». Характер текста изменился — больше писалось о России, о родном Доне Ивановиче и о старых традициях.

Хранителем Звериады всегда был старший (в отношении традиционном) — 7-ой класс. Хотя в эмиграции число классов возросло до восьми, кадеты не пожелали нарушать традиций и по-прежнему считали хранителем Звериады семиклассников.

При переходе в восьмой класс, кадеты 7-го класса в торжественной обстановке (описание после) передавали Звериаду вчерашним шестиклассникам. Фактически хранителем её являлся адъютант Атамана.

ТРАДИЦИОННОЕ НАЧАЛЬСТВО

Кроме Звериады, которая имела генеральский чин и официально называлась «Ее превосходительство Звериада», а следовательно и пользовалась всеми её чину

полагающимися почестями — отдаванием чести, подачей команды «Смирно» при ее «появлении» и т.д., существовало ещё и традиционное корпусное «начальство». Это была выборная старшина и состояла она из:

а) выборного Атамана выпуска, который в то же время назывался «корпусным атаманом»,

б) Товарища атамана,

в) «войскового писаря» — это выборное звание было необязательным для выпуска, и иногда выпуск никаких писарей не выбирал,

г) адъютанта атамана

д) господ есаулов, а то и войсковых старшин. Подобно Войсковым регалиям или клейнодам в корпусе также имелись свои регалии. Это, прежде всего, была Звериада, выносившаяся в особо торжественных случаях, на парадах и т.д., булава атамана, как знак его власти, бунчук, т.е. трость металлическая с конским хвостом, что было знаком власти Товарища атамана.

Также была ещё и «войсковая печать», на ней — «олень, пронзённый стрелой» и надпись вокруг: «Атаман Донского Императора Александра III кадетского корпуса». Ею и своею подписью атаман скреплял официальные бумаги, как например, в переписке с традиционным начальством других корпусов — генералами выпуска. Традиционным начальством была также (поскольку была в данном выпуске выбираема) и дама выпуска, которая у нас называлась «Атаманшей».

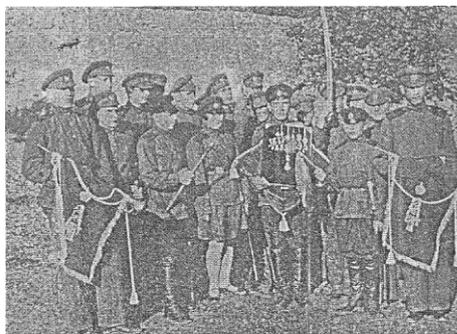
Кроме традиционного начальства в старшем выпуске, таковое же было выбираемо и в шестом классе — их уже понемногу старались ознакомить с традициями. В последние годы и в младших классах появились атаманы (это уже делалось самотёком) по образцу старших классов.

Атаман имел право созыва общего собрания всех кадет старшего выпуска, которое у нас называлось: **ВОЙСКОВОЙ КРУГ**. В исключительных случаях Атаман мог потребовать созыва и общего Круга, т.е. и других выпусков, столько, сколько ему казалось нужным.

Заседания Круга проводились с должной серьезностью и в торжественной обстановке. В назначенное время все должны были быть на своих местах, в назначенном месте, и ждать прихода «начальства». Подавалась команда «смирно» и входил атаман, окружённый традиционным начальством и со своими символами власти, булавой и бунчуком. Затем, если это требовалось, вносилась «Её превосходительство Звериада» и все становились «смирно». Атаман приглашал всех сесть, а адъютант читал протокол последнего заседания Круга, после чего объявлял повестку дня на сегодня.

Различные вопросы решались по казачьему «обыкновению» или «обыку» — общим голосованием. Если надо — вопрос подвергался обсуждению. На мелочах не задерживались и глупостями не занимались.

Причины к созыву Круга бывали разные: заказ выпускного жетона, устройство бала или вечеринки или несправедливое отношение воспитателя или преподавателя, или неблагоприятный поступок какого-нибудь кадета (что бывало в исключительных случаях — М. Бугураев). В случае несправедливого отношения начальства, устраивались, разного рода «обструкции», вплоть до так называемого «бенефиса». В отношении кадет обыкновенно принимались различного рода выговоры: лично — с глаза на глаз, или же в присутствии Круга. (Как исключение, могли предложить провинившемуся кадету и оставить корпус. М.Б.)

42-ой выпуск — Атаман выпуска П. Мерзликин 1930 г.

ПОХОРОНЫ

Производились два раза в году. В первый раз «хоронили анатомию», во второй раз — «всю науку». Анатомию хоронили в гробе, сколоченном из досок. В гроб клалось несколько учебников анатомии и сверху вырванный из учебника рисунок скелета со всеми мышцами, органами и костями... «Хоронили», конечно, тайком от начальства. «Хоронили» мы и все науки. В этом случае сожжению предавались учебники по разным отраслям наук. По окончании похорон устраивался «ночной смотр». Выпуск прошёл церемониальным маршем мимо атамана, причём форма одежды была такова: 1) фуражка, 2) сапоги, 3) пояс, и 4) адамов костюм.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРАДЫ

Они бывали в высокаторжественные дни, начиная с корпусного праздника, в день 6-го декабря. В них могли участвовать не только кадеты старшего выпуска, но и следующего за ним, и вообще все классы. Они устраивались после официального корпусного парада. При этом также старались соблюдать тайну, но, т.к. в этом принимал участие и хор трубачей, то, конечно, это было секретом полишинеля. Когда все кадеты были выстроены, появлялось традиционное начальство с атаманом во главе. Трубачи играли Атаманский встречный. Парады проходили в очень серьёзной атмосфере, а речи атамана и товарища атамана были исполнены призывов хранить кадетские традиции и любить Родину. Всё заканчивалось прохождением церемониальным маршем перед атаманом и традиционным начальством.

Иногда после парада кадеты, окружив своего атамана, пели различные песни, начиная со Звериады...

ЗВАНИЯ

Все кадеты старшего выпуска считались «господами-хорунжими», а «есаулами» были те, кто остались на второй год. А кто оставался дважды был «господином войсковым старшиной». Право «есаула» было, помимо старшинства и всеобщего уважения, ещё и носить корпусной жетон не на пуговице левого погона, а на третьей пуговице на груди мундира-гимнастёрки.

43-ий выпуск после традиционного парада в атаманских погонах 6 дек. 1932 г.

ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИЙ И РЕГАЛИЙ. ПРОИЗВОДСТВО

Особенно торжественно была обстановка передачи 8-м классом седьмому всех регалий. В этот день старшим традиционным классом становился седьмой. Атаман передавал свою булаву новому атаману, товарищ атамана передавал бунчук новому товарищу атамана, а главное — вручалась Звериада. Оба выпуска выстраивались друг перед другом, атаманы — перед фронтом. Читался приказ уходящего атамана. Он сопровождался речью о значении традиций в нашей кадетской жизни, в особенности за рубежом. Атаман подчёркивал, что они для нас олицетворяют связь с далёкой Родиной, что мы обязаны донести их до того дня, когда Россия и Дон станут свободными от большевистского ига. Атаман говорил, что надо поддерживать строгую воинскую дисциплину и среди младших кадет, воспитывать их в духе традиций и всегда оказывать им посильную помощь и в академическом и во всех других отношениях. В конце речи он поздравлял младший выпуск с производством в «господа хорунжие». После этого, уходящий атаман брал из рук своего адъютанта «Её превосходительство Звериаду» и торжественно передавал её новому атаману, а тот своему адъютанту. Товарищ атамана передавал свой бунчук новому товарищу атамана, а в конце, уходящий атаман, под звуки «Атаманского марша», передавал свою булаву.

Новый атаман в своей речи обещал хранить традиции.

После этого старый, уходящий выпуск проходил церемониальным маршем перед младшим — они теперь являлись старшими традиционерами.

Этим, собственно говоря, можно было бы и закончить наше повествование о традициях родного корпуса, но надо упомянуть ещё об одном факте, который также относится к традициям (но не в нашем корпусе. М. Б.). Это «цук». Именно по традиции у нас его не было, да и не могло быть и речи о каком бы то ни было «щук».

Считаю необходимым указать ещё на одну интересную черту, появившуюся в соблюдении традиций за границей. Вспомним, что я начинал воспоминания фразой: «Останься мы на Родине, и главным элементом в соблюдении традиций была бы милая озорная шутка». Но за границей отношение к ним неожиданно стало гораздо вдумчивей и серьёзней.

Потеряв свою Родину и свой самый дорогой в мире край — казачьи области, пройдя сквозь огонь гражданской войны, перешагнув через холод и голод, аресты близких, надругательства и тысячи смертей вокруг — мы иначе стали относиться к соблюдению кадетских традиций. Это было для нас чем-то священным, чуть ли не олицетворявшим для нас далёкую, поработанную Родину.

Это более серьёзное отношение отразилось и на текстах звериад. Элемент шутки становился всё меньше и меньше. Теперь больше всего писалось о России, о Доне-Ивановиче, о военной службе, о казачьих традициях.

Сыграло в этом роль и ещё одно обстоятельство. В Югославии эмигрантскими делами ведало специальное учреждение — Государственная комиссия по делам русских беженцев. Чиновники, ведавшие отделом образования, русские по происхождению, настаивали на устранении «воинского духа» в корпусах. «Очень возможно, что они

руководствовались чисто практическими соображениями и действовали из наилучших побуждений» — писал Н. Воробьёв. (К сожалению это было совершенно обратно.. Теперь уже доказано, а раньше (в то время было предположение), что все гражданские лица, ещё имевшие вес и авторитет у наших союзников, главным образом у французов, были против военных руководителей и стремились к уничтожению всех воинских организаций, и том числе и кадетских корпусов. М. Бугураев.)

Вот эти попытки — продолжает писать Н. Воробьёв — «обуздать нашу воинственность» наткнулись на кадетское сопротивление, да и на сопротивление нашего корпусного начальства, начиная с директора корпуса. Это заставляло нас крепче, более цепко держаться наших кадетских традиций и помнить наш девиз: «ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ».

Н. Воробьёв (Выпуска 40)

Необходимые пояснения

Как один из старших кадет-донцов (выпуска 1910 года) я нахожу нужным высказать своё мнение по поводу воспоминаний кадета Н. Воробьёва о «ЗВЕРИАДЕ», чтобы указать на введение кадетами новых традиций, изменивших весьма дружеские отношения между кадетами старших и младших классов.

Н. Воробьёв писал о появлении самых первых традиций и «Звериады»: «...возможно, что это были «лермонтовские времена»..., но, не имея под рукой солидных исторических материалов, трудно говорить безапелляционно, можно только высказывать предположения и излагать то, чему сам был свидетелем». (Подчёркнуто. М.Б.)

Это рассуждение (или заявление) Н. Воробьёва совершенно непонятно, так как всем, кто окончил кадетский корпус и военное училище, было точно известно, что основателем первых традиций и «Звериады» был великий поэт-юнкер М.Ю. Лермонтов, когда он в 1832-1834 годах был в Школе Гвардейских Подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров. В «Памятке Николаевского Кавалерийского Училища», издание бывших юнкеров Ник. Кав. Уч., 1969 г. на странице 41 читаем: «В центре всех традиций стоял знаменитый юнкер-поэт М.Ю. Лермонтов, написавший, между прочим, столь известную «Звериаду», — барон Э. фон Менд, стран. 41.

Дальше в Звериаде Н. Воробьёв писал о разделении этого слова на «Звери-ада»... (В мое время это слово не разделялось...) и что в Донском Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпуса название «зверь» исстари применялось только к директору, воспитателям и преподавателям корпуса, но никогда не к младшим кадетам. Те назывались просто «сугубцами». Н. Воробьёв не может уверять, что так было исстари... хотя и пишет, что описывает, то «чему сам был свидетелем». Как он мог быть «свидетелем» совершившегося в старое, прошлое время, когда поступил в наш корпус (вероятно) только в 1918 г. (?) Он писал, что в Египте (при приезде) ему было 12 лет.

Из моего предыдущего описания жизни кадет в корпусе, нам уже известно, что из всех кадетских корпусов только в Дон. Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпусе между кадетами старших и младших классов никакого «цука» не было. Надо сказать положительно, что не было и названия кадет — «звери», а тем более «сугубцы».

К сведению читателей основой этих названий является только «цук» и разделение юнкеров на «корнетов» (старшего класса) и «зверей», «сугубцев» (юнкеров младшего класса). «Сугубый» — это единственное и постоянное обращение «корнета» к «зверю». У нас в корпусе, повторяю, «цука» не было и нам не нужно было такое слово, как «сугубый». Приведём пример из прошлого. В «Памятке Ник. Кав. Училища» бывший кадет Николаевского Кад. корпуса барон Э. фон Менд при приезде в училище и входе в прихожую слышал «на лестнице и во взводах, как постоянно раздавались оклики: «Смирно! сугубые звери! Кругом! Трепещи, молодёжь! Явитесь корнету!» (стр. 40).

В книге Елизаветградского Военного Училища «Незабываемое Прошлое Славной Южной Школы» читаем: «Термины «корнет» и «зверь» зависели исключительно от

класса» (стр. 90). «Прибывают кадеты различных корпусов — будущие «звери» — «сугубые перначи»...» (стр. 116).

Из приведённых цитат ясно, что «звери» — это юнкера младшего класса, но никак не начальство.

Скажу еще, что будучи в корпусе я даже и не знал, что в других кад. корпусах существовал «цук». Впервые я узнал об этом в 1911 году в Михайловском Артил. Училище при разговоре с юнкером Пав. Иван. Хартулари, бывшим кадетом Никол. кад. корпуса.

Интересно привести краткую историю, почему там существовал «цук».

«24-го марта 1859 г., вследствие упразднения звания подпрапорщика Школа переименована в Николаевское Училище Гвардейских Юнкеров, и в её состав вошёл «Частный пансион Шклеева», как подготовительное учебное заведение».

После нескольких реформирований пансион стал «самостоятельным учебным заведением, а 6-го декабря 1881 г. был наименован Николаевским кадетским корпусом» («Памятка»... стр. 11).

В моё время кадеты старших классов, по своему положению не имели привилегий или каких-нибудь преимуществ перед кадетами младших классов. Все были равны.

Не было ни Выборного атамана, никого... Не было ни булавы, ни бунчука...

Бывший кадет Н. Воробьёв не указывает причину образования новых традиций в Дон. кад. корпусе. Разрешите мне, если я не ошибаюсь, сделать следующее предположение, основанное мною на суждениях моих разговоров с младшими кадетами бывших в то время в корпусе.

Когда состав Донского корпуса в Крыму начал пополняться кадетами других корпусов (откомандированных из строевых частей), а затем корпус очутился и за границей, то положение постепенно начало изменяться.

При совместном обучении донцов и бывших кадет разных корпусов (ранее имевших «цук») и частых встречах донцов с кадетами других заграничных корпусов, велись разговоры и различные суждения... конечно, оставлявшие след на мнении донских кадет об их традициях... Возможно, что бывали и частые споры с кадетами, вошедшими при реформировании в состав Донского корпуса. Может быть, эти споры указывали и на возможность изменения основных традиций — отсутствие «цука» и полной свободы кадет всех классов Донского корпуса... И донским кадетам, как хозяевам корпуса (скажем так), надо было удержать кадетскую традиционную власть в своих руках. Вот тогда-то, я думаю, во избежание возможных осложнений в кадетских отношениях и для укрепления своих (и будущих традиций — донцы должны были создать и установить свою прочную, крепкую и сильную традиционную власть. Тогда-то, для этого, и был принят и введён в жизнь корпуса старинный обычай и способ управления «Выборный атаман с есаулами, писарем» — и всеми другими атрибутами атаманской власти — булавой, бунчуком...

Конечно, обо всём этом изменении и нововведении умолчать нельзя.

М. Бугураев

КОРПУСНЫЕ БАЛЫ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ

Завтра бал. Не вечер в какой-нибудь сотне, «только» для кадет сотни и приглашённых. Нет, это общий, корпусной бал. Для бала приспособлено громадное здание... Немало потрудились кадеты, чтобы бывшую конюшню превратить в бальный зал.

Много тачек земли навезли сюда кадеты, утрамбовали, обшили досками, белили стены. Был готов танцевальный зал, и он же служил после залом для театральных постановок. Сцена. На занавесе — новочеркасский памятник Ермаку, нарисованный Гришей Самойловым, который впоследствии станет одним из самых прославленных архитекторов Югославии: его проект самого большого храма в столице получит первую премию. А пока Гриша разрисовывает программы для дам.

Постановка «Ревизора» Гоголя (Билече 1924 г.)

Вдоль стен поставлены скамейки, кое-где стулья, для директора и для дам, приглашённых им. На стенах нарисованы большие портреты. Державный шеф корпуса. Государь и Государыня. Наследник — в форме Лейб Гвардии Казачьего полка. Войсковые Атаманы — ген. от кавалерии А.М. Каледин, ген.-лейт. А.П. Богаевский и другие...

Пол, хотя и из струганных досок, но молодежь будет легко скользить по нему. При входе в зал — у дверей приходящих гостей ожидают распорядители бала — кадеты. У них на левом плече приколоты пышные голубые банты. На банте — «атаманский» погончик с белым кантом.

Здесь же — у входа стоит столик с программами. Они не напечатаны, а нарисованы кадетами. Рисуют многие, у кого есть способности к рисованию: программ надо много, так чтобы у каждой дамы, да и у некоторых офицеров было по программе. Некоторые программки были настоящими произведениями искусства. Рисовали их: Гриша Самойлов, Киреев, Ваня Дубровный и Виктор Иванов...

Скоро начнут «съезжаться» гости. За неимением перевозочных средств все ходили пешком. Прежде всех приходило традиционное начальство «мать-атаманша», дама выпуска. Первым с ней будет танцевать «Атаман» Выпуска.

Начинает сходитья корпусное начальство. Встречным маршем приветствуют, как «традиционное», так и корпусное начальство.

Распорядители проверяют, у всех ли дам есть программки, также и расписание всех танцев. Трубачи по указанию кадета-дирижера играют вальс. Обыкновенный вальс с фигурами... за ним следуют па-де-катр, па-дэспань, хиавата, циганочка, полька-бабочка, па-де-патинер...

Носятся в вальсе наши институтки... Приглашали на вечера и сербок из города. Но их было мало. Носятся и жёны воспитателей и преподавателей, которые, в ту пору, по большей части, были ещё молоды.

По бокам, ближе к выходу, подпирая стены, стоят нетанцующие... принципиально, хотя и умеют танцевать...

Затем оркестр вдруг грянет «казачка»... Тут из группы нетанцующих вырвется кто-нибудь, не сдержится и начнёт «чесать»... и по-станичному. Иной раз не стерпят и малыши. Выскочит вьюном черномазый, как цыганёнок, Митя Мерзликин и «докажет свое». (В будущем пуля красного партизана уложит его в атаке. А брата его Петю свалит болезни, где-то в сибирской тайге, после многих лет концлагеря).

Окончен бал. Гаснут карбидные и керосиновые лампы, и расходится весёлая публика.

Театральные представления давались в этом же зале. Режиссером, вдохновителем, постановщиком и душой кадетского театра был регент хора и талантливый артист Яков Иванович Шпилевой, кубанский казак, в интимном кадетском разговоре просто «Яшка».

Начали со скромного, с одноактных пьесок, потом... взялись и за пьесы Островского. Женские роли исполнялись жёнами воспитателей и преподавателей. В редких случаях женские роли поручались кадетам.

Ставился и «Фёдор Иванович» и «Смерть Иоанна Грозного» и «Князь Серебряный»... Все декорации, костюмы и прочее... было создано руками кадет. Нужны были краски, материал, художники. Всё это имелось, кроме времени... Но жертвенность кадет-художников простиралась до того, что они тратили часы своего вечернего, а то и ночного отдыха. В первые годы Гриша Самойлов, затем сибиряк, кадет Омского корпуса (переведённый в наш корпус) Ваня Дубровный, тоже талантливый художник, вот они набирали себе армию охотников (художников) и писали все нужные декорации.

Костюмы строили из мешковины, из самой обыкновенной дерюги, кроили наши дамы, одежды, в дело пускали клеевые краски и бутафорские «самоцветы». Всё это делалось чуть ли не по ночам и создавалась феерия, производившая со сцены незабываемое впечатление.

Театр приблизил нас кадет к русской литературе. Читали мы всё — где угодно, когда угодно и как угодно.

Н. Воробьёв

ЧАСТЬ IV

«Да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу»

А. С. Пушкин

Через пятьдесят лет от своего основания, в год полувекового юбилея, Донской Императора Александра III Кадетский Корпус ушел из жизни и стал достоянием истории. От нас, еще живых свидетелей последних лет его существования, спокойного и величественного в далеком прошлом, выпустившем в жизнь немало достойных сынов Дона и России, и беспокойного и подчас бурного в годы обще-русского лихолетия, — от нас зависит, чтобы исторический путь одного из многих императорских корпусов также сохранился в этой истории. В этом заключается наш моральный долг перед грядущими поколениями, перед донским казачеством и будущей Россией. Без прошлого не может быть и будущего. Мне было судьбою предначертано окончить Донской К. К. именно в этот последний тысяча девятьсот тридцать третий год. С тех пор промелькнуло еще четыре десятка лет. Но, если по воле судьбы и сильных мира сего и прервалась эта жизнь, то никакие годы нашего общерусского лихолетия не смогут стереть в сердцах истинных сынов Дона и чистых сердцем русских людей, — памяти об этом достойном очаге русской культуры и воинской славы. Уходят из жизни живые свидетели, редуют ряды тех, для кого, когда-то, Донской Корпус был отчим домом. Но тем большая ответственность ложится на нас, кто еще здесь в этом мире, ответственность за то, чтобы передать грядущим поколениям, тем, в ком будет биться русское сердце, передать любовь ко всему, что должно быть дорого, что является необходимой связью с нашим далёким прошлым.

«Верны заветам старины», — не знаю, кто и когда избрал эти слова и завещал нам свято хранить их и следовать им. Только вижу в них глубокий смысл и чувствую нашу великую правду в этом завете, передаваемом из поколения в поколение.

Нелёгкая задача стоит перед нами: восстановить в памяти события давно ушедших дней почти полувековой давности. Задача эта не лёгкая потому, что она непосильна отдельным участникам прошедшего периода нашей жизни, а на общее участие в восстановлении исторической были рассчитывать не приходится в силу обычных человеческих слабостей. Тем более мне хочется подчеркнуть участие тех немногих, кто с таким энтузиазмом и пониманием значения приложил свои силы к созданию хотя бы отрывистых картин из «последних дней» жизни Донского Корпуса.

Однако, несмотря на то, что только немногие приняли участие в составлении очерков о жизни родного нам корпуса, мы должны включить в это число также и всё огромное большинство бывших донских кадет, ибо только благодаря их широкой материальной поддержке нам удалось осуществить издание настоящей книги, как нерукотворного памятника тому учебному заведению, в котором мы ещё с кадетской скамьи были воспитаны в духе любви и преданности Родине. Невольно вспоминаются при этом слова кадета 20-го выпуска, полк. С. Болдырева, сказанные им ровно полвека тому назад: «Вам, нынешним кадетам, предстоит впереди святая обязанность, проникнувшись высоким примером бывших питомцев, ненарушимо хранить заветы истории родного корпуса и доброе честное имя его кадета». И мы еще добавим к этому: и передать эту любовь к своему корпусу, как символу ушедшей и грядущей Родины, — передать будущим поколениям. Честь и слава всем донцам, так или иначе, принявшим участие в создании этого памятника: оказавшим, по мере своих возможностей, материальную поддержку, без которой немыслимо было бы никакое издание. Не оттолкнувшим нас, сказавшим нам хотя бы просто доброе слово. Без этой моральной опоры мы не смогли бы довести дело издания до благополучного конца. Думается, что и в отношении тех, кто безвозвратно ушел от нас, то ли на поле брани в годы испытаний для нашей Родины, то ли призванных Всевышним, в бесконечных местах русского рассеянья, — думается и

верится, что исполнили мы и в отношении их наш священный долг — помянув их имена в нашей общей молитве.

В. Казимиров, 43 в.

1926 ГОД. ОТЪЕЗД ИЗ БИЛЕЧИ

В конце лета 1926-го года кадеты, остававшиеся в стенах корпуса на летние каникулы, были заняты необычного для них рода занятиями: упаковкой и погрузкой казенного имущества для отправки в г. Горажде, куда Донской Корпус переводился решением югославенского министерства.

Упаковывали цейхгаузы, канцелярию, церковную утварь, театр, класные принадлежности. Кровати и столы было приказано оставить.

Часть кадет с первым грузом была отправлена в г. Требинье для погрузки в вагоны, другие оставались в корпусе для погрузки на грузовые машины. Персонал корпуса также усиленно готовился к переселению и, по свойственной русскому человеку привычке, подбирал все, что нужно и не нужно, по принципу: всё в хозяйстве пригодится. Упакованные вещи персонала кадеты выносили на «брехаловку» и грузили в машины. Не обошлось при этом и без курьезных случаев. Однажды утром у брехаловки появился странный тюк необычных размеров. Многие кадеты смотрели на него с неприязнью, намереваясь забыть его. Но, вот, несколько человек, взявши тюк за углы, раскачали его и подкинули, чтобы забросить за борт машины, но принимавший наверху не удержал его и тюк грохнулся обратно на землю, рассыпая свое содержимое. Найти там можно было все: от старых ботинок до печных труб.

Наконец, все вещи вывезены из лагеря. С арки главных ворот снят российский орел. Кадеты построились и по команде «с права по три», во главе с оркестром, двинулись походным порядком по шоссе в Требинье. В последний раз «по герцеговинским горам разносились звуки маршей «Москва», «Стенька Разин», «Старые друзья»... Донцы покинули свое орлиное гнездо на высоте 1400 метров над уровнем моря.

А впереди было еще 27 килом. пыльной шоссейной дороги. Но в кадетских головах не было места для сентиментальных размышлений, немало мест сменили уже после родного Новочеркаска. А в связи с оставлением насиженного, но чужого гнезда можно сказать, что их скорее манила грядущая новая жизнь.

Однако бодро начавшийся походный порядок закончился тем, что в Требинье прибрели уже совершенно расстроенные ряды: запыленные, изнуренные жаждой, с единственным желанием утолить её и вытянуть усталые ноги. Предстоявшая поездка в поезде сулила хороший отдых.

ГОРАЖДЕ, 1926-1933 гг.

Перевод Донского Корпуса из Билечи в Горажду явился знаменательным событием и, несомненно, послужил на пользу дела воспитания, учения и, в некотором роде, приобщением к цивилизованному миру «донской вольницы». Будучи уже в старших классах, я часто задавал себе вопрос; почему единственный императорский корпус за границей не пользуется расположением «золотой орды», т.е. Комиссии по делам русских беженцев в Югославии?

Вид на корпусное расположение — Горажда

По приезде в Югославию Донской Корпус содержался на суммы денег, получаемых от Донского Атамана. Позже Атаману удалось добиться, что Дон. Корпус и Мариинский Женский Институт были приняты Югославянским правительством под контроль Государственной Комиссии по делам беженцев.

Несмотря на то, что Горажда оказалась небольшим захолустным городком, затерянным в глубокой провинции, по сравнению с совершенно дикой обстановкой бывшей австрийской крепости в Билече, контраст был большой. Окружающая природа и наличие просто людей вокруг, не могли не оказать благотворного влияния на жизнь и развитие кадет.

Здесь, в течение долгих семи лет, далеко от крупных культурных центров страны, шла, может быть, мало кому заметная, но глубокая национальная работа. Как бы закончился период странствований, улеглись все страсти, всколыхнутые годами русского лихолетия и Корпус нашел свое тихое пристанище, приобретая все более привычный, образцовый вид и внешне и в своей внутренней жизни. Годы скитаний не убили того ярко-русского духа и сильной любви к Родине, которые всегда выделяли Донских кадет.

Горажда — маленький боснийский городок с кривыми улицами, расположен на левом берегу горной реки Дрины, в месте, где горы только немного отошли от реки и образовалась долина. Город имел две части: мусульманскую, с двумя мечетями, от которой веяло 19-м веком, где улицы были всегда пустынные, где редко можно было встретить пешехода, а еще реже женщину, да и то в виде пугливого привидения, с плотной чадрой на лице. Другая часть города имела, более или менее, европейский вид, где были сосредоточены кое-какие административные учреждения города, и почта; лавчонки, пара гостиниц и неизменные сербские «кафаны». Название это хотя и происходит от слова «кофе», однако, главный напиток, который там подавали, принадлежал к меню Бахуса.

Владения, которые были предоставлены корпусу, раскинулись на значительном пространстве. Это был целый лагерь, также бывший в свое время австрийским военным лагерем, с целым рядом различных служб и соответственных зданий и построек. От города лагерь был отделён только улицами. Таким образом, как бы ни была незначительна жизнь этого маленького городка, но она проходила на виду у нас, делая и нас частью общей жизни.

Общий вид расположения корпуса — зимой

Главным зданием во всем комплексе лагеря была трехэтажная казарма в виде буквы Ш с укороченной средней ножкой. Лицевой стороной это здание выходило на улицу короля Александра. Вдоль северного фасада здания проходила улица, отходившая перпендикулярно от улицы короля Александра и, выходя вскоре за окраину города, переходила в шоссе, ведущее к железнодорожной станции Усти-Прача, отстоявшей в 12 километрах. На третьем и втором этажах казармы разместились спальни третьей и второй сотен корпуса. В нижнем этаже, главным образом в южной части, были классы, а в северной — канцелярии директора корпуса, инспектора полк. Чернокижникова, библиотека.

Перечень будет не полным, если не упомянуть, что тут же в здании было и несколько соответственных помещений, предназначенных для одиночного «отдыха и размышлений», т.е. карцера.

С внутренней стороны, восточной, перед казармой был довольно обширный двор, на котором могла быть свободно построена сотня. Двор имел двое ворот; с севера — на улицу, и с юга — к плацдарму, на котором также могла свободно развернуться только сотня. За плацдармом протекала река Дрина. Первый, внутренний двор замыкался с восточной стороны рядом одноэтажных построек: возле ворот — баня, которая вмещала одновременно отделение в 30 человек. За баней был дровяной сарай и небольшая постройка, в которой помещалась переплётная мастерская.

Группа кадет 2-ой сотни с полк. Филиным и полк. Потаповым — 1929 г.

Напротив казармы, с запада — «кафана» с палисадником; на север — отель «Дрина», а дальше на восток вдоль берега реки, в саду — павильон — квартиры директора корпуса и персонала. Напротив, с северной стороны улицы (шоссе на жд. ст. Усти-Прача) были ряды барачных корпусов 1-ой сотни: первый ряд — барак-музыкалка, квартиры воспитателей и командира первой сотни; второй ряд — спальня 7-го класса, затем спальня 8-го класса и, последний ряд, — барак-столовая для всех трех сотен. Напротив столовой, к северу — кухня, склад эконома и все дополнительные службы. Столы в столовой крашенные. На столах: графин с водой и стакан, тарелка с нарезанным хлебом, выпекавшимся в корпусной пекарне. Тарелки глубокие и мелкие, вилки, ножи и ложки. Пищу приносили служители в бачках, а старший, за каждым столом, разливал её по тарелкам. Салфетки и скатерти, как «отжившие предрассудки», — отсутствовали. В продолжении первого ряда барачных корпусов находился второй ряд таких же барачных корпусов, в которых были: около шоссе — сербская читальня, а дальше — классы первой сотни. С 1929-го года, после пожара в театре последний был перенесен в один из этих барачных корпусов.

С западной стороны от барачных корпусов, от шоссе в северном направлении, проходила 1-ая безымянная улица, на которой происходили построения 1-ой сотни. За помещением кухни, с запада на восток, проходила 2-ая безымянная улица, начинавшаяся от последнего городского дома и выходившая на шоссе на Усти-Прачу за городом. К северу от этой дороги опять начинались владения корпуса, упиравшиеся в подножье горы с восточной стороны.

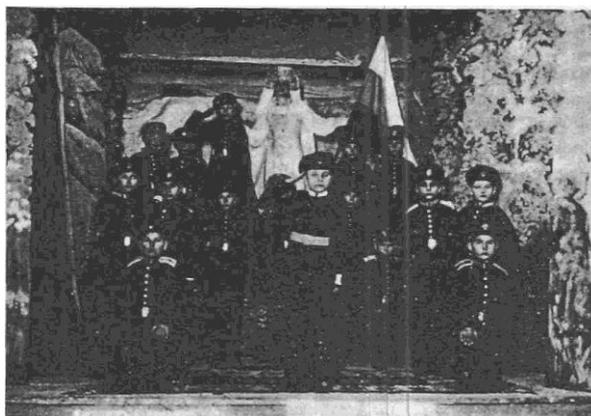

1-ая сотня в 1931 г. с Директором корпуса и восп. полк.-ми Чудиновым, Зиолковским, Наумовым, Енько-Даровским и Потаповым

В бывшей мертвецкой (у австрийцев) — обосновался полк. Магденко, эконом. Дальше к северу — католическая капелла. За капеллой — фруктовый сад, который директором сдавался в аренду.

В юго-восточном углу этого сада в 1929-ом году нами были погребены кости русских солдат, расстрелянных австрийцами в 1915 году на станции Меджеджа за отказ грузить снаряды для отправки на восточный (русский) фронт. Со 2-ой безымянной улицы, недалеко от городского дома, был вход в лагерь. Пять барачных выстроились в две линии с юга на север. Бараки были густо обсажены деревьями грецкого ореха. Первый — одиночный, — принадлежал сербам, в нем была домовая церковь и квартира сторожа. В следующей паре барачных: на запад — корпусная церковь и квартиры настоятеля и дьякона; на восток — сапожная мастерская, квартиры полк. Гана, медицинского и зубного врача и зубоврачебный кабинет.

Наконец, последняя пара барачных: на запад — квартиры служащих корпуса и столярная мастерская; на восток — корпусной лазарет и квартира фельдшера Мартынова, говорившего: «бери фалат и тухли». Дальше на север, метров 50, дорога проходила через сады и вела к корпусной пекарне и к бывшим (при австрийцах) конюшням. Двухэтажное здание (пекарни) стояло на бугре. Выходные двери здания смотрели на восток.

Живая картина: Группа кадет в формах различных корпусов. 1930 г.

На первом этаже находилась пекарня и главный цейхгауз; на втором — квартиры персонала. Напротив здания располагались, в виде буквы Г, две бывшие конюшни. Одна была приспособлена для корпусного склада, а другая была оборудована под театр.

После Рождества 1929-го года театр сгорел. Кадет 41-го выпуска Виктор Иванов так повествует об этом событии:

Не хотите ли ребята, чтоб я рассказал,
Как спалил пожар проклятый театральный зал.

Из-за лампочки карбидной балка занялась,
Разгорелась-распыхтелась, вверх передалось...
Мы к театру подходили, прямо целый взвод,
За горлянки ухватились, — душит крезот.
Мусье Савин все крепился, думал помогать,
Да не выдержал — пустился вещи собирать,
И еще в дыму пожара видел сквозь огонь,
Как с портретами подмышкой скрылся Хрисогон.

Пожар кадеты тушили самым примитивным способом, выстроившись вереницей, чтобы передавать ведра с водой из какого-то ручья, протекавшего под горой. Театр все же сгорел, но примыкавший к нему склад, удалось отстоять.

Заканчивался лагерь двухэтажным зданием, в котором были квартиры персонала. Вдоль всех дорог в долинах были фруктовые сады. Хозяева садов не запрещали брать фрукты, лишь бы не набирали в корзины и не ломали ветки. И вот, после каменистой Билечи, где на безлесных горах не росло ничего, кроме дикого кизила, боярышника, да кислого тёрна, — фруктовая Горажда! За кадетским столом также стал появляться десерт в виде свежих яблок.

В летнее время, до 10-и часов вечера, кадетам разрешалось быть в городе. Любимым местом гулянья (для кадет «старшего возраста») был прочный пятипролётный мост через реку Дрину. Едва начинались сумерки, как кадеты и горожане выходили на мост. Об этих прогулках, тот же Иванов Виктор, написал:

Вышел вечером на мост, — бабий движется обоз,
Нет ни края, ни конца.
Впереди Смильяна с Боркой, сзади них — Славка с Загоркой,
Посредине Стоица...
Дальше движутся косыя, плоскогрудыя, кривыя,
Нет ни края, ни конца...

К десяти часам появлялся дежурный воспитатель, — прогулка для кадет оканчивалась.

Летом 1930-го года два кадета идут по мосту в сторону города. Навстречу «медведеобразная» фигура полк. Енько-Даровского. Откозырнули и разошлись. От города кадеты поворачивают назад и снова идут по мосту. Полковник, проверив, нет ли гуляющих кадет, идет обратно. Ему навстречу наши друзья. Опять «kozyряют». Он останавливает их вопросом: «Почему гуляете?» Один, как рапортом, отвечает: «По мосту, госп. полковник!» Воспитатель озадачен таким неожиданным ответом и продолжает путь к городу.

Но вернемся немного назад. Необходимо отметить, что по пути следования из Требинье в Горажду, поезд, перевозивший донцов, проходил через г. Сараево, большой центр Боснии, со 100 тысячным населением, — где находился в то время Первый Русский Кадетский Корпус.

На рассвете поезд остановился у заброшенного, среди высоких лесистых гор, полустанка Усти-Прача, где две горных реки, Дрина и Прача, сливались в одну. Выгрузились и отсюда, уже походным порядком, донцы направились к месту назначения. Однако, разница была большая: надо было пройти всего 12 килом. хотя и пыльной шоссейной дороги, но с зеленых гор и близкой бурной реки несло освежающей прохладой.

Перед входом в Горажде кадеты построились, привели себя в порядок и с оркестром вошли в город.

На долгих семь лет в этот спокойный, и как бы забытый городок, корпус внес новую жизнь и оживление.

В тихой провинциальной Горажде Донской Корпус продолжил свою большую работу, свое национальное дело по воспитанию молодежи в любви к Родине и подготовке кадет к тяжелой современной жизни. С малых лет, окруженные русским укладом и бытом, кадеты впитывают глубокую любовь ко всему русскому. Несмотря на пережитые тяжелые годы изгнания, корпус являлся как бы островком русской жизни, сумев подготовить и выпустить сотни молодых людей для предстоявшей им ответственной и творческой работы.

С переездом в Горажду жизнь корпуса сразу же вошла в свою привычную колею. Съехавшиеся с летних каникул кадеты были встречены нами, пережившими переселение, уже с видом бывалым и знающим все закоулки новых мест. С началом учебного года вся жизнь потекла по раз навсегда заведённому порядку.

А. Берендс, 43-ий вып.

БУДНИ КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

День начинался, как и во всех кадетских корпусах, во все времена, побудкой. В 6 часов утра подъём, а в шесть с половиной труба уже зовет к построению к утреннему чаю. В течение получаса надо одеться, помыться, постелить свою кровать и во время явиться в строй в должном подтянутом виде. Без четверти шесть ночной дневальный будил дежурного по сотне кадета и трубача и точно в шесть — раздавались «милые сердцу» звуки побудки: «Это вам не дома, это вам не дома!» И как-то особенно крикливо и надоедливо труба заканчивала: «Вставай, вставай...» Конечно, ни у кого никакого желания вставать не было и многие всячески старались продлить хоть немного желанный сон. Были специалисты, которые ухитрялись вынуть среднюю доску в кровати и, в получившемся желобке, поваляться еще немного. Такое приспособление делало лежащего в нем малозаметным, особенно, если дежурный офицер только окидывал взглядом помещение от дверей спальни. Однако, дежурные воспитатели обычно знали этих специалистов и любителя поспать ждал иногда сюрприз: вставать два-три дня до подъема и точно в шесть часов являться дежурному офицеру в готовом к строю виде. Были и другие неприятности, как получение внеочередного ночного дежурства. Нужно сказать, что вообще все кадеты уже с первого класса должны были, по очереди, нести ночное дежурство в своем отделении: от десяти часов вечера и до шести утра было четыре смены, по два часа каждая. В обязанности ночных дежурных входило в основном смотреть за порядком; по возможности, поддерживать огонь в печке (если было чем), в случае чего-нибудь необыкновенного доложить дежурному офицеру.

За десять минут до смены, Дежурный будил следующего, и они оба шли в комнату дежурного офицера, чтобы доложить о смене и получить разрешение смениться. Нетрудно догадаться, что самыми неприятными сменами были — вторая и третья, когда тебя среди ночи, в момент самого глубокого сна, начинала терзать рука жаждущего смены дежурного. С некоторыми это была очень сложная и деликатная операция: не хочет вставать, а пожаловаться никому нельзя и спать самому хочется до смерти. Бывали и такие, что, вступив на дежурство, — спокойно укладывались спать, чаще всего уже не раздеваясь. Зависело это от характера дежурного воспитателя: если было известно, что последний сам любитель поспать и не особенно часто проверяет, то риск был сравнительно небольшой. Мною, например, применялся и такой способ: привязать себе ремнем одну ногу к спинке кровати из расчета, что неудобное положение заставит тебя проснуться через час или два, чтобы смениться. Однако возраст был такой, когда никакое положение не мешало спать беспробудным сном, если только грозная фигура дежурного офицера не вытаскивала тебя из кровати, что, конечно, бывало чаще всего.

Несомненно, что ночные дежурства имели также своей целью приучить кадета с малых лет к суровой военной жизни, ко всяким, так сказать, неудобствам.

Следующей за подъемом неприятностью была необходимость умывания и чистка сапог. Эти операции требовали хотя бы самого минимального времени. А, затем, только в главном помещении корпуса, где находились спальни второй и третьей сотен, имелся

водопровод и умывальные комнаты в самом здании. Для первой же сотни — это было отдельное, никогда не отапливавшееся помещение. И, если в спальне в середине комнаты, куда спокойно замерзала к утру, то «путешествие» в умывалку в зимние месяцы требовало хорошего спартанского духа. Заспавшийся наскоро бежал в соседний барак, ополаскивал лицо ледяной водой (что сразу отгоняло последнее воспоминание о сне) и спешил почистить сапоги, чтобы быть готовым к построению, в 6 час. 40 мин., к утреннему чаю. Некоторые кадеты чистили только носки сапог. Однако иногда дежурный воспитатель командовал: «сотня, кру-гом!», и проверял степень чистоты каблуков. Получение внеочередных нарядов для изобретателей бывало, в таком случае, обеспечено.

Чуть брезжит рассвет. Вахмистр быстро и привычно выравнивает строй и, с появлением дежурного офицера, командует: «смирно!» Поздоровавшись с выстроенной сотней, воспитатель дает распоряжение вести её в столовую. Снова короткая команда и кадетский строй, плавно покачиваясь, вытягивается по дороге, ведущей в корпусную столовую. Нигде, никакого замешательства: быстро растекаются кадеты, по десять человек, за каждый стол. Никто не садится, пока все не зашли на свои места, и прозвучала команда прочесть молитву, после которой следует разрешение садиться. Также быстро кончается и несложный кадетский завтрак: чай с хлебом.

Окинувши столы опытным взглядом, дежурный офицер даёт распоряжение встать, прочесть молитву после еды и, в том же порядке, сотня выходит из столовой. После команды «разойтись», начинается трудовой кадетский день.

Записавшиеся во время утреннего чая «больные» на осмотр в лазарете, если таковых оказалось достаточно, выстраиваются и под командой старшего из «больных» в группе отправляются в лазарет, стараясь выглядеть возможно унылее, в подтверждение своих болезней. Многие и душой и телом стремились остаться в лазарете хотя бы на несколько дней, но не очень уж часто это удавалось, несмотря на применение многих «методов заболевания». Лежание в лазарете избавляло от многих неприятностей кадетской жизни, хотя бы и на короткое время: раннего вставания, необходимости учить уроки, избежания наказания за какие-то проступки. Возвращение в класс «выздоровливающего», казалось, требовало снисхождения на некоторое время. Также и питание в лазарете было значительно улучшенным, смотря, конечно, по болезни: можно было «заболеть» неудачно и такой болезнью, когда, как раз, посадят на диету.

Корпусной фельдшер, Гаврило Васильевич Мартынов, видел кадет насквозь и, тем не менее, с ним можно было иногда как-то сговориться. А вот с доктором дело обстояло, хуже и никакие ухищрения, подчас, не могли помочь. Окончательной проверкой всех вымышленных симптомов был термометр, и надо было быть большим и ловким специалистом, чтобы на глазах у доктора «настукать» этот термометр на нужную температуру: не низкую и не слишком высокую. Пишущему эти строки, после неудачной «подготовки» к заболеванию, как то: принятия нескольких таблеток аспирина, сидения у раскаленной печки до седьмого пота, после чего выбежалось на двор в голом виде, чтобы лечь в снег и, несмотря на это, не получившему даже насморка, пришлось прибегнуть к настукиванию термометра. Однако доктор больше верил своему опыту и глазам, и предложил вторично проверить, но уже с помощью двух термометров. Пришлось попытаться «набить» оба инструмента на одинаковую и ту же самую температуру, которая была в первый раз. Опыт удался полностью и я, наконец, попал в лазарет. Думаю, в данном случае, может быть, вследствие докторского уважения к «искусству». Через дня три меня из лазарета выставили.

После утреннего чая и команды «разойтись» все, кроме дневальных, на обязанности которых было подмести и прибрать спальню до начала уроков, отправлялись по своим классам на утренний час подготовки уроков, от семи до восьми часов. В восемь часов начинались уроки: четыре урока до двенадцати часов дня; в двенадцать часов — обед, после которого была большая перемена.

Кормили хорошо, но разве можно было накормить в таком возрасте? Выручал хлеб. Давали его почти сколько угодно и, хотя выносить из столовой строго запрещалось, многие выходили с наполненными хлебом карманами. После большой перемены было

еще два или три урока, до четырех часов по полудни. В четыре часа был полдник — чай с хлебом или плюшкой (сладковатая булочка). Между четырьмя и шестью часами пополудни — свободное время, которое кадеты могли распределять по своему усмотрению: желающие работали в мастерских, изучая ремесла — столярное, переплетное или сапожное; у музыкантов бывали сыгровки. Остальные развлекались в зависимости от возраста и своей изобретательности: гимнастика, игры, шалости. Удаляться из распределения корпуса не разрешалось, но с другой стороны и не преследовалось в достаточной степени, — «на Дону» всегда жилось привольно.

Мастерскими заведовали: столярной — полк. В.Н. Решиков, переплетной — ген. Фицхелауров, известный по гражданской войне, и сам бывший донской кадет; после его смерти, переплетной мастерской заведовал полк. Чепурковский.

Не мешает добавить, что все учебники, пришедшие в ветхое состояние, приводились в полный порядок в этой мастерской, получали новый твердый переплет и вновь шли в обиход. Также поступалось и со всеми истрепавшимися книгами из корпусных библиотек. Многие достигли большого искусства в переплетном деле.

Сапожной мастерской заведовал полк. Ган. Он же преподавал гимнастику, фехтование и руководил подготовкой кадет-гимнастов к соответственным выступлениям.

После ужина в шесть часов вечера, состоявшего главным образом из того же чая и хлеба, после получасового перерыва, начинались два часа вечерних занятий — подготовки уроков на следующий день. На этих занятиях обязательно присутствовал отделенный воспитатель. Как правило, воспитатель не вмешивался на этих занятиях в работу кадет, предоставляя им полную свободу в подготовке уроков. Класс больше походил на пчелиный улей: слышалось непрерывное гудение голосов. При желании можно было просто читать какую-нибудь книгу, писать письма и даже, исподтишка, изводить известных «зубрил».

Уместно будет сказать, что электрического освещения в корпусе не было, и вечерние занятия происходили при свете ацетиленовых ламп. В спальнях, с одной стороны, висела на стене небольшая керосиновая лампа, свет от которой вообще не достигал до противоположной стороны барака. На ночь фитиль лампы прикручивался, оставляя самое минимальное освещение. После вечерних занятий оставался еще один свободный час до вечерней зари или укладки — в десять часов. Это время было также предоставлено на собственное усмотрение: кто шел в класс «доучивать», кто в гимнастический зал и т.д. Можно было погулять в пределах расположения корпуса. И даже за пределами, что в случае обнаруживания являлось самовольной отлучкой, а по-кадетски называлось «самодрал», и наказывалось довольно сурово, в зависимости от всех прочих, предыдущих «грехов».

В субботу занятия были только до двенадцати часов дня. После обеда большая уборка помещений, а каждую вторую неделю — баня. Последняя была приятным развлечением. В субботу вечером — обязательная вечерняя служба в корпусной церкви, так же, как и в воскресные дни — литургия. Церковные службы были обязательны, и в канун и в дни всех больших праздников. Каждая сотня выстраивалась в своем расположении за пол часа до начала службы в присутствии всех отделенных офицеров-воспитателей, выходил командир сотни, здоровался с кадетами, делал, если находил нужным, или имел, какие-либо замечания и отдавал приказание вести сотню в церковь. Всегда и при всех случаях все построения происходили по сигналу трубача.

С особым нетерпением и трепетом ожидался всегда корпусной праздник шестого декабря (по ст. ст.), день Св. Николая Чудотворца. В праздничные дни утренний подъем бывал на час позже. Но в день корпусного праздника подъем был особенным: к этому часу в коридоре младшей и средней сотен собирался в полном составе корпусной духовой оркестр и после короткого обычного сигнала трубы трубача раздавались мощные звуки оркестра. Отражаясь от стен коридора, эти звуки, бодрого, марша заполняли собою все спальни, заставляя даже неисправных любителей поспать, одним прыжком выскочить из кровати, и наполняли всех праздничным настроением. Никого не приходилось торопить. С удовольствием надевалась парадная форма, всем хотелось выглядеть подтянуто.

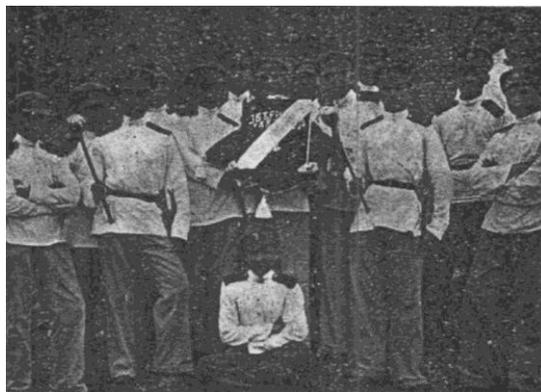
К корпусному празднику готовились заранее: приводились в порядок помещения, получалось из цейхгауза парадное обмундирование. К бывавшему всегда после литургии и торжественного молебна параду корпуса шла строевая подготовка. Театральный зал тщательно убирался и украшался к предстоящему балу.

После утреннего чая быстро проходило время в последних приготовлениях к приведению себя в надлежащий вид, когда раздавался сигнал к построению, чтобы идти в церковь. Отчетливее звучали строевые команды и сотня за сотней, плавно покачиваясь, вливались в корпусную церковь и стройными колоннами занимали свои места. Как-то особенно легко было стоять навтыжку, даже крайним номерам, которым, кроме положения «смирно», приходилось, как и всем, еще держать фуражку в согнутой левой руке. Торжественно проходила служба, потом молебен и сотни одна за другой (начиная с младшей — третьей), тем же стройным порядком, выходили из церкви и выстраивались на назначенных местах. Весь корпус, с оркестром на правом фланге, выстраивался в две шеренги. Раздавалась команда «смирно» командующего парадом, быстро по уставу передаваемая командирами сотен и вахмистрами. «Равнение на право» и тут вливались звуки встречного марша. Начинался парад.

Корпусной праздник 1929 г.

Обычно, если не было высоких гостей, парад принимал директор корпуса. Обойдя фронт и поздравившись с каждой сотней, директор называл имена кадет, выбранных к производству в вице-вахмистра и в вице-урядники, после чего корпус под звуки Преображенского марша, проходил церемониальным маршем повзводно на взводную дистанцию. Прошли последние малыши, изо всех сил стараясь «не ударить лицом в грязь», и сотни, перестраиваясь на ходу в колонны, прибавляя шаг, отправлялись в столовые на обед. Обед в этот день бывал также особенным, с традиционным «донским» гусем, начиненным яблоками. Остальное время дня, если не считать ужина, было в полном распоряжении кадет. Обычно в этот день устраивался и второй парад — традиционный. В горах, над расположением корпуса, была подходящая ровная площадка. К ней стекались незаметными группами донцы. Обстановка таинственности придавала какую-то особую прелесть этим традиционным парадом. Принимал парад выбранный атаман старшего выпуска со своими старшинами. Также раздавался встречный марш и атаман, обходя фронт, здоровался с каждым выпуском и поздравлял всех с корпусным праздником. Опять проходили церемониальным маршем, по выпускам, мимо таинственной звериады и младшие выпуски с трепетным любопытством прислушивались к тому, что составляло, как бы внутреннюю силу всей жизни корпуса, мечтая о том дне, когда их выпуск, в свою очередь, станет «атаманским». Эта негласная власть над всем укладом жизни донских кадет базировалась на овечьном стариной казачьем быте, где все были равны, несмотря на то, что были старшие и младшие, где младший уважал старшего, твердо зная, что тот не даст его в обиду. После парада все образовывали одну дружную группу, пели традиционные песни и расходились, после этого, по своим сотням.

43-ий выпуск — Атаман выпуска Т. Дакугинов 1931 г.

День корпусного праздника, как и в старину, заканчивался балом. Насколько позволяли возможности, театральный зал бывал красиво украшен и декорирован. Кадетами-художниками, заранее, заготавливалось достаточное количество художественно исполненных программ балов, которые и вручались всем приглашённым. Радужно встречали гостей распорядители бала.

Каждая сотня имела и свой сотенный праздник: третья в день Покрова Пресвятой Богородицы, вторая — иконы Казанской Божьей Матери и первая — Георгия Победоносца (вешнего).

Вообще каждый праздник являлся большим разнообразием в кадетских повседневных буднях, помимо своего прямого воспитательного значения.

И. Квятковский

Не будем задерживаться на описании всех праздников. Скажем только, что с нетерпением ожидалась масленица и связанные с нею блины, как перемена в пище. Блины выдавались только один раз, но зато по пять больших блинов. Этого, конечно, было не так уж и много, имея в виду кадетский возраст, однако, все были довольны. Всегда находились любители поесть, что угодно и в любом количестве. Надо сказать, что изготавливавшиеся для кадет блины, котлеты или пирожки не имели ничего общего по размерам с общепринятым представлением об этих кушаньях: одного такого пирожка было бы достаточно, в настоящее время, для удовлетворения обыкновенного аппетита. Игорь Квятковский вспоминает такой случай: Сережа Воронец, будучи в 7-ом или 8-ом классе, поспорил, что съест 25-ть блинов. Сидевшие с ним за столом десять человек, отдали ему по два блина. Сережа съел все это без большого затруднения. Я, лично, не отличался большими способностями по этой части и, тем не менее, спорта ради, однажды «уничтожил» целый противень рисовых котлет вместе с подливой из слив. Вероятно, в этом спорте было удовольствие наблюдать, как десять человек оставались без второго — в этот день. Но после масленицы наступал Великий пост. 1-ая и 7-ая недели были полностью постные. Каждая сотня говела, исповедовалась и причащалась, отдельно. Настоятелем церкви в корпусе в последнее время был о. Иоанн Федоров.

С большим душевным подъемом и радостью встречался всегда праздник Воскресения Христова. На пути крестного хода, длившегося довольно долгое время, были расставлены зажженные плошки и растянувшийся строй всего корпуса со следовавшими за ним остальными молящимися, несомненно, представлял незабываемое зрелище. После Заутрени и сразу следовавшей за ней Пасхальной литургии, стройные ряды кадет подходили к кресту и христосовались со священником, директором корпуса и стоявшим за ним командиром сотни.

Не трудно себе представить, что следовавшие, после всего, разговоры приводили кадет в самое хорошее расположение духа. Столовая казалась как-то особенно освещенной, пасхальные столы поражали своим традиционным русским изобилием.

В. Казимиров

КОРПУСНОЙ ПЕРСОНАЛ

Прошло сорок лет со времени Донского корпуса — срок большой. За это время отошли в лучший мир почти все те, кто так или иначе старались воспитать нас в русском духе, сделать достойными сынами нашей Родины. И я смело могу сказать, что эту задачу они выполнили. Задача эта была не из легких в обстановке изгнания, лишений и соблазнов. И особенно трудной является работа воспитания подрастающего поколения вообще в нормальных условиях под защитой вековых устоев, а на чужбине — тем более. Каждый человек имеет свои недостатки и хорошие стороны. Сейчас, спустя столько лет, как-то становятся несущественны все те мелкие человеческие слабости, которые подчас доставляли нам кадетам — неприятные, но глубокие переживания в то далекое время. В памяти должно сохраниться только то хорошее, что нам старались привить, ибо оно единственно ценно и вечно. Мне хотелось бы, чтобы в этом нашли ответ те мои друзья, которые сохранили в своей душе воспоминания отрицательного характера многих явлений сложной обстановки кадетской жизни заграничного существования. Также и перед памятью всех тех, кто руководил нашим духовным развитием — нашим воспитательским персоналом, и тех, кто стремился приобщить нас к нашей национальной культуре, вложить в нас познания во всех отраслях науки — нашим преподавательским составом, — мне хочется выразить глубокую благодарность и сказать: честь и слава вам, до конца исполнившим свой долг, таким образом, и перед Родиной и грядущим вам на смену поколением!

Корпусной персонал с Директором — 1932 г.

Я позволю сказать по этому поводу несколько слов от себя. Преклоняюсь перед памятью своих воспитателей, которые смогли «терпеть» меня в течение долгих девяти лет. И теперь, умудренный жизненным опытом, понимаю какую трудную и ответственную работу взяли все они на свою совесть.

Как пример долготерпения со стороны наших воспитателей, я хочу рассказать об одном небольшом эпизоде. К возникновению подобного рода явлений, конечно, были до некоторой степени и «уважительные» причины, помимо обычного озорства.

На всем протяжении заграничной жизни нашего корпуса нам приходилось бороться с холодом: топлива (дров) не выдавалось вдоволь никогда. Нормы дров едва хватало, чтобы протопить помещение спальни на короткое время. Поэтому, немудрено, что частенько мы готовы были спалить все, что «плохо лежало», а могло гореть. Одному только Господу известно, какими путями пришли мы к мысли, что деревянный пол в спальне под кроватями совершенно лишнее и ненужное баловство, достаточно и уместно иметь доски только в проходах между кроватями.

День был субботний и свободный от занятий. Все отделение находилось в спальне. Сдвинули кровати. Вооружившись огромным топором, принялись за работу. И вот, в один из моментов, когда взметнувшийся топор еще находился в воздухе, над моей головой, — дверь в спальню открылась (забыли поставить «махального») и на пороге появился никто иной, как сам директор корпуса в сопровождении дежурного офицера. Я так и замер в классической позе дровосека. Деваться было некуда, и объяснять тоже нечего. Картина была ясна, как день. Однако не менее поражен был и шокирован. На какое то мгновение и он лишился способности говорить: всякое видали, но такого..., казалось, выражал его безмолвный взгляд. Наконец, вновь обретя дар слова, директор произнес: «Держи голову в холоде, живот — в голоде, а ноги — в тепле», повернулся и вышел из спальни. Пришел в себя и я; энтузиазм к «работе» пропал. Думал — погиб. И никак не мог понять, как это меня даже и не посадили никуда? Так, как будто ничего и не было, а, может быть, только привиделось. Теперь лишь начал понимать. А поговорка русская врезалась в память на всю жизнь.

Русскому человеку вообще свойственно давать всем прозвища. Иногда это прозвище олицетворяет весь облик того, кому оно приклеено, иногда — только отдельную черту или свойство характера. Очень часто — это — меткое слово, указывает на подмеченную слабость. Бывает, что прозвище, пришитое по каким то причинам, не имеет никакого отношения к свойствам лица, почему-то получившего данное прозвище. Кадеты также наделяли и друг друга, и в особенности своих воспитателей и преподавателей, эпитетами, подчас, весьма не лестными. Юность склонна к тому, что легко и быстро может подметить все свойства воспитателей, не замечая, однако, что часто люди надевают на себя маску; за видимой суровостью, сплошь и рядом, кроется глубокая доброта. Надо сказать, что кадетам импонировали всегда твердые характеры, действительные или хотя бы только кажущиеся. Но, не дай Бог, если преподаватель проявлял свою слабость и беспомощность, — мальчишки, если они в массе, безжалостны. Создать авторитет после этого, в сущности, невозможно.

Ниже мы помещаем ряд небольших рассказов, так или иначе характеризующих некоторых воспитателей и преподавателей последнего периода существования нашего корпуса.

Полк. Н. А. Чудинов, командир 1-ой сотни

Прозвище — «Чудо», или, вернее, так называли его кадеты между собой. Скорее всего, сокращение фамилии, коротко и просто, хотя и не без умысла.

В один из теплых майских дней 1931 года, чем-то расстроенный полк. Чудинов, после шестого урока, окончившегося в два часа дня, после тщательной переключки и проверки повел 1-ую сотню под марш «Из-за острова на стрежень» через город на другую сторону реки Дрины. Там производились строевые занятия, как на единственном для этого подходящем месте. Вдоль берега реки там находилось довольно просторное поле, на котором кадеты часто играли в футбол. И там, развернув сотню повзводно (в две шеренги каждый взвод), равняя линию по правофланговому, «Чудо», сам командир 1-ой сотни, начал вести с нею занятия.

Полк. Чудинов, в прошлом воспитатель Владикавказского, а потом Крымского кадетских корпусов, в Донском корпусе появился осенью 1929-го года. Невысокого роста, худощавый, с маленькой седой бородкой; говорят, был остер на язык. Одни из воспитанников его любили, другие — нет. На всех не угодишь.

Идет 1-ая сотня, печатающая шаг. Слух напряжен. Командир сотни гнусавит: «Сотня, кругом...» Из-за реки, кто-то под левую ногу кричит: «Марш!» — Сотня выбрасывает на пол шага правую ногу и сразу, как один человек, делает поворот кругом. Полк. Чудинов бежит вдогонку сотни и кричит: «Я не скомандовал марш!» И следом раздаётся его команда: «Сотня, кру-гом...» Пауза и снова из-за реки, опять под левую ногу, звучит — «Марш!» Сотня сразу делает поворот. Эта «комедия» продолжалась довольно долго, пока полк. Чудинов не отдал команды без паузы: «Сотня, бегом марш!» — Сотня бросилась

бегом. Повернув бегущую сотню на ходу, командир направил ее к берегу реки. Уже кончилось футбольное поле. Начался — речной гравий. И только у самой воды, командир скомандовал: «ложись».

К счастью кадет, время близилось к ужину. Полк. «Чудо» смилостивился и сотня, перестроившись, «справа по — три», с музыкой, двинулась домой.

Ген.-майор П. Еманов

С 1924 по 1928 год командиром 3-ей сотни был ген.-майор П. Еманов. Кадеты прозвали его просто «Паша».

Командир был холост и жил в казарме 3-ей сотни в небольшой комнатке. Курил он очень много и всегда его можно было видеть с неизменным окурком папиросы на нижней губе. Поэтому, с чьей-то легкой руки, в кадетской песне «Журавель» и были отведены «Паше» строки: «Паша наш стратег и маг, а губа с бычком висит, как флаг».

Однажды, будучи во втором классе, сбежали я со своим приятелем от военной прогулки в строю. И отправились на «самостоятельную» прогулку. При вторичной проверке было обнаружено наше отсутствие. Послал «Паша» вахмистра, кадета 2-го класса Амочаева Александра, с приказанием доставить нас к нему. Думали-гадали, как бы «улизнуть» от разноса, а потом, собрались с духом и пошли: «семь бед, — один ответ».

Когда мы, постучавшись в дверь, вошли в комнату командира, — он был занят уборкой своей комнаты. С метлой в руках и с неизменным «бычком» на нижней губе, он подошел к нам и начал нас разносить за самовольную отлучку. Во время этого «разноса», «бычок», сорвался с губы и упал на пол. Мы невольно улыбнулись, вспомнив «Журавля». Генерал согнулся и поднял окурок, не спуская с нас глаз. Заметив нашу улыбку, он с укоризной сказал: «Что, смеетесь над старым человеком?», — а потом, грозно добавил: «Пошли на штраф!» Повернулись, как полагается, кругом; вышли в двери и уперлись носами в длинную стену коридора, застывши в положении «смирно».

Через несколько минут вышел и «Паша».

Он довольно крепко взял нас за «загравки» и примирительно сказал: «Пошли вон, паршивцы! И чтобы... впредь не ловчили».

Полковник Наумов

Полковник Наумов был офицером воспитателем младших классов. Среднего роста и средних лет; начинающий сесть, с коротко подстриженными небольшими усами. Одет был всегда в рубаху, синие офицерские брюки с красным лампасом и мягкие сапоги. Походка, поэтому, у него была неслышной и ходил он как-то мягко, по-кошачьи. Голос у него был какой-то «тенористый, крикливый», особенно когда начинал «распекать» своих малышей за совершенные ими проделки. Любил читать нотации и доводил нас этим до одури.

Полковник Наумов был холост и жил в небольшой комнате на втором этаже здания 3-ей сотни (1924-25 гг.). Это для него было очень удобно: в любой момент он, неслышно, появлялся в спальне первого или второго класса и всегда вылавливал кого-нибудь, занимавшегося неподходящим делом. Всех провинившихся ставил на штраф, т.е. в положении «смирно», лицом к стенке. Это было бы еще пол беды постоять час или два, даже и в таком положении. Самое неприятное было, когда таким своим «любимчиком» он приказывал явиться на штраф к себе в комнату, после вечерних занятий. Время наказания было неопределённым: может быть, это будет час, а может быть два и больше, все зависело от того захочет ли он сам спать или же заснет, не отпуская со штрафа. В таком случае можно было, незаметно, сбежать; что же будет завтра, 4- было уже совершенно несущественно. Стоишь, бывало, зимним вечером, перед носом маячит стенка. В жарко натопленной комнате становится душно, глаза начинают слипаться. Чуть пошевелинешь пальцем или согнешь, уставшую, ногу, — как вдруг, раздаётся голос: «стой смирно, не шевелись!», и пойдет говорить. Приплетёт тут и родителей, да что из тебя выйдет и

никуда ты не годишься. Легко ему, — лежит себе на своей койке, читает и следит за стоящим.

Самое неприятное бывало тогда, когда Наумов выбирал свою жертву, как заложника: в неудавшейся попытке поймать тех, кто участвовал в какой-то шалости, он ставил на штраф предполагаемого заправилу. В таком случае можно было стоять бесконечно. На вопрос: «кто сделал?» или «кто участвовал?», следовал спокойный ответ стоявшего: «Не могу знать, госп. полковник».

С первых же дней своего пребывания в корпусе, малыши твердо усваивали, что нет большего греха, чем выдать своего товарища.

Преподаватель С.М. Солошенко

Кто из донцов 42-го выпуска и младше не помнит преподавателя русского языка, Сергея Моисеевича Солошенко. Высокий, сухощавый, с выправкой фельдфебеля старых времён. В этом звании и отбывал он царскую службу в 10-ом гренадерском Малороссийском полку. Седящие волосы на голове подстрижены «ёжиком», черные с проседью усы чуть-чуть опущены книзу. Говорил Солошенко, окая. Поэтому и диктовки писать было легче: собака, так собака. Зато букву вбивал указательным пальцем. Преподавал он исключительно в младших классах.

Буква «Ь»... Можно было выгладить брюки без утюга, под матрасом, «на ять». Можно было провести отпуск «на ять»; можно было ответить урок «на ять», а вот, написать это «Ь», где надо, в слове каком, не тут-то и было.

Во время диктовки «Солоха», как звали его кадеты между собой, — произносил фразу медленно и внятно, повторяя её несколько раз. В то же время ходил и заглядывал в ученические тетради. Боже сохрани, если он увидит написанное «е» вместо полагающегося «Ь»! Он подходил к виновному и, тыкая его в макушку головы указательным пальцем (палец был большой и твердый, как палка), — начинал читать провинившемуся соответствующее правило. Напрасно виновный старался уклониться от этого пальца, — грозный палец наступал на всюду.

После расформирования корпуса, в 1933-ем году, С.М. Солошенко продавал газеты в г. Ерцегнови.

Капитан 1-го ранга Киселев

С осени 1929-го года физику стал преподавать в старших классах капитан 1-го ранга Киселев. Приехал он неизвестно откуда. Прямой наследник и сын автора известного учебника алгебры. В молодости Киселев был богатырь, но годы гражданской войны и сиденье в Бизерте «вогнали» человека в болезнь: доктора ему пророчили чахотку. Взвесив обстоятельства «за и против чахотки», капитан решил, что умереть от «кондрашки» не с руки, и стал ярым поклонником Бахуса. Ко времени появления в Донском корпусе, капитан Киселев стал неимоверно толст, страдал одышкой и едва передвигал свои ноги, за что и был прозван «Самоваром».

В класс «Самовар» буквально въезжал, тяжело отдуваясь. После короткого объяснения урока он вызывал к ответу «строго» по списку, а после ответа просил класс посидеть спокойно и сам погружался в дремоту.

По физике капитан требовал от кадет знания формул и объяснений к ним. Неизменная шпаргалка с формулами и правильный ответ обеспечивали высший балл. Ответ без формул — единицу и ничего больше.

Был у нас в классе некто Костя Ш. По возрасту он, может быть, был и постарше многих из нас, однако пошутить над ним многие часто любили. Костя подсчитал по пальцам, что в первый же урок физики, «Самовар» вызовет его к ответу. Подучил немного физику, а все формулы намалевал на обе руки от пальцев и до локтей. «Работа» большая и серьёзная.

Пришел физик в класс. Объяснил урок и вызвал к доске троих, но не Костю. Весь класс переживал за Костю: выписать формулы, проделать такой огромный труд! И труд оказался напрасным! Весь класс стал просить, чтобы Костя был вызван. Физик согласился. Вызвал Костю к доске, а сам стал дремать. Костя сперва робко поглядывал на свою «татуировку», а потом, вошел во вкус, можно сказать, и, без всякой предосторожности, засучил рукава и стал переписывать формулы на доску. А физик наблюдал за всем этим делом сквозь пальцы.

Костя кончил свой великий труд; рукава отдернул, пояс и складки на рубахе поправил. Физик отнял руки от лица и говорит: «Ну, готовы? Отвечайте». Как рапорт дежурному офицеру, Костя объясняет выведенные формулы, уверенно, четко и коротко. Такому ответу многие бы позавидовали. Кончил, Физик зовет Костю к себе и засучивает ему рукава рубахи. Костя побледнел, — «Садитесь!», говорит физик, и что-то отмечает в журнале. Костя, чуть не плачет, просит пощады. Просит за него и весь класс. Но физик неумолим.

Вечером воспитатель читает отметки: по физике... Костя Ш. ...пять баллов!

Павел Николаевич Строев

«С улыбкой рапорт принимает, —
Его ж предмет никто не знает».

Так охарактеризован был этот милый человек в кадетском «Журавле».

Донцы хорошо помнят своего преподавателя ботаники, зоологии и естествоведения. «Натуралист и охотник», как говорил он сам о себе.

Он обладал чрезмерной вежливостью, несвойственной нашему веку. Был также и сам чрезмерно ветхим. Кадеты малыши, конечно, пользовались этими его качествами, чтобы заниматься на уроках, чем угодно. Часто, в хорошую погоду, было совсем не трудно уговорить Павла Николаевича отправиться на прогулку в горы для «практического изучения природы». Окруженный, специально приставленной компанией, он что-то рассказывал о цветах, растениях, насекомых и пр., в то время, как почти весь класс исчезал из поля зрения. Увлечшись своими рассказами, Павел Никол. иногда, забывал, что уже давно время следующего урока (чему мы были очень рады, вовлекая его в эту авантюру), а потом ему приходилось извиняться перед недоумевающим преподавателем, который не знал, где был его класс.

Мало кто знает, что наш скромный П. Н. Строев был удостоен премии Французской Академии Наук за... насаженную аллею в Крыму.

К 50-летию Севастопольской обороны, решено было сделать аллею. Насадить деревья на скалах взялся П.Н. Строев. Он выдолбил довольно глубокие ямы, насыпал в них землю и посадил молодые деревья. Он рассчитывал на то, что окрепшие корни деревьев, со временем, пробьются через скалы. Присутствовавшие на торжествах празднования пятидесятилетия французские ученые, предсказали гибель насаженных деревьев через пару месяцев. Но прошли годы, а деревья и не думали засыхать.

Перед эвакуацией Крыма, несколько французских «предсказателей», случайно бывших в Севастополе, погуляли по тенистой аллее, а вернувшись в Париж, стали разыскивать нашего «натуралиста и охотника». Отыскали его в лагере около городка «Билек», как значилось на старых австрийских картах. Французы прислали Павлу Николаевичу денежную премию, что в те годы значило более чем титул кронпринца.

Петрович

В 1922-23 гг., в канцелярии директора корпуса был служитель, по отчеству Петрович, а по фамилии Жеребков. Донской казак, высокий статный брюнет, усы опущены вниз, как у кн. Рюрика.

По утрам, пока высшего начальства не было, писаря между собой делились новостями; что на «брехаловке» люди толковали или каким очередным слухом земля полнится.

Петрович с пакетами на почту идти не торопится, тоже новенького послушать хочет. Писаря ему говорят: «Иди, Петрович, на почту», А он топает ногами по полу и говорит: «Иду, иду».

Однажды казначей ему говорит: «Петрович, подмети канцелярию». А где там подметать, когда интересное что-то рассказывают.

— «Чаво Пятрович, да Пятрович!, возьми мятлу, да подмяти», — отмахнул Петрович казначею.

А. Берендс и В. Казимиров

* *
*

Кадеты Донского кадетского корпуса, бывшие в Югославии, всегда с глубочайшим и теплым чувством благодарности вспоминают Его Величество Короля Александра I, как нашего покровителя и защитника, давшего нам, русским изгнанникам-учащимся, возможность жить в Королевстве Югославия, учиться и получить необходимое образование и воспитание, которое являлось главной основой нашей жизни.

ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА КОРОЛЕМ АЛЕКСАНДРОМ I

Лето было в полном разгаре, 29-ое июня 1929-го года. Этим летом в корпусе оставалось на летние каникулы всего человек тридцать кадет. Из только что окончившего 39-го выпуска оставалось несколько человек, поступавших в юго-словенскую военную академию; из младших выпусков — только те, кому некуда было ехать на каникулы, или оставшиеся для летней поездки на Адриатическое море. Эти поездки организовывались корпусом с целью развлечения для тех, кто не имея близких, не имел и возможности куда-либо поехать.

Его Величество Король Александр I (Карагеоргиевич)

В этот день я и Виктор Иванов после утреннего чаю отправились на прогулку в горы. Медленно поднимались по извивающимся тропинкам среди лесных зарослей. Нигде ни одной человеческой души. Подниматься по крутым склонам становится все труднее, солнце начинает припекать. Немудрено поэтому, что мы начинаем расстегивать воротники летних рубаш, поснимали пояса, фуражки на затылке. Казалось бы, что среди этой окружающей дичи все равно никого не встретить. Несколько раз пересекаем

шоссейную дорогу, серпантинами извивавшуюся по склону горы. Цель прогулки — добраться до самого верха — там тоже проходит дорога. И откроется чудный вид на оставшуюся внизу, долину с маленьким городком и блестящей лентой красавицы Дрины. Пожалуй, даже захочется в это жаркое время быть на её берегу, чтобы окунуться в её холодные, быстрые волны. Да, это и совсем просто: сбегать вниз не возьмет, вероятно, и пятнадцати минут. Но пока мы идем по дороге, расхлаждаемые легким ветерком, хотя и лениво, но все же свободно гуляющим на верхушке горы. Идем, и как всегда в таких случаях, поём свои кадетские, русские песни. С ними нам всё понятнее и ближе. Неожиданно вдали промелькнули несколько автомобилей и все скрылось вместе с дорогой, ушедшей за соседнюю гору. В то время автомобиль был редким явлением, но мы, увлекшись своим пением, не придали этому никакого значения. Вдруг, из-за ближайшего поворота дороги выскочил первый автомобиль. Мы еле успели посторониться и, заметив в нем югословенских офицеров, поспешили приложить свои руки к козырькам с отданием чести, даже забыв, в каком виде мы были. В этой первой открытой машине было пять офицеров, среди которых находился военный министр, ген. Хаджич. Они с любопытством рассматривали нас и, улыбнувшись, ответили на наше приветствие. В это время поравнялась вторая машина, в которой оказалось три офицера; и среди них король Югославии Александр I. Поравнявшись с нами, король и офицеры ответили на наше приветствие и тоже улыбались. Так промелькнуло четыре машины. Сообразив, что улыбки эти могли относиться к нашему «не форменному» виду, мы быстро привели себя в порядок и, скатившись вниз, снова очутились у дороги в ожидании, когда появятся огибающие гору автомобили. В этот раз никто уже из свиты короля не улыбался, да, возможно, что, увидевши кадет в исправном виде, они и не отдавали отчета, что это те же самые лица. Только король, опять отвечая на приветствие, приятно улыбался. Мы быстро сбегали вниз. Сообщили встретившемуся жандарму, что в город сейчас приедет король, и кинулись искать директора корпуса ген. Перрета, чтобы доложить ему. Быстро было все сделано и директор вовремя подошел к главному зданию корпуса, где также уже собрались некоторые чины персонала и выстроились те немногие кадеты, которые оказались в наличии.

Но, вот, из главного входа в здание появляется король. Директор командует: «Смирно, равнение на право, господа офицеры», и подходит к королю с рапортом. Выслушав рапорт, король, с той же очаровательной улыбкой подошел к выстроенным кадетам и на чистом русском языке сказал: «Здравствуйте кадеты». Нас было мало, но мы так дружно рявкнули: «Здравия желаем, Ваше Величество!» — что, вероятно, было вполне достаточно на целую сотню. После этого король подошел к собравшемуся персоналу, поздоровался с каждым за руку и с каждым о чем-то говорил, а затем обратился к директору с просьбой отпустить кадет. Была дана команда «Вольно, разойтись», но мы все окружили короля и директора, а свита осталась за нами. Затем, король и директор начали обход корпусного здания. С большим интересом король осматривал все помещения. В одной из спален он обратил внимание на группу кадет, не одетых по форме. Директор объяснил ему, что это окончившие кадеты, ожидающие поступления в военную академию. Король обратил внимание на богатырское сложение братьей Игоря и Семена Перфильевых. И действительно, было на что посмотреть: оба, что называется, косая сажень в плечах, у старшего и прозвище было подходящее — медведь. Король подошел к ним и поинтересовался, куда они поступают. Игорь ответил, что поступит в Морскую академию, а Семен — в военную. Одобрив их выбор, король пожелал всем успеха и вышел из помещения.

На этом и закончилось это неожиданное посещение корпуса королем Югославии Александром I. Вскоре и мы отправились в поездку на Адриатическое море. Вернувшись в конце августа» из поездки, мы увидели, на площадке лестницы между первым и вторым этажами в главном здании корпуса прибитую мраморную доску, на которой золотыми буквами было написано: «29 июня 1929 года Король Югославии Александр I Карагеоргиевич посетил Донской Императора Александра III Кадетский Корпус в городе Горажде, Югославия».

В заключение к этому очерку о знаменательном событии и жизни корпуса, свидетелями которого мы были — хочется добавить несколько слов о судьбе двух братьев, на которых король обратил свое внимание. Игоря Вторая Мировая война застала в чине командующего военным крейсером; Семена — в чине майора артиллерии. Оба верой и правдой служили своему второму отечеству, воспитание с кадетских лет в духе верности и честного исполнения своего долга. Морские части комплектовались главным образом из приморского хорватского населения и, когда начался развал, и хорваты, перейдя на сторону немцев, стали «победителями», то они и поспешили расправиться со всеми верными своей присяге и долгу офицерами. Связанного в мешке капитана Игоря бросили в море. Благодаря своей силе ему удалось разорвать мешок и выплыть, но пережитое оставило свой страшный след, лишив его памяти.

За ту же верность своему Долгу Семен Перфильев был застрелен в спину теми же хорватами за его требование исполнения долга до конца.

Так, в наш век свобод от всего, закончили свою судьбу еще два казака-героя.

Вик. Михайлов, 42 вып.

ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВОЙСКОВЫМ АТАМАНОМ

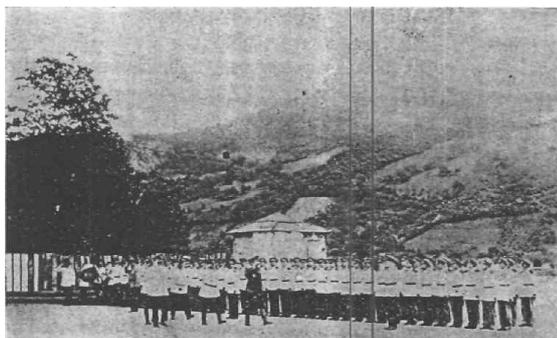
Если не ошибаюсь, это было в 1928-1929 гг., когда корпус уже находился в Боснии, в Горажде. Войсковому Атаману была устроена торжественная встреча, был корпусной парад, закончившийся речью Атамана. После этой официальной части, ген. Богаевский не раз обходил классы, присутствовал во время уроков, и интересовался тем, как поставлено дело преподавания. Кроме того, он любил в неурочное время, между занятиями, разговаривать с кадетами одиночками и целыми группами, которых он встречал на своем пути. В личном контакте с Африканом Петровичем, невольно, как-то забывалось, чего он занимает высокий пост и что он имеет генеральский чин. Кадеты тянулись к нему, как к родному отцу. В нем была особая теплота и доброта и, буквально через пять минут кадет чувствовал себя с ним, как с отцом, дядей, старшим братом. Часто он брал мольберт и папку с рисовальной бумагой, усаживался на берегу реки Дрины, или во дворике главного здания корпуса и делал наброски. Рисовал он прекрасно. Кадеты сначала робко, а потом посмелее обступали его, и он, не прекращая рисовать, вступал с ними в непринужденный разговор о кадетском житье-бытье.

Рассказывал нам о Доне; уговаривал не терять надежду снова увидеть родные степи. Говорил о том, как живут казаки во Франции, каковы их чаяния и надежды.

Атаман прожил в Горажде около полутора недель. Ему очень понравилось это местечко и он часто говорил: «Да ведь это же рай после Парижа!»

Мне хочется еще раз подчеркнуть, что покойный Атаман был не только Войсковым атаманом, но и просто чудным и добрым человеком.

Н. Воробьев

Донской Атаман А.П. Богаевский в Горадже (1929 г.) —
Парад на плацу (перед Дриной)

Атаман А.П. Богаевский с кадетами 39-го выпуска

ПАМЯТИ РУССКИХ КАДЕТОВ

В 1916-ом году большая партия военнопленных была пригнана на станцию МЕДЖЕДЖА, километрах в двадцати от Горажде. Грузили какие-то ящики, не зная, что в них, пока кто-то из русских, разбиравшийся немного в немецком, не прочитал надписи: «на восточный фронт». А когда один из ящиков упал и разбился, выяснилось, что там снаряды. Среди пленных вспыхнуло недовольство, они бросили работу. Наконец, австрийцы поняли в чём дело и приказали сейчас же возобновить работу; в противном случае — расстрел. Пленные вернулись. Кроме трех. Те остались твёрдыми в своём решении. Расстреляли их тут же и зарыли на соседнем участке, принадлежавшем какому-то мусульманину босанцу. Кончилась война. Босанец посадил здесь сливовые деревья и не мог нарадоваться прекрасному урожаю с них. Суеверный босанец приписывал это тому, что на его земле закопали трупы. Много позже, после нашего отъезда оттуда, я как-то нашёл в немецком справочнике, что босанская слива котируется выше всего на международном сельскохозяйственном рынке и что на первом месте стоит крошечный городок Горажде.

В дни пребывания нашего корпуса там, босанец разболтал о случившемся когда-то, и эти слухи дошли до русских. Генерал Перрет сразу же поставил об этом в известность русского военного агента, полк. Базаревича и русского посла Штрандмана. Надо сказать, что Югославия была чуть ли не единственной страной, не желавшей признавать СССР. В своё время король и сам был кадетом и считал себя во всём обязанным России-матушке. По этой причине, в наше время ещё были русский военный агент и русский посол. Началось расследование и, наконец, переговоры о собственном участке, где находились могилы. Босанец не хотел уступать этот участок и сошлись на том, что выкопали всё, что ещё осталось и... доставили в корпус для погребения. Оно было обставлено очень торжественно. Вдоль пути следования погребального шествия, с обеих сторон дороги были выстроены шпалерами кадеты с зажжёнными свечами в руках. Из столицы в тот же день прибыл посол и военный агент, представители югославского правительства и Короля, генералитет, представители иностранных держав. При приближении к корпусу, кадеты сняли гроб с катафалка и понесли его на руках.

Корпусной хор трубачей играл похоронный марш Шопена, а кадетский хор время от времени исполнял «Вечную память» и «со святыми упокой». Гроб был поставлен в корпусной церкви и там служились панихиды. Возле гроба стоял почётный караул — кадеты с шашками «наголо». На следующий день гроб, с отданием воинских почестей, был опущен в могилу, вырытую недалеко от церкви, у подножия горы. Были прочувственные речи... Русские воины нашли, наконец, место последнего упокоения, вырытое родными русскими руками.

Впоследствии, корпусные власти воздвигнули скромный памятник, на котором было написано:

«Унтеръ офицеръ и трое рядовыхъ Россійской арміи разстрелянные врагами за любовь къ Родине и верность долгу. Взятые въ пленъ австрийцами въ міровую войну и принуждаемые грузить снаряды на ст. Меджеджа, они отказались исполнить работу на пользу неприятелю и предпочли смерть.

Имена же ихъ ты Господи веси».

Во время же церемонии погребения костей верных сынов Родины, на могилу был возложен венок с национальной лентой, на которой было написано:

«Вернымъ сынамъ Россіи, геройски погибшимъ вдали отъ Родины.

Донские Кадеты».

Этот памятник в далеком босанском городишке — все, что напоминало там о пребывании Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

Н. Воробьёв

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДОНСКОМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА – ГОРАЖДА

Солнце садится на голубь вершины гор, обступивших плотным кольцом ущелье, по которому с грохотом, пыхтя и надуваясь, змеей ползет уз шлейный состав югославянской государственной железной дороги — Сараево-Белград.

То и дело открываются темные пасти туннелей и жадно поглощают миниатюрный поезд, как бы стараясь удушить его черной пеленой ядовитого дыма. Дым заползает во все щели скрипучих, шатких вагонов и вызывает у пассажиров кашель, слезы и тошноту. Но вот туннель «выплевывает» свою добычу, воздух очищается, опять можно дышать и любоваться дикой и суровой картиной. Слева внизу по камням шумит и пенится река Прача, справа висят над головой скалы, которые, как кажется, готовы каждую секунду обрушиться и задавить поезд, как насекомое.

Растительность бедная: низкие кустарники, мох, лишай, изредка хвойные деревья и голый камень. Слева часто открываются обрывы и пропасти, от которых становится жутковато. В вагоне сидит компания босняков-крестьян, тянущих заунывную песню на полутонах с подвыванием. Вся песня состоит из двух-трех фраз, но конца ей, по-видимому, нет, ибо начали они ее еще в Сараево два часа тому назад, а кончат, вероятно, в Белграде.

Еду в Донской Императора Александра III Кадетский Корпус, куда меня направила мать после того, как меня выгнали из четвертого класса Хорватской Загребской гимназии за «тихие успехи» и «громкое поведение».

Бедная мама пыталась оставить меня в Загребе в теплом домашнем уюте и перевела меня в реальное училище, но и оттуда меня вскоре попросили, вернее, вызвали мать и предупредили ее о «мероприятиях», которые будут применены по отношению моей личности, если меня не уберут по добру – по здоровью.

Итак, дамоклов меч, висевший у меня над головой, пал: со старой свободной жизнью покончено, впереди клетка, военная муштровка, побои т кадет-старожилов и прочие прелести. Я начитался и наслушался рассказов о судьбе новичков, попадающих в кадетские корпуса и поэтому не строил себе никаких иллюзий о том, что меня ожидало.

На душе у меня было скверно, как, наверно, бывает скверно у всех мальчиков моего возраста, которых направляют в «исправительный дом». Но вот поезд замедляет ход. Впереди видны постройки. Мы подъезжаем к Усти-Прача. Здесь река Прача впадает в широкую величавую Дрину, катящую свои изумрудные волны по просторной Боснийской долине. Вот мы и у станции. Паровоз скрежещет тормозами, весь состав дергается, лязгает буферами и останавливается. Выхожу: перед станцией на грязной и неудобной площади стоит нечто, напоминающее пыльный автобус. Он ожидает пассажиров в Горажду — городок, находящийся километрах в пятнадцати от железной дороги. Там же находится корпус — моя конечная остановка. Несмотря на сентябрьский надвигающийся вечер, на

улице жарко и душно. Потные, грязные боснийцы лезут в автобус, толкают друг друга корзинами, узлами. В воздухе висит смачная сербская брань, ничуть не уступающая нашей родной русской. Наконец, мне удаётся пробраться в автобус и усестись на заднее сидение. Воздух тяжелый, пахнет грязью, невымытым потным телом и крепким турецким табаком.

Рядом со мною, развалившись на три места, сидит толстый босниец и курит свой «чубук», кроме того, от него разит чесноком. Пытаюсь открыть окно — не тут-то было, по-видимому, открытые окна и свежий воздух считаются здесь совсем ненужной роскошью и потому не открывающееся годами окно заело и его не сдвинешь ни на сантиметр. Трогаемся в путь. Колымага, называемая автобусом, скрипит и трясет по ухабам немощеной улицы, по которой свободно гуляют гуси, утки, куры и свиньи. Все, кроме свиньи, разлетаются с дикими киками из-под колес колымаги.

Промелькнуло еще несколько убогих построек, дворов, заборов, и вот мы выбираемся на узкую пыльную дорогу. Несмотря на столбы пыли, окутывающие нас сплошной пеленой, не могу не залюбоваться через ее просветы чудесной панорамой. За долиной вдали высятся горные хребты покрытые хвоей. Медленно и величаво катит свои волны голубая, отдающая золотом лента красавицы Дрины. Справа горы, вплотную слева — богатейшая смесь красок: изумруд, сапфир, бирюза. Мелькают сады, огороды, квадраты возделанных полей; домики, лужайки янтарные головки подсолнухов. Всё это провожает тонущее за горами светило. Трясет неимоверно, и я с нетерпением ожидаю прибытия в Горажде. Но вот узкая долина расширяется, Дрина отодвигается вдаль и исчезает за сплошной изгородью ивняка и вербы.

Справа показываются деревянные бараки, а слева проплывает мимо большое трехэтажное здание бывших австрийских казарм. «ЗДРАВСТВУЙ, КОРПУС!»

На кривых улочках появляются прохожие, местные жители и группы кадет. Мелькают синие фуражки с красными околышами, зеленые гимнастёрки и затянутые поясами в «рюмочку», чинно шагают старшие кадеты. Вот она — дисциплина! Невольно оглядываю себя и свой незатейливый штатский костюмчик. Что-то будет! Становится страшно.

Повернув в боковую улицу, мы останавливаемся у почты. Здесь все должны выходить. Рядом с почтой бросается в глаза вывеска, «уджи бато», по-русски — «войди, братец». Это местный кабачок и, как я узнал, впоследствии, запрещённый плод с «древа познания добра и зла» — ТАБУ для кадет, но вместе с тем — центр «культурной жизни», куда кадеты бегают по ночам «самодралом».

Все формальности зачисления в корпус были закончены к вечернему чаю. Форму мне было приказано получить в цейхгаузе или, как кадеты говорили, «на барахолке у барахольщика» на следующее утро.

Я сразу же узнал, что «барахольщика» зовут Кошкин, но лучше его называть «Мачкин», что он худощавый, похож на «кощея бессмертного», носит пенсне без оправы, и что он часто ругается. Все это мне было доложено малышами, которые заинтересовались моей личностью, старшие кадеты просто меня не замечали, смотрели, как на пустое место.

Среди других инструкций мне было приказано «привести себя в полный порядок», т.е. коротко постричься, сходить в баню и стать, короче говоря, более или менее похожим на кадета. Но все это было впереди, а пока вахмистр, окинув меня быстрым взглядом, коротко спросил: «Как услышишь трубу, становись на левый фланг, чай будешь пить». И это всё.

Я предоставлен самому себе. В спальню идти страшновато, хотя до чая ещё есть время. Хочется оттянуть этот момент возможно дольше. Я еще «шпак», т.е. штатская, никому не нужная фигура, и как такового меня и встретят тут не может быть сомнения. Стою столбом у окна в коридоре, по которому с диким гиком носится «конница» — мелюзга, поглядывающая на меня с любопытством. Они бесцеремонно разглядывают мою неуклюжую, унылую, одинокую фигуру. Шепчутся, посмеиваются. Для них я — заморское чучело, которое хочет стать кадетом. Во всяком случае, третья сотня малышей, по-видимому, справедливо оценила положение и решила, что мне еще далеко до того

кадета, перед которым они будут тянуться. Это все будет потом, а пока, как я уже сказал, я — чучело гороховое, пугало, которого на огороде боятся только птицы.

Вице-вахмистр 43-го выпуска Т. Дакугинов — 1932 г.

Как я уже сказал раны мои будущие однокашники, старшие кадеты, меня просто игнорировали или делали вид, что я им безразличен, ибо порою ловил украдкой на себе отрывистые взгляды. Никто не подходит, ни о чем не спрашивает. «Развлечение», по-видимому, отложено на более поздний час, когда я волей-неволей должен буду отправиться в спальню. От этой мысли холодок пробегает по спине и чувство неуклюжести давит. Оторачиваюсь и смотрю в окно: звезды уже зажглись на сентябрьском небе, на душе беспокойно и грустно. Вдруг все посторонние звуки покрываются резким протяжным металлом, рикошетом отскакивающим от каменных стен гулкого коридора. Трубач дает сигнал «Строиться». Слышится команда: «Становись». Бегу в самый конец на левый фланг, становлюсь крайним. Кадеты быстро выстраиваются: «Направо равняйся», — шеренга выравнивается. Вытягиваю грудь. Передо мной затылок соседа, бритый, аккуратный. Команда «Смирно», и в эту же секунду чувствую крепкий удар в бок. Кулак соседа разжимается, и рука вытягивается по швам. Вижу курносый, ничего не говорящий мне профиль. В душе срывается обида. Вот оно — начинается. «Сотня, направо... раз, два», как выстрелы, четко щелкают каблуки. Опять перед носом противный равнодушный затылок с хохолком на макушке. Смотрю на него с ненавистью. «Правое плечо вперед, шагом, марш». Сотня вздрагивает и срывается с места. Раскосые глаза калмыка вахмистра зорко впиваются в стройную колонну — «левой, левой, ать, два, ать, два»... Подхлестывает голос.

По широкой лестнице спускаемся во двор и через ворота пересекаем улицу. Столовая находится в бараке, расположенном напротив корпусного здания. Волна кадет вливается в столовую и планомерно распределяется по столам вправо и влево от прохода. Старший кадет во главе стола. Стоим... «На молитву, шапки — долой». Рывком слетают фуражки с голов — «Очи всех на Тя, Господи, уповают...» несется стройное пение. «Садись!» — Быстро разливается чай из огромных медных баков в большие кружки. В середине стола гора ещё теплых булок. Стесняюсь взять свою. Старший стола смотрит покровительственно: «эй, ты, не зевай... сожрут». Невольное чувство благодарности поднимается в груди за эту грубоватую, простую форму.

Между столами прохаживается командир второй сотни полковник Зиолковский или «Извозчик», как я позже узнал. Этим прозвищем его наградили за то, что он часто кричал и ругал кадет. В другом конце столовой ходит полковник Яков Рещиков — командир третьей сотни, за спиной его называют просто «Яшка»: он, как и наш командир, расточает весьма нелестные эпитеты направо и налево, а иногда даёт и подзатыльники зазевавшимся

шалопаям. — «Хлопов, чёртова образина, сядь как следует». — «Протопопов, я тебе...»

Старший стола берет бак и бежит за добавкой к «Сколопендре» на кухню. Этим некрасивым прозвищем окрестили почему-то нашу корпусную даму, жену полковника Гвахария, заведующую хозяйством. Булок на добавку не полагается, зато черного вкусного, пахучего, свежего хлеба — сколько угодно. Этим хлебом набиваются все карманы. В холодные зимние вечера этим хлебом облепляются боковые стенки раскалённых печей в спальнях и на ночь стряпается нечто вроде горячих сухарей. После чая сотня идёт обратным порядком в казарму. Затем вечерняя поверка и молитва, и раздаётся команда: «Разойтись».

И вот страшная для меня команда подана: «Разойтись».

Стройная колонна кадет третьей сотни превращается в галдящую, гикающую толпу. Мимо меня проносится «конь» с седоком. «Конь» ржет и брыкается, стараясь сбросить наездника, а тот бутузит «лошадку» кулаком по спине. Под смех, крики поощрения и улюлюканье оба скрываются в спальне в конце коридора.

Вторая сотня расходится чинно, ведь это уже «взрослые». Первая сотня, находящаяся под командой полковника Чудинова, располагается в деревянных бараках напротив столовой. Это, главным образом, «выпускники», ведущие себя с достоинством, выправкой и строгостью старших кадет.

Вернусь к первым впечатлениям после злополучного «Разойдись».

Откладывать больше нельзя, делаю безразличный вид и стараюсь не прислушиваться к громко бьющемуся сердцу. Иду в спальню. Успеваю рассмотреть ряды коек и сидящих и лежащих на них кадет. Дальше все вдруг исчезает, ибо лечу кувырком, споткнувшись о чью-то ловко подставленную ногу. Не успеваю прийти в себя, как чувствую пинок в спину и расплываюсь на полу. Жмурюсь от неожиданности, и когда открываю глаза, вижу целый ряд ног, окружающих меня сплошным забором. Поднимаю голову, чье-то ласково улыбающееся лицо склоняется надо мной. Наверно, я представляю собой довольно жалкое зрелище, ибо лицо склоняется еще ниже, и я слышу голос, полный участия: «Ушибся?» — «Ты что, братец, ходить не умеешь?» Заботливая рука помогает мне подняться на ноги. «Тебя как зовут?» Растираю ушибленные колени, но довольно бодро и глупо через силу выдавливаю: «Лебедев». Лицо становится еще ласковее: — «Лебедев?» — «А танцевать умеешь?» Чувствую подвох, но стараюсь не выдать волнения. — «Танцевать?» — «Ну да, танцевать», — повторяет лицо серьезно. — «Умею, ну и что?» — «Прекрасно», — ослабляется лицо в широкую добродушную улыбку, и уже совсем ласково: «Ну, танцуй». — «То есть как?» Не понимаю я. — «А так, танцуй», — повторяет лицо. Я смотрю на этот растянутый до ушей рот и чувствую, что сейчас решается, что-то очень важное, может быть что-то, от чего зависит моя дальнейшая судьба. — «Что танцевать? Умиряющего лебедя», — решает лицо после короткого раздумья. «Как там, знаешь, у Чайковского». — «Не у Чайковского, а Сен Сана», поправляю я. — «Ну, все равно, пусть у Сен Сана», — соглашается лицо. — «Эй, ребята, навались, новичок изобразит балет «умиряющего лебедя». Лицо представляет меня аудитории. В мгновение ока вокруг меня собирается толпа; гогочут, поощряют. Кто-то достает губную гармошку, раздаются душераздирающие звуки, — «Ну?» — подбадривает лицо, — «начинай». — «Давай, давай», — кричат вокруг. — «Давай «Лебедя»... «пусть умирает». Мой мозг пронизывает мысль, как молния: «на веки вечные пропал». Сердце колотится, на глазах слезы обиды. В зеркале напротив отражается неуклюжая, комичная фигура в неуместном, глупом штатском костюмчике среди толпы в военных гимнастёрках с погонами, кажусь вороньим пугалом, неизвестно как сюда попавшим. Закрываю глаза на секунду, а потом... трах! с отчаянием утопающего нацеливаюсь прямо в нос; мой кулак попадает во что-то теплое, мягкое и мокрое. Ненавистное лицо, как-то, вдруг запрокидывается и исчезает из поля моего зрения. В иступлении кричу: «Сам танцуй!» Далее все перемешивается, я лежу на полу после здоровенной затрещины. Из глаз сыпятся искры, на меня наваливаются чьи-то тела. «Мала куча». Слышу откуда-то сверху. Полузадушенный, стараюсь вырваться, но не в силах. «Куча» растёт, и чувствую, что вот-вот я потеряю сознание. Мне кажется, что мои кости трещат, а куча растёт безжалостно.

Визг, хохот, кажется, что проходит вечность, но вот я встаю, почти раздавленный. Из разбитого носа течет кровь, смешиваясь со слезами, но боли я не чувствую. Я потерял власть над собой, остервенел, кричу: «Дураки... танцуйте сами, чтоб вас черт побрал». «Ах, ты еще ругаться!» Кто-то еще дает мне тумака, но злоба меня душит, теперь уже все равно. Ударов я не чувствую. Дико размахиваю руками, тычу кулаками куда попало, слепо и безразборно. Но вдруг наступает тишина.

Вижу перед собой что-то, в чем мое спасение и защита, инстинктивно это чувствую. Плотная фигура, крепко сколоченная природой, глаза немного навывкате. Лицо спокойное и серьезное. «А ну-ка, шпана, разойдись! Оставьте его в покое, ну» — «А чего ты дерешься?» — обращается старший кадет ко мне. Я молчу, не находя слов. — «Он не хочет танцевать «умирающего лебеда», — пищит откуда-то опять вынырнувшее лицо. — «И первый полез драться», — добавляет кто-то за спиной. «Я сказал, марш по койкам», — прикрикнул снова мой защитник. — «А ты не сердись! больше тебя не тронут, только запомни; не ябедничай; у нас ябед нет!»

Горячая волна благодарности поднимается в моей груди, и я стараюсь улыбнуться. «А если тронут, то скажи мне», — наставительно добавляет мой «ангел-хранитель». В коридоре раздается звук трубы. Трубач играет «укладку».

Я уныло бреду к своей койке. В голове сумбур из самых разнообразных чувств: обиды, горечи, и вместе с тем радости. Кажется, я не сел в лужу и «экзамен» выдержал. Только я улегся, как кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел рябое лицо и глубоко посаженные, маленькие глазки. Как я позже узнал, это рыл «Миклуха» Дурноусов, как его называли, «отчаянный тип» и завзятый почетный «камчаточник», сидящий в каждом классе по два года и оспаривающий старшинство у Димки Арцыбашева (моего «ангела-хранителя»). Это была закулисная борьба, но тогда мне это еще не было известно. Я попал между двух огней, это я сразу сообразил. Миклуха, молча и спокойно, глядя мне в глаза, дал мне оплеуху, потом, схватив за шиворот, размахнулся и сильно ударил кулаком в спину. У меня дух свело. Опять вспыхнула обида. «За что?» — закричал я в отчаянии. Миклуха ухмыльнулся, раздвинул пасть, и я почувствовал запах спирта. Лучше с ним не связываться, понял я. — «А так... ни за что, а Димке скажешь, получишь еще «вдвойне». (Много позже я узнал и убедился в том, что Миклуха был вовсе не злым, а, наоборот, хорошим парнем и настоящим товарищем).

Мой первый вечер кончился в корпусе. Проиграла второй раз труба. Свет притушили, но я долго не мог заснуть. Наконец, Морфей смежил мои очи крепким, здоровым сном. Проснулся я от резкого медного звука заливающейся трубы: «Это вам не дома, это вам не дома, вставай, вставай!»

Трубач играл подъём, за окном занимался осенний печальный, серый рассвет.

В. Лебедев, 43-ий вып.

КОРПУС В ГОРАЖДЕ

В 1926-ом г. корпус был переведён в Боснию, в маленький городок Горажде, на берегу р. Дрины. Этот перевод произошел вследствие того, что Военному министерству понадобились казармы в крепости Билече...

Горажде считалось захолустьем, однако разница между этим городком и Билече была громадная. Из диких мест мы неожиданно переехали в какой-то, как нам казалось, оазис, настолько разница была разительна. Во-первых, сам городок был больше, во вторых, пути сообщения были под рукой, в городе был хоть какой-то «букет» очаровательных девиц (правда, их можно было легко пересчитать, но в Билече и считать-то не приходилось), было много зелени, не было «поскоков» — змей, которых мы опасались в Билече, не так далеко было до крупного центра — города Сараево, куда можно было при желании съездить, и куда мы так никогда и не ездили. В общем, здесь было гораздо приветливее и лучше, а климат был гораздо мягче.

Корпус занимал большой комплекс зданий, среди которых одно было главным: там

помещались классы, штаб, а на верхнем этаже — спальни некоторых выпусков. Остальные выпуски помещались в удобных бараках неподалёку. Далее была церковь в том же бараке, квартиры чинов персонала, театр (переделанный из конюшни) и корпусный лазарет. На берегу Дрины стояло ещё одно довольно большое здание, в котором жил директор корпуса некоторые воспитатели с семьями.

Река Дрина — очень бурная, и вода в ней холодная, так что купаться в ней можно было в очень редкие, особенно жаркие дни.

Над корпусом, с одной стороны, и над городом, с другой, нависали горы. Нависавшая над корпусом гора прозвана была «Горой самоубийцы». Дело в том, что на ней покончил с собой один казак, как раз перед нашим приездом в Горажде. Под горой располагалась наша кухня. Работал в ней Петрович, как его фамилия — понятия не имею, мы все его звали просто Петровичем. Говор его был цветистый и выразительный, и рассказывать он был большой мастер.

Учебное дело в нашем корпусе в Югославии было на должной высоте. По сравнению с преподаванием в Египте, в Югославии условия стали нормальными, и было больше возможности подобрать подходящий учительский состав, и для этого имелся резервуар несравненно большего объёма, чем это представляли собой беженские лагеря в Египте. Напомню, что в Египте в первое время у нас не было даже врача. Донцы в Югославии поддержали старую традицию: особенно процветали у нас точные науки. Донцы всегда были хорошими математиками, а тут ещё и преподаватели попались на редкость хорошие.

Матура 1927/28 гг. в Донском корпусе — 39 вып.

Историю преподавал профессор Абрамцев. Помню его ещё по Новочеркаску. Из-за его привычки почти каждую фразу начинать с «ну-с», или же «нута-с», кадеты прозвали его «Нусом». (В моё время этого прозвища у него не было. М. Бугураев). Его метод преподавания не ограничивался «от» и «до». Он дополнял учебник красочными деталями и требовал от нас не только заданного по учебнику, но и того, о чём он сам рассказывал нам. По переезде в Горажде Абрамцев был переведён в Крымский кадетский корпус на должность инспектора классов.

Хочется напомнить, что «Нус» дал нам много по истории Дона, его рассказы о донской старине были неисчерпаемы и всегда очень интересны.

Впоследствии приехал читать лекции, главным образом, по военной истории полковн. ген.-штаба Борис Николаевич Сергеевский. Лекции его были исключительно интересные. Они иллюстрировались обычно с помощью карт и его собственных чертежей на доске. Преподаватель химии и физики, профессор полковник Христианович. Его прозвище — «Таракана» за огромные рыжие усища, которыми он, как таракан, иногда поводил из стороны в сторону... Был очень требователен и строг: не знать урока у «Таракана» просто было нельзя. Крупным недостатком в изучении физики и химии была крайняя ограниченность в количестве прикладных пособий. Лабораторий, как ранее в Новочеркаске, и в помине не было. Большая часть наук проходила по книгам и его запискам. Надо пожалеть, что нельзя остановиться более подробно на описании преподавателей. Скажу только, что плохих, неумелых просто не помню, у нас их не было. То, что было заложено в корпусе, помогло донским орлятам позже расправить свои

крылья. Самыми лёгкими предметами всегда считались в корпусе «Закон Божий» и «Рисование». Всё зависит от преподавателя: сумеет ли он вызвать в учениках интерес или не сумеет. Вспоминается рисование. Сначала — старенький, участник Русско-турецкой, Японской и Первой Мировой войн, ген.-лейт. Карпов. Израненный, кавалер многих орденов, личный друг Атамана Петра Николаевича Краснова. А ко всему этому и прекрасный художник.

Преподавал спокойно... но к тем, кто проявлял способности и интерес к рисованию — был требователен. И это давало положительные результаты. Помню прекрасный портрет карандашом или углём Д.М. Каледина, работы Makeвнина. (Этот портрет и сейчас у меня, переснятый — стоит на столе).

После ген. Карпова, ушедшего на покой, рисование преподавал Михаил Михайлович Хрисогонов, настоящий, законченный художник. Работать под его руководством было приятно и интересно.

Образцово было поставлено и спортивное дело: благодаря только преподавателю гимнастики и спорта, полковнику Гану. Правда, ни в Билече, ни в Горажде не увлекались и почти не играли в футбол — но работа на снарядах была поставлена первоклассно, как и фехтование. Полк. Ган сам был прекрасный фехтовальщик и неоднократно брал призы на гвардейских состязаниях. В старших классах многие кадеты отдавали буквально всё своё свободное время гимнастике, работе на снарядах. Несмотря на то, что полк. Ган имел семью, он отдавал много времени кадетам, занимаясь с ними и по вечерам, и после обеда. Результаты этой тренировки сказались позже, когда кадетские группы начали участвовать в различных гимнастических празднествах и соревнованиях в Югославии. Благодаря этому нашим кадетам удалось участвовать в Сокольском слёте в Белграде, а также быть и на главном сокольском празднестве — в Праге, в Чехословакии. Отличались и те, кто работали на снарядах, отличились и фехтовальные группы. У нас увлекались не рапирами, а, главным образом, эспадронами; что, по крайней мере, хоть напоминало казачью шашку своими ударами.

Если не ошибаюсь в 1928-ом году корпус неожиданно посетил Король Югославии Александр.

Возвращаясь к теме о кадетском театре, должен упомянуть, что и в Горажде кадетам пришлось поработать порядком над устройством театра. Снова пришлось из конюшни делать дворец. Дворец — не дворец, а в результате нечеловеческих усилий кадетам удалось привести здание в полный порядок, засыпать все «запахи» и уничтожить воспоминание о конюшне. Я хочу вспомнить о нескольких счастливых днях, проведённых в этом здании. Именно так, в течение нескольких вечеров, волновал и вызывал в нас лучшие чувства заезжий русский поэт, представитель нашего «Серебряного века», расцвета поэзии в двадцатом столетии. Я не уверен в том, что правильно назову фамилию этого поэта, но мне кажется, что это — Оленин. Во всяком случае, это был автор стихов, положенных потом на музыку, вещей, которые распевались по всей России-матушке: «Спите орлы боевые» и «Спи моя девочка, спи моя маленькая». В течение этих нескольких вечеров он без усталости читал нам свои стихи и стихи других поэтов в этого периода: Блока, Ахматовой, Гумилёва, Волошина и других. «Конюшня» сотрясалась от кадетского восторга, и его выносили на руках, когда он уходил от нас.

Вспоминаются еще дни, значительные для кадет, полные надежды и устремлённости сердец к далекой поработанной Родине... Это были дни, когда корпус посетил последний Главнокомандующий Русской армии ген. Врангель. Мы были выстроены на нижнем дворе, перед строем, держась одной рукой за рукоятку кинжала стоял ген. Врангель. Хриплым, привычным к выступлениям перед необозримыми рядами войск голосом он вливал в нас надежду и призывал к терпению. Сотни молодых завороченных глаз глядели на него влюблённо, не отрываясь и впитывая в себя каждую деталь, каждую черточку его высокой фигуры, затянутой в скромную черкеску. Неподвижным изваянием возле него стоял его адъютант, лейб-казак есаул Ляхов, в мятой английской фуражке. Не думаю, что во времена австрийцев эти стены и бастионы могли оглашаться такими неистовыми кликами восторга, какими донские кадеты встречали и провожали генерала Врангеля.

В истории Донского корпуса перевернулась ещё одна яркая, полная глубокого внутреннего значения, страница. И не чаяли кадеты, что в 1929 г. их фанфара, с платом синего бархата и вензелем Императора Александра III, будет встречать на железнодорожной станции столицы и провожать до места последнего упокоения скромной русской церкви прах этого самого человека.

Четыре фанфариста, хор трубачей и взвод кадет от Донского кадет. корпуса выполняли эту печальную миссию. Казалось, еще так недавно, чуть ли не вчера — а это было в 1925 году — мы встречали его в Билече.

Н. Воробьёв, 40-ой выпуск

Донские кадеты в Белграде на похоронах Ген. Врангеля с Директором ген. Перретом, полковниками Чудиновым, Наумовым и Чепурковским

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ ПЕРСОНАЛ

Преподавание наук в Донском корпусе стояло на высоком уровне. Состав преподавателей был подобран хорошо и те из кадет, которые хотели приобрести знания, приобретали их в такой степени, что дальнейшее обучение в различных университетах, не являлось таким трудным делом, ибо из стен корпуса выносили с собой основательный фундамент во всех областях знаний.

Количество изучаемых предметов на протяжении заграничного периода существования корпуса можно сказать, не изменялось.

Приведем для наглядности типичное свидетельство, выдававшееся каждому кадету после окончания учебного года. В нем перечислены все предметы, изучавшиеся в том или другом классе:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Донского Императора Александра III кадетскаго корпуса объ успехахъ въ наукахъ и поведеніи кадета «...» класса «...» отделения ...сь...м. по ... м. 19.../... уч. года.

Номеръ по порядку	ПРЕДМЕТЫ	Балль за I-я треть	II-я треть	III-я треть	Годовые Экзамен. баллы	Экзамен. Баллы
1.	Закон Божій					
2.	Русскій яз.					
		устный				
		письменный				
3.	Сербскій яз.					
4.	Французскій яз.					
5.	Немецкій яз.					
6.	Арифметика					
7.	Алгебра					

8. Геометрія
9. Тригонометрія
10. Аналитическая геометрія
11. Начертательная геометрія
12. Анализъ бескон. малыхъ велич.
13. Естествознаніе
14. Природоведеніе
15. Физика
16. Химія
17. Космографія
18. Географія
19. Географія Югославии
20. Законоведение
21. Рисование
22. Чистописание
23. Черчение
24. Гимнастика

Общій балль

Средній балль

Балль за поведеніе

Старшинство в классе «...» изъ «...» челов.

Отделенный офицеръ-воспитатель ...

До 1927-го года было четыре четверти в году и система оценки была двенадцатибалльная, а впоследствии — пятибалльная. В первом случае удовлетворительный балл было шесть и выше, во втором, — удовлетворительно начиналось от трех и выше.

Личный состав отделения менялся в значительной степени на протяжении восьми лет. Причин этому было много: известный процент отсеивался уже в средних классах по неуспеваемости и больше всего по поведению, многие кадеты переводились в другие учебные заведения по причинам семейного характера (напр., быть ближе к месту проживания родных). Этот вопрос нам не удалось изучить в достаточной степени к данному моменту. Если взять наш 43-й выпуск, то из находившихся в первом классе 24-26 человек, от 12 до 14 человек окончили корпус, т.е. было 50% первоначально поступивших в первый класс. Такой высокий процент состава, не дошедший до окончания корпуса, понятен, принимая во внимание текучесть русской эмиграции в обстановке зарубежья.

Законоучителями в Горажде были: иеромонах Иоасаф, впоследствии епископ Аргентинский и Эдмонтонский, а после его отъезда от. Иоанн Федоров.

Русский язык в старших классах преподавали: А. Перцев, а в последние годы — Савченко.

Первый из них — спокойный и острый на язык человек, артист, не плохо игравший у нас при постановках корпусного театра; второй — очень серьезный, на допускаящий никаких шуток на уроках, человек немного нервный, но оба они, хотя и каждый по-своему, старались и сумели дать не только прекрасное знание русского языка, но и привить у кадет любовь к русской литературе и русской культуре. Савченко, кроме того, старался всякими способами ознакомить нас с творениями этой культуры: устраивал лекции на литературные темы; приобрел хороший, по тому времени граммофон и организовывал по вечерам концерты, пользуясь граммофонными пластинками в исполнении знаменитых русских артистов.

На эти концерты в субботу после вечернего чая или в воскресенье собирались мы, желавшие познакомиться с произведениями русских и иностранных композиторов.

Математику преподавали: Чекомасов, полк. А. Е. Чернокнижников, Л.А. Богоявленский и В.Ф. Гущин. Последний преподавал и начертательную геометрию.

Наши знания по математике были настолько высоки, что профессора Белградского университета говорили, что ни одна сербская гимназия дает таких знаний, как кадетские корпуса. Запомнила лаконичная фраза полк. Гущина: «Задач решать не будете — матуры не получите».

С полковником Гущиным по прозвищу «Чародей» шутки были плохи.

Кроме начертательной геометрии, он преподавал и геометрию, и тригонометрию, логарифмы и дифференциальное исчисление.

Гущин был безжалостен и за малейшую ошибку сажал отвечающего на место, коротко говоря ему: «Сиди». Во время экзаменов происходило настоящее «избиение младенцев» или, как мы называли «Варфоломеевская ночь в Горажде». Однажды решили в классе схитрить и провести Гущина: каким-то способом достали приготовленные Гущиным задачи для очередной письменной работы. К величайшему изумлению полк. Гущина все, даже завязтые бездельники, выполнили экзамен в самом лучшем виде и он вынужден был всем нам поставить высший балл. Однако, «Чародей» приготовил нам к следующей работе сюрприз. Все были подготовлены к определенным задачам, а он, войдя в класс, с милой улыбкой раздал нам листы с совершенно другими задачами и с невозмутимым видом стал ждать результатов: «Ну-с, надеюсь, что и на этот раз экзамен пройдет так же хорошо», — казалось, говорила его насмешливая улыбка.

Результаты были трагические: почти весь класс получил единицы и двойки.

Леонтий Афанасьев Богоявленский, преподававший раньше в 1-ой Киевской гимназии и помнивший своими учениками наших отцов, был колоритной фигурой среди преподавателей.

Строгий, но в то же время и добрый, он любил иногда сделать остроумное замечание по какому-нибудь поводу, чего, конечно, только и ждали мы. Большинство его острот были известны вперед, т.к. он их повторял из года в год в связи с темой урока или одних и тех же происшествий. Так, напр., начиная урок о чем-нибудь, считавшимся им очень важным, — он начинал с китайской поговорки: «Повесьте ваши уши на гвоздик внимания». Смех, усиленный стучением крышек парт, был слышен далеко по коридору после каждой его остроты. По-видимому, Богоявленский был доволен производимым впечатлением, считая это установлением контакта с аудиторией; сам ехидно посмеивался, а мы... выигрывали время, т.к. часть урока уходила на «балаган». Однажды, на такой «шумный» смех в классе появился инспектор с вопросом: «Что случилось?»

Любителем посмеяться и пошутить был также и преподаватель химии Седлецкий, по прозвищу «коробочка». Прекрасный химик, он был строг и требователен. Лекции его часто начинались словами: «Возьмите коробочку»... При этом он еще и сильно картавил. Некоторые любители вызвать смех и беспорядок в классе отвечая урок, принимались за подражание Седлецкому и начинали картавить, коверкая к тому же и химические формулы. Получалось вроде: «Бутан пропал в болотный газ, а бутыл пропил коггбочку». Химик краснел и бледнел, и отправлял поскорее шутника на место, награждая его колом в журнале.

Нельзя забыть преподавателя французского языка, пор. Савина. Человек он был глубоко штатский по всему своему виду и характеру. Вероятно, в силу этих своих свойств он не сумел взять кадетскую вольницу в руки и поэтому никто серьезно не относился к изучению преподаваемого им французского языка.

Приблизительно с 1926 года, обязательным было изучение лишь одного иностранного языка, французского или немецкого, по личному выбору; после — можно было и переменить свой выбор.

Каждого преподавателя, дежурный по классу встречал командой нам: «Встать, смирно!», — и подходил с рапортом, говоря, сколько в классе кадет по списку, сколько больных или отсутствующих и сколько на лицо. С появлением в дверях Савина, сразу же начинался «балаган», дежурный подсакивал к нему и бойко рапортовал: «Господин полковник, — в шестом классе, втором отделении кадет по списку много, в лазарете — больные, в отпуску — отпускные, на лицо — остальные...» — «Я не полковник», нараспев, гнусавил «француз». — «Прекрасно», — послушно соглашался дежурный и

начинал рапорт сначала, меня чин или вроде: «Господин барабанщик, кадет...» Савин, не дослушав, отмахивался от дежурного, как от надоедливой мухи, и с видом обреченного на неизвестные еще другие испытания, спешил пройти к преподавательскому столу и начать как-нибудь урок в надежде, что пройдет он без больших осложнений.

После, урок французского языка проходил скучно. Савин с безнадежным выражением на лице, выслушивал французский пересказ с нижегородским акцентом, предоставляя полную свободу всем заниматься чем угодно, лишь бы не задавали каверзных вопросов или не придумали бы еще каких-нибудь фокусов.

Историю, в последние годы, преподавал полк. ген. шт. Б.Н. Сергиевский. Он был строгим, серьезным преподавателем, прекрасно знавшим историю и России, и общую. Несмотря на довольно сухой способ изложения исторических событий, его уроки были насыщены большими и разнообразными сведениями и он настолько заинтересовывал кадет своим предметом, что на его уроках всегда была полная тишина. Очень редко он разнообразил свое преподавание различными случаями из Своего пребывания в Академии Ген. Штаба. Об одном таком отклонении от основной темы — истории полк. Сергиевского мне хочется рассказать сейчас, тем более, что подобная история оправдывает и некоторые проделки кадет, ибо, если в Академии Ген. Шт. можно было выйти из неудобного положения с помощью находчивости, то нам, кадетам, можно и простить некоторую часть наших проделок. Полк. Сергиевский рассказал нам, как один из офицеров, проходивший курс академии, вышел из очень трудного положения. Дело в том, что, если не ошибаюсь, тактику из года в год преподавал в академии один и тот же генерал, давая тактические задания для решения, к которым надо было представлять детальные топографические наброски. Местность была около Петербурга и была генералу настолько уже хорошо знакома, что он знал там каждый куст. По-видимому, офицер чертил карту наспех, не побывавши на указанном участке; там, где должно было быть пустое место, нанес на карте несколько деревьев. При сдаче работы генералу последний сказал, что все очень хорошо исполнено, но, ему не помнится, чтобы там росли деревья. Надо будет завтра проверить. Офицер был женат. Вернувшись в этот день домой, сказал жене: «Все пропало». После некоторого размышления, жена дала ему совет: разыскать садовника и, в спешном порядке, посадить нужное количество деревьев в соответствующем месте. Садовник был разыскан и в течение ночи деревья выросли там, где они были указаны. На следующий день генерал, прибыв на это же место, скромно заметил: «по-видимому, старею и начинаю забывать, где и что находилось». Конечно, он не мог не видеть свежесаженных деревьев, но «разумная находчивость оправдывает свои действия».

Полк. Сергиевский часто делал интересные доклады на исторические темы, знакомил молодежь с боевыми операциями Российской армии в Мировую войну. Доклады эти, иллюстрируемые картами и схемами, были интересны и популярны не только среди кадет, но и среди персонала корпуса и поэтому происходили в большом театральном зале. Иногда доклады готовились и некоторыми кадетами, для меньшей аудитории — только для своего класса. Помнится, как меня попутала нелегкая взяться за такой доклад о Петре Великом и как вечерняя обстановка и полусвет в помещении скрывали дрожание моих рук при объяснении схем Полтавской битвы. Хотя аудитория и своп, но все же это было мое первое выступление.

Подобные доклады указывают на огромный интерес к истории, который сумел пробудить среди кадет полк. Сергиевский. Он преподавал и географию России. При этом он любил пользоваться немой картой, заставляя вас путешествовать из одного места России в другое, называя при этом точно все места, через которые пришлось бы проехать.

Были среди нас такие шутники, которые и такого, не располагавшего к шуткам, преподавателя, как полк. Сергиевский, приводили своими познаниями, в истории или географии, в ярость. У Мити Головина, — горы, моря, города и целые страны переезжали с места на место: Лондон искался на побережье Сев. Ледовитого океана, а Черное море — на Дальнем Востоке. Рассвирепевший географ тыкал пальцем в Могелланов пролив и спрашивал: «А это что такое?» Митя же храбро и уверенно отвечал: «Это? это Гималаи».

Этот же Митя приводил в ужас и полк. Савченко, чтением своего сочинения на вольную тему на уроке русского языка. Начиналось сочинение, приблизительно так: «Коля, Митя и Зеня Головины родились на батюшке Днепре...» Нос у Савченко краснел, за что он и получил прозвище «помидор», но он деликатно спрашивал: «Почему же это — на батюшке?» На что получал резонный ответ: Волга — матушка, значит, Днепр — батюшка».

Предмет рисования большинство кадет «всерьез» не принимали. И, хотя за рисование ставился балл, по счастью, преподаватель понимал, что не все родились художниками. Поэтому урок рисования, — был приятным и даже веселым. Преподавал нам этот предмет известный художник М.М. Христогонов, которого за его бородку и немного скуластое лицо прозвали «Навуходоносор». Когда он объяснял нам правила стилизации, законы красок и дополнительных цветов, — то было видно, что он живет этим. На его уроках каждый делал, что хотел: одни рисовали то, что соответствовало излагаемым в данный момент объяснениям «Навуходоносора», другие, напротив, вырисовывали каких-нибудь чертей или ведьм на метле; кто-то старался изобразить кувшин (один и тот же), стоявший моделью из поколения в поколение. Другие — готовили уроки на следующий день, писали письма или просто мирно отдыхали. Иногда, когда позволяла погода, Христогонов устраивал урок рисования на лоне природы: на берегу Дрины или еще где-нибудь. Там делались наброски с натуры, конечно, теми, кто имел к этому склонность и желание (а таковые всегда были); остальные пользовались свободой, — потихоньку покуривали, играли в карты и наслаждались природой по своему усмотрению, — «Навуходоносор» был невозмутим. Как и всякая художественная натура, Михаил Михайлович легко увлекался своим любимым предметом; стоило только сказать ему: «Михаил Михайлович, а что надо сделать здесь, у меня что-то не выходит?» И этого достаточно, чтобы он с увлечением, забыв все остальное, начал объяснять на продолжительное время, т.ч. спросивший уже и сам был не рад.

Лучшие работы в каждом классе преподаватель отбирал и хранил их из года в год в имевшейся у него для этой цели комнатке, в подвальном помещении главного здания корпуса. Так как я никаких наклонностей к свободному искусству не имел, а какой-то рисунок мне все же для оценки представить было необходимо, то я выходил из затруднительного положения тем, что в младших классах просил товарища, любившего это дело и умеющего, нарисовать мне что-либо; а в старших — я извлекал при удобном случае из хранильницы Михал Михалыча какое-нибудь произведение искусства, выбирая, предусмотрительно, несколько-летней давности, из расчета, что человек не может помнить всего, что было.

Оставалось только стереть стоявший под рисунком высший балл и фамилию, после чего сидеть несколько уроков с глубокомысленным видом над «почти законченной картиной», а затем позвать «Навуходоносора» на помощь закончить рисунок. Очень часто бывало и так, что он совсем не приходил в умиление от «устаревшей» картины и оценивал меня совсем даже средним баллом, против чего я тоже не возражал и непонятого художника не разыгрывал. Как жаль, что в наше время не было увлечения какими-нибудь, скажем, футуристами, — тогда, возможно, и я бы мог создавать шедевры искусства, а не прибегать к фальсификациям.

Преподавателем пения был полковник Верушкин, по прозвищу «Корифей». Он же управлял и церковным хором. В хоре пели только те, кто имел хороший голос и слух. Спевки хора отнимали (у певших) свободное время и поэтому достаточно было показать свою полную неспособность производить приятные для уха звуки, чтобы навсегда избавиться от лишней нагрузки. Но петь любили все кадеты, и голосистые и безголосые. И часто, в праздник, или по вечерам, собравшись в спальне, сначала небольшая группа заводила какую-нибудь песню, к ним присоединялись вскоре остальные, и только необходимость заставляла окончить дружное пение и разойтись. Пели песни казачьи («На горе казак зародился», «Под ракитой зеленой», «Поехал казак на чужбину» и др.); пели песни военные и «добровольческие», пели русские народные, цыганские и много других. Ничто не сближает и не роднит так, как дружная песня, то грустная, то веселая, — берет

она русского человека за сердце, зовет к подвигу и добру. Мысли неслись к далекой Родине и казалось нам в эти моменты, что мы сами переживаем то, о чем пели в песне.

Нельзя не вспомнить преподававшую в Горажденский период немецкий язык госпожу Магденко, которая усердно учила нас готическому правописанию, рассказам по хрестоматии и, главное, стихотворениям. Был в нашем классе очень способный кадет Дурноусов, по прозвищу «Миклуха Маклай», умевший сложить неплохие стихи на любую тему, он напрашивался на декламацию и доводил нашу «немку» до истерики.

Очень колоритной фигурой выделялся среди преподавательского персонала полковник А. А. Христианович, учивший нас химии и физике. Крупного роста, довольно полный, с большими, торчавшими вперед усами, за которые и получил прозвище «Таракан». Прекрасный преподаватель, строгий, но справедливый и по-своему добрый. Доброта эта проявлялась довольно своеобразно: он очень щедро наделял всех не знавших урока — единицами, но когда приближался конец учебной трети или четверти, придя на очередной урок, «Таракан» спрашивал нас: «Кто хочет поправить отметку? Буду вызывать». И вызывал сразу по четыре человека к висевшим на стене доскам и гонял по всему пройденному курсу, давая тем самым возможность исправить свой балл.

Однажды, произошел такой случай. В нашем классе было два отделения. И, если в одном отделении урок химии или физики был сегодня, то в другом — на следующий день. Системы своей «Таракан» не менял: если он в одном отделении устраивал письменную работу, то на следующий день, мы твердо уже знали, что в другом отделении будет совершенно та же письменная работа. Однажды, мы узнали, что в первом отделении была письменная на тему: соли и окиси. Значит, завтра будет тоже самое и у нас во втором отделении. Решили заранее приготовить работы. И, действительно, на следующий день, «Таракан» вошел в класс и объявил: «Будет письменная!» Как всегда, разбил весь класс на ряды и сказал: «Первый ряд I — соли, второй ряд — окиси; первый ряд — соли, второй — окиси». Все шло по плану, как мы и предполагали. Мы все сделали вид, что занялись работой, а «Таракан» уселся за кафедру, не обращая на нас никакого внимания. Кончился урок. Преподаватель сказал дежурному собрать работы и удалился из класса. Мы ликовали, что все прошло, как по волшебному сказанью. В следующий раз урок был через неделю. Каково же было наше удивление, когда, пришедший на следующий урок, «Таракан», объявил: письменная работа и опять те же «соли и окиси». Всё в том же порядке.

Те, которые вообще знали предмет хорошо, смогли выполнить работу без затруднений, все же остальные, почивавшие на лаврах, «сели в калошу». Результаты были плачевные: «Таракан» понаставил половине класса колов и записал весь класс в журнал, т.ч. многим еще и сбавили балл за поведение. Так полк. Христианович учил нас трудиться честным способом. Но были у него и странности, например, однажды, он понаставил нам целый ряд колов (единиц), кого ни спросит — кол. Мы никак не могли понять, в чем дело. А дело было простое: на стене в классе висела таблица химических элементов Менделеева. И вот, «Таракан» спрашивает: «Иванов, кто составил таблицу элементов?» — «Менделеев». — «Садись», — единица. «Петров...» опять единица. Наконец, кто-то ответил: Дмитрий Иванович Менделеев. — «А, вот это правильно! Менделеева так не называют, — это мировая величина! Запомните раз навсегда, не — Менделеев — а Дмитрий Иванович Менделеев!» — И действительно, после такого урока, мы на всю жизнь запомнили, что Менделеев, не просто Менделеев, а Дмитрий Иванович Менделеев.

Вспоминается профессор Московского университета, преподававший у нас ботанику и другие науки естествознания, Павел Николаевич Строев. Это был профессор в полном смысле этого слова, прекрасно знавший природу, любивший ее и искренно стремившийся передать нам свои знания и привить такую же любовь ко всем явлениям природы. Был он уже в очень пожилом возрасте, добрый и неспособный обидеть даже насекомое. В классе на его уроках происходило, что-то совершенно невообразимое: его окружала небольшая группа кадет, задавали ему вопросы, а все остальные занимались чем угодно, только не природоведением. Шум всегда стоял невероятный. И, среди этого общего гама, Павел Николаевич беспомощно старается создать относительную тишину. Находится

услужливый помощник, который обращается к товарищам: «Господа, потише, не мешайте, не любо — не слушай, а врать — не мешай!» — «Что вы сказали? Кадет, что вы сказали, повторите, что вы сказали, — я ушам своим не верю! Как можно так сказать? Нет, я не могу, я уйду... Нет...» Павел Николаевич берёт журнал и направляется к выходу из класса. К нему бросаются кадеты: «Не уходите, господин преподаватель, не уходите, ради Бога!» — «Нет, я не могу, не могу... Как же можно так сказать — не любо не слушай, а врать не мешай. Так разве я вру... Ведь это же предмет, это целая наука, основанная на фактах, разве можно... как можно врать?! Нет, я не могу...» Мы все же уговаривали его вернуться. Виновник приносил извинения, низко кланялся, тоже, конечно, в шутовском тоне. Добрый профессор принимал все это за чистую монету.

Д. Берендс. В. Казимиров

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДОНСКОМ КОРПУСЕ

В 1929 году был закрыт Русский Кадетский Корпус в г. Сараево и остатки кадет из него (4 старших класса) были переведены в город Белую Церковь.

Крымский Кадет. Корп., там находившийся, был упразднен и, вместо него, из кадет обоих Корпусов (1 Русского и Крымского) был образован новый корпус, получивший позже наименование; Великого Князя Константина Константиновича Кадет. Корпуса.

С первого класса я был в Р. К. К. (13-ый выпуск), но в 1929 г., когда Корпус был упразднен, я не пожелал ехать в Б. Ц. к ген. Адамовичу, а исхлопотал себе перевод в Донской Имп. Александра III Кадетский Корпус в г. Горажде.

Таких, как я оказалась целая группа кадет, бывшего Рус. К. К. С другой стороны и из Крым. Кадет. Корпуса многие были переведены в Донской Корпус.

В составе последнего в 1929 году оказались кадеты всех трех зарубежных корпусов. Это обстоятельство не могло, конечно, не вызвать некоторые внутренние трения и 1929 год был довольно бурный, в смысле внутренних событий.

Однако время брало свое и через пару лет кадетская семья жила довольно дружно, несмотря на разницу традиций, обострявшую взаимоотношения в первый год совместного существования.

С местным населением наши отношения сложились несколько своеобразно: молодая удадь требовала себе выхода и, следуя «Хорошим старым традициям новгородской вольницы», время от времени происходили «битвы» между кадетами старших и средних классов, с одной стороны, и местной мусульманской молодежью, с другой. Но, когда стало известно в 1933 году, что корпус будет закрыт, жители г. Горажда собрали делегацию, которая в Белграде в разных правительственных учреждениях пыталась отстоять корпус.

К сожалению, это им не удалось, и этот год оказался последним годом самостоятельного существования нашего Дон. Корпуса.

Насколько мне помнится, в конце учебного года, т.е. в июне месяце, когда кадеты разъезжались по домам на летние каникулы, нам было сообщено: в сентябре являться в Белую Церковь под начальство ген.-лейт. Б.В. Адамовича, директора Русского Кад. Корпуса.

Ген. Адамович имел уже опыт с соединением корпусов; ему были известны трения, неприятности и беспорядки, вызванные сведением кадет разных Корпусов с различными традициями в одно и поэтому, не дожидаясь возникновения беспорядков он решил теперь предупредить их возникновения. С целью влияния на кадетские массы и для достижения своих целей ген. Адамович доводил до сведения каждого донца, вызывая для этого к себе в кабинет, что, принимая во внимание условия, в которых жили и воспитывались донцы в Горажде, радикально отличавшиеся от того, что он хочет видеть в своем Корпусе, на прошлом ставится крест, но отныне «Донских Вольностей» он не потерпит, и наказания будут суровыми.

Эта угроза имела свой неоспоримый вес, т.к. все понимали, что К. К. К. — последний

русский кадетский Корпус за рубежом и, если из него исключат, то продолжать образование возможно лишь в гимназии (русской или сербской) и, конечно, для всякого кадета, гимназия — это хуже касторки.

После такой нотации, имевшей все психологические свойства холодного душа, новичку давались устные инструкции на тему: что от него требуется и что ему не разрешается, после чего «аудиенция» заканчивалась величественным жестом, отпускаящим вновь-прибывшего на все четыре стороны.

Ген. Адамович был человек доминирующего характера и никаких «правил», кроме им установленных, он в Корпус не допускал, поэтому «Звериады» всех Корпусов, входивших в состав его Корпуса, в здании Корпуса не допускались, а находились в соответственных кадетских объединениях в г. Белграде.

Внешне, в своем отношении к «донцам» ген. Адамович держался начальственно (правда, и к своим тоже), строго и, я бы сказал, отчужденно, как бы желая подчеркнуть что: «Ты, голубчик, не моего стада, но я к тебе буду справедлив и если увижу, что ты личность подходящая, приму тебя в свое стадо». Коротко говоря, вновь прибывшие должны были, психологически, выдержать какой-то экзамен на право быть принятыми в «общество».

Не трудно себе представить и понять, что кадеты старших классов Донского Корпуса представляли в большом числе оппозицию новому начальству, в то время, как маленькие, будучи еще детьми, перенесли это менее болезненно. Среди старших кадет находились также и кадеты бывшего Крымского Кадетского Корпуса, т. ч. монолитности в рядах «оппозиции» не было; это обстоятельство тоже помогло ген. Адамовичу предупредить и избежать возникновение беспорядков. К особенно неподатливым кадетам применялись также и особые методы, вплоть до исключения из Корпуса.

Критический период при слиянии двух Корпусов продолжался года два — пока кадеты старших классов не окончили Корпус.

Донской Кадетский Корпус был единственным из 31-го русских кадетских корпусов, выехавший и существовавший за границей вплоть до своего расформирования; остальные зарубежные Корпуса являлись сводными образованиями за рубежом и в России, как таковые, не существовали.

Можно считать, что в 1939 г. история Донского Корпуса была закончена, т.к. последние «донцы» закончили свое среднее образование. В составе кадет, покинувших Югославию, Славного Донского Императора Александра III Кадет. Корпуса уже не было.

В. Случевский — В. ун. оф. 15-вып. Вл. Кн. Кон, Кон. К. К.
и кад Дон. К. К. (46-вып. 1934/35 гг.)

ЧАСТЬ V

ПРЕДИСЛОВИЕ К КОРПУСНЫМ СПИСКАМ

В 1970 году Объединение Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Городе Нью-Йорке издало книгу-памятку: «Кадетские Корпуса за Рубежом».

В трех отделах этой книги даны сведения о жизни в Югославии русских кадетских корпусов: Крымского, Донского Императора Александра III и Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича.

Тщательно отредактированная и прекрасно изданная памятка, все-таки, не свободна от некоторых пробелов. Они особенно заметны в отделе, посвященном Донскому Кадетскому Корпусу.

Так, очень мало сказано о жизни кадет донцов в городе Горажде; совершенно не отмечены обстоятельства закрытия Донского Корпуса в 1933 году и перевод оставшихся в нем кадет в Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кад. корпус; наконец, полностью отсутствуют списки кадет, окончивших Донской Кадетский Корпус.

Так как редакционная комиссия, издавшая «Памятку», только систематизировала и редактировала, посылаемые ей кадетами разных корпусов и выпусков, сведения о каждом из корпусов в Зарубежье, то винить во всех перечисленных пропусках можно только нас самих — кадет Донцов.

За долгие годы, прошедшие с дней нашего окончания Родного Корпуса, мы не только не издали памятки о нем, но и не дали редакционной комиссии всех нужных данных о нашей жизни в стенах Корпуса.

Возникший в силу этого пропуск — велик: по приблизительному подсчету только в Югославии Донской корпус окончило около 550 кадет. Многие из них уже ушли из жизни.

Имена других с каждым годом все больше и больше забываются. Уходят в небытие...

Мы — кадеты Донцы — гордимся нашим девизом: «Верны заветам старины». А что мы сделали, чтобы сохранить хотя бы частицу прошлого: память о Родном Корпусе и о наших былых однокашниках?

Откровенно говоря, сделано нами недопустимо мало. Каждый из нас успешно занят своими делами и заботами: работой, откладыванием денег, покупкой или постройкой домов, приобретением автомобилей. Вот, только для общего дела у нас, зачастую, ни времени, ни сил не хватает.

Бесспорно: после десятков прошедших лет, восстанавливать по памяти список даже своих одноклассников — нелегко, а составлять списки малознакомых (особенно — младших) выпусков и вовсе невозможно.

Поэтому, когда мой брат — Михаил Сарин — предложил мне взяться за воссоздание списков окончивших Донской Корпус кадет, то мне такая задача показалась слишком большой и фантастической для осуществления и ее исполнения, и то только двумя людьми.

К счастью, вскоре выяснилось, что пропуски в описании Донского Корпуса были замечены не только одними нами. В своем письме моему брату, наш однокашник — Игорь Квятковский с горечью писал: «Неужели нет больше старших Донцов, которые могли бы поддержать имя Донского Корпуса?»

Были и другие аналогичные письма. Ободренные такой моральной поддержкой, мы принялись за работу. Брат вспомнил состав 35-го и 36-го выпусков, А я — 37-го и 38-го, конечно, это все было составлено начерно. Большой вклад в общее дело сделал И. Квятковский, т.к. он сам был 44-го выпуска, то ему были обстоятельно знакомы последние три выпуска, а именно: 42-ой, 43-ий и 44-ый. Много нужных сведений дал — Миша Егоров...

Так как мой брат часто хворал и много времени лежал в госпиталях, то мне пришлось заменять его в руководстве нашими делами.

Составление списков оказалось очень тяжёлым делом. Списки составлялись по памяти, при помощи единственного пособия — групповых сохранившихся, кадетских

фотографий. Очень часто такие снимки были потемневшими или попорченными. Распознать изображенных на них кадет можно было, лишь, с помощью увеличительного стекла, да и то это удавалось участникам изображенного выпуска. Таким образом, получалось нечто подобное решению сложной крестословицы, или запутанной шарады. Занятие, как известно, увлекающее многих!

Постепенно число участников «расшифровок» старых групповых фотографий росло. В него включались кадеты Донцы из разных мест: из Австралии — Вова Шевченко прислал список своего 41-го выпуска; из Канады — Николай Басов поддерживал оживленную «списочную» переписку; успешно решил «ребус» 39-го выпуска Леонид Иванов, а 40-го — Игорь Донцов.

Главный составитель списков воспитательского и преподавательского персонала Алексей Берендс и, наконец, с Западного Побережья США откликнулись: В. Данилов, М. Залесский, Н. Воробьев и А. Амочаев. «Запад» пришел на «Восток».

Общими усилиями, несмотря на все трудности, удалось восстановить списочный состав не только окончивших корпус в Югославии донских кадет, но и отметить всех окончивших позднее высш. учебные заведения.

Теперь мы «на коне». Мне хочется горячо поблагодарить всех принимавших посильное участие в общем деле, за их нужную помощь и отклик, давший нам моральную поддержку и уверенность в ценности нашего начинания.

Можно надеяться, что недалек тот день, когда выйдет в свет книга Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса, охватывающая всё его полувековое существование, с года его основания 1883 и вплоть до его закрытия — 1933 г.

Дмитрий Сарин

Октябрь 7. 1972 г.

Гор. Нью-Йорк

СПИСОК ДИРЕКТОРОВ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСА (1883 по 1933 г.)

1. Полковник ЛЕВАЧЕВ ИЛЛАРИОН МИХАЙЛОВИЧ: был назначен первым директором с (30-го августа 1883 г. по 16 мая 1891 г.) с 1885 г. ген. майор.

2. Ген. лейтенант АНЧУТИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ: второй директор с мая 16, 1891 г. по 1903 г. Позже ген. лейт. Анчутин был назначен помощником Главного Начальника Военно-Учебных Заведений при Великом Князе Константине Константиновиче.

3. Полковник ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ: с 1914 г. Ген. Лейтенант. Третий директор с 1903 г. по март 1917 г. Вышел в отставку. — Умер на острове Лемносе.

4. Полковник СЕМЕРНИКОВ ТИМОФЕЙ АБРАМОВИЧ: кончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. С марта 1917 г. по 27 ноября 1918 год.

5. Ген. Лейт. ЧЕБОТАРЕВ ПОРФИРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ: с 27 ноября 1918 г. по январь 1920 г. (Умер от тифа в Новороссийске в Январе 1920 г.).

6. Ген. Лейт. ЧЕРЯЧУКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ: с 22 февраля 1920 г. по август 1922 г. Последний директор — Донского корп. умер в Париже.

7. Ген. майор РЫКОВСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ: был назначен Донским Атаманом ген. А. П. Богаевским, вновь образовавшегося в Крыму Донского Корпуса (с февраля 1920 г. и был по фев. 1921 г.) Новый директор был назначен 3 декабря 1920 г. (Умер в гор. Мариборе, Югославия).

8. Ген. майор БАБКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ: с 3 декабря 1920 г. по 18 мая 1922 г. Отозван по болезни Державной Комиссией — в данное время живет в Монреале — Канада (1973 г.).

9. Ген. майор ПЕРРЕТ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ: с 18-го мая 1922 года и до

закрытия Донского Кадетского Корпуса в августе 1933 г.

ПОЛКОВНИК ИЛЛАРИОН МИХАЙЛОВИЧ ЛЕВАЧЕВ

Первый директор Донского Корпуса.

Сведения о нем даны в 1-ой части в статье: ОТКРЫТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

ОТДЕЛЬНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О ГЕН. ЛАЗАРЕВЕ-СТАНИЩЕВЕ, ПОЛКОВНИКЕ СЕМЕРНИКОВЕ и ГЕН. РЫКОВСКОМ к сожалению у нас нет. В различных воспоминаниях кадет обо всех этих лицах имеются много данных.

ГЕН. ЛЕЙТ. К.Н. АНЧУТИН

Ген. лейт. Константин Николаевич Анчутин родился 27-го апреля 1840-го года. Происходил из дворян С.-Петербургской губернии. На военную службу поступил в 1858 г. унтер-офицером из упраздненного теперь уже Павловского кадетского корпуса. В этом же году зачислен прапорщиком в Л. Гв. Семеновский полк, отсюда поступил в Михайловскую Артиллерийскую Академию и кончает её по первому разряду.

Был преподавателем по артил. во 2-ом Кадетском Корпусе, перевелся в Павловское Военное училище, где читал артиллерию юнкерам.

Во время подготовки к войне с Турцией был назначен в 1876 г. в Бендеры, где много работал, приводя в порядок нашу артиллерию. В 1877 г. — помощник Начальника осадной артиллерии. За отличие в военных действиях против турок на Дунае, награжден золотым оружием с надписью «за храбрость» и орденом Св. Владимира 3-ей степени с мечами. Участвовал во всех боях под Плевной за что получил «Монаршее благоволение». После войны был инспектором Тифлисского и Полтавского кад. корп., затем директором Полоцкого, в 1891 г. назначен директором Дон. Имп. Александра III кад. корпуса.

Прослужив 12-лет и своими заботами о вверенном ему корп. снискал себе общее уважение и любовь. Его трудами посажен сад, окончено устройство лагеря и основан музей. За заботы ему поднесено звание почетного старика ст. Усть-Медведицкой. 4-го фев. 1903 г. произведен в ген. лейтенанты и назначен на ответственный пост помощника Главного Начальника военно-учебных заведений. Пробыл на этой должности до 1908 г., принимая деятельное участие в улучшении постановки военно-учебного дела. Последние три года состоял почетным опекуном и попечителем Императорского клиничко-повивального гинекологического института. Начиная со службы в кад. корп. и до конца удостоился многих наград. После ухода из корпуса посетил его два раза, восторженно приветствуемый кадетами. В последний раз мы его видели на торжестве освящения пожалованного корпусу знамени. Умер 30-го сент. 1911 года.

«Донец», номер 2-3, стр. 27, 12-ое ноября 1911 года.

Н. Богаевский и М. Губарев

ВЫПИСКА ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА

Ген.-лейт. П.Г. Чеботарёва

Нам удалось достать «Послужной Список», благодаря любезности Профессора Григория Порфировича Чеботарёва, сына генерала. Приведём главные этапы жизни его отца.

Порфирий Григорьевич, сын есаула Войска Донского, станицы Новочеркасской. Родился 2-го февр. 1873 года. Вероисповедания православного. Воспитание получил: в Донском Кадетском Корпусе (окончил в 1890 году — первый выпуск), в Михайловском Артиллерийском Училище (окончил первым в выпуске и записан золотыми буквами на мраморной доске) в 1892 году, портупей-юнкером. Произведён а хорунжие и выпущен в комплект Донских казачьих батарей, с прикомандированием к 6-ой Лейб-Гвард. Донской

Его ВЕЛИЧЕСТВА батарея, Гвард. конно-артилл. бригады — 1893 г. авг. 7-го. Высочайшим приказом переведён в гвард. конно-артилл. бригаду — 1894 г. авг. 6-го. По выдержании приёмного экзамена командирован в Мих. Артилл. Академию, которую и окончил с производством в подесаулы — 1898 г., мая 17-го. Назначен Временно командующим батареей — с авг. 16-го по сент. 13-ый. Произведён в есаулы — 1899 г., дек. 6-го. Периодически назначается врем. командующим батареей и... председателем офицерского бригадного суда (по выбору офицеров бригады). Командирован в переменный состав Офицерской Артилл. Школы, которую окончил «успешно». Командирован в распоряжение Его Императорского Высочества Вел. Князя Сергея Михайловича с июня 26-го 1904 г. — по 7-ое ноября.

Командирован в Офиц. Артилл. Школу на должность руководителя — февр. 14-го 1905 по окт. 17-ый. Назначен врем, исполняющим должность председат. бригадного офиц. суда, — 1906 г. марта 15-го по 25.

Назначен командующим 6-ой Л.-гв. Донской Его Величества батареи — 1906 сент. 26 — по дек. 6-ой. Высочайшим приказом произведён в ПОЛКОВНИКИ 1906 г. 6-го дек., с утверждением в должности командира батареи. Назначен командиром 3-го Дон. каз. артилл. дивизиона — 1910 г. марта 1-го. Назначен штаб-офицером заведующим обучающимися офицерами Офиц. Артилл. Школы дек. 18-го 1910 г. Назначен врем, исполн. должность помощника Начальн. Школы. Назначен членом комиссии для обсуждения вопросов, связанных с применением аэропланов для стрельбы артиллерии и выработки программы. Назначен Старшим руководителем Офиц. Артилл. Школы и времен, исполн. должн. председателя хозяйствен. комитета Сергиевского Полигона школы — 1913 г. с 15 нояб. ВЫСОЧАЙШИМ приказом назначен штаб-офицером для поручений при Генерал Инспекторе Артиллерии (Вел. Кн. Сергее Михайловиче) янв. 7-го 1913 г. по июль 25, когда был назначен командующим 58-ой артилл. бригадой. Времен. исполн. должность Инспектора Артилл. ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО корпуса. Времен, команд. 58-ой пех. дивизией. За боевые отличия произведен в генерал-майоры 18-го апр. 1915-го года.

В составе гарнизона крепости Новогеоргиевск взят в плен германцами.

Возвратился из плена в г. Киев и был прикомандирован к составу Посольства Всевеликого Войска Донского, — июня 26-го. Председателем Технического артилл. комитета Сев. В. Донского — июля 25-го 1918 г. Командирован Донским Атаманом на фронт, с окт. 15-го по ноябрь 7-ой. За умелое руководство и управление артилл. группами в боях Восточного Дон. фронта произведён в ген.-лейтенанты — 1918 г. нояб. 17-го.

Приказом Сев. Войска Донского от 27-го нояб. 1918 г. за № 1631 назначен Директором Донского Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпуса.

Порфирий Григорьевич был женат на дочери действит. статского Советника Валентине Ивановне Дубягской. Имел детей: сына Григория, рожд. 15-го февраля 1899 г. и дочь Валентину, рожд. 22-го дек. 1908 года. Жена и дети вероисповедания православного.

Не будем перечислять все его награды мирного времени и полученные в неоднократных боях. Скажем коротко, что имел он не только русские, но и иностранные ордена высших степеней. Имел и платные заграничные командировки-отпуска.

Инициативная группа просит профессора Григория Порфировича Чеботарёва принять нашу искреннюю благодарность за предоставленный нам «Послужной Список», благодаря чему кадеты Донского корпуса могли узнать точное прохождение службы его отца, любимого кадетами директора корпуса.

ГЕН.-ШТ. ГЕН. ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕРЯЧУКИН

Александр Васильевич рождён в 1873 г., Станицы Богоявленской Области Войска Донского, вероисповедания православного, женат.

Полученное образование: Донской Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпус (1-го выпуска 1890 года). Михайловское Артиллерийское Училище и Николаевская Академия Ген. штаба, по первому разряду.

Награды: все боевые награды вплоть до Георгиевского оружия (включительно), а также Георгиевский крест 4 ст.

По окончании Воен. Училища вышел хорунжим в Лейб-Гв. 6-ую донскую Его Величества батарею.

По окончании Академии генерального штаба начал нести ответственную службу в частях Российской Императорской армии.

Во время первой революции 1905-года в чине полковника был начальником штаба Кронштадтской крепости.

На первую мировую войну выступил командиром 11-го дон. каз. кон. полка, с которым проделал тяжёлый поход в Галицию и с которым имел славные дела, вписанные им в историю этого доблестного полка. В начале 1915-го года командовал 2-ой Заамурской конной бригадой, в отряде ген. П.Н. Краснова.

29-го мая 1915 г. под станцией Дживичь (подле Залещиков) блестящей конной атакой останавливает наступление австрийской пехоты, берёт много пленных и выручает 2-ой Кавалерийский корпус из весьма тяжёлого положения.

Вскоре получает назначение быть начальником штаба 4-го Кавалерийского корпуса. На этой должности остаётся до революции 1917 года.

После революции назначается начальником 2-ой Сводноказачей дивизии, с которой и прибыл на Дон (16 и 17-ый дон. полки, Кубанский и Терский).

На Дону ген. Черячукин работает вместе с Атаманом П.Н. Красновым. Получает командировку в гор. Киев (на Украину) в качестве Атамана Зимовой станицы (посольство). Благодаря своему прямому и честному характеру ген. Черячукин достиг полного соглашения между Доном и Украиной (гетманом Скоропадским) и очень много помогал Добровольческой армии, отправляя офицеров на Дон, а затем и на Кубань, пополнением в Добровольческую армию.

По смерти директора Дон. Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корп. ген. лейт. П.Г. ЧЕБОТАРЕВА — Донской Атаман Ген. лейт. А.П. Богаевский назначил ген. Черячукина директором Донского кадет, корпуса. Вместе с корпусом ген. Черячукин выехал за границу, а затем и в Египет. Пребывание кад. корпуса описано отдельно — подробно.

Все эти сведения получены нами благодаря любезности Бориса Африкановича Богаевского.

ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ГЕН. МАЙОР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БАБКИН

А.И. Бабкин родился 10-го июня 1882 года в станице Мигулинской Области Войска Донского. В 1893-ем году 18-го августа был определен в Донской Императора Александра III Кадетский Корпус, который и закончил вице-уряд. в мае 1900 г., т.е. 11-ый выпуск. По окончании корпуса поступил в Михайловское Артиллерийское училище, и по Высочайшему приказу 10-го августа 1903 года, из портупей юнкеров производится в хорунжие и выпущен в 6-ую Лейб-Гвардии Донскую казачью Его Величества батарею, Гвардейской конно-артиллерийской бригады. Высшее военное образование получил в Императорской Николаевской Академии Генерального Штаба, которую оканчивает по 1-му разряду в апреле 1909 г.

По выходе из Академии Генерального Штаба служил при штабах разных округов. Участвовал в Великой войне против Германии и Австрии с 28-1914 по 128-1917 год. После революции служил в Штабе Донского Войска.

В 1920 году 3-го декабря приказом № 3 по Войску Донскому назначается, директором 2-го Донского кадетского корпуса. В должности директора корпуса ген. Бабкин пробыл до 18-го мая 1922 года и был отозван по болезни Державной Комиссией.

В течение своей службы ген. Бабкин был награжден орденами: Св. Станислава 3-ей степени, Св. Владимиром 4-ой степени с мечами и бантом, Св. Анной 3-ей степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-ой степени с мечами и бантом и Георгиевским Оружием.

ПОСЛЕДНИЙ ДИРЕКТОР ДОНСКОГО КОРПУСА

Ген.-майор Евгений Васильевич Перрет родился 17-го июля 1876 года. Происходил из потомственных дворян Полтавской губернии. Образование получил в 1-ом Московском кадетском корпусе, после которого окончил Михайловское Артиллерийское Училище и Михайловскую Артил. Академию по первому разряду. По окончании училища вышел в 1-ую Гренадерскую Артил. бригаду, с производством в подпоручики. В 1898 году переведен в 1-ую Лейб-Гвардии Артил. бригаду. В чин полковника произведен в 1910 году. В 1911 году назначен командиром 2-ой батареи Л.-Гв. Артил. бригады. В 1916 году назначен командиром 4-ой Финляндской Артил. бригады с производством в ген.-майоры.

Был награжден: Орденом Св. Георгия 4-ой ст., Св. Владимира 3-ей ст. с мечами и 4-ой с мечами и бантом, а также всеми другими орденами низших степеней.

Последний директор Донского корпуса с 1922 по 1933 год. Умер за несколько лет до Второй Мировой войны в Белграде, Югославия.

ДОНСКОЙ АТАМАН ГЕН.-ЛЕЙТ. БОГАЕВСКИЙ

Африкан Петрович, в своей жизни был одним из выдающихся кадет Донского Корпуса. Чтобы описать его жизнь, всю его деятельность и те добрые дела, которые он совершил, в особенно тяжёлых условиях заграничной жизни, надо писать отдельную книгу. Мы же ограничимся только нужными нам, весьма короткими данными.

Он был рождён в 1872-ом году. Донской корпус окончил в первом выпуске — 1890 году. Через два года окончил Николаевское Кавалерийское Училище старшим портупей-юнкером, первым в выпуске, и записан золотыми буквами на мраморной доске. Произведённый в хорунжие, вышел в Лейб-Гвардии Атаманский полк. Глубоко верующий человек. Был женат. Имел детей.

В 1897 году поступил в Академию Генерального Штаба, которую прекрасно окончил в 1900-ом году. Всю свою службу по Ген. Штабу проходил в Штабах Войск Гвардии Петербургского Воен. Округа. Перед Первой Великой войной, пять лет занимал должность Нач. Штаба 2-ой Гвард. Кавалер, бригады. В начале войны был назначен командиром 4-го Мариупольского гусарского полка, а затем принял Л.-Гвард. Сводно-Казачий полк, которым командовал до 1916 года, когда был назначен на должность Нач. штаба Походного Атамана Всех Казачьих войск. Был зачислен в Свиту Его Величества.

После февральской революции командовал Забайкальской Казачьей дивизией, а в конце 1917 года принял 1-ую Гвардейскую Кавалерийскую дивизию, которую оставил в г. Киеве, чтобы ехать на Дон. (Это было уже после октябрьской революции, когда «товарищи-красногвардейцы» вели наступление на Донскую Область.)

Свою службу «Белому Делу» начал 5-го января 1918 года, вступив в командование Войсками Ростовского района. («Белая Россия». Ген.-лейт. С.В. Денисов — бывший Командующий Донскими Армиями... тоже наш кадет первых выпусков. М. Б.)

С уходом Добровольческой армии из Ростова вместе с нею ушел и Африкан Петрович. Первый Кубанский поход он совершил, сначала командуя Партизанским полком, состоящим исключительно из донцов. (В полку было много кадет Донского корпуса.)

После соединения (17-го марта) Добрармии с Правительственным Кубанским Отрядом, ген. Богаевский принял 2-ую бригаду Добрармии. В её состав входил и Партизанский полк. Постоянное нахождение в бою, под действительным ружейным огнём показало, что Африкан Петрович обладал исключительной храбростью и боевыми качествами отличного начальника. Под его командованием Партизанский полк всегда выполнял все боевые задания, как бы тяжелы они не были. После ген. Богаевского, в командование партизанами вступил ген. Казанович. Писать о доблести партизанского полка — не будем, приведём о нём только мнение Командующего Добрармией ген. А. И. Деникина. В его книге «Очерки русской смуты» — том 2-ой, стр. 287 напечатано: «28-го

марта (1918) Богаевский двинулся на Екатеринодар. Партизанскому полку было приказано атаковать западную окраину города. Корниловцам — Черноморский вокзал (севернее города). Корниловцы, не получив почему-то своевременно приказ, задержались, и Казанович — этот несравненный таран для лобовых ударов — атаковал ферму и прилегающие к ней хутора один и после горячего боя взял их».

По возвращению из похода в дни власти на Дону Атамана Краснова, ген. Богаевский был назначен Председателем Дон. правительства и Управляющим Отделом Иностранных Дел (т.е. Военным Министром). С отказом ген. Краснова от Атаманства, ген. Богаевский Войсковым Кругом был избран на пост Донского Атамана (3-го фев. 1919 года).

С отступлением Дон. воинских частей (вместе с Добрармией) Африкан Петрович оставил Новочеркасск, а затем и Крым, выехав вместе с войсками и Дон. Правительством за границу во Францию. (Первое время задержался в Константинополе). До своей смерти (октябрь 1934 г.) ген. Богаевский продолжал состоять Донским Атаманом. Он имел много русских и иностранных наград Мирного времени и в войну за боевые отличия: В их числе «Георгиевский крест» и Георгиевское Оружие (наз. еще и Золотым оружием) Ген. шт. ген.-лейт. А.П. Богаевский был последним выборным на Дону Атаманом.

Он любил казаков, сильно заботился о своем Дон. Войске, не забывая о других Казачьих войсках. Он пользовался большим уважением не только среди казаков (всех войск), но и всеобщим — со стороны русских людей и политических деятелей рус. эмиграции. Благодаря его заботам и ходатайству — Женский Мариинский Институт и Донской Кадетский Корпус, как и все другие русские учебные заведения, находившиеся в Югославии, стали получать денежную помощь от Правительства Югославии, под контролем Державной Комиссии. Атаман Богаевский приложил большие заботы и усилия в хлопотах получить разрешение на перевозку из Египта всего «Дон. Императора Александра III кад. корпуса», но Англичане использовали его для продолжения образования детей в Английской Школе для русских мальчиков. Хлопоты генерала Богаевского не пропали даром. В это время шли переговоры о перевозке из Шанхая кадет Омского и Хабаровского кад. корпусов, и хлопоты ген. Богаевского способствовали перевозке этих корпусов в Югославию.

Ген. А. П. Богаевский скончался 21-го октября 1934 года в тот день, когда казаки во Франции (в Париже) должны были праздновать день Св. Покрова. В соборе начался молебен и во время него было получено сообщение о смерти Атамана (умер он в 7 часов утра). Дьякон начал было провозглашать «многолетие» Атаманам, казакам и т.д. но тут богослужение было, как бы прервано, произошло какое-то замешательство и вместо «многолетия» дьякон провозгласил «Вечную память»... «Иной раз думается», — писал мне сын покойного Атамана, Борис Африканович — «не есть ли в этом какая-то мистика: Последний настоящий ДОНСКОЙ АТАМАН, выбранный еще на родной земле, ушел в лучший мир а день Св. Покрова».

Донские казаки не забывают своего любимого Атамана, ежегодно чтят его память, устраивая панихиды в день его смерти. После панихиды бывают и доклады о его жизни и плодотворной деятельности. Царство Небесное Воину Африкану!

Максим Бугураев

ГЕН.-ШТ. ГЕН. МАЙОР А.М. НАЗАРОВ

Пословица говорит: «Большому кораблю — большое плавание»...

Во имя исторической правды, я обязан осветить громаднейшую силу воли Анатолия Михайловича Назарова и его жизнь. Потому что я остался единственным человеком, которой вместе с ним находился на гауптвахте перед его расстрелом. Там были Борис Николаевич Упорников (выпуска из корпуса — 1913 г.) и Фёдор Дмитриевич Черевков — вып. 1911 г. Оба уже умерли.

Ген. Назаров обладал величайшим мужеством и несломимым духом любви к ближнему. Выполняя свой долг Донского Атамана, он сознательно отдал свою жизнь и этим спас жизнь многих казаков и офицеров, главным образом своих донских.

Донской Атаман ген. лейт. А.М. Назаров

Для приведения данных его жизни, я воспользуюсь имеющимся у меня книгами. В книге второй «Донская Летопись» наш бывший кадет — ген.-шт. ген.-майор И. Быкадоров писал: «Уже с малых лет Анатолию Назарову Господом Богом было предрешиено повелевать»...

Родился Назаров в 1876 г. и семье донского учителя. Поступил в Донской корпус будучи десяти лет. Свои каникулы он проводил в станице Константиновской. Рыбная ловля, охота, дальние прогулки, различные экскурсии закалили его физически, вырабатывая в нём выносливость, энергию, неустрашимость и решительность.

Однажды во время экскурсии на баркасе с его братом и другими кадетами (3-го и 4-го классов) во время разлива р. Дон, они заплыли далеко в займище. Вечерело. Неожиданно поднялась буря. Разразилась гроза. Малыши кадеты испугались... Плач подняли.

А кадеты старших классов растерялись... Маленький Назаров не был старше всех, но он объявил себя «капитаном утлого судёнышка». Потребовал выполнения его приказа и... спас всех. На следующее утро — баркас с промокшими, продрогшими, но... счастливыми (своим спасением) кадетами, рыбаки нашли баркас в займище — на косе, далеко от станицы.

По окончании корпуса (1893) и Михайлов. Артил. Училища (1896) был выпущен хорунжим в 1-ую Донскую каз. батарею. Прослужив три года, он прекрасно выдержал экзамен в Академию Ген. Штаба и блестяще окончил её курс.

Продолжал служить на различных должностях ген. штаба, зарекомендовав себя отличным офицером. В Русско-Японской войне участвовал в чине штабс-капитана в штабе 8-го КОРПУСА.

Ко времени Первой Мировой войны Назаров уже был в чине полковника. С объявлением мобилизации получил в командование 20-тый Дон. каз. полк — второй очереди.

Ген. И. Быкадоров писал: «Коренастый, среднего роста, с порывистыми движениями (в физическом отношении идеал кавалериста-спортсмена). Обладал властным тембром густого грудного, низкого голоса. Избытком энергии и всем своим видом обращал на себя внимание людей, встречавшихся с ним.

Особенное впечатление на каждого человека производил быстрый, пронзительный взгляд его глаз... Они магнетизировали и подчиняли себе волю всякого человека, говорившего с ним.

Речь его была ясна, коротка, хорошо построена: убедительна своими обоснованными фактами, всегда сопровождаемая точными данными. Строгий к себе самому, он от своих подчинённых требовал точного исполнения службы, в пределах полной справедливости, а не начальника «самодура», что все подчинённые очень ценили. Офицеры и казаки верили в него... Его престиж для других офицеров был недостижим. В его полку никаких

хозяйственных злоупотреблений не было.

Самообладание в бою у него было исключительное. Он сразу умел разбираться в самой сложной обстановке боя и всегда, безошибочно, принимал точное и нужное решение с сознанием всей ответственности и отсутствием боязни. Настойчивость и энергия в проведении принятого им решения, гибкость мысли, при учёте обстановки, широкая инициатива — были отличительными качествами А. Назарова.

В скором времени после вступления его полка в бой — он ничем не отличался от полков действительной службы. Во второй половине сентября 1914 г. все уже говорили о боевых качествах 20-го дон. каз. полка и его командире. Полк Назарова получал самые ответственные задачи, всегда их выполняя. Вскоре за ним укрепилась слава — отличного боевого начальника, как авангардного, так и авангардного. Храбрость, стойкость у него были исключительные. Никакие охваты, отходы, самое тяжёлое положение не действовали на его подчинённых, не вносили тревоги и опасения. Все знали и верили, что Назаров выведет их из самого тяжёлого положения. За бои в районе Н.-Сандец, Назаров был представлен к ордену Св. ГЕОРГИЯ-

За бои от Мещевского прорыва до р. Сан, полк. Назаров был представлен к производству в генерал-майоры и к ГЕОРГИЕВСКОМУ ОРУЖИЮ.

Полк участвовал в ликвидации Молодеченского прорыва германской конницей, когда Назаров был тяжело ранен осколком артил. снаряда.

В «Дон. Летописи» — книга вторая, стр. 214, читаем: «Назаров владел даром улавливания психологических моментов боя и постижением психологии всего боя. У него был дар понимания: он инстинктивно чувствовал и понимал психику подчинённых ему офицеров и казаков в бою.

За ряд боёв в составе конного корпуса в операции против Кракова полк. Назаров был вторично представлен к ордену Св. ГЕОРГИЯ. Но ему в наградах не везло. На представлениях НЕ БЫЛО ОТКАЗА, но Георгиевская Дума требовала свидетельских показаний, которые она не могла, своевременно, получить из-за частых переходов и смен места стоянок полка.

И. Быкадоров, встречаясь с ген. Назаровым, бывал у него в палатке и всегда видел на столе карточку всей семьи Назарова и икону благословение его матери.

Назаров интересовался и изучал психологию, имея при себе книги по этому отделу. Из книги «Белая Россия», написанной нашим бывшим кадетом — ген. шт. ген.-лейтенантом С.В. Денисовым узнаём: «полк вёл бои в районе дер. Тыдмарки, при выходе из Карпат у Дуклинского перевала и у Горлицы... В 1915 г. Генерал Назаров командует уже Отдельной Забайкальской Бригадой на Кавказском Фронте. К концу войны он Начальник Кавказской Кавалер. Дивизии, а затем и командир Кавказ. Корпуса, предназначавшегося для следования в Месопотамию на соединение с английскими войсками. Проездом к месту своей службы, ген. Назаров оказался в гор. Новочеркасске. Он никогда не порывал с Доном и всегда, во время своей службы, интересовался тем, что происходит на Дону.

Он представился Атаману Каледину и, узнав о тяжёлой военно-политической обстановке на Дону, безоговорочно, согласился остаться и помогать Атаману в его борьбе с наступающими войсками большевиков. Сначала он находится в Усть-Медведицком Округе. Вскоре переводится в Таганрогский, на самое опасное направление.

Ген. Назаров при взятии Ростова (3-го дек.) со своей группой (900 бойцов и два орудия) занимал позицию на Темернике (пригород Ростова), в привокзальной части. Своей точной стрельбой из орудий по казармам четырёх солдатских полков, группа решила участь Ростова. При уходе из Ростова военных судов «красных» — «Колхида», недалеко от Ростова, села на мель. Всех пленных (ген. Потоцкого, градоначальника В. Зеелера и др. — 30-ть человек) перевели на тральщик «Фёдор Феофани», который тоже сел на мель, против стан. Гниловской. Было перехвачено радио о помощи «красным».

Ген. Назаров огнем своих батарей освободил всех этих пленных.

Вскоре большевики повели наступление с северо-запада на Ростов, а с юга на Батайск, частями 39-ой пехотн. дивизии. С севера наступали на г. Новочеркасск. Создалось такое положение, что никакие таланты помочь не могли» (стр. 80).

Казачьи полки и батареи, возвращаясь с фронта отказались помогать Атаману в его борьбе с наступающими «красными». Атаману Каледину пришлось разрешить формирование «партизанских отрядов». Но «Сила солому ломит», — говорит пословица.

Ростовское направление защищалось отрядами «добровольцев» ген. Л.Г. Корнилова. Это части Добровольческой Армии, начавшей формирование на Дону с согласия и разрешения Донского Атамана, Персиановское (северное) направление защищали небольшие отряды партизан и часть «добровольцев». На Ростовском направлении были и донские партизаны. В конце января 1918 года 10-тый и 27-ой дон. каз. полки перешли на сторону «красных». В бою у станции Глубокая (сев. ст. Каменской) был вместе с группой партизан, взят казаками в плен — лихой есаул Василий Михайлович Чернецов. Его попытка освободиться и бежать — была неудачна: он был зарублен. Атаман Каледин отдал строгий приказ: партизанам в бой с казаками не вступать. Но «казаки-фронтовики» сами напали на партизан. Не будем задерживаться на описании дальнейших подробностей вооружённой борьбы. Скажем коротко — чтобы спасти своих добровольцев ген. Корнилов должен был оставить Ростов и идти в Донские степи или на Кубань. Он предупредил об этом уходе ген. Каледина и просил ему вернуть «добровольцев» с персиановского направления. Атаман Каледин, собрав Донское Правительство осветил безвыходность создавшегося положения — сложил свои полномочия, предложив тоже сделать и Правительству, передав власть Городскому Управлению. Этот вопрос должен был решиться после обеда. Атаман Каледин «выстрелом в сердце покончил жизнь».

В «Очерки русской смуты» ген. А.И. Деникин писал: «Калединский выстрел произвёл потрясающее впечатление на всех. Явилась надежда, что Дон опомнится после такой искупительной жертвы. Из Новочеркасска поступали к нам сведения, что на Дону объявлен "сполох", подъём растёт, собравшийся Круг избрал Атаманом генерала Назарова и призвал на службу и к оружию всех казаков от 17-ти до 55-ти лет.» (книга 2-ая стр. 220).

«В Парамоновском доме (штаб ген. Корнилова. М.Б.) настроение вновь поднялось. Приходящие к нам постоянно ростовские и пришлые общественные деятели, в том числе Милюков, Струве, кн. Трубецкой Гр., забыв вопросы широкой политики, сосредоточили своё внимание, исключительно на Донском фронте, живя его судьбою... Точка зрения этих лиц и градоначальника Ростова к. д. Зеелера, телеграмма ген. Назарова и надежда на «сполох» изменили планы Корнилова.» (220 стр.). Ген. Назаров просил Корнилова остаться на Дону, обещая ему помощь казаками: на первое время в количестве ДВУХ ТЫСЯЧ человек.

Что же происходило в это время в Новочеркасске и на Дону?

После смерти Ген. Каледина его место заступил Походный Атаман — ген. Л.М. Назаров. 4-го февраля он был избран Войсковым Кругом Донским Атаманом.

В томе Четвёртом «Белое Дело» — ген. А.А. Лампе напечатана прекрасная статья известного писателя Н. Белогорского. Это псевдоним ген. Н. Шинкаренко. Он описал подробно события на Дону: смерть Каледина, избрание Атаманом ген. Назарова, которое мы и приведем.

ИЗБРАНИЕ АТАМАНА НАЗАРОВА

«Станичное правление. Тесная, плохо освещенная, насквозь продымленная табаком, зала правления Новочеркасской станицы.

Набилось в залу человек триста, может быть, пятьсот, всякого возраста и звания казаков; те, кому не хватило места, толпились на улице и на дворе.

В зале, на почетных местах у стола, уселись члены Круга, представители от других станиц Черкасского округа, просто известные лица в городе. Лета — все больше уже не призывные. Председательствовал полк. Бояринов. Было шумно и беспорядочно. Перебивчиво говорили: про войну, про спасение Дона. И каждый напирал на то, что надо

обязательно теперь же, без всяких проволочек, «поставить» нового Войскового Атамана.

Прошло, может быть, пол часа. И, вот толпа у дверей задвигалась, стараясь дать дорогу. В зале появился походный Атаман, ген. Назаров с полк. Сидориным, своим начальником штаба. Водворился некоторый порядок. Несколько коротких слов Назарова, и, вслед затем, Сидорин набросал общую картину положения на фронтах. Неважная картина, — но в ту минуту, она как-то не пугала; каждый представлял себе худшее. И опять Сидорин с Бояриновым заявили о необходимости, немедленно, избрать преемника кончившему жизнь Каледину.

По низенькой зале пошел гомон. Выкрикивали различные имена и, между ними, все чаще, все упорнее, повторялось имя Назарова. Потом стало чуточку спокойнее и тише, вопрос об избрании, именно его, встал в определённой форме, и сразу же собрание провозгласило Назарова Атаманом. Ген. Назаров отказался. «Напрасно думают», — говорил он, — «будто у него хватит энергии для атаманства в это трудное время; когда-то сила и энергия в нем были, а теперь ему, который сам ценит в людях силу, и тяжело, и грустно признаться в своей негодности, но он должен это сделать... Был конь, да изъездился», — закончил Назаров и предложил вместо себя Сидорина.

Напрасно, по залу точно ветер пошел от неотступных криков: «Генерала Назарова!» Кричали и умоляли долго, а он всё отказывался.

Я знаю, в России было так принято напускать на себя скромность на всех возможных выборах, но такое у меня осталось впечатление, от этого сумбурного вечера, что Назаров не хотел по настоящему, действительно силился оттолкнуть от себя избрание и свою мученическую судьбу. А мольбы становились все крепче. В голосах стариков дрожали слезы. Я думаю, что выдержать было трудно, и Назаров начал сдавать.

Он поставил всем собравшимся, а через них и всему Черкасскому округу, условия, на которых согласится взять атаманство. Полнота власти, без всяких ограничений — первое; и чтобы каждая станица Черкасского округа выставила, завтра же, свою определенной силы дружину — второе. Собрание обещало все: беспрекословное повиновение и дружины; и здесь же были названы некоторые цифры, причем одна только Новочеркасская станица поручилась за тысячу человек.

Тогда же ген. Назаров принял избрание в Войсковые Атаманы. Толпа расходилась. И, здесь же, вербовщики от партизан Семилетова записывали желающих, раздавали винтовки и вели в здание кадетского корпуса».

Ген. И. Быкадоров в «Дон. Летописи», кн. 2, стр. 220, писал: «Войсковой Круг и казаки не избрали Атамана, а, можно сказать, приказали ген. Назарову быть Атаманом, несмотря на его отказы. Всё уже шло к роковому, неизбежному концу. Я помню Назарова на этом Кругу и я не сомневался, что в последний момент он покончит с собой. Он дал слово Кругу, что не оставит его. Атаман Назаров часто сидел, опершись на руку, ладонью закрыв лоб, как будто решая мучительные вопросы, ища выхода из создавшегося безвыходного для него положения».

К сожалению, я не могу остановиться на всех подробностях дальнейших действий Атамана и скажу коротко: время уже было упущено. Слишком близко подошел враг. Персиановка в 13-ти верстах от Новочеркасска была уже занята... Обстановка сложилась так, что Атаман Назаров не мог помочь Добрармии живой силой. Он не смел задерживать больше и генерала Корнилова. Добровольческая армия оставила Ростов 9-го февраля 1918 г. (стиль старый).

Ростовское направление осталось открытым. Создалось такое положение, что и Донские партизаны и другие защитники Новочеркасска должны были готовиться к оставлению Новочеркасска.

В «Архиве Русской революции» И. Гессена, в томе 5-ом, стр. 150 — есть сведения, что ген. Лукомский (бывший представителем Добрармии при Дон. Атамане) в ночь с 11-го на 12-ое февраля говорил по телефону с Атаманом Назаровым. Лукомский писал: «Я закончил так: если Вы останетесь, то Вас растерзают. Я понимаю, что можно было бы на это пойти, если бы Вы этим что-нибудь спасали. А так гибнуть — совсем бесцельно. Но мои уговоры были напрасны... Ген. Назаров сказал, что если он погибнет, то погибнет так,

как завещал покойный Атаман Каледин, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать свой пост».

Мне здесь в Нью-Йорке пришлось разговаривать с полк. Н. Е. К., бывшим партизаном Семилетовского отряда, отходившим одним из последних от Персиановки. Он говорил мне, что был в конном офицерском разъезде, посланном с заводным конём в Новочеркасск для Атамана Назарова. Атаман категорически отказался ехать с ними, а начальнику кон. разъезда приказал — немедленно, присоединиться к своему отряду. В журнале «Родимый Край» № 50, стр. 27-ая, есаул Е.Е. Ковалёв писал: «За мостом на левом берегу р. Аксая до ДЕСЯТИ час. вечера стоял небольшой конный отряд, ожидавший Атамана Назарова. Это была первая полусотня отряда полк. Каргальского».

12-го февраля часов около ПЯТИ вечера Новочеркасск был занят «революционными» казаками полков: 10-ю и 27-ого и 12-ой дон. каз. батареи. Вскоре за ними в город вошли и «красногвардейские» части. Они немедленно начали расстрелы офицеров и партизан, которых им выдавали некоторые жители города.

Войсковой Круг вместе с Атаманом в это время (прихода казаков) вёл свое очередное заседание и ожидал возвращения офицера, посланного для переговоров с «революционными» казаками.

Ворвавшиеся казаки арестовали Атамана Назарова и других офицеров и отвели их на гауптвахту, поставив свой караул.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что жертвы Дона с 12-го февраля по 23-ье апреля, когда Новочеркасск был прочно занят восставшими казаками, были ГРОМАДНЫ и по числу и по своему значению, свыше 30-ти процентов кадрового состава офицеров Войска. Большой процент выпал на долю старшего командного состава. В одном Новочеркасске за первые две недели было расстреляно больше 600 человек,

Я был арестован у себя на квартире (около Краснокутской рощи). Утром рано 13-го февраля к нам пришли два солдата. Были они хорошо и аккуратно одеты в шинели. Имели винтовки с примкнутыми штыками. Одному из них понравилась моя гармошка и он попросил меня ему её подарить. «Возьмите» — сказал я ему. «Нет», — ответил он — «взять я не могу. Но Вы мне её дайте — подарите». Конечно, я гармошку отдал ему. Из дома они вышли раньше меня на несколько минут. Когда нашёл я, то увидел, что с ними стоял наш сосед-гимназист, лет 14-ти. При моём выходе, он сказал им: «Нет! Это офицер»... — и похвалил меня. Солдатам нужен был и мой брат — Анатолий, партизан Чернецовского отряда — юнкер Николаевского Кав. Училища. Я не знал, куда меня они ведут. Шли мы через весь город. Несколько раз нас останавливали одиночные солдаты и матросы. Они хотели расправиться со мной, но «мои солдаты» (скажем так) защищали меня. Особенно старался тот, который получил от меня гармошку. Может быть, она и спасла мне жизнь. Привели меня на станцию и когда там собралось около 70-80-ти человек, нас под сильным конвоем латышей вывели со станции и повели вверх по Крещенскому спуску к собору. Большая группа железнодорожников, главным образом баб, пытались нас отбить у латышей и угрожали нам смертью. Но латыши при помощи штыков никого им не дали. Привели нас на гауптвахту. Меня поместили в комнате № 11. Рядом, влево была комната № 10. В ней, как я после узнал, помещался Атаман Назаров и Новочеркасский Архиерей. Но его скоро выпустили. Напротив этих комнат, через узкий коридор была комната № 12. Из неё вышли мои приятели по корпусу: Федя Черевков, с которым я был в одном отделении и Борис Упорников, моложе меня — года на три, по корпусу. Комната № 10 освещения не имела. Коридор и наши комнаты имели по одной электрической лампочке и вверху, в боковой стене на восток (к собору) по узкому, маленькому окну. Не успели мы переговорить, как из своей комнаты вышел (в коридор) Назаров. Раньше я с ним не встречался... Мои друзья успели мне сказать, что и Назаров здесь... стали «смирно»... тоже сделал и я. Сейчас же коридор наполнился казаками караула и арестованными и... начался разговор Атамана со всеми, кто был здесь.

Мне необходимо сделать добавочные пояснения... Казаки этих полков (10 и 27) были моими сослуживцами. 10-ый полк входил в состав 1-ой Дон. Каз. дивизии, в которой числилась и 6-ая дон. каз. батарея в которой я служил после производства в офицеры по

окончании Мих. Артил. Училища. А 27-ой полк был в составе 5-ой Дон. каз. дивизии, в которой была и 12-ая батарея. В ней я служил во время войны. Когда 5-ая дивизия пришла на Дон, то наша батарея стояла на хуторе ЧЕБОТОВКА Луганской станицы. Там вскоре после Нового года, «как не отвечающие духу времени и враги народа» были арестованы три офицера. В их числе и я.

Отправили нас под конвоем, вооружённого урядника и одного казака в ст. Каменскую. Только к вечеру мы могли доехать до хут. Погорелов, примерно в 5-ти верстах от станицы. Здесь мы ночевали и узнали, что станица днем была занята партизанами «чернецовцами». Подпоив наших сопровождающих и заплатив им «катеринку» — сто рублей, нам удалось их уговорить отпустить нас. Конечно, нам сильно способствовало то, что станица была в руках «чернецовцев». Написав подложную бумажку о передаче нас по назначению, они отпустили нас. Так что в Новочеркасске я был арестован второй раз. Мой отец, ничего не говоря мне, ходил в батарею и просил казаков освободить меня, но они отказались, сказав ему, что они не будут хлопотать о моём освобождении, но и не скажут «товарищам», что я был арестован и ими.

Эта совместная моя служба (с казаками караула), давала мне неписаное казачье право на «запросто обращение» с ними. Каждый казак знает отлично, что это значит. Позже это сыграло громадную роль в спасении всех арестованных от расстрела «товарищами». Вот почему мне и пришлось сделать это пояснение.

Единственный вход на гауптвахту, с Платовского проспекта вёл в очень большую комнату, с тремя широкими и высокими окнами, в западной стене здания. Налево от входа были широкие деревянные нары, для казаков караула. Вдоль западной стены стояли козла для винтовок караула. Широкая дверь (рядом с этими козлами) вела наружу, в узкий, но длинный двор, огороженный высокой, сплошной, в два роста человека, кирпичной стеной. Эта ограда была с трёх сторон: южной, шедшей от тротуара города, западной и северной. Восточной стороной было здание гауптвахты.

В северо-восточном углу двора находилась крытая уборная, куда арестованные ходили сами, без наблюдающего и сопровождающего их казака караула. Из этой уборной можно было бежать, т.к. можно было вылезть наружу в город, через незакрытое отверстие в верхней части стены. С городской стороны часового не было. К тому же караульные начальники не знали числа арестованных: первое время они «табель арестованным» не вели.

При входе на гауптвахту с правой стороны (к собору) была маленькая узкая комнатка. До революции она служила для офицера, дежурного по караулам гарнизона. Имелось одно большое окно, на Платовский проспект. Небольшая электрическая лампочка, под потолком, служила ночью для освещения этой комнатки. Были в ней кровать, небольшой стол и табуретка.

После революции, когда «революц. казаки и красногвардейцы» заняли город, в этой комнатке помещался урядник, начальник казачьего караула, охраняющего арестованных. Следующая комната к северу была большая, с двумя зарешетченными окнами. Имелось электрическое освещение и кровати. Был большой, длинный стол и несколько табуреток. До революции эта комната служила для арестованных офицеров, которые отбывали здесь свой срок ареста. Входная дверь была, от пола до половины её высоты, деревянная, выше большое, широкое стекло. В этой комнате находились генералы и штаб-офицеры, расстрелянные вместе с ген. Назаровым. До их расстрела я часто заходил к ним. Генерал Усачёв был моим начальником дивизии, а также начдивом полка — 27-го и 12-ой батареи.

В разговоре со мной ген. Усачёв, неоднократно, высказывал мысль, что может быть его, и всех других офицеров, скоро выпустят. О возможности расстрела он никогда не вспоминал. (Усачёв был очень добрый...)

Кроме всех описанных мною комнат, через узкий коридор была ещё одна очень большая комната у северной (и восточной) стены. Она имела цементный пол, высокий потолок. Широкая стена (только она) смотрящая на восток, имела вверху два узких, очень маленьких оконца с железными решетками. До революции это был «подвал» для хранения дров и угля для печей караула. Освещением была одна небольшой силы электрическая

лампочка — под потолком. Самими арестованными, в этой комнате, один угол был выделен для женщин и двух девушек «пулемётчиц», как их обвиняли.

Арестованных в комнате было набито «как сельдей в бочке» — не меньше 200-250 человек.

Надо добавить и несколько слов о комнате № 10. В ней до революции отбывали свой «строгий арест» одиночки казаки (и солдаты). Здесь были только откидные, на цепях нары, которые с раннего утра пристёгивались к стене. Опускались только на ночь. При ген. Назарове эти нары всё время были опущены. В комнате был небольшой стол и табуретка. Освещения не было. Не было и окон. Иногда Атаман Назаров зажигал свечу, вставленную в бутылку. Начальство большевистское требовало, чтобы дверь всё время была замкнута. Но казаки держали дверь отомкнутой, только на ней, всё время, висел большой незамкнутый замок. Очевидно, на случай прихода контроля от большевиков.

Пока ген. Назаров был вместе с нами, я всегда наблюдал за ним, когда он в коридорчике разговаривал с казаками. Все арестованные ходили по гауптвахте свободно, кроме Атамана. Но стоило ему, днём или ночью, выйти в коридорчик, как тотчас же приходили казаки караула и начинались бесконечные разговоры. Казаков сильно интересовало будущее Дона. В то время, как все мы опасались говорить откровенно, боясь расстрела, ген. Назаров говорил обо всём безбоязненно. Он говорил, что знает, что «его расстреляют и... это будет скоро», с большой грустью говорил, но вообще он был как-то особенно спокоен. Многие из арестованных (почти все) приходили к нему. Они, в его спокойствии, как бы искали сил и помощи, чтобы выдержать все испытания. Искли утешения и совета. Офицерам он говорил, чтобы берегли документы, если кто имеет такие: чтобы их никому не давали и предъявили только тогда, когда их» будет судить «тройка-трибунала»... Казакам он говорил, что они сильно ошибаются, думая, что большевики не тронут «казачество»... Скоро начнутся репрессии... большевики с казаками жить вместе и дружно не могут. Скоро начнутся восстания, когда казаки увидят и почувствуют на себе силу и власть большевизма. Свободолюбивый народ казаков не может подчиниться власти большевизма. Скоро начнутся восстания... «вот тогда-то будут нужны Вам ваши офицеры... Берегите их»... Во всё время ареста ген. Назаров держал себя с большим достоинством, что чувствовалось не только арестованными, но и казаками караула. Всегда был необыкновенно выдержан, тих, внимателен и приветлив со всеми.

Часто, первое время, на гауптвахту приходили и «товарищи-большевики». Им, конечно, интересно было видеть человека, который, добровольно, остался на верную смерть.

В комнате № 10 освещения не было. Часто дверь в комнату была закрыта. Товарищи заглядывали в тёмную комнату через прорезанное небольшое оконце в двери.

Однажды пришёл и матрос и... начал ругаться... Атаман Назаров, немедленно, отдал властным голосом, приказание: «Позвать ко мне начальника караула»... Матрос моментально сбежал, в испуге, что казаки могут с ним разделаться по-своему.

Немедленно явился начальник караула — урядник и, как это ни странно, став смиренно и взяв под козырёк, отрапортовал, что по Вашему приказанию прибыл. Ген. Назаров начальническим и в повышенном тоне, приказал ему «убрать этого мерзавца». «Больше никого на гауптвахту не пускать» — закончил генерал. Приказание это было исполнено и больше «товарищей! на гауптвахту не пускали.

Арестованные офицеры со своей стороны вели тайную, но достаточно сильную, агитацию среди казаков караула. Он сменялся в 12 часов дня, как и раньше всегда. Караул имел и пулемёт «Максима». Надо отметить, что Назаров всегда был выбрит, аккуратно одет в хорошо и красиво сшитой офицерской форме. Никогда я не видел его, хотя бы с одной расстёгнутой пуговицей. Часто ночью он выходил в коридор. (Архиерей вскоре был выпущен). Во время разговоров казаки задавали Атаману различные вопросы. Он всегда отвечал на все вопросы и давал точные, ясные, вполне определённые и понятные ответы. Видя, что Атаман устал, мы способствовали тому, чтобы публика расходилась. Атаман сам никогда не прекращал разговора... и, видя наши старания, говорил: «Нет, я не устал... поговорим ещё... ведь меня скоро расстреляют». Но никогда, ни одного раза он не

намекнул нам, что, возможно, и нас ждёт такая же участь. Нам, арестованным, по специальным разрешениям можно было на гауптвахте встречаться с родными (или знакомыми). Но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь посещал ген. Назарова. Очевидно, эти посещения были запрещены.

Тем арестованным, кто для свидания не имел специального разрешения, казаки караула разрешали иногда, выходить на площадку перед гауптвахтой, чтобы родственники убедились, что арестованный ещё жив и не расстрелян. Арестованных в моё время не кормили. Еду — приносили всем из дома. Тех, кому некому было принести (негородские жители), еду давали мы — получающие ее из дома.

Казаки караула всегда были вежливы в обращении с арестованными. Можно сказать, что они, как бы чувствовали свою вину или неловкость, что охраняют своих офицеров, с которыми недавно на фронте делили вместе и горе и радость. Неоднократно «товарищи» требовали передать им караул над офицерами. Казаки не соглашались.

Часто при разговоре видно было, как у генерала Назарова появлялась, как бы грусть в глазах, но он всё же удивительно спокойно говорил, что его уже не освободят с гауптвахты и... вероятно... скоро расстреляют. Он предчувствовал свой трагический конец.

Сегодня 15-ое февраля 1974 г., когда я пишу эти воспоминания. Прошло уже 56 лет. Срок достаточно большой и, по законам журналистики, вполне достаточный, чтобы можно было писать обо всём откровенно. Пишу и вспоминаю всё так ясно... ясно.

В журнале «Донская Волна» — № 1-ый, от 10-го июня 1918 года напечатано последнее письмо Атамана Назарова с гауптвахты — к его жене.

Приведу его полностью, без сокращения.

«14, 2, камера № 10. Гауптвахта.

Дорогая и Глубоколюбимая жена. Я не называю тебя обычным моим ласкательным словом, так как обстановка далеко не обыкновенная.

Подробности ареста ты уже, вероятно, знаешь из телеграмм. Понятно, сведения эти далеки от истины. Но истину и я не мог бы сообщить, так много было нелепого. Но и в трагическом много комизма, и я имел возможность смеяться.

Смешнее всего было зрелище — 100-200 человек Круга (Верховной власти), вытянувшихся в струнку перед Бонапартом XX-го века. Целую тебя, любимый Катулик. Целуй детей. Скажи сыновьям, что им не придётся стыдиться памяти отца, а бедной Танечке придётся довольствоваться воспоминаниями о том, что Вы закрепили в её сознании. Передай мой привет всем знакомым».

Не будем останавливаться на разборе этого письма. Обратим внимание только на одно: оно нам ясно указывает на то, что Атаман Назаров ожидал скорого расстрела. Надо ещё пояснить, что когда казаки ворвались на заседание Круга, то по крику «Встать!» встали все, кроме Атамана Назарова. Он спокойно продолжал сидеть.

РАССТРЕЛ ГЕН. НАЗАРОВА И ДРУГИХ

Однажды, поздно вечером, на гауптвахте был усилен караул. Причину этого усиления не знали ни начальник караула (которого я спрашивал), ни казаки. Вскоре всем арестованным приказали войти в свои комнаты, плотно закрыли двери и около каждой поставили вооружённого часового. Из комнат никого не выпускали... Утром, на следующий день часовых сняли и мы увидели, что генерала-Назарова в его комнате не было. Генеральская комната тоже была пустая.

Казаки караула были чем-то сильно возмущены и, беспрерывно и громко выражали своё неудовольствие... Постепенно, от них, мы узнали о ночном расстреле Атамана Назарова и других арестованных.

Много позже нам стало известно, что «городская пятёрка» главарей, управлявшая городом, военный комиссар красногвардейских войск (вероятно и другие главковерхи) вынесли постановление о расстреле донского генералитета, во главе с Атаманом. От всех «казаков-фронтвиков» это держалось в секрете. Поэтому-то казаки и возмущались, что

их обманули. После, в разговоре со мной, все начальники караулов (и казаки) говорили мне: «Если бы мы знали, что их расстреляют, мы бы никого с гауптвахты не выдали»... Все расстрелянные были выданы, пришедшему за ними специальному караулу, имевшему письменное приказание казачьему караулу о выдаче. В приказании были указаны все поименно, подлежащие выдаче — «для перевода их в тюрьму». Но их отвели не в тюрьму, а к Краснокутской роще и там, около виноградников, их расстреляли. Расстреливавшие — были простые рабочие одной из фабрик города Новочеркасск, еще не опытные в этом гнусном деле: они не знали, как происходит эта процедура... Тогда-то «несокрушимая сила воли не покинула Атамана Назарова и в эти тягчайшие минуты его жизни, когда занесена рука смерти: он снимает с шеи икону-благословение, совершает молитву, целует святыню, которая хранила его в годы войны, скрещивает спокойно руки на своей груди и подаёт властно, внятно и твёрдо команду караулу для расстрела самого себя: «Стрелять: как казаки... раз, два, три... сволочь пли!»... Вынуждено, доблестно и красиво отдал свою жизнь разбойникам, этот мужественный Витязь Дона в ночь с 17-го на 18-ое февраля 1918 года». («Белая Россия» — ген. Денисов, стр. 80).

Если мы проследим всю жизнь А. М. Назарова, то увидим, что с малых лет он — кадет Назаров Анатолий «повелевает», в боях он тоже «командует-повелевает» вверенными ему войсками и жизнь свою кончает «повеленьем»... сволочь пли!

Так было суждено Великому Герою. Мы никогда не должны забывать, что расстрел генерала Назарова имел очень большие последствия для «казаков-фронтовиков», для всего Дона... и для спасения донских офицеров от расстрела. Вскоре началось восстание казаков, охватившее всю Донскую Область и... спасшее и Добровольческую Армию. Чтобы не быть голословным приведу весьма короткие доказательства...

Когда в Первом Кубанском (Ледяном) походе добровольцы не могли взять Екатеринодар и был убит ген. Корнилов, положение Добровольческой Армии было очень тяжелое. Кругом — враг... беспрестанные бои и... никакой надежды на возможную помощь. Командующий Добрармией ген. Л.И. Деникин писал: «Еще в станице Ильинской (11-го апреля) пришли хорошие вести... До нас доносились настойчивые слухи с Дона, что казачество там встало поголовно и что даже СТОЛИЦА донская — Новочеркасск — в руках восставших. Армия воспрянула духом окончательно». («Очерки русск. смуты», книга вторая, стр. 317). Добровольческая армия вернулась на Дон. Отдохнула, получила пополнение и снова двинулась во второй Кубанский поход.

Вместе с А.М. Назаровым были расстреляны следующие лица: Генерал-майор Усачов. Начальник 5-ой Дон. каз. конной дивизии. Он был очень опытный и боевой генерал. До революции казаки любили его за «справедливость и доброту» в отношении подчинённых ему войск. Во время революции, в конце октября (28-31) он с дивизией находился в гор. Киев в числе войск верных Временному Правительству.

По возвращению на Дон казаки дивизии были размещены в районе севернее ст. Каменской. Атаман Каледин приказал ему защищать г. Новочеркасск с северной стороны. Казаки дивизии в защите города не участвовали, а 27-ой полк и 12-ая батарея (и 10-ый полк 1-ой дон. див.) перешли на сторону «товарищей». Генерал был арестован своими казаками в гор. Новочеркасск.

2. Генерал-майор Исаев — бывший командир 6-го дон. каз. полка. Арестован у себя на дому. Был выдан «товарищам» своими соседями.

3. Генерал Груднев — наш кадет, занимавший должность начальника гарнизона при Атаманах Каледине и Назарове.

4. Войск. старшина Волошинов, наш кадет. До революции известный всему городу человек. Был помощником у Начальника Пансион (приготовительного) Войска Донского. В городе был Музыкальный кружок, часто дававший очень популярные концерты, на которых Волошинов выступал с прекрасной игрой на пианино. В первые же дни после революции был избран казаками временным Донским Атаманом. По решению Войскового Круга, подготовил всё необходимое для избрания Донского Атамана. (Был избран — казак, ген.-от кавалерии Алексей Максимович Каледин).

Во время расстрела Волошинов был тяжело ранен... всё же он смог добраться до

домика, в районе расстрела, и обратился к хозяйке этого домика с просьбой пойти к его родным и сообщить о нём. Эта бессердечная женщина пошла и сообщила рабочим небольшой фабрики на окраине города. Они пришли и... добились раненого. (Когда казаки заняли город, при восстании, она была судима и расстреляна).

5. Ген.-штаба подполковник Рот, не казак: во время Первой Мировой войны занимал должность нач. штаба во 2-ой Сводно-Казачьей дивизии у ген. Черячукина. В гражданской войне на Дону был нач. шт. у Походного Атамана ген. Назарова. Спасая близкого ему человека, попал в руки «товарищей-большевиков» в станице Кривянской.

6. Войсковой старшина Тарарин, наш кадет. Своими соседями был выдан «товарищам» в гор. Новочеркасск.

СОБЫТИЯ ПОСЛЕ РАССТРЕЛА АТАМАНА НАЗАРОВА

Когда мы на гауптвахте узнали о расстреле — все мы боялись и ожидали, что очередь теперь за нами. Мы (офицеры) сразу усилили свою пропаганду среди казаков караула, чтобы они нас не выдали «товарищам», если они это потребуют. Напоминали казакам слова Атамана: «Скоро начнётся восстание... Вам нужны будут офицеры. Берегите их!»

Наша пропаганда оказалась очень успешной. Нам обещали, что никого они не выдадут «товарищам». К 12-ти часам дня, как всегда, на смену пришёл новый караул, который имел пулемёт. А вскоре после его прихода, наружный часовой ударил сильно в колокол — два раза: тревога... моментальный вызов всего караула наружу. (Одним слабым ударом — часовой вызывает караульного начальника). Хотя смена караула и не произошла, но «выскочили» казаки на площадку обоих караулов. И сейчас же выкатили оба пулемёта «Максим».

Все это нас обеспокоило и, конечно, нам было интересно знать причину этого неожиданного и тревожного вызова... да ещё и с пулемётами. Широкие двери остались открытыми и, выглянув наружу, мы увидели, как со стороны Московской улицы, по широкому Платовскому проспекту, двигалась сплошная масса, громадной, густой, вооруженной толпы «товарищей-красноармейцев». Толпа ревела угрожающе.

Не буду задерживаться на подробном описании дальнейшего хода событий. Скажу только, что по приказу начальника старого караула оба пулемёта заняли позицию: один — на площадке, другой — посредине проспекта. Сигналом трубача, начальник караула остановил толпу, примерно в СТА шагах от гауптвахты... и предупредил, что при малейшей попытке двинуться вперёд, он, по сигналу трубача, «откроет огонь»... Потребовал разойтись... Толпа сразу осадилась назад... и, постепенно, стала расходиться... Мы — арестованные, были спасены... (Надо сказать, что Федя Черевков, прекрасный пулемётчик, предлагал казакам поставить его наводчиком на пулемет. Казаки отказали ему и сказали: «Верьте нам: мы откроем огонь если это потребуется»). Весь день на гауптвахте было два караула. В этот день свидания с арестованными не было: на гауптвахту никого не пускали. Но родственники, узнав о расстреле группы генералов, шли на гауптвахту, непрерывно, чтобы успокоить их, что мы ещё не расстреляны, нам разрешали выходить на площадку.

Тайный от казаков и самовольный расстрел Атамана Войска показал казакам-фронтовикам, что «товарищи» с ними больше не считаются, что обязательства большевиков «не вмешиваться во внутренние казачьи дела и не посягать на их быт «и права» были обыкновенной ложью и обманом. Всё это и послужило одной из главных причин, приведших сначала к разрыву «фронтовиков» с «товарищами», а после и к скорому восстанию по всей Области. «Фронтовики» потребовали — полного прекращения расстрелов, суда над арестованными и смену военного комиссара...

Необходимо отметить, что в деле создания скорого суда и освобождения арестованных большую роль сыграли Борис Упорников и Федя Черевков. Они, как верному кадету, сказали мне, что скоро нас всех начнут судить и почти всех освободят. Их будут судить первыми и освободят, что они имеют связь с «тайной офицерской

организацией», работающей в интересах арестованных, что за каждого освобожденного в один день устраивается банкет с отличной выпивкой... Я сказал им, что у меня нет денег для этого. «Ничьих денег нам не надо» — ответили Они. «Деньги есть — они уже собраны». Сказали мне, чтобы я никому ничего не говорил.

В конце февраля начался суд — «тройками военного трибунала»: два казака (один «полковец», другой артиллерист) и солдат красногвардеец — председатель. Их решение, там же в суде, сейчас же утверждалось «главной тройкой». Большинство арестованных были освобождены с обязательством — не выезжать из города без разрешения «управляющей пятерки» и необходимостью являться им через каждые две недели. Заканчивая это воспоминание, должен еще сообщить, что, видя безысходное положение Дона, Атаман Назаров докладывал об этом Кругу и просил его освободить от возложенных на него обязанностей Атамана. Круг не согласился и Назаров до конца исполнил свой долг Донского Атамана и не покинул Круг.

Отношения между фронтовиками и большевиками в Новочеркасске продолжали ухудшаться. Казаки начали разъезжаться по домам. В Области началось выполнение большевиками программы Центрального Исполнительного Комитета Российской коммунистической партии, а именно: полного уничтожения Казачества. Это привело к восстанию казаков...

12-го февраля был занят Новочеркасск. А 23-го апреля он снова (вторично) был занят Донскими казаками. Прав был Атаман Назаров, говоря казакам, что на Дону скоро вспыхнет общее восстание казаков.

Пусть это воспоминание послужит нашему бывшему кадету письменным памятником, что мы — его соученики по корпусу, не забыли его сознательную и искупительную жертву. Пройдут года; Россия станет вновь Великой, Православной и Свободной. Тогда историк честный, беспристрастный, воспоминанья эти и другие документы, использует и должное воздаст ему, что заслужил Великий этот Человек. А казаки Донские воздвигнут вечный памятник Назарову — Герою Атаману.

М. Бугураев

СЛАВНЫЕ И ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОНЦЫ

Прежде, чем сообщить, хотя бы и не полные сведения о «Славных донцах», считаю нужным дать некоторые, небольшие исторические сведения об офицерах Всевеликого Войска Донского.

Нам известно, что главная цель основания Донского корпуса — была подготовка молодых людей к дальнейшему специальному образованию и службе в Донских воинских частях: полках и батареях. Перед Первой Мировой войной (1914-1917 гг.) в рядах Императорской Армии на действительной службе, постоянно, состояло: два гвардейских полка и одна гвардейская батарея. Армейских полков было — семнадцать и конных батарей, шести орудийного состава — семь. Кроме этих частей, на Дону у себя в станицах (артиллерия — в Новочеркасске) были казаки льготных полков и батарей. (Полк — примерно, тысяча казаков; каждая батарея — двести пятьдесят казаков). Это были, так называемые — «льготные части» — второй и третьей очередей. Вся эта организация имела у себя готовыми коня и всё снаряжение. Всё это оплачивал казак сам, из своих собственных средств. Служить должны были все казаки, за исключением, так называемых «кормильцев-мамуничей», по казачьи. Это старший сын, живущий при родителях (старых), которых он и «кормил». Или же содержал своих меньших (младших) малолетних сестёр и братьев.

Если у казака-отца было несколько сыновей, по достижении ими 21-го года — отец «справлял» на службу их всех, ЗА СВОИ СОБСТВЕННЫЙ СЧЕТ. Только винтовку казак получал от Войска. Всё снаряжение и вооружение для этих, льготных казаков, хранилось в Окружных станицах. Орудия и лошади — в Новочеркасске, в Запасной батарее: где служили офицеры и казаки: преимущественно отслужившие в гвардейских батареях. (Об этой готовности казаков многие русские люди, и даже офицеры — не казаки — не знали).

Вся эта воинская организация была рассчитана так, что «Действующие» полки и батареи, выступали по объявлении мобилизации в шестичасовой срок. Казаки ВТОРОЙ очереди — через неделю. А казаки ТРЕТЬЕЙ очереди выступали через две недели. А прибыв на фронт — они, выгрузившись из вагонов, могли сразу вступить в бой. Если сделаем приблизительный расчёт всех офицеров Войска, необходимых для этих воинских частей и будем считать по СОРОК офицеров на полк, то всех офицеров будет 2.120 человек. (Кроме них, надо ещё посчитать и офицеров в 16-ти Местных командах, несших службу внутреннюю в своих станицах.

По данным книг (их две) «Материалы к Истории Донской Артиллерии», составленных нашими кадетами: войск. старшиной Нефёдовым, Владимиром Михайловичем и есаулом Ковалёвым, Евгением Елеозаровичем — в Донской Артиллерии ко дню мобилизации 18-го июля 1914 года в действующих батареях по спискам, состояло: СТО ПЯТЬДЕСЯТ человек: по штатам — полагалось только — СТО ОДИННАДЦАТЬ. (Излишек этих офицеров был направлен в Запасную батарею и в действующие полки).

Продолжим наш расчёт: в льготных батареях должно было быть — ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ДВА офицера. С Управлением Дон. Артилл. — 8, ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ офицеров. (К 1-му января 1919 года числилось в Дон, Артиллерии — 296 человек и прикомандированных (не казаки) 214 офицеров (1-ст.13). (Пусть каждый сделает расчёт — сколько было Донских офицеров в этих воинских частях. Надо учитывать, что и все другие казачьи войска служили Государству с таким же расчётом офицеров: как и Донское Войско).

По окончании нашего корпуса кадеты по традиции брали вакансии в Воен. Училища в следующем порядке: окончивший корпус первым (обыкновенно) в Инженерное Училище (и ещё один-два); следующие пять в Михайловское и пять в Константиновское Артил. Училища. Остальные кадеты шли в Николаевское Кавалерийское училище. А когда в 1910-м году Ново черкасское Казачье училище было преобразовано в Военное училище, то кадеты (часть) шли и в это училище.

Некоторые кадеты, окончив Артиллерийские Училища, выходили в Гвардейские полки: некоторые — шли и в армейские полки, желая, по стопам своих отцов, служить в «лихой кавалерии». Каждый офицер, окончивший наш корпус обязан был прослужить четыре года с половиной: после этого времени он имел право (по желанию) выйти в «отставку», прекратив свою службу.

Многие офицеры, прослужив три года, шли в различные Военные Академии, соответственно их роду оружия. Но, предварительно, должны были выдержать очень тяжелые экзамены при своих Военных Округах, а затем и экзамен — в Академию. Это в дальнейшей службе давало некоторые (большие) преимущества по службе, кроме очень обширных знаний.

За время своей службы (и жизни) многие бывшие кадеты занимали в Государстве весьма ответственные должности. Некоторые — стали инженерами, писателями, поэтами, журналистами, редакторами различных журналов и т.д.

Приведём очень краткий список выдающихся донцов...

Ген.-штаба, ген.-лейтенант Виктор Захарьевич Савельев (точных сведений года рождения не имеем). Вероятно, окончил корпус в первом выпуске — 1890 году. Известно, что по окончании Военного Училища вышел в комплект Донских батарей. Окончив Военную Академию Ген. штаба, продолжал службу по Генеральному штабу. Награждён Орденом Св. Великомученика и Победоносца ГЕОРГИЯ 3-ей степени, в должности командира 9-го Уланского Бугского полка. Высочайший приказ от 7-го октября 1916-го года. «Русский Инвалид» № 152. (Материалы Дон. Артиллерии книга 2-ая стр. 52).

Награждён орденом Св. ГЕОРГИЯ 4-ой степ, в должности врем, исполн. нач. штаба 3-ей Кавалер, дивизии. Выс. приказ от 30-го декаб. 1915-го г. «Рус. Инв.». 1916 года № 12. Награждён ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ — Вые. пр. 13-го июня 1915-го г. «Р. Инв.». № 136. (Материалы... кн. 2, стр. 51).

Ген.-шт., ген.-майор Анатолий Михайлович Назаров, Походный Атаман Войска Дон. и помощник Дон. Атамана ген.-от.-кавалерии Алексея Максимовича Каледина. Выборный

Атаман. Был награждён ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ. (Материалы... кн. 2, стр. 52).

Войск.-старш. Евгений Андреевич Волошинов, род. в 1880 г., корпус оконч. в 1899 г. Помощник начальника Приготовительного Пансиона и известный в гор. Новочеркасске пианист (музыкант). После революции 1917 г. выбран времен. исполняющим должность Войскового Атамана. Расстрелян большевиками в ночь с 17-го на 18-ое февр. 1918 г. Сначала был тяжело ранен, но дополз до домика в районе расстрела у Краснокутской рощи. Обратился за помощью... сообщить его родным... к женщине, хозяйке домика. Она сообщила большевикам, которые пришли и добились Волошинова.

Ген.-шт., ген.-лейт. Святослав Владимирович Денисов, род. 1882 г., корпус окончил в 1899 г. Командующий Донскими Армиями (Дон., Южной и Астраханской) при Атамане ген.-от-кав. П.Н. Краснове, когда вся Донская Область была освобождена от войск большевиков. Умер в Соедин. Штатах Америки в 1957-ом году.

Ген.-шт., ген.-лейт. Владимир Иванович Сидорин, род. 1878 г. Окончил корпус 1898 г. Кавалер ордена Св. ГЕОРГИЯ 4-ой степени. Начальник штаба в Степном Походе, Командующий Донскими армиями после ген. Денисова.

Ген.-лейт. Порфирий Григорьевич Чеботарёв, род. 2-го февр. 1873 г. Корпус окончил в 1890 г. (1-ый выпуск). В 1893 году окончил первым Михаил. Артил. училище, записан на мраморную доску золотыми буквами. Командир 6-Ой батареи Лейб-Гвардии Артил. бригады. Офицер для специальных артиллерийских поручений при Великом Князе Сергее Михайловиче. Приказом Всевеликого Войска Донского от 27-го нояб. 1918 г. назначен директором Дон. Императора АЛЕКСАНДРА III Кад. корпуса, Последний директор в РОССИИ. Умер в г. Новороссийске в янв. 1920 года.

Ген.-шт., ген.-лейт. Александр Васильевич Черячукин, род. 1873 года, корп. окончил в 1890 г., (первый выпуск). Директор Дон. корпуса в Египте. После расформирования корпуса он поступил в Софии (Болгария) наборщиком в типографию. Переехав в Париж (Франция) работал на автозаводе Панар-Левассор чертёжником. Впоследствии став шефом этого бюро. Создал Объединение Донских кадет и Донских Артиллеристов, которые избрали его почётным, пожизненным председателем этого объединения. Состоял и пользовался большим влиянием в Обществе Офицеров Ген. Штаба и в Обществе Офиц. Георгиевских Кавалеров, где был выбран Председателем Суда Чести. Умер во Франции.

(Сведения получены от М. Ф. Герасимова).

Ген.-лейт. Евгений Иванович Балабин, родился 1873 г., корп. окончил в 1899 году. Николевск. Кавал. Училище окончил старш.-порт.-юнкером в 1901-ом году и зачислен хорунжим в Лейб-Гвард. Казачий Его Величества полк. В должности командира сотни Его Величества вышел вместе с полком на фронт Перв. Миров. войны (1914-1917 гг.). В 1915 г. произведён в полковники. В 1916 г. назначен командиром 12-го Дон. каз. Генерала-Фельдмаршала Князя Потёмкина-Таврического полка. В 1917 г. Нач. 9-ой Дон. Каз. дивизии. Почётный казак Всевеликого Войска Донского. Умер в г. Вена (Австрия) 27-го окт. 1973 года.

Ген.-майор Константин Ростиславович Поздеев, родился в 1888, окончил корпус в 1905 году. По окончании Мих. Артил. Уч. портупей-юнкером (1908) вышел в Лейб-Гвардии Каз. Его Величества полк. Участвовал в Первой Мировой войне. Награждён ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ. Во время Гражданской войны — командир бригады Гвардейских полков в Донской Постоянной Армии.

Ген.-майор Сергей Васильевич Павлов, род. в 1896-ом г., корп. оконч. в 1913 г. Походный Атаман 2-ой Мировой Войны (1941-1945 гг.). Благодаря его настояниям и хлопотам, Дон оставили все, кто хотел; и малые и старые и боевые казаки. Все были зачислены на полное довольствие строевых казаков. При отступлении войск убит из засады, 17-го июня 1944 года.

Ген. лейт. К.Р. Поздеев — Л. Гв. Казачий Полк

Полковник Сергей Владимирович Болдырев, род. в 1890 г., корп. окончил в.-ур. в 1909 г. Начал писать в журнале «Донец» с 1907 года Казачий историк. Первый Георгиевский Кавалер Мировой войны офицеров Донского Войска. Участник Русского Корпуса 2-ой Мировой войны. Умер в Соед. Штат. Америки, в 1957 году.

ОРДЕН СВ. НИКОЛАЯ

В Крыму в 1920 году Верховным Главнокомандующим ген. П. В. Врангелем был учрежден орден Св. Николая. Этот орден имел подробный статут о награждении и какими преимуществами пользовался награжденный им и его семейство. Этот статут был составлен на основании статута Георгиевских Кавалеров. Орден имел две степени, с лентой национальных цветов: белый, синий и красный. Им награждались по решению Николаевской Кавалерийской Думы (первые — решением Георгиевской Кав. Думы). Награждались этим орденом офицеры и солдаты, казаки, матросы и чины Авиационной службы. Военские части награждались Николаевскими знаменами, штандартами, трубами с Николаевскими лентами. Морские и авиационные воинские части — награждались Николаевскими вымпелами. Получить этот орден было трудно.

Продолжим о Славных Донцах

Полковник Леонов Александр Александрович, род. в 1888 г. оконч. корпус — в 1908 г. По окончании Николаевского Кавалер. Училища, портупей юнкером, вышел хорунжим в 7-ой Донской Казачий полк. В конце 1913 года, сотником, был прикомандирован, а затем и переведен, летом 1914 года, в 42-ую артиллерийскую бригаду. В 1915 году награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени — Высочайший приказ от 26-го августа 1916 года. (Материалы к Истории Донской Арт. книга 1, стр. 30). Награжден и орденом Св. НИКОЛАЯ. Совершенный им подвиг: В бою 17-го июля 1920 г. в районе В. Токмака, под действительным ружейным, и пулеметным огнем двух бронепоездов противника, подбил передовой бронепоезд и тем заставил оба бронепоезда сдаться нам. В бою 14-го сент. 1920 г. под станцией Вели-Тарамо подбил бронепоезд «Красноармеец», а 16-го сент., помогая 4-ем сотням 6-го Ермаковского полка, огнем своей 3-ей батареи сдерживал конницу красных в течении 4-ех часов, до подхода наших подкреплений. (Приказ Дон. Корпуса от 13-го августа 1921 г. № 141). Материалы Дон. Артил. книга 1-ая, стр. 70.

Приказом Главнокоманд. Вооруженными Силами на Юге России от 24-го июня 1920 г. № 3296 (гор. Мелитополь) 3-я дон. конная батарея (под командой полк. А.А. Леонова) в числе других дон. полков (и 2-ой дон. каз. батареи) награждена Трубами с орденскими Николаевскими лентами.

Необходимо отметить, что полк. А.А. Леонов ЕДИНСТВЕННЫЙ офицер Всевеликого Войска Донского, который имеет такие высокие награды: Георгиевский и

Николаевский Кресты, и его батарея награждена НИКОЛАЕВСКИМИ трубами.

Дураков Петр Александрович, сын донского офицера, последнего прямого потомка Пугачева (Б. Богаевский). Получил образование в Донском корпусе и в английском лицее в Турции. Окончил Политехнические казачьи курсы в Париже и поступил добровольцем во французский флот. Получил золотую звезду за стрельбу из орудий (ее носит только один матрос из всего флота).

Славился спортивными достижениями, особенно прыжками с капитанского мостика, и часто выходил первым из состязаний по плаванию. Служил на крейсере «СЮФРЕН», на котором объехал пол света. В 1939 году был назначен за старшего конвоировать торговый пароход. В Дакаре был забран с пароходом англичанами. Перешел на службу к ген. ЛЕКЛЕРКУ и 23 августа 1944 года в боях под Тулоном сгорел в танке, которым командовал. Он был снаружи, но чтобы спасти шофера полез в танк, задохнулся и там сгорел. Посмертно произведен в лейтенанты.

Похоронен в (ИЕР) — Был награжден Военным Крестом, Военной медалью, медалью за бои в Африке. (Источник — «Русские, павшие смертью храбрых в рядах французской армии» — брошюра изданная: «Amicale des Réservistes de l'Armée Française»).

Сагацкий Иван — род. в 1902 г. окончил Донской корпус в 1919 г. (в-ур. 30 выпуска) Партизан — Семилетовец (был в то время в 5-ом и 6-ом классе).

Сотник Лейб Гвардии Казачьего Полка.

Инженер — геолог, доктор естественных наук, известный во Франции ученый и известный в русских кругах — поэт. В данное время на пенсии в Париже.

Б. Богаевский, 1973 г. Париж

Александр Ефимович Кунаков, рождён 25-го декабря 1907 года, сын генерала Всевеликого Войска Донского. 10-ти лет поступил в Донской Императора АЛЕКСАНДРА III Кадетский корпус. 12-тилетним, принимает участие в бою под г. Ростовом, и в 1920 году эвакуируется, вместе с корпусом в Константинополь и далее — в Египет. По возвращении из Египта, при расформировании корпуса остаётся в Английской школе, и затем во Франции со своим старшим братом. Он продолжает учиться и работает. Любит пение и уже с детства участвует в церковных хорах, а потом и в Казачьих...

Одно время снимается, вместе с Мозжухиным, во французской киностудии, в «Белом Дьяволе». Берёт уроки пения у известного певца Юрия Морфесси.

Регенты знаменитых и известных Казачьих хоров: С. Жаров и Н. Кострюков приглашают его к себе в хор. В 1930-ом году он выбирает «Платовский хор» под управлением Н. Кострюкова. В одном турне он даже был приглашён петь перед Английской Королевской Семьёй.

Старый полк его отца «Лейб-Гвардии Атаманский» — преподносит ему гитару за его «казачий дух и прекрасное пение».

Дальше начинается большие турне хора по всему свету — в Индию, Индонезию, Австралию, где он встречается с его будущей супругой. В 1938 году, возвратившись из турне обратно в Австралию, — женится.

Через три года после этого Кострюков снова приглашает Кулакова в хор. Помешала Вторая Мировая война.

В 1943 году Кунаковы переехали в г. Мельбурн и здесь Кунаков создал хор из 12-ти человек, и они разъезжают по лагерям, давая концерты для солдат. В течении последних лет и до конца своей жизни работал в фирме по приготовлению химических препаратов для еды.

В 1963-ем году А.Е. Кунаков был выбран Атаманом Донской Объединённой Станицы в городе Мельбурн, Австралия.

Добросердечный, мягкий по натуре, отзывчивый и жертвенный, он всегда принимал участие в жизни русской колонии Мельбурна. Непримиимый антикоммунист, он всегда переживал всё за поработленную Мать Россию и Тихий Дон, и верил и надеялся на ВОСКРЕСЕНИЕ РОДИНЫ. (Сведения взяты из журнала «Станичник»).

Александр Кунаков умер в понедельник 20-го августа 1973 года.

Ген. шт. полк. В. В. Добрынин. Родился 9-го июля 1883 года. Донской Корпус окончил в 1901. Поступил в Михайловское Артил. Уч., которое и закончил в 1904 г. Вышел хорунжим в 3-ю Донскую казачью батарею.

Участвовал в Рус.-Японской войне. В 1907 г. произведен в сотники с прикомандированием к Управлению Донской Артиллерии.

В 1910 г. произведен в подъесаулы и по выдержании экзамена зачислен в Николаевскую Военную Академию, которую окончил в 1913 г. по первому разряду. 18-го мая 1913 г. причислен к Ген. Штабу и откомандирован в Штаб Московского Военного Округа.

С объявлением мобилизации занимал должность старшего адъютанта 53-ей пехотной дивизии и с ней выступил на фронт Первой Мировой Войны. В бою в Августовских лесах, в феврале 1915 г. тяжело контуженный в голову попал в плен. По возвращении из герм. плена в 1918 году произведен в подполковники и назначен начальником разведывательного отделения Штаба Донской Армии, а в июле 1919 года начальником оперативного отделения.

С эвакуацией за границу в Чехию имя его вскоре получило известность, как военного писателя.

По окончании Русско-Японской войны им была издана книга «Донцы в Манджурии» (1908 г.). В 1918 г. по поручению Донского Атамана, им составлена и издана книга: «Материалы об организации и силах красной советской армии по данным к периоду ноябрь-декабрь 1918 года».

В 1919 году им был издан «Краткий обзор вооруженной борьбы Дона с советской властью за время с февраля по октябрь 1919 года».

В эмиграции им изданы следующие труды: «Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского казачества». На французском языке; «Вашингтон — Канны — Москва». Также: «Дон в борьбе с коммуной. На Донце и на Маныче», «Вооруженная борьба Дона с большевиками», «Военное напряжение и жертвы Донского казачества в борьбе с большевиками».

Десятки статей Добрынина помещены в различных органах периодической печати и сборниках. За время эмиграции им сделано около 100 докладов в различных русских организациях на темы военно-исторического характера и собраны большие материалы в виде выписок и картотек по следующим вопросам:

Мировая и гражданская война и история войн. История казачества и участие его в Мировой и гражданской войнах. Русская и иностранная конница в Мировой Войне. Советская Россия и красная армия. Эмиграция русская с 1920 года, общая и военная. Дальневосточный вопрос. Донская хронология и Донской словарь.

Источник: «Атаманский вестник», № 12, январь 1939 г.

Полк. В.В. Добрынин был награжден орденом Св. Анны 4-ой ст. с надписью «за храбрость», орд. Св. Владимира 4-ой ст. с мечами и бантом и другими воен. орденами.

Умер 29-го окт. 1939 года в Праге.

Полковник Николай Яковлевич Шляхтин. Родился в 1893 году, в корпус поступил в 1904-ом г., окончил его вице-вахмистром в 1911 г. (22 выпуск). С правом получить от Войска Донского премию в ТЫСЯЧУ золотых рублей, поступил в Казачью сотню Николаевского Кавалерийского Училища, которое окончил вахмистром в 1913 году. Произведён в хорунжие и вышел в 10-тый Донской генерала Луковкина казачий полк, командиром которого в то время был полк. Петр Николаевич Краснов (будущий Атаман Всевеликого Войска Донского).

Вместе с полком участвовал в Первой Мировой войне. В газете «Русский Инвалид» №№ 136-137 описана его конная атака в конце февраля 1915 года, когда он с казачьим разъездом в 12 коней атаковал немецкий кавалерийский разъезд я ДВАДЦАТЬ коней. «Немцы построились в одну шеренгу, стоя на месте, подняли пики на высоту пояса, держа их на перевес, потом побросали пики и поскакали в балку к деревне. Казаки нагнали 4-ех

кавалеристов, закололи их и преследовали разъезд, пока не попали у деревни под сильный ружейный и пулемётный огонь противника. Удара казачьими пиками немцы не выносили».

Н. Шляхтин участвовал в Гражданской войне и в Крыму за бой под Каховкой произведён в полковники.

При эвакуации за границей сформировал из желающих казаков группу джигитов и, начиная с Франции — 1925 по 1939 года, побывал во всех больших городах Европы, лихой джигитовкой, танцами и песнями, прославляя своё Войско Донское.

Умер во Франции.

ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ДОНСКОГО КОРПУСА

Сын первого директора корпуса подполковник Василий Илларионович ЛЕВАЧЕВ удостоился награждения Орденом Св. Великомученика и Победоносца ГЕОРГИЯ 4-ой степени.

Он первого выпуска — окончил корпус в 1890-ом году. Окончив портупей-юнкером Мих. Артил. Училище вышел в 11-ую Восточно-Сибирскую горную батарею.

Орденом награждён за отличие в делах против неприятеля с 14-го февраля по 20-ое февраля 1906 года.

Находясь с 14-го по 17-ое фев. на Фаньшинской позиции со своей батареей капитан Левачёв, совместно с тремя батареями, обстреливал укрепленный пункт № 16 на Гаотулинской позиции, занятой японцами. Получив приказание штаба дивизии зайти в тыл названного укрепления, В. И. с явной опасностью и риском для себя и всей полубатареи, блестяще выполнил данное приказание и непрерывным огнём прекратил доступ японцев к укрепленному пункту. С 17-го по 20-ое февр., маневрируя у Орлиного гнезда Фаньшинской позиции, В. И. заставил умолкнуть 12-ти орудийную горную батарею, подбил один ящик и два орудия другой 6-ти оруд. батареи, стрелявшей по Орлиному гнезду и своим огнём по разным целям способствовал отбитию атак неприятеля на Орлиное гнездо. На Фушунской позиции своим огнём капитан Левачёв помог первой роте 11-го Восточно-Сибирского полка вернуть утраченные окопы и, переменяя позицию, выгнал японцев из занятой ими деревни Капукай, чем предотвратил весьма опасный прорыв между 11-ым и 12-ым полками.

Имя первого георгиевского кавалера из питомцев корпуса — подполковника Левачёва выбито золотыми буквами на белой мраморной доске, которая вместе с его портретом помещена в парадном зале корпуса.

7-го клас. К. В. З. «Донец» — 14-ое янв. 1909 года №№ 4-ый и 5-ый.

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ 1-ой Мировой Войны

К сожалению мы не можем привести точные сведения обо всех георг. кавалерах нашего Донского корпуса, но все же приведем данные, которые нам удалось собрать.

Офицеры — бывшие кадеты, награжденные орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

1. Полк. Астахов Иван Петрович — 6 апр. 1915 г. № 82
2. Войск. старш. Рыковский Митрофан Константинович — (Р. И.) — 10 мар. 1915 г. № 22
3. Войск. старш. Лекарев Михаил Васильевич — (Р. И.) — 10 мар. 1915 г. № 22
4. Подъесаул Грузинов Афанасий Федорович - (Р. И.) — 22 апр. 1915 г. № 97
5. Подъесаул Климов Владимир Викторович — (Р. И.) — 9 сент. 1915 г. № 208
6. Сотник Голяцин Петр Александрович (Р. И.) — 22 апр., 1915 г. № 98
7. Сотник Болдырев Александр Владимирович (Р. И.)
8. Болдырев Вячеслав — пехот, капитан 6-го Понтонного Б-на 5 окт. 1914 г.
9. Болдырев Сергей — сотник 1-го Донского каз. полка — 20 августа 1914 г.

10. Иванов Матвей — Войск. стар. 13-го Донского каз. полка — 25 августа 1914 г.
11. Калинин Николай — Штаброт. 17-го Гус. Черниговского полк. — 6 фев. 1914 г.
12. Кирьянов Александр — Есаул 6-го Донского Каз. Арт. дивизиона — 7 дек. 1914 г.
13. Леонов Александр — Капитан 42-ой Арт. бригады — 20 мая 1915 г.
14. Синеоков Борис — 8-го Донского казачьего полка — 1915 г.
15. Савельев Виктор — Полк. 9-го Улан. Бугского полка 8 ноября 1914 г. (4 ст.). Он же — Ген. Майор того же полка 28 мая 1916 г. (3 ст.)
16. Сидорин Владимир — Подполк. Ген. Штаба — 12 мая 1915 г.
17. Свечников Михаил
18. Талалаев Иван — Саперного батальона
19. Шатилов Николай — Л. Гв. Атаманского полка
20. Черячукин Александр — Ген. лейт. Л. Гв. 6-ой Донской каз. бат. — 27 мая 1915 г.
21. Ген.-майор Горелов — (Р. И.) — 1 апр. 1915 года ном. 124
22. Усачев Георгий — Подъесаул 33 Донского каз. полка
23. Сагацкий Вадим — Юнкер Новочеркасского Атаманского Воен. Училища

Награждены Георгиевским Оружием в Великую войну 1914-1918 гг.

1. Полк. Антонов Яков Петрович
2. Полк. Персианов Андрей Андреевич
3. Войск. стар. Крюкон Леонид Маркианович
4. Войск. стар. Седов Илья Григорьевич
5. Войск.стар. Рыковский Митрофан Константинович
6. Войск. стар. Лекарев Михаил Васильевич
7. Войск. стар. Филиппов Илья Федорович
8. Войск. стар. Кумсков Иван Петрович
9. Войск. стар. Петровский Николай Александрович
10. Есаул Крюков Василий Иванович
11. Подъесаул Тарасов Владимир Иванович
12. Подъесаул Агеев Федор Антонович
13. Сотник Черевков Федор Дмитриевич
14. Сотник Попов Владимир Григорьевич
15. Сотник Бирюков Георгий Андреевич
16. Сотник Упорников Борис Николаевич
17. Сотник Болдырев Александр Владимирович
18. Ген.-шт. ген. м. А.И. Бабкин
19. Ген.-шт. Ген. майор Назаров Анатолий Михайлович
20. Ген.-шт. Ген. лейт. Черячукин Александр Васильевич и орденом Св. Георгия (4-ст.)
21. Ген.-шт. Полк. Гушин Александр Федорович
22. Ген. лейт. Горелов Федор Иванович и орденом Св. Георгия (4-ст.)
23. Ген. майор Ретивов Николай Андреевич и орденом Св. Георгия (4-ст.)
24. Полковник Леонов Ал-др Ал-дрович и орденом Св. Георг. (4-ст.) и орд. Св. Николая (Крым)
25. Ген.-шт. Подполк. Абрамов Федор Федорович (в Японскую комп.) и Св. Николая 2-ст. (Крым)
26. Полковник Дубовсков Анатолий Анатольевич и орден Св. Николая 2-ст. (Крым). В Крыму — («Материалы» — часть 2-ая стр. 27-28)
27. Ген.-шт. полк. Полковников, Георгий (4 ст. и Георг. оружие)
28. Ген. м. Ажинов, Василий
29. Полк. Кастрюков, Иван (Георг. оружие)
30. Полк. Пименов, Ростислав (Георг. оружие)
31. Ген.-шт. ген. м. Пивоваров, Анатолий (Георг. оружие)

32. Ген.-шт. ген. лейт. Савельев, Виктор (4 ст. и Георг. оружие)
 33. Ген.-шт. п. полк. Хохлачев, Николай Алексеевич
 34. Ген. м. Л. Гв. Казачьего Его Величества полка Поздеев, Константин Ростиславович (Георг. оружие)

**ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ, ПОЛУЧИВШИЕ ЭТОТ
ОРДЕН КАДЕТАМИ (список не полный)**

		Выпуска
1. Алимов Вячеслав	(32)	
2. Андреев Василий	(35)	
3. Аникин Михаил	(31)	
4. Балабин	(31)	
5. Бирюков Дмитрий	(32)	— Убит в Крыму
6. Басов Николай	(36)	
7. Быкадоров Николай	(32)	
8. Беломестнов Ал-др	(35)	
9. Букин Михаил	(32)	
10. Болдырев Степан	(31)	
11. Брызгалин Николай	(30)	— 1 Куб. поход, был тяжело ранен под Кореновской
12. Бородин Авраамий	(30)	— 1 Куб. поход ранен под Кореновской
13. Владимир Иван	(30)	— 1 Куб. поход
14. Воронин Сергей	(30)	— 1 Куб. поход
15. Греков Лев	(34)	
16. Григорьев Иван	(35)	
17. Дувакин Даниил	(30)	— Чернецовец, ранен января 18, 1918 г. Ст. Лихая
18. Дударев Алексей	(30)	— 1 Куб. поход
19. Дьяков Иван	(30)	— 1 Куб. поход — убит под Выселками
20. Дьякон Ал-др	(34)	
21. Донсков Сергей	(36)	
22. Егоров Иван	(32)	
23. Еленевский Ал-др	(38)	— Хабар. корп.
24. Иванов Григорий	(30)	— Чернецовец, дважды ранен (Лихая и 1 Куб. поход)
25. Иловайский Валерий	(36)	— 1 Рус. Корп.
26. Калинин Петр	(32)	— Три Георг. креста (2, 3, и 4-ой степени)
27. Кундрюцков Борис	(35)	— Георг. мед.
28. Малыгин Николай	(38)	— Хабар. корп.
29. Меходуй Петр	(35)	
30. Матасов		
31. Поляков Владимир	(30)	— Чернецовец, дважды ранен (ст. Лихая и 1 Куб. поход)
32. Поляков Дмитрий	(30)	— Чернецовец, дважды ранен (ст. Лихая и 1 Куб. поход)
33. Поляков Ал-др		
34. Попов Николай 98	(34)	
35. Павлов Владимир	(32)	
36. Попов Владимир	(32)	
37. Рыковский Яков	(30)	
38. Рыковский Георгий	(32)	
39. Ротов Александр	(35)	— Г. Мед.
40. Сизякин Василий	(34)	
41. Семенкин Георгий	(36)	— Два креста (3 и 4 ст.) Потерял руку в Крыму (полный бант)
42. Семенкин Иван		

43. Слюсарев Сергей	(31)	
44. Сюсюкин		
45. Скрынников Леонид	(31)	
46. Тулаев Сергей	(32)	
47. Туроверов Ал-др	(35)	
48. Третьяк Дмитрий	(38)	— Харб. корп.
49. Черевков		
50. Черемисов Георгий	(37)	
51. Захаров Николай	(37)	
52. Попов Аркадий	(37)	
53. Церковников Евгений	(35)	
54. Фомин Иван	(34)	
55. Ханжонков Валентин	(32)	
56. Шапошников Виталий	(42)	
57. Шелякин Герман	(30)	
58. Шумилин Борис	(35)	

СПИСОК ЧИНОВ ПЕРСОНАЛА ДОН. ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА

ДИРЕКТОР КОРП. Адъютант корп.	— При выходе из Новочеркасска: ген.-лейт. П.Г. Чеботарев (1917-1919), после него в Египте ген.-лейт. А.В. Черячукин (1919-1922) Крым — Югославия: ген.-м. И.И. Рыковский (1919 по 1920) Стернище — Билече: ген.-м. А.И. Бабкин (1920 по 1922) Билече — Горажда: ген.-м. Е.В. Перрет (1922 по 1933)
Адъютант корп.	— Египет: хорунжий Г.П. Чеботарев (с 5/3-1920 по 9/6-1921 г.); после него был короткое время поручик Барановский (1921-1922) Югославия: ген.-м. Н.Н. Кучеров (убит в Билече 1923 г.) Затем Войск. старшина Г.Я. Пахомов; после него полковник В.В. Чепурковский В Новочеркасске — полк-ки: Формаковский, Красовский, Никонов, вст. Семерников
Инспектор клас.	— Египет: полк. Н.В. Суворецкий Югославия: ген.-м. Ерофеев, после ген.-м. Е.В. Перрет (б. директор) Потом до конца существования корп. полк. А.Е. Черно книжников
Командир 1-сот.	— Новочеркасск — Египет ген.-м. Ф.И. Леонтьев до 1922 г. Крым — Югославия: войск. старшина А.П. Какурин (1919-1921 г.) Стернище, Билече и Горажда: ген.-м. А.М. Сутулов (1921-1928 г.) Горажда: полк. В.И. Греков (1928-1930 г.) Горажда: полк. Н.А. Чудинов (1930-1933 г.)
Командир 2-сот.	— Новочеркасск: ген.-м. И.И. Рыковский (назначен директором 1919 г.) Новочеркасск: Египет — полк. Артамонов (умер в Измаилии 1921 г.) Египет: полк. Г.Ф. Филин (был до этого казначеем) Югославия — Стернище: полк. Н.И. Попков (был воспитателем) Билече: полк. Наумов Горажда: полк. Г.Ф. Филин, полк. Бобров
Командир 3-сот.	— Был первое время полк. В.П. Фицхелауров (директор пригот. классов), полк. В.И. Греков (раньше был воспитателем в Египте), Войск. стар. А.П. Какурин, затем ген. П. Еманов и В.Н. Решиков (воспит.)
Воспитатели	— Многие из них имели другие должности: ком. сот. преподаватели и др.

- Египет: полк. Катарский, есаул Бирюков, полк. А.Н. Низовкин, полк. Л.М. Кутырев, войск. стар. П.Д. Хмарин, полк В.Н Биркин, ес. Крюков, ес. Соковников, поручик Карнажицкий и полк. Васильев
- Югославия: полк. Н.И. Попков, ес. Кирсанов, полк. И.Ф. Сулацкий (Аргентина), полк. Захаров, полк. Прибытков, ген.-м. И.Н. Кучеров (восп. 34 вып.), полк. В.В. Чепурковский, полк. С.В. Болдырев, ес. В.В. Болотин, полк. Лукьянов, ген.-м. П. Еманов, ген.-м. Алексеев, полк. В.Н. Решиков, полк. Я.Н. Решиков, полк. А.Ф. Золотов, полк. Агеев, полк. И.И. Павский, полк. Бобров, полк. Логвинов, в. стар. Б.В. Суворецкий, полк. Астахов, полк. А.Н. Низовкин, полк. Н. Соколовский, полк. М. Морозов
- Горажда: воспитатели последних выпусков: Полк. Н.А. Чудинов ком. 1 сот. (1931-1933 г.), полк. ген. штаба Потапов (1928-1933 г.), полк. Никифоров, кап. 1 ранга Зорин, полк. Н.В. Зиолковский восп. 8 класса 43 вып. (1931-1932 г.), полк. З.Г. Фрейман восп. 8 класса 44 вып. (1932/33 г.), полк. П.И. Енько-Дадовский 1929/33 г. кап. Май-Маевский (1929/33 г.), Кап. П.И. Лавров (1929-33 г.), полк. Н.Н. Доннер (убит в Австралии)
- Преподаватели — Египет: полк. П.Р. Невядомский, хор. Г.П. Чеботарев, г-жа Лашиш (франц.), полк. Кумшацкий, полк. Фофанов, полк. Н.В. Суворецкий, полк. Г.Ф. Филин, г-же Щепкина-Куперник, г. Рая (эстонец)
- Югославия — А. Васильев, Тычинин, А.Н. Перцев, С.М. Солошенко и П.С. Савченко (преподаватели русского яз. в разное время), А.И. Богоявленский, Чекомасов, в. стар. Семилетов, Поляков, полк. В.Ф. Гушин, М.М. Хрисогонов (преподаватели математики в раз. класс.), А.И. Абрамцев, полк. Б.Н. Сергиевский, Домнич (история), полк. А.А. Христианович, кап. 1 ранга Киселев Семилетов (физика, химия), кап. 2 ранга Н.И. Казнаков, полк. Павский, ес. Савченко, Маргаритов (фран.), В.В. Пфейфер, г-жа Е. Полякова, кап. 2 ранга Э.А. Берендс, В.К. Штейн, г-жа М.П. Магденка (преподаватели немецкого яз. в разное время), профессор университета П.И. Строев (естест.), пор. Савин, Красовский, г-жа Шатковская, Милетич, Марко Враньешевич (преподаватели серб. яз.), П. Казмиров, Бойков, Седлецкий (география), ген. лейт. Н.П. Карпов (рисование), Фетисов (рус. яз.), Земцов (но не Павел — арифметика в младшем и старшем подготовительном классах)
- Директор Дон. Пансиона — Египет: ген.-м. Свечников
- Крым: Югославия: полк. В.П. Фицхелауров (позже командир 3-ей сотни)
- Гимнастика Сокола Лазарет Мед. персонал — Югославия — Билеча, Горажда: полк. А.Р. Ган (1921-1933 г.)
- Измаилия: в начале врача не было, потом был др. Александров
- Сестры: Ольга Павловна и Дора (фамилии не сохранились)
- Югославия: др. Митрофан Семенович Попов (Стернице-Билеча 1920-1926), Др. Костин (Горажде с 1926 по 1930), Др. Гротто Слипковский (после доктора Костина до 1933 г.)
- В Билече был фельдшер: куб. казак — Шаповалов, после него Андрей Харитонович Белецкий и Огурцов
- В Горажде: фельдшером был Г.В. Мартынов с (1926 по 1933 г.)
- В Стернице была сестрой Вера Александровна Басова (1920-1921)
- мать нашего кадета Николая Басова
- Музыка Капельмейстер — Есаул Скачков (1923 г.), полк. М. Мигузов (с 1923 по 1930 г.). Собченко — капельмейстер с крейсера «Память Меркурия» до 1933 г.

- Пение — Маргаритов (Стернище— 1920-/21 г.), Я.И. Шпилевой 1 (Билече 1921-1929 г.), Н. Верушкин (Горажда до 1933 г.)
- Регенты — Египет — о. Петр Голубятников
- Законоучители и настоятели церкви — Крым — Югославия: Стернище и Билече: о. Василий Бощановский, В Билече: о. Иван Трофимов, епископ Вениамин Севастопольский. Был только один 1925 год. с келейником иеросхимонахом Марком (дон. к), архимандрит о. Иоасаф (Билече-Горажда) С 1929-30 г. — протоирей Иван Федоров с Крейсера «Память Меркурия», протодиакон о. Петр Цуканов (служил в инсп. канцел., умер в Билече). Рукоположенный дьякон Петр Кушнарев — был до расформирования.

ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ

- Заведующий хозяйством — Измаилия — полк. Г.Ф. Филин, Маноцков Югославия: А.И. Васильев (Билече), полк. Магденко (Был., Гор.).
- Эконом - А.М. Гвахария (Горажда), с 1930 г. кап. Л.И. Шепель
- Заведующий вещевым складом — полк. А. Лукьянов и полк. Посевин
- Хозяйственная часть — полк. В.П. Фицхелауров, полк. Концов, лейт. В. Строев
- Заведующий мастерскими — сот П. Зенцов
- Слесарная мастерская — по современному механик — под. пор. Иван Ильич Шевченко
- Столярная мастерская — полк. В.Н. Решиков
- Сапожная мастерская — полк. А.Р. Ган, ес. В.А. Леонов
- Переплетная мастерская — ген. Фицхелауров, затем полк. Чепурковский
- Заведующий освещен. — сотник Назаркин (Билеча), хор. Попов (Горажда)
- Каптенармус — кап. И.Ф. Биркин с 1922-1927 г., после полк. Серебряков, полк. Г.Ф. Филин, кап. Митин и Г. Кошкин
- Заведующий учебной частью — полк. Н.В. Суровецкий (библиотека — учебники)
- Учебная инспект. канцелярия — полк. Н.А. Хрущов, протодиакон П. Цуканов (1924 г. умер), при канцелярии был ген. В.П. Фицхелауров без определенных функций
- Корпусная канцелярия — воен. чиновник Дмитриев, писарь Н.Т. Миронов и о. П. Кушнарев
- Бухгалтер — И.С. Рудухин и Мезенцев
- Починочная мастерская — М-ме Т.Г. Казнакона, М-ме М.Л. Фельковская, Е.С. Дмитриева и М-ме Листратова
- Казначей — Первое время был ген. Н.Н. Кучеров (убит в 22/23 г.), полк. В. Чепурковский
- Трубач — Крым — Югославия (Стернище): вах. Лисицын (был в Дон. корпусе в Новочеркасске)
- Заведующий оф. кантиной — Н.М. Сутулов
- Контролеры Державной Комис. — до 1924 г. — Мирский, с 1924-1926 г. — Охотин, потом опять Мирский

**СПИСОК ВИЦЕ-ВАХМИСТРОВ ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА
(1883 по 1933 г.)**

1890 г.	(1-вып.)	Епифаов Аркадий	Ник. Кав. Училище
1891 г.	(2-вып.)	Синеоков Николай	Мих. Арт. Училище
1892 г.	(3-вып.)	Седов Илья.	Мих. Арт. Училище
1893 г.	(4-вып.)	Князев Алексей	Ник. Кав. Училище
1894 г.	(5-вып.)	Максимов Алексей Михайлович	Мих. Арт. Училище
1895 г.	(6-вып.)	Бородин Александр	Мих. Арт. Училище
1896 г.	(7-вып.)	Казьмин Александр	Конст. Арт. Учил.
1897 г.	(8-вып.)	Афанасьев Сергей.	Ник. Кав. Училище
1898 г.	(9-вып.)	Махин Иван	Ник. Кав. Училище
1899 г.	(10-вып.)	Воскобойников Иван	Ник. Кав. Училище
1900 г.	(11-вып.)	Максимов Иван Михайлович	Конст. Арт. Училище
1901 г.	(12-вып.)	Максимов Ал-др Михайлович	Мих. Арт. Училище
1902 г.	(13-вып.)	Попов Павел	Ник. Кав. Училище
1903 г.	(14-вып.)	Болдырев Вячеслав	Ник. Кав. Училище
1904 г.	(15-вып.)	Шляхтин Эраст Эрастович	Мих. Арт. Училище
1905 г.	(16-вып.)	1) Левицкий Донат 2) Хохлачев Федор	Ник. Кав. Училище
1906 г.	(17 вып.)	Упорников Николай Николаевич	Мих. Арт. Училище
1907 г.	(18-вып.)	Тарасов Леонид	Ник. Кав. Училище
1908 г.	(19-вып.)	Антонов Михаил	Дон. Полит. Институт
1909 г.	(20-вып.)	Крыгин Михаил	Морс. Кад. Корпус
1910 г.	(21-вып.)	Щетковский Петр Федорович	Мих. Арт. Училище
1911 г.	(22-вып.)	Беляев Петр	Мих. Арт. Училище
1912 г.	(23-вып.)	Попов Иван Капитонович	Мих. Арт. Училище
1913 г.	(24-вып.)	Богаев Петр Михайлович	Мих. Арт. Училище
1914 г.	(25-вып.)	Ретивой Сергей Амплиевич	Мих. Арт. Училище
1915 г.	(26-вып.)	Шляхтин Владимир Васильевич	Мих. Арт. Училище
1916 г.	(27-вып.)	Попов Александр	Морс. Кад. Корпус
1917 г.	(28-вып.)	Быкадоров Георгий	Дон. Полит. Институт
1918 г.	(29-вып.)	Авилов Сергей (Строющий)	Дон. Полит. Институт
1919 г.	(30-вып.)	Пономарев Сергей	Атаман. Воен. Училище
1920 г.	(31-вып.)	1) Аникин Михаил 2) Семенченков Борис	Атаман. Воен. Училище

ЕГИПЕТСКИЙ ВЫПУСК

1921 г.	(32-вып.)	1) Климентов Сергей 2) Похлебин Святослав	Египетский Выпуск
1922 г.	(33-вып.)	Перевезен в Болгарию в 1922 году	2. Египетский вып.

Донской Кадетский Корпус в ЮГОСЛАВИИ

1922 г.	(34-вып.)	Лобачев Иван	Загреб Хим. Факультет
1923 г.	(35-вып.)	35-вып. кончил 7-классов и перешел в 8-ой класс	
1924 г.	(35-вып.)	Губарев Борис	Пшибранская Гор. Акад.
1925 г.	(36-вып.)	Попов Василий 105.	Загреб. Геод. Факультет
1926 г.	(37-вып.)	Зимовнов Иван	Морск. Акад. Дубровник
1927 г.	(38-вып.)	Сергеев Антон	Воен. Акад. Белград
1928 г.	(39-вып.)	Бояринов Федор	Инж. Строитель Белград
1929 г.	(40-вып.)	Чоботов Михаил	Инж. Строитель Белград
1930 г.	(41-вып.)	Денисов Федор	Инж. Агроном Белград

1931 г.	(42-вып.)	Крылов Владимир	Универ. Белград
1932 г.	(43-вып.)	Докугинов Тока	Универ. Белград
1933 г.	(44-вып.)	Шоколи Александр	Универ. Белград
1933 г.	(45-вып.)	Закончил 7-классов Донского Корпуса, переведен в 1 Русский Вел. Князя Константина Константиновича Корпус в 8-ой класс	

СПИСОК КАДЕТ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАД. КОРПУСА

7-ой класс 1-ое отделение, 15-ый выпуск 1903/4 гг.

1. Аврамов Александр — прозвище «булка»
2. Аврамов Анатолий — прозвище «халява»
3. Афанасьев Алексей — добродушный, рыжий, в старших классах часто по вечерам играл нам в Сборном Зале на рояле и мы танцевали
4. Борисов
5. Бойков
6. Грузинов Василий — Мелиховской станицы
7. Еманов — силач
8. Каргальсков Святослав
9. Карпов — тихий, слабенький
10. Какурин Артемий — отличался тем, что в средних классах долгое время держал в парте между книгами, пойманного мышонка, в другой раз там же проживал и пойманный в Краснокутской Роще уж
11. Калинин Владимир
12. Медведев Михаил — его отец, кажется, служил в Донской Гвард. батарее
13. Муженков Максим
14. Попов Николай — сторожил Каменской станицы
15. Поляков Аристарх — силач и гимнаст, служил потом вместе с Семеном Поляковым нашего выпуска, но 2-го отделения, в 1-ом Донском Генералиссимуса Суворова полку в Москве
16. Семенченков Александр — левша, хорошо рисовал, впоследствии окончил Интендантскую Академию
17. Сладков Александр
18. Сулацкий Николай
19. Тарасов Владимир
20. Тимошкин Василий — хорошо играл в духовом оркестре на первом корнете
21. Тихонович
22. Трубников — родственник воспитателя В.-Старшины Леонова
23. Туроверов
24. Филиппов Андрей
25. Флерин Николай — хороший фотограф, сын корпусного доктора
26. Фомин
27. Ханженков
28. Чеботарев Владимир — если не ошибаюсь, мы с ним все 7 лет просидели на одной парте
29. Шляхтин Эраст

Группа персонала Донского Корпуса 1910 г. (21-ый вып.)

1. ЛАЗАРЕВ-СТАНИЩЕВ Павел Николаевич — директор корпуса (Ген.-майор)
2. Н. НИКОНОВ — инспектор классов
3. Отец ТИХОН ДОНЕЦКИЙ — законоучитель, священник
4. В. старшина СЕМЕРНИКОВ Тимофей Абрамович (Телемак) — помощник

инспектора классов, преподаватель Химии (впоследствии Временный директор)

5. ЛЕОНТЬЕВ Федор Иванович (деревня) — полк. командир 1-ой сотни
6. Полковник Н. ВЛАСОВ — командир 2-ой сотни
7. Полк. ВЯЧОСЛОВ — командир 3-ей сотни
8. РАТМИРОВ Федор Павлович — преподаватель французского языка
9. ГУКОВСКИЙ — преподаватель физики
10. Стат. Совет. ЗОЛОТАРЕВ Иван Иванович — преподаватель русского языка
11. ЛИМАРЕВ Иван Николаевич — преподаватель математики
12. МЮЛЛЕНДОРФ Федор Вениаминович — преподаватель немецкого языка
14. В. старшина ФИЛИН Георгий Феогнистович — Воспитатель
15. В. старшина НИЗОВКИН Александр Николаевич — воспитатель
16. В. старшина Степан Михайлович УШАКОВ — воспитатель
17. Есаул КУМШАЦКИЙ — воспитатель

XXI-ый выпуск (2-отд.) Донского Корпуса 1909/10 г.

21-ый выпуск Донск. Корпуса 1910 г.

1. ЩЕТКОВСКИЙ Петр Федорович — Вице-вахмистр. Кончил Михайловское Артиллерийское Училище в 1913 г. портупей-юнгером
2. АЛЕНТЬЕВ Георгий — в-ур.
3. БИРЮКОВ Георгий — в-ур.
4. БУГУРАЕВ Максим Константинович — в-ур. Кончил Михайловское Артиллерийское Училище в 1913 г.
5. ДАНИЛОВ Леонид Михайлович — в-ур.
6. ЕРМОЛЬЕВ Александр Виссарионович — в-ур.
7. КРАСОВСКИЙ Георгий — в-ур. Знаменщик выпуска (3-ий)
8. НЕФЕДОВ Алексей — в-ур. Вышел а Гардемаринские классы Морского Кад. Корпуса
9. ФОМИН Иван Иванович — в-ур.
10. ЧАУСОВ Семен — в-ур. Окончил корпус первым записан на мраморной доске золотыми буквами
11. АНТОНОВ Петр
12. ИВАНОВ Георгий Александрович
13. ИЛЬИН Георгий
14. КОЗЫРЕВ Сергей
15. КОЛПИКОВ Петр Николаевич
16. ЛАЗАРЕВ Иван Вуколович
17. ПЕРЕКОПСКИЙ Сергей
18. САМОХИН Николай
19. ХОХЛАЧЕВ Николай Григорьевич — Вышел в Николаевское Кав. Училище, получив Войсковую премию в тысячу рублей
20. УШАКОВ Михаил Степанович
21. ЧЕРЕВКОВ Иван Дмитриевич — перешел в Морской кад. корпус из 5-го класса.

По окончании Морск. Кад. Корпуса вышел в Гусарский полк

22. ШЕВЫРЕВ Сергей

23. ЩЕЛКУНОВ Валериан

24. СКАЗКИН Александр — студент Политехнического Института (аналит. геомет.)

Списки составил вице-вах. **П.Ф. Щетковский**

XXV-ый вып. 1914 г. 2-ое отд.

Ес. Василий Николаевич Биркш

1. Абраменков Евгений
2. Алубаев Александр
3. Алексеев Кронид
4. Дубенцев Борис
5. Желтухин Анатолий
6. Захаров Александр
7. Калинин Вадим
8. Ковалев Евгений
9. Наследышев
10. Наумов Степан
11. Самохин Алексей
12. Серезников Владимир
13. Сказкин Николай
14. Скандилов Борис
15. Скандилов Николай
16. Ретивов Сергей
17. Рыковский Федор
18. Фелимонов Николай
19. Шляхтин Николай
20. Хохлачев Козьма
21. Поляков Гавриил
22. Полухин Михаил
23. Лрозаровский Петр
24. Хопряников Александр

КХМ1-ОЙ вып. 1915 г. 2-ое отд.

- В. Старшина Кирста
1. Аврамов Николай
  2. Багаев Василий
  3. Букин Петр
  4. Борисов Владимир
  5. Букин
  6. Денисов Борис
  7. Еремеев Вячеслав
  8. Ажогин
  9. Белоусов
  10. Жиров Петр
  11. Маслов Евгений
  12. Ломакин Николай
  13. Лукьянов Аркадий
  14. Страхов Дмитрий
  15. Семенов Виктор
  16. Талалаев Георгий
  17. Текутов Евгений
  18. Тюрморезов Борис
  19. Ушаков Тихон
  20. Черячукин
  21. Чекунов Александр
  22. Шляхтин Владимир
  23. Ясыркин
  24. Еремеев Михаил

XXVII-ый вып. 1-ое отд.

В. Старшина Кутырев Борис Михайлович

1. Алешин Петр
2. Бабкин Николай
3. Банников
4. Голубов Алексей
5. Голицин Михаил
6. Греков
7. Гуляев
8. Запорожцев
9. Иванов
10. Калачинский
11. Киреев
12. Поляков
13. Попов Борис
14. Сазонов
15. Семилетов
16. Скопцов
17. Строганов
18. Субботин
19. Туроверов Александр
20. Туроверов Николай
21. Хмарин
22. Черевков К.
23. Черевков Степан
24. Черкесов
25. Чувалдеев

Объяснение нумерирования выпусков Донского Кадетского Корпуса

Начнем с 1918 года последний выпуск, кончивший в Новочеркасске.

1. 1918/19 г. — 30-ый выпуск (кончил в Новочеркасске переведен в Атаманское В. Училище).

2. 1919/20 г. — 31-ый вып. (Был полгода в 7-ом классе, затем Атаманское Училище).

После Новороссийска корпус разделился на две части: основная была вывезена в Египет, оставшиеся — больные, выздоравливающие и находившиеся в армии попали в Крым, а после эвакуировались в Югославию.

Египет

3. 1920/21 г. — 32-ой вып.

4. 1921/22 г. — 33-ий вып. был в 7-классе до марта 1922 года. 7-классов не закончил и был вывезен в Болгарию.

5. 1921/22 г. (6-ой класс 34-вып.)

Югославия

3. В Югославии перевод в следующий класс был задержан на один год — с 1919 и до 1921 года. Таким образом, 6-ой класс 32-го вып. перевели в 7-ой класс, только в 1920-1921 году, когда в Египте уже был выпущен 7-ми классный 32-ой выпуск.

4. 1921/22 г. — 32-ой вып. по Новочеркасску или 34-й выпуск по Югославии, кончает 7 классов в Билече (Югославия). Он же является и 1-ым Югославенским выпуском.

5. 1922/23 г. — (35-ый вып. в 7-ом классе в Билече) Т.к. в Югославии был прибавлен 8-ой класс, то

6. 1923/24 г. — (35-ый вып. кончил 8 классов в Билече).

7. 1924/25 г. — (36-ой вып. кончил 8-классов в Билече).

8. 1925/26 г. (37-ой вып.)

9. 1926/27 г. — (38-ой вып.)

10. 1927/28 г.—(39-ый вып.)

11. 1928/29 г. — (40-ой вып.)

12. 929/30 г. — (41-ый вып.)

13. 930/31 г. — (42-ой вып.)

14. 931/32 г. — (43-ий вып.)

15. 932/33 г. — (44-ый выи.)

16. 932/33 г. — (45-ый выпуск, кончивший только 7-класс Донского Кадетского Корпуса (в Горажде).

Донской корпус в Египте закончил свое существование летом 1922 года, когда прибыл из Египта в Константинополь на пароходе «Сити оф Оксфорд». Здесь все кадеты до 5-го класса были взяты в «Русско-Английскую Школу» в Буюк-Дэрэ. Старшие классы корпуса, окончивший корпус 32-ой вып., 7-ми классный 33-ий вып. и 6-ой класс 34-го вып. были отправлены вместе с директором ген. Черячукиным в Болгарию. 32-ой вып. и 33-ий (7-ми классный) были определены в Атаманское Военное Училище, а 6-ой класс 34-го (Египетского выпуска) — частично попали в Чехию, а другие — в Канаду.

Если бы Донской (Египетский) корпус продолжил свое существование в Египте, то в 1921/22 году окончил бы там 33-ий выпуск, в то время как в Югославии Донской Корпус, не получив шефства «Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса», начал бы нумерирование своих выпусков не с продолжения номеров старого Новочеркасского Корпуса (34-ый вып.), а с первого Югословенского выпуска. Но так как Донской корпус в

Египте закрыли в 1922 году, а шефство сразу же было передано Донским Атаманом Ген. Богаевским нашему Донскому корпусу в Югославии, то естественно и вполне правильно первому выпуску в Югославии был присвоен номер 34-ый, т.к. 33-ий выпуск в Египте хотя и не закончил 7 классов корпуса, но все же был, но восстановить его именной список, к большому сожалению, нет никакой возможности.

Это краткое разъяснение для всех тех, кто, не будучи никогда в Донском Корпусе, а также не зная его историческую последовательность, ошибочно берутся подсчитывать число выпусков Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса...

Донской Кадетский Корпус был открыт 30 августа 1883 года. Первый 7-ми классный выпуск был произведен в 1890 году. Последние два выпуска (8-и классный — 44, и 7-ми классный — 45) закончили Донской Кадетский Корпус в 1932/33 году, когда Донской, Императорский, Корпус был закрыт, а оставшиеся кадеты (6-ой класс — 46-ой вып.), (5-ый класс — 47-ой вып.), (4-ый класс — 48-ой вып.), (3-ий класс — 49-ый вып.) и (2-ой класс 50-го выпуска) были переведены в 1 Русский (в то время уже получивший шефство Великого Князя Константина Константиновича Кадет. Корпус) в Белую Церковь...

Д. Сарин

30-вып. Донского Императора Александра III кад. корп. 1918/19 г. Новочеркасск

30-ый выпуск Донск. Корпуса 1918/19 г.

1. Пономарев Сергей — Вице-вахмистр выпуска. Будучи уже старшим порт/юнкером Артиллерийского отдела Атаманского Воен. Уч-а, остался по болезни при эвакуации в Новороссийске
2. Ажинов Владимир — убит в 1-ом Кубанском походе 3/3-18 г. под Выселками
3. Антонов Павел — убит в госпитале Общ. Дон. Врачей, будучи там, раненым, на излечении
4. Бобриков Лев — Остался больным в гор. Новороссийске
5. Брызгалин Николай — Был тяжело ранен под Кореновкой в 1-ом Куб. походе из-за ранения не мог поступить в Училище (Георг. Крест)
6. Бородин Авраамий — был тяжело ранен под стан. Кореновской (Георг. Крест)
7. Беликов Григорий — Воронежского кадетского корпуса
8. Белозерский Ал-др — Александровского кад. корп. Умер в Училище 1918 г., Новочеркасск
9. Бересневич Николай — Орловского Бахтина кад. корпуса
10. Волков Борис — Александровского кадетского корпуса
11. Владимиров Иван — Участник 1-го Кубанского похода (Георг. Крест)
12. Воронин Сергей — Участник 1-го Кубанского похода (Георг. Крест)
13. Дувакин Даниил — Чернецовец, ранен 18/1-1918 г. под станц. Лихой из-за ранения не мог быть в 1-ом Куб. походе (Георг. Крест)
14. Деревянкин Владимир — Александровского кадетского корпуса
15. Дударев Алексей — Участник 1-го Куб. похода. По слухам застрелился в рядах Добр. Армии (Георг. Крест)
16. Ермолаев
17. Злобин — 1-го Московского кадет. корпуса
18. Донсков — Воронежского кадет. корпуса

19. Дьяконов Иван — Убит в 1-ом Куб. походе под «Выселками» (Георг. Крест)
20. Иванович Григорий — Чернецовец, дважды ранен: под станцией «Лихая» и в 1-ом Куб. походе (Георг. Крест)
21. Кобазев — Владикавказ. кадет. корпуса
22. Зубов — Владикавказ.кадет. корпуса
23. Иванов Николай — Участник 1-го Куб. похода
24. Кононович — 3-го Московского корпуса
25. Кутырев Петр — Убит в отряде полк. Чернецова
26. Мягков — Сумского кадетского корпуса
27. Мальчевский — кад. корп.?
28. Квятковский — Вольского кадет. корпуса
29. Кирсанов — 3-го Московского кад. корп.
30. Косоротов Дмитрий — Л. Гвардии Атаманского Полка (во Франции)
31. Косоротов Петр
32. Косяков Николай — 1-го кадет. корпуса (во Франции)
33. Ларин Федор
34. Ересенков Михаил
35. Мазанкин Григорий
36. Либис — Тифлисский кадет. корпус.
37. Петров — Тифлисский кадет. корпус.
38. Никифоров
39. Номикосов Борис — Умер во Франции
40. Назаров Ал-др — Л. Гв. Казачьего Полкс (во Франции)
41. Кострюков Ал-др — В Венесуэле
42. Поляков Владимир — Чернецовец, дважды ранен: станция Лихая и в 1-ом Куб. походе (Георг. Крест)
43. Поляков Дмитрий — Чернецовец, дважды ранен: станция Лихая и в 1-ом Куб. походе (Георг. Крест)
44. Рыбалко — Суворовский кадет. корпус (умер в США.)
45. Полковников Борис — в Париже
46. Рыковский Андрей — в СССР
47. Рыковский Яков — Чернецовец, ранен в первом Куб. походе (Георг. Крест)
48. Суржин Николай
49. Седов Борис
50. Сомов Георгий — Орловского кадет. корп. Л. Гв. Донск. Казачьей бат. (во Франции)
51. Севастьянов
52. Самсонов Евгений — Л. Гв. Казачьего Полк. (в США)
53. Зрудельский — 3-го Московского кадет. корп.
54. Штемпель — 3-го Московского кадет. корп.
55. Похлебин Николай — 3-го Московского кадет. корп.
56. Шамшев — 3-го Московского кадет. корп. Убит на Кубани в 1920 г.
57. Тарасов — 3-го Московского кадет. корп.
58. Тарасевич — 1-го кадет. корпуса
59. Филин Владимир — Умер в гор. Феодосии в 1920 г.
60. Ребиндер Николай — Пажеского кад. корп. (умер в Париже)
61. Черячукин Виктор
62. Шелякин Герман — Участник 1-го Куб. похода, умер во Франции (Георг. Крест)
64. Сагацкий Иван — Л. Гв. Казачьего Полк. (в Париже)
65. Чириков Федор — Умер во Франции
66. Трунев — Владикавказского кадет. корпуса
67. Новицкий — кадет. корп.?
68. Левкович — Ташкентский кадет. корпус.
69. Шурупов Алексей

70. Фролов Николай — 2-го Московского кад. корп. (в Болгарии)
71. Ханженков Николай — Ярославского кад. корп.
72. Алтухов — 3-го Московского кад. корп.
73. Романцов — Одесского кад. корп.
74. Иконников Николай — Оренбург. кад. корп.
75. Яковлев Сергей — Одесского кад. корп. (умер в Ницце)

Кадеты, георг. кавалеры за бой и взятие станции «ЛИХАЯ», — 18/1-1918 года. Атаманом Калединым награждены Георгиевскими медалями 4-ой степени, позже Атаманом Богаевским — Георгиевскими крестами 4-ой степени.

31-вып. Донского Кадетского Корпуса 1919/20 г.

Список неполный, примерно 45 фамилий из 70 кадет Выпуска.

1) Окончили Атаманское Воен. Училище в г. Ямболе (Болгария) 12 июля 1922 году

1. Аникин Михаил — Георг. крест	9. Мисин Виктор
2. Араканцев Сергей	10. Платонов Георгий
3. Абрамов Илья	11. Прянишников Борис
4. Артемов Степан	12. Рахмин Василий
5. Давыдов Николай	13. Рожков Иван
6. Желтухин Владимир	14. Сулацков Константин
7. Кашеев Николай	15. Щекатурин Владимир
8. Козорезов Николай	

2) Потерялись во время отступления (умерли или пропали без вести)

1. Абрамов Константин (редактор «Донца»)	Георг. Крест
2. Болдырев Ал-др	27. Слюсарев Сергей
3. Воинов Иван	28. Тевяшев Виктор
4. Вологурин Владимир	29. Тупалов
5. Дьяков Александр	30. Фомин Иван
6. Дьяков Петр	31. Решетовский Андрей
7. Еремеев Антон	
8. Зубов Сергей	
9. Ильин	
10. Карасьев Андрей	
11. Крюков Владимир	
12. Крюков Олег	
13. Кундрюцков Сергей	
14. Лазарев-Станищев Виктор (умер в Париже)	
15. Леонов Александр	
16. Леонтиев Алексей	
17. Балабин — Георг. Крест	
18. Нефедов Виктор	
19. Полковников Георгий	
20. Поляков Борис	
21. Пономарев Сергей	
22. Семенкин Иван — Георг. Крест	
23. Семенченков Борис	
24. Семерников Андрей	
25. Семизоров Яков	
26. Скрынников Леонид —	

32-вып. Дон. Импер. Александра III Кад. Корп. Измаилия (Египет) — 1921 год

1. Климентов Сергей (остался как воспитатель в Буюк-Дэрэ - Рус. Анг. Школа)	В-вах.
2. Похдебин Святослав (позже в Болгарии был произведен г. Черячукиным в В-вах.)	в-ур.
3. Егоров Иван (г. к.)	в-ур.
4. Ештокин	в-ур.
5. Ханжонков Валентин	в-ур.
6. Авилов Михаил	в-ур.
7. Штейн Федор	в-ур.
8. Алимов Вячеслав (Геор. крест)	
9. Апостолов	
10. Асеев	
11. Барышников Владимир	
12. Беклемшиев Михаил	
13. Белоусов	
14. Бирюков Дмитрий (Геор. крест)	
15. Болдырев Степан (Геор. крест)	
16. Букин Михаил (Г. крест)	
17. Бурькин Борис	
18. Быкадоров Николай	
19. Вальков	
20. Васильев Всеволод	
21. Гончаров Юрий	
22. Глушихин	
23. Данилов Антон	
24. Дьяконов	
25. Егоров Анатолий	
26. Зубов Павел	
27. Иконников Николай	
28. Калинин Петр	
29. Каменок	
30. Кузмицкий	
31. Кумшацкий Николай	
32. Максимов	
33. Маслов	
34. Мацкевич Вячеслав	
35. Мацкевич Евгений	
36. Мельников	
37. Логвинов Константин	
38. Никишин Федот	
39. Никитин	
40. Павлов Владимир (Геор. крест)	
41. Панкратов	
42. Попов Иван	
43. Попов Анатолий 64	
44. Попов Николай	
45. Пиховкин	
46. Полковников Юрий	
47. Плешаков	
48. Рыковский Георгий (Г. крест)	

49. Семашко Аркадий
50. Свеколкин Владимир
51. Сказкин Павел
52. Степанов Санжа
53. Сугулов Сергей
54. Талалаев Владимир
55. Толоконников
56. Тулаев Владимир
57. Тулаев Сергей
58. Туроверов Георгий
59. Цымлов Георгий
60. Харченков
61. Шляхтин Анатолий
62. Штубендорф
63. Щетковский Николай
64. Ясыркин Виталий
65. Диков

Список составлен по памяти. Принимая во внимание, что в 32 выпуске было 3 отделения и в каждом отделении максимум 35 человек, что дает в общем до 105 человек. Т.к. в этом списке всего 65 человек и 11 кадет 32-выпуска кончили в Югославии 34-вып., то можно считать, что 30 человек остались дома, погибли или пропали без вести.

34-вып. Дон. Импер. Александра III Кад. Корп. 21/22 г. Билече (Югославия)

7-классов

1. Лобачов Иван	В-вах.
2. Агеев Иван	в-ур.
3. Афанасьев Алексей	в-ур.
4. Греков Лев	в-ур.
5. Дубенцев Евгений	в-ур.
6. Концов Георгий	в-ур.
7. Лошкарев Андрей	в-ур.
8. Прибытков Петр	в-ур.
9. Фролов Виктор	в-ур.
10. Чоботов Александр	в-ур.

34-ый выпуск с юн. Кучеровым в 1921 г.

Кадеты

11. Бошановский Игорь
12. Васильев Всеволод
13. Веретенников

14. Долуханов Константин
15. Дьяков Александр
16. Дувакин Николай
17. Ермолов Николай
18. Иванов Виктор
19. Мальцев
20. Мандич Петр
21. Марков Евгений
22. Можаяев
23. Куракин Константин
24. Платонов Евгений
25. Попов Николаи 98-ой
26. Раздоров Николай
27. Сальников
28. Семерников Андрей
29. Спет Георгий
30. Смирнов
31. Фомин Иван
32. Шпилевой Анатолии
33. Эрдели Георгий
34. Юзюк Владимир

Переведены в 1 Рус. Корп. в Сараево

35. Сизякин Василий (Геор. кав.) — в-ур. кончил в 1922/23 г. 3-й вып. Рус. Корп.

36. Селиверстов Владимир — кончил в 1922/23 г. В. ун. оф. 3-й вып. Рус. Корп.

35-выпуск Дон. Корп. 1922/23 гг.

7-классов

1. Андросов Николай
2. Бурульдушев Эрне
3. Гнилорыбов Михаил
4. Добрянский
5. Ештокин
6. Захаров Валентин
7. Львов
8. Маноцков Виктор
9. Михайлов Сергей
10. Мурза Яков
11. Погуляев Виктор
12. Пономарев
13. Сысоев Георгий
14. Титов
15. Топчий Федор
16. Финогеев

35-ый выпуск Донск. Корпуса 1923/24 г. Билеча

35-выпуск Дон. Корп. 1923/24 гг. (8-классов)

1. Губарев Борис	В-вах.
2. Андреев Василий	в-ур.
3. Аристов Ал-др	в-ур.
4. Беломестнов Адр	в-ур.
5. Данилов Владислав	в-ур.
6. Ковшаров Михаил	в-ур.
7. Кравченко Анатолий	в-ур.
8. Марковский Виктор	в-ур.
9. Машлыгин Николай	в-ур.
10. Самойлов Георгий	в-ур.
11. Седов Борис	в-ур.
12. Скворцов Ал-др	в-ур.
13. Филатов Борис	в-ур.
14. Богоявленский Евгений	
15. Бычков Илья	
16. Васильев Павел	
17. Глазков Василий	
18. Григорьев Иван	
19. Захаржевский Анатолий	
20. Кундрюцков Борис	
21. Лисенко Георгий	
22. Лишевский Виктор	
23. Макаров Сафрон	
24. Назаров Иван	
25. Попов Алексей	
26. Поляков Александр	
27. Поляков Павел	
28. Ровный Петр	
29. Ротов Ал-др	
30. Родойчев Арсений	
31. Тарасов Ал-др	
32. Туроверов Ал-др	
33. Церковников Евгений	
34. Шумилин Борис	
35. Яковлев Иван	

36-выпуск Дон. Корп. 1923/24 гг.

Окончили 7-классов 1923/24 гг.

1. Басов Николай	7. Петухов Леонид
2. Богаевский Евгений	8. Рытов Михаил
3. Гусельшиков Адриан	9. Корнеев Петр
4. Емец Виктор	10. Никифоров Михаил
5. Курбатов Евгений	11. Трофименков Александр
6. Паршин Михаил	

36-ой выпуск после матуры 1924/25 г.

Окончили 8-классов 1924/25 гг.

1. Попов Василий 105	В-вах.
2. Великопольский Иван	в-ур.
3. Верещагин Святослав	в-ур.
4. Вертепов Петр	в-ур.
5. Викгорст Петр	в-ур.
6. Готуа Георгий	в-ур.
7. Израилов Анастасий	в-ур.
8. Казменков Николай	в-ур.
9. Карпов Владимир	в-ур.
10. Кирий Константин	в-ур.
11. Крыжановский Григорий	в-ур.
12. Родионов Серафим	в-ур.
13. Сиркс Аркадий	в-ур.
14. Трофимов Ал-др	в-ур.
15. Александров Ал-др	20. Рубцов Михаил
16. Герасимов Иван	21. Руденков Константин
17. Ковалев Михаил	22. Посохин Александр
18. Крапивин Анатолий	23. Саринов Михаил
19. Логвинов Георгий	

37-выпуск Дон. Корп. 1925/26 гг.

Окончили 7-классов 1924/25 гг.

1. Голощапов Николай ..	7. Ключев Ал-др
2. Губарев Павел	8. Линников Михаил
3. Журавлев Константин	9. Сидоров Ал-др
4. Иванов Борис	10. Соседов Владимир
5. Иконников Арсений	11. Чеботаев Владимир
6. Кошкин Глеб	

37-ой выпуск Дон. корпуса после матуры 1925/26 г.

Окончили 8 классов 1925/26 гг.

1. Зимовнов Иван В-вах.
2. Белоусов Николай в-ур.
3. Горенко Иван в-ур.
4. Железников Степан в-ур.
5. Захаров Николай в-ур.
6. Канарев Константин в-ур.
7. Маслов Петр в-ур.
8. Попов Аркадий 109 в-ур.
9. Попов Сергей 107 в-ур.
10. Назаров Георгий в-ур.
11. Равский Всеволод в-ур.
12. Фастунов Иван в-ур.
13. Залесский Михаил
14. Сосевич Михаил в-ур.
15. Коростин Ювевалиё
16. Попов Валентин 110
17. Строганов Евгений
18. Суляев Иван
19. Татаркин Святослав
20. Ткаченко Василий
21. Хрущёв Вадим

Проводы окончивших 37-ой выпуск — Билеча

38-ой выпуск Донского корпуса 1926/27 гг.

Окончили 7 классов 1925/26 гг.

1. Бальва Петр
2. Глазков Василий
3. Зозулин Михаил
4. Маслон Федор
5. Непенин Сергей
6. Чеботаев Владимир

38-ой выпуск Донск. корп. после матуры 1926/27 г.

Окончили 8-м классов 1926/27 гг.

1. Сергеев Антон	В-вах.
2. Бутовский Юрий	в-ур.
3. Васецкий Николай	в-ур.
4. Де-Витт Юрий	в-ур.
5. Еленевский Ал-др	в-ур.
6. Иванов Петр	в-ур.
7. Концов Георгий	в-ур.
8. Рубцов Михаил	в-ур.
9. Саринов Дмитрий	в-ур.
10. Третьяк Дмитрий	в-ур.
11. Балиоза Яков	
12. Бердников Глеб	
13. Букин Николай	
14. Казнаков Николай	
15. Киреев Николай	
16. Клисурич Владимир	
17. Малыгин Николай	
18. Петраш Владимир	
19. Чепурковский Константин	

8-классов без матуры

1. Вениосов Владимир

39-вып. Дон. Кад. Корп. 1927/28 год (Горажде)

Кончили 7 классов 1926/27 год.

1. Буданов Виктор
2. Иванов Мстислав
3. Ус-Усенко Александр
4. Доброцветов Эксокустодиан
5. Дубровный Иван
6. Казанцев Александр
7. Карин Игорь
8. Костромин Виктор
9. Перфильев Георгий

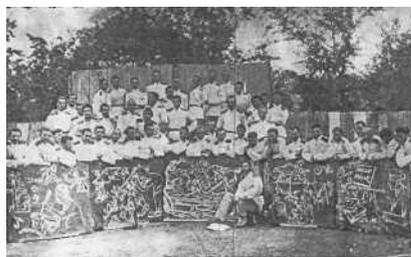
39-ый вып. Дон. корпуса 1927/28 г.

Кончили 8-классов 1927/28 год.

1. Бояринов Федор	В-вах.
2. Александрии Иван	в-ур.

3. Вениосов Владимир	в-ур.
4. Евсеев Николай	в-ур.
5. Гаврилов Иван	в-ур.
6. Голицын Павел	в-ур.
7. Климов Борис	в-ур.
8. Кушнарев Сергей	в-ур.
9. Манохин Всеволод	в-ур.
10. Немальцев Аврам	в-ур.
11. Перфильев Игорь	в-ур.
12. Перфильев Семен	в-ур.
13. Поликарпов Константин	в-ур.
14. Костырев Георгий	в-ур.
15. Ячменев Иван	в-ур.

16. Адамович Мстислав	31. Листратов Андрей
17. Бальва Павел	32. Макеев
18. Бердников Александр	33. Макевнин Федор
19. Боровский Михаил	34. Меркулов Ефим
20. Губарев Иван	35. Писарев Михаил
21. Дическул Леонид	36. Поляков Евгений
22. Жуклевич Ярослав	37. Попов Леонид
23. Иванов Леонид	38. Рыбас 1-й Борис
24. Иванов Сергей	39. Сангилев Бембе
25. Иловайский Михаил	40. Скибенков Николай
26. Кибирев Алексей	41. Скибенков Валентин
27. Кравцов Михаил	42. Уваров Алексей
28. Крылов Иван	43. Черевков Трофим
29. Ларин Владимир	44. Чернышев Глеб
30. Лашков Алексей	45. Шевченко Александр

40-ой вып. Дон. корпуса 1928/29 г.

40-выпуск Дон. Корпуса 1928/29 год.

Кончили 8-классов 1928/29

1. Чоботов Михаил	В-вах.
2. Аристов Михаил	в-ур.
3. Глушенко Павел	в-ур.
4. Донцов Игорь	в-ур.
5. Ершов Иван	в-ур.
6. Климов Петр	в-ур.
7. Лысенко Николай	в-ур.
8. Побегайло Алек-др	в-ур.
9. Протопопов Игорь	в-ур.
10. Сирке Валентин	в-ур.

11. Солдатов Павел в-ур.
12. Яковлев Ефрем в-ур.

13. Александров Илия	31. Недожогин Дмитрий
14. Берендс Анатолий	32. Никольский Михаил
15. Богаевский Николай	33. Парагис Николай
16. Викентьев Владимир	34. Попов Николай
17. Войнилович Борис	35. Полков Владимир
18. Гуков Алексей	36. Полянский Игорь
19. Дмитриев Борис	37. Подскребалин Василий
20. Зрянин Петр	38. Сафаревич Константин
21. Калмыков Тимофей	39. Сосиев Алексей
22. Киселев Лев	40. Смирнов Николай
23. Кормилев Евгений	41. Судоргин Владимир
24. Крипаков Павел	42. Толстов Алексей
25. Кульпин Николай	43. Фортель Никита
26. Курмыженко Петр	44. Хроматько Константин
27. Лешенко Иван	45. Шевченко Петр
28. Лесневский Владимир	46. Донцов Глеб — 8-классов без матуры
29. Ментов Сергей	47. Миргородский Ал-др — 8-классов без матуры
30. Назаров Николай	

Кончили 7-классов 1927/28 год.

48. Марков Владимир
49. Жигаев Кирилл

41-ый вып. Дон. корпуса после экзаменов 1930 г.

41-ый выпуск Донского Корпуса 1929/30 гг.

8-класс 1-отд.

1. Денисов Федор	В-вах
2. Бадминов Саран	в-ур.
3. Зеленщиков Константин	в-ур. (к)
4. Иванов Виктор	в-ур.
5. Киклич Олег	в-ур.
6. Козлов Виктор	в-ур. (к)
7. Кудринский Ал-др	в-ур.
8. Моллер Георгий	в-ур.
9. Феоктисов Борис	в-ур.
10. Шестаков Михаил	в-ур.

11. Бакулин Пурве	21. Новожилов Василий
12. Баровский Анатолий (к)	22. Папич Ягош
13. Блинов Андрей	23. Пронин Николай (к)
14. Владиславлев Николай	24. Табакович Костя
15. Головки Евгений	25. Сазон Борис (к)
16. Долженко Иван	26. Халтулари Дмитрий (к)
17. Иванов Юрий	27. Шевченко Владимир
18. Мартынов Андрей	28. Шиманов Иван (к)
19. Мартынов Петр	29. Шулепов Владимир
20. Михайлов Павел	

8-класс 2-отд.

30. Арсеньев Борис	В-ур.
31. Брешко Брешковский А.	в-ур. (к)
32. Бутовский Всеволод	в-ур.
33. Казимиров Борис	в-ур.
34. Новосильцев Виктор	в-ур. (к)
35. Рент Алексей	в-ур.
36. Суков Вадим	в-ур.
37. Гарногурский Анатолий	в-ур.
38. Федьковский Ал-др	в-ур.
-
39. Быков Артамон	50. Николаев Игорь
40. Брюно Борис	51. Оцаколич Михаил
41. Герасимов Дмитрий	52. Рурсиан Анатолий (к)
42. Григоров Владимир (к)	53. Рыбас 2-й Владимир
43. Данилов Ал-др (к)	54. Рыбаков Михаил
44. Капор Младен	55. Сакович Михаил
45. Костин Ал-др	56. Старицкий Юрий (к)
46. Крезе Сейдо	57. Ус-Усенко Анатолий
47. Кукич Радо	58. ЦиГанков Михаил
48. Красносельский	59. Жежель Константин (к) — 8-классов без матуры
49. Колтовский Глеб (к)	

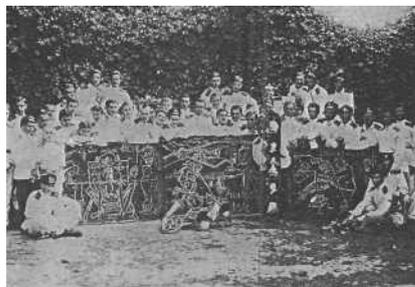
42-ой выпуск Донского Корпуса 1930-31 гг.

7-классов 1929/30 гг.

1. Дьяков Георгий	4. Путинцев Борис
2. Казнаков Георгий	5. Стоянович Душан
3. Казнаков Иван	6. Чепурковский Василий

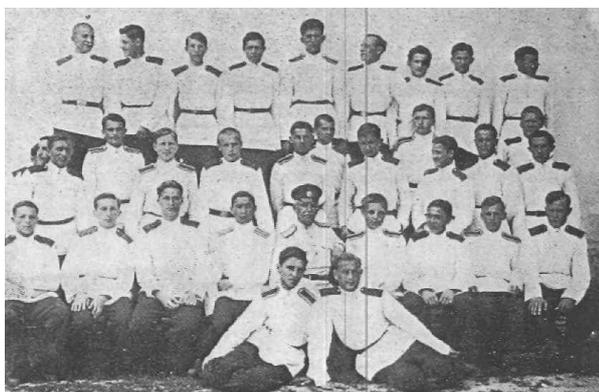
8-классов 1930/31 гг.

1. Крылов Владимир	В-вах. (к)
2. Крестов Георгий	в-ур.
3. Богородицкий Владимир	в-ур.

42-ой вып. окончание занятий 1931 г.

4. Гапонов Владимир	в-ур.	
5. Куреш Голуб	в-ур.	
6. Вучинич Ефта	в-ур.	
7. Мичович Борислав	в-ур.	
8. Мерзликин Петр	в-ур.	
9. Морозко Игорь	в-ур.	
10. Музен Петр	в-ур.	
11. Понамарев Георгий	в-ур.	
12. Потапов Дмитрий	в-ур.	(к)
13. Савченко Владимир	в-ур.	(к)
14. Савченко Игорь	в-ур.	(к)
15. Чучувадзе Георгий	в-ур.	
16. Шабан Лев	в-ур.	
17. Берегулько Петр		32. Коротюков Георгий (к)
18. Богословский Иван		33. Котляров Алексей
19. Васильев Владимир		34. Кох Анатолий (к)
20. Волков Анатолий (к)		35. Фон Дер Ноне Владимир (к)
21. Вучинич Обрад		36. Литвинов Фома
22. Головин Дмитрий		37. Магденко Юрий
23. Головин Зиновий		38. Мильчич Радивой
24. Губкин Алексей		39. Пискорский Георгий
25. Грибовекий Никита (к)		40. Пивоваров Анатолий (к)
26. Дараган Николай		41. Попов Сергей (к)
27. Исаев Владимир (к)		42. Скарлато Василий
28. Килинкаров Леонид		43. Страдецкий Николай (к)
29. Козлов Иван (к)		44. Строгов Владимир (к)
30. Кейниг Анатолий (к)		45. Чернявский Григорий (к)
31. Колтовский Глеб (к)		46. Шевченко Павел

43-ий вып. Дон. Корпуса

43-вып. Дон. Корп. 1931/33 гг.

8-класс

1. Докугинов Тока	В-вах.
2. Авдич Мустафа	в-ур.
3. Брешко Брешковский Анатол	в-ур. (к)
4. Квасников Павел	в-ур. (к)
5. Кузнецов Николай	в-ур. (к)
6. Лебедев Виталий	в-ур.
7. Лихарев Николай	в-ур.
8. Милошевич Сергей	в-ур.
9. Попович Драголюб	в-ур.
10. Протич Данило	в-ур.
11. Радионов Дмитрий	в-ур.
12. Темников Николай	в-ур.
13. Шкурко Виктор	в-ур.
14. Алексеев Вадим	26. Михайлов Виктор
15. Алферов Александр	27. Морозов Михаил
16. Бартош Яков	28. Мюфке Борис
17. Берендс Алексей	29. Нижницкий Андрей (к)
18. Боровский Борис	30. Перфильев Евангел
19. Верещагин Георгий	31. Соболящиков Константин (к)
20. Григорьев Михаил (к)	32. Циганков Григорий
21. Григорович Николай (к)	33. Чинчиковский Борис (к)
22. Елчанинов Георгий (к)	34. Штарк Константин (к)
23. Козлов Иван (к)	35. Шулепов Леонид
24. Кузменко-Гвоздевич Дмитрий (к)	36. Пустовойтенко Алексей — 8 классов без натуры
25. Литвинский Евгений	

**44-вып. Дон. Корп. 1932/33 год. Последний 8-классный вып.
Дон. Корп. расформирован 1-го Августа 1933 года**

8-классов

1. Шоколи I Александр	В-вах. (к)
2. Гирс Евгений	
3. Гофман Георгий	в-ур. (к)
4. Новосильцев Всеволод (к)	в-ур. (к)
5. Савченко Олег	в-ур. (к)
6. Турский Владимир	в-ур. (к)
7. Васенков Виталий	
8. Грейц Всеволод	
9. Гинтер Георгий	
10. Дурноусов Леонид (к)	
11. Запасов Владимир	
12. Казнаков Владимир	
13. Кузнецов Лев (к)	
14. Май Борода Борис	
15. Маслов Анатолий (к)	
16. Квятковский Игорь	

17. Серебряков Георгий
18. Семенов Олег
19. Турчанинов Василий (к)
20. Фучидзи Федор (к)
21. Воронец Сергей —
8-классов без матуры
22. Кн. Кубеков Никола —
8-классов без матуры
23. Казимиров Владимир

44-ый вып. Дон. корпуса 1932/33 г.

45-ый вып. Дон. корпуса 7 кл. 1932/33 г.

24. Остальский Владимир — 8-классов без матуры
25. Субботин Михаил — Сдал матуру с 44-вып.
26. Сперанский Глеб — Сдал матуру с 44-вып.

**Закончили 7-классов Дон. Корп. 1932/33 гг.
(Остались на 2-й год)**

1. Попов Иван	6. Котляревский Игорь
2. Денисенко Борис	7. Тубольцев Анатолий
3. Григорьев Георгий	8. Новосильцев Ал-др
4. Мельник Юрий	9. Шереметов Константин
5. Скугаревский Николай	

45 вып. Дон. Корп. в 1933/34 году в момент закрытия Дон. Корп. Этот выпуск кончил 7 классов 1932/33 год, а затем переведен в 1 Рус Корп. (Б. Ц.)

7-классов 1932/33 год

1. Квасников Евгений	— Старший вып. 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. 1 Р. К. — у. оф. 1933/34 гг.

2. Бесарович Воислав	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
3. Брылькин Дмитрий	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
4. Арцибашев Ал-др	— 7-классов Дон. Корп.
5. Воронеж Борис	— 7-классов Дон. Корп.
6. Кн. Гагарин Николай	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
7. Гуцаленко Сергей	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
8. Дурноусов Евгений	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
9. Кавазов Константин	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
10. Ласксев Алексей	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
11. Пичахчи Георгий	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
12. Попов Аркадий	— 7-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
13. Попов Иван	— 7 классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
14. Родионов Гермоген	— 7 классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К. — В ун. оф. 1933/34 гг.
15. Хрущов Виктор	— 7 классов Дон. Корп.
16. Хаджи Вукович Драгомир	— 7 классов Дон. Корп. и 14 вып. Р. К.
17. Чирко Ростислав	— 7 классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
18. Федоровский Владимир	— 7- классов Дон. Корп. и 14 вып. Р. К. — В ун. оф. 1933/34 гг.
19. Шевченко Георгий	— 7-классов Дон. Корп.
20. Шевченко Иван	— 7- классов Дон. Корп.
21. Ломагин Юрий	— 7- классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К. — В ун. оф. 1933/34 гг.

Кадеты 44-вып., кончившие 8-классов, но не получившие «матуру», были переведены вместе с 45 вып. в 1 Р. К., где закончили 14 вып. в 1933/34 году

22. Денисенко Борис	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К. — В. ун. оф. 1933/34 гг.
23. Мельник Юрий	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К. — В. ун. оф. 1933/34 гг.
24. Григорьев Георгий	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
25. Новосильцев Ал-др	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
26. Тубольцев Анатолий	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
27. Котляревский Игорь	— 8-классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
28. Скугаревский Николай	— 8 классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.
29. Шереметов Константин	— 8 классов Дон. Корп. и 14-вып. Р. К.

46-ой выпуск Донского корпуса 1934/35 гг.

В момент закрытия корпуса в 1932/33 гг. — кончили 6-классов Донского корпуса и переведены в 7-ой класс 1-го Русского корпуса и кончили 15-вып. в 1934/35 гг.

1. Авдич Ефта	не кончил
2. Амочаев Анатолий	не кончил
3. Белик Валерьян	В. ун. оф.
4. Бирюкович Анатолий	не кончил
5. Гесслер Вадим	
6. Граф Константин	кончил 16-ый выпуск 1935/1936 гг.
7. Гняздовский Игорь	В. ун. оф.
8. Драценко Георгий	Вице-фельд. — был в Донском корпусе в 46-выпуске
9. Джурджевич Григорий	кончил 16-ый выпуск 1935/1936 гг.
10. Ергин Олег	не кончил
11. Ечменич Илия	не кончил

12. Жолкевич Евгений	не кончил
13. Измайлов Вадим	не кончил
14. Клочков Алексей	В. ун. оф.
15. Матеич Добриной	В. ун. оф.
16. Мельников Георгий	
17. Монастырев Виталий	
18. Мотлевский Евгений	
19. Москаленко Ростислав	кончил 16-ый выпуск 1935/1936 гг.
20. Невзоров Михаил	не кончил
21. Никитин Георгий	не кончил
22. Рогойский Владимир	В. ун. оф.
23. Руднев Михаил	В. ун. оф.
24. Рудник Сергей	
25. Романов Владимир	не кончил
26. Ровнев Вячеслав	не кончил
27. Случевский Владимир	В. ун. оф.
28. Сазонов Владимир	Вице-фельд. (2-ой)
29. Сучков Анатолий	
30. Старицкий Всеволод	не кончил
31. Поморский Вадим	не кончил
32. Озеров Владимир	
33. Филатьев Александр	В. ун. оф.
34. Чирко Олег	не кончил
35. Шоколи 2-ой Владимир	В. ун. оф.

47-вып. 1935/36 год

Из памяти были в Дон. Корп. в 5 классе в 1932/33 году кон. 16-вып. Р. К.

1. Анжело	не кончил
2. Баттезат Игорь	не кончил
3. Белкин Павел	не кончил
4. Германович Евгений	не кончил
5. Годлевский Олег	не кончил
6. Гончаров Всеволод	В. ун. оф.
7. Граф Константин	
8. Демьянов	не кончил
9. Джурджевич Георгий	
10. Дермеджиев Константин	Пех. Воен. Акад. Бел.
11. Зейферт	
12. Зубчевский Михаил	В. ун. оф. Инж. Воен. Акад. Бел.
13. Ильинский	не кончил
14. Казанцев Леонид	Инж. Воен. Акад. Бел.
15. Калинин Сергей	Пех. Воен. Акад. Бел.
16. Максимов	не кончил
17. Малиновский Валентин	В. Фельдфебель
18. Митричевич Боян	
19. Мошинский Георгий	
20. Мурзин Николай	
21. Озеров Иван	
22. Охотин Игорь	В. ун. оф.
23. Перендия Ватомир	не кончил
24. Пио-Ульский Дмитрий	Воен. Акад. Бел.
25. Полажченко Олег	не кончил
26. Полонский Игорь	

27. Поморский Вадим	Воен. Акад. Бел.
28. Ренников Олег	
29. Фигуровский Георгий	
30. Фищенко Николай	
31. Пинамегваров Олег	В. фельд. 16 вып. 35/36 г. (Мрам. Доска) Арт. Воен. Акад. Бел.
32. Ширококов Олег	В. ун. оф.

48-вып. 1936/37 год

Были в Дон. Корп. в 4 классе. Выпуска в Дон. Корп. не было — отстали

1. Сербии Борис	кон. 17 вып. 36/37 год.
2. Сигов Всеволод	кон. 17 вып. 36/37 год.
3. Соловьев Евгений	кон. 17 вып. 36/37 год.

49-вып. Дон. Корп. были в 3 классе, переведены в 1 Рус. К. 18 вып. 1937/38 гг.

1. Мурзин Ал-др	В. ун. оф.
2. Плотников Борис	В. ун. оф.
3. Рябов Олег	В. ун. оф.
4. Самушенок Николай	В. ун. оф.
5. Яблочков Алексей	В. ун. оф.
6. Бирюкович Анатолий	
7. Белик	умер еще в Дон. корп.
8. Лобанов Зиновий	
9. Мистергази Николай	
10. Носак Андрей	
11. Прейс	
12. Ровнев	
13. Савицкий	
14. Сержников Игорь	был на Вост. Фронте
15. Степанов	
16. Скоробогач Юрий	
17. Столкович	умер еще в Дон. корп.
18. Сучков Константин	

50-вып. Дон. корп. были в 2-классе, переведены в 1 Рус. К. 19 вып. 1938/39 гг.

1. Бендерович Георгий	19 вып. 1938/39 гг.
2. Болотов Николай	
3. Бортновский Борис	
4. Вейерман	
5. Гегстрем Валентин	
6. Дадизпи	
7. Епихин Борис	
8. Иодчин Федор	19 вып. 1938/39 гг.
9. Каплий Юрий	
10. Китайсков Владимир	19 вып. 1938/39 гг.
11. Колчевский Юрий	21 вып. 1940/41 гг.
12. Козуб Игорь	
13. Курочкин Николай	
14. Липковский Севир	19 вып. 1938/39 гг.
15. Любимов Борис	
16. Мартыненко Владимир	21 вып. 1940/41 гг.

17. Москаленко Михаил	
18. Нещерет Алексей	19 вып. 1938/39 гг.
19. Образ Роман	В. ун. оф. — 19 вып. 1938/39 гг. 19 вып. 1938/39 гг.
20. Парашак Антон	21 вып. 1940/41 гг.
21. Протопопов Николай	20 вып. 1939/40 гг.
22. Рашидкадич Ахмед	
23. Ребезов Владимир	
24. Рогов Михаил	20 вып. 1939/40 гг.
25. Руденко Владимир	
26. Самофалов Конст.	В. ун. оф. — 19 вып. 1938/39 гг.
27. Сахаров Георгий	
28. Сахаровский Владимир	
29. Смирнов Сергей	
30. Строинов Борис	
31. Хлопов Мстислав	20 вып. 1939/40 гг.
32. Цинамзгваров Игорь	19 вып. 1938/39 гг.
33. Чипиженко Мирослав	
34. Чурюмов Херсон	
35. Шокальский Кирилл	
36. Ященко Борис	
37. Щербатов	

**СПИСОК КАДЕТ БЫВШИХ В ДОН. КОРП.
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ (с 1920 по 1933 год)**

Авдич Ефта (46) — ушел из 6 класса
 Агеев Иван (34) — уехал в СССР
 Агеев Георгий (36) — уехал в СССР
 Алексеев Виктор (41-Сиб.)
 Алексеев Санжа (37-Кал)
 Аджемов Борис
 Амочаев Ал-др (42) кон. 11 вып. 30/31 г. Б. Ц.
 Амочаев Николай (43) — 12 вып. 31/32 г. Б. Ц.
 Амочаев Анатолий (46)
 Анджелкович (40) — Серб.
 Андреев
 Архипов (36)
 Арцибашев Дмитрий (43)
 Бабкин Владимир
 Бальва Петр (38) — Ушел из 7-класса
 Батезат Георгий
 Батезат Ал-др
 Батезат Константин (Умер в Билече)
 Батезат Игорь
 Богаевский Борис (42) — стал священником
 Борисов Николай (42)
 Болдырев Алексей (36)
 Бегинин Семен (37) Рус К. — 6 в. 25/26 г. Сар.
 Бирюков Анатолий (46)
 Брокс Борис (38) Кр. К. 8 в. 27/28 г. Б. Ц.
 Брюно Юрий (40) Рус. К. 8 в. 27/28 г. Сар.
 Бычковский Владимир (42)
 Воробьев Михаил (40)

Вотеичкин Петр (41) — кон. 7 к. 8 в. Кр. к. Б. Ц.
Вериго Виктор
Гарбовский Николай (42)
Гаттенбергер Петр (40)
Гаттенбергер Владимир (41)
Гаттенбергер Георгий (43)
Герасимов Иван (41)
Головин Николай (43)
Горелов Михаил (37)
Горский-Шалыгин Евгений (38)
Григорьев Васильев (42)
Григорьев Георгий (43)
Грейц Глеб (42)
Глумац Бранко (43)
Гуцаленко Николай (42)
Гридин Николай (Ег.)
Донсков Сергей (36) — Воен. Акад. Белград
Демин (37)
Давыдов (43)
Дивнич Евгений (38) Кр. К. 8 в. 27/28 г. Б. Ц.
Дмитров Алексей (41)
Дрелинг Константин (37)
Дурноусов Владимир (43)
Егоров Михаил (41)
Ефремов Андрей Ефремов Василий (42)
Ергин Олег (46)
Жуков (36)
Житлов Николай (43) — ушел из 5 класса
Житлов Павел (43) -- ушел из 6 класса
Захаров Николай (42)
Закрепа Петр (39)
Золотов Григорий (42)
Карабан Евгений (43)
Кашин Михаил (42) — ушел из 6 класса
Кузнецов Лев
Крисурич 2-ой Николай (40)
Капор Бранко (42)
Крезо Альдо (46)
Колобов Ростислав (43)
Костромин Виктор (39)
Костромин Валентин (40)
Котляров Алексей (42)
Крузе 1-ый Андрей (41)
Крузе 2-ой Эраст (42)
Курц 1-ый Олег (42) — перешел в Крым. корп.
Курц 2-ой Игорь (42) — перешел в Крым. корп.
Курц Василий (38) Кр. К. 7 в. 26/27 г. Б. Ц.
Крылов Анатолий (43)
Коклюгин (44) — убит на Вост. Фронте
Кушнырь Алексей (43)
Косоногов Павел (35) Р. К. 4 в. В-ун. оф. 23/24 г.
Иловайский Валериан (36) Р. К. 5 в. 24/25 г. Сар.
Иконников Кронид (43)
Ирошников Петр

Лазарев Владимир (36)
Лазарев Евгений (40) Кр. К. 9 в. 28/29 г. Б. Ц.
Лазарев Лев (42) Рус. К. — 11 в. 30/31 г. Б. Ц.
Лиляк (42) — Серб из Рус. Корп.
Лемишев Георгий (37)
Ластовцев Константин (43) — умер в 7-классе
Лебединский Игорь (43) — ушел из 4 класса
Лермонтов Михаил (38)
Лермонтов Георгий
Лидзарь Евгений (43) — застрелился
Лищенко Леонид (44)
Ломангин Юрий (44) Рус. К. — 14 в. 33/34 г. Б. Ц.
Лукашевич Глеб (40) Рус. К. 9 — в. 28/29 г. Сар.
Луполов Анатолий (42)
Любимов Григорий (40) Кр. К. 9 — в. 28/29 г. Б. Ц.
Люткевич Николай
Левченко Ал-др
Левченко Константин
Маклаков Ал-др (42)
Махновский Юрий (40) Кр. К. 9 в. 28/29 г. Б. Ц.
Мархинин Георгий (41)
Мезген Георгий
Меходуй Петр (36) — Георг. Кавалер.
Ментов Евгений (42)
Мерзликин Дмитрий (43)
Мильчич Николай (43)
Мичич Божидар (43)
Москвичеа Никита (43)
Моллер Всеволод
Мощевский Ал-др (40)
Мумм Николай (40) Рус. К. 10 в. 29/30 г. В. Ц.
Мстафйин Николай (43)
Мячкин Владимир
Морозко Игорь
Никифоров Константин (42)
Новицкий Сергей (43) Рус. к. 12 в. 31/32 г. Б. Ц.
Панаев Михаил (41) пост, в Стернице до 5 к.
Персидский Ал-др (36)
Пономарев Владимир (42)
Пономарев Игорь
Попов Владимир (43)
Полковников Федор (35) Р. К. 4 в. 0-ф. 23/24 г.
Пономарчук (42)
Петроцкий 1 Георгий (40) Кр. К. 9 в. 28/29 г.
Петроцкий 2 Анатолий (42)
Радак Милета (44)
Радецкий-Микулич Николай (42)
Ревешин Николай (42)
Рогальский Георгий (44)
Рогатинекый Максим (43)
Рубанистый Евгений (41) Р. К. 10 в. 29/30 г.
Савельев Борис (42)
Савельев Константин (43)
Сезон Ал-др (44)

Сакович Михаил
Сафаревич 2-ой Борис (43) — из 6 класса (дал по памяти
Бадминов Саран 41 вып.)
Савченко-Бельский Семен (44)
Семенкин Георгий (36) — Георг. Кав. пол. бант Семенкии Сергей
Семьнин Сергей (39) Кр. К. 7 к. 9 в. 28/29 г.
Севастьянов Арсений (35)
Сербии Владимир (44) Рус. К. 12 в. 31/32 г.
Синицкий Виктор (42)
Сладковский Виктор (43)
Сомонов Ал-др (43)
Старицкий Юрий (41) Рус. К. 10 в. 29/30 г.
Стоянович Душан (42) Степанов
Супранович Георгий (42) Субботин Михаил (44) — Матура
Сперанский Глеб (44) — Матура
Фон. Таль Владимир (43) Р. К. 13 в. 32/33 г. Б. Ц.
Тихоцкий Николай (43)
Токарчук Александр (43)
Турский Борис (44)
Тусевич Евгений (38)
Фатеев Вадим (41)
Фищенко Ал-др (43)
Фортель Ал-др (42)
Федин (43)
Фроловский Константин (41) — Козя
Функ Сергей (44)
Фицковский Ал-др
Фицковский Евгений
Ходаковский Евгений (42)
Храмов Виктор (43)
Худолей Борис
Черемисов Георгий (37)
Чекальский Константин (42)
Чипизубов Михаил (40) Кр. К. 10 в. 29/30 г. Б. Ц.-
Чучувадзе Ал-др (42)
Юрьев Павел
Цимбалист Михаил (37) Циглинов Санжа (37)
Шапочников Виталий (42) — Георг. Кав.
Шатковский Валериан (39)
Шатров Игорь (41) — Сиб.
Шмельц Григорий (43)
Шулепов Николай (40) Р. К. 9 в. 28/29 г. Сар.
Шавров Валериан
Щербович-Вечор Владимир (42)
Эднет Никита (46)

СПИСОК КАЛМЫКОВ БЫВШИХ В ДОН. КОРПУСЕ

1. Бакбушев Яник
2. Бембинов
3. Бурчинов
4. Далантинов Садман
5. Ковников Парда
6. Кульдинов Содман

7. Меньков Цебек
8. Пиджинов Санжа
9. Татинов Церен
10. Тепкин Церен
11. Уланов Лиджи
12. Умадииков
13. Чюрюмов Херсон
14. Шургучинов (умер в Билече)
15. Андрюшкин Умак
16. Трушкин Нури
17. Лиджинов Санжа
18. Бакулин Петр

**После расформирования Донского (Египетского) корпуса
в Канаду прибыло 25 кадет в сопровождении сотника
Б. Кутырева**

1. Быкадоров М. (35)	— умер в апреле 9-1967 г.
2. Зуйкин В. (35)	—
3. Тарасов П. (35)	— кому это нужно — ездил в С. С. С. Р.
4. Шалякин Ф. (35)	— впечатление отрицательное в отношении издания
5. Васильев Г. (35)	— удачно женился (очень скуп)
6. Черников Н. (35)	— 1-го Петроградского корпуса (нет адреса)
7. Гриневский В. (35)	— в провинции Онтарио (Амочаев)
8. Угличинин (35)	— уехал в Австралию в 30 годах
9. Колтунов (35)	— живет в Торонто (Амочаев)
10. Цепляев А. (35)	— Провинция Альберта (И. Александрии Эдмонтон)
11. Цепляев С. (35)	— Провинция Альберта (И. Александрии Эдмонтон)
12. Ершов Б. (35)	— умер в 1940 г.
13. Мухин Г. (35)	— живет в Торонто (Амочаев)
14. Катков (35)	— неизвестно
15. Банников И. (36)	— умер в 1937 г.
16. Щербаков Л. (36)	— умер в 1954 г.
17. Хохлачои А. (36)	— умер в ССР
18. Матасов Т. (36)	— нет адреса
19. Жужнев Г. (36)	— умер в 1935 г.
20. Текунтиков (36)	— умер в 1935 г.
21. Черников Ф. (36)	— 1-го Петроградского корпуса (нет адреса)
22. Черячукин (36)	— неизвестно
23. Лозинский (36)	— в провинции Онтарио (Амочаев)

После 2-ой Мировой Войны попали в Канаду

1. Иконников Н. (30)	—
2. Ханжонков В. (32)	—
3. Никулин П. (32)	—
4. Гридин Н. (37)	—
5. Сутулов В. (31)	— кончил жизнь самоуб.
6. Быкодоров Н. (31)	— умер в март 9-1967 г.
7. Зенченко Н.	

**Кадеты, приехавшие из Египта в Чехию. Все были определены
в Моравско-Тшебовскую гимназию (кажется 42 человека),
все были не старше (35) выпуска**

1. Афанасьев Борис	18. Серезников Алексей (35)
2. Балашевич Ал-др	19. Дьяков Ал-др
3. Белотелкин Артем	30. Фролов Василий
4. Белотелкин Конст.	21. Стефанов Николай
5. Райков Илья	22. Матасов Григорий
6. Чернозубов Василий	23. Логвинов Дмитрий
7. Наполов Владимир	24. Жвирблис
8. Яковлев	25. Шевченко Иван
9. Талантов (35)	26. Сербинов Владимир
10. Сазонов Василий (35)	27. Поляков Григорий
11. Сулацков Валентин (35)	28. Плешаков Андрей
12. Романецков Андрей	29. Сутулов Виктор
13. Персидский Алексей (35)	30. Попов Павел — в СССР
14. Полубедов Николай	31. Сибилев Иван
15. Семикин Иван	32. Попов Георгий
16. Крюков Леонид (35)	33. Рыковский Степан
17. Болдырев Николай	

**Список Дон. Кад., кончивших Бел. Университет
(Список не полный, не точный)**

Аристов Ал-др	инж. Стро.
Аристов Михаил	инж. Арх.
Александров Илья	инж. Мех.
Амочаев Ал-др	инж. Электро.
Александрии Иван	инж. Стро.
Алферов Ал-др	инж. Арх.
Бошановский Игорь	инж. Агро.
Беломестнов Ал-др	инж. Арх.
Бутовский Юрий	инж.
Берников Глеб	инж.
Бадминов Саран	инж. Арх.
Боровский Анатолий	инж. Вет. Фак.
Бутовский Всеволод	инж. Арх.
Богородицкий Владим.	инж. Арх.
Боровский Михаил	Геолог.
Бояринов Федор	инж. Град.
Бердников Ал-др	инж. Тех.
Верещагин Вячеслав	инж. Стро.
Вучинич Ефта	инж. Лес.
Верещагин Георгий	инж. Стро.
Григорьев Иван	инж. (Прага)
Готуа Георгий	инж. Стро.
Горенко Иван	инж. Стро.
Гапонов Владимир	инж. Лес.
Голицин Павел	Университет.
Гаврилов Иван	инж. Гряд.

Греков Лев Гняздовский Игорь	Протодиакон инж.
Данилов Вячеслав Донцов Игорь Де-Витт Юрий Долженко Иван Денисов Федор Данилов Ал-др	инж. Арх. инж. Мех. инж. инж. Агро. инж. Агро. инж. Арх.
Елиневский Ал-др Ершов Иван Евсеев Николай	инж. инж. Тех. инж. Тех. Стро.
Железников Степан	инж.
Захаров Николай Зеленщиков Константин	инж. инж.
Иванов Леонид Иванов Сергей	инж. Лес. инж. Арх. (свящ. Арг.)
Кравченко Анатолий Казменков Николай Крижановский Григорий Канарев Константин Калмыков Тимофей Казимиров Борис Костин Ал-др Кудринский Ал-др Киклич Олег Казнаков Георгий Казнаков Иван Котляров Алексей Куреш Голубь Кравцов Михаил Карпов Владимир Климов Борис Климов Петр Квасников Евгений	инж. Стро. Физ. мат. фак. инж. инж. инж. Мех. инж. Мех. инж. Агро. инж. Арх. инж. инж. Лес. Мед. фак. Математ. инж. Лес. инж. инж. Град. инж. Мех. инж. Стро.
Лисенко Георгий	Д. М.
Марковский Виктор Марков Владимир Мерзликин Петр Музен Петр Монохин Всеволод Макеев Федор Мандич Петр Мельников Георгий Москаленко Ростислав Николаев Игорь Нижницкий Андрей	инж. Мех. инж. Тех. инж. Град. Физ. маг. фак. инж. Хим. инж. инж. Град. инж. Стро. Богосл. фак. Матем. инж. Град.

Немальцев Аврам	инж. Лес.
Поляков Ал-др	инж. Агро.
Протопопов Игорь	инж. Мех.
Платонов Евгений	инж. Агро.
Поликарпов Константин	инж. Арх.
Понамарев Георгий	инж.
Попов Леонид	Протоиерей
Радойчев Арсений	инж. Стр.
Рубцов Михаил	инж.
Руссиан Анатолий	инж. Арх.
Рент Алексей	Вет. фак. Соф. Бол.
Родионов Дмитрий	инж. Лес.
Родионов Серафим	Дух. Акад. Париж
Рогойский Владимир	инж. Тех. Зем.
Самойлов Григорий	инж. Арх.
Строганов Евгений	инж Мех
Сиркс Валентин	инж. Гео.
Сергеев Антон	инж.
Савченко Владимир	инж. Тех.
Савченко Игорь	Филос. фак.
Сангилев Бембе	Д. М.
Случевский Владимир	инж. Мех.
Третьяк Дмитрий	инж.
Тарногурский Анатол	инж. Мех.
Турский Владимир	инж. Град.
Уваров Алексей	Универ.
Феоктисов Борис	инж. Мех.
Фомин Иван	инж. Град.
Фельковский Ал-др	Муз. Школа
Циганков Григорий	Консер. Сал.
Чоботов Михаил	инж. Град.
Чернявский Григорий	инж. Тех.
Чучувадзе Георгий	инж. Арх.
Чинчиковский Борис	инж. Мех.
Черенков Трофим	Универ. Вел.
Шумилин Борис	инж. Мех.
Шестаков Михаил	инж. Мех.
Шабан Лев	инж. Тех.
Ячменев Иван	Фил. и Экон.

Список конч. Геодезические Курсы

1. Бадминов Саран
2. Вениосов Владимир
3. Глущенко Павел
4. Губарев Иван

5. Жуклевич Ярослав
6. Иловайский Михаил
7. Конпов Георгий
8. Лашков Николай
9. Меркулов Ефим
10. Макевнин Федор
11. Попов Алексей
12. Посохни Ал-др
13. Поляков Евгений
14. Рыбас Борис
15. Суляев Иван
16. Скибенков Николай
17. Скибенков Валентин
18. Чернышевич Глеб
19. Яковлев Ефрем
20. Логнинов Георгий (Мех. Кур. Прага)
21. Монастырей Виталий (Банк. Кур. Бел.)

**Список Дон. Кадет, кончивших Загребский Университет
Список, возможно, неполный**

1. Лобачев Иван	Хим. (умер)
2. Косоногов Павел (Рус. К.)	Лес.
3. Ровный Петр	Хим.
4. Васильев Павел	Хим.
5. Саринов Михаил	Хим.
6. Церковников Евгений	Хим.
7. Казнаков Николай	Хим.
8. Лысенко Николай	Хим.
9. Полковников Федор (Рус. К.)	Лес.
10. Кирий Константин	Лес. (умер)
11. Яковлев Иван	Лес.
12. Седов Борис	Град.
13. Израилов Анастасий	Град.
14. Захаржевский Анатолий	Град.
15. Викгорст Владимир	Град.
16. Андреев Василий	Геодезический
17. Глазков Василий	Геод.
18. Попов Василий	Геод.
19. Дьяков Ал-др	Геод.
20. Равский Всеволод	Геод.
21. Раздоров Николай	Геод.
22. Филатов Борис	Геод.
23. Белоусов Николай	Геод.
24. Ковшаров Михаил	Геод.
25. Сиркс Аркадий	Геод.
26. Великопольский Иван	Геод.
27. Чоботов Ал-др	Геод.
28. Долуханов Константин	Геод.
29. Дувакин Николай	Геод.
30. Веретенников	Геод.
31. Губарев Павел (К. К.)	Геод.
32. Бальва Павел	Граджевинар
33. Марков Евгений	Лгро.

34. Ротов Александр	Агро.
35. Платонов Евгений	Агро.
36. Попов Николай	Геод.
37. Сосевич Михаил	Лр.х.
38. Халтулари Дмитрий	

Пражский Политехникум и Бельгия

1. Бычков Илья	инж. П. П.
2. Афанасьев Алексей	инж. П. П.
3. Бурульдушев Эрн	инж. П. П.
4. Басов Николай	инж. П. П.
5. Глазков Василий	инж. П. П.
6. Гусельщиков Адриан	инж. П. П.
7. Семерников Андрей	инж. П. П.
8. Хадженков Валентин	инж. П. П.
9. Губарев Борис —	Пшибранская Горная Акад.
10. Туроверов Ал-др —	Пшибранская Горная Акад.

Бельгия

11. Демин	— Университет
12. Егоров Иван	— Университет (32)

Список Дон. Кадет кончивших Воен. и Морскую Академию

Зимовнов Иван	Мор. Акад. Дубровник
Попов Аркадий	Мор. Акад. Дубровник
Перфильев Игорь	Мор. Акад. Дубровник
Иконников Арсений	Воен. Акад. Белград
Трофимов Ал-др	Воен. Акад. и Акад. Ген Штаб.
Татаркин Святослав	Зоен. Акад.
Корнеев Петр (К. К.)	
Иловайский Валентин (Рус. К.)	
Донское Сергей	
Хрущов Вадим	
Лишевский Виктор	
Герасимов Иван	
Карпов Владимир	
Тарасов Ал-др	Адм. Акад. Бел.
Богаевский Евгений	Сан. Сир. Акад. Париж
Перфильев Семен	Воен. Акад. Бел.
Крылов Иван	
Адамович Мстислав	
Ларин Владимир	Адм. Акад. Бел.
Шевченко Ал-др	Воен. Акад. Бел.
Жуклевич Ярослав	
Попов Сергей	Адм. Акад. Бел.
Попов 2 Сергей	Адм. Акад. Бел.
Махновский Юрий (К. К.)	Адм. Акад. Бел.
Дьянков Георгий (К. К.)	Воен. Акад. Бел.
Побегайло Ал-др	
Кульпин Николай	
Хроматько Константин	

Гдумац Бранко	
Лазарев Евгений	Адм. Акад. Бел.
Гюнтер Георгий	Воен. Акад. Бел.
Турчанинов Василий	Ад. Акад. Бел.
Бесарович Воислав	Ар. Акад. Бел.
Брылькин Дмитрий	Воен. Акад. Бел.
Казимиров Владимир	
Кн. Гагарин Николай	
Чирко Ростислав	Ар. Акад. Бел.
Денисенко Борис	Адм. Акад. Бел.
Велик Валериан (Рус. К.)	Ар. Акад. Бел.
Руднев Михаил (Рус. К.)	Воен. Акад. Бел.
Филатьев Ал-др (Рус. К.)	Воен. Акад. Бел.

Никол. Кавалер. Училище

Дубенцев Евгений
 Греков Лев
 Куракин Николай
 Лошкарев Андрей
 Прибытков Петр

ДОКУМЕНТЫ

Кадеца Донского Кадетского Корпуса, Александра Ивановича Бабкина

АТТЕСТАТ № 1565

От Донского Императора Александра III кадетского корпуса

Дан сей аттестат кадету 7-го класса вице-уряднику Александру Ивановичу БАБКИНУ, сыну войскового старшины в том, что названный кадет, при вполне удовлетворительной нравственности, успешно окончил полный курс кадетского корпуса и на основании результатов окончательных испытаний получил нижеследующую оценку познаний:

По Закону Божьему	12
по Граматике	11
по Словесности	12
по Письменным работам	10
по Французскому языку	11
по Немецкому языку	10
по Арифметике	10
по Алгебре	11
по Геометрии	10
по Тригонометрии	11
по Аналитической геометрии и приложения алгебры к геометрии	11
по Физике	11
по Космографии	11
по Географии	11
по Истории	11
по Естественной истории	11
по Законоведению	11
по Рисованию	10

Сумма баллов	95
Средний балл	10,83

Ввиду сего означенный кадет, как успешно окончивший курс среднего учебного заведения, может пользоваться вообще служебными преимуществами, сопряженными с полученным им образованием, а при поступлении в военную службу — правами 1-го разряда вольно определяющихся или первой степени, поступающих по жребию.

В удостоверение чего и выдан ему, Александру Ивановичу Бабкину, сей аттестат за надлежащею подписью, с приложением печати корпуса. Г. Новочеркасск 1900 года Мая 31 дня.

Директор Корпуса, Ген.-майор Г. Анчутин
Инспектор классов (неразборчиво)
Секретарь корпуса, Надворный советник (неразборчиво)
Печать «Донской Кадетский Корпус»

ОПИСЬ

Документамъ кадета Александра Бабкина № по порядку	Название документовъ	Отметка
1.	Метрическое свидетельство о рождении и крещении малолетняго за № 6430 с копию	
2.	Медицинское свидетельство о здоровомъ телосложеніи и привитіи оспы за № 64	
3.	Обязательство просителя взять определяемого изъ корпуса по требованію его начальства	
4.	Две копии съ послужного списка родителя	
5.	Две копии съ указа объ отставке за № 6680	
6.	Две копии съ аттестата объ отставке	
7.	Копія съ протокола дворянскаго депутатскаго собрания за №	
8.	Свидетельство о состояніи подъ покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ за №	
9.	Свидетельство о дворянства за №	
10.	Свидетельство о бедности за № 3	
11.	Свидетельство о смерти отца за №	
12.	Свидетельство о смерти матери за №	
Справка изъ этихъ документовъ:		
Вероисповеданія	православнаго	
Происхожденя	изъ потомственныхъ дворянъ	
Сынъ	войскового старшины	
Родился	10 іюня 1882 года	
Уроженецъ	Мигулинской станины об. в. Донскаго	
Разрядъ по расписанію малолетнихъ	XII	
Определень в корпусъ	8 августа 1893 года	

Директоръ корпуса
Генераль-маіоръ Анчутинъ
Секретарь
Надворный Советник (неразборчиво)

2-ой Донской Кадетскій
Корпусъ № 445
9 Мая 1922 г.
г. Билеча.

АТТЕСТАТЬ Данъ сей генеральнаго штаба генерал маіору
БАБКИНУ Александру Ивановичу въ томъ, что онъ
удовлетворенъ содержаніемъ по должности Директора
Корпуса изъ оклада одна тысяча пятьсотъ динарь въ мѣсяць
по первое іюня сего тысяча девятьсотъ двадцать второго
года, что подписью и приложеніемъ казенной печати
удостоверяется.

В. и. д. директора корпуса Генераль-лейтенантъ Перретъ
Начальникъ хозяйственной части Генераль-маіор
Васильевъ

Бухгалтер ассесор Иса...

Печать круглая. По обводу:
2-ой Донской Кадетскій
Корпус въ Королевствѣ С. Х. С.
Въ серединѣ: олень,
пронзенный стрелой.

ЧАСТЬ V ПАМЯТИ ЦАРЯ-ОСНОВАТЕЛЯ ДОНСКОГО КОРПУСА АЛЕКСАНДРА III

Хвала и честь ТЕБЕ за то, что л у; рою рукою,
Любовью искренней к родной земле горя,
ТЫ правил русскою, великою страню
И свято совершал свой долг царя!

В свой благодатный век правды и с МАРИЕЙ
ТЫ возвеличил Русь, благочестивый царь! И мирно жили при ТЕБЕ народы все с
Россией,

За что хвала и честь ТЕБЕ, великий государь!

б-кл.

Б. Н. Н.
«Донец» — 1909 г.

ЖУРНАЛ ДОНСКОГО КОРПУСА «ДОНЕЦ»

Благодаря любезному содействию Бориса Африкановича Богаевского, мы имеем возможность воспользоваться некоторыми очень ценными для нас историческими данными, взятыми нами из журнала «Донец». Борис Африканович переслал переплетенную книгу, содержащую номера «Донца» от 20-го октября 1908 года по 1-ое декабря 1911 года.

По имеющимся у нас сведениям полный комплект журналов «Донца» находится и хранится в бывшей Императорской Публичной Библиотеке (теперь Салтыкова-Щедрина) в Ленинграде.

Первый номер журнала «Донец» вышел первого октября 1906 года. Инициаторами его издания была группа кадет Старших классов. Редактором журнала выбирался один из кадет 7-го класса и утверждался директором корпуса. Последний был и цензором.

Печатался «Донец» в количестве трехсот экземпляров в типографии В.И. Бабенко. Подписная цена:

на учебный год	1 руб. 25 коп.
на полгода	1 руб. 70 коп.
отдельный номер	1 руб. 13 коп.
на год с рассрочкой при подписке	1 руб. 45 коп.
после выхода № 4 и 8	1 руб. 40 коп.
на учебный год с пересылкой (окончившим кадетам)	1 руб. 55 коп.
на полгода	1 руб. 85 коп.
отдельный номер	1 руб. 16 коп.
пересылка каждого номера	1 руб. 3 коп.

Начал печататься журнал с разрешения директора корпуса ген. м. Лазарева-Станицева.

В журнале помещались рассказы, повести, воспоминания, стихотворения (литературный отдел); статьи по естественной истории, физике, космографии археологии, географии, истории, химии, математике и др. (научный отдел); биографические и библиографические очерки, статьи по военному делу. Последние страницы журнала были заняты «смесью»: задачами, шарадами, анекдотами, афоризмами и т.п. Кроме того, печатались письма, адресованные в редакцию и имевшие общий для кадет интерес. Передовые статьи посвящались злобам дня.

Журнал выходил по мере накопления материала. Сотрудниками «Донца» были кадеты всех классов.

Первым редактором был кадет П. Полухин.

Из отдела «Кадетская печать» видно, что «Донец» посылался (для обмена) в некоторые другие кадетские корпуса.

Журнал «Донец» во время издания его в Новочеркасске не содержал иллюстраций. Мягкая обложка журнала, на которой была изображена композиция А. Павлова, состоявшая из вензеля А-III, знамени и оружия: шашки, копья и винтовки, перевитых как бы лавровыми ветками, — не менялась до 1911 года. На обложке было название «Донец», указывались дата и номер журнала и давалось содержание. На первой странице помещен был герб войска Донского и опять название «Донец». Под ними: «Журнал Донского Императора Александра III кадетского корпуса». Указывался редактор-издатель и год издания. В 1911 году печатание журнала перешло в типографию Ф.М. Туникова, и обложка была несколько изменена: в нижнем левом углу была композиция из копья перевитого лавровой веткой меча со щитом, с вензелем на нем А-III; наверху щита — шлем с возвышающимися над ним пятью копьями, среднее с бунчуком. В верхней части обложки изображение здания Донского корпуса, под ним стилизованная надпись: «Донец». В верхнем левом углу небольшое изображение герба Войска Донского. В правом нижнем углу: дата и номер, и содержание, а также надпись — «на правах рукописи» и указание типографии. Первая страница не изменилась за исключением: «Журнал КАДЕТ Донского Императора Александра III кадетского корпуса».

В течение учебного года выпускалось от восьми до двенадцати номеров. В начале и конца помещаемых статей и произведений часто ставились незамысловатые виньетки. Изредка в журналах помещались портреты, главным образом, в связи с некрологом о бывшем воспитателе или директоре корпуса.

По случаю двадцатипятилетнего юбилея корпуса, юбилейный номер, вышедший 14 января 1909 года, был двойного объема. В этом номере помещены были портреты: Императора Александра III, Вел. Кн. Константина Константиновича и первых трех директоров Донского корпуса.

Каждый год издания (учебный год) начинался с первого номера. Нумеровка страниц шла от первого номера до последнего по порядку в каждом году.

Из отдела хроники можно составить представление об основных событиях жизни корпуса. Приведем некоторые интересные данные:

«31-ое августа 1908 года. Кадеты собрались в корпус с летних каникул.

1-го сентября. Исполняющий должность вице-вахмистра Крыгин Михаил произведен в вице-урядники.

В середине октября кадеты 6-го класса с преподавателем истории посетили Донской Областной Музей».

Нужно сказать, что музей имел очень много интересных и старинных экспонатов. При посещении музея кадетами, им всегда давались полные и подробные объяснения заведующего музеем (М. Б.).

«26-ое ноября. Сотенный праздник 1-ой сотни. Вице-урядник Крыгин произведен в вице-вахмистра и пять кадет произведены в вице-урядники.

В восьмом часу вечера начался семейно-танцевальный вечер; прошел очень оживленно и закончился в два часа ночи.

20-ое декабря. В час дня состоялось производство еще пяти кадет в вице-урядники и кадеты распушены на Рождественские праздник.

1-го января для остающихся кадет устроена елка и розданы подарки от корпуса. Вечером был танцевальный бал».

Кадеты часто посещали театр и танцевальные вечера в офицерском собрании, женской гимназии и Мариинском институте. Возвращаясь с последних, они всегда приносили в корпус бутерброды, котлеты, фрукты, конфеты. Все это им давали в институте, но так, чтобы не знало начальство ни института, ни корпуса (М. Б.).

«1-го января все кадеты были в сборе, и 12-го — начались занятия».

За 1909 год:

«16-го августа кадеты явились с летних каникул.

17-го августа кадет Щетковский Петр произведен в вице-урядники.»

Обратите внимание, что летние каникулы кончились на две недели раньше; так продолжалось и в дальнейшем каждый год (М. Б.).

«17-го ноября. В Корпус с прибыл ревизор иностранных языков Статский Советник господин Книпер. Он был командирован из Главного Управления военно-учебных заведений.

26-го ноября. Вице-урядник Щетковский произведен в вице-вахмистра, и еще пять кадет — в вице-урядники. В восемь с половиной часов начался семейно-танцевальный вечер до двух часов ночи».

Из отдела «Обзор кадетской печати» мы можем узнать, что в Симбирском корпусе издавался журнал «Первый труд». Видно также, что редакторы и сотрудники журналов «Донец» и «Первый труд» обменивались иногда взаимной критикой, и довольно ядовитого характера помещенных очерков и статей. Критика пелась с соблюдением хорошего тона, хотя и не обходилось без нелестных намеков.

В заключение этого очерка о нашем журнале «Донец», не лишним будет указать на большое разнообразие там помещавшихся очерков, свидетельствующих об интересе кадет ко всем проявлениям жизни, науки, истории, литературы и т.д. Как пример, назовем статью «Завоевание воздуха» кадета VII класса Г. Н. К. («Донец» номер от 16-го апреля 1911 г.). В этой статье молодой автор на восемнадцати страницах дает серьезный обзор развития авиации, приводит соответствующие чертежи и говорит об огромном значении, тактическом и стратегическом, которое будет иметь авиация в будущих войнах.

В конце этого очерка, автор рисует картину города будущего, когда на крыши домов будут опускаться аэропланы.

Закончим стихотворением кадета 3 го класса В. («Донец», номер 7 от 16-го марта 1910 года):

ЖЕЛАНИЕ

Желаю вам, сыны России,
На войнах с честью умирать,
Чтоб вас народные витии
Могли за храбрость прославлять;
Чтоб ваши внуки, вспоминая
Дела минувшие веков,
Могли сказать бы, величая
Своих прославленных дедов:
«Давно дела те все бывали,
Померкла доблести заря, —
Когда все с честью умирали
За веру, родину, царя.
Такая смерть всегда заслужит
Святой венец на небесах,
И пусть примером нам послужит,
Как деды дрались в боях».
Итак, за русского царя
Смелее вы идите и бой.
Под наше громкое «ура»
Поприте вы врага ногой.

После перерыва почти в четыре года, журнал «Донец» возобновил свой выход в 1923 году в Билече, уже за рубежом.

Обстоятельства не могли позволить выпустить журнал типографским способом, и потому было прибегнуто к обыкновенному шапирографу, на котором размножались первые годы в изгнании и наши учебники.

Все статьи писались «от руки» их авторами. Недостаток печатного способа издания возмещался иллюстрациями, сопровождавшими каждое «произведение» и исполнявшимися талантливыми художниками.

Выходил «Донец» в очень ограниченном количестве экземпляров, т.к. покупателей с деньгами было мало и появлявшиеся отдельные номера в отделении зачитывались до неузнаваемости. Бумага к тому же была скверная. Формат обычной школьной тетрадки. Номер содержал около сорока страниц текста. Выходил ежемесячно, начиная с октября каждого учебного года.

На обложке 3-го юбилейного номера, посвященного сорокалетию основания корпуса, изображен летящий орел, с клюва которого на цепочке спускается корпусной значок, а в когтях орел держит древки знамен. Под этим изображением надпись: «Донец», Литературно-художественный журнал Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Декабрь 1923 года, номер 3, Билеча. На правах рукописи. Год издания XVIII-ый.

Редактор: вице-вахмистр Губарев.

Иллюстрации: вице-урядник Г. Самойлов.

Приведем содержание номера:

1. 1883 — 1923 г. Стихотворение, П. Губарев
2. Памятка Донского кадета, кадет XX вып. С. Болдырев
3. Звоны далекой России, XXX-го выпуска И. Сагацкий
4. «Эх ты Русь моя, Русь могучая!», стихотворение П. Поляков
5. Три поцелуя, рассказ, из гражданской войны, Аркадий Сиркс
6. «Я не знаю кто Вы...», стихотворение, Б. Кундрюцков
7. «Опять в чужом краю зима...», стихотворение, А. Туроверов
8. Крымская легенда, неизвестного автора
9. «Вот и осень пришла...», стихотворение, Н. Голощатов — 6 класс.
10. «Друг вспомни о шири родной Стороны», стихотворение, Степной
11. Памяти Г.Ф. Сысоева, А. Трофимов

Из других сотрудников журнала необходимо упомянуть имена:

Михаил Залесский, Михаил Линников, Георгий Назаров, Александр Еленевский, Николай Богаевский, Николай Евсеев, Виктор Иванов и др.

«Донец» продолжал выходить до 1931 года, когда по неясным причинам прекратил свое существование. Доморожденные таланты были, и журнал мог бы выходить.

1933 году была последняя попытка кадет издать журнал «Донец», но летом этого же года корпус был закрыт, и редакторы последнего «Донца» заканчивали восьмой класс уже в Белой Церкви.

90-ЛЕТИЕ

Дрожит весь зал от кликов тоста,
Великий праздник у кадет.
Тебе, наш корпус, девяносто
Исполнилось сегодня лет.
Да здравствует любимый Корпус!
Твой юбилей сегодня чтим,
И вновь в нетленные скрижали
Твое мы имя начертим.
Когда наш Корпус основался
В его стенах на много лет,
Казачий мощный дух ковался
Из молодых донских кадет.
Мы верим твердо, день настанет,
Вновь зазвенят колокола,
И радостно, и дружно грянет
Тебе кадетское «ура».
Мы в этот светлый день помянем
Всех, кто покинул Край Земной,
Как по команде смиренно встанем

Донцы... на молитву... шапки долой!
И мысли жарко понесутся
На Тихий Дон, в Новочеркасск,
И песни грустные польются,
И может быть последний раз
Припомним сфинкс и пирамиды,
Дюльбер, Евпаторийский пляж,
Прибой морской у скал Колхиды,
Герцеговины горный кряж.
И Дрины блеск в садах Горажды,
Белград и Загреб, и войну.
Очаг приобретенный дважды
Вновь приютившую страну.
За честь отчизны, славу Дона,
И за тебя в лютом бою,
За честь любимого погона
Мы сложим голову свою.

Виктор Иванов — 41-вып. Дон. Имп. Александра III Кад. Корп.
Май 1974 г. Южная Африка (Кременская)

ПОСЛЕДНИЙ БАЛ

(Памяти кадета-партизана Донского кад. корпуса Сергея Слюсарева)

Революция перебросила нас, институток — Харьковчанок, под гостеприимный кров Новочеркасского института. Начальницей его было сделано всё возможное, чтобы мы могли разместиться вместе со Смолянками, которых, в свою очередь, принял раньше к себе Харьковский институт, как можно поудобней, чтобы мы не чувствовали себя «чужими пришельцами». Наша начальница и некоторые выехавшие с нами классные дамы, по-прежнему руководили нами, и мы действительно чувствовали себя как у себя дома. В воскресные дни умудрялись танцевать по коридорам, петь, гулять парочками, вообще вели тот образ жизни, как в родных стенах на Сумской улице Харькова.

Конечно, познакомились и приобрели себе подруг среди Новочеркасских институток и, обмениваясь новостями, стали иметь общие интересы.

Не помню дату традиционного бала в Новочеркасском Кадетском Корпусе, в октябре или ноябре. От Новочеркасских институток мы узнали, что присланы начальнице приглашения на кадетский бал не только для Новочеркасских институток, но и для Смолянок, и нас — 4-х Харьковчанок.

Мы заволновались — кто будет выбран?! Выбрали, конечно, из трёх старших классов. Выбрали уже Смолянок, черёд подошёл и к Харьковским; из них выбрали одну из самых молоденьких, не считая старшего класса, Е.Л., чёрненькую, изящную, маленькую, плясунью и мечтательницу. Она ни за что не хотела идти без своей подруги М. С, не очень давно поступившей в Харьковский институт и очень сдружившейся с нею, выбрали и её.

Каждый помнит это время грозowych туч революции, каждый русский испытал это на себе, в большей или меньшей степени. Издалека раздавалась канонада, вспышки пожаров, зажжённых бунтующими, озаряли по ночам окна, но молодость и толстые институтские стены защищали юные головки от тревог и забот, и событие приглашения на бал занимало больше, чем смутное время тревог восстаний и грозно надвигающейся красной армии.

Харьковский институт не так уж много смог взять с собой из родных стен всякого инвентаря, и парадные формы тонкого камлота, батистовых передников и пелеринок были в ограниченном количестве. Начались примерки, подшивки, выбор новых смешных туфелек с ушками. Все суетились, все принимали участие, даже не завидуя выбранным, настолько событие заняло всех.

Наконец настал день долгожданный. Серёющее утро заполнялось заботами всех, а

главное, «выбранных» — суетой и приготовлениями к необыкновенному событию. День тянулся мучительно долго: казалось, не будет конца приготовлению уроков, завтраку, паузам длительного дня, обеду...

У каждой «выбранной» на кровати лежало все, вплоть до остроконечной шапочки-«монашки» и неуклюжей, тяжелой шубы, крытой тёмно-зелёной шерстью.

Поверх всего белели, как подвенечные платья, воздушные и нарядные переднички и пелеринки.

Зажглись электрические лампочки как сигналы к одеванию. Расчёсывали друг друга, стараясь выпустить непокорный локончик из прилизанной прически: просили «искусниц» затянуть потоньше талию и завязать изящные банты на переднике и пелеринке. Наконец последние приготовления кончены. Попарно отправились в сырую мглу осеннего вечера, радуясь улицам, домам, встречным, всему — даже собачонке, попавшейся на дороге.

Уже в швейцарской внушительного здания Кадетского Корпуса нас встретило радушие кадет: шубки, калошки, варежки снимались, вешались и складывались с галантностью и лаской доброй встречи. Потом охватило теплом и блеском люстр. Только неожиданно странным показался большой низкий зал, после нашего — двухсветного.

Оркестр грянул вальс... Ноги невольно начали перебирать па. Кого пригласят первой! — Кого?! .. только бы не стоять у стенки... сбоку у классных дам, зорко смотрящих за нами...

Е. Л. перевела глаза с танцующих на люстры и в этот момент услышала звонкий, весёлый голос: «Разрешите пригласить на тур вальса»...

Е. Л. опустила глаза, чуть вздрогнув: перед ней стоял кадет, кучерявый как девушка, весь в завитушках золотых локончиков, голубые глаза его смеялись дружелюбно.

Е. Л. опустила руку на его плечо и понеслась по паркету под упоительные звуки вальса. Вот замелькали другие пары, вот пронеслись мимо загромождённого закусками и прохладительными напитками буфета, вот замелькали в глазах открытые двери в соседние помещения, все убранные зеленью и еще чем-то... кажется картинками... флажками... — трудно разобрать... только бы не сбиться с такта... не наступить на ноги.

Е. Л. взглянула на свою чуть дрожащую руку — она лежала на погоне, но не на кадетском! а форма кадета... как странно. Но она не решилась спросить.

«Как Вы чудно танцуете!» — «Правда?» — Е. Л. смутилась, — как шаблонно она ответила! как глупо!... Голова кружилась... Когда он подвёл ее к месту и, шаркнув ногой, поблагодарил, Е. Л., став у классной дамы, стала рассматривать залу.

«Пойдёмте. — я покажу Вам классы, — почти везде устроены «уголки для бала» — кадет с погонами офицера снова стоял перед ней. — «Разрешите?» — вытягиваясь в струнку, спросил он классную даму; та, только растерянно, утвердительно мотнула головой. Нельзя было не заметить старания кадет, и не заметить, сколько было вложено труда, чтобы украсить свои помещения к этому балу: масса рисунков, корпусных значков, форм, и везде цветы, зелень и угощения. И откуда всё это взялось в смутное время!

Кто-то догонял Е. Л. с кадетиком в офицерских погонах; ещё кадетик, раскланиваясь, — приглашал — «Разрешите на мазурку». — «Нет! нет! Мазурка с мадемуазель моя — правда? — кавалер Е. Л. заглянул ей в глаза, его глаза сияли... Меня зовут Серёжа, Серёжа Слюсарев, — кадет и офицер одновременно, единственный в корпусе, носящий обе формы одновременно».

После мазурки, уже заранее около Е. Л. стояла очередь на следующие танцы, но Сережа старался всё перегнать, умолял, шептал, что-то своим товарищам и, хотя классная дама заявила: «Не всё с тем же», но все же весь бал проходил так, что главные танцы были заняты Серёжей.

Она раздумянилась, доверчиво клала руку на сверкающий погон и за время танцев уже оба узнали кто они, где папы и мамы, кто как учится, почему у Серёжи при кадетской форме офицерские погоны.

«Я пошёл на фронт летом и заслужил офицерские погоны за какую-то отвагу, мне сказали: «...за храбрость», — скромно добавил он, — «а вот с осени вернулся опять в родные стены Корпуса, чтобы его кончить: я в выпускном классе, но боюсь, что не смогу.

Вы слышали, где красная армия и как разворачивается!?» — спросил он. — «Нет!» — удивлённо ответила Е. Л., но сердце у неё сжалось.

— «Разрешите на следующий вальс!»

Опять мелькали пары, лилось в стаканы прохладительное; кадетики бегали вокруг зала, разнося закуски и стаканы. У буфета столпились приглашённые.

Не помнилось Е. Л. ни до, ни после, такого необыкновенного радушия, — особенного — а может быть так чудилось из-за успеха, из-за вот этого кадетика с офицерскими погонами.

— «Нет!» — перебирала потом у себя в уме Е. Л., нет, редко кто мог быть гостеприимнее и радушнее, — невозможно просто!»

И опять мелькали: лоснящийся паркет, люстры, буфет с закусками неубывающими, чаны с прохладительными напитками, широко открытые, вращающиеся в глазах гостеприимные двери в смежные помещения, классные дамы в своих формах, воспитатели офицеры в мундирах и кадетики... Масса кадетиков с синими погонами, — суеющихся, бегающих, старающихся и расшаркивающих.

Вальсы кружили голову, а слова Серёжи — еще больше: «Я Вас люблю, полюбил с первого взгляда, с первого мгновения, приду к Вам на приём... в Институт... с разрешения начальницы!» — «Это невозможно», шептала Е. Л. — «недопустимо... не позволит». Бал кончился.

Накидывали шубки, помогали одевать калоши... держали смешные остроконечные шапочки в руках, как фуражки в строю.

Провожали до швейцарской и на улицу, Серёжа махал рукой, долго махал вслед. Е. Л. украдкой оборачивалась...

Потом опять институтские стены, уроки, серые будни, ловля слухов «извне» в приемные дни.

В один из приёмных дней Е. Л. сидела, готовя уроки, ей некого было ждать на приём. К ней наклонилась классная дама: «Елочка, тебя с разрешения начальницы ждут на приём». Е. Л. подскочила, сделала реверанс. Сердце билось... кто мог прийти на приём? Папа? — но они там далеко, в Екатеринодаре. Серёжа? — Сережа добился свидания с ней у начальницы! Е. Л. шла... да нет! — бежала, почти к приёмной, шелестя камлотовой юбкой. В памяти пронёсся бал и... первый вальс.

Сережа стоял посреди приёмной, уже издали, шаркая ногой и протягивая руку, будто сейчас закружится в вихре вальса... замелькают пары, и они в центре всех, в упоении танца, в этом низком, гостеприимном зале...

Институтки вокруг шептались, как позволила начальница эту встречу, как этот кадетик с офицерскими погонами смог добиться разрешения?!

И, как быстро кончился приём, как быстро прошли и ушли в пространство фразы чистой, яркой и ясной любви... их едва успевало улавливать ухо.

Кто-то входил в приёмную, какие-то институтки делали традиционные реверансы, или с ненасытной лаской короткой встречи с родителями, прижимались к ним... А Е. Л. всё сидела и слушала слова Сережи, как во сне; и каким жестоким показался резкий звонок об окончании приёма! «Я ещё приду, начальница разрешила», — говорил Серёжа..., целуя руку.

А потом опять классы, уроки, перемены и грёзы, заполненные балом и белокурым, кудрявым Серёжей.

Свидание вторично произошло не на приеме и быстрее, чем могла предположить Е. Л. В будний день, когда за окном лил дождь со снегом, когда урчал ветер в трубах многочисленных печей, и классы жужжали, как рой пчёл, классная дама вызвала Елочку в коридор. Классная дама была чужая.

«С разрешения начальницы Вам разрешено попрощаться с кадетом Донского Корпуса Сережей Слюсаревым, так как он уезжает на фронт».

Серёжа стоял в конце коридора у большого окна, рядом со столиком дежурной классной дамы. Он протянул на встречу руки, так же, как в «том» зале, так же, как при первой встрече в приёмной. Рядом стояла классная дама. Он неловко полуобернулся

спиной к ним. «Елочка я уезжаю на фронт... завтра... срочно, вызывают в полк, к которому я прикомандирован»...

В глазах сиял восторг и ни малейшей тени замешательства... — ясно светились голубые глаза. «Согласитесь быть моей женой, когда кончится эта революция, когда мы кончим учиться... дайте слово — прошу!»

Е. Л. зарделась, смутилась, — слова ответа застредали в гортани... как же тут! при классной даме!...

Серёжа смотрел вопросительно, Е. Л. прошептала едва внятно: «Я... я... спрошу папу и маму»... а хотелось крикнуть: «Я Вас тоже люблю, Серёжа!»

Он поцеловал ей руку и шаркнул ногой, вытянувшись перед классной дамой в струнку, повернулся и молодцеватой походкой кадета, зашагал по длинному коридору. У выхода к лестнице он обернулся, Е. Л.; сделала почему-то реверанс. Плакало сердце...

Все померкло в глазах, и, понурив голову, Елочка пошла в классы... Там на вопросы своих подруг ничего не могла отвечать... а сколько глаз с любопытством смотрели на неё...

А к Сочельнику, — эвакуировался институт — он чуть не остался: не было поезда для его отправки, и Е. Л. первая кинулась по классам, ища делегатов к начальнице... к Атаману Богаевскому — умолять эвакуировать, сделать все возможное для отправки, только не оставлять...

В Крыму, куда Е. Л. занесло после отправки Института в Сербию, она узнала от кадет Донского Корпуса, о гибели Серёжи «павшего смертью храбрых»...

Плакала... и в слезах двоились пары, несущиеся в вихре вальса по залам Донского Кадетского Корпуса. И... нельзя было вообразить Серёжу неживым.

Е. Крылова

Выписано из журнала «Родимый Край» — номер-102, Париж

Инициативная группа решила поместить в книге «Донской Императора АЛЕКСАНДРА III кад. корпус» это прекрасно написанное воспоминание о нашем корпусном бале. Мы просим мадам Е. Крылову принять нашу искреннюю благодарность за это прекрасно написанное воспоминание о прошлых днях всем нам дорогого корпуса.

НА 90-ЛЕТИЕ Д. И. А. Ш К. К.

Как встарь, вино в бокалах звонких,
Вновь праздник у Донских кадет.
Сегодня мы, подняв бокалы,
Отметим девяносто лет!
Года бегут, но, вспоминая
Родного Корпуса семью,
Донцы опять душою вместе,
Стоят плечом к плечу, в строю.
Мы верим: вновь заря займется
И красный хам с Руси уйдет!
На Тихий Дон домой вернется
В Новочеркасск Донской Кадет!
Поднимем же, Донцы бокалы
И крикнем громкое «ура»!
Помянем тех, кого нет с нами...
Донскому Корпусу — «ура»!

И. Квятковский, 44 в.

Посвящаю 35 выпуску Донского Императора
Александра III Кадетского Корпуса
в городе Билеча, Югославия.

НАС БЫЛО ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ

Весною 1924 года восьмой класс в составе 36 кадет — среди них вице-вахмистр и 12 вице-урядников — закончили свой учебный год с очень хорошим средним баллом. Начались устные и письменные экзамены на аттестат зрелости. Из Министерства Просвещения Югославии был прислан для инспекции представитель, профессор Чичин, начальник учебного округа.

Первыми экзаменами были письменные по всем предметам. После оценки работ и просмотра годовых успехов кадет, экзаменационная комиссия освободила 18 из них от устных экзаменов на основании правил Министерства Просвещения Югославии: учащиеся средних школ, имевшие в году и получившие на письменных экзаменах отметки не менее «очень хорошо», т.е. 9 баллов по 12-ти балльной системе, освобождались от устных экзаменов.

Этот список был представлен на утверждение профессору Чичину.

Профессор Чичин был поражен высокими отметками и невероятно большим процентом освобожденных от устных экзаменов и, очевидно, выразил сомнение по этому поводу.

Директор корпуса генерал Перрет, желая убедить профессора Чичина в правильности оценки знаний кадет, предложил ему из представленного списка вызвать кого он пожелает и проэкзаменовать лично. Назвав наугад три фамилии, он сам проэкзаменовал их в присутствии экзаменационной комиссии. На задаваемые из всех предметов вопросы он получал блестящие ответы от всех им выбранных кадет и был поражен превосходным знанием предметов и тронут до глубины души поведением отвечающих. «За всю мою долголетнюю работу с молодежью я впервые встречаю юношей, так прекрасно воспитанных и с такими отличными знаниями», — сказал он и утвердил список.

Все остальные кадеты выдержали устные экзамены.

После окончания экзаменов и заседания педагогического совета кадетам и торжественной обстановке были вручены аттестаты зрелости.

Директор корпуса устроил прощальный обед ВЫПУСКУ, на котором присутствовали воспитатели и преподаватели.

Поздравляли кадет с окончанием и желали им устроить свою жизнь с таким же успехом, какой был проявлен ими в корпусе. Кадеты, со своей стороны, благодарили всех за все заботы, проявленные к ним в корпусе. Кадеты также выражали свое удивление, как удалось воспитателям и преподавателям заставить их сесть снова за парты после всего ими пережитого и заняться науками, от которых они были так далеки за последние мятежные годы, ведь 28 кадет из выпуска были участниками гражданской войны, проведя несколько лет на фронте в различных частях Белой Армии. Были среди кадет «Чернецовцы», «Корниловцы», «Бредовцы» и участники «Степного Похода»... ДЕВЯТЬ Георгиевских Кавалеров. ШЕСТЬ из них награждённых Георгиевскими Крестами, а ТРИ — медалями, были, унтер-офицеры, урядники и один был хорунжий.

Велика была заслуга воспитателей и преподавателей вернуть «Вояк Пятиклассников» на рельсы нормальной жизни, но и сами кадеты сознавали необходимость взяться за ум и стать «кузнецами своего счастья». У большинства кадет не было ни отцов, ни матерей, которые могли бы позаботиться об их будущем и, покинув Родину, оказались они на чужбине, предоставленные самим себе.

И так Выпуск расставался с Родным корпусом. Разъезжались кадеты, кто куда хотел. Открывалась новая страница жизни, что готовила судьба свободным от опеки юношам?

Многие решили продолжать образование и уехали в Белград и Загреб, а некоторые — в Чехию поступать в Университеты.

Двадцать три человека из них получили Университетские Дипломы по различным специальностям:

3 — архитектора

14 — инженеров (гражданские, геодезисты, механики, электрики, металлурги, горные)

2 — агронома

3 — химика

1 — доктор медицины

2 — окончили Югославскую Военную Академию

При дальнейшей работе в научной области получили звание:

1 — доктора технических наук,

1 — доктора химии

3 — состоят профессорами в Университетах

2 — профессора Средне-Технической Школы

1 — директор Средне-Технической Школы

1 — советник Технического института.

Среди кадет Выпуска были: поэты, журналисты, художники.

И вот теперь, после 46 лет, если бы профессор Чичин мог увидеть этот список, он был бы наверно тоже поражен, но не выразил бы сомнения тому успеху, с каким был выдержан «Экзамен жизни» кадетами 35 выпуска.

Вице-урядник 35 выпуска

В. Данилов
Архитектор

Сан-Франциско

Май 1970 г.

КАДЕТЫ

«Ты не один — орлиная вас стая»
К. Р.

Нас было много юных, сильных,
Любивших с детства свой погон,
Познавших смысл молитв кадильных
У корпусных родных икон.

Нам в церкви тихой, в Сборном зале,
Со стен мерцали письма,
С скрижалей мраморных мы знали
Наперечет все имена.
Учили мы в часы досуга,
Сонеты дивные К. Р.
Мечтали стать и пасть за Друга,
Являть собой везде пример.
Но только зов пошел набатный
В степях для нас зажглась звезда
И, бросив все, на подвиг ратный
Мы разлетелись из гнёзда.
А через год, когда слетелись,
Так много мест было пусты...
Так тихо, тихо песни пелись
В осенних сумерках густых!
Простили ль мы, что так бездушно,
Отчизна предала детей,
Заставив нас тогда послушно
Прервать беспечных ряд затей?...
Уходят дальше, глубже сроки,
Померкли грозных лет огни,

Но как живы еще уроки
И корпусных мечтаний дни!
Как близки дрожь от снежной были
И той звезды взошедший свет!...
— В деянья все мы претворили
Что августейший пел поэт.
И горды мы в приливе воли
Припомнить чувств тогдашних новь,
Безмолвно зубы сжав до боли,
Свою и братьев павших кровь.
— Весь юный путь, что волей рока
Нам преградила борода,
Когда мы вырвались до срока
Из дорогого нам гнезда.
И знать, что в бой мы шли — кадеты,
За честь отчизны полегли,
Что дорогие нам заветы
Не хуже старших сберегли!

Иван Сагацкий — Дон. корп. XXX-выпуск

ВОСПОМИНАНИЯ О КАДЕТСКИХ ГОДАХ И О ПОЗДНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ

Семь лет (от 1903 по 1910 г.), проведенных в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, навсегда останутся в моей памяти как самые счастливые в моей жизни, конечно, не считая моего пребывания в стенах родного Михайловского Училища.

Много воспоминаний, связанных с этим временем, а также и с событиями последующих годов, позабыто, но многое еще сохранилось в памяти. Вот, этим-то непозабытым, чему я сам был непосредственным свидетелем, хотел бы поделиться в своем дальнейшем изложении.

В моих воспоминаниях о кадетских годах, как и в воспоминаниях всякого кадета, первое место занимает все то, что связано с личностью Августейшего Инспектора Военно-Учебных Заведений, Великого Князя Константина Константиновича.

Он имел обыкновение делать свои посещения корпуса без какого-либо предупреждения. В обычный будничный день, обыкновенно утром, во время урока внезапно появлялась в классе его высокая стройная фигура. После рапорта преподавателя садился он за одну, из парт рядом с кадетом, слушал ответы и иногда задавал и сам свои вопросы. За время обеда высокий гость непременно садился за стол среди кадет, ел с ними и принимал участие в их разговорах.

Его непринужденность отражалась и на поведении кадет, которые переставали стесняться и начинали чувствовать себя свободно. Устанавливалась дружеская атмосфера, исчезало чувство натянутости и неловкости, которые в таких случаях неизбежны. Без преувеличения могу сказать, что кадеты обожали своего Августейшего Начальника.

На память о его пребывании, тайком отрезали пуговицы от его мундира и пальто, а один раз кто-то умудрился отрезать кусочек от полы его сюртука.

Обыкновенно давали нам чай уже с сахаром. В том случае, когда чай не был довольно сладким, кадет нес его дежурному воспитателю и тот, попробовав чай, обыкновенно приказывал служителю принести сахар. Так вот, в дни пребывания высокого гостя в корпусе за время чая была целая очередь кадет с «несладким чаем». Великий Князь пробовал принесенный чай, после чего кадет, возвратившись на свое место, как бы нечаянно, выпускал из своих рук посуду, которая при падении разбивалась, а множество осколков расхватывалось кадетами на память.

Все стремления Великого Князя были направлены к тому, чтобы из нас сделать достойных Слуг своего Государя и Отечества.

Свой светлый идеал офицера-рыцаря юноша-кадет с серьезностью, быть может

преждевременной, выражал в четверостишья, которое часто встречалось в альбомах наших сестер и их подруг:

«Богу душу я вручаю,
Жизнь я жертвую Царю,
Честь себе я оставляю,
Сердце ж Вам я отдаю».

Однообразная кадетская жизнь прерывалась по временам приездом какой-либо знаменитости из артистического мира или выступлением целой их группы, как, например, хора знаменитого Славянского. Помню его самого в богатом боярском костюме перед его сравнительно небольшим хором, как он начинал концерт своим повествовательным речитативом:

«Не бела березка
К земле клонится...»

а хор в костюмах времен царей московских, стройно и эпически торжественно, как бы подтверждал:

«К земле кло-о-онится...»

А потом, под едва слышное сопровождение хора, он как бы рассказывал:

«Летела чечетка-лебедка
Через боярский двор...»

И пение, и вид сказочно картинной группы переносили нас на несколько веков назад... Затаив дыхание, жадно слушали мы, как зачарованные. Впечатление было настолько сильно, что вот уже с тех пор прошло 55 лет, а я все еще помню до мельчайших подробностей тот вечер, который оставил в душе моей неизгладимый след!

Один раз концертировал у нас известный в то время на юге России скрипач-виртуоз Эрденко. Худенький, хрупкий молодой человек, с шевелюрой художника, он завладел нашими сердцами. Его инструмент пел, плакал, вздыхал и пленял нас, еще слабо разбирающихся во всех тонкостях этого искусства. Аплодировали ему бурно, от сердца, а когда концерт окончился, кадеты, не сдерживая своего порыва, ринулись на эстраду, подняли его на руки и начали «качать». Бедняга был ни жив, ни мертв... На его счастье, вмешательство директора корпуса прекратило эту манифестацию нашего восторга.

По утрам, после чая, бывал обыкновенно так называемый, амбулаторный прием, на котором неизменно фигурировал наш добрейший корпусной доктор. Приходили, главным образом, мнимые больные, которое желали получить «освобождение». Иногда доктор-добряк давал просимое, но чаще приказывал фельдшеру дать таким больным касторки, после чего они уже долгое время оставались здоровыми.

Помнится мне один из воспитателей — полковник Кутырев. Его особенностью было неизменное хладнокровие. Во время своего дежурства, когда он замечал, что какой-нибудь кадет разговаривал в строю, — он своим сладеньким и, сказал бы, дружелюбным голосом, обращаясь к провинившемуся, называл его фамилию и говорил: «Зайдешь». Это «зайдешь» значило явиться к нему и стать на штраф. Этого рокового слова кадеты боялись, как огня.

Преподавателем немецкого языка в моем классе был Николай Васильевич Струве, брат известного тогда астронома Струве. Крупный старик патриархальной наружности, с длинной белоснежной бородой, доброты необыкновенной. Когда не приготовишь урока, а он вызывает, довольно было только сказать: «Николай Васильевич, сегодня я не расположен отвечать, у меня болит голова...». На что этот добряк успокаивал лентяя,

советуя ему не волноваться и сесть на место. Конечно, как следствие его доброты, были на его уроках различные проделки.

В каждом классе, кроме обычной классной обстановки, находился и шкаф. В его верхней половине хранились письменные принадлежности, а нижняя была предназначена для более громоздких вещей. Так вот, один из «архаровцев», не приготовив урока, решил скрыться в этом шкафу. Сказано — сделано. Задвижки на дверцах внутри не было. Пришлось ему дверцы как-то держать. Урок начался. К несчастью, на этот урок пришел директор корпуса генерал-майор Лазарев-Станищев, наша гроза. Во время ответа одного из кадет, когда тот смутился и замолчал, среди мертвой тишины дверцы шкафа с треском распахнулись и из него мешком вывалился заснувший там ловчила. Пробуждение его было печальным, когда он в сопровождении дежурного промаршировал в карцер.

Иногда, после вечерних занятий, собиралась теплая компания, которая, захватив с собою свечи, пробиралась на чердак огромного здания корпуса и там скиталась. Это на кадетском языке называлось — «брожением умов».

В том же корпусе был и мой брат Николай, старше меня на четыре года. Французский язык у него преподавал Гаушильд, когда-то бывший артистом Михайловского театра в Петербурге.

«Наш Гаушильд актер был русский,
Там освистали бедняка;
Теперь на лекции французской
Играет роль он простака...»

Так пелось про него в «Звериаде». Часто он по просьбе кадет читал и декламировал стихи, помещенные в конце учебника. Кадеты, как правило, должны были по своим книгам следить. Когда декламация заканчивалась, Гаушильду аплодировали с выкриками: «Bravo, Monsieur le Maître. Bravo». Один раз во время одного из таких чтений моему брату наскучило следить и он, смотря в книгу, делал вид, что следит. Приняв одну паузу за конец декламации, он в единственном числе захлопал в ладоши гаркнул во все горло: «Bravo, Monsieur le Maître. Bravo» В ответ послышалось свирепое рычание: «Вон из класса — Униженный и пристыженный Николай оставил класс до конца урока.

Читали в свободное время мы много. Кадеты младших классов зачитывались произведениями Майн-Рида. Наскучившись монотонностью кадетской жизни, двое кадет пятого класса, Попов и Борисов, решили отправиться в далекие прерии дикого запада, чтобы на быстроногих мустангах окунуться в приключения и помериться ловкостью и отвагой с краснокожими. Вначале все шло, как по маслу: сняли погоны, сели на первый поезд и пустились в путь-дорогу. На пятой станции от Новочеркаска их задержали и двое рабов Божьих очутились перед строем целого корпуса. Директор по этому случаю произнес громовую речь. Он говорил: «Подобный поступок двух легкомысленных молодых людей не может быть терпим в стенах нашего корпуса!» — Свой разнос он закончил словами: «Я не буду называть фамилий этих легкомысленных молодых людей!» — и потом, повысив голос, прогремел: «Кадет Попов, кадет Борисов — на середину!!!»

Это «не буду называть их фамилий», — долгое время спустя вызывало наш смех, особенно когда один кадет, удачно подражая голосу директора, произносил эту фразу.

Засадил этих неудачливых прерийских героев в карцеры, которые были рядом. Как-то, проходя мимо этих карцеров, директор корпуса заметил, что находившиеся там Попов и Борисов сидят на полу под окнами и прислушиваются к чему-то. Заинтересовавшись, вошел он в один из карцеров и спросил, в чем дело. Оказалось, ваши путешественники пробовали перестукиваться при помощи труб парового отопления, находившегося под каждым окном. Желая убедиться в этом самолично, директор сел на пол и стал стучать по трубе и прислушиваться к ответу. В это время проходил дежурный воспитатель. Увидев, как грузный бородатый генерал сидит на полу, как малое дитя, не знал, что делать; картина была столь необычайной, что он на первых порах подумал, не сошел ли почтенный генерал с ума...

Памятен мне наш инспектор классов полковник Семерников. Преподавал он, когда я был в седьмом классе, химию. Как-то, вызвав меня, стал спрашивать о натрии. За мои скромные познания поставил он мне единицу. Встретился я с ним в 1914 году, будучи уже офицером.

Тут я должен сделать маленькое отступление. По окончании корпуса в 1910 году, я стал питомцем незабываемого Михайловского Училища, а в 1913 году был произведен в первый офицерский чин и назначен в 7-ую Донскую Казачью батарею в Замостье Люблинской губернии.

По объявлении войны в 1914 году, я и еще трое младших офицеров батареи были откомандированы в г. Новочеркасск как сверхкомплектные, с тем, чтобы, подготавливая пополнения, ожидать нашего назначения на фронт на места выбывших из строя офицеров. Ожидать долго не пришлось и в марте 1915 года я уже был на фронте.

Так вот, будучи в Новочеркасске, я, в ноябре 1914 года, был назначен, наряду с моей должностью, в помощники хозяина гарнизонного офицерского собрания, так как последний был перегружен работой в связи с ожидавшимся приездом Государя в Новочеркасск. Государь должен был присутствовать в офицерском собрании на чае пятого декабря в пять часов вечера. День приезда Государя наступил. Рано утром я уже был в помещении собрания. Не буду описывать, как был сервирован Царской стол, это бы меня отвлекло от основной темы. Первая моя обязанность в тот день была: пробовать воду, предназначавшуюся для чая, до и после кипячения, после чего самовар был перенесен в специальную комнату под непосредственное наблюдение хозяина собрания.

Вторая моя должность заключалась в том, что я должен был во время чая давать старшему официанту ключ от помещения, где хранилось вино, когда оно будет нужно и угощать обычных гостей — офицеров.

В тот вечер тут могли присутствовать только лишь генералы и офицеры. Все шло по установленному порядку. Ровно в пять часов Государь в сопровождении свиты, поднявшись по уставленной пальмами и застланной голубым ковром лестнице вошел в двухсветный зал... Гимн... Ура... Приветственные речи и представление выздоравливающих раненых офицеров... Государь сел за стол. В это время встречаю полковника Семерникова. Спрашиваю, не желает ли он выпить со мной шампанского. Он охотно соглашается. — «Знаете ли», — говорю я ему, — «Почему Вас угощаю?» — «Почему?» — «Потому, что Вы поставили мне единицу по химии... помните?» — «Как же, помню! Если бы я это тогда знал, то поставил бы Вам их две!» — вставил он, засмеявшись.

Государь встал из-за стола. Толпа офицеров окружила его тесным кольцом. Вся группа медленно движется через зал, направляясь в так называемую Атаманскую Комнату. Комната эта со светло-голубыми обоями, цвета мундира лейб-гвардии Атаманского полка. На стенах висят портреты и фотографии Наследника Цесаревича и Атаманов.

Государь останавливается перед портретом Наследника и пристально его рассматривает. В это время послышался чей-то голос: «Ваше Императорское Величество! Мы были бы счастливы видеть нашего Августейшего Атамана — Наследника Цесаревича среди нас». На это Государь своим спокойным мягким голосом, как бы в раздумье, ответил: «Если война окончится благополучно, привезу его с собой...»

В этой неуверенности нашего венценосного гостя как бы проскользнуло роковое предчувствие, как его собственной судьбы, так и судьбы всего нашего отечества.

Как часто вспоминал я потом эти слова нашего Монарха — Царя — Мученика!

Наступившие потом события со всей их неумолимостью превратили в свирепую действительность то, что тогда едва коснулось моего сознания.

Читал где-то, что Государь и вся Августейшая Семья были склонны к мистицизму. А почему же нет? Ипатьевский монастырь — Ипатьевский дом... Начало и конец — альфа и омега... Пустое ли это совпадение или что-то другое?...

В марте 1915 года я уже получил назначение на фронт — в 8-ю Донскую Казачью батарею, находившуюся ко дню моего прибытия в сердце Карпат, в разрушенной

галицийской деревне Грабовчик. Офицеры помещались в единственной уцелевшей комнате деревенской школы. Хозяйка, древняя старуха, мать учителя, которого австрийские власти, обвинив в руссофильстве, повесили, часто, по нашей просьбе, своим угасающим, едва слышным голосом пела. Эта песня с ее заунывной мелодией скорее походила на стоны сломанной неизбывным горем матери:

«Иду на войну,
Иду на войну,
Ой коню, мой коню!
Взыграй подо мною...
Дывчина не плачь,
Дывчина прощай!...»

Вскоре началось наше отступление, закончившееся общей катастрофой и небывалой по своим ужасам трагедией. Начало смуты... Пробираюсь на Дон. Двукратный арест в пути, когда казалось, что моя гибель была делом решенным. Март 1918 года. Добираюсь до Новочеркасска, в котором хозяйничают непрошенные красные части. Третий — и самый страшный арест. За неимением мест в переполненной до отказа тюрьме меня водворяют на гарнизонной гауптвахте, караул которой состоит исключительно из шахтеров. Эти человеческие существа со звероподобными лицами увешаны пулеметными лентами, ручными гранатами и наганями. Отсюда многим и многим единственный путь был — дорога в смерть. Здесь был заключен до моего прибытия преемник Атамана Каледина доблестный генерал Назаров. Мужественно встречая смерть, в последнюю минуту скомандовал он расстреливавшим его: «Сволочь, стрелять, как казаки... пли!...» «Сволочь», как оказалось, не умела хорошо целить, т.к. один из группы расстреливаемых был временный Атаман Волошинов, после расстрела, был еще жив... и, когда палачи удалились, оставив свои жертвы лежать, он дополз до одной из лачуг на окраине города, умоляя о помощи, — но нет предела человеческой подлости! О том было сообщено красным и страдалец был пристрелен.

Вечная слава героям-мученикам. Вечное проклятие доносчикам. В камере номер 15 гауптвахты, кроме меня находились шесть польских офицеров и один отставной старик-полковник. Все мы ожидали своей участи. Жуткими ночами слышится шум подъезжающего бронированного автомобиля в характерное цоканье лошадиных копыт конвоя. Машина останавливается... Шаги и лязганье орудия в коридоре, по обеим сторонам которого находятся камеры с заключенными. Затем все стихает. В гробовой тишине чей-то голос начинает выкрикивать фамилии. Ужас, неопишуемый ужас, входит во все фибры существа... Сердце готово выскочить из груди... Буду ли я следующим? Всякий раз из различных камер слышится ответ: «Я» или «Здесь». Затем скрип отворяемых и затворяемых дверей. Жертвы окружаются вооруженным до зубов конвоем, выводятся из помещения гауптвахты и втискиваются в бронированный автомобиль. Шум удаляющейся машины с ее конвоем. Все стихает. И все то повторяется каждую ночь!

За городом, обреченные (по терминологии убийц) «отправлялись на Харьков»... Сколько раз я слышал эту гнусную фразу, относящуюся и ко мне! И сколько раз я в мыслях готовился к смерти! Но Господь судил иначе. На рассвете 1-го апреля 1918 года восставшие казаки ближних станиц освобождают столицу белого Дона... Я спасен.

Гражданская война. Июль 1919 года. На моем наблюдательном пункте появляется начальник дивизии генерал Т., с многочисленными ординарцами. Посвистывают пули. Сильный удар в руку ниже плеча и огненная боль у самого сердца, точно на него вылили ведро кипящей воды, препятствует дыханию... В тот момент, прижав руки к груди, я лишь с большим трудом мог только вымолвить: «Сердце, сердце...»

Один из офицеров, обращаясь к кому-то, говорит: «Ну, — этот готов». Но я не был «готов». После шестинедельного лечения, с невынутой пулей, которая, как оказалось, пройдя под лопатку, припеклась к легочной плевре, возвратился на фронт. Левую руку мог поднимать лишь до высоты плеча.

После блестящих успехов, когда нами уже был занят Орел, наступил перелом. Несметные красные полчища, обильно снабжаемые «союзниками», начали теснить нас, и белая армия, оказывая упорное сопротивление, стала откатываться на юг.

Январь 1920 года. В одной из станиц Кубани встречаюсь с моим командиром батареи из времен 1-ой мировой войны полковником Климовым.

В разговоре со мной рассказал он мне, как на Рождество в г. Ростове, в одном цирке цирковой «факир» по окончании своих удивительных номеров обратился к публике, предлагая задавать ему вопросы, на которые он будет отвечать. Среди различных вопросов был и такой: «Когда окончится гражданская война?» Ответ гласил: «14-го марта 1920 года». Спустя 11 недель, т.е. в точно предсказанный день, 14 марта 1920 года нами был оставлен Новороссийск с его окрестностями в предрассветных сумерках. С гор слышится ружейная и пулеметная стрельба. Вспышки отдельных выстрелов на темном фоне гор — точно светлячки спускаются все ниже. На берегу огромная толпа. Люди куда-то спешат, куда-то проталкиваются. Огромное количество оставленных строевых лошадей с полной седловкой...

Перегруженные пароходы и военные корабли отходят. Выстрелы совсем близко. Оставшаяся масса людей стремительно движется по шоссе вдоль морского берега по направлению к Геленджику. Сажусь на первую попавшуюся лошадь и в общем потоке скачу. После некоторого времени колонна вдруг останавливается. «Зеленые» преградили единственный путь. Последняя надежда на спасение пропала. Сзади — красные, спереди — зеленые, слева — неприступные горы, и справа — зеленые волны уходящего за горизонт моря. Минуты тяжкого раздумья и полного отчаяния... То, что надвигалось, леденило своим ужасом душу: неужели страшный плен с его непревзойденными жестокостями?! Неужели медленная мучительная смерть в советском концентрационном лагере с его ежечасными истязаниями, где «классового врага» режут тупым ножом, чтобы он то почувствовал!... Нет! лучше смерть!...

Оставляю лошадь, спускаюсь к самой воде. В это время появляется французский миноносец и спускает две шлюпки, чтобы забрать оставшихся офицеров Атаманского полка. Последние на своих конях медленно въезжают в воду. Слышу, как кто-то говорит: «Красные сейчас начнут забирать в плен».

Вхожу в воду и двигаюсь к одной из шлюпок, которая не так уж близко. Вода поднимается все выше и выше. Вот она уже подходит мне до рта... Борт шлюпки совсем близко... Мне, погруженному в воду почти до самых глаз, этот борт кажется недосягаемо высоким, и в эти жуткие минуты становится до ужаса очевидным, что с одной здоровой рукой мне не подняться до борта.

«Боже! Не оставляй меня! С отчаяньем погибающего», — кричу матросу — французу, что я ранен. Меня втаскивают в шлюпку. Я спасен.

Короткая задержка в Крыму. Август 1920 года. На моем наблюдательном пункте начальник дивизии, лейб казак генерал Д. На нем форменная красная фуражка. Шрапнели красных сперва делают недолет потом перелет. Вилка — это очевидно. Затем следует половиненье вилки и ... все в пыли. В этот раз шрапнельная пуля застряла в стопе левой ноги... Группа «гостей» уезжает, меня кое-как оттаскивают в сторону.

Севастопольский морской госпиталь, две операции по извлечению пуль. Конец октября 1920 года. Эвакуация.

В утренней дымке едва различаются очертания берегов родной земли. Боль еще незалеченных ран заглушается горьким сознанием напрасных жертв и утраты Родины.

Пройдут многие годы и уцелевшие свидетели героической белой борьбы будут вспоминать:

«О белых рыцарях в борьбе неравной,
Где были пролиты моря крови,
Где погибали смертью славной,
Иль честь свою в изгнанье унесли».

и, вздохнув, с горечью скажут:

«Но не нашлось для них нигде признанья
В атомный век, предательства и лжи,
Забыл весь мир иудино лобзанье
И ждет прихода красной сатаны».

Потеряв Родину, какой она была когда-то, другой нам не найти. О ней лишь остались воспоминания, которые оживают с особенной силой при звуках наших несравненных песен, этих шедевров музыкального творчества. Окружает же нас действительность, грубо врываясь непрошенной гостьей в наши грезы, рассеивает их:

«И не звенит уж давно колокольчик,
И не слышится песнь ямщика,
Только «бусы» проносятся с шумом...
И трубят, все трубят шофера...»

Воспоминания, — они будят сожаление о невозвратном, но они и освежают душу... Воспоминания далекой юности! Как бесконечно дороги они нам! Их ревниво бережем в нашем сердце, как драгоценные жемчужины.

Воспоминания, — как яркие зарницы, выхватывают из мглы нашего прошлого — дали пройденного жизненного пути с его вехами: Вера, Царь и Отрочество. Они непрестанно и настойчиво говорят о беспредельной милости Того, Кто в годы лихолетья вывел нас из всех испытаний и сохранил до настоящих дней.

И. Фомин, 21-го вып.

НА 40-ЛЕТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСА

Шипит вино в бокалах полных,
Сегодня праздник у кадет.
Сегодня корпусу Донскому,
Минуло ровно 40 лет.
Кадеты! В сегодняшний день юбилея,
Собравшиеся дружной кадетской семьей,
Мы вспомним о том — кто в себе нас взлелеял,
Всех нас воспитал и прославил собой.
О корпус Донской! Ты, рассадник был славы,
Собой украшал Тихий Дон 40-лет.
В тебе создавались казачие лавы,
Повсюду прославил Донских, ты, кадет.
Когда наступало роскошное лето,
Душистой полынью тянуло с полей,
Ты, стаю орлят выпускал для победы,
Для славы казачьей — для славы царей.
И кровью, твоих храбрецов беззаветных,
Границы начертаны; Русской земли.
А сколько их гибло в боях незаметных,
Вдали от тебя, от родной стороны.
Тебя, мы покинули. Гордые с Дону,
От красных врагов далеко мы ушли,
Тебя с нами нет. Но с родного простора
Мы славу с собой, твою принесли.
И верь, что бессмертна твоя будет слава,
И имя твое на скрижаль занесут.

Узнают тебя далеко за Уралом,
Хвалебные гимны тебе воспоют.
Так в день юбилея, Донские кадеты,
Поднимем заздравную чашу вина,
И корпусу крикнем: «На: многие лета»
Да здравствует, Войско Донское, Ура!

Навел Губарев (кадет 36-го выпуска)

1923 год, Билеча, Герцеговина, Югославия

НА «ДОБЫЧЕ»

«Мы вырвем конвульсией пальцев
Ржавые когти своих якорей:
Отныне, мы — стая скитальцев,
Без сел, городов и полей...»
«Исход». Стих. ротм. Лулева.

Негреющее зимнее солнце прорвало пелену низких, серых облаков и ярко озарило, развернувшийся вдоль побережья город. На фоне хмурого неба четко обрисовались белые контуры церквей, больших зданий и россыпи жилых домов.

Такой мне запомнилась, увиденная с палубы парохода Евпатория в полдень 2 ноября 1920 года. Поясню, почему мне, — в те далекие годы, кадету 3 класса Второго Донского Кад. Корпуса срезался в память именно этот день. Ответ прост: 2 ноября 1920 г. моя жизнь, так же, как и жизни многих тысяч других русских людей, пошла по новому пути. Начало ноября 1920 г. было ознаменовано спешной погрузкой на корабли во всех портах Крыма, уходивших в полную неизвестность бойцов Белой Армии и десятков тысяч беженцев. Не была исключением и Евпатория, на внешнем рейде которой собралась флотилия разномастных судов, присланных для эвакуации евпаторийских военных госпиталей и тыловых донских организаций. «Флагманом» — главным кораблем — флотилии был старый военный транспорт — «Добыча», приютивший вместе с ранеными и больными казаками кадет Второго Донского Кадетского Корпуса.

Вскоре после того, как кадеты, перевезенные на рыбачьих баркасах, были погружены на «Добычу», два военных катера прибуксировали к ней две баржи, вооруженные 6-ти дюймовыми орудиями Канэ. Назначение этих барж, называемых моряками «балиндерами», было охранять эвакуацию Евпатории. По окончании погрузки на корабли они должны были быть потоплены, т.к. для их дизель-моторов не было горючего, а вести их на буксире было нельзя из-за перегруженности пароходов. В трюмах «балиндеров» кроме снарядов были баки питьевой воды и небольшой запас морских сухарей. И одного и другого на перегруженной до отказа людьми «Добыче» — не хватало. Поэтому, неудивительно, что когда «балиндеры» были пришвартованы к «Добыче», то их трюмы наполнились кадетами. Среди других забрался туда и я. Мне не повезло: на мою долю досталось только несколько раскрошенных сухарей, которые я напихал за пазуху моего подпоясанного полушубка. Хуже было с водой. Она была, и я вдоволь напился, но набрать прозапас воды мне было не во что. Я стал рыскать по трюму в поисках какой-либо посуды. Долго мне ничего не попадалось, а потом, в дальнем углу трюма, я нашел деревянные полки с металлическими цилиндрами, закрытыми крышками. Я потянул за одну из крышек. Она легко снялась. В цилиндрах были «макаронны». Так назывался бездымный порох, выделанный в форме тонких и узких палочек, применявшийся в артиллерии.

Порох был мне ни к чему, а вот крышка емкостью в две-три бутылки, была ценной находкой. Я немедленно набрал в нее воды и стал по железным скобам выбираться из трюма. Карабкаться наверх было трудно: мешал котелок с водой. Но я, бережно сохраняя воду, переползал со скобы на скобу. Когда я добрался до конца, я увидел, что люк был

наглухо «задраен» — закрыт!

Позднее я узнал, что когда погрузка была закончена и до потопления «балиндеров» оставались считанные минуты, корабельное начальство распорядилось «задрать» люки, чтобы никто не пострадал при взрыве барж. Посланный для этого матрос не заметил меня в дальнем углу трюма.

Поднять головой толстые доски, держась одной рукой за скобу, было невозможно: я был слишком слаб для этого. Мне стало неприятно, а когда я вспомнил, что «балиндеры» должны быть уничтожены, то мой испуг перешел в ужас. Ни взлетать на воздух вместе с баржей, ни пойти с нею на дно, — мне страшно не хотелось. Я заорал не хуже пароходного гудка. И на мое счастье, закрывший люки матрос не успел еще перебраться на «Добычу». Он услышал мой дикий рев и выпустил меня из люка. Взобраться по штормтрапу на борт «Добычи» было легче легкого. Должен сказать, что, несмотря на весь свой испуг, котелок с водой я не выпустил из рук.

Не прошло и десяти минут после моего возвращения, как «балиндеры» были отбуксированы в открытое море и там подорваны выстрелами с катеров. Один из балиндеров носом вниз пошел на дно, а другой загорелся и стал медленно уходить от берегов. Вслед за потоплением барж на «Добыче» загрохотала якорная цепь, вползая в носовые крузы, — поднимали якорь. Хриплый гудок. Винты за кормой вспенили воду...

Вытянувшись в кильватер в затылок своему флагманскому кораблю, евпаторийская флотилия начала свой переход в Царьград.

Предвечерний туман поглотил сперва контуры Евпатории, а потом и очертания берега Крыма... Море было на редкость для поздней осени спокойно. Мне в моем полушубке было тепло и я, привалившись к пароходной трубе, крепко уснул, после всех пережитых волнений...

Второй день плавания прошел в напрасных поисках съестного и в ожидании выдачи какой-либо горячей пищи. Ожидание было напрасным: весь наш дневной паек был ограничен небольшой кружкой питьевой воды.

К ночи заморосил мелкий — затяжной дождь. Сидеть на мокрой палубе стало очень неприятно. Тем более, мой полушубок грозил разлезться на клочья: плохо выделанная овчина, намокнув, растянулась в почти прозрачную пленку. Мне было нужно, хоть немного, подсушить свой кожух и самому посидеть в сухом месте. Все трюмы были заняты ранеными или больными и мечтать о ночевке в них было напрасно. Поэтому я и один из моих одноклассников пробрались в кубрик — помещение для команды. В нем раненых не было, но зато была сплошная масса тесно прижатых один к одному сидящих людей (для лежания места не было!). Нам повезло: под лестницей было незанятое сухое место, куда мы и забрались. В кубрике от многих спящих было душно, и я стал надеяться, что мне удастся и подсушить свою овчину, и поспать. Мои надежды не оправдались. Все дело испортил мой полушубок. В сухом виде, он вел себя, как и подобает почтенной меховой одежде. Его неожиданная сущность выявилась, когда он намок: от него потянуло таким удушающим козлиным запахом, что даже мне самому становилось невтерпеж. По-видимому, аромат моего кожуха был нестерпим не только для меня, т.к. мои соседи очень решительно потребовали моего удаления из кубрика. Мой приятель был удачливее меня: у него полушубка не было, и он избежал изгнания. Волоча по мокрой палубе рукава и полы моего растянувшегося тулупа, я прослонялся до полуночи, а потом решил попытаться счастья в другом трюме.

Только на этот раз я был осторожнее: прежде, чем спуститься в трюм, я снял и свернул в тугой комок мою злосчастную овчину. Отыскав в трюме свободное место, я положил на него мой сверток и уселся на нем. Конечно, моя предусмотрительность не уничтожила «духовитость» моего полушубка, но она сделала трудным установление источника невыносимого запаха. Только к рассвету моя «военная хитрость» была раскрыта и я, под дружный хор ругани, покинул насиженное место. В поисках сухого местечка, я забрел на бак, переднюю носовую часть корабля, куда сносили умерших за ночь. Между двумя принесенными для погребения в море мертвецами я увидел моего друга, оставшегося на ночь в кубрике. В неверном свете раннего утра отчетливо

выделялась на его восковато-желтом лице полоска засохшейся крови, тянувшаяся от носа к подбородку. Мы были очень дружны, и неожиданная смерть моего друга меня ошеломила... Я, было, хотел бежать к начальству, чтобы доложить о несчастном случае, когда «покойник» зашевелился. Я поспешил его разбудить. Его рассказ был прост: ему стало плохо от духоты и спертого воздуха в кубрике и у него пошла кровь из носа. Он выбрался на палубу и, найдя свободное место только на баке, устроился там на остаток ночи. Под утро рядом с ним положили двух умерших за ночь...

Наступивший день отличался от предыдущего тем, что нас, помимо кружки воды, побаловали несколькими ложками вареного овса с легкой примесью мясных консервов. Полуочищенный овес был колючим и безвкусным, а волокна мяса — почти неощутимыми. Но все-таки это была еда. Мой «восставший от смертного одра» дружок и я — очистили наш общий, вынесенный мною из балиндера котелок до последней крупинки овса.

После еды, жажда стала еще нестерпимее. Некоторые, из наиболее нетерпеливых кадет поддались соблазну выпить морской воды. К счастью таких нетерпеливых было немного, а последствия их поступка были настолько внушительны, что желающих следовать их примеру не нашлось.

Облазив всю «Добычу», я нашел, что самым лучшим местом для сна будет прикрытая сверху брезентом спасательная шлюпка. Мой приятель был вполне со мной согласен и как только стемнело, мы с ним юркнули под брезент и привольно вытянулись во всю длину. Правда, нам вскоре пришлось потесниться, т.к. нашлись и другие, по достоинству оценившие спальные возможности шлюпки. Но, как говорится, «В тесноте, да не в обиде»: из шлюпки меня никто не выгонял.

К полудню, на горизонте показалась неясная, серая полоска. Берег. Турция. Под вечер наша старушка «Добыча», а за ней и вся евпаторийская флотилия, медленно вползли в Босфор. Еще несколько часов и мы включились в «плавающий город» Золотого Рога. Тяжело прогрохотала якорная цепь, убегая из носовых клюзов в темную глубину рейда Золотого Рога. По мачте «Добычи», медленно поползли вверх комочки материи, добрались до клотика и развернулись пестротой сигнальных флагов международного кода. Стоявший рядом со мной матрос вслух «прочел» фразы поднятых сигналов: «Больные на борту. Терпим голод и жажду»... Эти слова дают сжатое, но яркое представление об особенностях нашего плавания на «Добыче».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне могут поставить в вину, что я свел всю огромность трагедии массового исхода из Родины к переживаниям и выходкам озорного мальчишки.

Что ж, во время «великого исхода из Крыма», мне действительно было мало лет и я хотел правдиво и без прикрас рассказать о моем мальчишечьем участии в событиях полувековой давности. Рассказать о том, что я тогда пережил и запомнил. Может быть, мой рассказ грешит неполнотой: многое заслонили в памяти десятки пережитых с того времени лет. Но зато в нем нет прикрас.

Могут меня упрекнуть и в том, что в моем повествовании нигде не говорится о тоске по покинутой Родине.

Верно, не говорится. Ибо в первые дни нашего изгнания мы не ощущали еще отрыва от России: мы были, хоть и на плавучей, но на русской территории и нас окружали свои донцы-казаки, рядом с нами были друзья-односумы.

Тоска по Родине (и еще какая тоска!) пришла много позднее, когда мы столкнулись с чуждым для нас укладом жизни и болезненно ощутили свое несходство с окружающими нас людьми.

М. Н. Залесский, 37 выпуск 1926 г.

«ДЫНЯ»

(Рассказ друга из жизни донских кадет)

Миша Грелов приехал к нам в Корпус в тревожные дни конца 17-го года, когда улицы Новочеркаска были запружены спокойно гулявшими и нервно спешившими куда-то военными.

Когда «штаб Алексеевской организации» уже обосновался на Барочной улице в доме под номером 56 и юнкера, офицеры и кадеты часто переодетыми «стекались» на Дон.

Маленькие афиши, отпечатанные на газетной бумаге, были расклеены на крутящихся тумбах театральных объявлений и на заборах. Афиши возвещали, что Родина в опасности и предлагали записываться в отряд есаула Чернецова.

Внизу на вокзале сиротливо свистели паровозы. Уже несколько дней сине-желтый поезд Москва-Батум не проходил по низкой дамбе Хотунка.

Стояла снежная, с частыми оттепелями, зима. Старшие кадеты несли караулы в городе. В пустынных по-праздничному классах и непривычной тишине мы еще учились. Кто-то уезжал домой, многие «уходили в партизаны — к Корнилову», как говорили тогда.

Грелова определили в наш класс, в наше отделение.

Он вошел к нам с воспитателем (полковником Наумовым) спокойной походкой. Все в нем нас удивило: черные безучастные глаза, густые («щеточкой») ресницы и огромная, вытянутая кверху («по-фараоновски») голова.

С задней парты Герман Штокин крикнул: «Дыня!» Полковник злобно зашипел, а кадет Грелов стал «Мишей Дыней» навсегда...

К нашему учению, к нашим взволнованным разговорам о Корнилове и Чернецове, Миша был холоден и безучастен.

Засунув глубоко в карман руки, он размеренной, почти старческой походкой ходил по безлюдным коридорам и говорил: «А у нас все было по-другому».

В спальне наши кровати стояли рядом. С кадетами, а со мной в особенности, Миша был почтительно сдержан. На кличку «Дыни» не обращал никакого внимания, словно она к нему и не относилась.

С Серафимом Самохиным («Саркой») и Костей Арентом я ушел к Чернецову. Миша остался в корпусе. Для нас началась война, долгая, жестокая, изнурительная... В «Ледяном походе», в лобовой атаке под Екатеринодаром, как бы поскользнувшись на весенних всходах хлеба, упал «Сарка». Я бросился к нему, Самохин был мертв. Атака «захлестнулась», мы отошли. Серафим остался у них...

Потом, через два с лишним года, уже в Таврии, на Днепре, наши разведчики вернулись на лодке с убитым Костей. Тихая звездная ночь лежала на черной воде. Мы оставили Арента в лодке, думая похоронить его на следующий день. Утром красная конница нас атаковала. Я успел оттолкнуть от крутого берега лодку с Костей. Она сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее уходила в дымящийся над рекой туман.

Было ветрено и не по-сентябрьски холодно. Этот последний бой я запомнил навсегда. Никогда мне не было так легко и спокойно в огне.

Потом вечером на огромном костре солдаты жарили поросенка, выменянного на «трофейные» ботинки у тавричанина.

И когда по осеннему тихому саду пошел с детских лет памятный запах горелой соломы — я заплакал. Солдаты меня утешали, а я плакал нее громче.

«Встать и замолчать!» — загудел надо мной голос капитана. «Волноопределяющийся — за мной!»

По улицам полуразрушенной деревни я шел покорно за капитаном. Привычное чувство безоговорочной подчиненности вернулось радостно и просто.

«Завтра, нет — сегодня же вы откомандированы в корпус, в Крым, для продолжения образования».

«Уезжай, прошу тебя, уезжай! Довольно, надо учиться, а не безобразничать!» — добавил он тихо и положил мне на плечо руку.

Низкие серые облака шли над Днепром. Ночью мы съели слегка тепловатую перловую похлебку («шрапнельную») и лежали, притворяясь спящими, на пулеметной тачанке.

Утро еще едва начиналось, когда, шурша колесами по скошенному полю, к нам

приехала подвода.

«Ну вот. Шура, и уезжай!» — сказал он громко, легко спрыгнул с тачанки и быстро пошел к деревне.

Я уехал на Токмак, на Мелитополь...

...Золотые поля Мелитополя
И Каховки сожженные крыши...
Почему вот тогда не «ухлопали»?
А продолжили годы в Париже...

Но стихи эти придут потом. Много позже... Накрапывал легкий дождь, а там, на севере, гудело протяжно и глухо... На «Герентьевскую дачу», куда собирались отставшие от Корпуса (эвакуированного в Египет) кадеты, я шел по ветреной Евпатории.

По широкому пляжу, который направо от гостиницы «Дюльбер», шел Миша в английской шинели «внакидку». Мы с ним по-братски обнялись. Он очень изменился, появились черные «усики» и спокойно-уверенная солидность...

Миша меня расспрашивал, но что я мог рассказать?

На даче генерал Рыковский («Ванюса» по-нашему) меня он обнимал и крепко целовал, суетился и шепеляво говорил:

«Ну, ницево, ницево...» — и опускал голову, скрывая слезы...

Здесь для меня началась какая-то странно-спокойная жизнь. Нужно было снова сидеть в классе, но не за партой, а за огромным столом, который был нам и обеденным. Выносить придиричвые и презрительные замечания полк. Хелаурова, отсидевшего все войны в Донском пригготовительном (к поступлению в кадетский корпус) пансионе, стесняться дружеских отношений моего нового воспитателя (полк. Пахомова), только что вернувшегося с фронта... и жить в непонятной и жуткой тишине покоя...

«Дыня» ходил за мной тенью.

«Ты видишь, теперь нас трое из нашего отделения», — говорил он мне не раз.

Все свободное время я спал, и чем больше спал, тем более хотелось спать...

Читали газеты, повторяли и пересказывали новости с фронта, спорили и зло шутили.

«Наши подводные лодки стремительно атаквали конницу Буденного. Противник отступит со значительными потерями», — сообщал весельчак Емец, увидя подходящего глухого полк. Васильева.

«О чем ты говорил, голубчик? Повтори громко», — спрашивал полковник.

И Емец, с серьезным лицом, очень громко повторял.

«Поганец. В карцер засажу!» — кричал Васильев.

Но карцера не было, и Виктор оставался на свободе.

В отсутствие начальства пели тогда необходимое, «Яблочко» и особенно часто новый куплет:

«Проморгали донцы территорию
И приехали теперь в Евпаторию».

И сразу после этих слов тенор Иловайский начинал новую песню:

«Бродят казаки, как тени.
Все без крова и семьи»,

а хор дружно и весело подхватывал:

«Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои...»

Но веселья не было.

«А Буденный и без снега,

Прет чрез реки и Леса...»,

запевал снова тенор и хор особенно громко:

«Пропадай моя талега,
Все четыре колеса!..

«Довольно. Прекратить!» — кричат «Дыня». Хор со смехом расходился и пел последний куплет:

Кто-то, кто-то уезжает
Из России навсегда»

и потом очень протяжно:

«Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда».

«Замолчать!» — гремел Грелов...

В Евпатории было холодно, безнадежно скучно и очень голодно. Даже море у ее берегов было серо-грязное... Шел непрерывный дождь. Я стоял у широкого окна второго этажа. Там за морем не было неба, а стояла недвижная бурая туча.

Миша бесшумно подошел.

«Ты знаешь, говорят, Перекоп взят! — сказал он шепотом...»

Вот и сейчас, через 50 с лишним лет, я не знаю — что меня взорвало? Что довело до бешенства, до того ужасного крика, за который мне и теперь еще стыдно.

С вобранной в плечи головой «Дыня» сбежал по лестнице...

Грузились на пароход «Добыча». Ни трубача Донского, который нас будил медным плисом трубы, ни «пленных» (наших кашеваров) с нами не было. От деревянных, уходящих в море моллов переполненные баркасы отплывали к кораблям на рейде.

Миша надоедливо суетился.

На рейде мы простояли более суток.

По палубе в дворянской фуражке (краснозеленой) бегал Гаритов, наш преподаватель французского языка и кричал: «Нас предали!» Но вскоре — все успокоилось и стало тихо, как на погосте. У пароходной трубы на жесткой палубе я уснул.

Родину, уходящую на горизонте и серую Евпаторию я в последний раз не видел. Я проснулся, когда «Добыча» была в море. Крым уже был далеко за кормой, на которой «Викентьевич» (наш повар) устанавливал походную кухню. Резкий и напористый ветер ходил по палубе, «Дыня» принес мне полуиспеченную на паровой трубе пышку и застенчиво сказал:

«Ешь и не бушуй...»

Белые чайки нас провожали. Они летели рядом с пароходом, медленно и равномерно махая крыльями, потом, как бы относимые ветром, собирались за кормой и с жалобным криком бросались к морю... и снова равнодушно летели над нами.

«Ты видишь — французский флаг на мачте?» — говорил Грелов восторженно. - «Мы плывем во Францию. Ты знаешь, я свободно говорю по-французски»...

Я поворачивался к нему спиной и сонно отвечал: «Оставь меня в покое...» и «Дыня» исчезал на людной палубе. Стояли молчаливые очереди: за водой и возможным супом.

Выла очередь и в «отхожем месте» злобная и крикливая. Вскоре у кормы соорудили подмост с деревянным забором, и эта очередь поредела.

Моросил дождь. Морской ветер пронзал и волновал. Уйти от трубы я боялся. Она ласково грела мою спину. Место сразу заняли бы, а без тепла я мог закричать, заплакать, как тогда под Александровском на Днестре. Подошел Миша.

«Сядь на мое место, а я пройдусь», — сказал я ему.

На палубе я встретил раненых однополчан, эвакуированных из Евпаторийских госпиталей. Я их расспрашивал о капитане, боясь ответов, но никто толком ничего не мог сказать.

«Добычу» воздушно поднимал». Я дошел до кормы. Пароход, как-то особенно, высоко поднялся носом. Слева что-то хрустнуло и кто-то отчаянно закричал.

На капитанском мостике безразличный голос прогудел в рупор: «Человек за бортом!»

Зазвенели звонки и хрипло завывала сирена. Я бросился к борту, но за ним никого не было. Даже упавший помост я не увидел. «Добыча», с полузастопоренными машинами, боком поднималась на волну. С мостика кричали и появившиеся у бортов матросы отрывисто отвечали, какими-то непонятными нам, короткими фразами. Пароход сделал круг, но «человека за бортом» мы не нашли.

Ночь, уже вторая, на «Добыче» наступила молчаливая и дождливая, когда вдруг на носу корабля, где табором расположились калмыки, закричали гортанно женские голоса.

Я потел к трубе. На моем месте Миши не было, а сидел старый калмык, опустив И олову на грудь.

Я громко закричал: «Миша!...»

«Ты кого кричишь?» — спросил меня тихо калмык. — «Того, что голова высокая?... Нет его. Он ушел с моим Санжою туда... и их нету.

Но я звал Мишу до тех пор, пока какой-то седоусый офицер не сказал мне строго: «Замолчи!?»

Утром тихим и пасмурно-печальным, когда кругом было уже утихающее море в белых «барашках» волн, я нашел Грелова рядом с калмыцким табором. Он что-то говорил, закутанной в огромную шубу молодой калмычке, но она его явно не слушала.

В Босфор мы вошли вечером. Горы уже светились ласковыми огнями мирных окон домов. Было тепло, как у нас весной, «Добычу» пришвартовали к большому, слегка наклоненному пароходу. Кажется, это был «Рион»... Быстрая вода пролива в аметистовых отражениях огней бежала мимо наших кораблей с желтым флагом (флагом карантина) на мачте.

Эту ночь мы не могли заснуть и тихо разговаривали. Мы были «заграницей» и это нас волновало и все казалось совсем иным и интересным.

Азиатский берег был едва освещен, но европейский нам казался иллюминированным...

В Босфоре мы простояли более трех недель. Пароходы уходили на Лемнос, в Чаталджу и Галлиполи, а нас несколько раз пересаживали на разные корабли. Мы ждали отплытия в Сербию (тогда Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев), которая принимала наши кадетские корпуса.

К концу нашего «Босфорского сидения» нас пересадили на «Афанасия Феофания», на пароход каботажного плавания в Азовском море. Он был с очень низкими бортами и капитанским мостиком не по середине парохода, а ближе к корме. Там, на Родине он заходил даже в Дон, но не дальше Ростова. Возможно, Керченский против он прошел в первый раз, покидая привычные воды и ровные берега.

Капитаном парохода был небольшого роста и очень широкоплечий ростовский житель Писемский. Он хорошо знал семью Миши, а его ласково называли «Мишенькой».

Наше пребывание на «Феофании» было недолгим, но дни эти, очень радостные и беспечные, мы запомнили, как последние на Родине. Может пароходик «Афанасий» нам казался последним «клочком родной земли». Может нас очаровал и околдовал широкий и пожилой капитан Писемский, который нас ласково называл: «мои дети»...

Утром мы строились у правого борта, лицом на азиатский берег, на утреннюю молитву. Происходила смена дежурного и дневальных. Словно ничего и не произошло. Словно мы были еще там, в Новочеркасске. Только не было никаких занятий... и это нас чрезвычайно радовало...

К пароходу подплывали «кардаши» (торговцы-турки на легких лодках). Они

предлагали нам менять английские брюки на соблазнительный, очень белый хлеб и инжир («винные ягоды»). Капитан их отгонял непонятными нам словами, а «Дыня» бегал вдоль бортов и грозил им нашей единственной пикой. Однажды турок подплыл совсем близко. Огромный Левушка Греков выхватил пику у Миши и пронзил сразу несколько мешков с хлебом, перебросив их на нашу палубу (он делал это не раз). «Кардаш», с криком, удалился от парохода. Миша преподнес Грекову белый хлеб, а Писемский радостно прокричал: «Спасибо, дети».

Воспитатель полк. Хелауров возмущался, называл нас ворами и обещал наказать потом, но потом турки к нам уже не подплывали...

«Пароходик родной,
Море заграничное...
Что случилось со мной —
Дело личное».

Но «Яблочко» пели без подъема. Оно созрело и оторвалось... Что-то другое, грустное и уже далекое, то, чего ранее мы не замечали, запоминалось все острее и больнее.

«Ну, еще раз Кубань», — говори. Миша. — Это любимая капитана, его жена с Кубани».

И баритон Сережа Михайлов начинал:

«Ты Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!»,

и хор тихо вступал:

«Многоводная, раздольная
Разлилась ты в даль и вширь».

Но когда пели следующий куплет

«Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны»,

а хор нее громче и громче:

«Бьем тебе челом, родимая,
Твои верные сыны»...

Капитан снимал фуражку и наклонял голову.

В один из первых дней нашего пребывания на «Феофанчике» произошло памятное событие. К нам подъехала французская моторная лодка. Сбавив ход до предела, чтобы не быть снесенной босфорским течением, она держалась совсем недалеко от нас.

«Как называется этот пароход?» — прокричал в рупор офицер.

Миша первый понял вопрос и отдельно и громко ответил.

«Как?», — переспрашивал несколько раз офицер и ничего не понимал в Мишиных ответах.

«Катись горошком», — прогремел Писемский и прибавил те слова, которые не печатаются нашей родной и скромной «кириллицей».

Катер два раза объехал пароход, но уже заржавевшую надпись на корме («славянской вязью») офицер прочесть не смог.

Вскоре катер вернулся. Он почти пристал к «Феофанию», и очень высокий в черном бушлате моряк, сложив руки рупором, прокричал тонким голосом:

«Как называется ваш пароход?»

«Афанасий Феофаний», — ответил басом с мостика капитан.

«Как?» — переспросил высокий моряк.

Но здесь произошло нечто неожиданное. Наш капитан разразился длинной и не совсем понятной нам бранью. Такой, что сидевшая на палубе (на чемоданах) жена полк. Лукьянова (нашего заведующего хозяйством) задрожала, обняла голову руками и вскрикнула.

Моторная лодка пришвартовалась, и моряк в бушлате прыгнул к нам на палубу. Миша старался его задержать и что-то кричал по-французски.

Высокий поднялся на мостик. Мы окружили нашего капитана, ожидая неприятностей. Но их не было.

«Разрешите представиться», — сказал пришедший. — «Капитан дальнего плавания — Павловский».

«Капитан Писемский!» — ответил наш.

«Я приехал, чтобы собрать сведены» о ваших пассажирах для питания их и был несколько удивлен и обрадован вашей тирадой. Я восхищен... Я много плавал. Знаю некоторые иностранные языки, но подобное русско-славянское ругательство, этот необыкновенный «морской загиб» — слышу впервые...»

«Хороший вы, видимо, человек, если не забыли наш могучий русский язык в чужих морях,» — ответил Писемский. — «У нас в каботажном плавании без слов громких и крепких никак нельзя. Попробуйте выйти из Ростова вниз по Дону без окрика? Вас эти огородники на баркасах, сербско-болгарские, с пути собьют к субботний день. Вы фарватер потеряете. А насчет сведений, спустимся в каюту и по стаканчику ответственного коньяку выпьем. Коньяк замечательный — «Братьев Сараджевых». У нас его в мореходном называли «Составь протокол». Бывало, выпьешь несколько стаканов. Голова пустой становится, а руки чугунные. Вот и лезешь в драку, ну и протокол потом в полиции...»

Капитаны сошли с мостика... У борта, возле катера, царило оживление. Французские матросы угощали кадет папиросами, которые были без привычных бумажных мундштуков, и раздавали синие банки.

«Не ешьте эти консервы», — говорил «Дыня», — «это обезьянье мясо, так мне сказали матросы».

«Обезьяна — не человек, обезьяна — дичь, даже человекообразная», — сказал невозмутимый Шконик и взял две банки.

Миша весело болтал с чернокожими солдатами, и это нам казалось странным. Словно «Дыня» был колдуном.

Капитаны вышли из каюты с розовыми лицами...

«А если ты, Владислав Казимирович, хочешь главный «загиб» узнать, приезжай потом. Мой Осип Осокин тебе его скажет. Он у меня хотя и неграмотный, но первый по словесности. По лицу узнает, кто какой нации».

«Накорми детей, а потом посмотрим», — сказал на прощанье Трифилий Афиногенович Писемский.

Потом для нас началась сытная жизнь. Тот же катер привозил нам «баки» с макаронами, хорошо заправленными мясными консервами.

Только хлеба было мало. Удивительно белый и вкусный турецкий хлеб надо было делить на семь частей. Миша это делал с математической точностью...

Настало веселое время.

И когда тихий синий вечер опускался на Босфор и серпоподобная белая луна была еще едва видна — мы собирались на корме и пели...

«Да и где же ты была
Моя нечужая.
Да и где же ты была
Заборилася?»

и хор сразу речитативом переходил в плясовую:

«На дырявом мосту
Провалилася».

В круг выскакивал Борис Иванов.

«Ах, черт тебя нес
На дырявый Мост,
Ты не видела дыра
Не ходила бы туда».

Борис шел, сначала притаптывая и «вихрясь». Потом падал «на присядку...». Вставал и снова шел, стуча каблуками. А хор все скорее и скорее:

«Не ходила бы туда,
Не сушила живота!
Так и буду ходить.
Так и буду сушить,
На улицу не пойду
И дома не сяду...»

И обессиленный Иванов покидал круг.

«Бей, Боря, бей до конца сапоги. В Сербии другие дадут. Бей, не жалея», — кричал в исступлении Герман Штокин, двигая плечами и притоптывая...

Но веселье не бывает вечным. Не было таким оно и у нас. В одно очень светлое утро, после молитвы генерал Рыковский (наш тогда директор Корпуса) вышел перед строем и сказал: «Завтра нас перевезут на пароход «Владимир» для следования в Югославию. Надо быть готовыми к 14-ти часам».

Этой радостной новости мы не были рады. Нам было жаль покидать «Феофанчика» и расставаться с капитаном.

Подошла не совсем понятная грусть. Веселая беспечность оборвалась, но почему — мы еще не осознавали.

Несчастье не бывает одиноким, и оно должно повториться и повториться три раза. «Не бывает два без трех», говорят французы. Подошел обеденный катер и наш «Мальчик» (приблудившаяся еще в Евпатории собачка), как всегда прыгнул на лодку. Он не рассчитал свой прыжок и упал между бортами. Стремительный Босфор его унес на юг.

Привезенные турецкие «булки» хлеба мы как всегда разложили на досках, но «Дынеделителя» не было. Мы звали и искали его повсюду... Грелов исчез. Но по спокойному лицу капитана мы догадывались, что исчез он не трагически.

Я очень хорошо помню нашу последнюю «вечернюю зорю» на пароходе «Афанасий Феофаный».

Как всегда мы построились в «две шеренги» у правого борта, лицом на восток. Вахмистр Лобачев скомандовал «Смирно» и начал «перекличку».

«...Гнилорыбов!... Я... Грелов!...»

Настала тягостная тишина и было слышно, как далеко на минарете, кричал муэдзин.

Полковник Какурин внятно произнес:

«Трубач — зорю!»

На капитанском мостике, став позади Писемского, Левушка Греков и Владислав Анилов («атаманец» и «ударник корниловец»), подняв высоко трубы, пропели нам незабываемую кавалерийскую зорю.

Была команда «На молитву шапки долой», но команды «Петь молитву» — не было.

Ее (молитву) прочел наш командир сотни Какурин.

Почему он это сделал, я не знаю. Но эта домашняя простота молитвы нас тронула до

слез. И даже после команды «Разойтись» мы еще стояли и не сразу «разломали строй».

Было застенчивое молчание всех и та погребальная тишина, когда ничего не понимаешь, но сознаешь, что происходит что-то огромное...

На следующий день большая моторная баржа оторвалась от «Афанасия». Мне показалось, что в носовом иллюминаторе я видел длинную голову с надвинутой до бровей фуражкой. Может это мне только показалось.

А. Туроверов, 35 вып.

Александр Ефимович КУНАКОВ рождён 25-го декабря 1907 года, сын генерала Всевеликого Войска Донского. 10-ти лет поступил в Донской Императора АЛЕКСАНДРА III Кад. корпус. 12-тилетним принимает участие в бою под г. Ростовом и в 1920 году эвакуируется вместе с корпусом в Константинополь и далее — в Египет. По возвращении из Египта, при расформировании корпуса, остаётся в Английской школе и затем во Франции со своим старшим братом. Он продолжает учиться и работает. Любит пение и уже с детства участвует в церковных хорах, а потом и в Казачьих...

Одно время снимается вместе с Мозжухиным во Французской киностудии в «Белом Дьяволе». Берёт уроки пения у известного певца Юрия Морфесси.

Регенты знаменитых и известных Казачьих хоров: С. Жаров и Н. Кострюков приглашают его к себе в хор. В 1930-ом году он выбирает «Платовский хор» под управлением Н. Кострюкова. В одном турне он даже был приглашён петь перед Английской Королевской Семьёй.

Старый полк его отца «Лейб-Гвардии Атаманский» — преподносит ему гитару за его «казачий дух и прекрасное пение».

Дальше начинаются большие турне хора по всему свету — в Индиго, Индонезию, Акстралию, где он встречается с его будущей супругой. В 1938 году, возвратившись из турне обратно в Австралию — женится.

Через три года после этого Кострюков снова приглашает Кунакова в хор. Помешала Вторая Мировая война.

В 1943 году Кунаковы переехали г. Мельбурн, и здесь Кунаков создал хор из 12-ти человек, и они разъезжают по лагерям, давая концерты для солдат.

В течение последних лет и до конца своей жизни работал в фирме по приготовлению химических препаратов для еды.

В 1963-ем году А.Е. Кунаков был избран Атаманом Донской Объединённой Станицы в гор. Мельбурн, Австралия.

Добросердечный, мягкий по натуре, отзывчивый и жертвенный, он всегда принимал участие в жизни русской колонии Мельбурна. Непримирымый антикоммунист, он всегда переживал всё за поработченную Мать Россию и Тихий Дон и верил и надеялся на ВОСКРЕСЕНИЕ РОДИНЫ.

(Сведения взяты из журнала «Станичник».)

НЕДАВНЕЕ, НО ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Шестое декабря. Кадетский праздник.
Немало за период этих лет
Вошло и вышло в двери корпуса Донского
Для новой жизни юношей кадет.
Как мы бывало, малыши, любили этот праздник!
Пройдет парад, а там — каникулы не за горой.
И разлетится дружная кадет ватага,
Что б встретить Рождество в семье родной.
Мечты плели волшебную, заманчивую сказку:
Хотелось лечь в свою уютную кровать,
Закрывать глаза и притвориться спящим,
Когда у изголовия молилась мать.

Хотелось целовать мне дорогую маму
И лаской высушить слезу с её лица...
Уж, больно много, бедная, хлебнула
С тех пор, как потеряли мы любимого отца.
Но сказке не дано было осуществиться.
Мечта осталась несбыточной мечтой,
Жизнь повела меня, в слепую неизвестность.
Тяжелою, тернистою тропой.
Прошли года. Тяжелые года скитаний.
Так много позабыто в эти сорок лет!
Но не забыть ту ночь, когда закрылись двери
За уходящими из корпуса кадет.
Мне не забыть тебя, Донской Кадетский Корпус!
Мой класс, моих друзей — кадет,
Куда пришел я маленьким ребенком
В твою громаду стен, на семь суровых лет.
Теперь, когда прошли года, виски покрылись сединою,
Когда, по существу, пора уж на покой, —
Встают ушедшие картины пред глазами
И память прошлого встает передо мной.
В последний раз мелькнул огнями город.
Замолк собачий лай. Одна лишь степь кругом.
И только нарушает тишину декабрьской ночи:
Слова команд, да снега хруст под сапогом.
В подбитой «рыбьим мехом» шинелишке,
С винтовкой на плече, котомкою в руках,
Месил я Дона снег и чернозем Кубани
По самое колено, в кадетских сапогах.
Новочеркасск, Кубань, холодный порт Новороссийска,
Последнее «прощай» родной стране...
Вот память прошлого, которая встает перед глазами,
Вот прошлое, что часто снится мне.
Мне не положено судить историю и факты,
И без меня историки закончат этот труд.
Но те, кто любит Дон и ценят его имя,
Мои воспоминания, надеюсь я, — поймут.
Для вас, которых бросили в порту Новороссийска,
Для вас, замученных в Сибирских рудниках;
Для вас, кто выжили трагедию Лиенца, —
Я написал свои воспоминания о казаках.

Александр Кунаков, 37 выпуска

МЫСЛИ НА ДОСУГЕ

Люблю тебя Новочеркасск — столица Дона,
Тебя я с детства знал и всей душой любил.
С тобою связаны хорошие и грустные странички из далёкой жизни,
Которые всю жизнь я так лелеял и ценил.
С какой любовью слушал я, бывало, пенье хора Кафедрального Собора,
Какая сила, мощь у баритонов и басов,
Как нежно, ласково, красиво соло тенора солиста —
На фоне спетых и великолепных голосов.
Мне помнятся сады с черёмухой, акацией —

Деревьев ветки ломаются под тяжестью плодов,
Жужжанье пчёл на пасеке соседа
И трели бесконечные, под вечер соловьев.
Любил я тень в аллеях Платовского парка.
Средь них я находил душевное забвенье и покой,
Я так любил смотреть на памятник «героя Графа-Атамана» —
Поднявшего высоко свой ПЕРНАЧ над головой.

Меня всегда тянуло к площади Собора.
Казалось мне: что будто бы меня туда манит чья-то НЕВИДИМАЯ мне рука —
Туда, где вдаль глядит закованная в латы — статуя ЕРМАКА.
И в те минуты мне казалось, что слышу я
Вдали казачий гик, бряцанье ятагана по лезвью палаша —
И стыла кровь от ветра занесенного с степей Сибири,
От воплей казаков — тонувших в бурных волнах Иртыша.
Часами — помню я выстаивал на площади Новоческасского Собора,
Любуясь, близких сердцу, на параде казаков
И прошлого всегда хотелось поднять завесу,
Чтоб видеть то, что там покрыто пытию веков.
Откуда ты пришел «сын волн, стег, простора»,
Кровь чьих потомков бурлит в тебе на протяжении веков,
Чья кровь на берегах Кубани, Терека и Дона —
Смешавшись с русской кровью — породила КАЗАКОВ?
Родились казаками МЫ, но не родились наши предки —
Казачество мы приняли в наследство от отцов,
Но не понятно, почему среди фамилий: Павлов, Иванов, Семёнов —
Встречаются фамилии: Греков, Персиянов, Поляков?
Тяжелой, полною невзгод, тревог, лишений жизнью —
Ковались имена тех верных Родине и Долгу казаков,
Которые покрыли славою истории страницы,
На протяжении последних нескольких веков.
Тебя любила Русь. Ты защищал и расширял Её границы
Любовью к Вере, Родине горя —
Ты был АЛМАЗ, который ярким, чудным светом
Блестел в короне и на скипетре у Русского Царя.
Тобой решился спор о будущем Царе Российском —
(Его избрали по совету и желанью казаков),
Когда своею знаменитою ЗАПИСКОЙ —
Покончил споры Атаман Казачий МЕЖАКОВ.
Тебе так памятны суровые снега Сибири.
Твои тела тонули в холодных волнах Иртыша реки,
Когда Российскому Царю в подарок —
Сибирь завоевали и подарили казаки.
Ты бил татар на Диком поле,
(Врагов не раз разила там казачья стрела),
И с Дмитрием Донским Ты был на Куликовом поле,
Границы Русские Ты нёс на арчаке седла.
Ты на своих стругах ходил под стены Цариграда,
С любимым Атаманом — в Персию на расписных судах,
Ты умирал вдали без Божьего причастья
В тюрьму заброшенный — закован в кандалах.
Тебе, которому уж не под силу было
Турецкой армии осаду удержать, —
К Тебе явилась, покрывши ОМОФОРом,

Свершивши чудо — ПРЕСВЯТАЯ МАТЬ.
Твой конь топтал границы: Индии, Италии и Польши —
Ты шел вперёд, перед собой врага гоня,
Ты выполнял завет «зарубленный на шашке»,
Когда на ШПРЕ, в Берлине... Ты поил коня.
Тобою восхищался Император КОРСИКАНЕЦ
(Любимец армии и гвардии кумир),
Когда поклялся: «Что имея два Полка казачьих —
Он с ними завоюет ЦЕЛЫЙ МИР».
Твой штык витал под МИРОИ и под КРАСНЫМ,
Твой кивер нежно алый, нежно голубой,
В бою ШЕВАРДИНА, на БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ —
С драгунами, уланами — не раз ходил на бой.
Не позабудет Русь полковника ЕФРЕМОВА атаки.
Наполеон не полонил Российского Царя;
В историю полка записана деревня РОССЫ —
В 13-ом году, в начале октября.
Своею милостью не миновал Тебя Монарх Российский.
Тебя, казак, Царь Николай хранил, лелеял и ласкал
И Сына АЛЕКСЕЯ (наследника Престола) —
Лейб-гвардии Атаманскому полку как ШЕФА дал.
Так и не мог Наполеон сломить казачьей лавы;
В то время как победу ликовала над врагом Святой Руси земля
Казачие полки, штандарты и знамёна —
Видал Булонский лес и Елисейские поля.
Ты гостем был у Короля Английской нации.
С Тобой носились, как с росписной торбой,
А Ты, в казачей форме, с пикою и шашкой —
Водил толпу зевак по Пикадилли за собой.
Твои заслуги перед Родиной, казак, неисчислимы.
Ты помогал историю Руси ковать.
Костями своими Ты удобрял, поля России,
А омывала их слезой — казачка-мать.
В течение веков не раз над Родиной сгущались тучи.
Не раз грозил Россию захлестнуть девятый вал
И Ты казак, как Богатырь, своей широкой грудью
Безропотно судьбы удары принимал.
Устал казак в последней и неравной битве,
Но дух казачий жив и не умрёт —
И может быть не нас, а новых Грековых и Поляковых
Бакланов, Платов, и Ермак к победам поведёт.
И снова, как и в старь, на площади Собора
Послышатся слова родных команд и звон подков,
Проходящих перед Атаманом на параде —
Лейб Атаманцев и Лейб Казаков.
И снова засияют маковки Новочеркасского Собора
И эхом загудит по хуторам, станицам перезвон
Воскреснет Русь, как Феникс выходя из пепла,
А с ней Новочеркасск и наш любимый тихий Дон. —
Люблю Тебя, Новочеркасск — столица Дона.

А. Кунаков

Прошло полстолетия со времени моего поступления в Донской корпус. Время сделало свое дело и многое забылось. Но то, что еще сохранилось в обремененной памяти, хранит немало интересных эпизодов из кадетской жизни. И эти, даже отдельные, отрывки нашего прошлого дадут грядущим поколениям немало материала о жизни их отцов и дедов.

Мне хочется рассказать о гимнастике и сокольстве, игравших немаловажную роль в физическом развитии кадет и заполнявших свободный досуг серьезными занятиями.

Возьмем, как пример, пребывание корпуса в Билече: свободного времени было много, но что с ним делать — неизвестно, и даже нас, малышей, охватывала, как мы говорили, «зеленая тоска»; в течение недели, сидя на уроках, мы строили планы, на какой из фортвов отправиться в следующее воскресенье, где и что осталось еще неисследованным. Днем время еще можно было как-то проводить: в играх, шалостях, — молодость требует непрерывного движения. А вот по вечерам не оставалось ничего, кроме чтения. Последнее требовало усидчивости и, к тому же, при скудном освещении

Лекция о химической войне, преподаватель химии Седлецкий, организатор полк. Ганн

карбидных ламп того времени не могло заменить все то, что требовала человеческая природа. Вот тут и спасал гимнастический зал (он же был и театральным залом), большой барак бывшей конюшни, выстроенный еще австро-венгерскими войсками, запущенный и полуразрушенный, а нами кадетами приведенный в порядок, покрашенный и украшенный. В преобразившемся зале барака поставлены были снаряды: турник, параллельные брусья; подвешены кольца и, на радость малышей, был сделан «козел». Все эти снаряды делались руками самих кадет: найдены старые трубы, вычищены и пристроены к новому назначению, «козел» вырублен из бревна, оббит кожей; все затянуто проволокой, которой было в избытке вокруг крепости. Зал принял вполне благообразный вид.

Два или три дня в неделю, по вечерам гимнастический зал бывал открыт и туда устремлялись все, кому было, как говорится, не лень. Одни шли, чтобы позаниматься гимнастикой, а другие — посмотреть, как делали ее такие гимнасты, какими были Аркашка Попов или Ванька Зимовнов. Про этого говорили, что он бегал по стенам, как по ровному полу. Правда, видеть мне этого не привелось.

Войдя в гимнастический зал, освещенный карбидными лампами, в разгар занятий, — вас захватывал интерес ко всему, что там происходило и вы с знали куда смотреть: на крутящего на турнике «солнце», за выжимающего «стойку» на брусьях, или делающего «крест» на кольцах. А там, двое «дерутся» на эспадронах, с таким ожесточением, что от них летят искры. Однако из-за касок не видно лиц и потому не знаешь, кто это так храбро нападает и кто так умело отбивает удары. Ждешь, когда кончится поединок, чтобы узнать, кто эти виртуозы благородного оружия.

Пирамида на кобыле — Билеча

Мы, малыши, не доросли до снарядов и эспадронов и нам разрешается только прыгать через «козла» и через веревочку. Но и в этом мы достигаем хороших результатов, и наши прыжки доходят до высоты нашего роста.

Не мешает сказать, что вся эта гимнастика происходит после ужина и никому не приходит в голову, что может случиться «заворот кишок». Но никакого заворота не происходит от чашки чая и куска хлеба — кадетского ужина.

В зале не было шума, — все напряжены вниманием к тому, что их интересовало. Все шло гладко, и не видно было, чья же рука направляла и руководила всем этим, кто давал указания и объяснения. Чья магическая рука, державшая эспадрон, наносила удары, от которых нельзя было защититься? — И в снявшем каску, маленьком и незаметном, скромном и добром человеке мы узнавали полковника Гана. На протяжении многих лет этот человек, незаметно, но неотступно руководил физическим воспитанием кадет и без шума делал свою большую работу.

Занятия на рапирах 37 вып. — Бидеча

Полковник Ган возродил гимнастику, а затем и сокольство в нашем корпусе, которые были введены в корпусах и в российской армии до Первой мировой войны.

Любимым выражением полк. Гана было: «В здоровом теле — здоровый дух»; он был внимательным и заботливым и всячески старался помочь физическому развитию кадет. Как-то он подошел ко мне, когда я уже был в пятом или шестом классе, отвел в сторону и говорит: «Помоги мне уговорить Квята заниматься гимнастикой, это ему необходимо, чтобы поправить свою грудь». И Квят начал залезать на брусья и болтался между ними.

Весной 1925 года полк. Ган собрал группу хороших гимнастов и начал с ними усиленно заниматься, чтобы подготовить их к специальному выступлению, которое должно было состояться по случаю приезда какой-то «шишки» из Державной комиссии. Шишкой той оказался «Орешек», который не интересовался ни учением, ни питанием кадет, но зато, посмотревши на блестящее выступление гимнастов, сделал заключение, что все в порядке и уехал довольным.

Прогулка с оркестром

Летом 1926 года корпус переводится из каменной пустыни Билечи в окруженную фруктовыми садами Горажду. Полк. Ган, как всегда, проявляет инициативу, и другая конюшня превращается в гимнастический зал и театр; стены украшены портретами, а зал новенькими снарядами, присланными державной комиссией. Очевидно, впечатление от показанного когда-то состязания не забылось еще и не пропало даром. Прежние «звезды» гимнастики давно закончили корпус и на смену им появились новые, не хуже старых. Мы же стали на пару лет старше и уже прыгали не через «козла», а через огромную «кобылу»; на турнике еще не крутили «солнце», но уже делали «скобки».

Полк. Ган внимательно следил и щ егда учил чему-нибудь новому, подготовлял к выступлениям, пробуждал у всех интерес к гимнастике, все больше и больше захватывая кадетскую среду.

Вспоминается прекрасный гимнаст Киреев, или как мы его называли Кирюша или «отец» (с ударением на о). Он настолько сжился с корпусом, что, окончивши его, не мог оторваться и остался при корпусе. Днем он что-то делал, а по вечерам часы гимнастики никогда не пропускал и нам, подрастающим гимнастам, давал дельные советы.

Донские кадеты-сокола: Бакулин, Михайлов, Дакугинов, Алферов, Перфильев, Шевченко 1930 г.

Прошло два-три года и мы остались без гимнастического и театрального зала (в 1929 году) Как-то пришли мы после ужина в зал и начали зажигать карбидные лампы, которые затем подвешивались к балкам под потолком. Толя Тарногурский поднял маленького Митю Мерзлика с лампой, чтобы тот смог достать таким образом до балки. Раскачиваясь в неудобном положении, Митя задел огнем лампы сухой можжевельник, которым были украшены балки к Рождественским праздникам. Можжевельник вспыхнул, как порох, загорелся и деревянный потолок. Спасения не было и все бросились спасать все, что можно было вынести: гимнастические снаряды, портреты со стен, театральные кулисы. Тушили целую ночь и кадеты, и персонал корпуса, но к утру остались только дымящиеся стены. В огне пожара сгорел и занавес, который не удалось сорвать. Занавес этот был написан в Билече талантливым художником Самойловым. На нем был изображен памятник Ермаку на площади Новочеркаска.

Артисты нашего театра превратились в артистов погорелого театра, а мы, гимнасты, остались без зала. Временно обосновались на площадке между главным зданием корпуса и рекой Дриной: поставили турник, выкопали под ним яму, которую наполнили опилками,

чтобы не так больно было падать, и «солнце» снова закрутилось. Здесь же стали устраивать дневные гимнастические выступления.

В это время в корпусах начало возрождаться и прививаться сокольство.

Стойка – сокольские упражнения

Полк. Ган стал называть своих гимнастов соколами, и привлек к деятельности не только кадет, но и персонал. Особенно проявили себя в этом отношении: полк. Б. Сергиевский, преподаватель истории и географии, и преподаватель химии Седлецкий. Устраивались лекции на темы в связи с сокольством. Начали готовиться к Сокольским слетам.

Первый слет, на котором мы приняли участие, был окружной в гор. Сараево, где мы без большого напряжения заняли первое место.

Нас очень удивляло, что на этом слете не выступал Русский корпус в Сараево. Было одно сербское отделение, выступавшее на лошадях. И, когда нас спросили, почему мы, как хорошие гимнасты, не имеем конной езды, то пришлось сказать, что лошадей у нас нет. Тогда нам предложили коней и, чтобы не ударить лицом в грязь, нам пришлось показать, что мы и это умеем, несмотря на то, что многие из нас садились на коня первый раз в жизни. Держались при этом знатоками дела.

Зимний спорт на санках 1931 г.

Не мешало бы, конечно, нашему корпусу иметь нескольких коней, что явилось бы большим развлечением для кадет, у которых страсть к верховой езде проявлялась время от времени, как мне вспоминается, в довольно курьезном виде. Дело в том, что корпус держал достаточное количество свиней. Последние, несомненно, приносили большую пользу.

И вот, томящийся дух кадет-кавалериста не выдержал и прорвался своеобразным образом. Дело было еще в Билече, в 1925 году. Вниз от сотенных зданий, около стены, разделяющей нижний и верхний двор, были когда-то военные склады, в которых теперь разводили свиней. Кормили их помоями с кадетской кухни. Свиньи были породистые, крупные, совсем с небольшого коня; на загривках они имели длинную щетину. Вот мы, малыши, и приспособили их для верховой езды. Нельзя сказать, что бы свиньям это занятие нравилось. Когда, через открытые ворота свиньи в поисках пищи забредали на верхний двор, где были наши кадетские владения, то легко могли стать жертвами нашей езды. Почувствовав на своей спине седока, свинья, как и подобает дикому необъезженному коню, пускалась неудержимым карьером по направлению своих сараев. И вот, в один такой хороший солнечный день, понеслось «благородное животное» со скоростью, какую-только могли развить свиньи ноги. На спине его, вцепившись руками в спину, сидел Володя Казимиров. С перепугу свинья пролетела через ворота на нижний двор, где в это время происходила подготовка к параду первой сотни. Все было бы хорошо и, пожалуй, кончилось бы только смехом, но, к несчастью, свинья околела.

Фанфары Донского корпуса

Материальный убыток был довольно внушительный. Началось расследование и

выяснение личности наездника. После долгой канители, кому-то пришла блестящая идея: нет никаких доказательств, что околела именно та свинья, на которой скакал Казимиров. Дело закончилось обычным взысканием, чтобы не упражнялись в верховой езде.

Взвод 7-го класса с полк. Зиолковским на стрельбище 1931 г.

С появлением в корпусе сокольства, введена была и стрельба. Для этого были куплены шестимиллиметровые ружья, которые били с огромной точностью: гасить свечи или сбивать папиросы из них ничего не стоило. Однажды, сербский жандармский майор пригласил нас на стрельбище на призовую стрельбу. Надо было попасть в белое яйцо, висевшее в сеточке. Расстояния я уже не помню, но помню, что яйцо было едва видно. Стреляли из военных винтовок и каждому полагалось по одной обойме, т.е. пять патронов. Стреляли мы первый раз в жизни из настоящих винтовок. И все промазали. Последним был майор, который стрелял и стрелял, пока возле него не образовалась гора гильз и, наконец, случайно попал и получил приз — ящик пива, которое здесь же все и распили.

Приближался «Всеславянский слет» в Белграде. В нашем корпусе готовилась группа гимнастов для состязания и большая группа с копьями для общего выступления с рус-

Белградский Сокольский слет показал силу и дисциплину русской эмиграции, выступавшей под русским флагом. Аплодисментам не было конца. А когда наш корпус с оркестром проходил по улицам Белграда, то слышался сплошной вопль: «Да здравствуют молодые русские!»

Кроме медалей за гимнастику, корпус получил и переходной сокольский кубок русского сокола, присужденный Донскому корпусу за лучших гимнастов и образцовую сокольскую дисциплину.

Группа кадет на стрельбище 1931 г.

Еще раз пришлось мне выступать соколом Донского корпуса на слете в Любляне. После этого слета полк. Ган, прощаясь, сказал: «Кубок переходит в Белградский сокол, надеюсь, что ты в него войдешь; ведь там все наши кадеты».

Корпус расформирован, сокола разлетелись в разные стороны, но каждые два или три года вновь слетались на слеты.

Репетиция перед выступлением: одна из пирамид

Сокольский слет в Белграде

Белградский слет. Кадеты-сокола Донского корпуса 1-го Отделения
на состязаниях перед судьей

РОДИМЫЙ КРАЙ

Люблю свой Край, простор родимый,
Станицы, рощи, хутора,
Широкий Дон, ковыль, гонимый
Низовым ветром до утра.
Сидишь, бывало, на кургане
И смотришь вдаль, как Тихий Дон,
В каком то сказанном тумане
Течет безшумно под уклон.
Вокруг простор степи бескрайний.
Весь зеленеющий в цветах,
И аромат необычайный
В глубоких тает небесах.
И, распластавшись неподвижно,
Орел в лазури голубой
Клекочет жалобно, чуть слышно
В выси, над самой головой.
И хутора в зеленой раме
Вербовых рошь, густых садов
Мне шепчут о казачей слаке,
Сильней волнуют мою кровь.
Родимый Край, неоценимы
Сии два слова для меня,
Я без тебя,
Мой край любимый,
Как в битве всадник без коня.
Вид табуна в степи широкой
Дает мне в сердце перебой,
Как взгляд казачки черноокой!
Мой Край любимый, Край Родной...
Я ль променяю степь Родную,
Гордыню рыцарей дедов.
На мир иной, на жизнь другую,
На роскошь модных городов?
Уж сколько лет прошло чужбины,
А мне все брезжит сквозь туман
Новочеркасск, проспект любимый
И на утесе Атаман.

В. Иванов, «Родимый Край», № 16

Я БЫЛ ВАМПИРОМ
(почти оккультная быль)

Вместо предисловия

В фольклоре всех славянских народностей, от берегов Белого до лазурных волн Адриатического моря, имеются верования в вампиров, упырей, вурдалаков и т.д. Всё это — различные наименования оборотней, выходящих по ночам из могил и высасывающих кровь у людей и животных. Оборотням приписывается способность принимать облик человека или зверя (а чаще всего — волка), либо неодушевленного предмета (клубка пряжи, пучка соломы и т.п.). Убить оборотня можно-либо пулей, отлитой из чистого серебра, либо осиновым колом, вбитым в самое сердце вампира. Все другие пути к уничтожению упыря-вампира — недействительны. Предохранить же от упыря может только заступничество небесного покровителя человека — святого, чьё имя человек носит. Прошу прощения за мою фольклорную «справку», но без неё мой рассказ был бы непонятен. Аминь.

Есть на нашей планете глухие уголки, называемые русскими — (медвежьими углами), а сербы о таких местах говорят: «А-а-а, это там, где чёрт сказал — спокойной ночи!» Среди таких мест, одним из наиболее захолустных, следует считать Билечу, где с 1921 по 1926 год жили и учились донские кадеты. Билеча — это маленький уездный городок, среди гор из серого известняка в 28 километрах (в моё время) от ближайшей станции железной дороги. В полуторах верстах от этого городка Австро-Венгрия построила крепость — в её задачу входил надзор за черногорской границей, которая проходила тут же, в непосредственной близости. После гибели Австро-Венгерской монархии, форты, расположенные по окрестным горам, были взорваны, а из казарм крепости предприимчивые черногорцы выносили всё, что смогли, до окопных рам со стёклами включительно. Зимой 1921 года прибыл корпус. Он разместился в разграбленной крепости. Много труда было вложено и кадетами и персоналом, для приведения в жилой вид казарм и для того, чтобы создать более или менее (последнее — вернее), сносное существование и кадетам и персоналу.

Я сказал, что Билечу окружали серые голые горы. Это так, но был в этой полупустыне и лоскуток зелёного оазиса — фруктовый сад, разведённый еще австрийцами. Овощей там потом, насколько я помню, никто не взращивал, но некоторые предприимчивые воспитатели и преподаватели разводили табак для личного потребления. Но главным образом, этот небольшой участок оставался под фруктовыми деревьями. И вот для охраны табачных грядок, а заодно и яблонь от кадетских налётов — был нанят очень красочный старик-черногорец. Его черногорское одеяние дополнялось ещё и солидным «ревором». Этот «ревор» — был пятизарядным револьвером, несколько старше обороны Севастополя, а в общем, он представлял собой среднее между лёгкой пушкой Гочкиса и «семирядной» пищалью времени героических войн Черногории с турками. Дед со своим самопалом не расставался ни днем, ни ночью.

«В том саду, где мы встретились...» Нет, вовсе не куст хризантем привлекал меня в этом саду, и уж никак не встреча, а среди яблонь — особенно одна, привлекала моё внимание. Яблоки на ней отличались особенной сочностью и вкусом, а взобраться на дерево было легче лёгкого, так как под самой яблоней в землю был врыт столик и скамейка, и вот сразу, тут же над ними нависали тяжёлые ветви. Мне довелось однажды испробовать вкус этих «особых» яблок, и я твёрдо решил повторить их «пробу» в увеличенном размере. Свой налёт я задумал провести в одиночку, помятуя, что «одна голова — небедна, а бедна — так одна»... Дождавшись «укладки спать», я смастерил из шинелей чучело на своей кровати и выбрался в набег. По-пластуновски, укрываясь за грядками табака, я успешно миновал обходившего сад деда, и мигом взобрался на яблоню. Ночь была облачной. Чувствуя себя в совершенной безопасности, я преспокойно «пасся» на яблоне. Наевшись, я принялся набивать себе карманы и пазуху рубахи — «про запас». И за мою жадность был я наказан: дед-черногорец, обойдя сад и не обнаружив в нем следов каких-либо «злоумышленников», присел на скамью под моей яблоней, вытащил из ковровой-домотканной сумки бутылку и длительно забулькал. До меня донёсся густой аромат сливовицы. Затем дед закурил люльку. А потом, вместо обхода сада, уткнулся носом в столик и залиvisto захрапел.

Путь к отступлению был мне отрезан — на столе уютно расположился дед, а прыжок с яблони в сторону вызвал бы шум, и дед, спросонок, не преминул бы бабахнуть в меня из своего «ревоора». Испытать же на себе пробивную силу этой пищали мне как-то не хотелось. Думал я, думал, и решил разбудить деда, надеясь, что, проснувшись, он снова отправится в обход сада, а я смогу убраться по добру-по здорову. Поэтому я уронил яблоко прямо деду на голову. Дед на минутку приподнял голову, пробормотал что-то и... снова захрапел. В ход пошло второе яблоко, на этот раз с большей силой. Дед вскочил, как встрёпанный и в длинном художественном монологе оскорбил ветер, месяц, звёзды, солнце, все небесные светила, прибавив для прочности еще и десятикилометровую околицу. Излив в монологе своё негодование, дед снова прикорнул на столике. Подобное пренебрежение к своим прямым обязанностям сторожа меня взбесило. Я выбрал яблоко покрупнее, размахнулся изо всей мочи и... со страшным грохотом свалился на столик.

Дальнейшие события развивались с кинематографической быстротой: дед вскочил на ноги, и я оказался сидящим у него на плечах. С диким рёвом дед кинулся в темноту. От его неровного бега сорванные мной яблоки градом посыпались на землю из моей пазухи. Скачка продолжалась до первой грядки, споткнувшись о которую дед растянулся плашмя во весь рост. Я же перелетел через грядку и постарался поскорее покинуть сад. Из всего моего «запаса» у меня за пазухой уцелело одно единственное яблоко.

Утром я, будучи дневальным, отправился за чаем на кухню. Кухня помещалась в другом дворе крепости и пищу из неё носили дневальные. Пришёл на кухню получать свой паёк и дед-сторож. С чаем почему-то вышла задержка. Пока мы ожидали начала выдачи, дед свернул длинную кручёнку, вставил ее неторопливо в свой мундштук, закурил и между двумя затяжками начал нас поучать: «Вы вот всё учитесь... А только все эти ваши знания — ни к чему. Доведись вам пережить то, что пережил я этой ночью — и в живых бы вас, небось, не было...» Мы попросили его рассказать нам, в чем дело. «А вот в чем... Обходил я сад, как и полагается ночью. Как вдруг мне на плечи — скок! Вукодлак оказался. Весь синий, только зубы изо рта белеют. Совсем уж было собрался кровь всю из меня испить. Да только и я-то непромах: прочел молитву Святому Савве — моей «Крестной Славе» (у черногорцев, как и у сербов, небесный покровитель — один святой оберегает не только каждого отдельного человека, но и весь его род — вот это и есть «крсты слава»), ну он и не выдержал молитвы... Лопнул с треском, и серой запахло...»

Передача дедом ночного события несколько расходилась с действительностью, но я не стал его оспаривать, хотя мне и хотелось сказать, что в «серном запахе» я был неповинен.

Калифорния, США

М. Н. Залесский

ДОНСКОМУ КОРПУСУ

Стихотворение поэта Константина Оленина, посетившего корпус в Горажде, в 1928 году.

Я отдохнул в семье родной
На берегу лазурной Дрины,
Как будто раннею весной,
Услышал я напев старинный.
Я отдохнул среди кадет,
Из них мне мил и дорог каждый;
Здесь русский дух, здесь самый цвет,
Здесь Русь живет в садах Горажды.
Погоны ваши, вензеля...
Когда наступит день отрады,
Дома родные и поля,
Как им безумно будут рады.
И верю я, недолго ждать,—
Придет весна и шум зеленый...
Готовьтесь Родину спасать
И встать под старые знамена.

К. Оленин, 1928/29

ДОНСКОМУ КОРПУСУ

На берегу лазурной Дрины
Осталось сердце навсегда...
И юных дней бегут картины,
Реки как вешняя вода.

Мы, правда, не жили на даче, —
Бывало грустно иногда,
Тогда встречали в Устипраче
С тоской мы ночью поезда.
Примчится, станет на мгновенье,
Блеснет зеркальных ряд окоп...
И унесет мечту в забвенье,
Вдаль, где чернеет небосклон.
Потом бредешь домой устало,
Луна плывет, как в янтаре.
Да, это часто всё бывало...
Вернешься в сотню на заре.
А днем дорога к желтой пыли,
И чертит солнце путь по ней;
В горах ковры из чернобыли,
В кустах сирени — соловей.
А осенью, во мгле, побудку
Горнист играет на заре,
Дневальный «кроет» не на шутку,
Наш сон так сладок в октябре.
А вот и наша умывалка
Вода холодная как лед...
Пустеет как-то сразу спальня,
И всех нас в строй труба зовет.
И, как серебряные волны
Корнета звуки полились.
Глаза раскосы, грусти полны,
И зычный голос: «Становись!»
И вахмистр наш весь впился взором
В шеренги ровные кадет.
Поем молитву стройным хором
И эхо с гор несет ответ.
А, после чаю — на занятия
Все тем же строим, как всегда.
Так жили мы, кадеты братья. Неслись кадетские гола.
«Втихую» пелись «Звернады»
И «Уджи Бато» процветал;
Днем строевые, да парады,
А ночью — вечный «самодрал».
Весной веселые прогулки
«На Фочу», Чайниче пешком;
В Горажде все мы закоулки
Обшарили не зря тайком.
Лазурь небес, ночные тени,
Долин боснийских изумруд,
И запах бархатной сирени
Дни взрослой жизни не сотрут.
«Извозчик», Гуцин, Яшка «Рещик»;
«Халдей», Чудинов, «Корифей»,
«Коробочка», наш химик вещей;
«Бобер», — вот перечень «зверей».
Ну, вот и все. И здесь мы ныне,
Угасла юность навсегда...
Но корпус наш и горах на Дрине

* *
*

Пройдёт пора — завянут жизни розы,
Восторги юности пройдут,
И прежних дней мечты и грёзы
С годами в вечность отойдут.
Пройдёт любовь, умрут желанья,
В груди замолкнет пыл страстей,
И лишь одне воспоминания
В душе останутся моей.
И так, с годами увядая,
Как ранней осенью цветы,
Промчится юность золотая,
Исчезнув облаком вдали.

6 кл. **Б. Н. Н.**
«Донец» — 1908 г.

НИЩИЙ

Уж на запад солнце сходит,
Все спешат домой скорей,
Только нищий — мальчик просит
«Христа ради» у людей.
С непокрытой головою,
В жалком рубище, худой,
Просит он на пропитанье
Сестры маленькой, больной.
Только чуть заря займется,
Он опять просить пойдёт.
Всё же — что достать придётся,
Он сестренке отнесет.
Так он ходит жалкий, бледный,
Не встречая лучших дней,
Для сестры больной и бедной,
Прося хлеба у людей.

5-го класса, **Амур**
«Донец» — 1908 г.

ПАМЯТИ ОТЦА

В чертогах света обитает
Душа пречистая отца
И чутко там она внимает
Глаголам Дивного Отца.
И фимиамом благовонным
Чертог из века окаждён,
И взором Бога благосклонным
Отец мой чудно награждён.
К тебе, отец, летит молитва,

Что сын смиренно тут творит.
Пускай минует жизни битва,
И Бог покой мне подарит.
И пусть Всевышний повеленьем
Дарует мне лишь услышать
Каким я должен песнопеньем
Отца родного прославлять.

6-го кл., **Б.Упорников**
«Донец» — 1910 г.

ГРАМОТЕЙ

Преподаватель русского языка, Сергей Моисеевич Солошенко, выглядел всегда невозмутимым: спокойный, с размеренной речью; немного сутулый, — смотрел он на класс поверх своих очков. Однажды, придя с кипой тетрадей после какой-то диктовки, он показался всем нам явно расстроенным. Все как-то сразу это заметили. Разобрав несколько тетрадей, Сергей Моисеевич обратился к Коле Житкову, успехи которого оставляли желать много лучшего: «Житков, прямо не знаю, что мне с тобой делать». И затем, обращаясь к классу: «Представляете, он, в слове из трех букв, ухитрился сделать четыре ошибки!» — Весь класс с нетерпением ожидал пояснения. Слово «еще» он написал «исчо», закончил Сергей Моисеевич, печально глядя на Житкова. Но последний совсем не казался опечаленным сделанными им четырьмя ошибками в таком маленьком слове. Это был его последний год в корпусе. Много позже мне довелось встретиться с Колей. Он был рулевым наливной нефтяной баржи, совершавшей рейсы из Румынии в Братиславу.

ТРИ ВЕРБЛЮДА

Случай, по странному совпадению, с теми же действующими лицами: преподаватель С.М. Солошенко и Коля Житков. Задано было выучить стихотворение Лермонтова «Три Пальмы». Коля даже не знал, что было задано, а получилось как раз так, что преподаватель вызвал его к ответу. Вставая из-за парты и идя к доске, он на все стороны подавал отчаянные знаки, означавшие: подсказывайте-же! — «Ну, что на сегодня задано?» — спрашивает Солошенко, пытливо глядя на свою жертву. — «Стихотворение...», — мямлит Коля. «Какое стихотворение, чье стихотворение?» Через какое-то время Коле удалось уловить шепот, что задано стихотворение Лермонтова: «Стихотворение Лермонтова», — обрадованно повторяет Коля. «Какое же стихотворение?», — снова спрашивает Солошенко. Сидевший на передней парте Вася Григорьев, из озорства, громко подсказал: «Три верблюда». — «Три верблюда», нисколько не смущаясь, сказал Коля. Солошенко с полминуты растерянно смотрел на Житкова и, наконец, произнес: «Ну, четвертый верблюд, ступай на место».

И. Квятковский

Из сумерка годов встаёт передо мною,
Как привидение, твой образ дорогой;
И я своей усталою мечтою
К тебе несуся в край родной.
Как часто я в час ночи благодатной,
Раскрыв окно, вперяю грустный взор
Туда, где слышен волн таинственный, невнятный
И бесконечный шум, и нежный разговор.
А ночь безмолвна и чудна и тепла...
И моря гладь блестит алмазной полосой,

И в глубине его печальная луна
Дрожит и искрится над сонною волной.

5-го кл. **Вадим** «Донец» — 1911 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ кадета Глеба Грейц

Как-то в середине 1973 года неожиданно позвонил мне по телефону В.В. Казимиров. Он напомнил мне, что в этом году нашему Донскому корпусу со дня его основания исполнилось девяносто лет; что образована инициативная группа для издания книги о прошлом корпуса и что для этого нужно кроме денег иметь и материал — воспоминания самих кадет.

Почему-то наш разговор был прерван. Однако вскоре он сам приехал ко мне, и мы продолжили наш разговор. Я хотел сказать, что у меня нет ни денег, ни материала, нужных для книги. Но Владимир Васильевич, не дожидаясь моего ответа, уже говорил мне о том — кто сколько долларов внес и сколько денег уже прислано.

Выслушав все это, решил и я принять участие в общем деле и обещал написать мои воспоминания об издании нами в корпусе журнала «Донец». Мы дали ему такое название в память журнала «Донец», издававшегося в Новочеркасске.

Конечно, наш журналчик, по сравнению со старым, можно сказать, выглядел бедно и даже неуклюже, но, тем не менее, он был весьма интересен и отражал дни нашей кадетской жизни на чужбине. К тому же он давал кадетам место и возможность испробовать свои силы (а, возможно, и таланты) на литературном поприще в прозе, поэзии, рисовании и остроумии, что особенно ценилось среди кадет.

К сожалению, я не помню, кому принадлежала эта идея — издание нашего журналчика «Донец», но он существовал и выходил периодически, по мере накопления материала.

Наш журналчик радовал своим появлением кадет и персонал корпуса. Его стоимость, по тому времени, была не маленькая — пять динар. Они шли на покрытие расходов на бумагу, чернила и, главным образом, на типографскую ленту.

В нашем журналчике помещались: стихотворения, рассказы, носившие исторический или лирический характер. Часто были и «посвящения дамам сердца». Надо сказать, что особами женского пола были пять или шесть взрослых дочерей персонала корпуса и несколько жен воспитателей. Они все принимали участие в жизни кадет, выходящей из рамок учебной части и строя. При устройстве спектаклей исполняли женские роли, а на вечеринках охотно и весело танцевали с кадетами под звуки корпусного духового оркестра. А на парадах корпуса, в рядах зрителей, восторгались красотой построений и отличной выправкой кадет.

Часто в журнале появлялись статьи и хроника юмористического характера, отражавшие жизнь корпуса. В записках, стихах и даже в иллюстрациях запечатлевались те или иные, случившиеся события, как в стенах корпуса, так и вне его.

Много лет прошло с тех пор, многое забылось, но все же кое-что вспоминается. Вот, например, как наш персонал изучал сербский язык. Преподавателем этого языка был полк. Красовский, который охотно согласился давать уроки желающим из персонала корпуса и членам их семейств. Директор корпуса предоставил для этой цели помещение Офицерского Собрания и занятия начались.

Кадеты, узнав об этих уроках, очень заинтересовались. Их занимало то, что персонал из пожилых людей и стариков вдруг превратился в учеников. Занятия происходили по вечерам. Окна Собрания выходили на веранду. Некоторые кадеты, пользуясь темнотой, собирались на этой веранде, заглядывали в окна, острили и смеялись, и тем основательно мешали этим занятиям. Чтобы это прекратить, директор распорядился назначить дежурного кадеты от 1-ой сотни, чтобы стоял и отгонял во время уроков персонала всех любопытных кадет. Этот наряд не нравился старшим кадетам, у которых и без того было

много других дежурств. Они основательно расправлялись с шалунами и быстро прекратили эти их забавные развлечения.

Однако, неожиданно, обучение персонала сербскому языку нашло отклик совершенно в другом направлении, выразившемся, к тому же, в довольно обидной форме и повлиявшем на дальнейшую судьбу занятий.

Одним из дежурных оказался кадет Жора Назаров, тихий и спокойный, обладавший и чувством юмора, и не малой способностью к писанию стихов. После нескольких дежурств, он написал стихотворение — сатиру на урок сербского языка в Офицерском Собрании.

Сатира эта вскоре появилась и на страницах журнала «Донец». Кадет эта сатира привела в восторг, а на взрослых учеников произвела удручающее впечатление. Занятия стали терять свой интерес и постепенно совсем прекратились.

Сатира в стихах называлась: «На старости мы сызнова живем». Приведем некоторые, запомнившиеся отрывки:

Ох ты горькое изгнанье!
Тяжко жить, хоть удавись,
Вот, изволь теперь в Собрание, —
Да за книжицу садись.
Одряхлевшая старушка,
С книгой языка в руке,
Шепчет: «ябук, слива, крушка,
[яблоко, слива, груша]
То сигурно воче ие»
[это наверняка фрукты]
«Ох, устала я, родная,
Так хотелось отдохнуть», —
Говорит мадам другая,
Направляя в школу путь.
Так, ворча и причитая,
Натянув на нос очки;
Спотыкаясь и стеная,
Идут в школу старички
Началось преподаванье,
Чинно школьники сидят,
Жаждой языка и знанья
Очи старые горят.

Вспоминается и другой момент, когда в корпусе случилась эпидемия гриппа. Больные очень быстро переполнили лазарет, и спальни также были превращены в больничные палаты. Уроки прекратились. Здоровые кадеты располагали свободным временем и... стало больше еды, т.к. больные к ней не дотрагивались.

По случаю этой беды — болезни, отозвались другие таланты: кадет Николай Богаевский написал стихотворение, а Виктор Иванов разукрасил его иллюстрациями. Все это, конечно, появилось на страницах «Донца»:

Море кашля, море хрипа,
Раз на день, иль даже дважды,
Ходит призрак дяди Грипа
В нашем городе Горажде.
Заболел преподаватель, что ты?
Врешь, да ну?! Ей Богу,
Так страдаем мы, Создатель,
Понемногу, понемногу.
Ты же нашим вняв молитвам,
Снять скорей оковы гриппа,

Мы спешим к бумажным битвам,
Не до кашля, не до хрипа.
Хоть под сенью лазарета
Отдыхаем мы душою,
Но для каждого кадета
Есть еще кое-что другое,
Есть еще тетрадей кипа
И чернила по колена;
Ах, избавь, Господь, от гриппа,
Ждет нас мама нотабена.
Но, когда перед доскою
Будешь ты стоять, как липа,
Вспомнешь не раз с тоскою
Добрый призрак дяди Гриппа.

Скучен и однообразен был кадетский досуг. Не радовали взгляда голые стены крепости и каменистые горы вокруг, почти лишенные растительности. В праздничные дни кадетам нечем было развлечься и заняться. Многие отправлялись на прогулки в горы. Стоявшие на вершинах окружающих гор форты привлекали своей таинственностью юные взоры. Четко вырисовываясь на небосклоне, они казались совсем близкими. Только один из них смутно синел на вершине отдаленной горы. Почему-то он назывался у нас артиллерийским. Но, казавшаяся близость была обманчива, и труден, и долог был путь к этим фортам. Несколько человек рано утром отправлялись на избранный форт и, часто, только к полудню добирались до цели. Перед глазами вырастали безмолвные стены когда-то грозных крепостей, глядевшие своими мертвыми бойницами на неожиданных пришельцов. Только ветер свободно гулял среди них, да, разве, горный орел свил свое гнездо на самой неприступной из стен. Добирались мы и до них с риском сорваться и разбиться на смерть. Привлекали нас орлиные яйца, ибо многие занимались от нечего делать собиранием и коллекционированием птичьих яиц.

Самым интересным было находить подземные ходы и исследовать их. Не без жуткого ощущения пускались мы в эти исследования мрачных подземелий, таивших в себе часто неожиданные неприятности, вроде тайниковых ям, залитых казавшейся при слабом мерцании фонаря черной водой. Однажды пришлось в такой яме и выкупаться, случайно, пятась назад, оступившись в нее. Тем приятнее было видеть вновь солнечный свет, когда, наконец, выбрались из подземелья. Большой радостью бывало находить неиспользованные снаряды и патроны, тогда прогулка сулила быть совсем занимательной: снаряд укреплялся в стене во рву, головкой наружу, после чего забирались наверх стены и сбрасывали каменные глыбы и, если снаряд взрывался, то получали полное удовольствие. Из патронов вынимали порох и также находили ему подходящее применение.

Обратный путь из таких экскурсий был значительно легче и быстрее: идти было вниз, да и голод заставлял спешить, чтобы не опоздать к ужину. По дороге мы подкармливались ягодами боярышника, кислого до одури дерна и дикого кизила. Кусты этих растений, кажется, единственное, что еще могло расти на безводных камнях гор.

Из других, привлекавших внимание кадет, мест, была, конечно, река Требинка. Прежде всего, она была совсем близко, километра два спуститься под гору; а затем, всякая река — источник развлечения.

Источник Требинки

Требинка же была своеобразной и занимательной рекой. Появлялась она уже готовой рекой из пещеры, из-под горы и на протяжении тридцати километров она еще несколько раз уходит под гору и вновь появляется с другой стороны. Летом, в жаркие месяцы, когда редко выпадают дождевые осадки, река эта мелела и не вырывалась из пещеры бурным потоком. Смельчаки из кадет забирались в пещеру и дальше вверх по течению через подземные проходы реки. Проходы эти часто сменялись обширными подземными пещерами, представлявшими немалый интерес для таких диких исследователей, какими были любопытные малыши-кадеты. Причудливые столактиты и столлагмиты вырастали на каждом шагу. Забирались настолько далеко, насколько хватало храбрости.

Вода в Требинке была ледяная, и купаться можно было только, спустившись на несколько километров вниз от истока, когда река входила в глубокое русло, замедляла течение и немного согревалась на жарком солнце. Берега ее, низкие и обрывистые, были покрыты полосой чудной изумрудной травы.

Небольшими группами кадеты приходили на реку, купались и, обсохнув на жгучем солнце, принимались за охоту на раков, которых в Требинке было огромное количество. **Ловить раков было очень просто (кстати ловля на них, кажется, была запрещена, т.к. раки поддерживали чистоту реки).** Одни из кадет ложились на берег и опускали руку в воду. Берег был обрывистый, но низкий. В этом глинистом обрыве, сразу от поверхности воды, одна возле другой, были рачьи норы. Стоило только сунуть палец — и рак сразу хватался за него своей клешней; оставалось взмахнуть рукой и рак попадал на берег. За пол часа набирали целое ведро. Другие за это время разводили на берегу костер и вскоре все могли полакомиться вкусными раками, сваренными. Недостатком аппетита никто в нашем возрасте и при таком образе жизни не страдал. Однако удочки были самодельные, примитивные, и рыба ловилась неважно.

Все эти явления из кадетской жизни находили отклик в душе поэта и на страницах «Донца» появилось стихотворение Миши Залесского, посвященное чудному оазису среди дикой каменной пустыни:

НА ТРЕБИНКЕ

Летний полдень. Солнцем жгучим
Серый камень раскален.
В небе не увидишь тучи;
Душно, знойно; клонит сон.
В тесном, сжатая, ущельи
Как змея река блестит.
Вырывается из щели, —
Громко родничек звенит.
Под напев студено-скорый
К роднику припал я ниц;

Увлеченный бурной ссорой
Двух враждующих синиц.
В омуте форель забилаь,
Подняв водорослей муть.
Гладь реки избороздилась,
Теплый ветер начал дуть.
Как весною ранней, льдинки
У береговых камней,
Волны ожившей Требинки
Плещут звонче и быстрее...
Струй причудливых извивы
И отраден плеска гул.
Мир обманчивый и лживый
В светлой дреме потонул.

М. Залесский

Необходимо сказать, что все, только что описанное, относится к периоду пребывания нашего корпуса в Билече.

Билеча — маленький городок. Было в нем домов тридцать, да мечеть с торчащим в небе минаретом. Имелось две-три лавченки и столько же кафеин — кабачков, где можно было выпить кислого вина.

В нашем журнале «Донец» появилось стихотворение того же Миши Залесского, которое в достаточной степени обрисовывает характер этого, Богом забытого места. Называлось оно:

БИЛЕЧА

Часто, часто ночами спится
Серых гор и туманов встреча
Черногории дикой граница,
Уголок, Богом забытый, — Билеча.
Невеселое новоселье.
Козьи в горах тропинки;
Вьется в утесах ущелья
Пена холодной Требинки.
Зданий пустых массивы,
Прошлого мертвые тени...
Мечется ветер визгливо
В ржавых шипах заграждений.
А вдалеке, на камнях косогора,
В тени минаретной вышки,
Кучкою белого сора
Двух улиц жмутся домишки.
В них, освященный веками,
Пограничья суровый быт...
Неслучайно заборов камень
Следы от пуль хранит...
Зимою — дожди и туманы.
Летом — томящая сушь.
Ну ж, уголок поганый,
Воистину — глушь!

М. Залесский

Помимо узкой зеленой полосы в долине реки Требинки было еще одно место, утопавшее в зелени. Это — кладбище. Там мы оставили три или четыре могилы наших товарищей, умерших кадет.

Многие кадеты любили проводить свободное время в этом оазисе зелени. Взявши с собой интересную книгу и запасшись инжиром, отдыхали в безлюдной тишине, вдыхая чистый воздух, под непрерывное пение птиц и треск цикад.

От Билечи до ближайшей железнодорожной станции было тридцать километров. Уезжая на каникулы, мы добирались до станции пешком. Правда, был и скрипучий автобус, ходивший раз в сутки, но это уже было бы для нас ненужной роскошью; на то и ноги даны, чтобы ходить.

Летом это хождение не представляло особенных неприятностей. Шли группами, пели песни и шутили. Вспоминается, как однажды летом, возвращаясь с каникул, нагнали медленно тащившуюся телегу с огромной бочкой, прикрытой цыновкой. Двое из нас спросили возницу разрешения подсесть на телегу. Он охотно согласился и снова погрузился в свое дремотное состояние. Любопытство наше заставило нас заглянуть в бочку. Она оказалась полной свежего винограда. Нельзя было удержаться, чтобы не полакомиться сладкими гроздьями. Подкормили и шедших рядом с телегой товарищей. Наевшись и насладившись вдоволь, поблагодарили возницу, прыгнули с телеги и прибавили шаг.

В зимнее время, на Рождественские каникулы, путешествие пешком на станцию в Требинье представляло уже значительно более неприятную прогулку. Прежде всего, поезд отходил раз в сутки, в пять часов утра. Выходить на день раньше и ночевать в гостинице было накладно. Поэтому выходили из корпуса в десять-одиннадцать часов вечера, чтобы дойти к отходу поезда. Идти бывало и страшновато для малышей кадет. Иногда сопровождали нас стайки шакалов, подвывая и тявкая, но мы не робели и, отправляясь в путешествие, запасались палками с накрученными на конце тряпками, намоченными в керосине. Когда шакалы подходили слишком близко, то такая тряпка поджигалась и палка летела в шакалов. Отогнав неприятных провожатых, продолжали путь дальше. Дорога была пустынна, нигде ни живой души. Только на половине пути была большая кофейня, носившая небезинтересное название: «Москва»! Там мы останавливались, согревались горячим кофе и, подкрепившись хлебом и сыром, отправлялись в дальнейший путь.

Да, было время, как говорится. Пора невозвратной юности, которая вспоминается теперь с тихой радостью за то, что она была, за то, что была наша кадетская жизнь.

С большим нетерпением я ожидал всегда выхода нового номера нашего журнальчика «Донец». Собирал все номера и бережно хранил их. Но все же не уберег: во время последней войны они сгорели при бомбардировке Белграда в 1941 году (19 экземпляров).

В конце журнала помещались иногда рисунки с объяснениями в стихах. В г. Горажде, куда корпус был переведен из Билечи, жить стало легче и лучше, жить стало веселей. Исчезли английские френчи, краги, несуразные шапки, нас стали одевать уже в приличную форму: выдали длинные брюки синего сукна на выпуск; синие с красным околышем фуражки, настоящие кавалерийские шинели.

Под рисунком, изображавшим взвод шагающих кадет, в «Донце» стояло четверостишие:

В синих брюках мы шагаем,
Знать, Билечу забываем.
Здесь фасоль мы видим реже,
Одеяла лишь все те же

а под нарисованной фуражкой:

И фуражки образца
Века пятого конца.

Мы имеем для парадов
И для праздничных нарядов.

Глеб Грейц — 41-ый вып.

КАЛЕЙДОСКОП

В воздухе звуки подъема колеблются,
В спальню Зелкач прибежал:
«Там! Почему не встают и валяются?!» —
Басом своим закричал.
Холодно встать, а уж мыться — тем более,
Надо ведь лед разогреть.
Выпивши с плюшками чай, полусонные
Тщимся попасть в лазарет.
В классе темно, неприветливо, холодно;
«Папа» над ухом скулит:
«Ты занимайся, матура под носом,
Надо ведь все повторить».
Первый урок. Вот пришла «панихида»,
После неё — Чекамас.
Кол отхватил — знать такая планида,
Ведь отличился весь класс.
«Вы не про то говорите, не знаете».
Вот, и поставил два-плюс.
«Крышку зачем там в углу поднимаете?»
Физика страшно боюсь.
Пишет диктовки, бедняжка, старается —
Только бы три получить...
«Раз на матуру идти собираетесь.
Надо задачи решать»
«Вы постороннюю книгу читаете?
Нужно в журнал записать».
«Сядьте на место, на место садитесь!» —
Савин, бедняжка, скулит.
У Сергиевского встать побоитесь.
Скоро ль отбой прозвучит?
«Кобальт и охру сюда подпустите,
Будет прекраснейший фон.
Здесь потемней, а теперь просушите!»
Это наш друг, Хрисогон.
После обеда к бараку всю сотню,
Чудо сказал привести:
«Те два стола, что кричали про Шепеля,
Будут наряды нести!»
«Вы, па-па-пачему без каркаса?
Арест на парочку дней!»
Всех мы должны полюбить, точно брата,
Всею душою своей.
Лекция Лени при смехе ужасном
Тоже достойна пера:
Только начнет говорить о Магницком, —
Дружное слышно «ура».
День миновал. Завтра будет такой же...
Никнет к подушке глава.

По вечерам, когда крепнул морозец,
Крали из склада дрова.
Игры в отбойку, гулянье по Дрине...
В церкви лампад тусклый свет...
Раз побывали в горах на «Ирине»
Тройка, девятка, валет.
Баня. Купание с громкими песнями
Так, что все стекла дрожат.
В карцере холодном, с железными прутьями,
Два горемыки сидят.
Игры в снежки, иногда и дубинами —
Будет о чем вспомнить.
Доктор, кормление всех аспиринами
Градусник — лопнула ртуть...
Фельдшер Гаврило, наш друг и спаситель,
«Тухли, хфуфайка, — держи!»
Часто от церкви он был избавитель,
С доктора это не жди.
Вот Рождество, вот колядки по городу...
Мелкий кадетский багаж.
Дьяк расправляет ручищами бороду...
Все пронеслось, как мираж.
Дрины весною разлитие бурное...
Гущин несет аппарат.
Магден в мазурке под звуки бравурные...
Вот производство, парад.
Строгий инспектор по классам проходит,
Сразу притихли стада.
Тонный Рудухин изрядно нас кормит,
Повар лишь пьет иногда.
Филин, Еманов, Бобров и Наумов,
Всех перечислить нельзя.
Решиков Яша: «Эй, стадо баранов,
Штрюцкая морда, сопля!»
Вовочка в шпорах, отец третьей сотни...
Биркин в кантину идет,
Вот и Ляшкевич, завхоз наш в отставке,
На наши деньги живет.
Фрейман, Чудинов, вот Ган, Чепурковский,
Енько-Даровский, Концов.
Вот и «извощик», лихой наш Зиолковский.
Греков, Потапов, Лавров.
Чуть не забыл зубаря корпусного,
Зубы классически рвал,
Редко найдете спеца вы такого,
Пломбы неважно лишь клал.
Бал граммофона. Разбитые стекла
После матуры кой-где...
Возле барака с водой есть бочка...
Все здесь знакомо тебе.
Вторник. Идут в павильон «звери» вечером
На комитет — заседать.
Кое-кому пригрозят исключением,
Будут и баллы сбавлять.

Химия, физика и математика,
Русский язык и закон,
Строем занятия и «начерталка» —
Все промелькнуло, как сон.
Корпус в строю. У могилы героев
Вечную память поют, —
В славу Руси, от отчизны далеко,
Жизнь отдавших свою.
Вот расставанье, прощание с корпусом...
Автомобиль подают.
С Богом, Горажда, что будет там с нами?
Где мы найдем свой приют?

И. Квятковский, 44 вып.

ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ

Лето в полном разгаре. Бурная и грязная весной Дрина успокоилась и катила свои голубые воды на север. Вода в Дрине, как и во всех горных реках, холодная.

Мы, оставшиеся на лето в корпусе (сироты или же те, кто не мог поехать на каникулы), были почти предоставлены самим себе. Наблюдение за нами со стороны воспитателей — совсем минимальное: надо быть на вечерней молитве и перекличке, так же как и на утреннем чае. Остальная часть дня в нашем распоряжении. На обед мы, конечно, не забывали приходить. Начальство разрешало получать причитающиеся на день продукты и мы отправлялись в какую-нибудь экскурсию на целый день. Самым подходящим местом для этого была река. Это даже поощрялось. Как сказал командир второй сотни полк. Бобров: «Развивается самостоятельность и предприимчивость». В предприимчивости, надо сказать, у донцов недостатка никогда не было.

Горажде — беседка на берегу Дрины

Вот четверо из нас таких, оставшихся, решили устроить экскурсию вверх по Дрине. Выдали нам на кухне, с разрешения командира, полагающуюся провизию. Только нам показалось этого маловато для прокормления в течение долгого летнего дня. Поэтому, Квят и еще кто-то быстро проявили предприимчивость: рано на заре накопили свежей картошки в огороде у полк. Магденко.

Накопав картошки, мы ползком, с соблюдением тишины, ретировались из огорода, но... не наша же вина, что Маргарита Петровна страдала бессонницей.

Когда уже рассвело, экскурсанты двинулись в путь. Нам надо было перейти мост через Дрину, и вскоре по берегу реки начинался довольно густой лес, через который проходила узкая тропинка.

Где-то по дороге Максим Р. прихватил зазевавшегося гуся и таким способом вопрос продовольствия был разрешен удовлетворительно.

Нас сопровождал Рыжий, благородная дворянка, принимавший деятельное участие в жизни корпуса. Он отправлялся с нами во все экскурсии, присутствовал на строевых занятиях; когда строилась сотня к утреннему чаю и выходил дежурный офицер, Рыжий неизменно присутствовал.

Он весело бежал впереди, проверяя все интересовавшие его деревья и камни.

Мы зашли километров на 10 вверх по течению реки, выбрали небольшой заливчик, где вода была спокойной и где можно было купаться, и разбили лагерь...

День прошел почти незаметно в купании. Гусиные перья были тщательно зарыты в землю, гусь же оказался необычайно вкусным. В 15-16 лет, да на свежем воздухе, что не покажется вкусным? — Кормили нас в корпусе неплохо, но гусей давали только на корпусной праздник.

Часов около трех пришла нам блестящая идея: зачем идти назад пешком, когда можно сбить из бревен небольшой плот и спуститься вниз по течению. Сказано — сделано, работа закипела. Бревен хоть отбавляй, выбрали пять-шесть, сбили скобами, которые нашли на тех же бревнах, закрепили длинными ветвями, и плот был готов.

Никто не задумывался о том, сумеем ли мы управиться с этим плотом. Около шести часов вечера решили отчаливать. Солнце было еще высоко; для управления у нас было два больших шеста.

Наше имущество (кастрюли и пр.) мы непредусмотрительно сложили на корме, не закрепив. Километрах в четырех-пяти от города был большой бурун, который мы стремились обойти, идя ближе к берегу, но течение оказалось сильнее нас. Оно потянуло нас в самую середину буруна. Плотик полетел, как стрела, все глубже уходя в воду. Через какое-то время мы все, крепко держась за скрепы бревен, были мокры до пояса. Думаю, что каждый из нас не на шутку перепугался. Но бурун промелькнул, мы повеселели, однако лишились нашего имущества — обе кастрюли смыло водой. Не удержался на плоту и Рыжий. Через некоторое время мы увидели его несущимся по берегу, с громким лаем, сообщавшим, вероятно, что все в порядке: «Я благополучно выплыл». Остальная часть путешествия прошла без сильных ощущений.

Немного неприятно было на следующий день предстать перед полк. Магденко. Он сожалел не о том, что мы сами хозяйничали в его огороде, а о том, что не пришли и не попросили.

И. Квятковский — 44-ый выпуск

РОДНОМУ КОРПУСУ

Тебе наш Корпус буду петь я,
Родных степей храня завет,
Мы седину сороколетия
Почтим. И в мраке наших бед
И ныне, я без скорбной тризны
Гордись, твой славлю юбилей
Живя с тобою без Отчизны
На черном фоне мертвых дней.
Минувших лет, тот верит сказке,
Кто в яве сказку пережил
О годах Корпуса в Черкасске
Споет черкасский сторожил.
Воспоминания отрада
Его вернее вдохновит
Традиционного парада,
Воспеть давно забытый вид.
С лампасом алым шаровары,
Кадет, задорный блеск очей,
Когда к собору вдоль бульвара
Шел Корпус с хором трубачей.
Не Александр крестил ли Третий
Начало Корпуса тогда,
Когда текли в своем расцвете
России лучшие года?

Не эта ль верная основа
И славы будущей залог
Тебе, мой Корпус, что ты снова
Родиться в грозной буре смог?
О, кто минувшего повторит
Неповторяемый рассказ,
Не будет больше Евпаторий
Они бывают только раз...
Но затереть никто не в праве
Тех дней неизгладимый след,
Когда замкнул прибрежный гравий
Ряды измученных кадет,
Когда под пьяный крик Дюльбера
Назло толпе родились вновь
В сердцах кадет былая вера
И негасимая любовь.
Второе Корпуса начало...
Смерч не сорвал у нас погон,
Когда нас на ладье качало,
Кто слышал жалобы и стон?
Вокруг дышал простор свободный
Дыханье соли и воды
А ты, кадет, глядел голодный,
Как от кормы бегут следы.
Не ты ли в смрадной давке трюма
Преданье старины вернул?
Как древний пленник ты угрюмо
Взглянул на солнечный Стамбул...
Какую грусть, какие боли
Таили в бухте корабли
Мы в светлый подвиг Галиполи,
Тогда поверить не могли.
И только к куполу Софии
Неслась с надеждою мечта,
Не отлучит нас от России
Безвестных странствий тягота.
Нам стало радостней и чище
В чужих краях лазурь небес,
Ты лишь этап в пути Стернище.
Пусть этот дол и этот лес,
И старины обломок Птуя,
И Замка темный силуэт
Надолго прикуют, волнуя
Воспоминания кадет.
Пусть горы дикие Билечи
Ввели в бесплодный свой чертог...
Но все пути нам лишь предтечи
Уже намеченных дорог.
И в бездорожии скитаний,
Заветы старины храня,
Любить Россию лишь заранее
Ты учишь, Корпус мой, меня —
Мечтать о буйной, близкой скачке,
О ветре, хлещущем в лицо...

Нам вверено — судьбы казачей
Беречь заветное кольцо.
Я счастлив тем, что эти муки
С Тобой, мой Корпус, перенес
И в день грядущей я разлуки
Не устыжусь невольных слез.
И в дни, когда не будет брани,
Свершая радостный возврат
Через мои воспоминанья
Мне будет лучшей из наград.

Кадет 35-го выпуска, **А. Туроверов**

ЦЕРКОВНАЯ ДРУЖИНА

Было это в 1924 году. Мы были в четвертом классе. Ожидали начала занятий и бегали к Инспекторской, в надежде увидеть расписание уроков: хотелось знать, какие будут новые предметы и сколько уроков в день. Но расписания все не было.

Наконец, в спальню вбежал Володька Парагис и сообщил, что видел расписание: много уроков алгебры, геометрии и два урока Закона Божьего. Эти последние, значит, будут свободными, т.к. «бати»-то у нас и нету. Это обстоятельство нас, конечно, порадовало.

В этом году, действительно, вышло так, что мы, имея двух священников и дьякона, вдруг остались без них: о. Иоанн Трофимов разошелся во взглядах с инспектором классов и ушел на приход; сын второго священника, отца Василия Бошановского, окончил корпус и уехал в Белград, а за ним потянулись и родители, — о. Василий устроился при институте в Белой Церкви, чтобы быть ближе к сыну.

Корп. церковь в Билече, о. Бошановский, о. Трофимов и диакон П. Цуканов

Дьякон Цуканов — умер. Вот, мы и остались без духовенства, к нашему удовольствию: ведь, подумать только, — ни в субботу, ни в воскресенье не будет служб, а на свободных уроках можно будет заниматься чем угодно, или и вовсе не приходиться в класс. Все складывалось очень удобно по нашим понятиям.

Вскоре начались занятия. Подошел и урок Закона Божьего. Мы были уверены, что урок будет свободным, но, увы, нашим мечтам не суждено было осуществиться, т.к. дежурный воспитатель объявил: «Не расходитесь, урок будет».

После сигнала, когда мы заняли места в классе, вошел преподаватель истории Абрамцев — один из любимых кадетами, серьезный и справедливый, по прозвищу «Нус». Происхождение этого прозвища простое и естественное: вызывая того или другого кадета к ответу, он всегда обращался: «Ну-с, брат, расскажи-ка нам о Пунических войнах, а мы послушаем». Слушая ответ, он неизменно держал перед собой маленькую записную книжечку и возле фамилии отвечающего — остро отточенный карандаш. По мере ответа, он этим карандашом, выкручивал точку: если ответ был хороший и он оставался доволен, то и точка была крупная, жирная; если ответ — слабый, то точка была едва заметная.

Войдя в класс, Абрамцев увидел наши удивленные, вытянувшиеся «рожи», улыбнулся и сказал: «Что, не ждали? Думали — нет священника, так и урока не будет? А, вот, нашелся священник, только не в рясе, а в пиджачке!» И взявши обеими руками полы своего пиджака, потряс ими для большей убедительности. Так наши мечты о свободных уроках не сбылись и в утешение осталась только свобода от церковных служб. Ну, думаем, и то хорошо, можно будет в воскресенье с раннего утра отправиться в экскурсию. Но и это скоро окончилось, т.к. прошел слух, что к нам уже едет назначенный законоучитель. Скоро слухи эти подтвердились. Стало известно, что законоучителем будет не просто священник, а епископ. Это уже было неожиданно. Многие кадеты слышали это слово, но что оно обозначало? не совсем хорошо себе представляли. Вскоре действительно приехал в корпус епископ, и не один, а с келейником иеромонахом о. Марком. В ближайшее воскресенье состоялась и его первая служба Божия, а в субботу всенощная.

Мы все были очень любознательны и потому «самодралов» на сей раз не наблюдалось и, напротив, на богослужениях корпус присутствовал в полном составе.

С большим вниманием мы следили за всем ходом богослужения, которое видели в первый раз.

Епископ Вениамин стоял посреди церкви на круглом и невысоком, переносном возвышении, изработанном в нашей столярной мастерской. Нас особенно удивил порядок, продолжительность и сложное облачение епископа.

При этом прислуживали два наших старших кадета: Света Родионов и Шура Ткаченко. Они оба были в белых «стихарях», а не в кадетском обмундировании.

Когда обряд облачения был закончен, на амвон пришёл наш неизменный друг регент Яков Иванович Шпилевой и трое кадет-певчих. Если по ходу богослужения надо было петь, они же вместе очень стройно пели неслыханные нами раньше песнопения. Когда епископ должен был благословлять молящихся, из алтаря выходили Родионов и Ткаченко, имея в руках — как нам сказали после — дикирий и трикирий (с зажжёнными свечами). Подойдя к епископу с разных сторон, они становились по бокам его лицом друг к другу, и при наступлении момента благословения молящихся они подавали епископу дикирий и трикирий. После благословения епископ возвращал их прислуживавшим ему кадетам, и они уходили в алтарь. Все виденное нами было прекрасно, а чудесное песнопение меня лично поразило и растрогало до слёз, и с тех пор вошло в мою душу. Помнится, как я стоял с закрытыми глазами и мне казалось, что я возношусь в безоблачные вершины; в горле что-то щекотало, а на глаза наворачивались слезы. После окончания литургии, епископ произнес проповедь. Она тоже прозвучала для нас как-то особенно. Возможно, раньше мы не вникали в проповеди наших священников, но эта проповедь сразу же разрушила все казавшиеся преграды между епископом и нами.

Вернувшись после службы в сотню и поев макарон с «червяками», как мы называли макароны, пересыпанные поджаренным рубленным мясом, — мы живо обсуждали все виденное нами в первый раз.

Стало известно, что епископу нужны, уже к следующей службе, — кадеты, желающие прислуживать в алтаре: держать репиды, носить посох, а также читать и петь на клиресе.

С приездом епископа наша церковная жизнь сильно оживилась, стало гораздо меньше уклоняющихся от церковных служб.

Уроки Закона Божьего сделались интересными и оживленными. Наш воспитатель, полковник Низовкин, объяснил нам на вечерних занятиях, кто может быть епископом и какая у него духовная власть. Он сказал, что, обращаясь к епископу, мы должны, сначала, подходить под благословение и называть его Владыкой. Объяснил, что значит «Исползати деспота».

Наша корпусная церковь Святителя Николая, помещалась в большом зале, рядом с офицерским собранием. Узкий коридор отделял ее от корпусной лавочки, которую держал войсковой старшина Сутулов, брат генерала Сутулова, командира 1-ой Атаманской сотни.

Церковь наша была полностью сооружена кадетскими руками: иконостас, клиросы, аналои, возвышение для хора — были сделаны в кадетской столярной мастерской под руководством полковника В. Решикова, а иконы в иконостас писал наш талантливый кадет — художник, впоследствии архитектор и профессор Белградского университета Гриша Самойлов.

С приездом в корпус Владыки Вениамина, бывшего епископа Севастопольского, у нас организовалась «церковная дружина».

Владыка был очень добрым, большим молитвенником; любил кадет и входил в их жизнь. А надо сказать, что жизнь была невеселой и довольно трудной.

Владыка часто приходил в помещения сотен в свободное от уроков время и беседовал с кадетами, просто и мило, узнавая таким образом их нужды; а потом, на педагогических собраниях поднимал свой голос в защиту и улучшение кадетской жизни; настаивал, чтобы закрыть или перенести корпусную лавочку подальше от церкви, т.к. там по вечерам бывало шумно, курили и спорили на политические темы. Внезапно там появлялся Владыка и призывал к порядку возле храма.

Владыка Вениамин пробыл в корпусе четырнадцать месяцев и должен был покинуть нас, чем мы были очень огорчены. Незадолго до своего отъезда он, на уроке Закона Божьего, дал каждому из нас небольшого формата евангелие Синодальной типографии в С. Петербурге (или Берлинского издания 1923 г., В. К.). На первой странице надпись: «Въ благословеніе отъ Донского Императора Александра III кадетскаго корпуса...» и т.д.

Епископъ Вениаминъ, 1925

К этому владыка приписал и посвящение; «Царствіе Небесное силою берется» (от Матфея XI, 12 ст.).

(В прежние годы и позднее каждый кадет получал такое евангелие, как благословение от корпуса; на внутренней стороне дарившегося евангелия была надпись) (В. К.):

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной,
Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

К. Р.

Мне особенно запомнился случай, имевший место на третьей неделе Великого Поста, в 1925 году. Мы говели. Каждый вечер нас водили в церковь, и мы отстаивали Великое повечерье. В субботу нам сказали, что будет исповедь. После окончания всенощной Владыка объявил: «Сейчас начнется исповедь; на клиросе будет исповедывать отец Марк, а кто хочет, может исповедываться у меня в алтаре». Большинство кадет решили идти к о. Марку, а несколько человек, и том числе и я, надумали отправиться к Владыке.

В церкви было почти темно, чуть мерцали только несколько свечей. Началась исповедь. Я, как правофланговый, был первым на очереди к Владыке. Вошел в темный алтарь: свет проникал лишь через окно от тусклого уличного фонаря. Приглядевшись, увидел, что Владыка в мантии стоит на коленях перед престолом. Заметив меня, он указал

рукой и мне стать на колени возле престола. Я стал, а он накрыл меня мантией, после чего я оказался в совершенной тьме. Стою так минуты две молча. Владыка вдруг спрашивает: «Что же ты молчишь?» — «Так Вы же ничего не спрашиваете...», — отвечаю я. «А ты, что, разговаривать сюда пришел? Тут, брат, место не разговорам...» — «А что же?» — спрашиваю я. — «Нужно плакать, а не разговаривать, плакать о грехах своих!» Услышав, что нужно плакать, я подумал: почему плакать?!

Владыка помолчал, а затем сказал: «Ну, что же, не хочешь плакать о своих грехах, так придется мне — за тебя».

И, вдруг, я услышал всхлипывание. Получалось, что Владыка плакал. Я даже не поверил и, отодвинув мантию, посмотрел на Владыку: свет от уличного фонаря упал прямо на его лицо, и я увидел на щеках слезы. Это произвело на меня сильное впечатление: спазмы сдавили горло и я... заплакал, сам того не ожидая.

После этого случая Владыка в моих глазах поднялся на недостижимую высоту. Все мои мысли были направлены к тому, чтобы как можно ближе приблизиться к нему, чтобы чаще бывать в его обществе, слушать его рассказы, а в церкви, — проповеди. С нетерпением ожидал воскресения, чтобы, придя в церковь на литургию, присутствовать при облачении Владыки — это был для меня незабываемый момент.

Как я уже говорил, Владыка Вениамин интересовался кадетской жизнью: посещал кадетские мастерские, гимнастический зал, лазарет, где разговаривал с больными. Особенное внимание Владыка обратил на кадета третьего класса, калмыка Бату Шургучинова, который доживал последние дни, страдая туберкулезом легких. Владыка присаживался на кровать и подолгу беседовал с больным. Незадолго до отъезда епископа Вениамина Вата умер, и мы в составе всего корпуса хоронили его. Старшие кадеты и с ними наш Владыка в «скуфейке» несли гроб на плечах километра полтора, до кладбища. Этот жест Владыки проник в кадетские сердца, и нам было жаль расставаться с ним.

Во время пребывания в корпусе Владыки Вениамина мы первый раз в жизни наблюдали обряд рукоположения в дьяконы.

Дьякона у нас не было, и Владыка узрел одного, подходящего для этого сана, в лице корпусного писаря Петра Кушнарера. Последний, хоть и был любителем выпить и закусить, но голосом обладал подходящим. Его-то Владыка и призвал к этой священной роли. Целыми вечерами он занимался с ним, учил его и репетировал все возгласы и, в конце концов, в одно из воскресений состоялось рукоположение. Наш хор радостно подхватывал все возгласы Владыки и трижды воспевал — «аксиос».

Итак, у нас появился дьякон, отец Петр. В корпусе же учился с нами и его сын.

Отец Петр продолжал работать в корпусной канцелярии, выпивать при удобном случае и удить на Требинке форель.

Владыка Вениамин уехал и на его место явился другой законоучитель, архимандрит Иоасаф Скородумов, академик, сын священника села Соболичи, Тихвинского уезда Новгородской губернии.

Это был также замечательный человек. Новоприбывший батюшка застал уже вполне налаженную церковную жизнь. В своей же личной жизни он был истинный монах. Как и Владыка Вениамин, он не пользовался кадетским столом, который был скоромным, а столовался у Надежды Паладиевны, или, как мы ее называли, Паладихи. Вспомнив о ней, нужно сказать, что нельзя пройти мимо этой русской женщины, которой мы, несколько человек церковников, обязаны тем, что умеем хорошо читать по церковно-славянски, знаем устав и правила церковного Богослужения и поведения в церкви. Надежда Паладиевна была тещей нашего воспитателя и заведующего столярной мастерской полк. В. Рещикова. Она была дочерью священника, церковную службу знала с детства и все это с любовью и усердием передавала нам.

Новый батюшка, отец Иоасаф, еще энергичнее взялся за организацию церковной жизни. У нас начались ежедневные службы в церкви. После ужина, в шесть часов вечера, мы, церковники, бежали на «нижний двор» в церковь, где нас уже ждали батюшка и Паладьевна. Батюшка надевал епитрахиль, а мы на левом клиросе под руководством Паладьевны принимались читать, а затем и петь. По окончании вечерни, мы отправлялись

в класс на вечерние занятия, часто с опозданием, за что получали выговор, но переносили это со смирением, не говоря о причине нашего опоздания. Вскоре, однако, стало известно, где мы пропадем, и в церковь стали заглядывать воспитатели, а потом и директор.

За опоздания на занятия нас начали наказывать, особенно, если кто-либо из нас не знал урока на следующий день; давали нам лишние наряды, оставляли без отпуска. Батюшка, не в пример Владыке, не заступался за нас. Однажды, произошел такой случай: был канун памяти четырех великих святителей Российских, Митр. Петра, Алексия, Ионы и Гермогена, московских чудотворцев и, к тому же, тезоименитство Цесаренича Алексея. После вечерни батюшка отслужил панихиду и сказал нам: «Приходите ко мне на чай после вечерних занятий, — я вам расскажу о наших великих святителях». Предложение было очень заманчиво, но мы не знали, как его выполнить, т.к., после занятий надо было укладываться спать и уходить было нельзя. Порядок и дисциплина должны были соблюдаться. Мы решили сделать чучела из шинелей, чтобы выглядело, будто бы мы лежим в своих кроватях, как полагается.

Наша церковная дружина, как ее называли, к тому времени насчитывала уже десять человек, из которых восемь усердно посещали вечерни в будние дни. Нашим регентом левого клироса был Шура Фельковекый, музыкально одаренный юноша.

Сделавши все приготовления, мы после вечерних занятий по одиночке отправились разными дорогами на «нижний двор» к батюшке, где уже были Паладьевна и Шура Фельковский. Вскоре собралась и вся наша дружина. Надежда Паладьевна, как обязательный член нашей дружины, приготовила чай с вареньем и сладкой булкой. Батюшка рассказывал нам о четырех великих святителях земли Русской.

Часов в одиннадцать я вернулся в спальню и нашел свою кровать (с чучелом) развороченной. Но это меня мало беспокоило, — я весь был поглощен слышанным рассказом. Умилялся совершенным чудом Св. Алексия, Митрополита, исцелившего Тайдулу, дочь хана, в татарской орде. До слез волновался, думая о мучениях и смерти патриарха Гермогена. И, лежа уже в кровати, слагал стихи: Истомленного в страданиях, в узах тягостного плена, беспощадно мучат ляхи патриарха Гермогена... На этом и заснул. На утро я узнал от друзей, что осмотр прошел благополучно, но потом явился дежурный воспитатель, полковник Филин, с «Наполеончиком» и, сдернув одеяло, увидели на моей кровати сложенные шинели. Оказывается, когда я шел на «нижний двор», меня видел издали «Наполеончик», как мы называли запасного воспитателя, полк. Никифорова. Зайдя в сотню, он поинтересовался, получил ли Грейц отпуск? После этого появилась длинная запись в журнале со всеми вытекавшими из этого последствиями: сбавка балла за поведение, лишние наряды и карцер.

На всех педагогических собраниях присутствовал и наш батюшка, отец Иоасаф, и, слушая обсуждения о наших опаздываниях, он почему-то не выступал в нашу защиту.

Как-то, после одной воскресной службы мы как всегда были у батюшки, и речь зашла о церковных звонах на нашей Родине. Батюшка рассказывал, как это красиво и величественно... И Шура Фельковский заметил, как жалко, что у нас нету колоколов, а только один, и не благозвучный! С этого момента у нас зародилась мысль: устроить колокольню. Как говорится, — «голь на выдумки хитра». Мы стали подыскивать различные металлические предметы, которые могли бы при ударе издавать похожий на звон, звук. Подбирали куски рельс, пустые бидоны от сжатого газа и пр. Бидоны давали довольно благозвучный, низкий тон.

Рядом с церковью находился небольшой круглый бастион, где мы и устроили нашу примитивную колокольню. Батюшка освятил ее, а затем, радуя слух персонала, кадет и окружающего населения, Сережа Ментов, с двумя помощниками, ловко вызванивал благовест, подражая тому, что разносился в добрые времена на родной стороне, теперь такой далекой и недостижимой, но прочно жившей в наших детских сердцах.

В связи с созданной нами колокольней вспоминается один забавный случай. В день корпусного праздника, который проходил всегда очень торжественно и отмечался блестящим парадом. Вечером бывал бал и ставился спектакль. Театральной группой руководил Яшка Шпилевой, наш регент и любимец кадет. Ставили Бориса Годунова.

Готовились к спектаклю чуть ли не за пол года; шли репетиции, шились костюмы, писались декорации. Для полного впечатления торжественного выхода избранного народом царя Бориса, нужен был колокольный звон. Мы об этом дознались и стали думать, как бы не допустить до такого унижения освященных колоколов в целях театрального эффекта. Все церковники были в унынии и жаловались батюшке, который как будто тоже возмущался, но не предпринял ничего, чтобы этому помешать.

Мы решили действовать сами. Прежде всего, мы сговорились со звонарями, чтобы те не отказывались, если их Яшка пригласит участвовать в спектакле звонарями и чтобы крепко хранили эту нашу тайну.

Подошел спектакль. По распоряжению Яшки кадеты-театралы накануне перенесли наши «колокола» к театральному бараку и там их подвесили. Когда начался спектакль, звонари были за кулисами и ждали распоряжения режиссера, чтобы начать трезвон. Мы же в это время, под прикрытием декабрьской ночи, усиленно работали, снимали наши колокола и укладывали их на приготовленную тележку, которую и укатали на другой конец «нижнего двора».

Каково было возмущение Я.И. Шпилевого, когда он послал звонарей трезвонить, а те, вернувшись, с невинным видом, заявили: «Так что, Яков Иванович, колоколов нету!» Яшка вскочил и убедился, что, действительно, колокола исчезли. Мы же, спрятав их, сидели у батюшки и переживали удавшуюся «операцию», считая себя героями. Вскоре пришли наши звонари и рассказали обо всем подробно. Батюшка хвалил нас за догадку. Никаких последствий этот эпизод не имел.

Время шло. Наши вечерние богослужения стали привлекать служащий персонал корпуса. Наш маленький хор под управлением Шуры Фельковского пел складно и уверенно. Чтецы под руководством Надежды Паладьевны стали участвовать в субботних и воскресных богослужениях, читая шестопсалмие, часы и апостола. Все это делалось серьезно, с большой любовью и старанием. Не раз отправляясь на всюнощную, ребята грозно говорили: «Смотри, Грейц, читай быстрее, не мямли, а то получишь после службы...». Это, конечно, было неприятно, в особенности, если исходило от кадета более сильного.

Однако, ничего — шестопсалмие, казавшееся длинным и скучным, знали уже «на зубок» и читали очень быстро, а Миша Рыбаков — даже скороговоркой. Такое чтение возмущало батю и, однажды, когда Миша окончил чтение, батюшка, стоя перед царскими воротами, вдруг повернул голову и спокойно сказал: «Еще раз». После этого чтение наспех прекратилось.

К этому времени наша корпусная церковь св. Николая стала важным фактором в корпусной жизни. Мы продолжали развивать свою деятельность, снискав немало сочувствующих среди персонала.

Однажды, незадолго до Рождества, наш воспитатель на свободном уроке читал вслух Гоголя «Ночь перед Рождеством», дополняя от себя рассказами о том, как эта ночь проходила у нас на родине, главным образом в Малороссии и на Дону; как собирались парни и девушки, ходили со звездой по деревне и славил Христу.

Это мне очень пришлось по душе, и я подумал: не заняться ли и нам этим самым?! Сообщи батюшке, который, как истовый великорос, отнесся к этому равнодушно, однако, сказал: «В добрый час». Я принялся сооружать звезду: сделал из проволоки каркас, обтянул разноцветной прозрачной бумагой и внутри пристроил свечу. Зрелище ночью получилось эффектное.

После Рождественской всюнощной мы, церковники, отправились славить Христа: обошли все квартиры персонала, начав с директора. Везде мы произвели большое впечатление, т.к. никто этого не ожидал. У директора за столом было много гостей, в том числе и наш батюшка. Его лицо сияло радостью и гордостью за свою «церковную дружину». Вдали от Родины, где-то среди балканских безлюдных скал, в полуразрушенной крепости кучка детей-кадет воскрешала и демонстрировала почти всеми забытый обычай родной страны.

Двое из нас держали довольно вместительный мешок, изготовленный для этой цели все той же Надеждой Паладьевой, в который щедрые хозяйки клали нам всякую праздничную снедь, а их гости бросали монеты. В некоторых квартирах нас уговаривали присесть и выпить чаю или узвару, но нам было не до того, — мы спешили обойти всех с полным сознанием, что делаем важное дело.

Поздно ночью мы закончили наш обход со звездой и пришли в нашу «штаб-квартиру» к батюшке. Он уже вернулся от директора и ждал нас, чтобы рассказать о том впечатлении, которое мы произвели на него и всех его гостей. В пустой комнате, рядом с квартирой батюшки, на большом столе мы разложили все, полученное нами, и подсчитали собранные деньги. Их было двадцать восемь динар, сумма порядочная по тому времени. С деньгами мы не знали, что делать, и батюшка предложил нам оставить их у него на хранение.

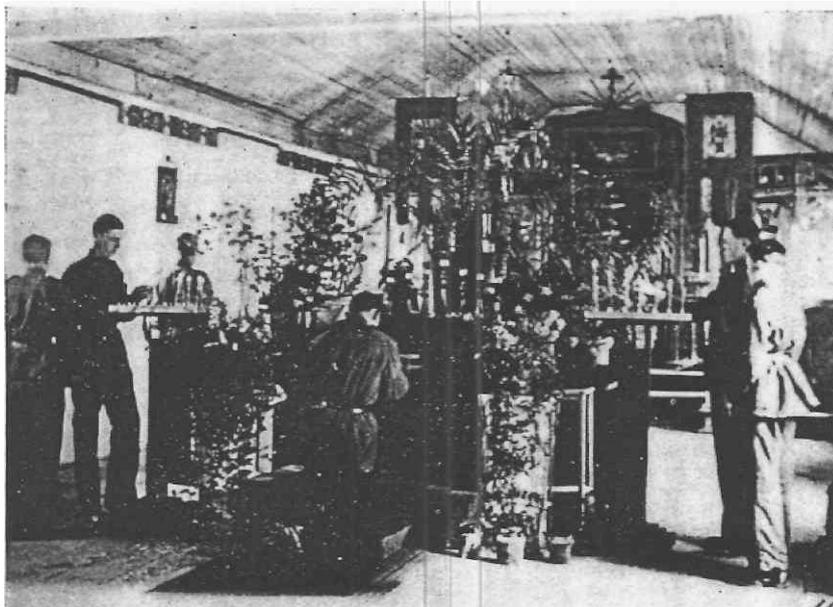
Все это затянулось почти до утра, когда мы, наконец, вернулись в сотню и, уже лежа в кроватях, долго не могли заснуть, переживая все случившееся и думая обо всем виденном. Теперь, на склоне лет, вспоминая то время, могу сказать уверенно, что за всю жизнь мне не пришлось пережить таких сладостных минут, как в ту Рождественскую ночь. Светит она и сейчас, из глубины ушедших лет, неугасимым светом своей святости.

Но что же нам делать со своим капиталом, — задавали мы себе вопрос и, вдруг, кому-то пришла мысль: давайте издавать журнал, литературно духовный журнал! Успехи нашего кадетского журнала «Донец» не давали нам покоя. Мы сообщили батюшке о нашей идее и он, смеясь и потирая руки, как это делал всегда, когда бывал чем-нибудь доволен, приветствовал нашу затею. Деньги были нужны для приобретения ленты для шапирографа. Не хватило восемь динар, которые добавил от себя батюшка. Николай Васильевич Суровецкий, помощник инспектора классов, дал нам бумагу. Теперь остановка была только за материалом. Старшие из нас занялись подыскиванием материала, а я принялся рисовать обложку — нам казалось, что вся соль именно в обложке. У нас не имелось талантливых писателей и поэтов, как у «Донца» и по совету батюшки мы начали выбирать из старых журналов и книг подходящий материал, снабжая его от себя иллюстрациями. Свой журнальчик мы назвали «Святая Русь».

Шура Фельковский обошел персонал корпуса и предложил записаться на новый журнал религиозного содержания. Узнав о новом начинании «Церковной дружины», никто не отказывал нам, и мы торжествовали. Вскоре выяснилось, что нам нужно помещение, т.к. в классах или спальнях мы заниматься нашим издательским делом не рискнули — из опасения, что товарищи нам не дадут покоя. У батюшки, как и у Надежды Паладьевны, свободного места не было. Наконец помещение нашлось: в коридоре, возле церкви, была небольшая комнатка, без окон, в которой хранились метелки, ведра и другие принадлежности для уборки. С помощью батюшки, мы отвоевали эту комнату и нам было разрешено устроить в ней свою редакцию. Прежде всего, мы вычистили комнатку, выбелили ее собственными усилиями, а на ее дверях повесили красивую надпись: «Редакция журнала «Святая Русь»».

Надо сказать, что мы так увлеклись новым начинанием, что в значительной степени забросили свои уроки; все наши мысли были вокруг журнала. Принялись за работу: батюшка редактировал, Сережа Ментов, наш звонарь, писал прекрасным каллиграфическим почерком, а я иллюстрировал журнал. Вскоре появился аккуратный и красивый журнальчик, гордость нашей «церковной дружины». Мы разнесли его всем записавшимся и с нетерпением ждали отзывов.

В своем одобрении нашей затеи, эти отзывы казались нам правдивыми и искренними. Поэтому мы принялись за второй номер, который имел такой же успех; а затем, вышло еще три номера. Все уже ждали журнал, и наградой нам была общая похвала.

Корпусная церковь в Горажде — у плащаницы

Однако всему бывает конец. Кончился год, кадеты начали разъезжаться на каникулы, и мы узнали, что корпус переводят в Горажду, маленький боснийский городок, утопающий в садах, на берегу красивой горной реки Дрины.

В Горажде, к сожалению, наш журнал «Святая Русь» не возобновился, но «церковная дружина» продолжала свое существование, и теперь ее задачей было устройство корпусной церкви на новом месте. Надо было строить и новую колокольню, ибо прежняя не была перевезена.

Вскоре нашего батюшку, архимандрита Иоасафа, призвали к новому месту служения, в Белград, где он был возведен в сан епископа и послан в Америку, а затем в Канаду.

В течение многих лет я переписывался с Владыкой Иоасафом и поддерживал с ним связь. Писал иконы и посылал их ему в г. Эдмонтон (Канаду). Позже мне пришлось с ним встретиться в Нью-Йорке, когда он переезжал на новое место службы — в Аргентину, где вскоре он и умер.

Глеб Грейц, 41 выпуска

Список церковной дружины

1. Михаил Боровский
2. Сергей Иванов, священник
3. Сергей Ментов, звонарь
4. Глеб Грейц
5. Михаил Рыбаков, скончался
6. Борис Богаевский, иконописец, священник умер в Скопле, 1965 г.
7. Лев Радышевский, монах
8. Александр Фельковский, регент
9. Вадим Фатеев, монах на Афоне
10. Алексей Рент
11. Николай Темников

* *

*

Кто ты, о чудное виденье?
Зачем тревожишь мой покой,

Тебе проверить сочиненье
Ты просишь в поздний час ночной.
Я спать хочу, но забывая
Для неизвестного свой сон,
Читаю нехотя, зевая,
В иные думы погружен.

Георгий Баттезат

ИГРА «ОТБОЙКА»

В последний год (1932-33) существования корпуса появилась игра отбойка (по англ. Волейбол). Описывать её не будем, т.к. игра эта современная и всем известная.

Главным инструктором был преподаватель гимнастики полк. Ганн. Игра понравилась кадетам, стала популярной, и ею увлекались все классы — от восьмого до второго.

Были сделаны две площадки: одна — на большом плацу возле главного здания корпуса, где происходили парады, а вторая — между бараками первой сотни и театральным залом.

Образовались команды, из которых две главных все время состязались в первенстве: «Бух», названная так потому, что эта команда всем другим «бухала». Состояла она исключительно из кадет восьмого класса, «Камчадалы» — состояла из кадет седьмого и восьмого классов и получила свое название из-за четверки кадет, сидевших в классе всегда на задней парте.

Незадолго до окончания учебного года происходил местный сокольский слет в городке Фоча. Сборная команда корпуса легко победила своего противника, команду Фочи, и получила право участвовать на областном слете в гор. Сараево. Здесь нам предстояли более серьезные противники — команды, игравшие уже по несколько лет. Тем не менее, мы пробились до финала. Другой, вышедшей в финал, оказалась сербская команда рудника «Береза», выигрывавшая первенство в течение нескольких лет подряд и считавшаяся непобедимой.

Очевидно, у кадет было так велико желание победить и показать, на что способны «Русы», что команда в составе Токи Дакугинова, Евгения Гирса, Олега Савченко, Олега Семенова, Владимира Случевского и Владимира Турского, — все же победила непобедимую «Березу»...

И. Квятковский — 44 в.

«ЖУРАВЕЛЬ» (Кадетские частушки)

Гуси-лебеди летели, Журавля поймать хотели. Мы с директора начнем, Персонал весь проберем. Правит корпусом не сам, А посредством старых дам. Горбоносый павиан, Иногда бывает пьян. Самый храбрый задрожит, Когда «Нус-та» прибежит. Не ходи ребята в класс, Там бушует Чекомас. Без подтяжек носит брюки, Чтоб подтягивать от скуки. Не горюй, Балтийский флот, Жив Карбошка-мореход.	Ген. Перрет Полк. Фицхелауров, к-р 2-ой сотни Абрамцев — преподаватель истории Чекомасов, преподаватель математики Поляков, препод. математики И.Н. Кознаков, кап. 2-го ранга
---	--

Напирает прямо пузом,
Капельмейстер наш Мигузов.
Утешение сотни нашей,
То Шатковская с мамашей.
Вид имеет адмиральский,
То чиновник канцелярский.
Паша наш спирт и маг,
А губа висит как флаг.
С улыбкой рапорт принимает,
Его ж предмет никто не знает.
Мил, любезен он всегда, —
«Чрезвычайно», господа.
Анекдот, стакан портвейна,
Это нужно немцу Штейну.
Зол, насмешлив, но и глуп,
То географ козелуп.
Разбегается в карьер,
То полковник-фокстерьер.
Сидит Филин на суку,
И кричит пу-гу, пу-гу.
Крокодилъи слезы льет,
Перед сотнею комсот.

Полк. Мигузов-капел.
Препод. серб. языка
Дмитриев, воен. чиновник
Ген. Еманов, к-р 3-ей сотни
П.Н. Строев, ботаник и зоолог
П.Н. Строев
Штейн, преп. немец. языка
Казимиров, преп. географии
Полк. Чепурковский
Полк. Филин
Полк. Бобров, ком. 2-ой сотни

ДОНСКИЕ КАДЕТЫ

Мы лихие Донские Кадеты, Д
орог нам темно-синий погон;
Старой Родины чтим мы заветы,
Любим Русь и широкий наш Дон.
Средь скалистых утесов Билечи,
На развалинах старых фортов
Мы приняли на юные плечи
Тяжесть прежних российских грехов.
Мы лелеем в душе беззаботной
Завещанье великих отцов,
И за счастье отчизны свободной
Мы умрем средь казачьих полков.
С нашей верой могучей, горячей,
Мы вперед за Отчизну пойдём,
И в венки нашей славы казачей
Вновь бессмертные лавры вплетем.

А. Трофимов, 36 вып.

ОТВЕТ УРОКА

В минуту жизни трудную,
Когда урок сдаю,
Подсказку слышу чудную
И кое-как плету.
Есть сила благодатная
В подсказанных словах
И речь едва понятная
Вертится на устах.
Но вот за прилежание

Учитель ставит «шесть»,
Ведь, этот балл по знаниям
Он делает мне честь.
Засядешь и развалишься,
Посмотришь далеко,
В душе отрадно кажется
И так легко, легко...

БИЛЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЬ

Как ныне собирается юный кадет
Удрать в «офицерский», в кафану;
Он помнит старинный кадетский завет
Отдать свое горе стакану.
Кадет не боится опасных трудов
И, чуя минутную волю,
Умело минуя начальство, идет:
Вином заливает неволю.
И винного моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды
И вправо, и влево кадета качал, —
Он славил кадетские годы.
Вдруг в двери кафаны навстречу ему
Идет вдохновенный Сутулов,
Покорный Перрету, комсот одному,
Противник кадетских разгулов.
Комсот усмехнулся, но взор и чело
Его омрачились думой,
И в мысли Сутулову вдруг забрело,
Что карцер свободен угрюмый.
«Иди-ка ты в сотню и, вместо вина,
Дежурному офицеру явися,
Свобода совсем не для пьянства дана, —
На хлеб и на воду садися!»
Как ныне собирается юный кадет
Отдаться судьбины ударам,
Погибнуть во цвете прекраснейших лет,
И гибнуть на «даче» задаром,
В кафане одной атаманцы сидят
На тризне печальной кадета,
На мутную влагу с тоскою глядят,
А друга уж песенка спета...

БОЕВАЯ ДРУЖБА

Хмуро ползут суровые годы,
Годы изгнанья, в чужих краях.
Вспомним же нынче бывшие походы,
Вспомним о наших погибших друзьях.
Много ушедших. В бескrestных могилах,
Грубо оборвана жизни нить.
О наших друзьях, погибших, но милых,
Мы никогда не сможем забыть.

Вместе брели мы дорогой солдатской,
Честно деля и хлеб и табак.
Светлой и чистою дружбою братской
Был озарен наш каждый шаг.
Молодость, в пламени битв — отгорела,
В памяти прошлого яркий след.
От бесчисленных потерь поредела
Боевая семья кадет.
Тот, кто выжил — смотрит строже
В дыму грядущих неясных дней...
Вспомним же дни, когда были — моложе,
Вспомним и их — ушедших друзей,

М. Н. Залесский —
Донской кадет. корп. — 37-ой вып.
«Русская Жизнь», 28 дек. 1954 г.

ИЗ ПИСЕМ К ИЗДАНИЮ КНИГИ О ДОНСКОМ КОРПУСЕ

Получил от Д. Саринова «Обращение № 2». Не откажите передать Инициативной группе мою большую благодарность и мое крайнее сожаление, что, находясь уже четырнадцать лет в старческом доме, не могу быть полезным материально в издании книги о корпусе.

Э.Э. Шляхтин

22 июля 1973 г. Франция

Важно напрячь все усилия для создания памятки о Донском корпусе. Так вперед, инициаторы! Привет вам всем! Не поддавайтесь! А вперед, За вами мы, донцы!

Тока Дакугинов

26 июля, 1973 г. Филадельфия, США

Я верю, что книга выйдет. Хочется, чтобы книга вышла более обширной и захватила бы все периоды существования корпуса.

Н.И. Басов

19 авг. 1973 г. Канада

Меня очень радует, что Инициативная группа так дружно взялась за дело и так энергично его ведет. А то, что некоторые «клюют», так на это не нужно обращать никакого внимания. Такова уж человеческая порода, всегда все критиковать, и особенно этим отличаются те, кто сами ничего не делают.

Б. Богаевский

28 авг. 1973 г. Франция

Вам и всей Инициативной группе шлю наилучшие пожелания. Да хранит вас всех Господь и да поможет издать книгу, достойную нашему корпусу.

В.В. Шляхтин

25 сент. 1973 г. Франция

Радует меня ваша идея написать историю Донского корпуса. Привет и слава всем донцам!

М. Радак

15 окт. 1973 г. Белград, Югославия

Искренне благодарю Вас и Инициативную группу за идею написать о нашем родном Донском кадетском корпусе, ведь проведенные в нем годы вспоминаются всеми с большой любовью, как лучшее нашей жизни.

Вице-вахмистр XV вып. в 1904 г.
Ген. шт. полк. **Э.Э. Шляхтин**

10 нояб. 1973 г. Франция

Поздравляю Инициативную группу с Рождеством Христовым и Наступающим Новым Годом. Желаю всем доброго здоровья и большой бодрости сил, чтобы довести вашу тяжелую работу по редактированию и изданию книги до благополучного конца.

М.Ф. Герасимов

22 дек. 1973 г. Франция

Бог в помощь! Приводите к концу начатое дело.

Н. Амочаев

27 нояб. 1973 г. Канада

Очень надеюсь, что в 74 году увидит свет наше детище — книга Донского корпуса. Мне так хотелось бы лично поблагодарить всех вас за большое дело, которое вы проводите. Господь наградит вас!

А. Уваров

Декабрь 1973 года. Аргентина

Я очень приветствую выпуск книги. Желаю успеха в работе.

А. Филин

11 янв. 1974 г. Калифорния, США

Очень рад, что дело с нашей кадетской книгой продвигается вперед и, быть может, в этом году я буду рад и счастлив держать ее в руках. В прошлом месяце, декабре, мне стукнуло 85 лет.

А.А. Леонов

14 янв. 1974 г. Франция

Здесь, за границей, вспоминаем то, что потеряли — нашу Родину Россию и наш славный Тихий Дон, а также и войны 1914, и гражданскую, а вот кадетский наш корпус, наше гнездо, где мы начали чувствовать себя военными, как и наши предки, как-то забыли.

И вот, нашлась инициативная группа, взявшаяся за это большое дело. Честь вам и хвала, и большое спасибо!

Вице-вахмистр XXVI вып. 1915 г.
Донской Артил. Войсковой старшина
В.В. Шляхтин 10 февр. 1974 г. Франция

Снимаю перед вами шапку! Вы действительно сделали колоссальную работу и заслужили исключительную благодарность не только от нас, донцов, но и от всего кадетства. Я полагаю, что самая лучшая для вас, тружеников, награда будет — первая напечатанная книга в ваших руках.

Это будет завершением ваших трудов и достижением цели, к которой стремились в продолжение многих лет.

В. Данилов

18 февр. 1974 г. С. Франциско, США

Владимир Васильевич Шляхтин (в.-вахм. 26 вып.) писал: «Теперь мне остается Вам всем пожелать благополучно кончить книгу и, безусловно, от всех оставшихся в живых старых кадет получить искреннюю благодарность, вполне Вами заслуженную».

9-ое апреля 1974 года. Франция

В своём письме полк. Дон. Артиллерии Пётр Фёдорович Щетковский (в.-вахм. 21 вып.) писал: «Как идут дела с книгой? Наверно печатается? Конечно, если собраны необходимые «тысячи» долларов. Спасибо Вам родные труженики, что задуманное привели в исполнение. Долг перед родным краем нашим Донским и Россией выполнен.

Честь и хвала Вам, инициативная группа.

Христос Воскресе!

П. Щетковский, в.-вахм. 21 вып.

19-ое апр. 1974 г. Франция

Александр А. Леонов — кад. 19-го выпуска 1908 года

Как отраднo становится на душе, когда знаешь, что небольшая «Инициативная группа» взялась за приведение столь сложной, в наших зарубежных условиях работы по увековечению памяти Славного Донского Императора Александра III Кадетского Корпуса изданием книги, приурочив выпуск её к 90-летию со дня основания нашего Родного гнезда.

Представляю себе все трудности взятой Вами на себя работы: не имея средств — найти их; не располагая архивами и всем необходимым историческим материалом — собрать буквально по всему свету правдивые сведения от бывших однокашников, воспитателей, преподавателей и свидетелей.

Надо было писать, убеждать, просить, доставать, радоваться удачам, порою отчаиваться. Собираться, находить для этого время, средства, силы; читать, перечитывать, подбирать, проверять, переписывать, хлопотать, составлять...

Чувствует мое старое кадетское сердце, что все эти трудности Вы, взявшиеся за это святое Дело, преодолете под защитой и благословением и Покровом Пресвятой Богородицы!

Выпуску этой книги, верю, возрадуется не только кадеты-Донцы, но и кадеты всех Российских Корпусов, в среде которых у меня и у всех Вас есть бывшие сослуживцы, дорогие друзья.

Честь Вам и Слава!

Низкий Вам поклон от Александра Леонова

БЫЛИНА НА КАДЕТСКИЙ ЛАД

Ой ты гой еси Леонтий Афанасьевич!
Про тебя нашу песню сложили мы
Про твою заядлого противника
Удалого кадета Тимофеевича!
Мы сложили ее на кадетский лад
Мы певали ее под стаканнй звон
И припрыгивали, да приплясывали
Весь кадетский люд ею тешился.
А кафанщик наш, чича Новица
Чарку нам поднес лютой ракии,
А кафанщица его белолицая
Поднесла нам на блюде запачканном
Црной кавы с водицей помешанной.
Угощали нас целых полчаса,
И все слушались – не наслушались
И ни слова из нее они не поняли,

Не сияет на небе солнце красное,
 Не любятся им тучи синие,
 То сияет средь класса своей лысиной
 И очками своими хрустальными
 Математик лихой, муж ученийший,
 Удалой боец Афанасьевич.
 Из карманов торчат иксы, игреки,
 На груди висит медный эллипсис,
 А на лысине его на сиятельной
 «Бе» * квадрат стоит, подбоченившись.
 Вот он взял мелок в руку правую,
 Подошел к доске, приготовился,
 Напряглась рука его мощная,
 Изловчился он, принатужился,
 Да и ткнул по доске он параболой
 Со всего плеча богатырского.
 Затрещала доска почерненная,
 Заскрипела она индо жалобно,
 А Леонтий-то наш Афанасьевич
 Словно лютый зверь все свирепствует.
 Вот поправил он на нос очки,
 Заблистал своей яркой лысиной
 И как злая змея подколотная
 На параболу злобно кинулся.
 Не жалел боец своо детища,
 Стал он бить его Х-ом, У-ком,
 Стал колоть его острым вектором,
 А в обход пустил квадрат разности.
 Долго бил он его показателем,
 Буквой «Бе» сразил окончательно.
 И параболола зашаталась,
 Зашаталась, покривилась,
 В уравнение превратилась
 [Л. А. Богоявленский произносил букву «Бэ», как «Бе»]
 Тут кадеты все испужались,
 На карячках врозь расползались,
 А опомняся, потом возвращались.
 На места свои посадились.
 Результатом таким перепуганы,
 На лихова бойца все уставились.
 Лишь один из них не робел ничуть.
 Не страшны ему были игреки.
 Мирно спал он за партой сосновою,
 Опустив головушку на широку грудь,
 Издавая носом необычный звук...
 Вот нахмурил Леонтий брови белые
 И навел на него очи серые
 Сквозь очки свои иноземные,
 Словно ястреб взглянул с высоты небес
 На младого голубя сизокрылого,
 Да не поднял глаз молодой кадет.
 Вот об землю стукнул он вектором
 И немый пол на полчетверти
 Он железным пробил наконечником.

Не проснулся и тут молодой кадет.
Вот промолвил Леонтий слово грозное,
И проснулся тогда добрый молодец
И протер кулаком очи ясные.
И промолвил ему Афанасьевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Уж и знаешь ли ты математику,
Да скажи мне свое прозвище,
Чтобы знать о ком в комитет доложить,
Чтобы знать, кому дюжий кол вклепить,
Чтобы было мне чем похвастаться».
И возговорил тогда молодой кадет,
Молодой кадет — добрый молодец:
«Я казачий сын Тимофеевич,
А зовут — то меня Тимофеевым!
А родился я от чеснова отца,
А и жил-то я по закону Господнему.
Не губил людей иксом, игреком,
Не таился от свету небесного,
Не колол никого острым вектором.
Не на шутку-шутить, не людей смешить
В тебе вижу я, басурманский сын,
Выйду я на страшный бой, на последний бой».
И услышав то Афанасьевич,
Побледнел в лице, словно первый сне:
Злодеяния свои вспоминаячи...
Вот оба уж молча расходятся,
Богатырский бой начинается...
Размахнулся тогда удалой кадет
И ударил во-первой Афанасьевича
Он шпаргалкой мелко-писанной.
Угодил ему посреди груди.
Затрещала грудь под шпаргалкою,
Пошатнулся в те поры Афанасьевич
Аж средь лысины его, ярко блещущей,
Буква «Бе» квадрат зашаталася.
На груди его висел эллипсис
С фокусами и осью симметрии.
И погнулся он и вдавился в грудь
И по малой оси порастрескался,
И подумал тогда Афанасьевич:
«Дай-ка я его подкузюкаю,
И ничем другим, как касательной
Изловчился он, приготовился.
Собрался со всею силою
И ударил своего супротивника,
Да касательной со всего плеча...
И лихой кадет застонал слегка,
Закачался, упал замертво,
Повалился он на сосновый пол
И шпаргалка из руки его выпала

Георгий И. Назаров — 37 вып. 7. к —
1 отд. Билеча март 12-1925 год.

ОТ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

Инициативная группа считает своим долгом подвести итоги своей работы и поделиться по этому поводу некоторыми мыслями с читателями.

Нужно сказать, что мы приложили все усилия и способности к тому, чтобы издать книгу о Донском корпусе полную, охватывающую все периоды жизни корпуса от его основания — периода мирного времени, и последних дней на Родине; периода разделенного корпуса и до окончания его самостоятельного существования за границей.

Мы задались целью издать книгу с подробным, полным и правдивым описанием того образования и воспитания, которые получали кадеты Донского корпуса, чтобы перед читателем встал облик этого кадета во всей своей величине. Тот облик, который у нас олицетворяется во многих представителях поколений Славных Донцов, вышедших из стен родного нам корпуса.

Мы хотели также, чтобы те, которые вели, казалось бы, незаметную, повседневную работу нашего воспитания и образования в духе крепких, сложившихся веками традиций; кто кропотливо создавал будущих верных сынов России и Дона, — наших воспитателей и преподавателей, — мы хотели, чтобы и их имена были отмечены достойным образом. Им мы обязаны в наибольшей мере всему тому, что должно являться для нас символом чести и долга.

Инициативная группа нашла нужным и решила, по возможности, не касаться политических вопросов, связанных с жизнью России и Донской Области, поэтому нами и не были приняты некоторые воспоминания кадет, присланные ими для печати.

Обращаясь взором к будущему России, мы предполагаем, что эта, единственная в своем роде, книга может послужить, как документ о прошлой жизни не только Донского, но и вообще всех кадетских корпусов в Императорской России и осветить трудный период жизни на чужбине.

Ограниченные материальные возможности, недостаток учебных пособий, отсутствие кадровых воспитателей и преподавателей, расстрелянных в годы тяжелых испытаний на Родине; неопределенность будущего оканчивавших корпус — все это не могло не отразиться на жизни, воспитании и устремлениях кадет в той или иной степени. Иногда это порождало и отрицательные явления, которые мы сейчас отмечаем полностью, как случайные и ненужные, которые не дают основного и характерного облика кадета заграничного периода. И тем большего преклонения заслуживают те, кто в этих трудных условиях остался верен впитанным с кадетских лет принципам долга и чести и нес трудный жребий воспитания и обучения новых поколений.

Читатели, и особенно все донские кадеты, должны иметь в виду, что, к сожалению, мы не имеем возможности описать все те трудности, которые инициативная группа встретила при своей работе. И мало кто отдает себе в этом отчет. Преодолеть все эти препятствия удалось только потому, что издание книги о корпусе мы считали крайне важным и нужным нам делом, которое должно быть доведено до конца.

Насколько нам удалось выполнить взятую на себя задачу, мы предоставляем судить другим, но главным судьей остается наша совесть. И мы позволим себе сказать Словами Пушкина: «Исполнен долг, завещанный...»

Издание книги о Донском корпусе — дело общее, и пусть каждый из донцов спросит сам себя: что сделал он для того, чтобы эта книга была полной и достойной своего назначения?

Один из старейших донцов в настоящее время, полк. А.А. Леонов, писал нам: «Посылаю вам деньги на НАШУ книгу». Не вашу или еще какую-нибудь, а НАШУ. И мы надеемся, что мы оправдали чаянья тех, кто так просто верил нам и тем приобщил нас к необходимой преемственности духовных сокровищ русского человека, без которой жизнь была бы неполноценной.

Считаем также нужным пояснить, что инициативная группа работала совершенно бескорыстно; что печатание всех воспоминаний и материалов на пишущих машинках

было выполнено самими членами группы и их личными друзьями; все поездки и прочие расходы оплачивались из личных средств. Собранные деньги для издания книги были употреблены только для этой цели.

В заключение инициативная группа находит необходимым еще раз высказать свою глубокую признательность всем, приславшим деньги на издание книги, и, главное, своим доверием оказавших нам честь. А за это надо благодарить — низкий поклон Славным Донцам!

М. БУГУРАЕВ. Д. САРИНОВ. В. КАЗИМИРОВ.
И. КВЯТКОВСКИЙ. М. САРИНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

К 90–ЛЕТИЮ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСА. ОБРАЩЕНИЕ К ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЕ.....	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ОБРАЗОВАНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ	10
КАК ШЛА РАБОТА ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ.....	11
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	12
ЧАСТЬ I	14
ОТКРЫТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	14
КАДЕТСКОГО КОРПУСА	14
К КРАТКИМ СВЕДЕНИЯМ	20
ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ.....	21
СМЕРТЬ ГОСУДАРЯ.....	22
ПОХОРОНЫ ГОСУДАРЯ.....	23
ЗНАМЯ ДОНСКОГО КОРПУСА, НАХОДИВШЕЕСЯ В СТРОЮ	24
ОПИСАНИЕ ПРИЕМА ЗНАМЕНИ	25
ФОРМА КАДЕТ ДОНСКОГО КОРПУСА	26
ПРИЕЗД И ПОСТУПЛЕНИЕ В КОРПУС.....	27
РАНЖИРОВКА	28
СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА	29
ЗДАНИЕ ДОНСКОГО КОРПУСА В НОВОЧЕРКАССКЕ	29
КАДЕТСКИЙ КОРПУС	33
КОРПУСНОЙ САД.....	35
СОТЕННЫЕ ЗАЛЫ	36
КЛАССЫ	37
СБОРНЫЙ ЗАЛ.....	38
О ПОРТРЕТАХ В СБОРНОМ ЗАЛЕ	40
СТОЛОВАЯ.....	40
КОРПУСНАЯ ЦЕРКОВЬ	41
БАНЯ, ПРАЧЕЧНАЯ И СУШИЛЬНЯ.....	42
ВОСПИТАТЕЛИ	43
ПРЕПОДАВАТЕЛИ	44
РАСПИСАНИЕ ДНЯ и добавочные объяснения к расписанию	46
ВЕРХОВАЯ ЕЗДА	47
МУЗЫКА И ПЕНИЕ.....	47
ИГРЫ.....	47
НАГРАДЫ	49
НЕОЖИДАННЫЕ ИНСПЕКЦИИ.....	49
НАКАЗАНИЯ	49
ТАНЦЫ	50
ПАРАДЫ.....	51
КОРПУСНЫЕ БАЛЫ.....	51
ЭКЗАМЕНЫ.....	52
ПОСТУПЛЕНИЕ В ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА.....	52
РАЗЪЕЗД КАДЕТ ПО УЧИЛИЩАМ	53
ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫМИ ЛИЦАМИ	55
ПРИЕЗД В КАДЕТСКИЙ КОРПУС ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА	56
ТОРЖЕСТВО ПРАЗДНОВАНИЯ 25-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-ГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.....	57
ПОЛУЧЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	59
ГИМН НА 25-ТИ ЛЕТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.....	60
ЧАСТЬ II ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА ПЕРВОГО ВЫПУСКА-1890 г.....	62
ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В НОВОЧЕРКАССКЕ.....	63
ДОНСКОЙ КОРПУС.....	69
ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА 25-ГО ВЫПУСКА ВАДИМА КАЛИНИНА 1905 ПО 1914 ГГ.....	74
XXX – ВЫПУСК.....	79
Приезд кадет Одесского Корпуса в г. Новочеркасск и их размещение в Донском Корпусе	88
ЧАСТЬ III УХОД КОРПУСА ИЗ НОВОЧЕРКАССКА	89
ВОСПОМИНАНИЯ КАДЕТА 34-ГО ВЫПУСКА А. ФИЛИНА	98
УХОД КОРПУСА ИЗ НОВОЧЕРКАССКА.....	104
НА «САРАТОВЕ».....	105
В ПУТИ	106

ТЕЛЬ-ЭЛЬ-КЕБИР	107
ИЗМАИЛИЯ	107
О генерале А.В. Черячукине.....	115
ДОНСКОЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКИЙ КОРПУС	115
БУЮК-ДЭРЭ	118
ПРЕБЫВАНИЕ ДОНСКИХ КАДЕТ В СИМФЕРОПОЛЕ.....	124
ЛАГЕРЬ СТЕРНИЩЕ	128
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 2-ГО ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.....	131
Эвакуация	133
ДОНСКИЕ КАДЕТЫ В БИЛЕЧЕ	138
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЧУЖБИНЕ	139
БИЛЕЧА — ДЕКАБРЬ 1921 ГОД ПО СЕНТЯБРЬ 1926 ГОДА.....	141
ХАБАРОВЦЫ В ДОНСКОМ КОРПУСЕ	150
ЗВЕРИАДА	154
ТРАДИЦИОННОЕ НАЧАЛЬСТВО	155
ПОХОРОНЫ	157
ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРАДЫ	157
ЗВАНИЯ	157
ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИЙ И РЕГАЛИЙ. ПРОИЗВОДСТВО	158
КОРПУСНЫЕ БАЛЫ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ.....	160
ЧАСТЬ IV	163
1926 ГОД. ОТЪЕЗД ИЗ БИЛЕЧИ.....	164
ГОРАЖДЕ, 1926-1933 гг.....	164
БУДНИ КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ	169
КОРПУСНОЙ ПЕРСОНАЛ	174
ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА КОРОЛЕМ АЛЕКСАНДРОМ I.....	179
ПОСЕЩЕНИЕ КОРПУСА ВОЙСКОВЫМ АТАМАНОМ	181
ПАМЯТИ РУССКИХ КАДЕТОВ	182
ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДОНСКОМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА – ГОРАЖДА	183
КОРПУС В ГОРАЖДЕ.....	187
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ ПЕРСОНАЛ.....	190
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДОНСКОМ КОРПУСЕ	196
РАССТРЕЛ ГЕН. НАЗАРОВА И ДРУГИХ	212
СОБЫТИЯ ПОСЛЕ РАССТРЕЛА АТАМАНА НАЗАРОВА.....	214
СЛАВНЫЕ И ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОНЦЫ	215
ОРДЕН СВ. НИКОЛАЯ	218
ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР ДОНСКОГО КОРПУСА.....	221
ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ 1-ой Мировой Войны.....	221
ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ, ПОЛУЧИВШИЕ ЭТОТ ОРДЕН КАДЕТАМИ (список не полный).....	223
СПИСОК ЧИНОВ ПЕРСОНАЛА ДОН. ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТСКОГО КОРПУСА.....	224
ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ.....	226
СПИСОК ВИЦЕ-ВАХМИСТРОВ ДОНСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА (1883 по 1933 г.).....	227
Донской Кадетский Корпус в ЮГОСЛАВИИ	227
СПИСОК КАДЕТ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА.....	228
АЛЕКСАНДРА III КАД. КОРПУСА	228
Объяснение нумерирования выпусков Донского Кадетского Корпуса.....	231
30-вып. Донского Императора Александра III кад. корп. 1918/19 г. Новочеркасск.....	232
31-вып. Донского Кадетского Корпуса 1919/20 г.....	234
32-вып. Дон. Импер. Александра III Кад. Корп. Измаилия (Египет) — 1921 год	235
СПИСОК КАДЕТ БЫВШИХ В ДОН. КОРП. В РАЗНОЕ ВРЕМЯ (с 1920 по 1933 год).....	251
ЧАСТЬ V ПАМЯТИ ЦАРЯ-ОСНОВАТЕЛЯ ДОНСКОГО КОРПУСА АЛЕКСАНДРА III	264
ЖУРНАЛ ДОНСКОГО КОРПУСА «ДОНЕЦ».....	264
ПОСЛЕДНИЙ БАЛ.....	268
НА 90-ЛЕТИЕ Д. И. А. III К. К.....	271
КАДЕТЫ	273
ВОСПОМИНАНИЯ О КАДЕТСКИХ ГОДАХ И О ПОЗДНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ	274
НА 40-ЛЕТИЕ ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III КАДЕТ. КОРПУСА.....	280
НА «ДОБЫЧЕ».....	281
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	283
«ДЫНЯ» (Рассказ друга из жизни донских кадет)	283
НЕДАВНЕЕ, НО ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ.....	291
МЫСЛИ НА ДОСУГЕ.....	292

ГИМНАСТИКА И СОКОЛЬСТВО	294
Я БЫЛ ВАМПИРОМ.....	300
ДОНСКОМУ КОРПУСУ	302
ГРАМОТЕЙ.....	305
ТРИ ВЕРБЛЮДА	305
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ кадета Глеба Грейц	306
ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ.....	314
РОДНОМУ КОРПУСУ.....	315
ЦЕРКОВНАЯ ДРУЖИНА	317
ИГРА «ОТБОЙКА».....	325
ДОНСКИЕ КАДЕТЫ.....	326
ИЗ ПИСЕМ К ИЗДАНИЮ КНИГИ О ДОНСКОМ КОРПУСЕ	328
БЫЛИНА НА КАДЕТСКИЙ ЛАД.....	330
ОТ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ	333